

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ГОСУДАРСТВО
И РЕВОЛЮЦИИ

Шамбаров Валерий Государство и революции

Шамбаров Валерий Евгеньевич
Государство и революции

Аннотация издательства: Книга Валерия Шамбарова "Государство и революции" является логическим продолжением его работы "Белогвардейщина". В ней прослеживается история антисоветской борьбы от победы коммунистического режима до его падения, рассматриваются особенности внутреннего и внешнего положения нашей страны в разные периоды ее жизни. На основе богатого фактического материала в книге по новому, порой под неожиданным углом, освещаются некоторые важные страницы истории XX столетия и предлагается обобщенная модель, позволяющая объяснить закономерности становления социалистической системы и ее эволюции. Анализируя соотношение государственных и революционных, национальных и идеологических, духовных и политических ценностей, автор исследует в этом ключе как события советских лет, так и катастрофы 1990-х, выстраивая их в единую взаимосвязанную картину, и приходит к выводу о начинающихся в настоящее время процессах возрождения Российской державы.

С о д е р ж а н и е

От автора

Вместо пролога. Эхо балканских выстрелов

1. "Пороховая бочка"

2. Детонатор

3. Последствия

Часть первая. Когда рушатся устои

1. Между Западом и Востоком

2. Надлом
3. Обвал
4. Большевики и их база
5. Ленинизм в натуральном виде
6. Вход в преисподнюю
7. Гражданская и мировая
8. Закладка фундамента
9. Пауки в кремлевской банке
10. Мрак сгущается
11. Игры большой политики
12. Система ужаса
13. Система в действии
14. Российский исход
15. Тотальная зачистка
16. Глубины ада

Часть вторая. Свистопляска столетия - красные, коричневые, бело-сине-красные

1. Две России
2. Борьба продолжается
3. Москва-Генуя
4. К мировой революции
5. За кулисами нэпа
6. Время стабилизации
7. Фронт по всему миру
8. Курс на террор
9. Вторая гражданская
10. В бой идут молодые
11. Заклятые друзья
12. Разноцветные двойники
13. Развод по советско-германски
14. Маневры в мировом масштабе
15. От вражды к дружбе
16. От "Совдепии" к Советской державе
17. На войне как на войне
18. Политические зигзаги и закоулки
19. Союзники

20. Точка выбора
  21. Третья гражданская
  22. "Мрак и туман"
  23. Власов и "власовцы"
  24. Война и Зарубежная Россия
  25. Еще раз о Штирлицах и Мюллерах
  26. Дела закулисные
  27. Триумф победителей
  28. Вторая мировая - некоторые итоги
  29. И снова борьба
  30. "Оттепель"
  31. Бунтари, диссиденты, правозащитники
  32. Диссидентство и Россия
  33. Шестидесятники, семидесятники,
восьмидесятники
  34. Непосильные перегрузки
  35. Возвращение триколора
  36. Пробуждение
  37. Август 91-го
- Часть третья. Ростки в будущее
1. Решения и альтернативы
  2. "Русская болезнь" и "американская модель" 540
  3. И опять о "правах человека"
  4. Выход из "мертвой петли"
  5. Слон, которого не заметили
- Библиография

От автора

После выхода в свет в 1996 г. моей книги "Белогвардейщина" об истории Белого Движения многие знакомые и заинтересовавшиеся читатели обращались с вопросами, появится ли и когда ее продолжение,- подразумевая, что это будет исследование о борьбе с коммунизмом в советский период. Признаться, на инерции от предыдущей работы я и сам намеревался заняться таким продолжением и даже прикидывал соответствующее рабочее название

что-нибудь вроде "Антисоветчина". Но тема оказалась намного сложнее, чем виделась изначально.

Во-первых, проявления борьбы с коммунистическим режимом на разных исторических этапах выглядят куда более неоднозначными, чем в гражданскую войну, и "двухцветными" или хотя бы "приблизительно-двухцветными" оценками здесь уже обойтись невозможно. Со временем основные закономерности этого противостояния претерпевали весьма существенные трансформации. Оппозиционные советской власти группировки и течения кардинально отличались в разные периоды не только по формам действий, но и по внутреннему содержанию - целям, задачам, менталитету своих представителей, и выступали носителями совершенно различных исторических и политических тенденций. А в настоящий момент, когда острота противоборства "красные-некрасные" постепенно начинает отходить в прошлое и на первом плане снова начинают появляться общенародные и общегосударственные проблемы, особенно очевидной оказалась несостоятельность крайних оценок десятилетней давности, безоглядно осуждающих все советское и скопом возносящих на щит все антисоветское.

Во-вторых, антикоммунистическая борьба велась, главным образом, на "тайном фронте". И поэтому здесь мы сталкиваемся со значительными информационными проблемами. Об одних фактах документальных следов не осталось, о других они целенаправленно уничтожались, о третьих искажались. А некоторые данные оказываются пропагандистскими уловками или результатами взаимной дезинформации спецслужб и их противников. И при рассмотрении данного вопроса часто приходится руководствоваться обрывочными и неполными сведениями, вплоть до отдельных упоминаний.

В-третьих, тенденции советско-антисоветского противостояния не представляется возможным понять и проследить в отрыве от общего фона положения в СССР и коммунистической политики на том или ином этапе. И международной политики тоже. На внешнеполитическое положение нашей страны в период между мировыми войнами наложила мощный отпечаток сложная специфика советско-германских отношений. А на протяжении всего столетия, и особенно после 1945 г. - специфика взаимоотношений Востока-Запад.

Но стоит коснуться данных вопросов, как добавляются новые крупные проблемы, потому что история, увы, наука не объективная. Причем касается это не только России, где история перекраивалась и перелицовывалась почти после каждого изменения конъюнктуры в верхах - зарубежные исследователи и публицисты объективностью тоже отнюдь не блещут. И те или иные реальные события слишком часто оказываются подмененными на некие исторические штампы, весьма отличающиеся от действительности, иногда внедрявшиеся преднамеренно, в политических и пропагандистских целях, а иногда возникавшие случайно, под влиянием потоков массовой информации. И в итоге, даже если речь идет о фактах, казалось бы, общеизвестных, пришлось порой делать существенные отступления и освещать их заново. Причем отнюдь не из желания вскрыть очередную "тайну истории", так как на самом деле они в свое время никакой тайны не представляли и были действительно хорошо известны, но спустя несколько десятилетий оказались уже искажены и превратно "заштампованы" в общественном сознании.

Пришлось в данной работе вернуться несколько назад - ко временам, которые уже рассматривались в книге "Белогвардейщина". Но там главной темой

оставалась борьба российских патриотов за спасение своей страны, а происходящее в стане большевиков представляло побочную линию, необходимую лишь для наглядного показа, против чего шла эта борьба. Теперь революционная катастрофа потребовала более детального рассмотрения в качестве исходного пункта, без которого невозможно отследить дальнейший исторический путь России. И, кроме того, только такая общая картина позволяет избежать другой крайности, другой "двухцветной" оценки, которая после отрезвления от "демократического" угара начала сейчас проскальзывать не только у коммунистических авторов - оценки, преуменьшающей и сглаживающей масштабы кошмара и подспудно оправдывающей деяния большевиков созданием могучего государства и, соответственно, однозначно осуждающей саму идею какой бы то ни было "антисоветчины".

Вот после таких усложнений и дополнений первоначального замысла и родилась эта книга, охватывающая процессы в нашей стране и вокруг нее от становления коммунистической власти до ее крушения, и того, что за ним последовало. Конечно, многим читателям представленная работа может показаться неполной или однобокой. Но напоминаю, что я вовсе не собирался писать полную историю СССР или тем более мировую историю XX столетия - это сделано уже многократно. Я же попытался рассмотреть лишь некоторые явления этой истории - те, которые, на мой взгляд, оказались не отражены или получили недостаточное освещение в других исследованиях.

Ну а по мере более широкого охвата затрагиваемых вопросов, приобретения работой многоплановости и трансформации ее очертаний, изменилось и название книги - "Государство и революции". С подзаголовком "Россия от падения до возрождения". Причем слово "возрождение" сперва подмывало дополнить

осторожным многоточием и вопросительным знаком. Однако потом решил все же поставить точку. Ведь когда речь идет о России, тут и вера нужна.

Вместо пролога.

Эхо балканских выстрелов

1. "Пороховая бочка"

28 июня 1914 года в Сараево прогремели выстрелы Гаврилы Принципа, оборвавшие жизни наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены Софии Хотек. Пожалуй, их последствия известны достаточно широко - 23. 7. 1914 г. Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии, в частности содержащий требование о проведении расследования на ее территории. А когда Сербия в этом пункте отказала, 29. 7. 1914 начала против нее войну артобстрелом Белграда. В тот же день в защиту Сербии Россия объявила частичную мобилизацию - Киевского, Одесского, Московского и Казанского округов. Германия потребовала остановить ее, угрожая в противном случае начать свою. Франция поддержала Россию, и та 30. 7. 1914 объявила общую мобилизацию. Германия снова, в ультимативной форме, потребовала ее прекращения. И при отказе 1. 8. 1914 г. объявила России войну. 3. 8. 1914 г. она объявила войну Франции, сразу же вторгшись на ее территорию и в нейтральную Бельгию. В ответ на это немцам объявила войну Англия. 6. 8. 1914 г. войну России объявила Австро-Венгрия, а ей, соответственно, Англия и Франция. 15. 8. 1914 г. Япония предъявила претензии на владения Германии в Китае, и, получив отказ, тоже присоединилась к ее противникам. И грянула Первая мировая, унесшая десять миллионов жизней.

Конечно, хорошо известно и то, что само по себе убийство в Сараево было поводом, а не причиной войны. Но поскольку эти выстрелы оказались настолько символическими и как бы дали старт, после которого

"старый добрый мир" прошлого столетия закувыркался в совершенно новое качество, и учитывая, что последствия этого события во многом определили дальнейшую историческую картину XX века, наверное, будет интересно остановиться на нем подробнее. Тем более, что как раз в данном случае мы найдем яркий пример "заштампованности" подлинных фактов искусственными наслоениями. Скажем, обычно остается в тени самое начало цепочки - а почему же, собственно, был предъявлен такой ультиматум Сербии, если Сараево входило в состав самой Австро-Венгрии, а все арестованные исполнители теракта из организации "Млада Босна" - Г. Принцип, Н. Габринович, Т. Грабеч, Д. Илич являлись австрийскими подданными?

Чтобы понять подоплеку сараевской трагедии, следует иметь в виду, что она имела долгую и сложную предысторию. Сербия, входившая в состав Османской империи, после Русско-турецкой войны 1828-29 гг. получила статус автономного княжества. В 1876 г., в период крупного антитурецкого восстания на Балканах это княжество вместе с Черногорией (фактически независимой с 1796 г.) объявило войну Турции. Они были разбиты, и Сербия вновь признала подчинение Стамбулу. Однако Черногория не покорилась, и когда вскоре началась Русско-турецкая война 1877-78 гг., возобновила боевые действия. После первых поражений османских войск и вторжения русских в Болгарию, к ней присоединилась и Сербия.

По условиям Сан-Стефанского мира, последовавшего за разгромом турок, признавалась независимость Сербии, Черногории и Румынии, а также автономия Болгарии, Боснии и Герцеговины. Однако под давлением европейских держав, главным образом Австро-Венгрии и Англии, обеспокоенных усилением России на Балканах, условия этого договора были пересмотрены. В Берлине ими был созван конгресс с

участием России, Франции, Германии, Италии и Турции, и 13. 7. 1878 г. заключен трактат, закрепивший положение балканских государств. Независимость предоставлялась Сербии, Черногории, Румынии и Северной Болгарии, а Австро-Венгрия получила мандат на временное управление территориями со смешанным населением - Боснией и Герцеговиной, формально оставшимися в составе Турции.

В Сербии воцарилась княжеская династия Обреновичей, которые правили страной и раньше, под турецким владычеством. Впрочем, они и на независимое государство перенесли худшие черты средневековой деспотии, разве что могли теперь властвовать бесконтрольно, и ни перед кем не отчитываясь. Любые проявления недовольства и протеста подавлялись самым жесточайшим образом, неугодных казнили без суда и следствия, всюду применялись пытки. А князь Милан Обренович, с 1882 г. носивший титул короля, вытворял все, что душа пожелает, развлекаясь с целым гаремом любовниц, закатывая пиры и праздники, иногда сам инициировал кампании террора - скажем, организуя фиктивные покушения против себя. Следует помнить и то, что однозначными "братьями-славянами" балканские народы были разве что для русских. Друг друга они братьями отнюдь не считали - вскоре после обретения независимости Сербия начала войну против Болгарии и была разгромлена в битве при Сливнице.

Распад Балкан на самостоятельные государства сопровождался и примерно такими же явлениями, какие имели место в 1990-х после распада СССР. С одной стороны, рухнул "железный занавес" отгораживающий их, как часть Османской империи, от Запада - в Сербию хлынули достижения европейской цивилизации, европейские моды, европейские новинки. Но и европейские пороки тоже. А с другой стороны, рухнул централизованный контроль, прежде

державший в узде местных руководителей. И государственную верхушку Сербии захлестнули повальная коррупция, воровство и казнокрадство, которые возглавлял сам король. В результате страна, поначалу пытавшаяся держать нейтральную позицию, лавируя между Россией, Австрией и Турцией, попадала во все большую зависимость от Вены - из австро-венгерских банков один за другим выпрашивались крупные займы. И тоже разворачивались, утекая на личные нужды короля и приближенных.

Скандалы следовали один за другим, и Милан вынужден был отречься от престола в пользу сына Александра. Общего положения это не изменило и ситуации не спасло - до государственных кормушек дорвались еще и родственники новой королевы Драги. В марте 1903 г. в Белграде произошли очередные волнения, и жандармы расстреляли демонстрацию. После этого заговор составил в армии, и 28. 5 случился военный переворот. Также чрезвычайно жестокий - были убиты и Александр с Драгой, и придворные, а по всему Белграду прокатилась резня сторонников Обреновичей. На престол был возведен Петр Карагеоргиевич. Личность незаурядная, храбрый офицер, прошедший несколько войн, он и раньше пытался бороться с Обреновичами, имея права на трон - и по этой причине вынужден был жить в изгнании. Он был прочно связан с Францией, поскольку окончил там Сен-Сирскую академию и сражался под Седаном по время Франко-прусской войны. Был связан и с Россией - оба его сына получили образование и жили в Петербурге. Во внешней политике он взял курс на сближение с этими державами, а во внутренней провел курс либеральных реформ, установив в стране систему весьма умеренной конституционной монархии.

Однако реальными вершителями судеб Сербии стал не он, а военная верхушка, приведшая

Карагеоргиевичей к власти и на этом основании считавшая себя вправе диктовать государственную стратегию. Это были радикальные националисты, занявшие после переворота ключевые посты в силовых структурах и ставившие своей главной целью ни много ни мало восстановление Великой Сербии в границах XIII - XIV в. в. А покровительство России и игра на панславянских лозунгах рассматривались ими как средство для решения этой задачи. Фактически, нити прежнего заговора так и продолжали существовать вокруг нового короля, оттесняя его на роль чисто представительской фигуры. Прерогативы его личной власти были весьма ограничены им же самим в ходе либеральных реформ - многие полномочия он уступил Скупщине (парламенту). А парламентские традиции в стране были еще слишком слабыми, и опереться на Скупщину король тоже не мог. Был, правда, умный премьер Никола Пашич, старавшийся проводить мудрую и взвешенную политику, однако в обстановке повсеместного хозяйничанья заговорщиков и их контроля над государственным аппаратом он вынужден был действовать с оглядкой, реализуя свои решения хитрыми и осторожными ходами. К тому же, король Петр был уже стар и утратил значительную часть былой энергии. Опору своей власти он попытался было найти в лице сына Георгия, но закулисные силы почувствовали опасность и подвели

против него интригу (его огульно обвинили в грубом обращении с камердинером и раздули кампанию протеста), в результате чего принц был отстранен от дел и лишен права наследования. А наследником стал младший сын Александр - молодой, неопытный. И сам сочувствующий идеям заговорщиков.

Большая война могла разразиться гораздо раньше. В 1908 г., воспользовавшись ослаблением России в результате войны с японцами и революции, Австро-

Венгрия решила укрепить свои позиции на Балканах. Возник проект окончательно аннексировать Боснию и Герцоговину и через их территорию провести железную дорогу к Эгейскому морю. Россия в данном вопросе потерпела жестокое дипломатическое поражение - на встрече между министрами иностранных дел А. П. Извольским и графом А. Эренталем, состоявшейся в Бухлау, российский министр допустил грубейшую ошибку, подписав согласие на аннексию, взамен чего он удовлетворился лишь неопределенными обещаниями Эренталя "принять участие" в вопросе о свободном пользовании русским флотом проливами Босфор и Дарданеллы (и разумеется, никаких практических результатов за этими обещаниями не последовало).

А Австро-Венгрия, получив вполне конкретное согласие на свои действия, не преминула этим воспользоваться. И тут же объявила всеобщую мобилизацию Сербия! Хотя уж она-то, в принципе, не имела к этим областям ни малейшего касательства. Ведь номинально они принадлежали не ей, а Турции. А фактически, находились под управлением Австрии уже в течение тридцати лет. И жители Боснии и Герцеговины против окончательного присоединения отнюдь не выступали - они прожили эти тридцать лет уж во всяком случае не хуже, чем сербы под Обреновичами. Но дело в том, что белградские радикалы сами имели виды на Боснию с Герцоговиной, и австрийская аннексия ударила по их планам. Однако в тот момент было ясно, что Россия, недавно разбитая японцами, да еще и столь глупо санкционировавшая приобретение Вены, никак не сможет поддержать сербов - и боевые действия не начались.

Зато взамен этой войны, явной, активно развернулась другая - тайная. Балканский регион стал полем активной подрывной деятельности сербских спецслужб, всеми силами пытавшихся

дестабилизировать обстановку. Эти службы тоже возникли на базе бывших заговорщических организаций, поэтому имели и наработанный опыт конспирации, и профессиональные навыки подпольной борьбы. Пользуясь своим неограниченным влиянием в государстве, они протаскивали субсидии через Скупщину и получали их почти беспрепятственно. На эти средства повсюду возникала густая сеть подконтрольных им организаций "Народна Одбрана", "Уеднение или смрт", "Черная рука", "Белая рука", "Млада Босна" и др. Из Сербии осуществлялось руководство македонскими повстанцами-комитаджами, ее спецслужбы по всем балканским странам создавали легальные издания, культурные и спортивные общества, выступавшие "крышами" для террористических, пропагандистских и агентурных структур. Существовали прочные рабочие контакты с болгарскими и русскими революционерами, в основном, тоже террористического толка - эсерами, анархистами. И пошло... 15. 7. 1910 г. в Сараево сербский студент Б. Жераич стрелял в австрийского губернатора Боснии генерала Верешанина, промахнулся и покончил с собой. Не единожды готовились покушения на болгарского царя Фердинанда. Вовсю расцветали и распространялись различные заговоры.

В 1911 г. разыгралась война Италии и Турции за африканские владения Османской империи. Турки ее проиграли и вынуждены были заключить Лозаннский договор, уступающий итальянцам Ливию. Но прямо в день заключения этого договора, 9. 10. 1912 г., наглядно убедившись в слабости Турции, против нее начали войну страны Балканского союза - Сербия, Болгария, Греция и Черногория. Кстати, начали вопреки политике России. Нота российского министра иностранных дел Сазонова, переданная в Белград,

гласила: "Категорически предупреждаем Сербию, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой...".

Но горячие головы это ничуть не охладило - они сочли, что и сами справятся. Громя турок, захватили у них. Македонию, Фракию, Эпир, часть Албании. И мир снова оказался на грани большой войны. И Австрия, и Италия, обеспокоенные развитием конфликта, готового перекинуться на зависимые от них территории, уже разворачивали на границах армии, готовые вмешаться. Но по инициативе России в Лондоне удалось созвать международную конференцию для мирного урегулирования кризиса. По ее решениям Турция теряла почти все европейские владения, получала независимость Албания. Однако едва лишь дошло до раздела территориальных приобретений между победителями, как они сами передрались между собой. 29. 6. 1913 г. Сербия, Греция и Черногория набросились на Болгарию, захватившую больше других. К ним тут же присоединилась Румыния и даже недавняя противница Турция. За какой-нибудь месяц Болгария была разгромлена и капитулировала, уступив по Бухарестскому договору румынам - Южную Добруджу, грекам - Южную Македонию и часть Фракии, сербам - Северную Македонию.

В итоге двух Балканских войн главный территориальный выигрыш достался Сербии. Но это лишь разожгло аппетиты экстремистов, увидевших в победах и прирезанных землях новую благоприятную предпосылку к созданию "Великой Сербии". Их амбиции раздувались всеми средствами пропаганды, возводясь в ранг национальной идеи. Да и международная обстановка постепенно менялась в пользу осуществления этих проектов. С одной стороны, росли и накапливались противоречия между францужско-российской и германо-австрийской коалициями. С другой, Франция вкладывала все большие средства в

сербскую промышленность, банки и вооружение - стараясь распространить на страну свое влияние, но одновременно и сама привязываясь к ней собственными инвестициями. С третьей - Россия отходила от шока дальневосточных поражений и восстанавливала военный потенциал...

И вот летом 1914 г. Австро-Венгрия запланировала маневры своих войск в Боснии, инспектировать которые должен был сам главнокомандующий и наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Сербия немедленно подняла шум, что под видом маневров готовится агрессия против нее. Что, разумеется, не соответствовало действительности. Это были обычные летние учение частей местных гарнизонов, никакой повышенной концентрации войск там не наблюдалось, поэтому ни одну из великих держав сами по себе маневры ничуть не обеспокоили. Но для взвинчивания настроений внутри собственной страны и мобилизации подведомственной спецслужбам сети тайных организаций подобная версия сгодилась. А 15. 6. 1914 г. в Белграде вдруг произошел еще один переворот - военная клика вынудила умеренного Петра отречься от престола в пользу своего ставленника Александра. И меньше чем через две недели грянул теракт в Сараево...

2. Детонатор

Мишень для покушения была выбрана отнюдь не случайно. Ведь Боснию посещали и другие высокопоставленные лица Австро-Венгрии, например в 1910 г. - сам император Франц Иосиф. Однако даже на него столь масштабной и целенаправленной охоты не велось. Почему? Как ни удивительно на первый взгляд, но Франц Фердинанд стал жертвой убийц во многом из-за того, что считался в империи главой... прославянской партии.

Да, многонациональную Австро-Венгрию называли иногда "тюрьмой народов". (Как, кстати, и многонациональную Россию. И называли, естественно, заведомые недоброжелатели. Ведь никто почему-то не называл "тюрьмами народов" Британскую империю, Францию или США. Хотя надо думать, киргизу или эстонцу в России, чеху или хорвату в Австро-Венгрии, жилось не в пример лучше, чем индусу и бушмену под владычеством Англии, алжирцу и вьетнамцу под владычеством Франции, не говоря уж об американских индейцах). Но как бы то ни было, полными политическими правами в этом государстве пользовались лишь два народа, австрийцы и венгры, имевшие собственные правительства и парламенты под эгидой единого императора, из-за чего прочие нации оказывались в ущемленном положении.

Франц Фердинанд был умным человеком, хорошо понимал, насколько подобное положение ослабляет империю, насколько внутренние трения и напряжения делают ее уязвимой для внешних ударов. Он вынашивал программу радикальных реформ в национальном вопросе и реорганизации дуалистической монархии в триалистическую "Австро-Венгро-Славию", где получили бы равные гражданские права и славянские народы - хорваты, чехи, поляки и др. Впрочем, наверняка это объяснялось не только холодным политическим расчетом, как почему-то привыкли изображать многие исследователи. Его позиция по славянскому вопросу явно определялась и вполне обычными, искренними человеческими чувствами. Ведь он и женат был на славянке - София Хотек была чешкой по национальности, из-за чего эрцгерцог имел немало жестоких конфликтов с родней. Император Франц Иосиф даже пытался упечь ее в монастырь. Запускались всевозможные слухи и сплетни, плелись придворные интриги, и после всех потуг

расстроить этот альянс был разрешен только морганатический брак. Но любовь оказалась сильнее, и преграды, которые пришлось преодолеть, сделали их узы только прочнее. Не в пример царившему в высших кругах разврату, они жили душа в душу, дружной и прочной семьей, имели трех детей.

Франц Фердинанд и в других отношениях проявлял себя незаурядной личностью. В русских газетах о нем писалось: "Он терпеть не может азартных игр, не любит официальных приемов, презирает банкетные речи, которые ненавидит больше всего".

Зато был очень любознательным и высококультурным человеком. Он много путешествовал, объехав почти все страны мира, очень любил ходить по музеям и слыл великолепным специалистом в области истории. По внутреннему складу романтический мечтатель, а по службе умел быть заботливым и внимательным начальником, лично вникая в каждую мелочь. Что, кстати, было совершенно не характерно для большинства австро-венгерских офицеров, а уж тем более знати - в их среде господствовало пренебрежительно-барское отношение к своим обязанностям и нуждам подчиненных. Поэтому поведение эрцгерцога вызывало порой и удивление, и пересуды - например, при посещении броненосца он считал своим долгом лично облазить все отсеки вплоть до трюмов и кочегарок, а при посещении воинской части сам проверял, достаточно ли удобны солдатские матрацы и не брезговал пробовать пищу рядового состава.

Наследником престола он стал в двадцатидевятилетнем возрасте, в 1896 г., когда умер его отец эрцгерцог Карл Людвиг - брат императора, считавшийся наследником до этого. В 1898 г. Франц Иосиф разделил с племянником верховное командование вооруженными силами. И постепенно

Франц Фердинанд начал набирать все больший политический вес, подменяя престарелого императора в делах практического управления. И при таких личных качествах эрцгерцога было вполне вероятно, что, заняв престол, он и в самом деле сумеет оживить и укрепить империю, энергичными реформами влить в нее новую жизнь, а в том числе ликвидирует и национальное неравенство путем реализации своей идеи об "Австро-Венгро-Славии". Казалось бы, что еще надо для поборников славянских интересов? Да только вот улучшение и упрочение положения славян в составе Австро-Венгрии совершенно не устраивало белградских радикалов. Ведь по планам этих радикалов, единственной защитницей прав всех южных славян и выразительницей их национальных чаяний предполагалась "Великая Сербия". Но кому будет вообще интересна подобная идея, если надежды на равноправие увяжутся с наследником престола, а все трения уладятся мирным путем? Учитывая и то, что с материальной точки зрения Австро-Венгрия наверняка сможет обеспечить своим подданным более богатое и благополучное существование, чем полувоеннизированная Сербия? И судьба эрцгерцога была решена.

Историческое осмысление событий в Сараево началось тогда, когда Австро-Венгрии уже не существовало, и велось, в основном, ее противниками. Поэтому еще с Мировой войны и с шуточек Гашека привилась нелепая и, с документальной точки зрения, совершенно неоправданная традиция изображать фигуру Франца Фердинанда лишь бездушными и часто карикатурными штампами. На самом деле он этого отнюдь не заслужил. Даже если не учитывать всего изложенного выше, в ходе самих трагических событий он проявил и заслуживающее глубокого уважения гражданское мужество, и личный героизм. Где-то

произошла утечка информации о готовящемся покушении, и накануне визита в Боснию он получил несколько предупреждений. Далеко не все политические силы Белграда сочувствовали заговорщикам - например, премьер-министр Пашич. Он известил верного ему сербского посланника в Вене Иовановича, и тот при встрече с австрийским министром Леоном Билинским намеками дал понять, что в Сараево эрцгерцогу может угрожать опасность. Очевидно, подобные сведения дошли и до МИД России от посла в Белграде Н. Г. Гартвига. Во время визита министра иностранных дел Сазонова в Румынию он там вдруг задал вопрос министру Братиану: "Что произойдет, если Франц Фердинанд будет убит?"

Для сферы высокой дипломатии яснее и быть не может. Открытым текстом. Кстати, из факта огласки видно и то, что Россия стремилась предотвратить инцидент.

Тем не менее, эрцгерцог не отказался от запланированной поездки и встречи с населением Сараево - ведь кроме инспектирования маневров, мероприятие носило важнейший внутривнутриполитический характер. Франц Фердинанд ехал как раз к тем подданным, права которых отстаивал и с которыми надеялся найти пути сближения. По прибытии в Боснию эрцгерцог с женой остановились в курортном местечке Илидже и сначала посетили Сараево инкогнито, приехав туда 25. 6. По своему обыкновению, Франц Фердинанд хотел беспрепятственно познакомиться с бытом подданных, составить непредвзятое впечатление об их нуждах и настроениях. Супруги ходили по улицам, базарам, общались с горожанами. Их инкогнито очень быстро было раскрыто - конечно же, эрцгерцога сразу узнавали, благодаря портретам, растиражированным местными газетами перед визитом. Тем не менее, при этом не было ни единого антагонистического выпада,

ни единой акции протеста или проявления вражды всюду наследника и его жену встречали радушно и доброжелательно, как дорогих гостей.

А официальный визит был назначен на 28 июня - по окончании пресловутых маневров, которые таким образом уже заведомо не вылились ни в какую агрессию или вооруженную провокацию. Задачу террористов облегчили несколько факторов. Поскольку все население искренне желало увидеть и поприветствовать наследника, в газетах был опубликован маршрут его следования по городу и места, которые он должен посетить: ратуша, музей, арсенал - и убийцы расставили на этом пути несколько постов. А присланные из Вены полицейские агенты, в задачу которых входила негласная охрана эрцгерцога, растерялись в незнакомой обстановке "восточного" города и были затерты в толпах ликующих граждан, заполонивших улицы.

Кортеж состоял из четырех открытых автомобилей. Супруги ехали во втором. Простой люд встречал их откровенным, порой патриархально-наивным восторгом, забрасывал цветами. Но когда машины двигались по набережной Аппель, террорист Н. Габринович кинул бомбу, замаскированную в одном из букетов. Франц Фердинанд в последнее мгновение успел заметить неладное - от летящего букета шел дым. И вскочив, сам отбил метательный снаряд в сторону. Взрыв громыхнул под следующей, третьей машиной, где ехали придворные. Заряд был мощным, исковеркав автомобиль и вырыв на мостовой глубокую воронку. В окрестных домах повывлетали стекла и прогнулись металлические жалюзи закрытых витрин. К тому же, для повышения убойной силы террористы обвязали бомбы "сечкой" из проволоки и гвоздей. Было много пострадавших - и среди придворных, и в толпе горожан, а один из осколков задел жену эрцгерцога, хотя на этот

раз пощадил ее, оставив лишь царапину. Габринович пытался скрыться, прыгнув в реку, однако его поймали - и не полиция, а сами возмущенные граждане, кинувшиеся в погоню.

А Франц Фердинанд даже после всего случившегося не счел для себя допустимым прятаться от собственного народа! Тем более что народ тоже не расходился! Теперь толпы выражали еще большее ликование - по поводу чудесного спасения наследника... Он некоторое время задержался на месте покушения, позаботившись о пострадавших и лично распоряжаясь насчет оказания им помощи. А потом проследовал в ратушу, где состоялась запланированная церемония встречи с городскими властями, хотя и в сокращенном варианте. По свидетельствам современников, эрцгерцог и его жена во время приема были очень бледными от пережитого, но держались с большим достоинством и хладнокровием.

Франца Фердинанда убеждали прервать поездку по городу, некоторые начальники шли еще дальше, предлагая силами полиции очистить улицы от народа. Эрцгерцог это с возмущением отверг, сказав: "Не делайте меня смешным. Я ведь приехал сюда, чтобы люди меня видели".

Разумеется, другие запланированные мероприятия отпали, но покинуть Сараево он согласился лишь после того, как заедет в госпиталь и навестит пострадавших. То есть, маршрут изменился. Но... наложилась трагическая случайность. Шофера головной машины предупредить об этом забыли. И двигаясь в обратную сторону по набережной Аппель, он, как и предполагалось раньше, свернул на улицу Франца Иосифа. А за ним чисто автоматически свернул и второй автомобиль. Ехавший в нем с эрцгерцогом боснийский губернатор генерал Потioreк заметил ошибку и накинулся на шофера с требованием вернуться назад.

Тот затормозил и стал разворачиваться, что было сделать нелегко - в узком проулке пришлось въезжать на тротуар, заполненный множеством публики.

И застрывшая машина стала легкой мишенью дежурившего здесь Гаврилы Принципа. Бомба у него тоже была, но в суматохе и горячке он не успел ею воспользоваться, однако и револьвера оказалось достаточно. Он стрелял в упор, и две первых пули достались Софии Хотек. А третья попала в эрцгерцога, подхватившего и обнявшего раненную жену. Последние его слова были тоже обращены к ней: "Софи, ты обязана жить ради наших детей..." Были немедленно созваны все лучшие городские врачи, однако сделать они уже ничего не смогли. Скончались супруги почти одновременно, с интервалом в несколько минут. Кстати, а дети их, о которых вспомнил перед смертью Франц Фердинанд, погибли позже, при гитлеровском режиме в концлагере Маутхаузен.

Вслед за схваченными на месте преступления Габриновичем и Принципом были по горячим следам выявлены и арестованы другие участники их террористической группы - Т. Грабеч и Д. Илич. И следствие сразу доказало, что они не были одиночками, а подготовка теракта осуществлялась и руководилась спецслужбами Сербии. Перед покушением Габринович, Принцип и Грабеч провели несколько месяцев в Белграде. Тренировку в стрельбе проходили в тире королевского парка Топчидер. Они получили секретную аудиенцию у принца Александра, который вскоре, как раз перед сараевскими событиями, занял престол в результате переворота. Револьверы и бомбы им были выданы из государственного арсенала в Крагуеваце. Кроме того, сербская разведка снабдила каждого ампулой с цианистым калием (ее попытался воспользоваться только Принцип, но его вырвало). А в ночь на 2. 6 они нелегально перешли границу - что

опять же могло осуществиться только при содействии официальных властей, так как в связи с австрийскими маневрами сербская сторона закрыла границу и усилила ее охрану.

Любопытно, какими факторами руководствовались спецслужбы, подбирая боевиков. Д. Илич был убежденным и фанатичным социалистом, увлекался идеями русских народовольцев и покушение рассматривал с точки зрения не столько национальной, как классовой борьбы. А непосредственных исполнителей вербовали из лиц, заведомо не достигших двадцати лет - по австрийским законам несовершеннолетних и не подлежащих смертной казни. Ну а надежда выйти из заключения подпитывалась верой в успех будущей войны. Кроме того, Г. Принцип был серьезно болен чахоткой, и терять ему, собственно, было нечего. Он мечтал лишь о возможности погибнуть за какое-нибудь "великое дело", и эта жертвенная экзальтация доходила у него до форм, граничащих с патологией - например, он несколько ночей подряд ходил на кладбище и спал на могиле террориста-самоубийцы Жераича, впадая там в состояние экстаза и "общаясь с его духом".

Все участники и соучастники преступления плохо кончили. Илич, единственный совершеннолетний подсудимый, был расстрелян. Принцип, Габринович и Грабеч, как и предполагалось организаторами, получили пожизненное заключение. Но до победы в войне никто из них не дожил. Содержали их соответственно совершенному преступлению - в полной изоляции, в одиночных камерах тюрьмы Терезиенштадт, где они и угасли один за другим от болезней, скудного питания (во всей Австро-Венгрии к концу войны царил голод), тоски и безнадежности - последние их моральные силы подорвали разгром и оккупация Сербии. Их руководители из сербских

силовых структур частью погибли на фронтах, частью были репрессированы в 1916-1917 г. г., когда они попытались реализовать очередной заговор "Черной руки" - теперь против посаженного ими на престол Александра. А сам Александр пожинал плоды победы и властвовал до 1934 г., когда при визите в Марсель был застрелен хорватским террористом. Словно эхом выстрелов в Сараево, откликнувшись через двадцать лет...

Связь участников покушения на Франца Фердинанда с сербской военной верхушкой получила многочисленные подтверждения. Она была доказана на Сараевском процессе над убийцами. А во время войны при оккупации Белграда в руки австрийцев попали все секретные архивы Сербии, полностью подтверждающие ее виновность в этой аванюре. Впоследствии признали такую связь и сами сербы - после войны, в 1920 г., непосредственные участники теракта были возведены в ранг "национальных героев", их останки были торжественно, с воинскими почестями перезахоронены в Сараево. А уже во времена правления Тито, в 1953 г., здесь открылся мемориальный музей "Млада Босна", посвященный террористам. Было официально признано руководство ими со стороны сербских спецслужб, и ранга "национальных героев" удостоились вдохновители и организаторы провокации из военных и разведывательных ведомств - Р. Путник, Д. Дмитриевич, В. Танкосич и др., а их деятельность была объявлена "полезной для освобождения балканских народов".

Таким образом получается, что в своих претензиях к Сербии, приведших к началу войны, Австро-Венгрия была... права? И если разобраться в фактах объективно, то ее требования никак нельзя считать "оскорбительными" или "унизительными". Ведь в литературе, посвященной данным событиям, частенько опускается еще один многозначительный факт:

поначалу Вена несколько раз обращалась к Белграду, чтобы расследование об организации теракта и наказание виновных было произведено сербскими властями. И лишь убедившись, что этого сделано не будет, что подлинные заказчики и организаторы политического убийства останутся безнаказанными, почти через месяц после преступления выдвинула известный ультиматум - с пресловутым пунктом о предоставлении самой Австро-Венгрии права розыска и наказания виновных на сербской территории. Что и было представлено мировой общественности как грубое попрание государственного суверенитета Сербии, со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Дополнительно обращает на себя внимание ныне подзабытое событие, в 1914 г. наделавшее немало шума. 10. 7 российский посол в Белграде Н. Г. Гартвиг посетил австрийского посла барона Гизля. А вернувшись к себе после ужина и состоявшейся беседы, скоропостижно скончался. Тут же весь Белград заговорил о том, что Гизль отравил Гартвига, и его похороны вылились в мощную антиавстрийскую демонстрацию - на них пришло 80 тыс. чел. Эту же версию повторяют порой и современные собиратели старых сплетен, вроде В. Пикуля. Но чтобы понять всю абсурдность подобных обвинений, наверное, достаточно всего лишь попробовать наглядно представить такую картину: в XX в. респектабельный посол великой державы, опасливо озираясь, сыплет яд в бокал посла другой великой державы... Простите, это скорее сцена из дешевой балаганной драмы или иллюстрация нравов времен Екатерины Медичи.

Разумеется, поверить такому могло только темное сербское простонародье (в Петербурге, конечно же, не поверили). Но если даже не принимать в расчет вероятность инфаркта или инсульта после встречи - наверняка напряженной и нелегкой в такой

взвинченной обстановке - и рассмотреть гипотезу насильственной смерти, то устранение Гартвига было бы гораздо выгоднее тем силам, которые желали посильнее вбить клин между Австрией и Россией. Кроме того, он считался крупнейшим специалистом по балканским вопросам и местным политическим хитросплетениям. А в Белграде он составлял своеобразный дуэт с премьером Пашичем - именно опираясь на авторитет и поддержку русского посла, премьеру кое-как удавалось реализовывать свою умеренную политику, преодолевая все козни. А Гартвиг, поддерживая Пашича, тем самым утверждал и политику России в этом регионе. Как мы видели, и тот, и другой были противниками экстремального развития событий, и каждый по своей линии предпринимал попытки предотвратить катастрофу.

Откуда можно заключить, что смерть посла была в первую очередь выгодна тем же заговорщикам, чтобы с одной стороны, в критический момент лишить мощной опоры своих "умеренных" оппонентов, а с другой - лишить Петербург столь компетентного источника объективной информации и эксперта в местных делах. С технической точки зрения подобная акция труда не составила бы агентурой белградских спецслужб были напичканы и австрийское, и российское посольства. Но это, повторяю, всего лишь гипотеза.

3. Последствия

Сейчас, пожалуй, является уже общепризнанным, что в Первой мировой невиновных сторон не было. Обе коалиции давно готовились к войне, обе рано или поздно предполагали ее вероятность, а то и неизбежность. И не будь трагедии в Сараево, наверняка со временем отыскался бы и другой предлог. Ведь по опыту XIX в. и Антанта, и Центральные Державы наивно верили в то, что накопившиеся между ними территориальные и экономические противоречия

возможно решить оружием, причем быстро и с допустимыми потерями - и Франция, и Англия, и Россия, и Германия прогнозировали продолжительность боевых действий в ... шесть месяцев. Однако никто не учел, что достижения научно-технической революции в военной области напрочь перечеркнули эти прогнозы, придав войне затяжной позиционный характер и формы массовой бойни. Изобретение пулеметов, колючей проволоки, развитие артиллерии сделали прорыв обороны исключительно трудным и кровопролитным делом! Появление авиации привело к невозможности скрытного сосредоточения войск для удара. Радио позволяло быстро оповещать об изменениях обстановки и немедленно реагировать на них. А появление отравляющих газов и крупнокалиберных снарядов вело к огромным потерям даже в глухой обороне. И в результате любой материальный и политический выигрыш оказывался ничтожным по сравнению с понесенными потерями и затратами.

Да, сербский народ в этой войне проявил чудеса героизма. Пожалуй, в истории XX столетия можно назвать лишь два случая добровольной всеобщей мобилизации от мальчишек до старцев - в гражданскую, у русских казаков, и в Первую мировую у сербов. Дважды им удавалось громить и отбрасывать австро-венгерские армии. Но народные страдания были неисчислимыми, дороги были забиты беженцами, по обочинам валялись больные и умирающие. Согласно статистике, только за первый год войны от голода и тифа в Сербии погибло 130 тыс. чел. Это не считая боевых потерь. А в 1915 г. на помощь австрийцам был переброшен германский корпус Макензена, на стороне противников выступила Болгария, которой сербы так насолили в 1913 г., и началось третье наступление. Его измученная и разоренная страна уже не выдержала. Фронт рухнул, и начался трагический исход 250 тыс.

сербов в Черногорию и Албанию. Возглавлял шествие сам старый король Петр, шагавший пешком, с посохом в руках, в крестьянских опанках и солдатской шинели, а за ним нескончаемыми потоками тащились смешавшиеся остатки армии, крестьяне, горожане. Множество людей замерзло в зимних горах, погибло от голода и истощения, устилая дороги десятками тысяч трупов. Тысячи умирали, уже добравшись до берегов моря, пока ждали союзной продовольственной помощи и эвакуации. После долгих мытарств уцелевшие были вывезены на о. Корфу, откуда способных носить оружие перебрасывали в Грецию, на Салоникский фронт...

Очень и очень дорогую цену заплатили сербы за авантюру своих заговорщиков. Но разве могли организаторы акции в Сараево не знать, к чему она приведет? Разве могли не представлять последствий для населения? Разве могли не учитывать, что партия войны в Австро-Венгрии тоже ждала лишь повода для удара? И разве могли серьезно предполагать, что даже при всеобщем патриотическом энтузиазме их страна способна выдержать противоборство с могучей развитой державой и ее союзниками? Нет. Они хорошо понимали, к каким жертвам это может привести, но шли на них вполне сознательно - и именно в расчете на развязывание большой войны для решения собственных геополитических целей. Трезво учли нарастающее противостояние Антанты и Центральных Держав и азартно заложились на вмешательство своего главного инвестора Франции и, конечно же, "братской" России. Которую, кстати, "забыли" об этом спросить, а просто поставили перед фактом. Потому что Россия меньше других государств была готова к общеевропейской войне и меньше других желала ее, наученная недавним опытом Русско-японской. Но получилось так, что "младшие братья" все решили за нее.

И выиграли! Ведь по сути, их план полностью удался - после победы и распада Австро-Венгрии Сербия получила почти все, на что распространялись претензии великодержавников: Хорватию, Словению, Боснию, Герцеговину, закрепила прихваченную ранее Македонию, смогла подмять под себя союзную Черногорию. И в 1918 г. в лице Королевства СХС (сербов-хорват-словенцев), с 1929 г. ставшего называться Югославией, реализовалась та самая идея "Великой Сербии", ради которой все затевалось.

Но с другой стороны, спрашивается, а с чего бы это великие мировые державы так расщедрились? В ходе всей войны они союзников-сербов и в грош не ставили. В критический период 1915 г. реальную помощь предоставляла только Россия, которой и самой в этот момент приходилось весьма туго. Попытки спасения Сербии были слабенькими, больше символическими. Союзная Салоникская армия предприняла было наступление на станцию Вране, чтобы расчистить дорогу к сербам и соединиться с ними, но вялое и нерешительное. А, получив отпор, сразу откатились назад, хотя Вране занимали болгары, вооруженные гораздо хуже австрийцев и немцев, да и сражавшиеся неохотно. После исхода массы беженцев на морское побережье Албании многие погибли там от голода, не дождавшись союзных судов - только из-за того, что ни Англия, ни Италия не хотели рисковать кораблями, опасаясь австрийского флота. Италия вообще отказалась принять беженцев. Великобритания соглашалась, но лишь с условием, если вывезенные сербы будут использоваться для защиты ее владений в зоне Суэцкого канала. А когда эвакуированные и переформированные сербские войска очутились на Салоникском фронте, их держали там в черном теле, на положении людей "второго сорта". Экономили на выдаваемом оружии, боеприпасах, продовольствии,

медикаментах, офицеров не считали нужным допускать на свои штабные совещания и знакомить с обстановкой, а солдатам вообще запрещали появляться в общественных местах, в отличие от англичан или французов.

И вдруг после победы при дележке доставшихся приобретений Сербия получает больше всех - ее территория увеличивается более чем в шесть раз, с 48 до 296 тыс. кв. км! И получает, естественно, не по собственной прихоти, а по милости тех же самых великих держав - как первая жертва агрессии, в вознаграждение понесенного ею огромного ущерба и в дань уважения к ее героизму, который еще недавно был всем до лампочки.

А все дело в том, что политические и пропагандистские схемы "двойных стандартов" существовали уже тогда. Официальная история писалась победителями. Которые вступили в войну из собственных корыстных интересов но теперь им требовалось представить себя защитниками "невинной жертвы". Тогда ведь и война с их стороны будет выглядеть справедливой, а все потери - оправданными с точки зрения высшей морали. Да и выдвигать требования к побежденным с данной позиции оказалось намного удобнее - это будет уже не грабеж более слабой стороны, а законное наказание "виновных". Вот и осыпали Сербию "подарками", создавая и раздувая вокруг нее имидж объекта "неспровоцированной агрессии". По этой же причине тщательно затушевывалась правда об убийстве Франца Фердинанда, благо, почти никого из участников уже не осталось в живых. Осенью 1918 г., сразу после падения Австро-Венгрии, при таинственных обстоятельствах исчезли протоколы Сараевского процесса над террористами. А в 1919 г., после подписания Версальского договора, австрийцы вернули сербам их

архивы, захваченные в Белграде. Катер, на котором их перевозили по Дунаю, тоже исчез вместе со всеми архивами, не придя к месту назначения.

А в историческую, публицистическую, художественную литературу стараниями держав-победительниц была внедрена версия об акции "одинок" из угнетенного национального меньшинства, которая, дескать, стала для агрессора только предлогом к нападению на слабую Сербию. Заодно, именно в рамках данной линии, внедрялась и традиция сугубо негативного изображения личности убитого Франца Фердинанда. Такого, чтобы даже сентиментальный западный читатель не счел нужным его жалеть.

Разумеется, подлинная подоплека преступления, успевшая в Австро-Венгрии получить столь широкую огласку, не могла быть тайной, то и дело просачиваясь наружу. А со временем и прежние причины к сокрытию истины отпали - как уже говорилось, после Второй мировой войны Югославия признала и одобрила террористическую деятельность сербских спецслужб. Наконец-то даже в канву учебной литературы стали попадать настоящие обстоятельства дела, например: "Убийца - 19-летний студент Гаврила Принцип - был схвачен на месте. Он оказался членом тайной организации, борющейся за присоединение Боснии к Сербии. Членами этой организации были и высокопоставленные офицеры сербской армии" (А. А. Кредер, "Новейшая история зарубежных стран", М., 1998).

Но исторические версии - штука прочная. Поэтому в этой же работе мы найдем, что "император Австро-Венгрии Франц Иосиф счел сараевское убийство удобным поводом для разгрома Сербии... Австрийцы предъявили Сербии ультиматум с такими требованиями,

которые, как им казалось, делали его принятие невозможным, а войну - неизбежной".

Ну, разумеется, если сделать одну поправочку: принятие подобного ультиматума не "казалось" невозможным. Оно заведомо было невозможным. Хотя бы по той причине, что эти "высокопоставленные офицеры" фактически стояли во главе государства, определяли его политику, превратили его в рассадник терроризма, и сами сознательно стремились сделать войну "неизбежной". А в большинстве учебников, научных трудов, публицистических исследований вообще до сих пор преобладает описание событий, созданное пропагандой 1920-х. Ведь в новые книги материал перекачивает из старых, а новые авторы черпают факты и их объяснения из работ признанных авторитетов того времени. Которые в данном случае отработывали вполне конкретный политический заказ.

Если же считать, что своего рода "эхом" балканских выстрелов стала не только разразившаяся Мировая война, но и ее последствия, то окажется, что кое-где отголоски этого "эха" перекачиваются до сих пор. Например, коснувшись создания на базе Сербии королевства СХС, мы уже затронули гораздо более широкую проблему, аукнувшуюся по всему миру. Дело в том, что в результате крушения одного из блоков, схлестнувшихся в войне, а заодно еще и России, в международных отношениях создалась весьма редкая ситуация сходная с той, что сложилась лишь 70 лет спустя, после крушения социалистического лагеря и распада СССР. Мир стал вдруг однополярным. На какое-то время странам Антанты оказалось некому противостоять - точно так же, как странам НАТО в 1990-х. И точно так же они рьяно принялись перестраивать мир по-своему. Причем отдадим должное - не всегда руководствуясь мотивами личной корысти, а иногда, казалось бы, исходя из очевидных соображений

справедливости и морали. Но тем не менее, везде подобное вмешательство рано или поздно вылезло боком.

Потому что великие державы, естественно, основывались только на собственных понятиях морали и справедливости и собственной субъективной логике, без учета национальных, культурных, исторических особенностей и прочих подобных "мелочей". В итоге, после Первой мировой ни одна попытка силового регулирования международной обстановки не пошла на пользу ни подопечным великих держав, ни им самим. Так, Османская империя по Мудросскому и Севрскому договорам вообще подлежала расчленению. Она ведь тоже считалась "тюрьмой народов", завоеванных силой оружия еще во времена оны, да еще и запятнала себя таким чудовищным преступлением, как армянский геноцид 1915 г., когда было уничтожено 2 миллиона человек. Так что политика в ее отношении выглядела, вроде бы, вполне "справедливой". Из состава империи вычленились самостоятельные Ирак, Палестина, Трансиордания, переходившие под мандат управления Великобритании, Сирия и Ливан - под мандатом Франции. А сама Турция разделялась пополам по реке Кызыл Ирмак. На восток от нее должно было образоваться армянское государство, включающее нынешнюю Армению и Восточную Анатолию, а на запад устанавливались зоны союзного контроля Франции, Италии, Греции и Великобритании. Вводился "режим капитуляций", фактически лишавший Турцию государственного и национального суверенитета - она попадала под международный политический, финансовый и военный контроль, иностранцы получали на ее территории экономические и юридические привилегии.

Что же из этого вышло? Искусственное проведение границы между Турцией и Ираком создало курдскую

проблему. Раздел прежде единого в культурном и экономическом плане Восточного Средиземноморья между Англией и Францией на их мелкие подмандатные зоны, закрепившиеся впоследствии в государственных образованиях, явился одной из предпосылок сложности и запутанности ближневосточной ситуации. А само правление иностранцев стало причиной мощных и кровопролитных национальных восстаний - Иракского в 1920 г., Сирийского в 1925-1927 гг. Причем с материальной точки зрения под "цивилизованной" властью французов и англичан местному населению вряд ли жилось хуже, чем "под гнетом" османских наместников и чиновников. Но с точки зрения менталитета, стереотипов поведения, исторических и религиозных традиций они оказались здесь куда более "чужими", чем "свои", мусульманские правители. И такая неучтенная "мелочь" вылилась в грандиозные трагедии.

В Турции это высокомерное пренебрежение местными особенностями откликнулось еще похлеще. Разделение страны и режим капитуляций вызвал взрыв сильнейшего национального оскорбления. Народ сплотился вокруг популярного военачальника Мустафы Кемалю и начал беспощадную борьбу как против оккупационных войск держав-победительниц, так и против собственных султанских властей, принявших унижительные условия мира. И если в ходе Первой мировой турецкие войска сражались плохо и вяло, их без особого труда громили на всех фронтах - из чего Антанта и сделала вывод о возможности совсем списать эту страну со счетов, то теперь на волне патриотического энтузиазма неожиданно для победителей вдруг возродились лучшие боевые качества былых потрясателей Европы. Турки дрались, как львы, одолевая прекрасно вооруженные дивизии противника, и в 1923 г. завершили войну триумфальным

разгромом греческой оккупационной армии, пленением ее штаба во главе с главнокомандующим Трикуписом, взятием Смирны и Константинополя. Но вдобавок, по причинам того же национального оскорбления, победы кемалистов и движение их войск сопровождались массовой стихийной резней греческого и армянского населения, которое, собственно, было несколько не виновато, в том, что великим державам великодушно вздумалось "улучшить" его положение за счет турок...

На Дальнем Востоке противников в Мировой войне у Антанты не было однако в угаре однополярного переустройства мира победители навалились на свою союзницу, Японию. В сражениях на главных фронтах она участия не принимала, ограничившись захватом германских колоний и концессий в Тихоокеанском регионе и Китае. И ее приобретения по сравнению с "вкладом в общую победу" и понесенными потерями сочли явно "несправедливыми". Хотя на Парижской мирной конференции запросы Японии насчет зон влияния в Китае, вроде бы, решили удовлетворить, однако тут же одумались, и на Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. западноевропейские державы и США принялись дружно ограничивать японские интересы. Нажим на Японию был развернут довольно грубой, с позиции откровенной силы, будто и она была побежденной наряду с Германией - что, естественно, вызвало обиду и привело к охлаждению отношений с прежними союзниками, а затем, перед Второй мировой, к переходу во враждебный им лагерь. Как писал впоследствии Черчилль, "Соединенные Штаты дали понять Англии, что сохранение ее союза с Японией, который японцы так щепетильно соблюдали, будет служить помехой в англо-американских отношениях. В связи с этим союз был аннулирован. Этот акт произвел глубокое впечатление в Японии и был

воспринят как пощечина азиатской державе со стороны западного мира".

Кроме того, чтобы удалить японцев из Китая, не дать им утвердиться в бывших германской и российской сферах влияния, на Вашингтонской конференции был принят Договор девяти держав, предусматривающий общий отказ от разделения Китая на свои зоны и провозглашавший относительно него "политику открытых дверей". То есть, тоже, вроде бы, все выглядело "справедливо" ведь таким образом признавалась и территориальная целостность, и суверенитет этой страны. Хотя на деле, столь резкий и неподготовленный поворот в политике привел к дракам за власть внутри самого Китая и к гражданской войне, разгоревшейся в 1925 г. и фактически не угасавшей до 1949 г. А "политика открытых дверей" вылилась в ожесточенную международную конкуренцию, в которой "весовые категории" оказались отнюдь не равными. И за явным перевесом США на торгово-экономическом поле, Япония в 1931 г. предпочла обратиться к военным методам...

Что касается переустройства Европы, то здесь утвердился принцип "побежденный платит за все". Так, Болгария по Нейскому договору, подписанному 27. 11. 1919 г. теряла значительные территории, отходящие к Румынии, Греции и Сербии. Большая часть ее армии распускалась, на страну налагались тяжелые репарации. Запад фактически продиктовал ей и "демократические реформы" по своим рецептам, в результате которых фигура царя стала чисто номинальной, а власть попала в руки слабеньких демократов-аграриев. Что в 1923 г. привело к тяжелейшему кризису, многочисленным человеческим жертвам и чуть не стало причиной грандиозной революционной катастрофы. Кроме того, в качестве последствий Нейского договора можно назвать и

ориентацию Болгарии на союз с Гитлером во Второй мировой войне.

Австро-Венгрия по Сен-Жерменскому (10. 9. 1919 г.) и Трианонскому (4. 6. 1920 г.) договорам разделялась на несколько самостоятельных государств Австрию, Венгрию, Чехословакию, Западно-Украинскую республику, часть территорий отходила к Польше, Сербии, Румынии и Италии, также налагались репарации и ограничивались вооруженные силы. Но за всеми заслуженными и незаслуженными винами, взваливаемыми на империю Габсбургов, было совершенно забыто, что она, ко всему прочему, являлась гарантом стабильности и порядка во всей Центральной Европе, и стоило ее расчленить, как тотчас же запылали многочисленные конфликты. Тут можно опять процитировать Черчилля: "Другой важнейшей трагедией был полный развал Австро-Венгерской империи в результате заключения Сен-Жерменского и Трианонского договоров... Каждый народ, каждая провинция из тех, что составляли когда-то империю Габсбургов, заплатили за свою независимость такими мучениями, которые у древних поэтов и богословов считались уделом лишь обреченных на вечное проклятие".

Польша сразу разгромила Западно-Украинскую республику и захватила ее. В Венгрии вспыхнула революция, перекинувшаяся и на Словакию. Европа очутилась на грани большевистского нашествия. Подавить же этот очаг напряженности удалось лишь с большим трудом и большой кровью. Волнения, близкие к революции, неоднократно происходили и в Вене, а из-за резкого уменьшения ее территории и падения бывшего влияния здесь появилось значительное количество сторонников аншлюса (воссоединения) с Германией, что впоследствии сыграло на руку Гитлеру.

Германия по Версальскому договору от 28. 6. 1919 г. была объявлена главным виновником развязывания войны. Она потеряла все колонии и восьмую часть своей территории, она имела право содержать лишь наемную армию, не более 100, тыс. чел., ей запрещалось иметь танковые и авиационные части, вводились жесткие ограничения по флоту. Область вдоль Рейна считалась демилитаризованной - там вообще не должно было находиться никаких войск, а Саарская область передавалась под управление Лиги Наций (фактически Франции). Немцев обязывали выплатить гигантские репарации в 132 млрд. золотых марок. Последствия эти меры имели самые плачевные. Искусственное вычленение областей, населенных немцами, в состав других государств присоединение части Силезии к Чехословакии, части Пруссии и Померании - к Польше, неопределенный статус Данцига (Гданьска) и Мемеля (Клайпеды) создали благодатную почву для будущих национальных конфликтов и массу готовых поводов к грядущим войнам с этими странами. Давление Франции, не только вернувшей Эльзас и Лотарингию, но и пытавшейся с позиций силы осуществлять откровенный диктат - например, в 1923 г. под предлогом приостановки выплаты репараций оккупировавшей Рурскую область и стремившейся окончательно закрепить за собой Саар, отнюдь не способствовало дружескому отношению к западному соседу. Сами репарации поставили страну в тяжелейшее экономическое положение, а американская "помощь", начавшаяся в 1924 г. по "плану Дауэса" и выразившаяся в предоставлении крупных займов, привела к финансовой и экономической зависимости Германии от США, и в итоге вогнала ее в хаос мирового кризиса 1929-1933 гг.

Резкая "демилитаризация" и безоглядная борьба за "ограничение германского влияния", не позволившие

немцам оказать помощь Прибалтике, чуть не отдали прибалтийские республики в руки большевиков и привели к сотням тысяч лишних жертв, которых могло и не быть. И чуть не обернулись катастрофой в 1920 г., когда красные рвались в Европу через Польшу. А с другой стороны, массы вышвырнутых из казарм демобилизованных солдат, унтер-офицеров и офицеров стали готовым контингентом штурмовых отрядов, как нацистского, так и коммунистического толка. Наконец, сказался и мощнейший фактор, который западными державами никогда всерьез не учитывался национальное оскорбление. Конечно, по принятым у них системам "двойных стандартов", средства массовой информации вполне могли внушить их собственным доверчивым обывателям миф о том, что Германия и ее союзники единственные виновники войны. Но ведь сами-то немцы знали, что это не так. Тем более что большевики опубликовали тайные договоры стран Антанты. Поэтому и требования держав-победительниц совершенно справедливо рассматривались немцами не в качестве наказания за содеянное, а как диктат по праву сильного.

Все это вместе: национальное унижение, экономические кризисы, делало обстановку в стране крайне нестабильной. И вдобавок, Германии тоже были искусственно привиты политические реформы по чужеродным образцам, поэтому Веймарская республика оказалась слабенькой и беспомощной для поддержания порядка и обеспечения нормальной жизни своих граждан. Фактически весь период своего существования она балансировала между двумя тоталитарными формами, стремящимися ее опрокинуть - коммунистами и нацистами. В январе и марте 1919 г. бушевали восстания "спартакидов" в Берлине. В апреле образовалась Баварская советская республика. В 1920 г. случился военный путч Каппа и левое восстание в Руре.

В 1921 г. - в Средней Германии. В 1923 г. - попытки установления советской власти в Саксонии и Тюрингии, в Гамбурге - путч Тельмана, а в Мюнхене - Гитлера. А в начале 30-х и нацисты, и коммунисты откровенно готовились к захвату власти, создавая отряды боевиков и склады оружия. Как известно, одолели нацисты, однако представляется весьма сомнительным, чтобы гипотетический противоположный вариант стал менее кровавым и разрушительным.

Остается вернуться к Югославии, где однополярное "мировое сообщество" в попытке "справедливого" переустройства мира допустило, пожалуй, самые грубые и наглядные ляпсусы. В одном государстве были высочайшим решением западных держав объединены народы, хоть и славянские по языковой группе, но совершенно разные по своим историческим судьбам, традициям, менталитету, культуре, национальным особенностям. Так, Словения исторически вообще выпадала из южно-славянской общности. Еще с VII в. она представляла собой независимое государство Карантанию, в 820 г. стала графством в составе империи Карла Великого и тогда же приняла католицизм. Позже входила в состав Восточно-Франкского королевства то в качестве единого герцогства, то в качестве нескольких княжеств, а в XVI в. вошла в империю Габсбургов. Под турецким игом она не находилась вообще, а в культурном плане была близка, скорее, итальянскому Пьемонту, чем сербам.

Хорваты также были католиками еще со времен Карла Великого. С IX в. у них существовало свое королевство, которое в 1102 г. соединилось с Венгрией. В составе Австро-Венгрии они оказались еще в 1526 г., причем не на правах подчиненного народа, а на правах равноправной унии, но с конца XVI до начала XVIII в. в. были завоеваны турками. Освобождались эти земли австро-венгерскими армиями, после чего им был дан

статус "Военной границы" - населению предоставлялись определенные льготы, и оно несло службу по охране рубежей государства, наподобие русского казачества. С 1868 г. Хорватии была предоставлена автономия, здесь, как и в Словении, успела развиться промышленность, и жилось им в составе империи Габсбургов отнюдь не плохо, особенно по сравнению с сербами.

Босния и Герцеговина были территориями со смешанным населением. Они пробыли в составе Османской империи больше четырехсот лет - с 1463 до 1878 (а формально - до 1908 г.) Поэтому тут было много мусульман, были и хорваты-католики, и сербы-православные. И в плане технического прогресса они намного отставали от Хорватии и Словении. Еще сильнее это сказалось в Македонии, которая пробыла под турецким владычеством более пятисот лет - с XIV в. до 1913 г., да и тогда стала предметом споров, разделов и переделов между Болгарией, Сербией и Грецией, причем по историческим и культурным традициям она тяготела к Греции.

В Черногории были сильны традиции гордого свободолюбия. Она еще в 1366 году отделилась от Сербии, самостоятельно вела борьбу и против Венеции, и против турок, и покорена ими была позже других балканских областей - только в 1499 году. Сбросила она захватчиков еще в 1796 г. и жила фактически независимой, хотя и весьма отсталой страной пастухов и лихих гайдуков, укрывающихся в неприступных горах и с оружием в руках отстаивающих свою свободу от любых посягательств.

Ну и, наконец, сама Сербия, аграрная страна, покоренная османами в 1389 г., но помаленьку выходившая из зависимого состояния в течение всего XIX в. А в культурном плане, наряду с традиционным православием - следы турецкого влияния, австрийского - при Обреновичах, русского и французского - при

Карагеоргиевичах. Добавьте сюда еще включение в состав государства областей с неславянским населением - албанского в Косово, венгерского в Воеводине, и можно получить представление, какой конгломерат получился. Причем главенствующее положение в таком новообразовании досталось, разумеется, сербам. А находившиеся на более высоком культурном уровне словенцы или гордые хорваты, из века в век оберегавшие австро-венгерские рубежи, вошли в государство на положении "побежденных народов", как бы завоеванных силой оружия и, соответственно, наций "второго сорта". Не мудрено, что это стало источником жесточайших межнациональных противоречий, копившихся десятилетиями и выплескивающихся массовой резней всякий раз, когда ослабевали силовые узы, удерживающие в единстве подобную искусственную общность. Так было и в годы Второй мировой, когда пал королевский режим, и сербские четники, хорватские усташи, боснийские домобраны и т. д. и т. п. принялись истреблять друг друга и население "враждебных" национальностей. Так было и в 1990-х после краха мировой социалистической системы и соответствующего ослабления югославских коммунистических властей.

Парадоксально, но факт - "балканскую проблему", в решении которой завязли и запутались сейчас страны НАТО, они сами же и создали в 1918 -20 гг.! Когда точно так же, как теперь, пытались единолично распоряжаться судьбами мира и устанавливать "справедливые порядки" на основе собственной субъективной логики. И они же, в результате тех же самых однополярных действий, оказались авторами и соавторами многих других крупнейших проблем XX века, которые пришлось потом преодолевать. А многие из них сохраняются и до сих пор: германский нацизм, японская агрессия в Азии, курдский терроризм. Да ведь

и пресловутый Ирак создали они же - Англия, Франция, США... Ну а что касается России, так безоглядно кинувшейся защищать "младших братьев", то ее среди держав-победительниц уже не оказалось...

Часть первая.

Когда рушатся устои

1. Между западом и востоком

На всю историю XX столетия наложила серьезный отпечаток специфика взаимоотношений западных держав и России. Ведь даже в начале века, когда очень далеко было до противостояния двух систем, когда в помине еще не было ни "железных занавесов", ни идеологических барьеров, эти отношения складывались далеко не идеальным образом. Скажем, если взвесить и оценить все факторы, то оказывается, что к катастрофе 1917 года в немалой степени приложили руку не только враги нашей страны, но и "друзья". Сделавшие все для того, чтобы втянуть ее в Мировую войну, и эксплуатировать самым бессовестным образом, на износ, как чужую лошадь, которую можно и совсем загнать, потому что не жалко. Нет-нет, как раз в данном случае я далек от того, чтобы огульно винить западных союзников в случившемся бедствии. Во-первых, это был всего лишь один из множества действовавших факторов, а во-вторых, Россия и сама была мощной мировой державой, так что в данных вопросах ее правителям нужно было и свою голову на плечах иметь. Но пожалуй, сам феномен такого подхода к России нуждается в более детальном рассмотрении, и для этого придется сделать куда более далекий и отвлеченный экскурс.

Стоит лишь внимательно порыться в прошлом, как без особого труда можно обнаружить, что системы "двойных стандартов" и предвзятости в данных взаимоотношениях существовали всегда, с самого выхода России на внешнеполитическую арену. Всегда

русские в той или иной степени воспринимались как "варвары" или в лучшем случае "полуварвары", нечто чуждое западному миру и даже в периоды партнерства равноправного отношения не заслуживающее. Но оказывается, что с точки зрения строгих фактов объяснить такое явление просто невозможно. Потому что любые конкретные примеры "варварства", когда-либо использовавшиеся в антироссийских информационных войнах, в той же, а то и гораздо большей степени можно переадресовать цивилизации Запада.

Скажем, несколько таких примеров, и довольно ярких, приводит в своих работах В. Кожин, и я позволю себе повторить его выкладки. Так, непревзойденным тираном всех времен и народов запечатлелся в истории и массовом сознании Иван Грозный, который в кампаниях своего массового террора уничтожил 3-4 тыс. чел., а по максимальным оценкам самых ярых его хулителей - 10-15 тыс. чел. Но его современники Карл V и Филипп II в Испании, Генрих VIII в Англии, Карл IX во Франции в тот же период истребили 300-400 тыс. чел. В одних Нидерландах было казнено до 100 тыс. "еретиков", в кампании Варфоломеевской ночи за две недели уничтожили до 30 тыс., а в Англии только "за бродяжничество" было повешено 72 тыс. согнанных со своих земель крестьян. Однако в отличие от Ивана Грозного, эти властители вовсе не считались и не считаются чем-то уникальным и чудовищным, и даже "грозными" их никто не подумал величать, потому что для Запада их деяния воспринимались как вполне "нормальное" явление, соответствующее "духу времени".

Или другой пример - казнь пяти декабристов (Пяти - за вооруженный мятеж с многочисленными человеческими жертвами! И казнь единственная с 1775 по 1847 гг.), которая вызвала возмущение не только

российской, но и всей мировой "прогрессивной общественности" как нечто неслыханное по жестокости. Но при подавлении восстания в Париже в 1848 г. было расстреляно 11 тыс. чел., а Герцен, эмигрировавший из "варварской" России и случайно оказавшийся там в период бойни, ошалело писал: "Дай Бог, чтобы русские взяли Париж, пора окончить эту тупую Европу!" "Вам хочется Францию и Европу в противоположность России так, как христианам хотелось рая - в противоположность земле... Я стыжусь и краснею за Францию. Что всего страшнее, что ни один из французов не оскорблен тем, что делается".

Да, никто особо не оскорбился - потому что это тоже воспринималось как нормальное явление и каким-либо особым трагизмом в истории оно не выделилось.

Впрочем, к примерам Кожинова можно добавить и множество других сопоставлений аналогичного свойства. Хотя бы Парижскую Коммуну, после подавления которой было казнено уже не 11, а 20 тыс. И никто на Западе эту расправу даже не вспоминает - в отличие от какого-нибудь Кровавого воскресенья в России. Или взять фигуру Петра I, которому, как и Ивану Грозному, мировая литература тоже ставит в вину исключительные зверства и жестокость - причем подчеркивая "русский", национальный характер этих явлений. Но в его время, скажем, в "цивилизованной" Англии, и не по случайной прихоти властителя, а вполне официально, по закону предусматривались и довольно широко применялись такие виды наказания, до которых, наверное, никакие Петры и Иваны самые что ни на есть "наигрознейшие" просто не додумались бы.

Так, для государственных преступников полагалась "квалифицированная казнь", когда человека сначала вешали, вынимали еще живого из петли, откачивали, затем вырезали половые органы, затем заживо потрошили живот и выжигали внутренности, затем

отрубали руки и ноги, и лишь напоследок голову. Другим вариантом было утопление, опять же не до конца, с последующим потрошением и четвертованием. За иные виды преступлений осужденному, например, клали на грудь доску и ставили на нее гири одну за другой, пока грудную клетку не раздавит, и он не умрет. Практиковался и котел с кипящим маслом... Да и во Франции в тот же период арсенал палачей был довольно широким - колесование, четвертование, сожжение, публичные пытки. И в Германии тоже - вплоть до сажания на кол после колесования и отсечения рук и ног. А иностранцы, посещавшие в петровскую эпоху Италию, жаловались на количество повешенных: "Мы видим вдоль дороги столько трупов, что путешествие становится неприятным".

Так чего уж тут на "дикую" Россию пенять?

Добавим и то, что на Руси никогда не было таких явлений, как кампании массовых репрессий против еретиков или "охота на ведьм" с пытками и кострами инквизиции, когда, например, на несколько деревень в окрестностях Трира остались несожженными всего 2 женщины. За исключением нескольких отдельных периодов, как царствование упомянутых Ивана Грозного, Петра Великого или времен Смуты, смертные казни на Руси были вообще такими редкими событиями, что отмечались в летописях! Поименно, наряду с другими неординарными фактами. И каковыми бы тяжкими ни были преступления приговоренного, на народ его кара неизменно производила тяжкое впечатление. Он вызывал жалость, люди провожали его на смерть молитвами о прощении и упокоении души. И сравним, что в Западной Европе вплоть до XVIII - XIX в. в. публичные казни были весьма распространенным и популярным в народе зрелищем. Люди собирались, как на представление, с женами и детьми, занимали лучшие места, а окна в соседних домах снимали за

изрядные суммы те, кто побогаче. Приносили с собой завтраки или покупали еду и напитки у снующих тут же разносчиков, подкрепляясь по ходу умерщвления жертв и обсуждая их поведение и мастерство палачей...

Упрекая Россию в отсталости и "варварстве", обычно упоминают и крепостное право, задержавшееся до 1861 г. Хотя в те же времена в Америке существовало рабовладение, и никто им в качестве примера отсталости американцам в нос не тычет. Да и туземцы британских колоний, несмотря на формальную личную свободу, уж конечно же, терпели неравенство куда более разительное, чем русские крепостные. Исторической притчей во языцех стали телесные наказания в России - термин "русский кнут" гулял в прошлом веке по Европе в качестве однозначного национального ярлыка. Только как-то забывалось, что за те же преступления, за которые у нас полагался кнут, а то и за более мелкие проступки, в других странах чаще всего лишали жизни. В Англии вешали даже женщин и подростков за украденный носовой платок или другой предмет, стоивший от 5 шиллингов и выше. Что же касается телесных наказаний, то на британском флоте они были отменены только в 1881 г., когда в России их давно уже и в помине не существовало. А в Австро-Венгерских вооруженных силах телесные наказания применялись и вплоть до XX в.

Нередко можно встретить и упоминания о якобы традиционном "русском свинстве" и антисанитарии. Хотя все иностранцы, посещавшие нашу страну, считали своим долгом в качестве местной экзотики отметить многочисленные бани - и частные, и казенные, куда каждый русский, от царя до холопа, ходил регулярно, как минимум - один, а обычно два раза в неделю. В то время как их "культурные" европейские современники не мылись месяцами, и вши под париком

вельможи или в кружевном белье высокопоставленной дамы считались обычным явлением. Скажем, при коронации английского короля Генриха IV крайнюю завшивленность его головы, подставленной под надеваемую корону, отметили в хрониках как "плохое предзнаменование". А в "Сборнике правил общежития", изданном в Париже в эпоху "короля-солнца" Людовика XIV объявлялось признаком дурного тона причесываться или поправлять волосы, будучи в гостях - чтобы не подарить другим приглашенным своих насекомых. И рекомендовалось ежедневно (!) мыть руки. Вся знаменитая французская парфюмерия развилась из стремления цивилизованных дам и кавалеров забить запахи грязного тела и пота, ручьями текущего на балах, а при строительстве Версаля во второй половине XVII в. там не было предусмотрено и оборудовано ни одной ванны - даже для короля. Впрочем, и ни одного туалета, так что для отправления нужд тысячам придворных, гостей и прислуги оставались кустики Версальского парка, благоухавшего совсем не романтично. Или горшки, разносимые лакеями и выплескивающиеся туда же. Ну да выплескивание нечистот на улицу прямо из дверей и окон было будничным делом в любом европейском городе. Кроме России, где в любом дворе уборная существовала. А что касается нынешнего англоамериканского культа гигиены и чистоты, то он только в XIX в. был перенят западной цивилизацией от китайцев - которых, кстати, культурные колонизаторы считали не иначе как "грязными дикарями".

Так что не сходится, насчет русского варварства-то. Больше даже смахивает на известную психологам закономерность, что один человек склонен винить и подозревать других в том, в чем сам грешен - или, как та же закономерность выражается не очень благозвучной русской пословицей, "свекровь б.... - и

невестку гулящей считает". Но, пожалуй, самое исчерпывающее объяснение предубежденности и настороженности, а то и антипатий западной цивилизации в отношении России и русских, и впрямь лежит не в рациональной, а в психологической области. И лучше всего такая специфика обосновывается исходя из теории Л. Н. Гумилева о "суперэтносах" "западноевропейском", "евразийском", "мусульманском" и т. п., то есть, больших надэтнических системах, объединяющих несколько народов по признакам близких стереотипов мышления, поведения, общим системам ценностей и схожести исторических путей. Системах; где схожих черт больше, чем национальных различий. Скажем, несмотря на бытовые особенности, француз в Италии или Англии чувствует себя почти "как дома", точно так же как араб в Турции или Пакистане. А вот наоборот, араб в Западной Европе или француз в мусульманской Азии, сразу окажутся "чужими" - и окружающий мир будет для них "чужим". Гумилев довольно четко и на многочисленных примерах показал, что как бы ни были велики противоречия внутри одного суперэтноса, они все равно чаще остаются менее значительными и сглаживаются намного легче, чем между народами разных суперэтносов - им просто внутренне легче понять друг друга и подойти друг к другу с собственной логикой, с точки зрения своего собственного менталитета.

Нет, я далек от того, чтобы безоговорочно превозносить евразийский (или российский) суперэтнос в противовес западному. Они не лучше и не хуже друг друга, они просто другие - о чем, кстати, тоже многократно писали различные мыслители и исследователи, начиная с Пушкина и Чаадаева. У каждого из них своя специфика менталитета, свои особенности национального (или наднационального, суперэтнического) характера, свои достоинства и

недостатки. Причем наши, русские недостатки и уязвимые стороны, наверное, даже нет необходимости перечислять - их сам народ неоднократно вышучивал в анекдотах и других жанрах фольклора (и, кстати, такую способность к самовышучиванию и самоиронии тоже можно считать одной из специфических черт российского мышления).

Но в данном случае важно отметить, что во взаимоотношениях Запада с Россией серьезную роль сыграла, да и сейчас продолжает играть, такая особенность, типичная именно для западной цивилизации, как ее "прозелитизм" - неприятие никаких форм и путей развития, кроме собственных, и попытки распространить свои штампы и стереотипы на другие народы, как единственно верные. В качестве курьеза тут можно вспомнить настойчивые попытки европейских культуртрегеров заставить африканцев носить брюки и сюртуки, поскольку только это признавалось "приличным" и нормальным. В качестве более серьезного примера - тот факт, что древнейшая китайская, японская или индийская культуры в течение веков вообще не воспринимались европейцами как "культура", поскольку отличались от западной. И вплоть до второй половины XX в. китайцы с индусами оставались для любого представителя Европы и Америки просто темными "дикарями".

Можно, кстати, отметить, что для русского менталитета было не характерно такое предвзятое отношение и неприятие чужого. В отличие от английских или французских колонизаторов, русские поселенцы умели налаживать взаимовыгодный и взаимоуважительный симбиоз и с мордвой, и с казаками, и с якутами, вовсе не пытаясь подогнать их под свои стереотипы, и наоборот, подстраиваясь под местные условия. И уже в нашем веке на Западе было отмечено, что из русских эмигрантов получают

лучшие колониальные чиновники. Из-за их способности понять нужды местного населения и находить с ним общий язык - в отличие от европейцев, которые даже при самых прогрессивных антирасистских взглядах и честной службе все равно обозначали подсознательную дистанцию между собой и "дикарями". Но данный сравнительный анализ непосредственно к нашей теме не относится, поэтому интересующегося читателя можно отослать к работам Гумилева или Кожина, рассматривающих эту тему достаточно подробно.

А традиционный прозелитизм Запада имеет очень глубокие корни. Ведь современная западная цивилизация считает себя, а в ряде отношений действительно является наследницей и правопреемницей римско-эллинической культуры, для которой как раз и было характерно вершиной развития почитать только себя, а все непохожее и отличающееся скопом относить к "варварам" (и, похоже, по причине данного наследства подверглась таким однобоким искажениям вся история Древнего Мира, о чем я уже писал в своей работе "Русь: дорога из глубин тысячелетий"). Ну а в Средние Века сюда же наложился прозелитизм религиозный, рассматривавший в качестве единственно верных не только само католичество, но и сформировавшиеся в его условиях системы ценностей и общественные формы - и соответственно, стремившийся распространить их на все доступные регионы.

А в результате выработывалось стойкое противопоставление своего, "хорошего", чужому, "плохому", демократии - авторитаризму, культа закона "произволу", "свободы" - "тирании". Хотя если опять обратиться к строгим фактам, то видна полнейшая бездоказательность этих противопоставлений. Потому что окажется, что еще никогда и нигде демократии, обычно сотрясаемые внутренними дрызгами и

интригами, не продемонстрировали никаких фактических преимуществ для граждан или большей жизнеспособности по сравнению с монархиями. Да взять хоть классические Афины, где "серая масса" по наветам и подкупам демагогов отправляла на смерть или изгоняла лучших своих мыслителей, полководцев, государственных деятелей - фактически любого, возвышающегося над средним уровнем. И если США кичатся двухсотлетием своей демократии, то ведь с исторической точки зрения это совершенно ничтожный срок по сравнению с веками процветания и благоденствия России под монархической властью Рюриковичей и Романовых. А в фазу процветания и благоденствия Америка вступила всего-то сорок лет назад. Привожу эти примеры не в качестве обратного противопоставления, преимуществ монархии перед демократией, а только для того, чтобы показать необходимость более объективного подхода к оценкам данных явлений. Показать, что сама по себе "форма" отнюдь не является однозначным качественным критерием, если брать ее в отрыве от конкретного "содержания".

"Произвол" русских самодержцев действительно, вроде бы, не ограничивался юридическими нормативами, в отличие от европейских властителей. Да вот только почему-то ни один царь не позволял себе отправлять на казнь надоевших жен, как это порой практиковали короли Англии. Или разорять государственную казну и вводить новые налоги ради фавориток, как частенько проделывали короли Франции. Или иметь 354 побочных ребенка от разных матерей и сожительствовать с собственной дочерью, как Август Саксонский. Причем и эти явления воспринимались в качестве вполне нормальных и допустимых, воспринимались не только "общественностью", но даже и жертвами. Британская

королева Анна Болейн, от которой решил избавиться муж, когда узнала, что по его великой милости ее не сожгут и не выпотрошат заживо, а просто обезглавят, засмеялась от радости, ощупывая свою шею и объясняя тюремщикам: "Я слыхала, что палач просто искусник, а шея у меня тонкая". Другая отставная королева, Кэтрин Говард, только и попросила, что принести к себе в камеру плаху - чтобы порепетировать, как поизящнее класть на нее голову. Французские обыватели если и возмущались при введении новых разорительных поборов, то лишь ненасытными аппетитами очередной королевской любовницы - а не против поведения своего короля, и кряхтели, но платили. А Августа Саксонского при всех европейских дворах почитали в качестве одного из самых блестящих и достойных монархов своего времени. Ну а с точки зрения формальной законности во всех случаях оказывалось все в порядке.

Если же взять русских царей, то для них кроме юридических норм (которые, кстати, тоже существовали) имелись еще и нормы духовные, и на поверку они, видать, оказывались попрочнее писаных законов. И уж куда прочнее западных духовных норм, составлявших фундамент общества наряду с правовой базой. Скажем, когда римского папу Иоанна XXIII все же пришлось сместить, то согласно Гиббону, "наиболее скандальные обвинения были замяты; служитель Бога был обвинен только в пиратстве, убийстве, насилии, содомии и инцесте". И ведь случай это был далеко не единичный - стоит вспомнить хотя бы нашумевшие "семейки" Борджиа, Медичи, скандал с папессой Иоанной... И мыслимо ли было что-нибудь в этом роде среди русских светских или духовных властителей? Даже чисто теоретически?

Ну а хваленые западные "свободы" сплошь и рядом оборачивались свободой сильного. Свободой феодала разбойничать на дорогах и выжимать соки из своих

крестьян вплоть до лишения жизни или права первой ночи. Свободой вельможи стереть в порошок не потравившую ему мелкую сошку. Свободой междоусобиц, опустошавших целые области. И если, к примеру, взять кичившуюся своими свободами Речь Посполитую, то открывается картина дичайшей вакханалии и анархии, которые в итоге и довели страну до распада и гибели. Конфликты дворянства решались вооруженными наездами. Самовольная шляхта разваливала государство, из мелких корыстных интересов запросто проваливая на сеймах любое решение. Любой магнат самолично, порой по мимолетному капризу, решал вопросы жизни и смерти не то что хлопков, а даже зависимых дворян...

Да возможно ли было хоть что-то подобное на Руси? Вот уж нет. Тут ведь надо всеми, какими ни на есть вельможами царь-батюшка стоял, и спросить мог с каждого. А уж вопросы жизни и смерти самого распоследнего холопа только в Москве и решались - и из писанных законов, и из духовных. Да и большинство иностранцев, приезжавших в Россию, как бы скептически и критически они ни были к ней настроены, тем не менее, отмечают, что крестьяне тут жили не в пример лучше своих западных собратьев. Зато российская миссия, посетившая Францию в 1717 г., была просто поражена нищетой местных земледельцев и простолюдинов - причем это наблюдение относится ко времени, когда и русское крестьянство далеко не благоденствовало, отягощенное огромными податями и повинностями из-за Северной войны, строительства Санкт-Петербурга, флота и т. п.

И не удивительно, что со своей точки зрения такой свободы, как за рубежом, россияне и даром не хотели. Что проявилось, например, в выступлениях против Семибоярщины, "конституционного" правления Шуйского, боярских правительств во времена

междучарствий. Всесилье и неограниченный разгул аристократии оказывались для народа куда более тяжелыми и разорительными, чем власть самодержца, способного держать в узде всех вельмож. И когда в 1730 г. при восшествии на престол Анны Иоанновны иностранные послы сокрушались, что "русские упустили возможность избавиться от рабства", то требуются некоторые уточнения - что понималось под "рабством", и какие "русские" имелись в виду. Не крестьяне, не мещане и даже не дворяне. А только кучка высших аристократов, предложивших императрице "кондиции", ограничивающие ее власть в свою пользу. И воспротивилось-то этой акции, помогло ее сорвать как раз мелкое, служилое дворянство. Потому что не захотело установления власти олигархии. И "рабство" в понимании иноземцев, для русских означало "равенство" перед царем любого вельможи и выходца из низов. Точно так же, как сам царь был перед Богом равен с рядовыми христианами.

Таким образом, мы видим, что с чисто рациональной точки зрения, по положительным и отрицательным аспектам воплощения в жизнь, внешние отличия западной и российской цивилизаций тоже получают совершенно не показательными. И разница остается только в традиционных подходах к тем или иным явлениям, методиках и критериях их оценки. То есть, опять в области менталитета. Поэтому ничуть не удивительны размышления иностранцев о "загадочной русской душе" - чтобы понять ее, надо и мыслить русскими категориями. А для тех, кто пытается подойти к ней с другим стереотипом мышления, уж конечно, она покажется "загадочной". Ну а непонятное и непохожее всегда остается чуждым, а то и даже пугающим, таящим в себе неведомую угрозу.

Я вовсе не хочу этим сказать, будто различия в стереотипах мышления создают между

представителями обеих цивилизаций неодолимую пропасть, и уж тем более далек от того, чтобы приписывать заведомо недоброжелательное отношение к России всем иностранцам. Или даже - вообще иностранцам, как таковым, только из-за того, что они принадлежат к другим народам и другой культуре. Наоборот, русские и выходцы с Запада сплошь и рядом находили общий язык и сотрудничали весьма успешно. На службу в нашу страну поступали и немцы, и французы, и англичане, и итальянцы, и т. д., и т. п. Одни потом возвращались домой, сохранив о чужбине далеко не худшие впечатления. Другие оседали, в следующих поколениях вообще обрусевали и сохраняли на память о своем происхождении только свои фамилии. Возникали в России и многочисленные колонии переселенцев из европейских стран - и никаких межнациональных конфликтов вокруг них не возникало. Да вспомнить хотя бы двух самодержиц, Екатерину I и Екатерину Великую, десятки полководцев, флотоводцев, ученых, художников по праву ставших героями нашей, российской истории! Перед началом Первой мировой более 9 % офицеров русской армии были протестантского вероисповедания, то есть немцами. Это не считая тех, кто окончательно обрусел и перешел в православие. И сражались они на фронтах беззаветно и самоотверженно, искренне считая Россию и своим Отечеством.

В свою очередь, во время заграничных походов русской армии и флота солдаты и офицеры тоже быстро находили общий язык с местным населением, даже совершенно не зная этого самого языка. Тут уж сказывалась такая национальная черта, как высокая контактность русских, уважительно относящихся к чужим особенностям и поэтому налаживающих отношения с французами или итальянцами так же легко, как с калмыками или тунгусами. Но такое

преодоление межнациональных и межкультурных барьеров происходило и происходит только при взаимоуважении и обоюдном стремлении.

А совсем другое дело, когда сами эти барьеры становятся инструментами политики. Тут-то и сказывалась психологическая разница, так как запугать свое или чужое правительство угрозой России и восстановить против нее получалось зачастую легче, чем против другого, западного государства, с менее "загадочной душой". И общественное мнение настроить против нее оказывалось тоже легче. Тем более, что регулируемость западного общества средствами пропаганды издавна была очень высокой (и можно предположить, что такая особенность также сложилась исторически - в Европе очень часто менялись границы, государственная принадлежность тех или иных регионов, менялись законы, по которым жили эти регионы, менялась даже религия - вот и требовалось постоянно внушать гражданам, как им правильно поступать сегодня, и почему неправильно поступать так, как вчера). В итоге и рождались системы двойных стандартов, неравноправных подходов, информационные войны и вспышки русофобии, с которыми нашей стране то и дело приходилось сталкиваться на мировой арене.

Даже если не касаться времен крестовых походов и католической экспансии на Украину, а начать с эпохи "прорубания окон в Европу" Петром I, то сплошь и рядом можно увидеть примеры подобных явлений. Да взять хотя бы историю этого "прорубания". Ведь если для Петра и было заманчиво вернуть утраченные русские земли по Неве и Ладоге, то сам он вступать в войну со Швецией, находившейся на вершине могущества, конечно, поостерегся бы. Втянули-то его в союз Дания и Саксония с Польшей, которые после смерти Карла XI сочли момент благоприятным, чтобы поживиться за

счет шведских владений. А русские решили привлечь как вспомогательную силу - чтобы на второстепенном направлении отвлекли на себя часть войск противника. Словом, так же, как прежде Австрия и Венеция привлекали "варваров-москвитов" к альянсу против Турции. Причем заведомо условившись, что не стоит, дескать, этих варваров далеко пускать. Но стоило союзникам Петра потерпеть поражения, как они без малейших колебаний пошли на сепаратные договоры с врагом, предоставив Карлу XII разделяться с Россией, как его душенька пожелает. И длительное время русским пришлось воевать почти в полной международной изоляции.

Правда, после Полтавы ситуация разительно изменилась. И прежние союзники вновь стали "лучшими друзьями", и новые мгновенно нашлись в лице Пруссии, Ганновера, связанной с ним Англии. Однако едва они с помощью России удовлетворили собственные запросы, поделив шведские владения в Померании, как тут-то и дружбе конец пришел. И все немедленно озаботились "усилением Москвы", снова наперегонки кинувшись заключать сепаратный мир, а то и союзы со Швецией. Поэтому завершать войну русским пришлось в таких условиях, когда им открыто противостояла мощная коалиция европейских держав во главе с Англией, ставившей целью ни больше ни меньше, как загнать "москвитов" в предвоенное состояние и лишить завоеваний на Балтике.

Кстати, тут целесообразно сделать и некоторое отступление относительно самих "западнических" реформ Петра, раз уж они на протяжении нескольких столетий вызывают столь ожесточенные споры среди отечественной интеллигенции. Но на мой взгляд, здесь достаточно отметить лишь одну-единственную характерную некорректность подхода - все эти споры велись и ведутся с позиций того времени, когда живут и

высказываются их участники. А если вернуться к конкретной исторической ситуации конца XVII - начала XVIII в. в., то спорить останется лишь о методах, которыми царь внедрял те или иные нововведения. Их, конечно, можно осуждать или оправдывать, но что касается главной сути, то любая дискуссия окажется просто-напросто беспредметной. Потому что не будь этих реформ, Россию ожидала участь Китая или Индии - тоже стран с древней и развитой духовной культурой, но на определенном этапе отставших от Европы в техническом отношении. К этому, собственно, все и шло - иностранцы начинали "осваивать" Россию примерно так же, как было на первых этапах освоения Китая. Поэтому вопросы, какими путями пошло бы развитие страны, и каких бед она избежала бы, не будь ее "европеизации", заведомо теряют всякий смысл.

Впрочем, необходимо иметь в виду и тот факт, что в прямом смысле слова "западником" Петр никогда не был. И перенимал (возможно, порой ошибаясь или допуская перегибы) за рубежом лишь то, что считал жизненно необходимым. А технический уровень и национальные особенности - понятия совершенно разные и связаны между собой лишь косвенным образом. Например, японцы вовсе не перестали быть японцами, когда пошли по тому же пути, что петровская Россия, т. е. перенимая и широко внедряя передовые технические достижения. И только этим смогли избежать печальной участи соседних с ними стран...

Но вернемся к истории нашей страны, и мы увидим, что "прорубленным окнам" и "европеизации" сама Европа отнюдь не обрадовалась, и "ограничение интересов России" превратилось в одно из постоянных направлений международной политики. Скажем, в течение XVIII в. в данном плане особенно усердствовала Франция, возглавлявшая в те времена одну из

сильнейших западных коалиций. Так, в 1741 г. она спонсировала, а отчасти и инициировала заговор в пользу Елизаветы, и делала это по причинам совсем недружественного и негалантного свойства. Просто дочь Петра сочли довольно неумной и взбаламошной бабенкой, и были уверены, что она своим правлением развалит государство и приведет его в допетровское состояние. Чтобы Россия больше не мешалась и не путалась под ногами в европейских делах. Когда же интригами и посулами удалось втянуть Елизавету в Семилетнюю войну 1756-1763 гг. (кстати, совершенно ненужную для России, поскольку каждая из ее союзниц преследовала лишь свои частные цели: Франция боролась с Англией за колониальное господство в мире, Австрия с Пруссией - за гегемонию в германском сообществе и спорные территории), то и здесь сказались особенности той же политики. Как возмущенно отмечали российские представители, дипломатия союзницы-Франции и в Стамбуле, и в Варшаве, и в Стокгольме действовала так, будто Россия была не партнером, а противником в войне; А союзница-Австрия хоть и "дружила", но пыталась поставить дело так, чтобы действия русских войск ограничивались помощью самой Австрии и обеспечивали ее приобретения.

В правление Екатерины Великой "дружественная" Франция целенаправленно подстрекала поляков к антироссийским выступлениям и акциям против православных, финансировала восстания конфедератов, посылала военных инструкторов и создавала на сопредельных территориях базы для подготовки польских отрядов. Словом, всеми силами попыталась создать под боком у русских очаг напряженности, что и послужило одной из причин разделов Польши (конечно, не единственной, но все-таки). И если коснуться пресловутой экспансии России на юг, то тоже

оказывается, что каждая из русско-турецких войн второй половины XVIII в., завершившихся новыми территориальными приобретениями Екатерины, начиналась-то вовсе не агрессивными действиями русских, а по инициативе Турции. Активно подстрекаемой к этому Францией, всякий раз обещавшей и оказывавшей финансовую и военную помощь в подобных начинаниях.

Когда Павел I из чисто рыцарских побуждений ввязался в войны против Наполеона, то как раз боязнь "усиления России" свела на нет все достигнутые успехи. Суворовские предложения нанести удар по Парижу из Северной Италии отвергались, а его действия, как и действия эскадры Ушакова искусственно парализовывались. Вместо этого союзники предполагали использовать русских только для таскания каштанов из огня для самих себя, Австрия - чтобы утвердиться в Италии, Англия - в Голландии и на Средиземном море. И в итоге для русских одержанные блестящие победы обернулись только напрасными потерями. Их тут же спешили удалить из тех мест, где они побеждали, и перебросить туда, где их присутствие казалось менее "опасным".

Ничего хорошего не дали России и последующие коалиционные войны. Европейские союзники, Австрия и Пруссия, подставляли ее, когда считали нужным. С одной стороны, не давали как следует развернуться, из собственных мелких соображений вмешиваясь в стратегию и пытаясь навязать выгодные им решения. С другой, по своему усмотрению вступали в односторонние переговоры с неприятелем, заключали договоры, капитулировали на приемлемых для себя условиях - и то и дело ставили русскую армию в критическое положение. Можно вспомнить и о том, что в наполеоновском нашествии 1812 г. участвовали далеко не одни французы. В состав Великой армии

входило "дванадцать языков" - и поляки, и австрийцы, и немцы, и итальянцы. И хотя о некоторых из них принято говорить, как о "подневольных" участниках похода, но ведь они и в боях участвовали вполне добросовестно, и мародерствовали на русской земле ничуть не хуже французов.

И не зря Кутузов - между прочим, не только великий полководец, но и один из талантливейших дипломатов своего времени - вообще был против того, чтобы после побед в России переходить границы и "освобождать" западных соседей. Предвидел, что благодарности от них все равно не дождешься, и довольно быстро они превратятся в соперников и недоброжелателей. И его прогнозы полностью оправдались полностью. Потому что все предшествующие антироссийские интриги были, собственно, еще "цветочками". С некоторой натяжкой даже вписывающимися в общие правила и методы европейских коалиционных игр друг против дружки. А вот то, что Россия одолела Бонапарта, разгромившего и покорившего столько западных стран, то есть, показала себя самым сильным европейским государством, ей "не простили". И тогда-то начала складываться линия единой, или скажем так, весьма дружной западной политики, нацеленной на ее ослабление. Вплоть до того, что уже в 1815 г. на том самом Венском конгрессе, где обсуждались вопросы послевоенного устройства Европы, союзницы Англия и Австрия не постеснялись заключить тайный антироссийский союз с побежденной Францией.

Внеся львиную долю усилий в освобождение Европы от наполеоновской агрессии и сделав первую в истории попытку создать международную организацию по поддержанию стабильности и правопорядка - Священный Союз (отметим, не позарившись при этом ни на какие частные приобретения или исключительные привилегии), Россия была ославлена и оплевана всем

Западом в качестве "европейского жандарма". Хотя вполне вероятно, что только благодаря своевременным усилиям этого "жандарма" Европа не погибла в хаосе революций еще в середине XIX в., как погибла сама Россия в 1917-м.

Объектом информационных войн наша страна становилась постоянно. Если, например, перечитать стихотворение Пушкина "Клеветникам России", написанное по поводу реакции Запада на усмирение польского мятежа, то можно подумать, что речь идет не о 1831, а о 2000 г. и о событиях вокруг Чечни. Только стоит подчеркнуть, что сами Англия или Франция при ликвидации восстаний в своих владениях в выборе средств отнюдь не церемонились и действовали порой куда более круто, но это считалось нормальным, и никаких возмущений международной общественности почему-то не вызывало. Впрочем, они же были "цивилизаторами" и подавляли бунты "низших народов", "дикарей". А тут вдруг русские "полуварвары" подавляют "права и свободы" поляков, исторически тяготеющих к той же западной цивилизации. Европа охотно принимала и диссидентов того времени, начиная с Герцена. На содержание, правда, еще не брала, но морально поддерживала как людей "европейски мыслящих", и для оплевывания собственной родины предоставляла самые благоприятные возможности.

Характерно и то, что в Крымской войне России пришлось столкнуться с единым фронтом западных держав - ее "усиление" автоматически ставило антироссийскую политику во главу угла. В случае очередных изматывающих позиционных боев под стенами турецких крепостей никакого вмешательства не последовало бы. Но блестящая победа под Синопом вызвала немедленную негативную реакцию и вступление в войну "мирового сообщества" в лице Англии, Франции и Сардинского королевства. А

фактически, еще и Австрии, хотя и не начавшей боевых действий, но отплатившей за недавнее спасение от Венгерской революции объявлением мобилизации и сосредоточением войск на русских границах, из-за чего и Россия оказалась вынуждена всю войну держать против нее целую армию. И между прочим, если уж на то пошло, можно прийти к интересному заключению, что на самом-то деле, несмотря на падение Севастополя и гибель флота, Россия Крымскую войну... выиграла. Измотав и обескровив врагов, она потеряла всего один город - даже не Крымский полуостров. Во всех остальных местах, и на Балтике, и на Севере, и на Камчатке попытки вторжения были успешно отражены. А в Закавказье войска Муравьева заняли значительную территорию с сильной крепостью Каре. Так что юридический проигрыш явился плодом не военных поражений, а дипломатической изоляции. Плюс - информационной войны, сконцентрировавшей внимание общественности только на Севастополе и оставившей в тени успехи русских на других театрах действий.

Можно вспомнить, сколько шума, протестов, международных скандалов вызывало проникновение России на Кавказ, и уж тем более в Среднюю Азию в 1860-1870-х гг. Хотя британская колониальная экспансия в Индии, Афганистане, Африке, или французская в Индокитае ни малейших нареканий не удостоивались. Это тоже воспринималось как вполне нормальное и закономерное явление, раз оно осуществлялось самими странами Запада. Оправданное и даже необходимое "распространение цивилизации", которое никем и в параллель не ставилось с русскими "хищническими захватами".

Выше уже говорилось, с какой бурной международной реакцией пришлось столкнуться России после успехов по освобождению Болгарии в 1877-1878 гг. Зато в начале XX в. нашу страну вдруг дружно

зауважали и полюбили - просто европейцев чуть не турнули из Китая, и "международному сообществу" потребовалась русская сила для оккупации этой огромной страны и подавления Ихэтуаньского восстания. Но сразу вслед за "дружбой" чуть не повторилась ситуация Крымской войны! Как только России вздумалось укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, и она столкнулась на этой почве с Японией, она тут же опять очутилась в международной изоляции. На стороне Японии уже готова была выступить Англия (хотя сама устраивалась в Китае еще более основательно и прочно, чем русские). Разве что Франция на этот раз не смогла ее поддержать, потому что открыто поссорившись с Россией, рисковала стать жертвой нацелившейся на нее Германии. И тем не менее, хотя Париж и вынужден был держать нейтралитет, в дальневосточных вопросах его позиция явно склонялась не в пользу русских.

Исходя из всего сказанного, нетрудно отметить небезынтересную закономерность. Россия выигрывала почти всегда, когда рассчитывала только на свои собственные силы и преследовала свои собственные, национальные цели. И очень часто проигрывала, если пыталась вести "интернациональную" политику и играть в коалиционные игры по правилам своих западных партнеров. Потому что эти правила ее союзники придумывали сами, сами решали, когда и в какой степени их применять. И в лучшем случае, старались лишь использовать оказавшуюся в их распоряжении силу для решения своих собственных задач. В худшем же, просто подставляли Россию, решая проблемы за ее счет противоречия между недавними противниками, принадлежащими к одной и той же западной цивилизации, оказывались вполне преодолимыми, и им было намного легче сговориться за спиной России, чем России поддерживать дружбу с

союзниками и договариваться с противниками. Впрочем, подобные системы "двойных стандартов" существовали и в римскую эпоху в отношении "варваров", от которых требовалась безусловная верность союзным обязательствам, в то время как "культурный" народ считал себя вправе варьировать трактовку любых договоров из соображений собственной выгоды.

2. Надлом

Втягивание России в Первую мировую началось задолго до фактического начала этой войны. И не только со стороны Сербии, а в первую очередь - со стороны Франции и Англии. Вот у них весомые причины для войны с Германией действительно имелись. Франция хотела вернуть отнятые у нее Эльзас и Лотарингию, взять реванш за 1871 г. Великобритания, целиком зависевшая от морской торговли, опасалась усиления германского флота, угрожавшего ее монопольному господству на морях. Немцы укрепляли свои позиции в Османской империи, фактически взяв под покровительство ее армию, взамен чего повели строительство железной дороги от Берлина в Багдад и к Персидскому заливу, что выводило их в ближневосточные зоны "британских интересов". Германия вела борьбу с Францией и Англией за африканские колонии. Однако по горькому опыту Франко-прусской войны западные державы знали, что их собственных сил будет отнюдь не достаточно. Поэтому и принялись активно вовлекать в свой союз Россию. В дружеских симпатиях к которой перед этим, вроде бы, не замечались - наоборот, чаще выступали врагами.

А России-то, собственно, никаких приобретений не требовалось. Она не вела активной колониальной политики, ей не нужны были новые территории. Да, у нее имелись собственные геополитические интересы - на международной арене она выступала

покровительницей балканских славян, анатолийских армян (хотя напомним, что в той же Сербии практическую, деловую выгоду, получала не она, а Франция). Довольно болезненным был для нее вопрос о статусе черноморских проливов. Кстати, первоначально речь шла не об овладении ими, как гласят расхожие байки, а всего лишь о праве свободного прохода через них русских кораблей. Потому что, например, в Русско-японскую войну мощную Черноморскую эскадру не удалось перебросить на Дальний Восток только из-за того, что ее через проливы не выпустили (не без прямого влияния Англии). Но все эти проблемы сами по себе были недостаточны для вступления в общеевропейскую схватку - и в 1908, и в 1913 гг. столкновения удавалось избежать. Тем более что в спорных вопросах того времени - и в разделенной между тремя государствами Польше, и на Балканах, Россия на "чужое" не претендовала. "Свое" бы удержать.

Однако шло постепенное опутывание ее политическими сетями, умелая игра на противоречиях с Германией и Австро-Венгрией. И первый толчок к этому дала сама Германия. После Франко-прусской войны Россия из соображений стабильности Европы вступилась за разгромленную Францию, не позволив Бисмарку в 1875 г. начать "превентивную войну" и добить ее окончательно. А в 1878 г., на состоявшемся после Русско-турецкой войны Берлинском конгрессе европейские державы по инициативе Англии и Австро-Венгрии (и при участии Франции) постарались ограничить усиление России на Балканах, и часть территорий для "противовеса" была отдана австрийцам. Из чего неизбежно возникла напряженность их отношений с русскими. И хотя отношения Австро-Венгрии с Германией (разгромившей ее в 1866 г. и лишившей гегемонии в германском сообществе) тоже

оставляли желать много лучшего, но немцы, чтобы избежать русского вмешательства в свои последующие разборки с Западом, немедленно воспользовались этим фактором. И в 1879 г. заключили договор с австрийцами о взаимопомощи в случае нападения России. Причем во времена пребывания у власти Бисмарка речь о войне самой Германии против русских даже не возникала - Австрия требовалась немцам пока лишь в качестве противовеса для их "нейтрализации".

Но это, в свою очередь, использовала Франция, и в 1891-1893 гг. заключила с оскорбленной Россией ряд соглашений, в том числе и оборонительную военную конвенцию о союзе в случае нападения Германии и Австро-Венгрии. Дальше пошло "скручивание" по всем линиям - словно сильного, но простоватого жениха, приглянувшегося хитрой бабенке. Соблазняли "богатым приданым", затягивая в зависимость от своих займов, кредитов, концессий. Вовсю шла игра на традиционных рыцарских чувствах русского дворянства - чести, верности слову и обязательствам, и традиционных представлениях русского народа о помощи братьям по языку и вере. Широко поддерживалась (на словах) идеологическая забота Петербурга о "братьях-славянах" и т. п. А любые трения и противоречия с потенциальными противниками всячески раздувались и преподносились в качестве персональных оскорблений: например, неравноправные торговые условия, принятые Германией для российских товаров, чтобы избежать их конкуренции. Хотя как раз с западной, меркантильной точки зрения, уж эти-то противоречия Россия могла решить гораздо дешевле - всего лишь сменой ориентации или просто ценой своего нейтралитета. Почему-то сами для себя европейские державы отнюдь не считали зазорным политическое лавирование из соображений выгоды: к примеру, Италия переметнулась из Тройственного союза в лагерь Антанты только из-за

того, что там больше посулили. И лишь в отношениях с Россией подобное заведомо исключалось - с ее стороны подразумевалось сугубо рыцарское поведение. Характерно, что Англия пришла к соглашению с Россией гораздо позже Франции, только в 1907 г. Потому что ранее именно ее считала своим главным врагом. И только после ее поражения и ослабления в Русско-японской войне пришла к выводу, что теперь основную опасность для британских интересов представляет уже не Россия, а Германия.

Отметим и то, что если Англия, Франция, Италия, Сербия, Германия, Австро-Венгрия, Япония при начале войны руководствовались вполне конкретными персональными целями, то России (не к чести ее политических руководителей) союзники заморочили голову лишь туманными и расплывчатыми обещаниями. Ей внушили мысль о необходимости защиты своих владений в Польше (которая и не потребовалась бы, не вступи она в войну), и о возможности округлить эти владения за счет польских территорий противника (что было совсем не нужно). Или о предполагаемом объединении Польши под русским протекторатом (который еще вряд ли позволили бы потом осуществить). Наобещали прирезки за счет Османской империи (вообще еще колебавшейся, воевать или нет - так что и обещания за ее счет оставались чисто гипотетическими), гарантии автономии для турецких армян под российским покровительством (и опять же неизвестно, дали бы там утвердиться или нет? Или внезапно все обеспокоились бы, как насчет усиления на Балканах?) В вопросе о статусе черноморских проливов очень неопределенно заверили в готовности идти навстречу (и уж этого наверняка не разрешили бы - потому что свободный выход через Босфор и Дарданеллы прямиком выводил Россию к зонам британских интересов на Ближнем Востоке, к которым

англичане всегда относились крайне болезненно). Правда, Англия великодушно согласилась разделить с Россией сферы влияния в Иране, Афганистане и Тибете. Но тут надо учесть, что никаких сфер влияния в Афганистане и Тибете у самих британцев не было, потому что все англо-афганские войны в XIX в. завершились для них поражениями, а попытки проникновения в Тибет оборачивались полным провалом.

Зато любые альтруистические порывы России встречали у союзников полнейшее понимание, всемерно поощрялись и поддерживались, а то и инициировались. Не зря же в июле 1914 г., в самый разгар балканского кризиса, президент Франции Пуанкаре устремился с визитом в Петербург. Удержать ситуацию под своим контролем и, если потребуется, помочь направить ее в нужное русло. Россия была единственной из главных участниц конфликта, колебавшейся перед вступлением в войну. Для других этот вопрос был предрешен.

Впрочем, тут я должен оговориться, что в контексте данной работы привел оценку достаточно одностороннюю. На самом деле, конечно же, действовали и другие важные факторы. Поскольку и сама Россия была одной из ведущих мировых держав, и в той ситуации, которая уже сложилась к лету 1914 г., альтернатива вступлению в войну была для нее весьма проблематичной. Тут накладывались и соображения международного престижа - тем более, серьезно пошатнувшегося после Русско-японской, после безоговорочной уступки австрийцам Боснии и Герцеговины. Так что очередная сдача позиций действительно угрожала бы геополитическим интересам страны, подрывала ее рейтинг на международной арене и могла отбросить ее в число второстепенных государств. Накладывалась и откровенно провокационная политика германского

кайзера, для которого выстрелы в Сараево и в самом деле стали "подарком", долгожданным предлогом к войне, к которой он шел теперь вполне однозначно. И для Петербурга вопрос, собственно, стоял в большей степени не о том, вступать или не вступать в эту войну, а о том, дать или не дать ей разгореться. А вот тут при всеобщем настрое воевать, царившем как у противников, так и у союзников, одна Россия вряд ли могла чего-то добиться.

Но с началом Первой мировой вовсю пошла ее эксплуатация со стороны "друзей". В августе 1914 г., еще не завершив мобилизацию и развертывание главных сил, она вынуждена была перейти в наступление в Восточной Пруссии только для того, чтобы спасти своих союзников, терпящих катастрофу на Марне. В результате на Марне случилось "чудо", а катастрофа постигла русскую армию Самсонова. Потом посыпались новые требования о неподготовленных, но весьма нужных партнерах наступлениях. А то и вовсе ненужных, как в 1915 г., когда французы с англичанами, собственно, ничего уже не угрожало, и основная часть германских войск перебрасывалась против России. Однако действовала инерция перенесенного страха, и все равно просили наступать. Русские оттягивали на себя германские дивизии от Вердена. Брусиловский прорыв 1916 г. спас от полного разгрома Италию.

Когда союзники стали ощущать нехватку живой силы, русские корпуса начали перебрасывать и во Францию, и на Салоникский фронт, и в Месопотамию. А когда вступила в войну Румыния, соблазняемая западными державами (несмотря на все возражения и опасения России), отдуваться за этот шаг снова пришлось русским - румыны мгновенно потерпели сокрушительное поражение, и потребовалось спасти еще и их армию, растягивая фронт на сотни

километров. Фактически над Верховным командованием России всю войну висели западные представители, оказывая сильнейший нажим, понукая, подталкивая и диктуя сроки и направления стратегических операций.

Какой-либо адекватной отдачей и в помине не пахло. В 1915 г., когда туго пришлось России - Германия переменяла планы, решив сначала сломить ее, а уже потом взяться Францию, причем как раз в это время иссякли запасы оружия и боеприпасов (готовились-то на полгода) - никаких форсированных ударов и вообще активизации действий, чтобы оттянуть вражеские соединения с Восточного фронта, союзниками не предпринималось. Вот они-то считали себя вправе пожимать плечами: "Мы не готовы". И свои операции проводили только тогда, когда сами считали это нужным, когда их войска успевали восстановить боеспособность после прошлых боев, когда в требуемом месте сосредотачивались все необходимые силы и средства. И в отличие от крови русских солдат и офицеров, то и дело лившейся во имя помощи союзникам, западные поставки оружия и снабжения были отнюдь не бескорыстными. За каждую винтовку, каждый патрон, каждую пуговицу требовалась оплата золотом. Или скрупулезно подсчитывалась и записывалась в счет российского долга разве что с надеждой расплатиться потом за счет репараций с побежденных. (Кстати, это те самые "долги царского правительства", признания которых потребовали от нынешней России при вступлении в Совет Европы. Вот ведь, даже и после Второй мировой не постеснялись предъявить! Впрочем, "совесть" - понятие не юридическое...).

Ну а поскольку совсем не заметить чрезвычайных трудов и жертв восточной союзницы уже не получалось, ее подкармливали новыми обещаниями например, в конце 1916 г. все же расщедрились и подписали

соглашение об удовлетворении России за счет Турции, посулили отдать ей Константинополь с проливами и некоторые территории в Закавказье (как нетрудно понять, и это обещание было нереальным - выше было показано, что получилось из попытки расчленив Турцию). А между тем, реальную политику союзников по Антанте очень трудно было бы назвать дружественной. Так, в Петрограде дипломаты западных держав весьма недвусмысленно поддерживали либеральную оппозицию, всю раскачивавшую тыл страны информационными войнами против царского правительства. А как же, речь ведь шла о "демократических ценностях", носителями которых считалась эта оппозиция, так что и поддержка ее даже в условиях войны выглядела для Европы делом вполне естественным. С 1916 г. в думских и великосветских кругах начал образовываться и настоящий заговор с целью отстранения, или устранения Николая II и передачи трона царевичу Алексею при регентстве более дееспособного и прогрессивного (по мнению заговорщиков) правителя. Заговор этот не сумел и не успел реализоваться, но как выяснилось впоследствии, к нему тоже были причастны союзные дипломаты.

Но ведь кроме "друзей", были еще и враги. И они тоже полным ходом вели свои подрывные действия. Собственно, еще Наполеон пытался пользоваться такими методами - в 1812г. перед вторжением в Россию он заслал своих агентов с целью организовать восстание донских казаков, наподобие "пугачевщины", поскольку имел ложные сведения об их сепаратистских настроениях и недовольстве властями (и естественно, просчитался). Но если в "рыцарском" XIX в. шпионаж все же считался позорным занятием, недостойным честного человека, то в XX тактика и стратегия ударов "ниже пояса" развернулась в полную силу. В ходе Русско-японской войны Япония произвела настоящую

революцию в военном деле путем активного и массового применения разведслужб, давшего весьма ощутимые результаты. Причем использовалось как тотальное опутывание агентурной сетью театра боевых действий с организацией диверсий, сбора и передачи разведданных, дезинформации и внедрения панических слухов, так и методы, нацеленные на дезорганизацию глубокого тыла - вроде финансирования и активизации оппозиционных сил на территории противника (например, были установлены рабочие контакты японских спецслужб с польскими революционерами).

Разумеется, этот опыт изучался и брался на вооружение другими державами. В частности, на очень высокий уровень вышла и организация спецслужб в Германии. И работа по разрушению вражеских тылов была ими развернута весьма активная, включая и морально-психологические, и экономические, и политические диверсии. А в данном отношении они, разумеется, положили глаз и на большевиков. В начале войны, когда на территории Германии и Австро-Венгрии были интернированы тысячи находившихся там русских, арестовали в общей массе и Ленина, обретавшегося в Кракове. Но выпустили его почти сразу же по ходатайству видного австрийского социал-демократического лидера Ф. Адлера. Распоряжение министерства внутренних дел Австро-Венгрии от 23. 8. 1914 г., направленное в дирекцию полиции Кракова, недвусмысленно гласило: "По мнению д-ра Адлера, Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях" ("Ленинский сборник II" под ред. Л. Каменева, М., 1924, стр. 183).

И Ленин, как известно, не обманул возлагавшихся на него надежд. Он уже в первый год войны провозглашал: "Для нас, русских, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса России, не может подлежать ни малейшему, абсолютно

никакому сомнению, что наименьшим злом было бы теперь и тотчас - поражение царизма в данной войне. Ибо царизм в сто раз хуже кайзеризма" (ПСС, т. 49, с. 14)

А в сентябре 1915 г. на Циммервальдской конференции большевики и некоторые другие примкнувшие к ним группировки социал-демократии открыто взяли курс на "поражение собственного правительства".

Перекачкой и "отмывкой" германских денег на нужды коммунистов занимался Александр Львович Парвус (Гельфанд). Одесский еврей по происхождению, один из лидеров революции 1905 г., он бежал за границу и обосновался в Германии, где стал не только видным социал-демократическим деятелем, но и преуспевающим бизнесменом. Свою родину он ненавидел, еще в Русско-японскую искал контактов с ее противниками, а затем сам предложил свои услуги немецкой разведке. Через него огромные суммы из Берлина переправлялись в Стокгольмский Ниа-банк, а оттуда при посредничестве Якова Ганецкого (доверенного лица Ленина и немецкого агента) переводились в российский Сибирский банк на счета М. Козловского и Е. Суменсон. Непосредственное участие в этих махинациях принимал и Карл Радек (Собельсон), также являвшийся кадровым шпионом Германии.

И последующее разложение России во многом стало результатом целенаправленных диверсий. Финансировались забастовочные комитеты оборонных заводов - что усиливало трудности снабжения фронта, а по цепочке вело и к нарастанию недовольства в армии. Инициировались беспорядки, активизировалась враждебная правительству агитация. Под прикрытием подпольных политических организаций внедрялась и развивала свою деятельность засылаемая агентура. Тем более что в разгар войны двери в страну оставались

широко открытыми - через Швецию можно было свободно попасть в Финляндию, входившую в состав империи, но не подчиняющуюся ее юрисдикции, неподконтрольную ни российской жандармерии, ни полиции, ни контрразведке. Именно из-за этого самому сильному разложению подверглись Балтфлот, базировавшийся в Гельсингфорсе (Хельсинки), соседние с Финляндией Петроград и Кронштадт. Были и прямые диверсии, очень смахивающие на результат германско-революционного сотрудничества. Например, в 1916 г. на рейде Севастополя в результате загадочного взрыва погиб и затонул флагман Черноморского флота дредноут "Императрица Мария". А перед катастрофой на борту корабля ... работали свои же, русские рабочие-ремонтники.

Нет, спецслужбы противника использовали не только большевиков. Поддержка оказывалась любым оппозиционным движениям, расшатывавшим государственные устои - кадетам, народным социалистам и пр. Но поскольку они при всем легкомыслии оставались патриотами России, их предпочитали задействовать "втемную", чтобы не догадывались о своих истинных покровителях - например, через подставных лиц финансируя их издания. Использовались еврейские общины, то и дело поднимавшие шум по поводу бедствий евреев в прифронтовой полосе или их преследований военными властями. Поскольку одним из традиционных промыслов приграничного еврейского населения была контрабанда, то естественно, из этой среды вербовались и шпионы. И можно даже предположить, что многих из них австро-германская разведка подставляла потом нарочно - информацию они могли давать весьма скудную, в масштабах собственного местечка, зато стоило поймать и повесить кого-нибудь из них или выселить из прифронтовой полосы

"ненадежных", подозреваемых в шпионаже (что было Законной прерогативой главнокомандующего), как тут же разыгрывался очередной скандал, будоражащий либеральную общественность и портящий отношения России с западными олигархами.

А австрийцы поддерживали и украинских националистов - для чего сами же их и выращивали. Пленных, уроженцев малороссийских губерний, помещали в отдельные лагеря, и настойчиво, при участии оплачиваемых Веной львовских профессоров, просвещали, в том смысле, что они вовсе не "русские" и имеют совершенно другие интересы. Аналогично поддерживались и польские националисты - уж им-то ничего объяснять и растолковывать не требовалось.

А теперь отметим, что все эти мощнейшие перегрузки, навалившиеся на Россию, пришлись на очень серьезный и в какой-то степени критический период ее развития. По самой специфике евразийской цивилизации важнейшую роль в ней играли не юридические или экономические, а внутренние, духовные устои. Причем существовавшие и поддерживавшие ее на нескольких уровнях персональном, коллективном - общинном, корпоративном и т. п., сословном, общегосударственном. И взаимное соответствие этих устоев на каждом уровне, взаимное дополнение и наложение, взаимное влияние "снизу вверх" и "сверху вниз" как раз и обеспечивало силу, устойчивость и стабильность Российской империи. Но в своем патриархальном варианте, характерном для XIX столетия, они оказались заметно ослабленными в результате бурного промышленного развития, новых успехов просвещения и культуры, политических и социальных реформ. Нарушилось и прежнее соответствие "духовных векторов" на различных уровнях и в различных "подсистемах" государства,

теперь диапазон их направленности стал более широким и менее стабильным, колеблющимся в зависимости от тех или иных факторов. Рассмотрим, например, триединую формулу "Бог-Царь-Отечество", которой традиционно определялись эти внутренние устои на высшем, общегосударственном уровне.

Даже в сельской местности основы религиозной морали, некогда составлявшие главный стержень бытия, неизбежно расшатывались и ослабевали по мере разрушения патриархальной деревенской общины, изменения форм хозяйствования и бытовых условий, появления новых ценностей. Среди патриотической интеллигенции, служилого сословия, а отчасти и рабочих, церковные обряды и праздники превратились, скорее, в красивые национальные обычаи, чем путь к высшей истине. Ну а всякого рода люмпены, разнорабочие и прочая "лимита", резко умножившаяся в результате промышленного скачка и оторвавшаяся от прежнего уклада жизни, вообще не верила уже ни в Бога, ни в черта. Не говоря уж об интеллигенции "демократической" или фрондирующей молодежи, для которой вера становилась просто

Официальная церковь давно уже воспринималась лишь в качестве придатка государства, а потому и самостоятельного авторитета не имела. Ну о каком авторитете может идти речь, если обер-прокурор Синода обивает пороги Распутина и погряз в правительственных интригах? Так что если где церковь и сохраняла на высоком уровне свое лицо, то только благодаря отдельным подвижникам, деятельности местных священнослужителей и других своих достойных представителей. Что уж говорить о прочности устоев веры и церковном авторитете, если, например, весной 1914 г. из 16 выпускников Иркутской духовной семинарии, принять священнический сан решили лишь двое, а из 15 выпускников Красноярской

семинарии - ни одного! Остальные предпочли пойти по гражданской части - учителями, журналистами, общественниками. Можно вспомнить и о том, что выпускниками духовных семинарий были такие деятели, как Чернышевский, Добролюбов... А также Сталин, Микоян... Кстати, весьма характерно, что в гражданскую одним из главных очагов сопротивления большевизму стало Уральское казачество - причем очагом бескомпромиссным, ни раз не зашатавшимся и не подвергавшимся расслоениям "сын против отца". Потому что уральские казаки были староверами. Их вера никак не была связана с "официальной", а являлась внутренним достоянием каждого, формировалась с рождения и оставалась крепкой, несмотря ни на что.

Вес фигуры царя в массовом сознании тоже был далеко не прежним. Все же десятилетия усилий либералов, демократов и просто западников, настойчиво превозносивших "цивилизованные" чужие порядки по сравнению с отечественными, не могли не сказаться. Да и сам Николай II немало сделал для подрыва собственного авторитета - и политическими ошибками, и историей с Распутиным, и попущениями коррупции, пронизавшей верхушку власти. Можно ли вести речь о каком-то авторитете, если он ухитрился потерять поддержку даже самых искренних монархистов, вроде Шульгина или Пуришкевича. Но только надо иметь в виду, что ошибок и прегрешений он допустил вряд ли больше, чем его предшественники на троне. Просто время другое настало, и в условиях демократизации страны и гласности - цензуры-то в России уже не существовало - любая негативная информация, действительная или мнимая, быстро расходилась по стране и откладывалась в соответствующий осадок. И кстати, если уж на то пошло, то неблагоприятных явлений в придворных и

правительственных кругах России было ничуть не больше, чем в современных им правительствах Европы. А уж по сравнению с тогдашними президентами США все грехи отечественной верхушки выглядят детским лепетом. Но оценка-то их шла с совершенно разных позиций и по иным критериям. К повальной коррупции и хищничеству вокруг американских правительств их сограждане в те времена привыкли и считали это вполне естественным. Да и кто такой, в конце концов, президент? Всего лишь один из граждан, которому посчастливилось больше других. А через четыре года до своего счастья дорвется следующий. А царь был не только человеком, но и духовным символом, и любое пятно на его персоне воспринималось крайне болезненно.

Символ "Отечества" к 1914 г., наверное, пострадал меньше других. Но тоже пострадал. Многолетние усилия либералов и западников и тут не прошли без следа. Могли ли хоть косвенно не сказаться на уровне патриотизма постоянные и упорные доказательства, что все "наше" - плохое и реакционное, а все "ихнее" - лучше и прогрессивнее. Да и вообще о каком патриотизме могла идти речь в тех "демократических" кругах, где, скажем, были в моде и вызывали восторги стихи Веневитинова:

Грязь, вонь, клопы и тараканы, И надо всем хозяйский кнут, И это русские болваны Святым отечеством зовут...

Нельзя забывать и о том, что в триединой формуле национальных устоев все составляющие были неразрывно взаимосвязаны. И ослабление религиозной части триады или символа царя сказывалось и на понятии Отечества. Но тем не менее, начало войны вызвало бурный патриотический подъем, в котором сомкнулись сторонники самых различных взглядов. Одни душой восприняли, что Россия воюет "по правде",

за братьев-славян и против ущемления своих государственных интересов. Других радовало, что она оказалась на стороне "демократических" держав. Третьи строили радужные гипотезы о ее дальнейшем усилении в случае победы...

Однако у данного явления существовала и обратная сторона. Потому что произошло обычное в условиях любой войны расслоение. На патриотов, которые оказывались на фронте, и шкурников, концентрирующихся в тылу. Уходили воевать добровольцами лучшие рабочие, а на их места хлынула "лимита", привлеченная бронью от призыва, которую предоставляли оборонные заводы. На фронте сражались и погибали в первых рядах лучшие солдаты и офицеры, а в тыловых штабах и запасных частях окапывались и пытались зацепиться искатели безопасных и теплых местечек. Наконец, ведь и сам царь был на фронте. А в тылу - оппозиция, настраивающая против него общественное мнение и стремящаяся нажить политический капитал на каждой неудаче. То есть, указанное расслоение вызвало идеологическую поляризацию страны, которая, ко всему прочему, носила явно выраженный территориальный характер.

И, кроме того, по всем законам психологии после любого эмоционального подъема неизбежен спад. Что и произошло после всенародного патриотического всплеска 1914 года, когда война пошла совсем не так, как предполагалось, когда она стала все сильнее затягиваться, оборачиваясь невиданными доселе потерями и лишениями. Ну а особенность русского менталитета, ориентировка его на духовные ценности, делала его особенно восприимчивой к подрывной пропаганде. Тут ведь достаточно было зародить сомнение, что война справедлива. И на моральную

усталость солдатских и тыловых масс накладывалась моральная разобщенность и дезориентация.

В целом же, можно констатировать, что ослабление и частичная разориентация прежних духовных устоев российской цивилизации, имевшие место в конце XIX - начале XX в. в. и произошедшие по вполне объективным причинам, сами по себе были вовсе не смертельными для государства. Это была своего рода "возрастная болезнь". И постепенно, путем внутренней эволюции, их традиционные патриархальные формы как-то трансформировались бы и снова окрепли в более современных и соответствующих эпохе вариантах. Но военных перегрузок, случайных и целенаправленных, они не выдержали, и надлом произошел именно там, где эти устои оказались наиболее ослаблены и расшатаны - в столице. А дальше уже пошла цепная реакция разрушения. Усугубил которую сам царь, пошедший в условиях создавшейся поляризации на поводу у одного, деструктивного полюса. Он даже не попытался опереться на другой, в лице фронтовых полков - где на тот момент устои "Царя" и "Отечества" еще сохраняли определенный запас прочности, и где его еще поддержали бы безоговорочно. Разумеется, без большой крови наведение порядка было уже невозможно, ну а Николай II по своему складу не был "грозным". И, в общем-то, его действия можно трактовать по-разному. Можно считать, что он поступил "по-европейски", подчинившись "общественному мнению". А можно считать - и по-русски, если его собственные духовные нормы не позволили ему устроить побоище.

Остается лишь добавить, что за все политические и военные перегибы в пользу Запада, за послушное и безоговорочное следование в кильватере союзнических интересов, сами союзники расплатились с царем "сполна", пальцем о палец не ударив для его спасения.

И когда Временное Правительство соглашалось выпустить императора и его семью за границу, предложив этот вариант Англии (где ко всему прочему, правила родственники Николая Романова), та отказалась их принять. Решила, что этим может омрачить отношения с "русской демократией". Которые требовались для тех же самых целей - удержания России в кильватере союзнических интересов и продолжения войны.

3. Обвал

Февральская революция вызвала у западных союзников России больше легкомысленного энтузиазма, чем озабоченности - ну как же, наконец-то их отсталая партнерша взялась за ум и переходит к "цивилизованным" формам жизни по их собственным, правильным образцам. И, между прочим, это стало одним из толчков для вступления в войну США. Теперь ведь и сама война приобретала новый, и ох, какой красивый пропагандистский имидж - борьба "мировой демократии" против "остатков авторитаризма"! Получается - за всеобщую свободу!

Ну а для противоборствующего лагеря момент хаоса и эйфории политических свобод оказался подходящим, чтобы более активно, то есть уже напрямую, пустить в ход свою козырную карту - большевиков. При прямом содействии и участии немецких спецслужб 30 эмигрантов во главе с Лениным были из Швейцарии провезены транзитом через территорию воюющей Германии, как образно говорили, в "опломбированном вагоне" - то есть, под контролем разведки и полиции, без проверок паспортов и таможенных формальностей. И благодаря этому, попали через Швецию и Финляндию в Россию первыми, раньше патриотически настроенных эмигрантов, вынужденных ехать кружными путями через Англию и США. Впоследствии генерал Людендорф писал в своих мемуарах: "Наше правительство, послав

Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения. Нужно было, чтобы Россия пала".

Был ли немецким шпионом сам Ленин? Формально - вряд ли. Все же он был достаточно осторожен, чтобы оставить где-нибудь подпись о вербовке и подставиться таким образом под опасность будущего шантажа. Но он не мог и не знать, на кого работает, кто его финансирует, с кем связаны его ближайшие соратники. Русская контрразведка в 1917 г. располагала исчерпывающими доказательствами шпионской деятельности таких видных большевиков, как Радек, Раковский, Коллонтай, Ганецкий. Осенью 1918 г. в США с санкции президента Вильсона правительственным Комитетом общественной информации был обнародован ряд документов, попавших в руки американцев. Среди них - указание Германского Имперского банка No 7433 от 2. 3. 1917 г. представителям всех германских банков в Швеции: "Вы сим извещаетесь, что требования на денежные средства для пропаганды мира в России будут получаться через Финляндию. Требования будут исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, текущие счета которых открыты в соответствии с нашим приказом No 2754 в отделениях частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все требования должны быть снабжены подписями "Диршау" или "Волькенберг". С любой из этих подписей требования вышеупомянутых лиц должны быть исполняемы без промедления".

Комментарии, как говорится, излишни.

Параллельно был организован и второй, более скрытый канал перекачки денег из Германии. По дороге в Россию Ленин создал в Стокгольме Заграничное бюро ЦК партии из Воровского, Ганецкого, Радека и Семашко. Под видом "частных пожертвований"

средства туда должен был передавать швейцарский коммунист Карл Моор. Он был близким другом Ильича, в качестве члена кантонального парламента и правительства в 1916 г. давал поручительства для получения вида на жительство и Ленину, и его пассии Инессе Арманд. И, кроме того, являлся секретным агентом немецкой и австрийской разведок, работавшим под кличкой "Байер". Поступающая от него информация считалась очень ценной, с ней знакомился сам канцлер. В 1957 г. в ФРГ были опубликованы документы, согласно которым именно он освещал переезд коммунистических эмигрантов через Германию в Россию. А в 1958 г. большую подборку секретных материалов, доказывающих финансирование немцами ленинской партии, привел английский историк З. Земан в сборнике "Германия и революция в России (1915-1918). Документы из архивов германского министерства иностранных дел".

Исследователи предполагают, что большевики привезли с собой в Питер около 50 млн. марок золотом. Так что возможности у Ленина были солидные. Рекламу ему создали сами лидеры Февральской революции торжественной встречей - ну как же, первые вернувшиеся эмигранты, вестники свободы! А условия для его деятельности создались - лучше и не придумаешь, так как Россия и без него стремительно разваливалась, и большевикам оставалось только поддерживать этот процесс и готовиться к перехвату власти.

Относительно причин катастрофы России в 1917 г. впоследствии высказывались различные мнения. В частности, и такие, что Временное Правительство попыталось внедрить в стране западные формы парламентаризма и демократии, к которым русский народ оказался не готов. Или еще "не дорос" до демократии, соответствующих прав и свобод. Или

западные демократические модели оказались вообще непригодными для России, и произошло отторжение. Но авторов подобных теорий можно упрекнуть, мягко говоря, в некоторой исторической некомпетентности. Или в подгонке фактов под свои схемы.

Во-первых, потому что этнические особенности и политические формы это вещи совершенно разноплановые, и однозначно друг с дружкой ни в коем случае не увязываются. И Новгородская вечевая республика, и казачья демократия, и земское самоуправление оставались по своей сути явлениями сугубо русскими. А британская или шведская монархии как в период абсолютизма, так и в период конституционного правления являлись и являются продуктами чисто западной цивилизации. Древний Рим успел в свое время побыть и республикой, и империей, не переставая при этом быть тем же Римом. На месте Османской империи, империй Габсбургов и Гогенцоллернов, совершенно не похожих друг на дружку, сейчас успешно существуют парламентские республики, что не мешает туркам оставаться турками, австрийцам австрийцами, а немцам - немцами.

Во-вторых, само утверждение о том, что Февральская революция принесла в Россию парламентскую республику и демократические свободы, является не более чем историческим и пропагандистским штампом, весьма далеко от действительности. Поскольку Временное Правительство по своим полномочиям и прерогативам было куда более "самодержавно", чем царское. Царское разделяло власть с Думой, а Временное объединяло в своем лице и законодательную, и исполнительную власть. Некоторые, и весьма неуверенные игры в парламентаризм - в виде Государственного, Демократического совещаний, потом "Временного Совета Российской республики", не обладавшего,

впрочем, законодательными функциями, начались только с августа 17-го, когда страна уже развалилась. И начались как раз в поисках выхода из тупика и в попытках хоть какой-то консолидации. А что касается политических форм именно "западного типа", то они были установлены не Февральской, а Октябрьской революцией в виде Совнаркома - правительства "парламентского большинства", и многопартийных Советов. И именно это позволило коммунистам обрести поддержку левых партий и удержаться в "легитимном" или "квазилегитимном" качестве. Так что не сходитя насчет "отторжения". Ну и, наконец, - все демократические права и свободы Россия к моменту Февральской революции уже имела... При царе...

Поэтому причины катастрофы надо искать в явлениях совершенно другого порядка. Не в привнесении "чужого". А в бездумном отрицании и разрушении "собственного". Потому что после свержения царя и компетентного (или пусть даже недостаточно компетентного) царского правительства до власти дорвались политики. Совершенно некомпетентные в вопросах практического руководства государством, но возводящие в абсолют свои лозунги и программы. Нет, они не кинулись разворовывать страну, как это было с демократами 90-х, поскольку были в большинстве своем честными и искренними идеалистами. Да только в данном случае "простота" оказалась "хуже воровства". До революции они существовали одной лишь критикой и осуждением царизма, признавая его безусловно "реакционным". Вот и начали с уничтожения всех "реакционных", по их мнению, структур, сопутствующих царизму и признанных его "атрибутами": и института губернаторов, и полиции, и жандармерии. Фактически, сразу же была сокрушена вся вертикаль российской власти.

Как уже отмечалось, к февралю 17-го страна уже имела все демократические права и свободы примерно в том объеме, в котором это может себе позволить любое цивилизованное государство. Но ведь либеральная оппозиция только и жила лозунгами этих прав и свобод, только в их провозглашении видела свою программу-максимум! А то, что Россия получила при царе, было, конечно же, вовсе и не свободами. Значит, придя к власти, надо было провозгласить что-то еще, более полное, более широкое. А что? И в бездумном "торжестве демократии" снимались последние ограничения - то есть те, которые диктовались обычными здравыми соображениями государственной целесообразности и безопасности. К свободе партий добавлялась и свобода экстремистских партий, к свободе слова - полная свобода, вплоть до вражеской пропаганды, к свободе печати - отмена даже военной цензуры, без которой ни одно воюющее государство никогда не обходилось, к гражданским правам - фактическое отрицание гражданских обязанностей...

Словом, разрушение государства только началось "снизу" в виде нескольких стихийных бунтов в Петрограде и на Балтфлоте. А продолжилось-то оно "сверху", целенаправленным уничтожением "плохого своего" и насаждением неких теоретических идеалов демократии. Которые на самом деле ничего общего с "западными моделями" не имели.

Скажем, после свержения кайзера возникла Веймарская республика во главе с социал-демократами - и уцелела, 15 лет продержалась. Не только из-за того, что была ближе германскому менталитету, чем Временное Правительство - русскому. А в немалой степени из-за того, что германская социал-демократия никогда, собственно, не нападала на необходимые институты кайзеровского (да и любого другого) государства, и сохранила их. Потому что как-то и не

связывала их с монархией. Но русские либералы и демократы, отягощенные комплексом западничества и "национальной неполноценности" связывали. Раз существовало при царе - значит "антидемократичное". Значит долой.

Ну, мыслимое ли это дело, чтобы в самом что ни на есть демократическом государстве солдатам предоставлялось право голосованием отстранять командиров? Обсуждать их приказы? Чтобы в разгар войны правительство не только поощряло, но и насаждало "свободу митингов и демонстраций"? Да, в общем-то, бедствие и приняло необратимый характер после того, как волна "демократизации сверху" обрушилась на армию - далеко уже не кадровую, а на огромную массу случайных людей, выбитых из колеи призывом, вырванных из привычных жизненных условий, уставших и ошалевших от ужасов войны, да еще и дезориентированных столь резкими политическими переменами.

Но если дорвались до власти одни политики, другим тоже хочется. А конкурировать они могли лишь в "углублении достижений революции", то есть в дальнейшем расшатывании и разрушении государства. И в результате этого соревнования возникли параллельные правительству структуры Советов, сложилась катастрофическая система двоевластия. Точнее - безвластия. Потому что действия одной ветви тут же парализовывались и усугублялись действиями другой - само Временное Правительство дало для этого конкурентам полные "права и свободы". И остановить деструктивные процессы стало уже невозможно, поскольку под боком у государственной власти сформировалась мощная оппозиционная сила, которая после сделанных губительных шагов подталкивала ее к следующим, в том же направлении. Да и о какой власти можно серьезно говорить, если за восемь месяцев

сменилось четыре кабинета Временного Правительства? Одни демагоги приходили, "углубляли революцию" по-своему, но приводило это лишь к новым ухудшениям, и при очередном кризисе они уходили, уступая место другим демагогам, еще более некомпетентным и радикальным.

И разрушение тех самых внутренних устоев, которые определяли единство российской государственности, шло все более стремительными темпами, принимая лавинообразный характер. Символ "Царя" не пойми откуда выплывавшие и быстро меняющиеся фигуры новых министров никак не заменяли, да и не могли заменить. Этот символ фактически олицетворял власть и порядок, а они бестолковщину и хаос. О Боге либералы и демократы, конечно же, вообще не вспоминали, - даже те, кто сам верил - это было бы слишком "реакционно", да и церковь, как часть прежнего государства, признавалась "дискредитированной". А дальше пошло и интенсивное разрушение устоев "Отечества". Ну а как же иначе, если все революционные факторы целенаправленно или "не нарочно", били по самой "государственной психологии" русского человека? Скажем, та же массивная пропаганда и возведение в абсолют демократических свобод нацеливалась на приоритеты личных, эгоистичных и эгоцентричных ценностей: ты можешь, тебе разрешается, ты имеешь право. Ну а при сокрушении "государственного" и заполнении образующегося вакуума "индивидуальным" естественным итогом становилась анархия.

Да и как было сохранить прежние психологические устои "Отечества", если само Отечество с потерей вертикали власти и ее основных рычагов стало быстро разваливаться? Всплыли и национальные, и региональные проблемы больше усилиями местных политиков, чем местного населения. И Финляндия, и

Украина, и Прибалтика, и Кавказ, и казаки, и Сибирь объявляли кто о суверенитете, кто об автономии. А центральное правительство и не могло, и не хотело реагировать на всю эту вакханалию должным образом. Во-первых, не имея средств воздействия, которые само из-под себя выбило, и во-вторых, не считая себя вправе уподобляться "царским сатрапам", поскольку такие явления вполне вписывались в провозглашенные "свободы". А коли так, то и понятие "Отечества" начало съезживаться до пределов своей губернии, своей деревни и своего двора. А до Рязани немец, небось, не дойдет - значит, и воевать зачем? И если в 1914 г. защита далеких и абстрактных братьев-славян представлялась своим, кровным делом, то к лету 1917 г. уже и соотечественники, гибнущие на фронте, становились "чужими" - ведь с индивидуальной точки зрения важнее было уцелеть самому, вернуться побыстрее в деревню и урвать земли.

Классический вопрос пропагандистов: "Вот тебе лично, зачем нужны эти проливы?" в прежней системе ценностей был бы вообще неуместен, так как проливы нужны были не солдату лично, а царю, то есть всему Отечеству. И нужны ради справедливого и богоугодного дела помощи тем же славянам и армянским христианам. А с заменой царя Временным Правительством принимался на веру уже и явный, но логичный абсурд, что проливы нужны персонально Милюкову или Рябушинскому ради больших барышей. Ну а формула "мир без аннексий и контрибуций", выдвинутая, кстати, не большевиками, а еще в апреле эсерами и социал-демократами, лишала войну и последнего, видимого смысла - ради чего ж тогда вообще кровь лить? И фронтовые части "самодемобилизовывались", а многотысячные массы запасных частей рисковать жизнью не желали и с оружием готовы были отстаивать свое право уцелеть в

тылу. А забастовщики требовали повышения зарплаты, в несколько раз превосходящей прибыли их предприятий - кого волнуют такие мелочи, если каждый за себя?

Словом, к катастрофе приложили руку все. И политические силы, ослепленные борьбой за власть и сделавшие из нее самоцель, из чего и их установки на "углубление революции" приобретали самодовлеющий характер. И русская интеллигенция, эйфорически поддерживавшая эту свистопляску. И военные, слишком поздно взявшиеся за ум и за оружие, а в большинстве вообще не взявшиеся. И крестьяне с рабочими, очень быстро сумевшие переориентироваться в новых условиях на задачи личной выгоды. В XVII в., чтобы выйти из бедствий Смуты, перед избранием Михаила Романова, было назначено всенародное покаяние. Тем самым признавалось, что в этих бедствиях в большей или меньшей степени повинны все. Персонально, каждый. Так было и в 1917 г., но вот до покаяния дело не дошло...

К обвалу России не преминули приложить усилия и ее западные партнеры. К лету 1917 г. "демократизированная" русская армия была уже практически небоеспособной. Но в пассивной обороне она могла держать фронт еще долго, тем самым по возможности связывая и силы немцев. Об этом предупреждали союзников и российское командование, и Временное Правительство. Но никакие соображения не были приняты в расчет - западные "друзья" задумали общее наступление и настояли, чтобы в нем участвовали и русские армии. Что было равноценно тому же понуканию чужой кобылы, но уже совершенно загнанной и больной. Кстати, а сами, по своему обыкновению, задержались против собственных назначенных сроков, поскольку были "не готовы" - пусть сначала русские отвлекут врага на себя. И наступление

стало роковым - Восточный фронт рухнул окончательно, дальше пошла уже его агония. А неудача и вызванное ею возмущение в стране углубили и усугубили общую катастрофу России.

Впрочем, спасение было еще возможно, но лишь путем немедленного и кардинального усиления центральной власти, то есть введения диктатуры. Да только ведь само это слово всегда было оскорбительным для любых демократов. Хотя если разобраться, такое отношение тоже целиком относится к области пропагандистских штампов. Даже вспомнив происхождение данного термина, мы увидим, что диктатура отнюдь не является антитезой демократии. В Римской республике она вводилась на вполне законных основаниях, и именно в моменты самых острых кризисов, когда консульская демократическая власть признавалась недостаточно сильным инструментом. Да и в современной цивилизации она нередко и весьма успешно играла аналогичную роль - можно привести примеры диктатуры Маннергейма в Финляндии, Пилсудского в Польше, де Голля во Франции, наконец и Пиночета в Чили (на которую повешали куда больше собак, чем она того заслужила).

Да кстати, у русских демократов наглядный пример перед глазами был. Пример вполне "прогрессивной" и демократичной Франции, где в апреле-мае 1917 г. полыхнул революционный взрыв. Бунтовали войска, бросали фронт, несколько полков двинулись на Париж. Но Клемансо немедленно принял самые решительные и жесткие меры. Одним махом арестовал всех смутьянов, не считаясь даже с министерскими или депутатскими рангами, а взбунтовавшихся солдат без малейших колебаний усмирил военно-полевыми судами и расстрелами - зато страна была спасена. И французская общественность ничуть его за это не осудила. Но могла ли разбушевавшаяся демократия и демагогия

революционной России вообще воспринять саму возможность сильной военной власти? Это значило пойти против собственных лозунгов, против собственной предшествующей деятельности. И что немаловажно - уступить саму власть кому-то другому, более подходящему для наведения порядка. И "диктатуру" сделали жупелом, красной тряпкой, которой пугали народ, и ярлыком, который навешивался политическим противникам. И вместо попыток укрепления государственных институтов и рычагов процесс направлялся в обратное русло, к концу своего существования российское "реформаторство" вообще захлебнулось собственными словами, утонуло в речах и увязло в межпартийной грызне.

В общем, главным последствием Февральской революции можно считать не установление "демократии" и не свержение царя, а слом государственной власти как таковой. Дальнейшее существование страны обеспечивалось уже не властью, а инерцией прежней власти. Которая действовала еще восемь месяцев, постепенно затухая, оказывая все меньшее воздействие на население, и соответственно, получая все меньшую отдачу и поддержку. А к октябрю 1917 г. эта власть ослабела настолько, что с ней и совсем почти перестали считаться, поэтому и захватить ее без особого труда мог любой, кто захочет. Захотели, как известно, большевики.

4. Большевики и их база

Генерал А. И. Деникин впоследствии писал: "Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала послужили большевики, я протестую. Россию развалили другие, а большевики - лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках ее организма".

Действительно, разваливали страну лично честные и искренние либералы, демократы и социалисты, фетишизирующие "завоевания революции" и

утопающие во взаимных дрязгах в борьбе за власть. А большевики в это время действовали. Действовали они по трем главным направлениям - собственной организации, завоевания рейтинга в массах и создания своей силовой опоры.

Фактически, Ленину пришлось заново создавать свою партию. Во-первых, в эмиграции он отнюдь не был звездой первой величины, а являлся лишь одним из многих лидеров грызущихся между собой политических групп - ведь не только социал-демократия вообще, но и большевики в частности разделялись на целый ряд конкурирующих течений и направлений. Поэтому авторитет его был далеко еще не безграничен. Даже редакция "Правды" пропускала на свои страницы не все работы Ильича, а выдвинутые им по приезду в Россию "Апрельские тезисы" бюро ЦК отвергло подавляющим большинством, и в газету они хотя и попали, но лишь с пометкой, что это "личное мнение тов. Ленина". А во-вторых, многие из прежних сторонников, теоретиков-эмигрантов и легальных российских оппозиционеров, для новых глобальных задач оказались просто непригодными. Так что волей-неволей им теперь приходилось оттесняться на второй план или перетекать в меньшевистский лагерь, а на их места в окружении вождя выдвигались новые, более подходящие кандидатуры, а то и приходили "со стороны", как Троцкий и Дзержинский, прежде к большевикам себя не относившие.

Немецкие деньги, беспринципность и напористость давали Ленину мощные преимущества во внутрипартийной борьбе, а важнейшую практическую роль в данном вопросе сыграл Яков Михайлович (Мовшович) Свердлов - личность в нашей истории достаточно темная и до сих пор представляющая массу загадок. Будучи одним из региональных деятелей, он случайно очутился в нужный момент в Питере, где и

подвернулся под руку Ильичу. Все современники, и его друзья, и враги, отмечают такие качества Свердлова как колоссальная энергия и исключительные организаторские таланты, которые и пришлись Ленину куда как кстати.

При начавшихся перетасовках партийных органов Ильич протолкнул его во главу Секретариата ЦК - на пост, прежде считавшийся чисто бюрократическим и маловажным. Но на этом посту как раз Свердлов явился родоначальником известной номенклатурно-кадровой политики коммунистов - систематического продвижения "верных" людей на те или иные ключевые должности. Это позволяло относительно-небольшими силами брать под контроль нужные структуры и организации (именно у него выучился этой методике В. М. Молотов, работавший с ним в Питерском Военно-революционном комитете, и в сталинские времена широко использовавший полученную науку). Те же способы были применены для распространения большевистского влияния на Советы. Не на все Советы - на все у большевиков и к Октябрю сил не хватило бы. Но тем и хороши были номенклатурно-кадровые методы, что внедрять своих представителей требовалось только в главные точки, способные сыграть основную роль в грядущих событиях.

В другом направлении своей деятельности, "борьбе за массы", большевики заведомо оказались в выигрышной позиции. Потому что оголтелую гонку за популярностью развернули и без них все российские демократические партии, причем главными аргументами стало соревнование в "революционности" левизне и радикализме. Так что ленинцам оставалось только подстроиться к этой гонке и принять ее условия, поскольку в любом раскладе они оказывались самыми левыми и самыми радикальными. А не хватало своих лозунгов, они и чужие перенимать не брезговали -

эсеровские, меньшевистские, абы в нужную сторону срабатывало. Ну а те партии, которые, одумавшись, обвиняли их в экстремизме, подрубали под собой сук, на который сами же сели, так как тем самым расписывались в собственной недостаточной "революционности".

Но естественно, захват власти был немыслим и без силовой составляющей - собственных или подконтрольных партии боевых отрядов. И в данном отношении главной опорой большевиков стали отнюдь не "рабочие", как это преподносила их пропаганда, и как это запечатлелось в учебниках истории. Фактически, такой опорой стала обычная шпана.

Пожалуй, тут уместно сделать отступление, хотя и не относящееся непосредственно к описываемому периоду, но важное для представления общей исторической картины. Если рассмотреть вопрос, насколько была развита преступность в России XIX - начала XX вв., то оказывается, что довольно незначительно. Просто условия для ее разгула были совершенно неподходящими.

Отметим хотя бы весьма совершенную российскую правоохранительную систему. Нынешние представления о ней оказались в значительной степени искаженными под влиянием сатирических штампов держиморды-городового, лениво гуляющего по базару, или взяточника-городничего, запустившего все дела. Но на самом деле, эта система была одной из самых эффективных в мире, а функционировала четко и слаженно, составляя единую стройную структуру государственного правоохранительного контроля. На верхней ее ступени стоял министр внутренних дел - куда более значительное лицо, чем теперь. Это был второй пост в государстве после премьера (а то и совмещавшийся с премьерским), поскольку министр действительно ведал всеми "внутренними" делами,

организацией административного управления внутри страны непосредственно ему подчинялись губернаторы. В их ведении, в свою очередь, находились и административные, и полицейские структуры местного уровня, и так далее. Низшим же звеном данной системы являлись сельские старосты, а в городах - дворники. В то время, кроме уборки улиц, в их прямые обязанности входила и охрана правопорядка на своем клочке территории. В качестве должностного лица каждый дворник получал служебную полицейскую бляху, обладал правом задержания нарушителей спокойствия и подозреваемых в каком-либо преступлении, и непосредственно подчинялся квартальному надзирателю, т. е. "участковому".

Короче, это была та самая всеобщая система "недреманного ока", которую так презирали и против которой так протестовали представители передовой отечественной интеллигенции. Хотя с другой стороны, в то время можно было ночью без опаски ходить по улицам, о систематических квартирных кражах и слыхом не слыхивали, ограбление среди бела дня ворвавшейся шайкой показалось бы просто невероятным, да и террористы с маньяками сплошь и рядом не разгуливали. Так что можно бы и задуматься: что все-таки лучше? Между прочим, на "благословенном" Западе, со свободами которого наши либеральные и демократические круги так любили сравнивать постылую родную действительность, преступность уже тогда чувствовала себя куда более комфортабельно, чем в России.

А в нашей стране бандиты и жулье могли более-менее вольготно ощущать себя разве что в трущобах, вроде пресловутой Хитровки. Однако число подобных мест было весьма ограничено (не зря же такой сенсацией стало их описание Гиляровским). Ясное дело, полиция имела в них своих осведомителей, поэтому и

знала преступный мир наперечет. Так что городской и в самом деле мог себе позволить спокойно прогуливаться по базару, калякая с бабами и регулируя мелких нарушителей - если случилось что-то более серьезное, он обычно уже по характеру преступления знал узкий круг лиц, среди которых надо искать виновного. Да и сама по себе трущобная специфика являлась серьезным ограничительным фактором для роста преступности. Согласитесь, что не очень-то велик соблазн стать "джентльменом удачи", если этому сопутствует жизнь "на дне", в притонах и ночлежках.

Но, пожалуй, еще более мощной преградой для развития уголовной среды были прочные моральные устои тогдашнего россиянина. Скажем, если поднять самые громкие уголовные дела конца прошлого - начала нынешнего века (см. напр. Н. В. Никитин, "Преступный мир и его защитники", М., 1996), то можно обнаружить удивительный факт: расследование большинства из них не стоило правоохранительным органам ни малейшего труда. Преступника замучивала его собственная совесть, и он сам шел сдаваться с повинной! Поэтому описанные у Достоевского душевные страдания Раскольникова вовсе не плод писательской фантазии, а самая что ни на есть обычная реальность своего времени, как бы странно она ни выглядела с точки зрения россиянина сегодняшнего. И наоборот, дореволюционные попытки русских авторов вроде В. В. Крестовского, Н. Э. Гейнце, А. Е. Зорина, А. Н. Цехановича, писать детективы обычно оказывались неудачными, и их произведения выглядят довольно жалко и надуманно. Все их "петербургские тайны" представляли собой лишь подражание "парижским тайнам", а то вроде как даже стыдно было за свою спокойную и благополучную страну, где подобной "романтики" и в помине не существовало.

Не лишне вспомнить и былую строгую придирчивость общественного мнения. Далеко не любые деньги открывали доступ к более высоким жизненным благам. Какой бы капитал ни сколотил делец сомнительными махинациями, он не имел ни малейших шансов войти в круги солидного общества - ни дворянского, ни интеллигентского, ни купеческого. В лучшем случае, мог надеяться, что туда попадут его дети и внуки, когда по крупицам сумеют создать свою собственную безупречную репутацию.

И особенно важно отметить, что подобное отношение было характерно не только для привилегированной верхушки общества, оно относилось к явлениям общенациональным. Существовали, конечно, злодеи-разбойнички, в семье не без уроды. Да в том-то и дело, что в народной массе они воспринимались именно моральными уроды. Нет в русском фольклоре благородных Робин Гудов и вызывающих симпатии Картушей. Все разбойники в народных сказках и преданиях предстают персонажами сугубо отрицательными, зачастую связанными с нечистью и запродавшими ей души (см. напр. "Разбойничьи сказки" в пересказе В. Цыбина, М., 1993). В лучшем случае, подобно легендарному Кудеяру, им предоставляется право уйти в монахи и замаливать прошлые злодеяния. Уж, казалось бы, какую посмертную благодарность должен был заслужить в устном народном творчестве Стенька Разин! Но прославил его своим "Утесом" интеллигент Навроцкий, а в народной памяти Разин навеки осужден за душегубство на заточение в глубокой пещере, есть щи из горячей смолы и грызть каменные пироги. Причем рассказывает Гиляровскому это предание не купец или земледелец, а бывший есаул разбойничьей шайки (В. Гиляровский, "На жизненной дороге", Волгоград, 1959).

В строгом деревенском мире преступник, в том числе и оправданный по каким-то юридическим обстоятельствам или отбывший законное наказание, все равно до конца дней обречен был оставаться "неприкасаемым", окруженным стеной отчуждения. Вот и прикиньте, какой психологический барьер требовалось преодолеть человеку, чтобы из своей родной среды окунуться в уголовную. А уж если окунулся, обратного хода в деревенскую общину ему не было, и оставались пути только в городские притоны или заводскую рабочую массу, где устои общественной морали были гораздо слабее, и этим вопросам не придавалось такого острого значения. (Кстати, и в воспоминаниях того же Гиляровского разбойники в промежутках между главным промыслом пристраиваются то в артели портовых грузчиков, то на белильном заводе).

Конечно, параллельно с бурным промышленным ростом начала века положение постепенно менялось. И традиции прежней морали ослабевали, и среда для подпитки преступности значительно расширялась. А частичное смыкание уголовщины с "политикой" произошло еще в период революции 1905-1907 гг., когда боевые организации эсеров, анархистов, максималистов, большевиков взяли на вооружение чисто уголовные методы - по всей стране совершались "эксы" (экспроприации), то бишь вооруженные ограбления банков, магазинов, частных лиц, внедрялся широкомасштабный рэкет крупных землевладельцев, промышленников, банкиров и торговцев, с которых под угрозой расправы собирались крупные суммы "на нужды революции". А там проверь - на чьи нужды. Восстания сопровождались погромами и грабежами, терактами сводились счеты с представителями правоохранительных органов. Не мудрено, что, воочию убедившись в силе и удобстве организации, к

политическим громилам начали примыкать блатные. А революционная молодежь перенимала опыт у них, все меньше считаясь с идеологическими программными установками своих партий, и все больше увлекаясь практическими выгодами. Да и на нарах потом рядом сидели.

Новый толчок росту преступности дала война. Как уже отмечалось, теперь и рабочая среда оказалась сильно разбавленной нахлынувшими люмпенами. Подпитка шла и за счет неустроенных беженцев с оккупированных территорий, и за счет дезертиров. Ну а Февральская революция подарила уголовщине полную свободу действий. Да она и сама активно поучаствовала в событиях. Во время стихийного бунта в Петрограде 27. 2. 17 г. солдаты, рабочие и шпана первым делом открыли ворота семи городских тюрем, выпустив всех заключенных, и в дальнейшем вожаками обезумевших толп, громивших полицейские участки и поджигавших здания судов, зачастую выступали блатные.

А вслед за столицей и в других городах "революционная демократия" первым делом считала своим долгом открыть "царские" тюрьмы, и заодно с единицами "политических" получали свободу десятки и сотни уголовных. А Временное Правительство вышло из создавшегося положения очень просто. Не могло же оно искать и арестовывать тех, кого "освободила революция"! И в марте 1917 г. была объявлена общая амнистия. В результате которой и те тюрьмы и каторги, которые еще не были разгромлены, хлынули на волю. 100 тысяч бандитов, воров, убийц, жуликов... Да ведь и цифра-то смехотворная по сегодняшним меркам! По сравнению с любой из нынешних амнистий! А ведь 100 тыс. - это было общее "население" всех тогдашних тюрем! Но только выплеснулись они в атмосферу хаоса, анархии и официально провозглашаемой вседозволенности, а вся четкая и отлаженная

правоохранительная система России была сметена и "отменена" под одну гребенку с "царским режимом". Результаты говорят сами за себя: если за весну 1916 г. в Москве было зарегистрировано 3618 преступлений, то за весну следующего - более 20 тыс., а количество крупных краж выросло в 5 раз. Это только зарегистрированных, а в том, большая ли доля преступлений регистрировалась в революционном развале, позволительно усомниться.

Освобожденных блатарей стали брать в армию - например, в одном лишь Томском гарнизоне насчитывалось 2300 уголовников. Что и стало одной из причин быстрого разложения вооруженных сил. Уж конечно, тюремные авторитеты и в казарме умели завоевать видное положение среди разобщенных и растерянных новобранцев, так что без особого труда оказывались в различных солдатских комитетах, определяя жизнь и нравы серошинельной массы. Но понятно и то, что большинство бывших зэков на фронт отнюдь не стремились. А избежать этого тоже было легко, окопавшись под крылышком местных Советов, в формируемых ими отрядах милиции и Красной Гвардии, куда охотно принимали любых добровольцев. И уж как при этом назвать себя - большевиками, анархистами, эсерами-максималистами, в тот период особой роли не играло. Как на душу придется, или какая партия верховодит в данном Совдепе. Сплошь уголовной была Красная Гвардия в Восточной Сибири, где располагались главные центры каторги - Шилка, Нерчинск, Акатуй, Якутка, Сахалин. Каторжник Махно еще летом 17-го возглавил Совет в Гуляй-Поле и установил у себя "советскую власть" задолго до падения Временного Правительства. Для целей Ленина урки вполне подходили, поскольку как раз у этого контингента моральные устои, препятствующие осуществлению его планов, давно были разрушены.

Ведь еще в 1905 г. Ильич заявлял: "Партия не пансион для благородных девиц. Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец".

И блатным Ленин со своими лозунгами "грабь награбленное" тоже вполне подходил.

Конечно, сводить главную опору большевиков к одним лишь уголовникам было бы упрощением. Но как раз по признаку разрушения устоев морали остальные составляющие прокоммунистических сил оказывались того же поля ягодой. Из заводской среды в Красную Гвардию первыми писалось хулиганье и шпана, предпочитающая вместо работы побуянить где-нибудь на митингах. Вливались те же дезертиры - в условиях послефевральского безвластия число их умножалось с каждым днем. А Петроградский гарнизон если не юридически, то по сути был целиком дезертирским - 200 тыс. солдат, найдя благовидный предлог "защиты завоеваний революции", отказывались выступить на фронт и разлагались от безделья в тылу, подрабатывая на выпивку продажей семечек и кремней для зажигалок.

На Балтийском флоте такое же разложение началось еще до революции, поскольку крупные корабли, крейсера и линкоры, в боевых действиях не участвовали, всю войну моряки на них дурели от тоски и однообразия, а условия матросских кубриков способствовали выдвижению своих "паханов" так же, как условия тюрьмы. В марте 1917 г. во время кровавых восстаний в Гельсингфорсе и Кронштадте матросня успела отведать вседозволенности и безнаказанности, вкусить "прелести" погромов, грабежей и убийств, так что здесь какие-либо нравственные запреты уже переступили. Впрочем, и настоящие урки нередко работали именно под моряков - просто им нравилось щеголять в красивой форме. И если вы откроете произведения Вишневого, Лавренева, Соболева, то

без труда обнаружите, что все "братки"-матросики изъясняются почему-то на блатном жаргоне.

Ну а в Москве, например, ударной силой октябрьского восстания стали 869 солдат-"двинцев". Это были заключенные из Двинской тюрьмы - в июле 1917 г., когда напуганное поражением и путчем большевиков Временное Правительство позволило Корнилову предпринять хоть какие-то меры для наведения порядка, за решетку попали мародеры, грабители, насильники, вражеские агитаторы. В сентябре, при очередном наступлении немцев, их эвакуировали в Бутырки, где они не просидели и двух недель. Объявили голодовку, Моссовет тут же создал специальную комиссию, и уже 22. 9 их перевели в два госпиталя, Савеловский и Озерковский, откуда они в нужный момент беспрепятственно вышли на свободу.

Большевики усиливались. И германский заказ отработывали добросовестно. Если первая их попытка переворота 20-21 апреля была чистой авантюрой в расчете на новый стихийный бунт взбаламученных революцией столичных масс, то вторая, 3 июля, была уже организованным путчем, четко скоординированным по времени с операциями на фронте. 18. 6. 17 г. русские войска попытались перейти в общее наступление, а 6. 7 австро-германские армии нанесли контрудар, так что восстание ленинцев призвано было разрушить и дезорганизовать тыл накануне этого контрудара. Кроме денежной, большевикам оказывалась и пропагандистская помощь. Например, коммунистические газеты для солдат издавались в занятом немцами Вильнюсе и распространялись оттуда по фронту. При этом как раз во время путча произошла грубая накладка. Восстание в Питере началось 3. 7, а сообщение о нем, как о свершившемся факте, начало распространяться этими газетами со... 2. 7. А большой

их тираж для воздействия на русские войска был заготовлен еще раньше, где-то в конце июня.

После провала путча, столь явно согласованного с неприятелем, большевики очутились в политической изоляции, на них обрушилось негодование общественного мнения. Спыхватившиеся следственные органы собрали огромное "Дело по обвинению Ленина, Зиновьева и других в государственной измене". Любопытно, что сами большевики считали данное разоблачение очень опасным для своих дальнейших планов и немедленно начали прятать концы в воду, свернув все контакты, способные лечь в струю компромата. Так, когда 16. 7 Радек сообщил Ленину о получении от Моора очередного "транша" и запросил о его распределении, Ильич с нарочитым удивлением ответил, будто он такого человека (с которым тесно общался в Швейцарии) и знать не знает. "Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно ли доказано, что он честный человек? Что у него не было и нет ни прямого, ни косвенного снюхивания с немецкими социал-империалистами?... Тут нет, т. е. не должно быть, места ни для тени подозрений, нареканий, слухов и т. п." (ПСС, т. 49, с. 447). Видимо, намек поняли не все, и 24. 9 секретарь Заграничного Бюро ЦК Семашко вновь доложил, что Моор готов передать большевикам "полученное им крупное наследство". На что ЦК РСДРП(б) ответило уже открытым текстом: "Всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать недопустимыми".

Характерно и то, что придя к власти, большевики сразу поспешили уничтожить улики против себя. Материалы, собранные по делу об их связях с немцами, исчезли почти все. Не оставили в живых и следователей, занимавшихся данным делом. Но... усиленно избавляясь от доказательств своих контактов с вражеской разведкой, коммунисты то ли по

недомыслию, то ли по оплошности сами оставили доказательство этих контактов и германского финансирования. В архиве сохранился доклад уполномоченных Наркомата по иностранным делам от 16. 11. 1917 г.: "Совершенно секретно.

Председателю Совета Народных Комиссаров.

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров тов. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об "измене" тов. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка No 7433 от второго марта 1917 г. с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были пересмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка No 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные народного комиссара по иностранным делам Е. Поливанов, Г. Залкинд".

(ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 226).

Как видим, все указанные в докладе данные четко соответствуют другим документам, приведенным выше. Номера распоряжений имперского банка Германии совпадают с опубликованными в США. Об участии в перекачке денег шведского банка Ниа пишет в своих мемуарах и Керенский. А упомянутый Мюллер известен и впоследствии - в 1918 г. он работал в составе германского посольства в Москве в качестве атташе, одновременно возглавляя и его охрану. То есть, судя по всему, был сотрудником разведки.

Ну а что касается западных держав, то они и по поводу Октябрьского переворота проявили полную слепоту и беспринципность. Немедленно признали Центральную Раду, после падения Временного Правительства провозгласившую самостоятельность Украины. Выражали полную готовность признать в качестве законного правительства и самих большевиков - лишь бы те сохранили Восточный фронт и продолжили войну. Обещали им и офицеров-инструкторов для подготовки новой армии, и снабжение, и деньги. До последнего момента набавляли цену, стараясь перетянуть на свою сторону, и лишь Брестский мир отрезвил бывших союзников и открыл им глаза на истинное положение дел.

А связи большевиков с германскими спецслужбами после Октябрьского переворота отнюдь не прервались. Скорее, наоборот - ведь теперь победители могли действовать без оглядки на контрразведку и органы юстиции. По-видимому, вынужденные с июля ограничивать компрометирующие их контакты, они для подготовки революции понаделали долгов в каких-то других местах. И 4. 11. 17 г. Воровский направил в Берн телеграмму на имя Моора: "Выполните, пожалуйста, немедленно Ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляются большие требования". Моор тотчас доложил о телеграмме германскому посланнику Ромбергу, и тот передал ее в Берлин, указывая: "Байер дал мне знать, что это сообщение делает его поездку на север еще более необходимой".

Но операция чуть не сорвалась. 1. 12. 1917 г. в интервью газете "Фрайе Прессе" по поводу предложения большевиков о перемирии генерал Людендорф хвастливо проговорился: "Если кто-нибудь сказал бы мне, что русская революция для нас - случайная удача, я бы возражал: революция в России -

не случайность, а естественный и неизбежный результат нашего ведения войны... Это - плод нашей победы". Такое признание вызвало крупный скандал и в международных, и во внутривластных кругах, и МИД Германии некоторое время колебался насчет целесообразности продолжения игры. Наконец, шум начал стихать, и сомнения были преодолены. Моор был направлен в Петроград для передачи в Берлин информации непосредственно из окружения Ленина. А большевистскому правительству были перечислены новые миллионы марок.

5. Ленинизм в натуральном виде

Вопрос о целях, которые ставили перед собой большевики в 1917 г., до сих пор остается в истории размытым и искажен многочисленными и противоречивыми наслоениями. Да и не мудрено - ведь и Сталин был "Ленин сегодня", и Хрущев с Брежневым действовали под флагом "восстановления ленинских норм", якобы нарушенных предшественниками, наконец, и Горбачев, опираясь на несколько фраз "политического завещания" сделал свою попытку реставрировать "настоящий ленинизм". По-своему воспринимали учение Ильича и на Западе, породив соответствующие исторические штампы, которые затем возвращались и к нам в качестве "авторитетных" или даже "общепризнанных" мнений.

Но чтобы представить себе настоящий путь, пройденный страной, таких представлений, конечно, недостаточно. Нужно разобраться, что же на самом деле хотел сделать с Россией Ленин, и для этого обратиться к трудам и политике самого Ленина, а не их последующим комментариям. Правда, вождь действительно особой последовательностью никогда не отличался, и порой удивительно быстро умел менять взгляды на противоположные, что и позволяло впоследствии трактовать его наследие в столь

разнообразных вариациях. Но можно отметить, что всегда подобная "гибкость" проявлялась лишь в вопросах тактики, выбора путей достижения цели, иногда представляла чисто пропагандистские приемы, но никогда она не распространялась на некие основные догмы, в которых и видна "чистая" суть ленинизма.

Вероятно, те из читателей, которым во времена оны довелось в школах и ВУЗах изучать марксистско-ленинскую политэкономию и научный коммунизм, хорошо помнят возникавшее тогда ощущение - пока речь шла о разборе капиталистической системы, т. е. теоретических моделях, построенных Марксом, все казалось довольно простым и понятным - классы, капитал, прибавочная стоимость... Но едва курс перетекал на стадию социализма и коммунизма, как эти науки становились расплывчатыми, неясными и неоднозначными. А происходило это, между прочим, из-за того, что подлинный ленинизм в "эпоху застоя" давным-давно был уже похоронен, и в качестве теоретических основ "светлого будущего" ни в коем случае не преподносился. Потому что у Ильича и в моделях социалистического общества все было предельно просто и ясно.

Дело в том, что со свойственной ему болезненной крайностью марксистские положения он довел до абсолюта. Абсолютизировал учение о классах и классовой борьбе. Абсолютизировал схемы коммунистической экономики. Абсолютизировал вопросы строительства коммунистического общества, придя к строгой схеме "пролетарского государства". И тут он счел возможным даже преступить черту классического марксизма (который, как известно, "не догма, а руководство к действию"), поскольку никаким отмиранием государства или намеком на такую возможность в работах Ленина и не пахнет, а "буржуазные свободы", дальнейшим развитием которых

Маркс видел свободы коммунистические, у Ильича "диалектически" отбрасываются - Ну да. Ведь и сама "свобода - это осознанная необходимость".

Наиболее полно представления вождя о новом обществе сконцентрированы в его книге "Государство и революция", которая вышла впервые в 1917 г. и, кстати, в отличие от других, "сиюминутных" трудов, неоднократно переиздавалась при жизни и правлении автора. И основные положения, составляющие ее суть, никакими последующими работами не опровергались и не перечеркивались, а разве что уточнялись, дополнялись и конкретизировались. Приведем некоторые выдержки. "... Оппортунизм не доводит признания классовой борьбы до самого главного... до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее" (разрядка Ленина). "Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного "синдиката"... Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы... Уклонении от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие - люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить с собой они едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой".

Модель Ленина предусматривала строительство чудовищного государства-машины с полным подавлением личности и превращением граждан лишь в винтики гигантского механизма. На верхушке пирамиды находится "партия рабочего класса", которая

регулирует всю ее деятельность с помощью государственных рычагов. Остальные работают по трудовой повинности, где укажут, и под вооруженным контролем, с быстрым и серьезным наказанием за любое прегрешение. Хотя конечно, некоторые формулировки Ильича нуждаются в уточнении. Например, о "вооруженных рабочих". К "рабочим" он по каким-то причинам всегда причислял и себя со товарищи, очень во многих его трудах и речах встречаются выражения типа "мы, рабочие".

К "рабочим" относил люмпенов, городскую чернь и деклассированную шпану. А вот кадровых, особенно квалифицированных рабочих, зачастую низводил в "обывателей", "мещан" (между прочим, как раз со времен революции эти слова приобрели оскорбительный смысл), "лакеев буржуазии", "оппортунистов". То есть, во главу угла ставились некие идеальные, "теоретические рабочие" - те, чье поведение соответствует ленинским теоретическим схемам, и кто всегда готов поддерживать выразителей "рабочих интересов" - коммунистов. А иначе ты и не рабочий получаешься.

Модель государства-машины начисто отрицала какую бы то ни было самостоятельность действий и личности, частную собственность, товарообмен каждый получает положенные ему вещи и продукты лишь через централизованные системы распределения. И в этом виделся принцип не только высшей справедливости, но и железной целесообразности. Например, в статье "Сумеют ли большевики удержать власть или очередные задачи советской власти" можно найти такие положения: "Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность, являются в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов, самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и

принуждения к труду посильнее законов конвента и гильотины". "От трудовой повинности в применении к богатым Советская власть должна будет перейти... к большинству трудящихся, рабочих и крестьян".

Солженицын пишет, что основные принципы деятельности ГУЛАГа в 1929 г. предложил Сталину Н. Френкель: всеохватывающая система учета по группам всякий, кто не обслуживает лагерь, не признан больным и не сидит в карцере, должен каждый день тянуть свою лямку; плюс хлебная шкала и шкала приварка... Но мы видим, что еще раньше те же принципы пытался ввести Ленин - всеобщий принудительный труд за пайку хлеба. Разве что "зачетов" с досрочным освобождением за ударный труд в его теории не предусматривалось, поскольку вся страна должна была превратиться в единое подобие ГУЛАГа.

В трудах многих западных авторов коммунизм трактуется как чисто русское явление и выводится из "национальной психологии". Впрочем, не только западных. По тому же пути пошли некоторые видные мыслители русской эмиграции, пытаясь связать коммунистические начала с особенностями исторического развития своего народа. С чем согласиться никак нельзя. Начнем с того, что учение Маркса родилось на Западе, и как учение материалистическое, к русской духовности ни коим боком не лежало. Да и в большевистской верхушке русским по национальности был разве что Бухарин. Да Ленин - то ли на 1/4, то ли на 1/8. А уж по своему мировоззрению все они были сугубыми "западниками", причем пытались быть даже "западнее самого Запада", начисто отрицая традиционные духовные ценности России и все ее исторические достижения до 1917 г. И все предшественники ленинцев, от которых они возводили свою преемственность и социалистическую "родословную", начиная от декабристов и Герцена,

были западниками. Методы обработки и манипулирования общественным сознанием с помощью массированной пропаганды большевики тоже позаимствовали на Западе - прежде в России они были неизвестны, и потому оказались очень действенными.

Правда, и к чисто "западным" теориям коммунизм отнести тоже нельзя, особенно в ленинской доработке, поскольку он отрицал и характерные для Запада принципы индивидуализма и личного блага, да и "духовные" подпорки тоже использовал в виде всевозможных суррогатов религии - вождизма, культа мертвых "героев", веры в "светлое будущее" и т. п. Необходимо отметить и тот факт, что после России марксизм-ленинизм сумел укорениться во многих других странах, принадлежащих самым разным культурам и цивилизациям - и в европейских, и в азиатских, и в африканских. Сохраняя некоторые национальные особенности, но, нигде не встречая полного неприятия и отторжения. Поэтому правильнее будет прийти к выводу, что типичным для какого-то одного этноса или суперэтноса он вообще не является.

Скорее, к нему тоже приложима теория Л. Н. Гумилева об "антисистемах" (см. напр. "Этносы и антиэтносы", "Звезда" No 1-3, 1990), которые в мировой истории возникали в различных цивилизациях, т. е. учениях, отрицавших сами устои этих цивилизаций и порой овладевавших массами в попытках переделать мир "к лучшему", что в итоге всегда приводило к национальным и государственным катастрофам - такими были и гностицизм, и манихейство, и богумильство, и маздакизм, и учения катаров и альбигойцев, и теории европейских утопистов. Гумилев констатирует, что антисистемы возникают чаще всего на стыках двух культур, где их традиционные системы ценностей взаимно ослабляются - как было и с российским большевизмом, родившемся на стыке

европейской и евразийской цивилизаций, а в качестве главной характерной черты антисистем указывает неприятие действительности. С соответствующим стремлением исправить эту "неправильную" действительность. Вывернуть ее наоборот.

То есть изменить знак естественной духовной доминанты на противоположный, так сказать, с "плюса" на "минус". И приживаются антисистемы в самых разнообразных культурах, народах и сообществах как раз из-за того, что основой оказываются формы, характерные именно для этих сообществ. А прежняя система ценностей меняется на зеркально-обратную, по принципу отрицания, и потому является вполне понятной, доступной для восприятия и способной овладевать умами. Скажем, в католической Европе в свое время получил довольно широкое распространение сатанизм представлявший собой по сути обратное отражение католицизма. Дьявол вместо Христа, земное вместо небесного, "черная месса" вместо мессы, оргия вместо воздержания, обжорство вместо поста. А в исламском мире антисистемы строились на отрицании традиционных исламских ценностей.

И коммунизм в данном смысле выглядит классической антисистемой. Вместо прежней Российской империи - сверхимперия, но внутреннее содержание этой сверхимперии оказывается измененным с точностью до наоборот, зеркально: вместо Бога - обещания грядущего рая на земле и воинствующий атеизм, вместо царя - культ вождей, вместо Отечества - "пролетарский интернационализм". Причем антисистемная специфика позволяла коммунизму легко утвердиться и в государствах, имевших иные традиции. В бывших демократических странах Европы - в формах "народной демократии", в странах Азии или Африки - в формах, близких их

национальному менталитету. Суть-то от этого не менялась.

Отметим и то, что новатором в учении о государстве-машине Ленин, собственно, не был. Во многом похожие принципы встречаются еще в теории "идеального государства" Платона, только Платон, к счастью для его репутации, так и не получил возможности для приложения их на практике. Подобные схемы строили и различные авторы социальных утопий - Томас Мор, Кампанелла, Фурье. Хотя тут встает терминологический вопрос: чем же все-таки "утопии" отличаются от "антиутопий" Замятина, Оруэлла и др., поскольку государственные порядки, описанные в тех и других, примерно одинаковы. И, по-видимому, отличаются они только личным отношением автора, так как в "утопиях" при этих порядках граждане тащатся от счастья, а в "антиутопиях" вырождаются и мучаются.

Но и в реальной истории попытки построения царства "всеобщей справедливости" также имели место. Взять хотя бы Маздакитскую революцию в V в. в Иране с уничтожением аристократии, зажиточных граждан и всех неугодных и осуществлением "коммунизации страны" вплоть до обобществления гаремов. И отголоски учений, порожденных этой революцией, продолжали периодически баламутить страны Средней Азии и Закавказья еще целую тысячу лет. Другой хорошо известный пример - империя инков. И можно даже подивиться прозорливости Г. В. Плеханова, который после ознакомления с "Государством и революцией" сравнил именно с перуанской империей то, что должно было получиться по теории Ленина - ведь в то время ее реализация еще не началась, и многие сходные черты обеих моделей проявились значительно позже. Впрочем, наверное и для читателей будет небезынтересным такое

сравнение, потому что параллели получаются очень уж наглядными и любопытными.

Собственно, Сапа (Великий) Инка не был царем в полном понимании слова, поскольку однозначного порядка наследования не существовало. Это был "общенародный Вождь", выдвигавшийся в верхушечной борьбе номенклатурных и идеологических, то бишь жреческих группировок, после чего, он обожествлялся и возводился в государственный культ. Само государство называлось Тауантинсуйо - "Четыре стороны света", в чем легко просматривается претензия на всемирный масштаб. Командно-административная система была доведена до абсолюта. Страна длилась на "четверти", "провинции", "районы", число хозяйств в которых соответствовало 10 тысячам, дальше шли "тысячи", "сотни", "десятки". Этнические и территориальные единицы произвольно расчленялись, чтобы подогнать их к этому делению, которое перекраивалось после переписей населения.

Частной собственности не существовало вообще. Даже сельские общины действовали на принципе "колхозов" - треть земли обрабатывалась в пользу государства, треть - в пользу храмов (что-то вроде "партийной собственности"), а треть оставалась коллективной собственностью общины. Но Инка мог легко перевести крестьян в разряд "янакона" - рабочих, передав их деревни целиком в государственный или храмовый сектор. К янакона относились также рабочие государственных мастерских, рудников, домашняя прислуга. Существовала и "интеллигенция" - "камайок": специалисты в области письма кипу, металлургии, агрономии, ремесленники и художники высшего разряда. Любопытно, что хотя их положение было привилегированным, но карьера ограничивалась узкой специальностью, а возвыситься в административной системе гораздо больше шансов имели пролетарии-

янакона. Что касается правящей верхушки, то она четко делилась на столичную и провинциальную. Столичная, 567 семей, представляла собой потомственную "номенклатуру", а провинциальная состояла из "курака", возглавлявших те или иные административные единицы. Если они и назначались из местных племенных вождей, то только после утверждения в столице, которая могла прислать своих выдвиженцев. Причем столичный янакона (конечно, не из числа чернорабочих, а из челяди вельмож) зачастую имел больше возможностей получить высокий пост, чем провинциальный курака.

Торговля была только внешняя, под строгим государственным контролем -. у сопредельных народов выменивались на медную "валюту" перья тропических птиц, некоторые виды древесины и раковин. Внутри государства рынков не имелось, и какой-либо товарообмен строго запрещался. Снабжение населения как продуктами питания, так и ремесленными изделиями носило распределительный характер и осуществлялось через широкую сеть государственных складов, находившихся под контролем провинциальной администрации. Естественно, оно было нормированным и учитывало номенклатурный принцип: низший слой курака, на уровне сотских, имел право получать в 3-4 раза больше продукции, чем крестьянин, а предметы роскоши и дефицита, вроде золотых украшений, высокосортной ткани и импортных перьев распределялись по централизованной разрядке из столицы только среди высших чиновников.

Производство тоже было централизованным и носило плановый характер. В каждую деревню спускалась детальнейшая разрядка не только на количество и ассортимент сельхозпродукции, но даже на продукты собирательства и домашнего ремесла. Впрочем, в империи Инков регламентировалось все,

каждый был лишь винтиком общегосударственного механизма и с одного участка мог быть в любой момент переброшен на другой. То и дело производились "мита" мобилизации части населения для осуществления тех или иных грандиозных проектов руководства - строительства монументальных архитектурных сооружений, дорог, каналов, кампании по освоению целинных и залежных земель, горных районов с холодным климатом (где, кстати, Инки тоже пытались проводить сельскохозяйственные эксперименты). Как подметил конкистадор Руис де Навамуэль в отчете Филиппу II Испанскому: "Инки направляли свое особое внимание на то, чтобы подданные их никогда не оставались праздными. Если те не могли производить полезных работ, их заставляли делать бесцельные работы".

Какая-либо свобода личности сводилась до нуля, да и сама личность стиралась. Каждый прикреплялся к месту работы и жительства, а "бродяжничество" строго каралось. Централизованными разнарядками регламентировался "отбор кандидатур для человеческих жертвоприношений, и даже вступление в брак и выбор супругов - здесь тоже осуществлялся номенклатурный принцип, поскольку допустимое количество жен и наложниц изменялось в зависимости от ранга в административной системе.

Вы удивляетесь, как могли люди жить в такой системе? Да точно так же, как в социалистической. Повиновение и безотказная работа всех звеньев достигалась теми же рычагами. Например, сугубой идеологизацией власти, пропагандой ее священного характера. И здесь у Сапа Инки было куда больше возможностей, чем у коммунистических лидеров, ведь считалось, что самим фактом своего ритуального руководства он обеспечивает стране плодородие и процветание (сразу вспоминается: "Прошла зима,

настало лето. Спасибо партии за это"). Государственный культ включал в себя и почитание мумий усопших предшественников, что распространяло обожествление с персональной фигуры Инки на всю систему. Интересно, что обязательными постройками в каждом провинциальном центре были местная резиденция Сапа Инки, в которой он, может, ни разу и не бывал, и "усну" - трибуна-алтарь (подозрительно смахивающая по виду на трибуну мавзолея), с которой он или его наместник возносил молитвы, руководил церемониями и парадами.

Массовые народные действия, обеспечивавшие у населения чувство сопричастности к властям, были также хорошо известны инкам, ими обставлялись праздники, начало и завершение больших работ. Храмовая пропаганда всячески подчеркивала "справедливость" внутренних порядков, и наоборот, по отношению к соседям культивировался образ врага, их и называли-то не иначе как "аука" - враги, или "пурун" - дикари. Поэтому империя носила крайне замкнутый характер, жила за настоящим "железным занавесом" многокилометровых линий крепостных стен, а к внешним торговым сношениям допускались лишь особо выделенные и проверенные корпорации "миндала".

Были четко разработаны системы морального и материального стимулирования. Например, предписывалось каждую административную единицу делить на два подразделения для организации трудового соревнования. Отбор кандидатур для жертвоприношений - ежегодно 500 юношей и девушек - также входил в число таких мероприятий и проводился в несколько этапов. Поскольку после смерти они возводились в ранг национальных героев, это считалось большой честью, и за право выдвинуть своих кандидатов боролись разные общины и районы. Но после выдвижения "претенденты" проходили еще и

конкурс правительственной комиссии, которая рассматривала не только их личные данные, но и взвешивала достоинства коллективов, которые они представляют трудовые успехи, прошлые заслуги перед государством и прочие показатели. Высшей формой почета считалось, когда жертву отсылали домой с разрешением умертвить ее в родной провинции, на глазах земляков.

Вводилась круговая порука коллектива за выполнение плана, когда каждый становился надзирателем за работой соседа. Для поощрения чиновников применялось награждение предметами роскоши, строительство им домов и усыпальниц. Рядовых работников могли наградить дополнительной женой, продуктами и ремесленными изделиями. В качестве коллективных поощрений устраивались общественные пиршества и угощения чичей (кукурузным пивом). И, конечно же, самым действенным средством стимулирования были листья коки именно они в инкском варианте успешно заменяли советскую "бормотуху". Действовала и система наказаний от направления на более тяжелую работу до жесточайших казней, персональных и коллективных. А к этническим единицам, проявляющим недовольство, широко применялись массовые депортации с полным их рассеиванием среди "благонадежных" народов.

Но стоит отметить, что, даже учитывая все эти факторы и поддержку режима на религиозном уровне, народного энтузиазма и терпения хватило не на столь уж долгий срок. Государство инков просуществовало менее ста лет, и конкистадоры в 1532 г. застали его уже в состоянии гражданской войны. Не удивительно, что 164 солдата Писарро так легко захватили страну с 10-миллионным населением. Способствовали этому не лошади и мушкеты - ведь соседних с инками арауканов испанцы так и не смогли покорить, несмотря на более

низкий уровень их развития. Просто люди не захотели защищать такую систему. Едва власть зашаталась, депортированные и мобилизованные массы разбежались, ряд народов империи предложил испанцам свою помощь в доламывании государства, а многие местные администраторы быстренько стали "перестраиваться" из обычных соображений карьеры при новых властях. Правда, характерно и другое. Едва сменилось поколение, испытывавшее режим Тауантинсуйо на собственной шкуре, как память о нем стала идеализироваться, превращаться в светлую утопию о царстве справедливости и всеобщего благоденствия. Поэтому возрождение социальной системы инков стало лозунгом многих национальных и левых движений от "Новоинкского царства" Тупака Амару до нынешних Боливийской Индейской партии и "Революционного движения Тупак Амару" в Перу. Что уж тут говорить об уроках истории, применительно к нашей стране? Ведь у нас даже первое поколение еще не сменилось...

6. Вход в преисподнюю

Обращение России в новое качество с характерной для Ленина склонностью к упрощениям поначалу представлялось большевикам не таким уж сложным делом. Стоит захватить верхушку власти, а уж дальше, используя ее готовые рычаги и традиционную (по их мнению) покорность русского народа, перестраивать страну по своим моделям. Весной 1917 г. Ильич допускал (по крайней мере, на словах), что придется уничтожить "всего" 200-300 буржуев.

Но действительность эти радужные проекты опрокинула. Придать перевороту хоть какую-то видимость легитимности и "народного волеизъявления" коммунистам не удалось. Созванный ими и приуроченный к моменту восстания Съезд рабочих и солдатских депутатов, призванный "узаконить" новую власть, оказался для этой цели совершенно

недостаточным. Потому что, во-первых, рабочие и солдаты представляли подавляющее меньшинство населения аграрной страны, а во-вторых, из-за переворота этот съезд покинули в знак протеста почти все фракции, и он лишился кворума голосовала набившаяся в зал солдатня, околачивающаяся в Смольном. Тогда большевики действительно попытались установить власть с однопартийным правительством (Совнарком) и однопартийным законодательным органом (ВЦИК). Но продержались всего 10 дней (те самые, которые по Дж. Риду "потрясли мир") - в одиночку они еще были слишком слабы, чтобы править или просто удержаться наверху.

Правда, подавляющая часть зараженного анархией населения отнеслась к Октябрю довольно индифферентно, уже привыкнув к частым сменам столичных властей и восприняв Ленина лишь как второе издание Керенского, недолговечное и обреченное. Однако были и те, кто сохранил в себе государственное сознание - служащие, железнодорожники, чиновники, телеграфисты, интеллигенция. И с их стороны большевики встретили то, что потом заслужило название "саботаж". Борьба их была отчаянной и героической, они проявили высочайшее гражданское мужество, поскольку от отказа выполнять распоряжения самозванцев лично для себя ничего по сути не выигрывали, подвергаясь за это увольнениям, угрозам, насилию и репрессиям. Зато положение большевиков сразу зашаталось. Они оказались беспомощными, а поскольку победили только в столице и нескольких крупных городах, то даже и отрезанными от страны, сообщаясь с внешним миром только через Царскосельскую радиостанцию.

В этой обстановке 5. 11. 17 г. открылся Съезд Советов крестьянских депутатов - вот он-то мог бы претендовать на представительство большинства

населения. А большевики на этом съезде были в явном меньшинстве - от них было около 20% делегатов, от левых эсеров - около 50%, от правых эсеров 25 %. Сунувшегося туда Ленина освистали, а эсера Чернова поначалу встретили овацией. Но... во время зашедшей в тупик работы съезда в Смольном начались секретные переговоры большевиков с левыми эсерами. Эсеры сперва требовали представительства во ВЦИК всех левых партий, городской думы, профсоюзов, земств, исключения из правительства Ленина и Троцкого, роспуска Военно-революционного комитета и других репрессивных организаций. Долго торговались - большевики умело играли и на стремлении к власти самих эсеров, и на запугивании угрозой "контрреволюции". Наконец, достигли соглашения: ряд правительственных портфелей уступает левым эсерам, во ВЦИК к 108 депутатам, избранным Съездом рабочих и крестьянских депутатов, вводятся еще 108 от Съезда крестьянских депутатов, 100 от армии и флота, 50 от профсоюзов. Дума и земства были отведены, Ленин, Троцкий и ВРК оставлены на своих местах. 16. 11. 17 г., день заключения этого союза, широко праздновался Петроградом как окончание гражданской войны и победа социализма. К большевистско-лево-эсеровской коалиции примкнули меньшевики-интернационалисты Мартова, группа "Новая жизнь" Горького, анархисты, польские социалисты и ряд других левых течений.

Правда, и коммунисты своей выгоды не упустили, и поскольку при коалиционном правительстве ВЦИК приобретал таким образом роль многопартийного парламента, они под шумок этих баталий сумели протолкнуть на пост его председателя Свердлова - тогда еще недостаточно "засветившегося" и не вызывавшего особой аллергии у противников. Но тут же пустившего в ход свои организаторские таланты и

кадровые методы, чтобы взять под контроль Советы точно так же, как перед этим было с самой большевистской партией.

Но наложились и другие факторы, мешающие коммунистам приступить к полномасштабной реализации своих задумок. Дорваться до власти им удалось только тогда, когда она совершенно ослабела, и все государство (не без их участия) было уже развалено и разрушено. Была разрушена и инерция подчинения, на которую они рассчитывали, сменившаяся всеобщей анархией. Пришли в негодность и инструменты власти, с помощью которых теоретически предполагалось воздействовать на страну. Единственной реальной опорой ленинцев были те вооруженные банды, на штыках которых они одержали победу, но эта развращенная и дикая вольница представляла немалую опасность и для новых властителей, поскольку была малоуправляемой, вошла во вкус вседозволенности и при первом же недовольстве могла свергнуть их самих. Осень 1917 - зима 1918 гг. принесли и такое явление как разруха - она стала следствием еще не гражданской войны, а общего развала, и Октябрьский переворот с первыми актами большевиков добила всю экономику. Система снабжения распалась. Транспорт захватили миллионы демобилизованных и дезертиров. Заводы останавливались, лишенные сырья и топлива, со сметенными революцией органами управления и сломавшейся системой хозяйственных связей.

Наконец, большевики получили и организованное сопротивление в лице Белой Гвардии. Ее истории я посвятил отдельную книгу, и здесь на данном вопросе можно было бы вообще не останавливаться, если бы не предвзятые и ошибочные взгляды, фактически уравнивающие "красных-белых", до сих пор продолжающие появляться в нашей литературе. О

какой объективности может идти речь, если даже такой видный и, казалось бы, внимательный в своих оценках мыслитель, как В. Кожин, приходит вдруг к выводу: "Множество неоспоримых фактов убеждает, что гражданская война 1918-1922 годов шла не между сторонниками рухнувшей Империи и ее противниками, а между теми, кто пришел к власти в результате Февральского переворота и свергшими их в Октябре большевиками".

И все это только из-за того, что белых их враги называли также и "кадетами". Пожалуй, в данном случае автор оказался в плену собственной абстрактной схемы, а такой подход, как известно, может давать довольно грубые ошибки.

Как быть, например, с такими фактами, и тоже "неоспоримыми", что сторонники "учределок" сыграли в Белом Движении весьма скромную и мимолетную роль, а все главные лидеры этого движения - Корнилов, Деникин, Колчак, Врангель были яркими противниками тех самых "завоеваний революции", которые принес России Февраль. Но и реставраторами самодержавия они действительно не являлись. Просто такой подход к анализу ситуации оказывается заведомо ошибочным. И как ни парадоксально, но Белое Движение, весьма малочисленное, внутренне противоречивое и в значительной мере интеллигентское по составу, представляло собой явление не партийное или политическое, а сугубо национальное, русское. Оно объединило представителей самых различных взглядов, от демократов до черносотенцев, и от монархиста Врангеля до социалиста Савинкова лишь одной идеей, идеей российской государственности как таковой.

Объединило тех, в ком эта идея оказалась сильнее партийных установок и разногласий, и силы вобрало в себя самые разнородные. И часть офицерства (офицерства военного времени, т. е. на 80-85 %

состоящего из той же интеллигенции, надевшей мундиры), и часть казачества, и часть крестьян, и рабочих (например, рабочих Ижевска и Воткинска, составлявших лучшие дивизии Колчака). Да вот только незначительную часть - и офицерства, и крестьян, и рабочих. Но лучшую. Ту, которая сохранила в себе устои патриотизма в революционном хаосе и пыталась отстоять право населения России быть "русскими", а не экспериментальным материалом коммунистов. И явление "белогвардейщины" было исконно русским, и лежало целиком в сфере духа, а не рациональных и материальных начал. С грубо материальной точки зрения сражаться и погибать белым было, собственно, и не за что - например, более 90 % офицеров-добровольцев не имели недвижимой собственности, ни родовой, ни приобретенной. Лишь 15 % их принадлежали к дворянству, да и то давно потерявшему к 1917 г. всякие реальные привилегии. И, тем не менее, они оставляли свои семьи - зачастую в нищете и опасности, - оставляли родные места, оставляли возможность устроиться при новых властях, как это успешно делали многие их коллеги и сослуживцы, и шли на лишения и смерть ради спасения России, ради сохранения высших духовных идеалов всего российского народа.

И когда 2,5 тысячи добровольцев выступали с Корниловым в Ледовой поход, в море революционного безумия и бесчисленных красных отрядов, то естественно, надежды на конечный успех у них были, но много ли шансов персонально у каждого было дожить до этого успеха? Нет. Они сознательно шли на подвиг самопожертвования, чтобы собственным примером "будить Россию". Как писал Деникин: "Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все в области духа и творимого подвига. Пока есть жизнь, пока есть силы,

не все потеряно. Увидят "светоч", слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе - те, кто пока еще не проснулись".

Стоит вспомнить и о том, что как раз белый лагерь стал средоточием духовности прежней России - в нем оказались и лучшие писатели, и цвет науки, и мыслители, и общественные деятели. Так что, на мой взгляд, для правильной оценки явления "белых" приложима другая теория Кожина (см. напр. "Победы и беды России", М., 2000) - о неразрывной триаде "государство, интеллигенция, народ", которая составляла одну из важнейших особенностей развития нашей страны. И при крушении одной из составляющих государства, интеллигенция попыталась взять на себя функции его спасения и возрождения, что и составило главную суть Белого Движения.

Но вернемся к нашей теме и увидим, что и в этих непредусмотренных изначально условиях большевики начали реализовывать свои планы. Конечно, компетентности в делах государственного строительства у них было не больше, чем у министров Временного Правительства, зато были железная воля, упрямство, жестокость и беспринципность, позволяющие не считаться ни с чьими возражениями, ни с какими жертвами и ни с какими "побочными" последствиями своих действий.

Для создания новой ленинской антисистемы на месте российского государства требовалось в первую очередь доломать и подавить прежнюю духовность России, ее систему моральных и нравственных ценностей. И орудием этой дальнейшей ломки стала "классовая теория", согласно которой все общество делилось на касты: высшую - пролетариат (еще раз подчеркнем - в ленинском понимании), низшую - крестьянство, призванную находиться в подчинении у пролетариата, и внекастовых неприкасаемых -

"буржуев", к которым скопом относилось все образованное, интеллектуальное и мыслящее, или по крайней мере, способное мыслить независимо. Если до Октября разжигаемая классовая вражда уже прорывалась в стихийных хамских выходках и эксцессах, то теперь она начинает внедряться сверху, целенаправленно и настойчиво. Например, в работе "Как организовать соревнование", Ленин фактически науськивает громил и шпану на интеллектуальную часть общества, гарантируя вседозволенность и полную власть над жертвами. "Единство в основном, в коренном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях... в приемах подхода к делу, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции)". И предлагает действовать, кто как хочет - заставить "чистить сортиры", выдать "желтый билет по отбытию карцера" или просто расстрелять "тунеядца" и "лакея буржуазии".

Да и само государство не оставалось в стороне от этой кампании. Уже в ноябре 1917 г. Ленин разрабатывает декрет о реквизициях - организованных грабежах, определяет круг квартир, подлежащих налетам. Разрабатываются и нормативы, вплоть до того, сколько пар нижнего белья оставлять владельцу. А параллельно с реквизициями предписывалось и уплотнение - жильцов двух "богатых" квартир сгонять в одну. И вовсе не из-за того, что осенью 17-го квартирный вопрос в России стоял на первом плане. "Буржуев" требовалось утеснить в самом прямом смысле, чтобы почувствовали на себе руку нового "хозяина". А, кроме того, и на свою опору, городскую чернь, влияние усилить. Повязать ее грабежами чужого, сделать своими соучастниками. Дать почувствовать сладость превосходства над культурными слоями. А за невозможностью выполнения демагогических

большевистских обещаний мира, порядка и изобилия, подкормить часть "электората" хоть какими-то реальными выгодами - переселением в богатую квартиру, возможностью поизмываться над ближним, пограбить "награбленное". Ведь проблем разрушенного снабжения реквизиции, разумеется, решить не могли, но при их проведении неплохо наживались те же матросики и вернее служили режиму. Например, если требовалось расстрелять демонстрацию в поддержку Учредительного Собрания.

В сознание внедрялось примерно такое же отношение к недочеловекам-"буржуям", как потом к иудеям в нацистской Германии. Так, декретом от 20. 12. 17 г. им предписывалось под страхом тюрьмы носить при себе соответствующие справки из домкомов. И тут же оговаривалось, кого считать "буржуями" - в данный круг входят не только владельцы недвижимости и денежных сумм свыше 1 тыс. руб., а все служащие государственных, частных и общественных учреждений. В феврале 18-го ценз "буржуя" был снижен до 500 руб. К этому же времени относятся попытки введения всеобщей трудовой повинности. Как мы видели, в идеале она должна была распространиться на все население, но всех подмять пока была кишка тонка, и поначалу ее наложили на тех же "буржуев". Каждому из них предписывалось носить при себе рабочую книжку под страхом кары "по законам военного времени". Началось и создание "трудовых батальонов". По указанию Ленина "в эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев. Сопrotивляющихся - расстреливать".

Ну а против всех попыток сопротивления и недовольства большевизм сразу же после прихода к власти развязал террор. В декабре была создана

пресловутая ВЧК, а постановлением Совнаркома от 19. 12. 17 г. выведена из-под всякого юридического контроля. Правда, в условиях многопартийности такого разгула, как позже, ЧК позволить себе еще не могла, и расстрелы были немногочисленными, как бы исподтишка. Но уже в феврале 18-го под предлогом германского наступления тормоза начали сниматься, и декрет "Социалистическое отечество в опасности" провозглашал: "Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления".

А на местах, в провинции, где все можно было свалить на борьбу с классовым врагом, большевистский террор с самого начала принял массовые и жуткие формы. Наверное, даже сейчас, когда до широкого круга граждан стала доходить правда тех лет, мы не можем представить и малой доли кошмаров тогдашней действительности. Чему, кстати, немало способствуют нагроможденные за 70 лет советские пропагандистские штампы о "святом" и романтическом времени, где действуют героические идейные комиссары, светлые душой "бумбараши", искренние бескорыстные матросы и чекисты с "горячим сердцем и чистыми руками". На самом же деле революция после внешнего разрушения государственных структур повела к явлениям и внутреннего порядка - разрушению моральных и нравственных устоев самого человеческого бытия. Уже не только выпустила преступников из-за решеток каторг и тюрем, а взломала и все психологические "решетки" запретов в душе человека, "выпустив на волю" преступника, порой таящегося в обычном, среднем гражданине, но прочно обузданного в его повседневной жизни.

Давно известно, скажем, что в душе каждого от природы заложен сильный психологический барьер

против убийства себе подобного. И для примера приведу реальный случай, имевший место в 1980 г. Советское командование решило испытать в боевых условиях Афганистана самые совершенные по тому времени образцы авиационной техники, и туда был направлен отряд из нескольких новейших машин, в том числе и знаменитых сейчас Су-25. И в первый же день после перебазирования поступила заявка на нанесение авиаудара по большому каравану моджахедов, шедшему со стороны Пакистана. Афганцы этих самолетов ни разу не видели, приняли за американские, залетевшие из-за рубежа, поэтому даже не рассредоточились, и удар был нанесен "в упор", на бреющем полете, по компактной колонне людей и лошадей. Так вот, двум опытнейшим летчикам-испытателям, офицерам далеко не робкого десятка, не раз смотревшим в глаза собственной смерти и терявшим на опасной работе товарищей, после этого стало плохо. Вернувшись на базу, они не сразу смогли выбраться из кабин, а командир отряда генерал Алферов сумел добиться от них внятного доклада лишь после того, как влил в каждого по стакану коньяка.

Хорошо известны и резкие всплески преступности после каждой войны - не только за счет того, что многие их участники оказывались потом выбиты из привычной жизненной колеи и отыскивают средства к существованию. Это объясняется и тем, что естественный психологический барьер "не убий" у фронтовиков бывает уже ослаблен. Но во внешних войнах он все же сохраняется - тут противник говорит на другом языке, одет в другую форму, у него другие традиции, стереотипы поведения, менталитет. Да и убийство врага не является здесь сверхзадачей - скорее, речь идет о том, чтобы обезвредить противника, отвести опасность от "своих" или наказать за прошлый

ущерб, а убить при этом какое-то количество неприятелей - лишь "необходимое зло".

В гражданских же войнах происходит девальвация жизни представителей собственного народа, поэтому они, как правило, становятся куда более жестокими и кровопролитными, чем внешние. И касается это не только России. Еще в глубокой древности гражданские войны в Китае уносили по три четверти населения. Можно вспомнить гражданские войны Рима с казнями всех пленных и проскрипционными списками, резню религиозных войн во Франции, Англии, Германии. Или американскую войну Севера с Югом, где США потеряли больше людей, чем во всех последующих войнах по сей день вместе взятых.

Ну а особенностью России, стало то, что коммунисты утверждали свою власть именно на разрушении и отрицании всех прежних устоев морали. Уже ослабленных войной и расшатанных хаосом революций. И как отмечалось, изначальной опорой Ленина становились те, у которых эти устои уже были в достаточной степени порушены - уголовники, дезертиры, ради собственной шкурной безопасности научившиеся убивать своих офицеров, матросня, тоже переступившая "порог крови" и вошедшая во вкус жестокости. А с помощью классовой теории в этот сатанинский круг вовлекались новые соvrащенные ведь "буржуи" официально признавались недочеловеками, а стало быть, и убийство их оказывалось как бы уже и не убийством.

И пошло... В одном лишь Севастополе было зверски умерщвлено около 800 офицеров и гражданских лиц - их топили, расстреливали, подвергали всяческим глумлениям, терзали штыками. Но это уже не было стихийным бунтом, как в Феврале в Кронштадте. Сюда и балтийцев преднамеренно присылали для "обмена опытом", а руководила расправами большевистская

комиссарша Соловьева. После чего моряки принялись устанавливать "советскую власть" по всему Крыму. В Ялте было убито 80 чел., в Феодосии - 60, в Симферополе - 160. Сотнями истребляли "контрреволюционных" крымских татар. В Евпатории схватили более 300 чел. и подвергли мучительным казням, происходившим на кораблях "Трувор" и "Румыния" под руководством и при непосредственном участии комиссарши Антонины Нимич. Жертву выволакивали из трюма на палубу, раздевали, отрезали нос, уши, половые органы, рубили руки и ноги, и лишь после этого кидали в море.

Настоящая вакханалия началась в Киеве, когда туда вошла (без боя) армия Муравьева. Раненых, найденных в домах и больницах, вышвыривали на улицу и тут же умерщвляли. Военных вызвали явиться в театр для "проверки документов", там же перестреляли и перерубили. Хватали всех "подозрительных" или предъявивших документы украинского правительства, в мороз раздевали донага и везли на казнь - и окоченевшие жертвы порой часами должны были ждать, когда их соизволят пристрелить. Всего тут было перебито 2 тыс. чел. А когда та же армия докатилась до Одессы, там было утоплено 400 офицеров.

В Таганроге свирепствовала армия одного из ленинских приближенных, видного большевика Сиверса. Офицеров и юнкеров (разумеется, не причастных к белым и не ушедших с их армией), расстреливали на улицах. Многих свозили на казнь на металлургический, кожевенный, Балтийский заводы. Около 50 чел. были брошены связанными в доменные печи, другим разбивали головы, четвертовали. Массовые экзекуции происходили позже и в Ростове. Арестованных, в числе которых было много учащих высших и средних учебных заведений, подростков 14-16 лет - гимназистов и семинаристов, раздевали до

кальсон, сводили к городскому собору и там расстреливали. Подобные бои были и в Новочеркасске (2 тыс. казненных), и в Оренбурге, и в Астрахани.

Размах и жестокость репрессий зависели, собственно, от произвола местных начальников. Так, захлебнулся в крови украинский городишко Глухов, где не только уничтожили всех "буржуев", но решили извести и "буржуйское семя", расстреляв гимназистов и гимназисток. И не только расстреливали имелись свидетели того, как из комендатуры потом вывозили голые детские трупы с различными увечьями. (И кажется просто парадоксальным, что одной из достопримечательностей современного Глухова является "музей" памятников коммунистических вождей, созданный местными энтузиастами на свои средства они бережно собирают по всей Украине свергнутые с пьедесталов статуи и бюсты видных большевиков и сохраняют их, окружив заботой и вниманием). В ст. Ладыженской 77 чел., в том числе женщины, были зарублены. В Екатеринодаре также не расстреливали, а рубили головы. Аналогичный способ применял палач и Ашихин в Ставрополе, казнивший 166 чел. В Ессентуках особыми зверствами прославился "женский карательный отряд каторжанки Маруси". В ставропольском селе Безопасном была тюрьма, куда свозили задержанных из окрестностей, а "суд" местного коменданта Трунова сводился к двум фразам: "покажь руки!", и если руки (или человек) ему не нравились "раздеть"! С обреченного срывали одежду, кололи штыками и выбрасывали в скотомогильники. Причем таким же способом Трунов приказал убить у себя на глазах собственную жену. А неподалеку, в селе Петровском, каратели устроили массовые расстрелы "буржуев" на обрывистом берегу р. Калауса, после чего туда же привели учениц местной гимназии и велели

раздеваться. Но убивать не стали, а просто насладились их страхом ожидания смерти и перенасиловали, сопровождая это истязаниями.

Дополнительный размах и жестокость террор приобретал там, где имелись какие-то давние счеты и противоречия - как между казаками и иногородними на Кубани, что сразу вылилось в резню. За красными отрядами иногородних двигались целые обозы подвод с их женами и детьми - грабить, и эти же бабы садистски добивали раненых, измывались над казачками. А в предгорьях Кавказа наоборот, казаки провозглашали себя красными и объявили "буржуями" нищих черкесов, чтобы прибрать их земли. И развернули настоящий геноцид, вырезая их целыми аулами - по 200-300 чел. в каждом - всех, кто не успел убежать. Подобная жуткая картина наблюдалась и на Ставрополье, где начался геноцид калмыков, тоже объявленных "контрреволюционным" народом с целью захватить их земли и скот. Уничтожалось население и буддийские святыни, жгли и оскверняли храмы, подросткам резали уши, выкалывали глаза, кастрировали, а женщинам после обычных изнасилований калечили половые органы и груди - чтобы потомства больше не производили.

Своя специфика была в Сибири и на Дальнем Востоке, где, как уже отмечалось, среди красных осело особенно много каторжников. Когда большевикам здесь попытался противостоять Г. М. Семенов, из двух брошенных против него полков один был сформирован из уголовников. И руководила ими начальница штаба Лазо, 19-летняя Нина Лебедева-Кияшко. Ее полк отметился погромами и грабежами, особенно разгулявшись на ст. Даурия, где убивались мирные граждане, а из домов тащилось все ценное. А в Благовещенске при установлении "советской власти" было истреблено 1,5 тыс. человек.

Ну а если действительно случались какие-то проявления недовольства, то тут террор выплескивался как вполне "нормальное" явление. Так, после восстания в Лабинском отделе на Кубани было казнено 770 чел. - в том числе женщины, дети. Когда произошли волнения среди рабочих в Омске, большевики придумали провести "децимацию" по древнеримскому образцу - из "виновных" отсчитали каждого десятого, и приговорили их вместе с семьями, так что набралось несколько сот человек. И расправу с ними провели "образцовую", приблизив к децимации - перед расстрелом каждого заставляли оголяться и подвергали порке. Как доносил впоследствии английский консул Элиотт Керзону, среди казненных таким способом были и молодые девушки, и старухи, и беременные женщины.

Конечно, примеры эти далеко не полные, но дают представление о том, в какой ад покатила Россия. И напомним, что настоящая гражданская война по стране, собственно, еще не развернулась, и все приведенное относится к периоду так называемого "триумфального шествия Советской власти". То есть, вообще не могло быть связано ни с реальным противодействием врагам, ни какой-либо мезтью. Ужас был выпущен на волю, организованно насаждался и поощрялся лишь для того, чтобы сразу запугать и затерроризировать страну, сделав ее послушной воле новых хозяев.

7. Гражданская и Мировая

Но кроме внутренних, перед большевиками с первых их шагов встали и внешние проблемы. Ведь за помощь, оказанную им германскими спецслужбами, требовалось расплатиться сепаратным миром. Однако переговоры по этому поводу, начавшиеся в Бресте, шли долго и трудно, в несколько этапов. Дело в том, что воевать на два фронта Центральные Державы больше не могли, понеся огромные потери и фактически к 1917 г. уже надорвавшись. Единственный шанс для них был -

срочно заключить мир на Востоке, перебросить все силы на Западный фронт, и нанести Антанте поражение до тех пор, пока во Франции не высадилось и не развернулось достаточное количество американских войск. Но по причине полного экономического истощения они уже чисто физически не могли пойти на мир "без аннексий и контрибуций", поскольку оккупированные области были теперь включены в систему их разваливающегося хозяйства и работали на их снабжение. Наконец, запасы жизненных ресурсов у них были тоже исчерпаны, начинался настоящий голод, а продовольствие можно было получить только на Востоке.

Да только и Ленин со товарищи оказались в тупике. Продолжать войну они и подавно не имели возможности, поскольку сами же, чтобы прийти к власти, разложили и развалили армию, так что немцы могли через несколько дней оказаться в Петрограде и скинуть их. А с другой стороны, большевики еще слишком слабо держались у власти, и осмелся бы волна общенационального возмущения, которая объединила бы всех их противников и активизировала инертные народные массы.

И большевики попытались тянуть резину в надежде на "мировую революцию". Тут надо напомнить, что по всем марксистским канонам социалистическая революция и не мыслилась иначе как мировая, когда за пролетариатом одной страны дружно последуют остальные, а иначе капитализм неминуемо должен был объединить усилия и раздавить очаг коммунизма. И поскольку социализм - это следующая закономерная стадия за капитализмом, то и победить он первоначально обязан был в самой промышленно-развитой стране, которая первой "созрела". Так что с Россией уже нарушение вышло, и чтобы объяснить его,

появилась ленинская теория "слабого звена" в цепи империалистических держав. А теперь, по той же теории, получалось, будто следующими "слабыми звеньями" станут Германия и Австро-Венгрия. И выводы, казалось, подтверждались. Из-за военной усталости и истощения положение Центральных Держав продолжало стремительно ухудшаться, вспыхнула голодная забастовка в Вене, волнения под экономическими лозунгами в Берлине, и большевики надеялись на близкий революционный взрыв в этих странах. Характерно и то, что переговоры с советской стороны возглавил Троцкий (Бронштейн) - в эмиграции он находился в США, ехал в Россию не через Германию, был меньше других лидеров замешан в предреволюционных контактах с немцами, а значит и вести себя мог более независимо.

Дополнительные сложности создало вмешательство в переговоры Украины, которая сначала вела себя с позиции силы и своим хлебом откровенно шантажировали голодающую Австрию, требуя в обмен на продовольствие территориальных уступок. Но по мере наступления красных на Киев гонор быстро сошел на нет, и Центральная Рада соглашалась уже на положение вассала Германии, лишь бы ее защитили. А тут еще вскрылись расчеты большевиков на "мировую революцию" - в Берлине перехватили радиообращение из Петрограда к немецким солдатам, где их призывали к убийству императора, генералов и к братанию с Советами. Кайзер рассвирепел от такого вероломства, приказал немедленно прервать переговоры, а вдобавок к прежним условиям потребовал у большевиков еще не оккупированные части Эстонии и Латвии.

И вся стратегия коммунистов провалилась. С Украины их "попросили", как с территории дружественного Германии государства. А принять ужесточившиеся условия - и подавно значило быть

свергнутыми, потому что даже в собственной партии большинство считало такие требования позорными и стояло за "революционную войну" - ведь связи с противником и обязательства перед ним, разумеется, оставались строжайшей тайной, доступной лишь узкому кругу посвященных. Поэтому и была объявлена 11 февраля знаменитая формула Троцкого "ни войны - ни мира" (кстати, провозглашенная не вопреки Ленину, а по согласованию с Лениным). Для большевиков в тот момент она была не "авантюрой", а единственно оставшимся выходом.

Зато подобная двусмысленность никак не устраивала Центральные Державы. Оставалась вероятность, что коммунисты вскоре падут. Могли они и мобилизовать новую армию, сменить курс - уж кто-кто, а немцы успели хорошо узнать коварство своих ставленников. И они тоже приняли единственное оставшееся решение - пугнуть большевиков, как следует. И двинули свои части в Россию. Нет, никто их под Псковом и Нарвой не останавливал. Героическое рождение Красной Армии в боях с ними - всего лишь пропагандистская легенда. Сопrotивления не было оказано нигде, и немцы даже не разворачивались в боевые порядки. Они просто ехали на поездах и занимали станцию за станцией. Даже численность наступающих подразделений была ничтожной - порой по несколько десятков штыков, так как основная часть войск была уже переброшена на Запад. А Красная Гвардия - анархические толпы дезертиров и люмпенов, страшные только для мирного населения, при приближении неприятеля трусливо разбегались. Матросы Дыбенко, по его собственному признанию, без оглядки драпали до Гатчины, где в панике погрузились в железнодорожные составы. А потом эти составы долго разыскивали по всей стране и перехватили только... под Самарой.

Так что на самом деле 23 февраля было не днем боевой славы, а днем национального позора России. Да, декрет о создании регулярной Красной Армии был подписан в этот день, но из-за того, что Красная Гвардия показала свою полную небоеспособность. Германские войска останавливались сами, достигнув заданных рубежей, и из Берлина еще и одергивали самых горячих генералов, чтобы не вздумали продолжать движение на Петроград. Потому что это привело бы к падению большевиков, а никакое другое правительство не предпочло бы свою власть национальным интересам и мира не заключило бы.

А Совнарком в этот же день, 23. 2. 18 г., известил по радио, что принимает все условия капитуляции. Впрочем, с большой долей вероятности можно утверждать, что верхушка большевиков этого и ждала. На подобный вариант очень уж прозрачно намекал в Бресте сам Троцкий - говорил, что коммунисты никогда не поступятся своими принципами, но... если речь пойдет о грубых аннексиях, то должны будут склониться перед силой... Или, скорее, Ленина устраивали оба варианта - случись чудо, и красногвардейцы окажутся способными противостоять оккупантам, большевики будут в выигрыше как победители и избавятся от прежних обязательств. А случись как случилось смогут пойти на унижительный мир как жертва агрессии, без обвинений в предательстве. Да и многие сторонники "революционной войны" от беспрепятственного марша немцев и беспомощности красногвардейцев сразу потеряли почву под ногами и прикусили языки.

В том, что был разыгран согласованный с противником сценарий, убеждает и деятельность Карла Моора. Весь январь и февраль он пробыл в Петрограде, находился в тесном контакте с Лениным, непосредственно участвовал в работе по подготовке

капитулянтского мира. Очевидно, "Байер" держал в курсе всех нюансов и настроений ленинского окружения своих германских хозяев, а может и служил для этого окружения тайным каналом связи с немцами. А сразу после заключения мира он уезжает из России. Служит в Берне посредником для налаживания тесных контактов между советским полпредом и посольством Германии, в июле направляется в Берлин, где выступает консультантом советской делегации, обсуждавшей там дополнительное соглашение к Брестскому договору, а при возвращении этой делегации в Москву едет с ней вместе. 14. 8. 18 г. советский дипломат в Берне Г. Шкловский направил лично Ленину письмо: "Обращаю Ваше внимание на К. Моора. Он немецкий агент, купленный за деньги. Доказательств более чем достаточно и никакому сомнению не подлежит. Я уверен, что он нам много зла принес во время своего пребывания в России (при заключении Брестского мира и наступлении немцев)".

Но Ленин, очевидно, считал иначе, и письмо наивного Шкловского передал... К. Радеку, еще одному немецкому агенту. Вместе с которым они обвинили Шкловского в "распространении инсинуаций" против заслуженного и полезного товарища.

Ну а России пришлось расплачиваться за все эти игрища. Она по Брестскому договору теряла Финляндию Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Украину, Крым, Закавказье. Демобилизовывалась армия и разоружался флот. Оккупированные области России и Белоруссии оставались у немцев до конца войны и выполнения Советами всех условий договора. На страну налагалась контрибуция в 6 млрд. марок золотом. Плюс уплата немцам убытков, понесенных в ходе революции - 500 млн. золотых рублей. Плюс кабальный торговый договор. Германии и Австро-Венгрии доставалось огромное количество вооружения, боеприпасов и

имущества, захваченное в прифронтовой полосе, возвращались 2 млн. пленных, что позволяло восполнить боевые потери. Фактически Россия попадала в полную экономическую зависимость от Германии, превращалась в базу Центральных держав для продолжения войны на Западе.

Но получили большевики и некоторый дополнительный выигрыш, не предусмотренный никакими договорами. Потому что из этих миллионов пленных далеко не все стремились вернуться в мясорубку Мировой войны, а поскольку после Бреста никто уже дома не смог бы упрекнуть их в предательстве, многие начали вступать в "союзную" Красную Армию, в органы ЧК и советской власти. Понятно, что по отношению к чужому народу они были идеальными карателями, как понятно и то, что искали такие лазейки далеко не лучшие представители своих народов. Некоторые при этом заражались большевистскими идеями, другие оставались просто наемниками. А всего за годы гражданской через большевистские вооруженные силы прошло до 300 тыс. подобных "интернационалистов". Правда, в это число надо включить и 40 тыс. китайских наемников - их еще царское правительство подрядало на тыловые работы, вроде стройбатов, а большевики за высокую плату начали привлекать на службу. Наемниками стали и латыши с эстонцами, которые не могли вернуться на оккупированную родину. Поэтому латышские полки не разложились и не разбежались, подобно русским частям, и приняли предложение коммунистического руководства, пообещавшего им оплату золотом (впрочем, довольно часто в гражданскую "латышами" называли и немцев). Так что костяком и самыми боеспособными частями формирующейся Красной Армии стали отнюдь не патриотические силы России.

Что же касается политики Западных держав, то следует помнить, что последовавшие с их стороны антибольшевистские действия диктовались отнюдь не возмущением от жестокой политики узурпаторов и не заботой о "гуманитарной катастрофе" в России. Нет, они рассматривались сугубо в рамках продолжения Мировой войны. Еще при царе на средства западных союзников началось строительство Мурманского порта, как незамерзающей базы для флотов Антанты на севере. В Мурманск, Архангельск и Владивосток было завезено для России свыше миллиона тонн военных грузов на сумму более 2,5 млн. руб. И поскольку большевики теперь стали союзниками Германии, возникла реальная угроза, что все это вооружение, снаряжение и имущество уплывет в руки немцев. И, конечно же, очень пригодится им на фронте при углубляющемся кризисе собственной промышленности, нехватке рабочих рук и сырья. Поэтому и было принято решение о высадке в этих трех портах военных контингентов Антанты, чтобы взять под охрану сами базы и скопившиеся в них грузы.

В Баку и Туркестане англичане воспользовались приглашениями местных совдепов только для того, чтобы не отдать туркам нефтепромыслы, прикрыть свою персидскую "зону интересов" (а при удаче и расширить ее за счет изменившего северного соседа). Вынашивались громоздкие и малореальные проекты восстановления Восточного фронта - где-нибудь на Волге, силами белогвардейцев и японцев, а то и китайцев. Теперь уже Антанта соглашалась и на пассивный, и не сплошной фронт - лишь бы он оттянул на себя хоть какое-то количество вражеских войск.

Без учета взаимоотношений Мировой войны нельзя понять и ситуацию с восстанием Чехословацкого корпуса. Это соединение, сформированное из эмигрантов, перебежчиков и пленных, было

единственным, сохранившим боеспособность при австро-германской оккупации Украины - тем более, что австрийцы чехов в "обратный плен" не брали, а попавших к ним в руки вешали, как изменников. Корпус с боями отступил в Россию и был размещен под Пензой. И стал большевикам костью в горле. Его не удавалось ни разложить, ни переманить на наемную карательную службу, как латышей. Он портил отношения с союзниками по Брестскому миру и рвался воевать с ними. Расправиться с чехами тоже не могли - по обстановке весны 1918 г. сплоченный и дисциплинированный корпус представлял собой большую силу. И выход, казалось, нашелся - представители Франции и Чехословакии упросили отправить корпус на Западный фронт. Но когда его эшелоны растянулись по Транссибирской магистрали от Пензы до Омска, Троцкий вдруг придрался к мелкому факту драки между чехами и венграми в Челябинске, приказав разоружить корпус и загнать в концлагерь. Разумеется, здесь не обошлось без нажима немецких "друзей" - им-то зачем было появление на Западном фронте свежего вражеского корпуса?

И то, что растянувшиеся по железной дороге чехи, восстав, сбросили советскую власть сразу на огромной территории, объясняется вовсе не их заговором. А лишь переоценкой коммунистами собственных сил. Потому что корпус и стремились растянуть, оторвать части друг от друга, чтобы легче было с ним сладить. Для чего и втянули в длинную, как казалось, "западню" Сибирской железной дороги. Ведь если бы чехов на самом деле собирались отправить во Францию, гораздо проще и ближе это было сделать через Архангельск или Мурманск. И пробиваться первоначально начали чехи не на запад, а на восток. Но когда им удалось разгромить нападавшие красные отряды, и это стало детонатором множества местных восстаний от Волги до Дальнего

Востока, то в руководстве держав Антанты всплыл тот же проект воссоздания Восточного фронта - силами белогвардейцев и чехов. А большевики при этом рассматривались лишь в качестве союзников Германии.

Между прочим, идею "славянского братства", на которой и формировался корпус, чехи понимали довольно односторонне. Они хорошо сражались против австрийцев и немцев - за свои интересы, за независимость Чехословакии. Сражались и в гражданскую, но лишь до тех пор, пока она была частью Мировой, и им объясняли, что путь в Чехословакию лежит через Россию, где надо разбить коммунистов. Однако за участие в гражданской и взятие русских городов они не стеснялись выставлять крупные денежные счета. А едва Австро-Венгрия капитулировала, и их собственные национальные проблемы решились, участвовать в боевых действиях отказались наотрез.

Ну а немцы выиграли от Брестского мира не так много, как им хотелось бы. Потому что очень быстро выяснилось, что украинская Центральная Рада, с которой они заключили договор о взаимопомощи, никакой реальной властью не обладает. И чтобы получить необходимое продовольствие, оставалось только прибегнуть к прямой оккупации и выделять для этого немалые силы, столь необходимые на Западном фронте. А поскольку левая по составу Рада собственными революционными универсалами разрушала экономику и хозяйство, то для налаживания поставок потребовалось менять саму эту власть, и 29. 4. 1918 г. Раду распустили по домам, а марионеточный "Съезд украинских хлеборобов" под эгидой оккупационного командования избрал гетманом генерала Скоропадского.

Многие проблемы Германия и коммунисты и дальше решали сообща. Например, поскольку Центральным

Державам для снабжения своих стран продовольствием требовалась бесперебойная работа железных дорог, большевики охотно передали Украине значительное количество паровозов, угнанных бегущей от немцев Красной Гвардией. А самих этих красногвардейцев, озлобленных и способных на антигерманские вылазки, постарались отвести от границ зоны оккупации - в Царицын, на Тамань, и перенацелить на внутренних врагов, казаков и белогвардейцев. Для той же бесперебойной работы железных дорог требовался уголь - и большевики уступили им Донбасс. Причем этот эпизод выглядит особенно характерным. На Брестских переговорах коммунистическая делегация бодалась и брыкалась из-за каждой области и каждой республики, но переговоры велись на виду, освещались международной прессой, об их ходе и результатах так или иначе становилось известно "непосвященным" в России. С Донбассом же вопрос решался приватно, и отдали его без малейших споров, просто "под шумок" согласились считать частью Украины, в состав которой он никогда до революции не входил.

Понятное дело, что большевики рассчитывали и на ответные услуги. Так, в архивах сохранилось письмо Ленина В. Воровскому: "... "помощи" никто не просил у немцев, а договаривались о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и на Алексеева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами" (ЦПА НМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 122).

Отсюда мы видим, что переговоры о совместных действиях против англичан и белогвардейцев действительно велись. Хотя и не выразились в практических результатах. Отрывать от Западного фронта силы и средства для наступления на Мурманск Германия в тот момент не могла себе позволить. Да и ввязываться в бои с частями Алексеева и Деникина,

придерживающимися ориентации на Антанту, но непосредственно немцам не угрожающими, им тоже не светило. Тем более, истинное моральное лицо кремлевских "друзей" германцам прекрасно было известно, и особого доверия к ним быть не могло. Поэтому они предпочли поддержать самопровозглашенное "буферное государство" - Всевеликое Войско Донское, выразившее лояльность к Германии и готовность торговать с ней. А заодно отгородившее Украину как от деникинской Добровольческой армии, так и от буйных красных армий Кубани и Нижнего Поволжья.

Явно в угоду немцам был расстрелян адмирал Щастный, который в безнадежной, казалось бы, ситуации вместо предписанной капитуляции Балтфлота сумел спасти его и вывести в Кронштадт. Очень темной выглядит и история с Черноморским флотом. При оккупации немцами Крыма большинство кораблей ушло из Севастополя в Новороссийск. Но когда Деникин начал в июле успешное наступление на Кубань, и создалась реальная угроза захвата эскадры белыми, немцы серьезно обеспокоились - располагая флотом, добровольцы могли высадить десант на Украине, что было чревато взрывом восстания среди населения, недовольного оккупацией. И в июне последовал ультиматум о возвращении кораблей в Крым и переходе их под украинскую юрисдикцию, то бишь фактической сдаче Германии. Официальная версия гласит, что Ленин якобы по радио отдал демонстративный приказ о сдаче, а сам тайком послал уполномоченного с настоящим приказом - затопить эскадру.

Но, во-первых, резолюция о потоплении, датированная 24 мая, т. е. даже по срокам не совпадающая с ультиматумом, приводится в ПСС Ленина со ссылкой на малоавторитетный "Морской сборник", да еще и издания 30-х годов - в партийных изданиях и архивах

никаких следов этого распоряжения почему-то не сохранилось. Во-вторых, очень сомнительно, чтобы такой уполномоченный вообще мог пробраться в Новороссийск - все железные дороги туда уже были перерезаны деникинцами и восставшими казаками. В-третьих, руководство Кубано-Черноморской советской республики проводило самостийную политику, считало флот своей собственностью и категорически запрещало морякам под угрозой расправы как уходить в Крым, так и топить суда. И уполномоченного, привезшего подобный приказ, здесь шлепнули бы сами красные. А в-четвертых, вообще непонятно, зачем понадобилось бы Ленину топить флот? Что он от этого выигрывал? И что проигрывал в случае сдачи? Так что, похоже, приказ для флота был всего один - тот самый, который передали по радио. И которому, кстати, последовало больше половины кораблей. А "гибель эскадры" явилась самостоятельной акцией небольшой группы патриотически настроенных моряков экипажей миноносцев "Керчь" и "Лейтенант Шестаков". И потопили они те корабли, которые вообще были не способны никуда уйти, поскольку их команды разбежались и давно уже гудели на берегу, разграбив судовые кассы.

Известны и несколько случаев прямых обращений коммунистов к Германии о помощи. Так, при наступлении турок на Баку Ленин взывал к немцам о содействии в заключении перемирия и обещал за это свободный доступ к бакинской нефти. И Берлин не ограничился дипломатическими нотами османскому правительству. Как писал Людендорф: "Германия очень интересовалась бакинскими нефтепромыслами, которые соединены нефтепроводом с Батумом".

Он снял с Балканского фронта бригаду кавалерии, 6 батальонов пехоты и перебрасывал их в Потти для похода на Баку. Но турки вели в Закавказье свою

политику, и немцам не уступили. А собственные трудности не позволили Германии осуществить военное вмешательство. А когда англичане высадились в Архангельске, коммунистическое руководство в панике сочло, что войска Антанты и северные белогвардейцы двинутся на Москву. И 5 августа нарком иностранных дел Чичерин обратился за помощью не к кому иному, как к германскому послу Гельфериху. Советское правительство приглашало немцев ни много ни мало... занять своими войсками Петроград. Чтобы, дескать, красные части оттуда можно было перебросить для защиты Вологды. Разве что Германия столь щедрого презента не приняла - кормить голодный Питер ей вовсе не улыбалось, войска были на счету из-за начинавшегося на Западе сражения Второй Марны, и источниками информации она располагала более точными, поэтому знала, что в Архангельске высадились очень небольшие контингенты, предназначенные лишь для контроля над портом и скопившимися в нем грузами.

А рабочие контакты на уровне спецслужб поддерживались постоянно. Как отмечается и в исследованиях С. П. Мельгунова, и в мемуарах А. И. Деникина, представители германской разведки действовали в Москве в открытую. Можно смело предположить, что ВЧК, еще неопытная и неумелая, в 1918 г. становилась на ноги с их помощью. Так, кн. С. Е. Трубецкой в своих воспоминаниях сообщает, что именно немцы выследили и "подарили" чекистам подпольную "Военную Организацию" во главе с М. Лопухиным. Они систематически выдавали и лиц, наивно посчитавших, что "культурная" Германия не может быть другом большевиков, и обращавшихся к немцам за помощью для организации антикоммунистической борьбы. А порой устраивали провокации, выражая таким энтузиастам готовность помочь, начиная формирование

под своей эгидой "подпольных организаций" и заманивая в них других недовольных, которые сдавались потом чекистам целыми пачками.

Точно так же, как на территории, подконтрольной большевикам, оказывалось покровительство немецкой разведке, так и на территории, подконтрольной австро-германцам, оказывалось покровительство советским спецслужбам. Например, с лета 1918 г. в Киеве пребывала большевистская делегация во главе с Раковским (до революции - штатным австрийским шпионом), вела переговоры о демаркации границ, урегулировании железнодорожного сообщения, работы пограничных пунктов и другим вопросам взаимоотношений Украины и Совдепии. Только на самом деле эти переговоры затягивались до бесконечности. Делегация торчала в Киеве месяц за месяцем и реальные свои усилия направляла совсем в другом направлении - на коммунистическую пропаганду, шпионаж, интриги против белогвардейских и донского представительства. И на создание большевистских подпольных организаций, которые через миссию Раковского финансировались, инструктировались, поддерживали связь с Москвой. В октябре две таких крупных организации, киевская и одесская, были раскрыты контрразведывательными органами Скоропадского и арестованы. И что же, храбрых коммунистов расстреляли? Перевешали? Порубили саблями гетманские опереточные гайдамаки? Да нет, ничуть не бывало! Потому что в ходе следствия вдруг всплыло, что оба подполья были тесно связаны с немцами. И под нажимом оккупационных властей всех арестованных отпустили с извинениями, а министр внутренних дел Гербель, так гордившийся этим успехом, вынужден был уйти в отставку.

8. Закладка фундамента

Брестский мир преподнес большевикам еще один крупный подарок. После его ратификации во ВЦИК (полученной только благодаря талантам и методам Свердлова), из правительства в знак протеста вышли левые эсеры, заявив о своем переходе в оппозицию. Разумеется, коммунистам на такие демократические демарши было начхать. Совнарком стал однопартийным, и у них оказались развязаны руки для более решительных действий по строительству нового общества.

Причем его полная "новизна" всячески подчеркивалась. Сносились, например, памятники государственным и военным деятелям России, а на их месте экстренным порядком возводились уродливые и безвкусные памятники Стеньке Разину, Каляеву, Пугачеву и т. п. Этими и другими способами крушилась и доламывалась вся система ценностей страны и народа, подменяясь большевистскими суррогатами. Отрицалась и перечеркивалась прошлая история вместо нее утверждались примитивные оплевательские фальсификаты, создаваемые партийными теоретиками вроде Бухарина. Перечеркивалась российская культура, подвергаясь оголтелой травле с "классовых" позиций. Большевики демонстративно, во всех сферах, отрекались от какой бы то ни было преемственности с дореволюционной Россией, отбрасывая весь ее жизненный путь до 1917 г. как преступный и заслуживающий лишь очернительства. А в рамках новых моральных ценностей то и дело организовывались массовые действия, митинги и новорожденные ритуалы по любому поводу, будь то притянутая за уши годовщина Парижской Коммуны, о которой и сами-то парижане позабыть успели, или открытие очередного названного выше монумента; который разваливался потом почти так же быстро, как создавался.

Но конечно, такие аспекты строительства были в то время еще не главными. В начале апреля 18-го, характеризуя главные задачи Советской власти, Ленин выделяет, в частности "Доведение до конца национализации промышленности и обмена" и "принудительное объединение населения в потребительские общества". А в письмах в это же время появляется уже и установка на борьбу с "кулацкими элементами" с указанием, что "именно такая борьба и по всей России стоит на очереди". Действительно, "триумфальное шествие Советской власти" прошло по городам, очаги сопротивления были подавлены, и казалось, что здесь уже можно вводить ленинские принципы. Но оставалось еще многомиллионное крестьянство. И если устои "Отечества" в его среде фактически рухнули вместе с "Царем", то вот "завоевания" Февральской революции укоренились здесь моментально и очень прочно - принципы индивидуализма, неограниченных личных свобод, хозяйственной децентрализации. И даже те крестьяне, кто сами считали себя большевиками, понимали этот большевизм по-своему, в рамках тех пропагандистских лозунгов, которыми коммунисты завоевывали популярность в 17-м. А, кроме того, несмотря на крушение основ "государственной психологии", они ведь оставались русскими мужиками, сохраняющими свои собственные, личные моральные и нравственные устои - пусть расшатанные, деформированные и ослабленные. И все это вместе взятое для модели "нового общества" совершенно не годилось.

Уже в мае Свердлов во ВЦИК заговорил о необходимости перенесения "классовой борьбы" в деревню. А 26. 5 Ленин пишет "Тезисы по текущему моменту": "1. Военный комиссариат превратить в военно-продовольственный комиссариат, т. е. сосредоточить 9/10 работы на передачу армии для

войны за хлеб и на ведение такой войны на 3 месяца - июнь-август.

2. Объявить военное положение во всей стране на то же время.

3. Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части и призвать 19-летних для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива.

4. Ввести расстрел за недисциплину".

Отметим, это еще май, страна еще не взорвалась восстаниями и не перечеркнулась фронтами. Гражданская война считалась уже выигранной - ведь именно из-за этого оказывается возможным перенацелить армию и сосредоточить 9/10 работы на операциях против крестьянства! И следовательно, продразверстку и политика "военного коммунизма" были вовсе не вызваны войной, как это изображала последующая советская история. Это просто была неотъемлемая часть ленинской модели, и "военный коммунизм", собственно, и был в понимании вождя тем самым "нормальным" коммунизмом, который предстояло построить в России.

Но для реализации таких мер имелась еще одна серьезная помеха многопартийный парламент. Данную проблему большевики решили поэтапно, в три месяца. 11 апреля последовал удар по анархистам - при полной поддержке остальных левых партий, так как предлогом послужила борьба с бандитизмом и уголовщиной. Хотя подчеркнем, что к партии анархистов распоясавшиеся отряды громил имели весьма отвлеченное отношение - это была та самая шпана, которая до Октября называла себя большевиками. Но после прихода Ленина к власти, не желая подчиняться требованиям партийной дисциплины, выбрала себе другую марку. 25 особняков в Москве, занятых такими отрядами, были внезапно окружены войсками и разгромлены, а попутно и

фракцию анархистов вывели из ВЦИК - решением самого ВЦИК. Кстати, в этот же период, опираясь на созданные красноармейские части, большевики по всей стране разоружили и расформировали отряды Красной Гвардии, т. е. той буйной вольницы, которая и привела их к власти.

А 15 июня большевики протащили через ВЦИК постановление об исключении из него правых эсеров и меньшевиков. На этот раз предлогом послужило то, что в восстаниях, полыхнувших в Сибири, Поволжье и на Урале, участвовали представители этих партий. Разумеется, не те, кто продолжал вместе с большевиками заседать в Москве, но тем не менее, их одним махом выбросили за борт государственной политики, причем при полной поддержке левых эсеров - несмотря на все разногласия с большевиками, факторы мелочного цепляния за свои парламентские места и межфракционной грызни оказывались сильнее.

А очередь самих левых эсеров, последней оппозиционной партии, пришла в июле. В других своих работах ("Белогвардейщина", "Июльский мятеж"), я уже приводил многочисленные доказательства того, что весь так называемый "левоэсеровский мятеж" был всего лишь провокацией ВЧК, так что здесь на данных событиях остановлюсь лишь коротко. 6 июля, когда в Москве проходил V съезд Советов, на котором большевики вдруг ожесточенно покатали бочку на конкурирующую партию, чекисты Блюмкин и Андреев убили германского посла Мирбаха. Причем сведения о подготовке этой акции просачивались задолго до нее. В апреле представитель французской миссии Садуль предостерегал Троцкого и Дзержинского, что согласно французским разведданным, готовится провокация с покушением на Мирбаха, после чего немцы потребовали бы введения в Москву для охраны посольства батальона из тысячи человек. Этот батальон состоял бы из

кадровых прусских офицеров и унтер-офицеров, и в короткий срок мог быть развернут в дивизию, впитав рядовой состав из военнопленных немцев. Потом и советник германского посольства д-р Рицлер сообщил Дзержинскому о своих данных насчет покушения. Председатель ВЧК лично взялся за расследование и ответил, что кто-то умышленно обманывает или шантажирует посольство. После чего Рицлер заявил представителю НКВД Карахану - дескать, ими получены сведения, что Дзержинский умышленно смотрит сквозь пальцы на подготовку убийства. Что Дзержинский назвал клеветой. За неделю до убийства.

Блюмкин и Андреев сработали не очень чисто, забыли в посольстве мандаты для встречи с Мирбахом за подписью Дзержинского и с печатью ВЧК. Железный Феликс, прибывший с Караханом, чтобы опять же лично вести расследование, объявил документы поддельными и тут же изъял их в качестве "вещественных доказательств". После чего в сопровождении всего лишь трех чекистов отправился в восставший полк ВЧК, где, по его заявлению, должен был скрываться подлец Блюмкин. Чтобы лично его арестовать, а то и лично расстрелять. И где был якобы сам арестован. "Восставшие", несмотря на троекратное превосходство над большевиками, активных действий почти не предпринимали и оставались в казармах. А все руководство левоэсеровской партии, как бы и не подозревая о восстании, спокойно отправилось на съезд, где и дало взять себя под стражу.

За ночь коммунисты подтянули из подмосковных лагерей надежные части и разгромили мятежников одним ударом. Причем Троцкий, вручая командиру латышских стрелков Вацетису награду в 10 тыс. руб. (напомним, что латыши были наемниками), в полушутливой форме обмолвился странной фразой, что тот прекрасно действовал как солдат, но своим

усердием сорвал какую-то важную политическую комбинацию. А 9. 7 продолживший работу V съезд, уже состоящий из одних большевиков, принял решение об изгнании левых эсеров из всех Советов. И начал реализацию ленинской модели нового общества постановлениями о продразверстке, о создании в деревнях комитетов бедноты с большими полномочиями. И 10. 7. 1918 г. была принята конституция РСФСР.

Вот тогда-то, дорвавшись до однопартийного правления, Ленин смог развернуть в полную силу строительство коммунизма по своим схемам. И своими методами. Теперь уже не скрывается и не вуалируется ничего, и "ленинский стиль работы" провозглашается открытым текстом. Всего через неделю после установления однопартийной власти последовала расправа с царской семьей. На места направляются инструкции об организации института заложников. А в статье "Товарищи рабочие! Идем в последний решительный бой!" Ильич призывает: "Беспощадная война против кулаков! Смерть им!"

Во все концы страны посыпались телеграммы вождя. В Нижний - "... навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Надо действовать вовсю: массовые обыски, расстрелы за хранение оружия, массовый вывоз меньшевиков и ненадежных...", в Вологду - "... напярчь все силы для немедленной, беспощадной расправы с белогвардейством...", в Пензу - "... необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концлагерь..." или "... повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц... Найдите людей потверже...", в Саратов - "... советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и

колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты..." Аналогичные телеграммы рассылаются в Петровск, Задонск, Ливны, Пермь, Вятку, Дмитров ими полон весь 50-й том ПСС Ленина.

Остается открытым вопрос: зачем же понадобилось убивать Мирбаха, почему нельзя было выбрать менее опасный объект провокации, не чреватый международными последствиями? Тут однозначного ответа пока нет, и версий может быть несколько.

При выборе жертвы могла иметь место какая-то персональная игра Дзержинского, не совпадающая с общепартийной линией - известно, например, что он был противником Брестского мира, лишившего его шанса возглавить власть в Польше. А может быть, угрозой войны с немцами хотели посильнее пугнуть крестьянство, выставив левых эсеров поджигателями такой войны. Хотя не исключено, что угрозой свержения большевиков - которое будет сопровождаться восстановлением Восточного фронта - пытались воздействовать на германское правительство, чтобы подтолкнуть его к более активной поддержке своих ставленников в России. И получить хотя бы тот самый "волшебный" батальон, легко превращающийся в дивизию, о котором капитан Садуль помчался предупреждать Дзержинского с Троцким. Во всяком случае, после убийства Мирбаха не Берлин потребовал размещения своей войсковой части в Москве, а сами большевики одновременно с официальными извинениями направили немцам согласие "образовать из пленных особый батальон" для охраны посольства при условии, что эта "германская часть будет одета в штатское платье, а отчасти и в красноармейскую форму". Не эту ли "важную политическую комбинацию" сорвал Вацетис, в несколько часов подавивший мятеж и не давший как следует пугнуть Германию, и под предлогом критической ситуации обратиться к ней за

помощью? Ведь к июлю 18-го уже восстали Дон и Кубань, Урал и Сибирь, наступали чехи, десанты Антанты занимали Мурманск и Владивосток... В таких условиях полнокровная германская дивизия в Москве, надо думать, оказалась бы отнюдь не лишней.

Нельзя отбрасывать и вероятность того, что Мирбах погиб в результате совместных действий германских и советских спецслужб. Сам он коммунистам отнюдь не симпатизировал, считая, что их поддержка зашла слишком далеко. Он относился к тому крылу немецких политиков, которые полагали, что заключив Брестский мир, большевики выполнили отведенную им роль, а дальше они становятся опасными и для самой Германии, поэтому пора свергнуть их и заменить более умеренным правительством. И соответственно, был противником тех игрищ, которые немецкая разведка продолжала вести в России. То есть, мешал и тем, и другим. В пользу данной версии может говорить тот факт, что немецкие агенты в 1918 г. работали в Москве в тесном контакте с ВЧК, имелись они и на самом высоком уровне, вплоть до окружения Ленина, так что дутый характер "левоэсеровского заговора" мог быть секретом разве что для последующих советских историков, но уж никак не германской разведки. Но тем не менее, к каким-либо негативным последствиям в отношениях между государствами и их спецслужбами события 6 июля не привели - что и настораживает.

Впрочем, и военной помощи советское правительство так и не получило. На Западном фронте как раз начиналось решающее сражение, на которое Германия делала последнюю ставку в Мировой войне, и вопросы отношений с Советской Россией поневоле отошли на второй план. А когда оно было проиграно, немцам стало и вовсе не до баловства с Москвой...

Здесь остается еще сделать отступление, касающееся одного из главных героев описанных

событий - Якова Григорьевича Блюмкина. Конечно, в связи с убийством посла его имя оказалось потом стерто из последующей советской истории. Но ни один из "невозвращенцев" 30-х годов в своих воспоминаниях не смог обойти молчанием столь яркую личность. Оставившую, кстати, косвенный след даже в русской литературе. Потому что он был близким другом Есенина и, в отличие от большинства прихлебателей, искренним и преданным другом. Когда попытка Есенина перебраться в заграничное "царство свободы" окончилась жизненной катастрофой, и он, разочаровавшись в Западе, решил вернуться, оказавшись и на родине в тяжелейшем душевном кризисе, балансируя между белой горячкой, самоубийством и Соловками, именно Блюмкин вытащил его из этого состояния и, соблазнив "персидскими мотивами", увез в Закавказье, куда был назначен помощником полномочного представителя ОГПУ. Так что в значительной мере это он обеспечил предзакатный взлет есенинского творчества. А прощание поэта с Кавказом совпадает по времени с переводом оттуда Блюмкина на другую работу.

По-видимому, он же консультировал Есенина по поводу Махно, к фигуре которого тот неоднократно обращался в своих поэмах и набросках, считая его продолжателем Пугачева - во всяком случае, в окружении Сергея Александровича лучшим знатоком в данном вопросе был как раз Блюмкин. Дело в том, что после убийства посла его убрали с глаз долой - на Украину. Там он создавал большевистское подполье, по образцу Мирбаха готовил покушение на гетмана Скоропадского. И налаживал связи с Махно. А в апреле 1919 г. вернулся в Москву, безо всяких помех был принят в коммунистическую партию и восстановлен в центральном аппарате ВЧК, где быстро пошел в гору. Служил на довольно высоких должностях, окончил

академию генштаба РККА вместе с Тухачевским. И вместе с ним, кстати, проходил партийную чистку, организованную после гражданской для удаления случайных "попутчиков". Причем чистку они проходили у самого председателя ЦКК Сольца, "совести партии". Однако о таких "мелочах", как левоэсеровское прошлое или убийство Мирбаха к Блюмкину даже вопросов не возникло. Поскольку поддержать его пришел лично Дзержинский. И выступить не поленился, дав ему самые блестящие характеристики.

Блюмкин считался одним из лучших "международников" ОГПУ, работал в Монголии, а в 1928 г. стал резидентом на Ближнем Востоке. Действуя под видом персидского купца, изъездил весь этот регион, создавая первую сеть советской агентуры в Сирии, Палестине, Египте, Ливане, Трансиордании. И добился таких успехов, что в его ведение собирались передать и Ирак, и Иран, и Индию. Он делал доклады для членов ЦК и чекистского руководства. Но на свою беду в Константинополе Блюмкин встретился с опальным Троцким и горячо взялся помогать поверженному кумиру. В частности, прихватил в СССР его письмо для тех партийных деятелей, которые считались оппозиционерами.

Но первый же, кому он показал письмо - Радек (уже побывавший в полуторагодичной ссылке), жутко перепугался и поспешил его заложить Сталину. Все источники сходятся на том, что 29-летний Блюмкин умер достойно. Когда его брали, пытался отстреливаться. А перед расстрелом выкрикнул: "Да здравствует товарищ Троцкий!" и "Да здравствует мировая революция!"

9. Пауки в кремлевской банке

Представление о дружной "ленинской когорте", впоследствии преданной и распотрошенной Сталиным - всего лишь плоский и примитивный миф хрущевской

эпохи. У людей, заведомо отрицающих общечеловеческие нормы морали и нравственности, которые они пытались разрушить и у других, уж конечно же, и друг к другу рыцарского отношения существовать не могло. В конце концов, стоит вспомнить, что вражда Сталин - Троцкий, Зиновьев - Троцкий, и многие другие конфликты, выплеснувшиеся потом наружу, зародились еще в 1918-19 гг. Ленин разве что сдерживал их, а порой и играл на них из собственных тактических соображений.

И, между прочим, в рамках данного вопроса обращает на себя внимание довольно темная история с покушением на Ленина 30. 8. 1918 г. Оговорюсь, что это лишь версии. Но они представляются довольно любопытными и многозначительными, поэтому я позволю себе посвятить им целую главу. Так, уже многие исследователи обратили внимание, что в материалах следствия нет никаких доказательств причастности к теракту Фанни Каплан (Фейги Ройд). Более того, некоторые факты прямо ставят это под сомнение.

Возьмем, например, показания Сергея Батулина, осуществившего задержание Каплан: "Человека, стрелявшего в Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: "Держите убийцу товарища Ленина!" и с этими криками выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в разных направлениях перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди. Я увидел двух девушек, которые по моему глубокому убеждению, бежали по той же причине, что позади них бежал я и другие люди, и которых я отказался преследовать. В это время позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом обратила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и

затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: "А зачем вам это нужно?" Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил идти со мной..."

В дороге С. Батулин, "чуя в ней лицо, покушавшееся на т. Ленина", пытается допросить ее. Она затравленно твердит на все вопросы примерно одно и то же: "А зачем вам это нужно знать?" В общем-то, вполне нормальная реакция для женщины, которую вдруг схватили на улице и куда-то тащат. Да и что касается "странного вида" - она стояла на улице, по которой вдруг с воплями понесся народ. Не лишне вспомнить и то, что у Каплан была тяжелая нервная болезнь еще со времен каторги. Далее - "на Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в Ленина..." Простите, а что же еще крикнут из толпы о человеке, которого уже взяли и везут? Во всех свидетельских показаниях фигурируют и другие кандидатуры на покушение некий подозрительный гимназист, "человек в матросской фуражке". Отметим, что сам Ленин, едва шофер Гиль подбежал к нему, спросил в первую очередь: "Поймали его или нет?" А бюллетень ЦИК за подписью Свердлова, выпущенный вечером 30. 8, сообщал: "Двое стрелявших задержаны. Их личности выясняются". Вторым задержанным оказывается некто Протопопов, о котором больше вообще ничего не известно - его расстреляли даже раньше, чем Каплан и больше нигде не упоминали, будто его и не было.

Но дело о покушении на Ленина все состоит из подобных "неувязок". Хотя Каплан якобы и была опознана "рядом рабочих", но нигде эти самые "рабочие" и их конкретные показания не упоминаются. И "товарищ Гиль был почти единственным свидетелем", как пишет Бонч-Бруевич. Он и выступает единственным свидетелем, опознающим Фанни Каплан. Остальные же,

как С. Батулин, Н. Иванов и др., дружно утверждают, что не видели, кто стрелял, и их показания привязываются к личности обвиняемой лишь после ее ареста. Но и свидетельства Гиля тоже крайне противоречивы. В первоначальных показаниях он сообщает, что видел лишь "руку с револьвером". И лишь в более поздних пересказах сталкивается с террористкой лицом к лицу - и она, отстрелявшись, бросает револьвер ему под ноги.

Но этот брошенный посреди заводского двора револьвер рабочие "находят" только через четыре дня! И лишь 3. 9. 1918 он всплывает вдруг на следствии. Кстати, обратите внимание, что по данным обыска, экипирована была Каплан явно не для теракта - при задержании у нее отбирают портфель и зонтик. Однако портфель того времени - это отнюдь не изящный дипломат, и свидетель Мамонов даже называет его "чемоданом". Да и зонтик начала века представлял собой довольно громоздкую конструкцию. Вот и попробуйте, нагрузившись такими вещами и как-то манипулируя ими в руках, прицельно стрелять из пистолета. А потом ускользнуть через толпу и удирать. Почему-то поспешив избавиться от оружия, но с неуклюжим зонтом и "чемоданом", в котором не было ничегошеньки ценного... А пуля, которую в 1922 г. немецкий профессор Борхардт извлек из шеи Ленина, оказалась вовсе и не от этого револьвера.

Каплан притащили в комендатуру Замоскворецкого района, где раздели догола и подвергли тщательнейшему обыску. Не обнаружившему абсолютно никаких улик или зацепок. После чего начались непрерывные допросы. Сначала там же, в комендатуре, потом на Лубянке, потом в Кремле. Сменяя друг друга, ее в течение нескольких дней допрашивали Дьяков, Петерс, Курский, Козловский, Аванесов, Скрыпник, Кингисепп. Александр

Солженицын очень красноречиво описал, что способны сделать даже с сильными мужчинами бессонница и непрерывный многодневный допрос. Даже без воздействия других пыток, которые в то время уже применялись. Какая же может быть цена собственным признаниям Каплан? Впрочем, и протоколы ее допросов выглядят не очень солидно. Так, З. 8 она не хочет или затрудняется ответить даже на чисто технические вопросы: сколько раз стреляла, из какого револьвера. Странно, не правда ли? Особенно если вспомнить, что в данный момент само следствие ответов на эти вопросы не знало. Ведь револьвер возникает только З. 9, и тогда же было определено, что из него сделано три выстрела. В других же случаях часто бросается в глаза, что вопросы как бы подсказывают ответы на них. То есть подсказывают обвиняемой информацию, уже известную следователям, которую обязан был знать и стрелявший.

Данные о признаниях Каплан в разных источниках далеко не однозначны. Петерс через несколько лет напишет, что убеждал ее покаяться и тем самым смягчить свою вину. "Она же или плакала, или ругалась зло, с ненавистью, решительно отказываясь давать какие-либо показания". А член коллегии Наркомюста Козловский писал, что она "держит себя растерянно, говорит несвязно" и производит впечатление истерического человека. Что вполне объяснимо. Ведь Каплан была тяжело больной. И к тому же... полуслепой. В 1907 г., когда она в группе анархистов участвовала в подготовке покушения на киевского губернатора, в ее комнате по неосторожности взорвалась бомба. Несколько соратников было убито, а сама она получила тяжелую контузию и была арестована, получив пожизненную каторгу. Как сообщала ее подруга, "... Каплан ослепла 9 января, в четвертую годовщину Кровавого воскресенья... Она и прежде теряла зрение, но ненадолго, на два-три дня.

На этот раз ее прозрение длилось почти три года. Тюремные врачи потерю зрения Фаней Каплан связывали с резкими головными болями, которыми она жестоко страдала на каторге". Кстати, вот зачем оказался в ее руках зонт. Из-за проблем со зрением, способных непредсказуемо усилиться в любую минуту. Ведь в те времена зонты служили одновременно и тростью - и разумеется, для молодой женщины это казалось предпочтительнее, чем ходить с палочкой.

Неужели опытные боевики-эсеры могли столь легкомысленно поручить такую важную акцию больной женщине, которая вполне может подвести? Да и где вообще гарантия, что полуслепая попадет? И в того, кого нужно? Каждый, кто хоть раз стрелял из боевого пистолета, думаю, согласится со мной, что из этого оружия и вполне здоровый человек поражает цель не всегда. Нужен и навык, и обязательно - твердая рука. Правда, большевики попытались сгладить это противоречие, утверждая, будто зимой 1917-18 гг. ей в Харькове делали глазную операцию (что проверить было невозможно, Харьков находился под немцами). Но отметим, что во-первых, вряд ли в революционном Харькове функционировали учреждения вроде клиники Федорова, способные так быстро и полноценно вернуть зрение. А во-вторых, как мы видим, слепота Каплан определялась вовсе не офтальмологическим диагнозом, а была связана с контузией и сопровождалась мучительными головными болями, то есть вызвана была нервной патологией или мозговой травмой.

Что касается эсеров, которым почему-то сразу было приписано покушение, то налицо грубая подтасовка. "Известия ВЦИК" от 1. 9 сообщают: "Из предварительного следствия выяснено, что арестованная, которая стреляла в товарища Ленина, состоит членом партии правых социалистов-революционеров черновской группы".

Однако согласно протоколам допросов, она в этот день еще называла себя анархисткой. И лишь 2. 9 в протоколах появляется, что "она сторонница эсера Чернова, но в партии не состоит" (кстати, и об этом признании, "Известия ВЦИК" не постеснялись сообщить вторично, как о величайшей победе следствия - уже 3. 9). Отметим и то, что партия эсеров, сразу же заявила о своей непричастности к покушению. А ведь как раз по эсеровским правилам это автоматически лишало теракт всякого смысла. Как раз по законам эсеровских боевиков он должен был получать широкую огласку как исполнение приговора партии и тем самым оказать влияние на органы власти.

Но Каплан и в самом деле никогда не принадлежала к эсерам. В юности примыкала к анархистам, а вернувшись с каторги инвалидом, жила то у одной, то у другой подруги, принимавших ее из жалости. По свидетельствам этих подруг, своего положения нахлебницы она очень стеснялась, поэтому с утра брала ненужный портфель и на весь день отправлялась якобы "по делам", хотя все знали, что она просто бесцельно околачивается по городу. А в роковой день, вроде бы, поехала в больницу - ей снова стало хуже... Но вот, после отказов давать показания и "несвязных" речей, 2 и 3. 9 в протоколах вдруг как-то сразу появляются все необходимые признания, и в тот же день Каплан быстренько расстреливают. Для сравнения - 30. 8, в день покушения на Ленина, в Петрограде был убит председатель ЧК Моисей Соломонович Урицкий. Отомстил ему за истребление своих друзей и столичной интеллигенции бывший юнкер, поэт-романтик Каннегиссер. Однако его пытали и допрашивали целый год, пытаясь выбить имена сообщников - и лишь после этого казнили.

Да и процедура казни Каплан выглядела довольно странно. Расстреливает почему-то не обычный

дежурный палач, а лично комендант Кремля П. Д. Мальков, в кремлевском гараже, а тело потом сжигается в Александровском саду в железной бочке тем же Мальковым и его приятелем, "пролетарским поэтом" Демьяном Бедным... Может, какое-то признание Каплан вдруг поставило под угрозу создаваемую следствием картину, и требовалось, чтобы некая информация не вышла за пределы доверенного круга лиц? Или имела место ложная договоренность о подписании признаний в обмен на жизнь и свободу? Или она сошла с ума? А то и вообще не дожила до расстрела, вынудив имитировать казнь для "достойного" завершения процесса? Немедленная кремация трупа говорит о том, что требовалось пресечь возможность эксгумации. Избежать либо вскрытия (способного установить истинную причину смерти или, например, медицинские причины неспособности к покушению), либо нежелательного опознания (скажем, настоящими свидетелями теракта).

Ну а "полновесные" доказательства ее виновности появляются лишь... четыре года спустя - на показательном процессе эсеров в 1922 г. Они же фигурируют в качестве основных во всей последующей исторической и публицистической советской литературе. Но как показали многочисленные исследования, сам эсеровский процесс был сфабрикован от начала до конца и основывался лишь на клевете провокаторов. Дело в том, что антикоммунистическая деятельность эсеров была к тому времени амнистирована (тактический ход гражданской войны), так что и судить их, казалось бы, не за что. Но большевики нашли лазейку, зацепившись за "терроризм", о котором, дескать, при амнистии речи не было. Поэтому эпизод покушения на Ленина и стал центральным пунктом обвинения. А все фактические данные о покушении были, согласно протоколам

процесса, получены от "раскаявшихся боевиков" Г. И. Семенова, Л. В. Коноплевой, И. С. Дашевского, П. Г. Ефимова, К. А. Усова, Ф. Ф. Федорова-Козлова, ф. В. Зубкова, П. Н. Пелевина и Ф. Е. Ставской. Настолько "раскаявшихся", что на заседания Верховного Трибунала эти подсудимые приходили бесконвойно, из дома. И послушание их было достойно вознаграждено - они, как и другие обвиняемые, получили смертный приговор, но "в связи с раскаянием" расстрел им заменили на "полное освобождение от всякого наказания". А "нераскаявшаяся" подсудимая Евгения Ратнер очень лихо вывела провокаторов на чистую воду - она в свое время видела Каплан на каторге и попросила их описать ее внешность. Ни один из гипотетических соратников по "эсеровской террористической организации" сделать этого не смог... Из всего изложенного и Д. В. Волкогонов, и другие исследователи давно пришли к выводу, что стреляла не Каплан, она лишь взяла на себя ответственность за кого-то другого. А то и не брала, без ее согласия навесили.

Но из факта невинности Каплан - или пусть всего лишь непричастности к покушению эсеровской партии - автоматически вытекает вопрос: а если не эсеры - то кто? Других-то сил, способных стоять за организацией теракта, на первый взгляд, не просматривается. Анархисты были уже разгромлены. А покушение силами каких-то белогвардейских и офицерских организаций представляется вообще сомнительным - все они в практическом отношении оказывались очень слабыми, обычно не выходя за пределы теоретического прожектерства, да и традиционно были отвратительными конспираторами, из-за чего и попадались пачками в лапы чекистов. И хранить потом тайну они, разумеется, не стали бы. Скажем, участники организации князя Д. И. Шаховского, стрелявшие в

Ленина на Фонтанке 1. 1. 1918 г. потом поведали об этом в эмиграции. Быстро становилась достоянием широкой общественности и информация обо всех офицерских попытках освобождения царской семьи.

И, например, Г. Нилов в вышедшей в Лондоне книге "Грамматика ленинизма" вообще обосновывал гипотезу, что покушение было организовано ВЧК. "Заговорщиков устраивало легкое ранение вождя. Он был нужен живым своим соратникам. Но - отступающим, зависимым от них, послушным, сознающим свою уязвимость. И - постепенно оттесняющим с их пути Троцкого". Версия о ВЧК по ряду причин, изложенных ниже, представляется более чем шаткой. Но если проанализировать, кому, же в тот момент было выгодно устранение вождя или комбинация, названная Ниловым, то всплывает другое предположение. Оказывается, больше всех выигрывал Свердлов.

К июлю 18-го он и фактически, и официально выдвинулся на роль второго человека в государстве. Нетрудно представить, как разыгрались амбиции 34-летнего человека от столь головокружительного взлета (всего за год!). Но, немало поспособствовав разгрому левых эсеров, он подрубил сук, на котором сидел. Потому что стал в однопартийных Советах полновластным хозяином. Зато роль самих Советов в однопартийном государстве быстро покатила к нулю. И Свердлов не мог не понимать, что одновременно стала падать и его значимость - уж кто-кто, а Ленин умел приближать к себе людей, нужных в данный момент, и отбрасывать на второй план, когда надобность в них отпадала. И противоречия между ними как раз к августу 18-го наметились серьезные. Разумеется, у нас нет никаких прямых доказательств подготовки Свердловым верхушечного переворота. Но некоторые косвенные данные, ложащиеся в русло данной версии, привести можно.

Начнем с того, что организация покушения на Ленина была бы задачей не столь уж простой. Хотя пятницы в Москве считались "единым партийным днем", и митинги с 15-20-минутными выступлениями руководителей проводились по всему городу, кто именно и где именно будет выступать, не афишировалось. Сам Ленин, как отмечено в его "Биографической хронике", узнал о маршруте лишь накануне, получив 29. 8 путевки на Хлебную биржу и завод Михельсона. А секретари соответствующих райкомов, по воспоминаниям одного из них, Е. М. Ямпольской, были извещены только утром 30. 8. Согласно материалам дела, даже во время митинга шоферы имели четкую инструкцию не отвечать любопытствующим, кто выступает. Говорили: "Привез лектора, а кого - не знаю". Ну а предварительным распределением путевок и маршрутов занимались Московский комитет партии, агитотдел ВЦИК и Секретариат ЦК - два последних подчинялись Свердлову. Причем в данном случае сохранилась даже его личная записка Ленину от 29. 8 с просьбой "предупредить всех совнаркомщиков, что в случае приглашения или назначения на митинги никто не имеет права отказываться".

Обращает на себя внимание и совпадение по времени с убийством в Петрограде Урицкого. Хотя поначалу эта одновременность трактовалась чекистами как доказательство единого широкомасштабного заговора, но потом даже советская литература вынуждена была признать Каннегиссера одиночкой, действовавшим на свой страх и риск. Тогда спрашивается - неужели совпадение с выстрелами в Ленина оказалось случайным? Может статься, что нет. Потому что как раз в данный момент многих, и как раз самых "боевых" членов ЦК, не было в Москве. Троцкий находился на фронте под Казанью, Сталин в Царицыне,

Артем (Сергеев) на юге, Зиновьев (Апфельбаум) в Питере. А в связи с убийством Урицкого 30. 8 туда же выехал и Дзержинский! Получалось, что именно в этот день, даже в случае каких-либо осложнений противостоять Свердлову в столице было бы некому!

Посмотрим на его участие в событиях роковой даты. После теракта в Петрограде Бухарин уговаривал Ленина не ездить на митинги. И тот, по словам Крупской, согласился, "что может, и не поедет". Решение воздержаться от выездов в массы принял и МК партии - секретарей райкомов, незадолго до того оповещенных о визитах вождей, повторно вызвали в МК и сообщили об отмене этих визитов. И тут активно вмешался Свердлов, выговаривая всем и каждому: "Что же, мы испугаемся всякой буржуазной сволочи? Прятаться начнем?" Заявил, что на своих митингах, в Лефортовском и Введенском районах, он непременно будет. И Ильич тоже склонился ехать. Неудобным показалось пугаться и прятаться, когда другие выступать будут.

Неоднозначен и вопрос с охраной. Позже в коммунистической литературе было внедрено расхожее представление, будто вожди храбро разъезжали вообще без телохранителей. Однако имеются документальные свидетельства обратного. Например, в эпизоде, когда машину Ленина остановили бандиты Кошелькова и ограбили вождя, там присутствовал и охранник. А в воспоминаниях Малькова мы находим: "После ранения Ленина в ЦК был поставлен вопрос, чтобы при выезде из Кремля Ленина сопровождал не один, а два бойца из охраны... Владимир Ильич, еще не зная о принятом решении, в воскресенье поехал в сопровождении одного бойца. Часовой задержал его машину... Когда ему доложили, что выезжать с одним бойцом - значит нарушать решение ЦК, Владимир Ильич беспрекословно подчинился". Следовательно, хоть один

телохранитель должен был его сопровождать и 30. 8. Спрашивается, куда же он делся? Гиль подтверждает: "Охраны ни с нами, ни в автомобиле не было никакой".

А комендатура и охрана Кремля напрямую подчинялись Я. М. Свердлову...

Сразу после покушения он оказывается в Кремле одним из первых. Крупская пишет, что когда она вошла в квартиру, "около вешалки стоял Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все кончено". К. Т. Свердлова тоже сообщает, что "он казался еще тверже, еще решительнее и собраннее, чем всегда". И тут же он принялся убеждать всех присутствующих, что "у нас с Ильичем все сговорено", поспешив в тот же вечер занять рабочий кабинет Ленина. И сосредоточив в своих руках такую власть, каковую не концентрировал и сам вождь руководство Совнаркомом, ЦК партии и ВЦИК Советов.

Между прочим, отсутствие Дзержинского позволило ему подмять под свой контроль весь ход следствия. Когда Каплан привезли на Лубянку, Свердлов выезжает туда "проверить, как ведется расследование", прихватив члена ЦК Аванесова, наркома юстиции Курского и наркома внутренних дел Петровского возможно, в противовес ВЧК. После чего Каплан вдруг переводят с Лубянки... в Кремль. А к допросам, кроме названных наркомов, подключаются креатуры Свердлова - тот же Аванесов, Скрыпник, Кингисепп - хотя и чекист, но одновременно и член ВЦИК. И Каплан, которая у Петерса "отказывалась давать какие-либо показания", а у Козловского "говорила несвязно", как раз у этих новых следователей признает вдруг именно то, что требовалось. После чего ее сразу же расстреливают. Приказ на это, как пишет Мальков, он получил от Свердлова, и сжечь труп распорядился он же. Кстати, именно в рассматриваемой версии имели бы

смысл перечисленные странности казни. Если у Свердлова были основания опасаться политических конкурентов (скажем, при возвращении в Москву Дзержинского), и он спешил закрыть дело, не выпуская из своих рук. Да так закрыть, чтобы ЧК уже не смогло возобновить расследования.

Но подчеркнем, что если причастность Якова Михайловича к теракту остается в области гипотез, то воспользоваться его результатами он попытался вполне определенно. И вот Ленин неожиданно быстро поправляется, и уже 16. 9 появляется на заседании Совнаркома, с явной поспешностью возвращая себе кресло председателя. Что же предпринимает Свердлов? Да то же самое, что в 1923 г. - Сталин и верхушка ЦК, а в 1996 г. - Чубайс. "Приватизирует" главу государства. Протаскивает через врачей и ЦК решение, что вождю необходимо подлечиться и отдохнуть. Как пишет его супруга, он "поручил Малькову объездить Подмоскovie и найти подходящее помещение" удобное и достаточно изолированное. Чтоб, значит, посторонние не мешали. И он сам никому не мешался. Тогда-то и были выбраны пресловутые Горки. "Яков Михайлович сам следил, чтобы в Горках было все нужное... часто он ездил в Горки. А то посылал Ильичу коротенькие записки, информируя его по важнейшим вопросам, пересылал наиболее важные документы". То есть, замкнул все контакты с Лениным на себя. И понятное дело, о чем и как информировать, в каком направлении вождю "работать с документами", решал Свердлов.

А вырваться из-под его опеки Ленину долгонько не удавалось! Скажем, 3. 10 в связи с волнениями в Германии собралось экстренное заседание ЦК. Ленин рвался приехать туда, просил, требовал, умолял, до позднего вечера просидел на обочине в ожидании машины - а ее так и не прислали. Мальков вспоминает: "Он рвался к напряженной работе, в Кремль. Не раз

говорил мне, что собирается возвращаться, но по совету Якова Михайловича, я всегда отвечал ему, что еще не закончен ремонт квартиры".

В итоге, Ленин сумел вернуться к рычагам власти лишь 18. 10.

И представляется очень многозначительным, что на весь период его горкинского заточения Дзержинский предпочел вообще уехать из России - в Швейцарию. Якобы повидаться с оставленной там семьей. Причем не просто уехал, а сбежал! Не поставив в известность никого из членов ЦК! Просто все бросил и исчез - и все. И почти два месяца никто, собственно, не знал, куда же подевался председатель ВЧК! (См. напр. С. Берия "Мой отец - Лаврентий Берия", М., 1994). Вероятно, имел весомые основания считать пребывание в Москве без Ленина небезопасным для себя. И выжидал развития событий. А после возвращения Ильича и Железный Феликс вернулся как ни в чем не бывало. И столь странный[, мягко говоря, поступок высокопоставленного должностного лица замяли безо всяких последствий...

В связи с изложенным можно под новым ракурсом взглянуть и на тот факт, что после возвращения Ильича к власти Свердлов прожил меньше пяти месяцев. И загадок здесь тоже хватает. Похоже, например, что он, смирившись с утратой значения своих Советов и ВЦИК, пытался освоить другое поприще международное. Он становится главным организатором коммунистической "пятой колонны" среди бывших пленных, возвращающихся в Германию и Австро-Венгрию, в ноябре 18-го создает из них "Федерацию иностранных групп РКП(б)", где занимает ключевое положение. Вслед за зимним наступлением Красной Армии, он усиленно разъезжает по захваченным национальным областям - Латвии, Белоруссии, Украине. Но 2-6. 3. 1919 г. в Москве проходит 1-й учредительный съезд

Коминтерна - а Свердлова, явно претендовавшего на роль международного лидера, не оказывается даже среди делегатов! Как раз в эти дни он очутился вообще в Харькове, на III съезде КП(б) Украины и III Всеукраинском съезде Советов. И Коминтерн, возникший на базе его "Федерации иностранных групп РКП(б)" возглавил, разумеется, Ленин.

Впрочем, почти постоянные разъезды Якова Михайловича в данный период можно интерпретировать и иначе. Нельзя исключить, что теперь он сам старался поменьше бывать в столице и держаться от нее подальше, либо это было формой постигшей его опалы - поскольку раньше он Москвы практически не покидал с самого переезда туда коммунистического руководства. В свои последние дни Свердлов вел и колоссальную работу по подготовке VIII съезда партии. И похоже, намеревался дать какой-то серьезный бой конкурентам. Повестка предполагалась важная - принятие новой программы коммунистов, вопросы о военной и крестьянской политике, тот же Коминтерн. По пути с Украины он успел провести встречи с партийным руководством в Белгороде, Курске, Орле, Туле, Серпухове. Подробные указания о проведении предсъездовской выборной кампании разослал в Самарский, Вологодский, Воронежский губкомы (вспомним его кадровые методы). Вернувшись в Москву, 9. 3 присутствовал на заседаниях Совнаркома и президиума ВЦИК, посвященных все той же подготовке к съезду. А к ночи ему стало плохо.

Официальный диагноз, поставленный 10. 3 - "испанка", и поначалу он ни у кого не вызывал опасений. "Испанка" - это вполне обычный для нашего времени вирусный грипп, болезнь тяжелая, но не смертельная. Кремлевские спецпайки, служебные и бытовые условия создавали вполне благоприятные условия для выздоровления. Да и лечили Свердлова

лучшие врачи, признавшие его организм очень крепким и выдавшие заключение очень оптимистичное. Но затем вдруг неожиданно наступило резкое ухудшение. В следующие дни у постели соратника перебивал весь цвет партии - Сталин, Загорский, Ярославский, Смидович, Дзержинский, Петровский, Владимирский, Стасова и др. И ни разу не зашел только Ленин! Официальная версия - дескать, реально помочь товарищу не мог, а опасность заразиться была велика. Так что - врачи запретили. Слово прямое откликом на инициированное Свердловым решение врачей о высылке в Горки. Мало того, как раз в момент внезапного ухудшения Ленин вообще уехал из Москвы в Питер. Всю гражданскую войну даже по государственным делам никуда не рисковал отлучаться, посылал других, а тут вдруг отправился по личному, на похороны дальнего родственника М. Т. Елизарова - мужа своей сестры Анны, умершего от тифа. Хотя и семейной сентиментальности в иные времена за Ильичом, вроде, тоже не замечалось.

Вернулся он оттуда только 14. 3, когда Свердлову уже стало совсем худо. По воспоминаниям жены "в этот день он стал терять сознание, начался бред. В бреду он все время говорил о VIII съезде, пытался вскочить с кровати, искал какие-то резолюции. Ему казалось, что резолюции украли враги, он просил не пускать их, отобрать резолюции, прогнать их прочь. Он звал сына, хотел ему что-то сказать..." Если верить тем же воспоминаниям, то Ленин все же появился - но 16. 3, в самый последний момент зашел на 10-15 минут. В эмигрантской литературе бытует и другая версия болезни Свердлова - что он был в Туле избит рабочими. Но она вызывает еще больше вопросов. Почему, например, избивание понадобилось выдавать за "испанку", а не белогвардейский теракт, что выглядело бы гораздо героичнее и могло принести

дополнительную популярность как образу Свердлова, так и большевикам в целом? Да и неизбежных в таких случаях массовых репрессий в Туле в этот момент, вроде, не зафиксировано. А отсутствие Ильича у постели пострадавшего товарища становится вообще необъяснимым, травмы - болезнь не заразная.

В итоге, доклад об оргработе ЦК, который на съезде должен был делать Свердлов, делал Ленин. От него же исходили проекты основных решений. И оказалось, что бред насчет резолюций имел под собой некие реальные основания - резолюции были приняты явно не свердловские. Например, Яков Михайлович всегда был известен своей острой ненавистью к крестьянству и явился одним из главных соавторов и проводников политики широкомасштабного наступления на деревню летом 1918 г., натравливания бедняков на "кулаков" при "нейтрализации" середняков. А III Всеукраинский съезд Советов, на котором он верховодил перед самой смертью, принял решение о национализации всех крестьянских земель и создании совхозов на базе помещичьих и "кулацких" хозяйств. Однако VIII съезд партии провозгласил куда более умеренную (по крайней мере, на словах) линию - об изменении курса "от нейтрализации середняка к прочному союзу с ним".

А рычаги власти, сконцентрированные в руках Свердлова, сразу же были рассредоточены. И на пост председателя ВЦИК Ленин неожиданно для многих выдвинул никому не известного Калинина, очень четко соответствовавшего роли марионеточного руководителя марионеточного органа. Прежде он работал на скромной должности секретаря Лесновского района Петрограда, а затем городского головы, то есть заведующего коммунальным хозяйством. Но любопытная деталь - Ленин с ним сошелся близко только 12-13. 3, как раз в период резкого ухудшения у Свердлова. Присмотрел его при своей поездке на

похороны Елизарова, где Калинин играл роль распорядителя в качестве друга покойного. Похоже, уроки кадровой политики Свердлова Ленин тоже усвоил.

10. Мрак сгущается

После покушения на Ленина по стране покати́лась кампания "красного террора". Точнее, красный террор был выпущен на волю сразу после захвата власти большевиками, легализован в июле, когда их власть стала однопартийной, а теперь ему был придан официальный статус и тотальные, общегосударственные масштабы. 2. 9. 1918 г. по данному вопросу было принято постановление ВЦИК, а 5. 9. 1918 г. - постановление Совнаркома. Централизованно, по всей стране, предписывались массовые аресты и казни. Протокол ВЦИК, в частности, указывал: "Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать... Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря... Принять меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки. Ответственным товарищам ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах. Поручить всем районным ЧК к следующему заседанию доставить проект решения вопроса о трупах..."

Во исполнение данных постановлений нарком внутренних дел Петровский издал и "Приказ о заложниках": "Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейшей попытке сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безусловный массовый расстрел".

В одной лишь Москве в "ленинские дни" было уничтожено по разным данным 500-600 чел. Обреченных в одном белье везли на Ходынское поле, где выделенные для расправы подразделения

красноармейцев уничтожали их выстрелами в голову, после чего тела отправлялись по моргам больниц и анатомическим театрам. Иногда при казнях играл военный оркестр. Впрочем, для самых разнузданных палачей убийство становилось и развлечением. Так, в Серебряном бору устраивались охоты на людей. Их по одному спускали с грузовика и приказывали бежать, настигая пулями. В Питер была спущена разнарядка на 500 расстрелянных, но чекист Глеб Бокий, заменивший Урицкого, значительно перевыполнил ее и казнил 1300 - из них 900 в Петрограде и 400 в Кронштадте. Часть приговоренных погрузили в две баржи и затопили - трупы потом выбрасывало в Финляндии, многие были связаны колючей проволокой по 2-3 человека вместе. В меньших масштабах эта кампания прокатилась и по другим городам. В Нижнем расстреляли 41, в Смоленске - 38, в Пошехонской губернии - 31, в Ярославле - 38, а в Перми - 50, в Иваново-Вознесенске 184, в Воронеже даже сосчитать не потрудились, объявили, что "много расстрелянных". (Чтобы не загромождать работу множеством ссылок, сразу отмечу, что большая часть данных относительно репрессий в этой и нескольких следующих главах приводятся по исследованию С. П. Мельгунова "Красный террор в России". Хотя по возможности они дополнялись и материалами из других источников, указанных в библиографии и оговоренных в тексте).

Но красный террор не ограничивался одноразовой кампанией. Он вводился как постоянно действующий инструмент "пролетарского" государства. Троцкий заявлял, что "устрашение является могущественным средством политики, и надо быть ханжой, чтобы этого не понимать". Радек требовал, чтобы казни были публичными - тогда они, дескать, окажут более сильное воздействие. А Лацис еще 23. 8. 18 г., за неделю до введения красного террора рассуждал в "Известиях" о

новых законах войны, отметающих все прежние правила, военные обычаи и конвенции: "Все это только смешно. Вырезать всех раненых в боях против тебя - вот закон гражданской войны".

Этот закон и внедрялся. Каждое наступление или отступление красных сопровождалось вспышками самых диких репрессий. (Заметим - красных, но не белых, где террор проявлялся только в виде отдельных стихийных эксцессов и централизованно запрещался командованием. Разницу и количественную, и качественную, я наглядно и на многочисленных примерах разбираю в книге "Белогвардейщина"). При оставлении Сарапула были расстреляны и утоплены в барже все заключенные большевистских тюрем - около тысячи человек. В Перми и Кунгуре казнили группами по 30-60 чел., их рубили шашками. На Мотовилихинском заводе расстреляли 100 рабочих. Как доносил британский представитель Эльстон лорду Бальфуру, во всех уральских городах занимающие их белые находили сотни зверски убитых. "Офицерам, захваченным тут большевиками, эполеты прибивались гвоздями к плечам; молодые девушки насильничались; штатские были найдены с выколотыми глазами, другие - без носов; 25 священников были расстреляны в Перми, епископ Андроник заживо зарыт". Всего по английским данным в одной лишь Пермской губернии было уничтожено 2 тыс. чел. В Уссурийском районе пленных находили с разбитыми черепами, выколотыми глазами, вырезанными языками и половыми органами.

Когда же красные на Востоке перешли в наступление, оно аукнулось новыми тысячами жертв, по большей части невинных. При взятии Троицким Казани Ленин потребовал: "образцово-беспощадного" подавления "чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков". И среди горожан устроили побоище, расстреливали и топили целыми

семьями купцов, интеллигенцию, просто жителей "богатых" кварталов. Так что всего через неделю красная печать сообщала: "Казань пуста. Ни одного попа, ни монаха, ни буржуя. Некого и расстрелять. Вынесено всего 6 смертных приговоров".

После взятия Ижевска и Воткинска, где против коммунистов восстали рабочие, казнили 800 чел. - в основном, женщин и детей, семьи тех, кто ушел с белыми.

Впрочем, не жалели и "своих", дисциплина в Красной Армии насаждалась драконовскими мерами. Под Свияжском, где Троцкий останавливал отступающие войска, были приговорены к смерти 27 ответственных работников, бежавших от чехов, а простых красноармейцев, по свидетельству Ларисы Рейснер, "расстреливали как собак" - Троцкий устроил им "децимацию" с казнью каждого десятого. На Северном фронте был случай расстрела целого полка, отказавшегося идти в атаку. И поскольку здесь война приобрела изнурительный позиционный характер, дисциплина в окопах и укрепрайонах широко поддерживалась телесными наказаниями - порки солдат стали обычным, повседневным явлением.

На Кубани жители Армавира встретили белых хлебом-солью, взяли на себя похороны погибших. Когда же тем пришлось под натиском противника оставить город, пошла дикая расправа. Сначала был без различия пола и возраста вырезан лагерь армян, беженцев из Турции, а потом красные начали истребление горожан - рубили, кололи штыками, разбивали головы прикладами. Более 300 чел. попытались укрыться в персидском консульстве, но и их перебили вместе с консулом. Всего в ходе этой вакханалии погибло 1342 чел. В Ставрополе, захваченном Таманской армией Ковтюха, не пощадили даже "буржуйских" детей в больницах.

Зверская жестокость царила на Дону. В нескольких станицах отступающие красные перенасиливали всех девушек - в качестве "контрибуции". Казаки находили своих родных и близких распятыми, четвертованными, сожженными или заживо закопанными в землю. А в начале 1919 г., когда большевики снова ворвались на донские земли, развернулся знаменитый казачий геноцид. Централизованно, по директиве Оргбюро ЦК от 24. 1. 1919 г. Большевики сочли, что казачество с его прочными традициями и устоями, в их схемы "нового общества" не вписывается, и решили ликвидировать его в целом. Троцкий провозгласил казаков "зоологической средой", т. е. вообще не людьми, не заслуживающими ни малейшего снисхождения и сожаления. Первая фаза кровавого действия началась с захватом станиц - пошло "изъятие офицеров, попов, атаманов, жандармов, просто богатых казаков, всех, кто активно боролся с Советской властью". А боролись почти все - ведь на Дону была всеобщая мобилизация от 19 до 52 лет. Если же они ушли с белыми, расстреливали семьи. В качестве "жандармов" казнили стариков, служивших при царе. Само слово "казак" и казачьи атрибуты запрещались под страхом смерти, во главе станиц ставили еврейских или немецких "интернационалистов", свирепствовавших вовсю. Стали осуществляться депортации - казачьи земли предполагалось заселить крестьянами из северных губерний, и жителей просто выгоняли на верную смерть в зимнюю степь.

Когда казаки не выдержали и восстали, геноцид перешел во вторую фазу. На них бросались отряды карателей, приказ Якира предусматривал "50-процентное уничтожение мужского населения", а приказ Троцкого №100 от 25. 5. 1919 г. требовал: "Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены".

Так что с 50-процентным особо и не разбирались - станицы и хутора сносили артогнем, уцелевших и пытающихся спастись косили пулеметами, действовали специальные команды факельщиков, поджигавших дома. Ну а когда повстанцы смогли соединиться с белыми и погнали большевиков, это ознаменовало третью фазу геноцида - после себя большевики оставляли пустыню, казнили всех заложников. Около тысячи баб и девок были собраны на рытье окопов - при подходе казачьих войск их перенасиловали и тоже расстреляли. Пожалуй, стоит еще добавить, что казачий геноцид Доном не ограничивался. Ведь давшие ему старт директивы и приказы относились к казачеству вообще. А одновременно с Доном происходило и наступление на область Уральского казачества. Только фактических данных отсюда дошло гораздо меньше. Но известно, например, что некий уполномоченный Ружейников, присланный потом исправлять "перегибы" (как и на Дону - когда уже поздно было, когда восстаниями припекло) выпустил из тюрем Уральска 2 тыс. казаков как "невинно арестованных". А скольких не выпустил? А сколько не дожили до реабилитации?

Массовым террором отметилось и наступление красных на Западе. Во Пскове сразу после взятия казнили 300 чел. - всех, кто "помогал" белогвардейцам. Причем "помощь" понималась буквально - расстреляли и персонал гостиниц, где жили офицеры, и рабочих мастерских, обслуживающих военных. Жуткие расправы происходили в Валге, Дерпте, Везенберге, где потом были найдены и задокументированы захоронения сотен трупов с выколотыми глазами, отрубленными конечностями, разможженными головами.

В Риге террор принял вообще фантазмагорические формы. Расстрелов здесь было столько, что солдаты отказались в них участвовать, и эту "священную обязанность" взяли на себя молодые женщины-

латышки, из которых составилось целое палаческое подразделение (Фрейтаг фон Лорингофен "Из дневника"; Доклад кн. Ливена командованию Северо-Западной армии и др.). Выглядело оно весьма причудливо, поскольку эти "амазонки" наряжались кто во что - кто в шинели и сапогах, кто в вечернем декольтированном платье, кто в шубках, ажурных чулках, шляпах с перьями, дорогих дамских костюмчиках. В таком виде подразделение маршировало во всех большевистских парадах и демонстрациях, заявлялось в тюрьмы для своей кровавой работы, а наряды эти доставались им от казненных, поэтому они могли и на улице арестовать женщину только лишь из-за понравившихся туфель или платья. Хотя в таких случаях жертвами обычно становились уже не "буржуйки", старающиеся выглядеть поскромнее, а какая-нибудь прислуга, позарившаяся на имущество хозяев. В отряде господствовали нравы полуказармы-полуборделя, было введено обращение "сестра" и процветала однополая любовь. Те, кто приходил в их общежитие похлопотать за близких (как правило, безуспешно), описывали, что на столах громоздилась редкая по тому времени еда, бутылки со спиртным, а девицы щеголяли друг перед дружкой в "трофейном" тонком белье или нежились в разобранных кроватях.

А в расправах эти "амазонки" прославились жутким садизмом. 1 Казни шли за городом, где с мировой войны было понарыто много I-окопов и траншей, подходящих для могил. И производили их среди бела дня, даже не считая нужным скрывать, поскольку они считались "классово-оправданными*". Приговоренные состояли в основном из заложников, отобранных по классовому и национальному признаку (немцы), поэтому среди них было много женщин, стариков, часто дети. А дальше добавилась и латышская городская беднота,

встретившая большевиков восторженно, но уже вскоре начавшая проклинать их за голод и разруху. Обреченных заставляли зарыть расстрелянных накануне и приготовить могилу себе, а перед казнью раздеться донага. Хотя иногда делали наоборот, сперва раздевали, и уже голым приказывали орудовать лопатами. Перед расстрелом над многими измывались, кололи штыками, мужчинам резали половые органы, женщинам кромсали груди и вспарывали животы - что обнаружилось впоследствии при вскрытии массовых захоронений. Устраивали на живых мишенях тренировки в стрельбе, пуская раздетую жертву бежать по снегу, и иногда это происходило на глазах окрестных жителей.

Красный террор обрушивался на любые проявления недовольства режимом. Большевистская политика продрозверстки уже в 1918 г. вызвала восстания и волнения крестьян. И вот некоторые данные из эсеровских источников - в Епифанском уезде Тульской губернии казнено 150 чел., в Медыньском уезде Калужской губернии - 180, по Рязанской губернии в Пронском уезде - 300, в Касимовском - 150, в Спаском - 200, в Тверской губернии - 200, в Ветлужском уезде Смоленской губернии - 600. В октябре в Пятигорске поднял мятеж красный главком Сорокин, но в ответ все равно казнили заложников-"буржуев". 160 мужчин и женщин вывезли на склон Машука, раздевали до белья, приказывали становиться на колени и вытягивать шеи, после чего рубили головы. Распоряжался экзекуцией начальник Северокавказской ЧК Атарбеков, лично резавший кинжалом обреченных. В январе 1919 г. взбунтовалось русскоязычное население в Туркестане. На него обрушились массовые аресты и обыски, а расправами руководил Бокий, переведенный сюда из Питера с большими полномочиями. Только в ночь с 20 на 21. 1. 1919 г. было расстреляно 2,5 тыс. чел. А с 23. 1

заработал военно-полевой суд, продолжая расстрелы. Причем нередко казнями развлекались сами судьи - приговаривали, а в перерыве выходили в соседнее помещение и убивали набравшихся там осужденных.

В марте 19-го забастовали рабочие Астрахани. Их митинг был оцеплен войсками, которые открыли пулеметный огонь и стали забрасывать забастовщиков гранатами. Тех, кто пытался бежать в степь, догоняла и рубила конница. По городу начались массовые аресты, а в Москву полетела телеграмма о восстании. Троцкий прислал приказ "расправиться беспощадно", и под руководством С. М. Кирова и чекистов - матроса Панкратова и бандита Чугунова, пошли казни. Многих, размещенных на баржах и пароходах, топили с камнем на шее. На пароходе "Гоголь" в одну ночь утопили 180 чел. Расстрелянных едва успевали возить на кладбище. Потом спохватились, что истребляют один "пролетариат", и для более солидной картины "восстания" понадобились "буржуи". Облавы и экзекуции обрушились и на богатые кварталы. Эта вакханалия продолжалась до конца апреля, и истреблено было около 4 тыс. чел. Но террор не ограничивался фронтами или подавлением мятежей. Скажем, в Ярославле и Екатеринбурге имели место "предупредительные" расстрелы заложников - когда большевики получали данные, будто восстания против них только готовятся. В спокойных подмосковных Бронницах исполком местного Совета расстреливал всех, чья физиономия не понравилась. Член исполкома мог остановить такого человека на улице, прихватывал двух конвойных, вел во двор манежа и убивал.

Р. Гуль в книге "Дзержинский" приводит случай, как Железный Феликс пришел на заседание Совнаркома. А Ленин, по своему обыкновению не слушающий выступающих, передал ему записку: "Сколько у нас в тюрьмах злостных контрреволюционеров?"

Дзержинский написал: "Около 1500". Ленин поставил крест и передал бумажку обратно. Дзержинский вдруг, ни слова ни говоря, встал и вышел, удивив собравшихся. Оказалось, что произошло недоразумение Ильич лишь пометил, как это делал обычно, что ознакомился с документом, а Дзержинский принял крест за приговор и отправился в ВЧК, где отдал соответствующее распоряжение. Но если источники Гуля могли в чем-то ошибиться, то С. П. Мельгунов вел свою картотеку, и только по официально публикуемым спискам казненных насчитал за вторую половину 18-го года 50 тыс. жертв. Точно так же, по опубликованным большевистским данным, эсеровская газета "Воля России" за январь-март 1919 г. насчитала 13850 расстрелов. Хотя списки эти всегда занижались - в них, например, редко включали женщин, сокращали во время особенно крупных кампаний, и естественно, никогда и нигде не публиковались списки расправ в прифронтовой полосе, вроде опустошения Казани или казачьего геноцида. А где-нибудь в глухой провинции чаще обходились вообще без публикаций.

Террор стал неотъемлемой частью советского государства. Он отлаживался и ставился на постоянную основу для методичного и целенаправленного истребления всех неугодных. Скажем, в Москве красноармейцы быстро стали "сдавать", вместо них для расстрелов начали использовать китайцев. А потом выделились профессиональные палачи, день за днем "работавшие" на жутком конвейере. Вот как выглядела, согласно бюллетеню левых эсеров, столичная машина смерти в марте 19-го. "Теперь ведут сначала в No11, а из него в No7 по Варсонофьевскому переулку. Там вводят осужденных 30-12-8 человек (как придется) на четвертый этаж. Есть специальная комната, где раздевают до нижнего белья, а потом... ведут вниз по лестнице. Раздетых ведут по снежному двору, в задний

конец, к штабелям дров, и там убивают в затылок из нагана. Иногда стрельба неудачна. С одного выстрела человек падает, но не умирает. Тогда выпускают в него ряд пуль; наступая на лежащего, бьют в упор в голову или в грудь. 10-11 марта Р. Олехновскую, приговоренную к смерти за пустяковый поступок, который смешно карать даже тюрьмой, никак не могли убить. 7 пуль попало в нее, в голову и грудь. Тело трепетало. Тогда Кудрявцев (чрезвычайщик из прапорщиков, очень усердствовавший, недавно ставший коммунистом) взял ее за горло, разорвал кофточку и стал крутить и мять шейные позвонки. Девушке не было 19 лет. Снег на дворе весь красный и бурый. Все забрызгано кругом кровью. Устроили снеготаялку - было дров много... Снеготаялка дала жуткие кровавые ручьи. Ручей крови перелился через двор и потек на улицу, перетек в другие места. Спешно стали закрывать следы. Открыли какой-то люк и туда спускают этот темный, страшный снег, живую кровь только что живших людей".

А ведь большевистский террор был не единственным бедствием, обрушившимся на Россию. Вовсю разгулялся и "обычный" бандитизм, выплеснувшийся из хаоса Февральской революции. В Москве орудовали крупные шайки Сабана, Яшки Кошелькова, Селезнева, Гуська, Графчика, Краснощекова, Хрящика, Матроса, Бондаря, Донатыча, "банда шоферов", в Питере - Ваньки Белки, Леньки Пантелеева, Жорки Александрова. По Украине колобродили банды Махно и Григорьева, захватывая даже крупные города и устраивая в них погромы. Одессу держала под контролем настоящая мафия Мишки Япончика (Винницкого).

Впрочем, если на своей территории большевики старались бороться с преступностью и анархией, то на территории противника: всячески поддерживали и

даже финансировали ее. Так что и Махно, и Григорьев, и Япончик до поры до времени действовали с коммунистами в дружбе и союзе. И если в мае 19-го фотовитрины Киева, призывая народ встать на защиту от григорьевцев, широко демонстрировали их бесчинства - снимки изнасилованных девушек, загоняемых прикладами в пруд топиться, груды отрубленных голов, трупы стариков с выколотыми глазами и женщин с отрезанными грудями, то умалчивалось о том, откуда же взялись подобные фотографии у красных. Но как раз в этом не было ничего удивительного, поскольку делались снимки при наступлении бандитов еще не на Киев, а на Херсон, Николаев и Одессу - когда они были бригадой доблестной Красной Армии, борющейся с интервентами и буржуями. Да и Одессу большевикам сдала "по дружбе" мафия Япончика, подкупив начальника штаба французских войск Фрейденберга, который вертел, как хотел, безвольным командующим д'Ансельмом. В результате чего при эвакуации оккупантов бандиты смогли перетрясти и ограбить огромный богатый город, а Япончик стал командиром красного полка (хотя и ненадолго).

Углублялась разруха - но в основном, не по объективным причинам, а из-за большевистского беспредела. Многие специалисты - чиновники, инженеры, техники, попадали под красный террор, другие разбежались кто куда. А тех "спецов", которые оставались работать при новой власти, затюкивали и регулировали подчиненные работники, игнорируя их указания и демонстрируя свое "классовое превосходство". Вместе с разогнанным руководством городов было разрушено коммунальное хозяйство. Не стало ни электричества, ни тепла, самодельные печки-буржуйки топили мебелью, книгами, ломаемыми заборами и деревьями из скверов. Помои и нечистоты

выплескивались во дворы, на улицы, а то и на лестницы, замерзая зимой сплошной омерзительной наледью.

По ленинской модели даже "кухарка" могла "управлять государством" потому что в его государственной машине руководителям разных рангов отводилась лишь роль передаточных звеньев, спускающих вниз указания, поступающие сверху, и докладывающих об их исполнении. Но на деле-то эта примитивная схема не срабатывала. Назначали таких "кухарок", ответственных коммунистов - а они ничего толком не умели, да и не хотели делать, кроме как пожинать лавры своего руководящего положения. Соответственно, им приходилось искать помощников, обрастая "совслужащими" и "совбарышнями", и там, где прежде справлялся один компетентный чиновник, возникало целое учреждение. И рождались бесчисленные "гуконы", "главтопы", "коммунхозы" по размеру бюрократии советская Россия сразу же многократно переплюнула Россию царскую. Штаты учреждений бесконечно раздувались, они почковались и множились. Но набивались-то в них не по профессии или призванию, а кто куда сможет - потому что служба давала паек. В результате, все эти механизмы работали вхолостую, а чтобы изобразить отдачу, истекали потоками документов, пытались декретировать и регулировать каждую мелочь. И бумажная свистопляска окончательно парализовывала всякую хозяйственную жизнь.

Продолжались и "утеснения буржуазии" с потугами введения трудовой повинности. Разве что в большинстве городов трудиться было уже негде заводы и фабрики стояли, и сами рабочие перебивались кустарными промыслами. Однако там, где это оказывалось возможным, трудовую повинность применяли скажем, проводили всеобщие мобилизации

для рытья окопов. В Крыму интеллигенцию обоего пола хватали на улицах и направляли на разгрузку вагонов, где работа шла из-под палки надсмотрщиков - в прямом смысле слова. Во многих городах женщин мобилизовывали для мытья казарм и советских учреждений, что зачастую представляло просто форму издевательства. Так, в Симферополе празднично одетых гимназисток согнали в день Пасхи и заставили чистить солдатские сортиры. Продолжались и реквизиции - в каждом городе, где устанавливалась Советская власть, проводились планомерные повальные обыски с изъятием "излишков" продовольствия, одежды, денег, конфискацией драгоценностей. Например, в Одессе разрешалось оставить 3 пары белья на человека.

К этим бедам добавились и эпидемии. Из Закавказья и Персии был занесен тиф, с запада пришел вирусный грипп-"испанка". Массовые миграции войск и беженцев, скученность в транспорте способствовали распространению заболеваний, а разрушение системы здравоохранения, антисанитария, плохое питание вели к высокой смертности. Если летом солнце и вода кое-как сдерживали развитие эпидемий, то с осени 18-го они резко пошли по нарастающей и тысячами косили свои жертвы.

Наконец, пришел в Россию и настоящий голод. И вызван он был отнюдь не фронтами и не гражданской войной. Достаточно заметить, что нигде на территориях, занятых антибольшевистскими силами, голода и в помине не было. О каком влиянии "кольца фронтов" можно говорить, если в Астрахани вдруг не стало... рыбы? Да и в Центральной России урожай был неплохой и в 18-м, и в 19-м годах. Голод вызвала всего лишь политика продразверстки, введенная Лениным. Та самая "хлебная монополия", которая по мысли Ильича

должна была стать средством принуждения "посильнее гильотины".

Свободная торговля продовольствием запрещалась под страхом смертной казни и конфискации имущества. Выставлялись заградотряды, чтобы вылавливать "мешочников". Но взамен власть дать ничего не могла, потому что и здесь теоретические схемы вождя не срабатывали.

По многочисленным свидетельствам, бесчинствовавшие в деревне продотряды значительную долю награбленного сами же и разбазаривали обжирались, хлеб пускали на самогон, перепродавали спекулянтам. А то, что удавалось собрать, просто пропадало. Сырое зерно гнило, сваленное на станциях в непригодных хранилищах, мясо и рыба тухли, скот подыхал. Потому что это добро уже никого не волновало. Продотряды отчитывались показателями собранного - и все планы выполняли и перевыполняли. Местные власти к продовольствию отношения не имели - оно принадлежало центральной власти. А у центральной власти до каждого сарая, полустанка и эшелона, разумеется, руки не доходили. Да и работа разлаженного транспорта бесперебойным перевозкам продовольствия отнюдь не способствовала.

И в апреле 19-го в Москве по "рабочей", т. е. самой обеспечиваемой карточке полагалось на день 216 г хлеба, 64 г мяса, 26 г постного масла, 200 г картошки. В июне того же года - 124 г хлеба, 12 г мяса, 12 г постного масла. Если и это отоваривалось. А уж карточки низших категорий иждивенческие, детские и т. п., не отоваривались никогда, так что их владельцам предоставлялось выкручиваться как угодно или умирать с голоду. И по всей стране наблюдалась общая закономерность - в городах, где царил изобилие, после прихода красных прикрывалась торговля, печатались карточки - и начинался голод. В богатой Риге всего

через месяц после ее взятия на улицах стали подбирать умирающих от истощения. Никакие карточки не отоваривались вообще, жители поели домашних животных, ловили ворон, варили суп из клея и пекли лепешки из вываренной кофейной гущи. В Киеве после полугодового красного владычества взрослая женщина обнаружила, что весит 39 кг.

Но большевиков подобные ужасы не останавливали, и об отмене или ослаблении хлебной монополии даже речи не было - ведь она являлась не только и не столько средством обеспечения населения, сколько средством его безоговорочного подчинения, одним из принципиальных и основополагающих устоев "нового общества". Впрочем, сами-то коммунистические руководители от последствий своей политики не особо страдали. Уже зимой 1918-19 гг. для них действовала система спецраспределителей, а количество "совнаркомовских" пайков достигало 10 тыс. В той же самой голодающей Риге властитель Латвии Стучка устраивал в Дворянском собрании пышную свадьбу дочери, на которую съехались гости со всей России. И по свидетельствам очевидцев, нигде до сих пор не видели одновременно такого количества драгоценностей, как на участниках этого бала. А Лариса Рейснер - интимная подружка Коллонтай и будущая жена Радека (которую В. Вишневский почему-то сделал прототипом героини "Оптимистической трагедии"), держала в Москве огромный штат прислуги и принимала ванны из шампанского.

Однако подразверсткой и уничтожением "кулачества" ленинские реформы деревни не ограничивались, и вслед за ними грянули первые попытки коллективизации. Да, ее автором тоже был Ильич. Слова "колхоз", конечно, еще не существовало, но в 1918 г. началась национализация земель, имущества, и принудительное создание совхозов.

Крестьяне таким образом записывались в "рабочие", и из частников превращались в "служащих по найму у государства", как и требовалось в ленинской модели. Реализацию этой программы возглавлял С. Середя - кстати, до революции один из видных масонских иерархов России. А Ленин на совещании делегатов комбедов 8. 11. 18 г. заявлял: "Против середняков мы ничего не имеем. Они, может быть, и не социалисты, и социалистами не станут, но опыт им докажет пользу общественной обработки земли, и большинство из них сопротивляться не будут".

Развернулась и мощная антицерковная кампания. В 1918 г. был издан декрет "Об отделении церкви от государства и школы от церкви", который лишал "церковные и религиозные общества" прав юридического лица и владения собственностью. Пошла целая серия "разоблачительных" вскрытий святых мощей - на Севере, в Тамбове, а 11. 4. 19 г. были принародно вскрыты мощи Св. Сергия Радонежского, дабы показать их "тленность". Этот кощунственный акт снимался на киноплёнку, а непосредственное руководство осуществлял секретарь МК РКП (б) Загорский, тот самый, чье имя потом носил Сергиев Посад. Он писал: "По указанию В. И. Ленина как можно быстрее сделать фильм о вскрытии мощей Сергия Радонежского и показать его по всей Москве".

Словом, строительство "нового общества" продолжалось...

11. Игры большой политики

За все оказанные услуги коммунисты расплатились с немцами, мягко говоря, неблагодарностью. Как только Германия покатила к поражению в войне, они всю развернули против нее подрывную деятельность, а оккупационные солдаты и бывшие пленные, разложившиеся в революционной обстановке России и Украины стали эффективными дрожжами для

активизации внутреннего брожения. Через полпреда в Берлине Иоффе пошло интенсивное воздействие на левые социалистические группировки, их обработка и подталкивание к радикальным действиям. Началась почти открытая революционная пропаганда и агитация в народе и армии, которым Иоффе и его подручные беззастенчиво обещали в случае свержения кайзера "братскую помощь", вплоть до снабжения голодной Германии продовольствием из России (так что ленинские планы ограбления продрозверсткой русских крестьян имели не только внутренние цели - продукты требовались для куда более масштабных задач "мировой революции").

Только тут берлинское руководство опомнилось и сообразило, что право было то крыло политиков, к которому принадлежал и убитый Мирбах. В конце октября последнее имперское правительство Макса Баденского взяло курс на разрыв с большевиками, выслало Иоффе и отозвало своего посла из Москвы. Был разработан новый хитроумный план - заработать грандиозный политический выигрыш на свержении коммунистов. Разорвать Брестский договор "неджентльменское" поведение Кремля давало к этому достаточно поводов. Двинуть войска из Прибалтики и с Украины, занять Петроград и Москву и сбросить Ленина с присными. В этом случае Германия стала бы для России освободительницей от красного кошмара, ей была бы обеспечена признательность и симпатии всего населения, и в послевоенной Европе она обрела бы в лице русских верных друзей и сильных союзников. То есть, могла рассчитывать на более мягкие условия мира с державами Антанты, частично компенсировать на Востоке сделанные им стратегические и геополитические уступки, а в тесной дружбе с обновленной Россией имела все шансы быстро восстановить разрушенную войной экономику. План был

тем более выполнимым, что серьезно противостоять кадровым германским дивизиям осенью 1918 г. Совдепия еще не могла, да и войск на границах оккупационной зоны держала мало - все лучшее было брошено на Восточный и Южный фронты. Но реализации такого проекта помешала грянувшая Ноябрьская революция.

Стоит отметить, что с началом революции в Германии советское правительство попыталось использовать ту же тактику, которую сами немцы использовали против России после Февральской революции. Аналогично засылке эмигрантов-большевиков, теперь в обратную сторону началась массовая засылка коммунистических активистов из числа бывших пленных и эмигрантов. Несмотря на нищету и разруху в самой России, шло финансирование "спартакидов" и других левых экстремистских течений, готовых "углублять" и раскачивать свою революцию по большевистскому образцу. Им обеспечивалась посильная поддержка и помощь в подготовке переворота, для чего в Германию были направлены высокопоставленные коммунистические эмиссары во главе с Радеком. И наверняка при этом учитывались не только его партийные качества, но и опыт работы в качестве немецкого и австрийского шпиона.

Как и немцы в 17-м, большевики готовы были поддержать своих ставленников штыками. Сразу после революции был разорван Брестский мир, и Ленин писал: "Армия в три миллиона должна у нас быть к весне для помощи международному рабочему движению".

Но немецкие умеренные социал-демократы оказались более организованными и дееспособными, чем российские соратники Керенского, да и основная масса народа не поддержала экстремистов. Восстание "спартакидов" в Берлине быстро было разгромлено, а Радек, арестованный 12. 2. 19 г., очутился в Моабитской

тюрьме. И конечно, из-за подобных выходов большевиков отношения между РСФСР и Германией не могли не испортиться.

Что же касается российской политики держав Антанты, то она оставалась однобокой и близорукой - эта проблема продолжала рассматриваться лишь в свете Мировой войны. В рамках данной политики раздавались щедрые обещания о помощи Колчаку, Деникину, Краснову. Но когда война была выиграна, и широкомасштабная помощь стала действительно возможной, все очень быстро изменилось. Высадка французских, румынских и греческих контингентов в Одессе, американцев и канадцев в Сибири, англичан на Кавказе произошли лишь по инерции военного времени, пока еще действовали старые установки и директивы. Не только белые, но и независимые, и даже некоторые красные источники признают факт, что если бы зимой 1918-19 гг. союзники двинули несколько своих крепких, кадровых корпусов на Москву, с большевизмом было бы покончено за несколько недель, в крайнем случае - месяцев. Но в итоге разве помогли могущественные мировые державы своей союзнице, оплатившей огромной кровью их победы и столько раз выручавшей их от казавшихся неминуемыми катастроф? А ведь в белых армиях сражались как раз те, кто помог Западу одержать верх в войне и не пошел на сговор с неприятелем, оставшись до конца верными своим союзническим обязательствам...

Однако вместо решительных действий вдруг последовало сногшибательное предложение о "мирном урегулировании" в России и о созыве конференции на Принцевых островах с участием всех враждующих сторон - и белых правительств, и большевиков. Разумеется, при посредничестве западных держав, которые в этом случае пожали бы все причитающиеся дивиденды "миротворцев". И, разумеется, большевики

согласились - они панически боялись вторжения европейских армий, которое в то время для всех в России считалось само собой разумеющимся, и. готовы были на любые условия, на любой "второй Брест". А белогвардейцы, разумеется, отказались (ну о каких же переговорах могла идти речь после узурпации власти, красного террора, массовых казней, продразверсточной войны против крестьянства!?) - за что западная массовая пропаганда тут же и ославилась их как "реакционеров" и непримиримых экстремистов.

А в апреле 1919 г. Верховный Совет стран-победительниц в Париже неожиданно принял решение вообще о выводе войск из России и невмешательстве вооруженной силой в русские дела... Почему? Испугавшись бескрайних просторов и возможных боевых потерь? Нет, не только. Ведь, существовал и гораздо более простой, вполне безопасный для Запада вариант - просто прикрыть войсками некоторые районы, где смогли бы без помех сформироваться и окрепнуть национальные антикоммунистические силы. Но в том-то и дело, что в это время началась подготовка к Парижской конференции по установлению послевоенного мирового порядка. Великие державы собирались пожинать и делить плоды победы. Признать и поддержать белогвардейцев, помочь им сбросить узурпаторов - означало ввести в число победителей и союзницу-Россию. Позволить ей участвовать в дележке доставшегося "пирога", как-то помогать в восстановлении хозяйства, компенсировать понесенные издержки, уделить для этого определенную долю репараций. Выполнить, хотя бы частично, другие обещания, данные ей перед войной и в ходе войны. И лишиться преимуществ "однополярности", которые возникли впервые в мировой истории и казались такими заманчивыми...

А большевики Брестским договором связали себя с проигравшей Германией, значит, в этом варианте с Россией и ее интересами можно было не считаться и даже вполне открыто, не нарушая каких бы то ни было внешних приличий. Ну а разруха, развал и ослабление в гражданской войне давали реальную надежду, что не только юридически, но и фактически с ней можно будет обращаться, как с побежденной. И между прочим, даже повод исключения России из состава победителей несет на себе отпечаток системы "двойных стандартов". Потому что сепаратный мир с немцами в ходе войны подписали и разгромленная Черногория, и разгромленная Румыния. Но это отнюдь не стало препятствием для увенчания их победными лаврами и участия в дележке добычи. Наоборот, Румынию, легкомысленно вступившую в состав Антанты под нажимом Англии и Франции и вопреки русским предостережениям, вызвавшую настоящую катастрофу на южном фланге русского фронта и доставившую столько хлопот по ее поддержанию своими войсками, объявили жертвой предательства... со стороны России. И вознаградили за счет России Бессарабией.

А в результате этой политики еще весной 19-го Европа была поставлена на грань катастрофы. Потому что отвечать взаимностью на невмешательство Запада большевики были отнюдь не склонны, наоборот - расценили такие действия как слабость демократических держав и предприняли первую попытку экспансии "мировой революции". Ведь по планам Ильича она и должна была быть не иначе, как мировой, а русскому народу, согласно известным высказываниям Ленина и Троцкого, предназначалась участь "охапки хвороста" для ее разжигания. Именно с этой целью в марте 1919 г. был создан Коминтерн, а главным направлением развернувшегося наступления Красной Армии считалось западное.

И казалось, для этого складывались все предпосылки. Не утихали волнения в Германии - в марте опять полыхнуло восстание "спартакидов", в апреле образовалась Баварская советская республика, 21. 3. 19 г. возникла Венгерская советская республика, ее армия вторглась в Словакию и провозгласила там Словацкую советскую республику. Происходили волнения в Австрии, оттуда в Венгрию направлялись части добровольцев, и сильны были настроения присоединиться к венграм. После собственной революции бурлила и не могла успокоиться Болгария. Непокойно было во Франции, начиналось восстание в Ирландии.

И большевики двинулись на Запад. Красные войска в Прибалтике пробивались к границам Восточной Пруссии. В Минске был образован центр польских коммунистов, формировались новые части. Кстати, как раз для более удобного захвата Польши две республики объединили в одну, Литовско-Белорусскую - считалось, что превращение ее затем в Польско-Литовско-Белорусскую должно польстить национальному самолюбию поляков. Предполагалось при поддержке легальных польских Советов, где сильны были левые настроения, захватить Домбровский бассейн, провозгласить эту самую коммунистическую "Речь Посполитую" и бросить в дело "Польско-литовско-белорусскую Красную Армию" из четырех дивизий. В Киеве в это же время формировалась 1-я Интернациональная советская дивизия, а в Одессе - 1-я Бессарабская стрелковая дивизия, в них записывались румыны, болгары, югославы, чехи. 1-я Украинская армия должна была наступать через Галицию в Венгрию, а 3-я Украинская - через Днестр в Бессарабию и Румынию.

И осуществись тогда этот прорыв, взрыв по всей взбаламученной Европе мог полыхнуть нешуточный, да и оставалось, вроде, совсем немного, только Карпаты

перевалить. Между советской Венгрией и советской Украиной уже было установлено авиационное сообщение, а в Галиции создано марионеточное большевистское "правительство". Сорвали эти планы русские белогвардейцы. Весеннее наступление Колчака не позволило коммунистам сосредоточить на западе достаточно сил, а в мае-июне развернулось мощное наступление Деникина, вынудившее их забыть о прорыве в Европу и перебросить войска против Добровольческой армии. А тем временем и революционные очаги в Германии и Венгрии кое-как удалось потушить.

Да вот только Европа этой выручки отнюдь не оценила. Масштабы помощи союзников Белому Движению были впоследствии чрезвычайно раздуты коммунистической пропагандой - иначе трудно было бы представить белогвардейцев агентами "мирового капитала" и объяснить, почему же так долго "рабочие и крестьяне" не могли одолеть "горстку эксплуататоров", как рисовали суть войны коммунистические мифы. На самом же деле сам вопрос об оказании этой помощи являлся для западных держав отнюдь не однозначным. Ведь белогвардейцы считали себя правопреемниками прежней России - а Мировая война закончилась, и в качестве союзницы она больше не требовалась. Глава британского правительства Ллойд-Джордж прямо заявлял в парламенте: "Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании. Один из наших великих людей, лорд Биконсфилд, видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Британской империи".

А американского президента В. Вильсона, который изо всех лидеров Антанты выступал самым последовательным антикоммунистом, его конкуренты из Республиканской партии обвиняли в "большевизме" за проводимые социальные реформы. И сами же при этом через подконтрольные им профсоюзы организовывали забастовки портовых рабочих под лозунгами "Руки прочь от Советской России!", срывая поставки оружия и снаряжения, отправку войск - и не потому, что были друзьями Советской России, а просто в пику политике Вильсона. В рамках собственной межпартийной борьбы.

И под влиянием всех подобных факторов, хотя материально-техническая помощь белым все же выделялась, но крайне скупо, скудно и нерегулярно. Это несмотря на то, что на складах держав Антанты осталось огромное количество военного имущества, которое все равно подлежало уничтожению, поскольку не окупало затрат на свое хранение. Несмотря на то, что в их распоряжении оказалось огромное количество вообще дармового оружия и снаряжения немецкого и русского. Несмотря на то, что многие поставки были вовсе не бесплатными - Колчак, например, расплачивался золотом, да и у Германии союзники отобрали 320 млн. руб. золотом, выплаченных ей большевиками в счет контрибуции по Брестскому договору. И все равно мелочились, старались выгадать на копейках, слали всякую заваль. Из танков, присланных англичанами Юденичу к началу похода на Петроград, оказался исправным только один, из аэропланов - ни одного. Колчаку (за золото!) вместо заказанных пулеметов Кольта американские предприниматели отгрузили пулеметы Сен-Этьена - рухлядь времен Мексиканской войны, неуклюжие колымаги на треногах, совершенно непригодные в полевом бою. Причем и в этих ограниченных поставках

очередной "транш" мог стать предметом политического и экономического торга, порой его получение обставлялось теми или иными условиями. Некоторые исследователи вообще подмечают, что западные поставки активизировались при успехах красных и сходили вдруг на нет при успехах белых - словно одной из их целей было подольше продержать Россию в состоянии войны, как можно больше ослабить ее.

Только хочется особо подчеркнуть, что я отнюдь не считаю и не пытаюсь здесь представить всех западноевропейцев и американцев неблагодарными и бездушными врагами России. Существует и множество обратных примеров. Можно вспомнить англичан, которые плечом к плечу с русскими сражались на Севере, сохраняя между собой вполне дружеские отношения. Многие из них, вроде капитана Дайера, героически погибли на нашей земле. Можно вспомнить австралийских добровольцев-командос, сформированных из охотников - они сразу сошлись душа в душу с русскими крестьянами-охотниками и восприняли их беды как свои собственные. Можно вспомнить сражавшихся там же, на Северном фронте, датчан-добровольцев. И английских летчиков-добровольцев, сражавшихся на Юге. И моряков, британских и французских, не раз по дружбе, на свой страх и риск помогавших белогвардейцам артогнем, выручавших их при морских эвакуациях. И польские части, отчаянно дравшиеся в Сибири. Можно вспомнить британского генерала Пуля и французского консула Энно, отозванных и уволенных за "прорусскую линию". И генерала Хольмана, который стал искренним другом Деникина. И американского адмирала Мак-Келли, который лично рисковал жизнью, спасая в шторм одесских беженцев...

Но подобное проявлялось только тогда, когда доходило до простых человеческих отношений. Когда в

эти отношения не вмешивалась "большая политика". И "общественное мнение", настраиваемое средствами массовой информации. Которые, несмотря на хваленую "свободу слова", на Западе всегда выступали инструментом той же самой "большой политики" и никогда не противоречили ее основным линиям.

А "большая политика" западных союзников действительно играла на ослабление России, и шаги в данном направлении осуществлялись хоть и непоследовательно, но постоянно. Шло заигрывание с национальными образованиями, возникшими после распада империи - петлюровской Украиной, прибалтийскими и закавказскими республиками, даже с Горской республикой Дагестана и "шариатской монархией" в восставшей против Деникина Чечне. Всячески выражалась готовность "защищать их интересы", выступать гарантами их независимости, и поскольку эти образования возникали на волне национального шовинизма, слепо противопоставляя себя всему "русскому", они часто получали иностранную поддержку и во враждебных белогвардейцам акциях. Имели место и потуги поставить белогвардейцев под иностранный контроль. Колчаку попытались навязать французского представителя генерала Жанена на роль главнокомандующего всеми русскими и союзными войсками в России. А Краснову в критической ситуации зимы 1919 г. французы выдвинули условие, чтобы Дон признал их "как высшую власть над собою в военном, политическом, административном и внутреннем отношении". Деникину неоднократно предлагали проекты кабальных концессий. А после поражения Колчака у него всеми силами старались выманить для вывоза за границу золотой запас.

В Прибалтике многие корабли Балтфлота, разочаровавшиеся в большевизме, были готовы перейти на сторону белых - что предрешило бы взятие

Петрограда. Но это совсем не устраивало английских политиков, думавших не столько о победе над большевиками, сколько о собственной монополии на морях и об ослаблении морских позиций России. Поэтому вместо переманивания флота предпочли вариант его уничтожения. Два первых перешедших миноносца отдали эстонцам, а затем предприняли попытку налета на Кронштадт торпедными катерами и подлодками. Атака была отбита с потерями с обеих сторон, русские моряки озлобились, и никакой речи о переходе уже не могло быть. А с другой стороны, и британцы, единожды обжегшись, больше не решались рисковать боевыми кораблями и не оказали поддержки с моря восставшим фортам Красная Горка и Серая Лошадь, которые также открывали бы прямую дорогу на Питер, но были беспрепятственно расстреляны огнем советских линкоров и крейсеров. Опасаясь столкновений с Балтфлотом, англичане не оказали и обещанного морского прикрытия при осеннем наступлении Юденича - что оставило этот фланг незащищенным и сказалось роковым образом на исходе операции.

Добавим еще химерические проекты союзников относительно "демократизации" по своим образцам, которая якобы должна была волшебным образом привлечь массы населения и противостоять большевизму куда эффективнее, чем "диктатура генералов". С этой целью плелись интриги с демагогами из левых партий. На Юге дипломатический представитель Англии генерал Киз вел переговоры с "зелеными" и вентилировал возможности переворота против Деникина, а в Сибири при участии представителей Антанты родился заговор Политцентра - по сути мертворожденный, но нанесший удар в спину и свергший Колчака. Да кстати, ведь и выдали адмирала на смерть его западные "друзья" - чехи, по

указанию своего прямого начальника, командующего союзными войсками генерала Жанена. Предали в надежде оплатить этой подлостью безопасную эвакуацию собственных войск, а заодно обеспечить себе возможность "политического диалога" с новыми властями. Сперва задержали в Нижнеудинске и не пропустили в Иркутск - чтобы не помешал переговорам, которые вел там Жанен с Политцентром и большевиками. Потом, беспомощного, изолированного от своих частей и лишенного связи с внешним миром, заставили отречься от поста Верховного Правителя и взяли, под "международную охрану". А охрана эта стала конвоем, который по прибытии в Иркутск тотчас и сдал Колчака с рук на руки повстанцам. Вот так расплатился Запад с соратником по Мировой войне и с правителем союзной державы.

Ну а большевики своих проектов мировой революции вовсе не забыли. В августе 1919 г. Троцкий подал в ЦК секретную записку с предложением сформировать конный корпус в 30-40 тыс. сабель и бросить через Афганистан на Индию - хотя и тут реализации помешало наступление Деникина. А тем временем и испортившиеся было отношения с немцами дали новые надежды. Потому что после тяжелого и унижительного Версальского мира многие влиятельные круги в Германии стали видеть в Советской России потенциального друга и союзника, снова начали прощупывать пути к сближению. И, например, если Радек поначалу содержался в строгой изоляции, подвергался допросам, то сразу после Версаля условия его содержания резко улучшились. Он получил хорошую камеру, стал принимать посетителей. Эту камеру даже называли "политическим салоном Радека", поскольку к нему ходили и представители политических партий, и Рейхсвера. А потом его и вовсе выпустили - кстати, при посредничестве все того же Карла Моора, так как агент

"Байер" продолжил шпионскую работу и на республиканскую Германию, регулярно снабжая ее МИД информацией о деятельности большевистского правительства.

Благодаря такому "потеплению", в сентябре 19-го было принято решение создать в Берлине постоянную резидентуру Коминтерна. Ее руководителем был назначен Яков Самуэлович Рейх. Как он вспоминал впоследствии, задачу ему ставил сам Ленин: "Вы должны ехать в Германию... Ставить работу Коминтерна надо именно на Западе, и прежде всего в Германии".

Согласно тем же воспоминаниям, кроме партийной и государственной существовала еще одна, секретная касса Ленина, которой он распорядился единолично, ни перед кем не отчитываясь, и заведовал ею Ганецкий - т. е. и казначей остался прежним со времен секретной кассы, питавшейся германским золотом. Из нее и были выделены средства для развертывания работы за рубежом.

Рейх пишет: "Я знал Ганецкого уже много лет, и он меня принял как старого знакомого товарища. Выдал 1 миллион рублей в валюте - немецкой и шведской. Затем он повел меня в кладовую секретной партийной кассы... Повсюду золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках, кто-то явно пытался сортировать и бросил. В ящике около входа полно колец. В других золотая оправы, из которой уже вынуты камни. Ганецкий обвел фонарем вокруг и, улыбаясь, говорит: "Выбирайте!" Потом он объяснил, что это все драгоценности, отобранные ЧК у частных лиц по указанию Ленина, Дзержинский сдал их сюда на секретные нужды партии. "Все это - добыто капиталистами путем ограбления народа, - теперь должно быть употреблено на дело экспроприации экспроприаторов" - так будто бы сказал Ленин. Мне было очень неловко отбирать: как производить оценку?

Ведь я в камнях ничего не понимаю. "А я, думаете, понимаю больше? - ответил Ганецкий, - Сюда попадают только те, кому Ильич доверяет. Отбирайте на глаз, сколько считаете нужным. Ильич написал, чтобы вы взяли побольше". Я стал накладывать, и Ганецкий все приговаривал: берите больше - и советовал в Германии продавать не сразу, а по мере потребности... Наложил полный чемодан камнями, - золото не брал, громоздко. Никакой расписки на камни у меня не спрашивали - на валюту, конечно, расписку я выдал..."

Так что имущество, награбленное у "буржуев" оказалось для большевиков таким же мощным подспорьем, как впоследствии для гитлеровцев конфискованное у евреев. Разве что тратили иначе - нацисты пустили доставшиеся им богатства на развитие своей экономики и перевооружение армии, ну а коммунисты разбазарили на прожекты "мировой революции".

12. Система ужаса

Еще раз подчеркнем, что явление "красного террора" было абсолютно не адекватно "белому" и даже не сопоставимо с ним. Конечно, и белые не были ангелами, они тоже расправлялись с противниками, однако главные вспышки репрессий относились к стихийной, партизанской фазе борьбы, и происходили, в основном, в период антибольшевистских восстаний. Да и то, если разобраться, носили персональный, а не повальный характер. А по мере организации командование всячески старалось обуздать такую стихию, и самочинные расправы категорически запрещались вплоть до суровой кары их участников. На территориях белых армий вводились российские законы военного времени, и врагов там казнили за конкретные преступления, по суду. Речь в таких случаях шла о единицах, иногда - десятках, но никогда - о сотнях и тысячах. И не говоря уж о расстрелах пленных, которые

были повсеместно запрещены еще в 1918 г., но даже многие видные большевики оставались живы, получив различные сроки заключения, и дождались в тюрьмах прихода своих.

Правда, сказанное относится только к районам действия регулярных белых армий - Колчака, Деникина, Юденича, Миллера, Врангеля, а не самостоятельной "атаманщины". Скажем, контрразведка Семенова действительно прославилась жестокостью. Ну да Семенов и не подчинялся распоряжениям верховной власти, его действия осуждали сами колчаковцы и называли "белым большевизмом".

С красной же стороны террор насаждался планомерно и централизованно, самой властью, подкреплялся "классовой" теорией. Поэтому при переходе от стихийности к организации он наоборот, не ослабевал, а усиливался, вводился в систему. Здесь мы имеем дело не с эксцессами, не с акциями мести, а с политикой террора, которая была неотъемлемой частью самого коммунистического государства. Так же, как продразверстка являлась не средством борьбы с голодом, а частью общего плана построения коммунизма, так и террор был не только средством для достижения тех или иных целей, но одновременно и самой целью, одним из главных движущих рычагов "нового общества", создаваемого по ленинским моделям. И эта составная часть антиутопического государства-машины конструировалась и совершенствовалась одновременно с другими ее агрегатами.

Если в начале коммунистического правления репрессии, хотя и разжигались целенаправленно, отдавались на произвол "местной самодеятельности", согласно уже цитированной работе "Как организовать соревнование" - "единство в основном, в коренном, не нарушается, а обеспечивается многообразием в

подробностях... в приемах подхода к делу, в путях истребления и обезвреживания паразитов...", то к концу весны 19-го была уже создана мощная централизованная машина террора. Всю страну покрыла густая сеть карательных учреждений - были чрезвычайки: губернские, уездные, городские, волостные, железнодорожные, транспортные, иногда даже сельские и фабричные, плюс военные, военно-полевые, военно-революционные трибуналы, плюс народные суда, особые отделы, чрезвычайные штабы, разъездные карательные отряды и экспедиции.

Унифицировалась и сама процедура казней. Вместо энтузиастов-"любителей" теперь действовали "профессионалы", во всех карательных учреждениях существовали должности штатных палачей - они назывались комендантами или помощниками комендантов, а в просторечии "комиссарами смерти" или "ангелами смерти". Было признано, что публичные экзекуции нецелесообразны, вызывают чувство жалости к жертвам и поддерживают их народным сочувствием. Для запугивания людей оказалось эффективнее, когда приговоренные просто исчезают в неизвестность. И расправы стали проводить по ночам, в укрытых от посторонних глаз местах. При выборе таких мест учитывались и санитарные соображения. Расстрелы стали проводиться по общим методикам - обреченные должны были раздеваться донага, ставились на колени (вариант - ложились ничком), и умерщвлялись одним выстрелом в затылок.

То есть, действовали только принципы железной, механической "целесообразности" - экономия патронов, "удобство" исполнителей, сохранение вещей, которые еще можно использовать. Все это тоже диктовалось голым рационализмом ленинского государства-машины, в котором принципы морали и нравственности заведомо отбрасывались. Как писал в журнале "Красный меч"

член коллегии ВЧК Лацис, "для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для эксплуатации низших классов". Согласно той же строгой логике, вещи казненных подлежали оприходованию и поступали в активы ЧК (конечно, за исключением разворованного исполнителями). А уж дальше распределялись по категориям. Как мы видели в предыдущей главе, основные ценности поступали в ленинскую партийную кассу. И их было столько, что "мелочи", вроде зубных коронок, в русском варианте туда не попадали. То, что оставалось на теле - золотые зубы, крестики, часто считалось "законным" вознаграждением палачей - например, в Москве ими почти в открытую промышляли и сбывали исполнители приговоров Емельянов, Панкратов, Жуков.

Хорошая одежда и обувь поступали в спецраспределители. Так, в ПСС Ленина, т. 51, стр. 19, сохранился счет на получение Ильичом из хозотдела МЧК костюма, сапог, подтяжек и пояса. Даже нижнее белье находило применение - его отправляли красноармейцам, а что похуже, иногда выдавали заключенным. Из тех же принципов целесообразности мужчины при казнях не отделялись от женщин, да и в камерах смертников их содержали вместе - какая разница, если все равно "в расход"? Работали все карательные учреждения непрерывно, казни шли систематически, почти каждую ночь. Ведь известно другое печатное высказывание того же Лациса: "Мы не ведем войну против отдельных лиц, мы уничтожаем буржуазию как класс".

И уничтожение шло в прямом смысле слова. А поскольку уничтожать приходилось не только "буржуазию" (читай - интеллигенцию), но и многих рабочих, казаков, крестьян, по тем или иным причинам не вписывающихся или не желающих вписываться в

схемы "нового общества", то чрезвычайно превращались в настоящие конвейеры смерти.

Вот как описывал "трудовые будни" губернской ЧК писатель-коммунист В. Зазубрин: "Больно стукнуло в уши. Белые серые туши (раздетые люди) рухнули на пол. Чекисты с дымящимися револьверами отбежали назад и сейчас же щелкнули курками. У расстрелянных в судорогах дергались ноги... Двое в серых шинелях ловко надевали трупам на шеи петли, отволакивали их в темный загиб подвала. Двое таких же лопатами копали землю, забрасывали дымящиеся ручейки крови. Соломин, заткнув за пояс револьвер, сортировал белье расстрелянных. Старательно складывал кальсоны с кальсонами, рубашки с рубашками, а верхнее платье отдельно... Трое стреляли, как автоматы, и глаза у них были пустые, с мертвым стеклянистым блеском. Все, что они делали в подвале, делали почти произвольно... Только когда осужденные кричали, сопротивлялись, у троих кровь пенилась жгучей злобой... И тогда, поднимая револьверы к затылкам голых, чувствовали в руках, в груди холодную дрожь. Это от страха за промах, за ранение. Нужно было убить наповал. И если недобитый визжал, харкал, плевался кровью, то становилось душно в подвале, хотелось уйти и напиться до потери сознания... Раздевшиеся живые сменяли раздетых мертвых. Пятерка за пятеркой. В темном конце подвала чекист ловил петли, спускавшиеся в люк, надевал их на шеи расстрелянных... Трупы с мотающимися руками и ногами поднимались к потолку, исчезали. А в подвал вели и вели живых, от страха испражняющихся себе в белье, от страха потеющих, от страха плачущих".

Только читая это, учтите, что Зазубрин таким описанием отнюдь не осуждал чекистов, а наоборот, героизировал, и воспевал с восторгом их трудную, но "нужную" работу, он сам дружил с этими палачами,

добросовестно изучал специфику их деятельности, сам ходил на расстрелы, так что его повесть "Щепки", откуда взята цитата, является своего рода "репортажем" из смертных подвалов.

Многие западные авторы до сих пор склонны оценивать ужасы большевизма как чисто русское, чуть ли не национальное явление, возводя их опять к пресловутому Ивану Грозному. Да и не только западные - такие же оценки присущи некоторым диссидентам советских времен, вроде В. Соловьева и Н. Клепиковой. Ряд эмигрантских авторов соотносил террор с традициями "русского бунта", да и Горький однозначно все сваливал на "темный русский народ". С чем позволительно не согласиться. Как было показано выше, антисистемы национальной принадлежности не имеют. Они приспособляются и приживаются на любой почве, потому что просто выворачивают "наоборот" существующие политические формы и координаты моральных ценностей. И для тех, кто считает красный террор типично-русским феноменом, не лишне вспомнить Великую Французскую революцию, когда 16 тыс. чел. было только гильотинировано, а кроме того неподсчитанное количество расстреляно, утоплено, перевешано, и в одной лишь Вандее было перебито по разным оценкам от 500 тыс. до миллиона крестьян. Причем террор стал до того обыденной частью жизни, что гильотина даже создала новую моду - в высшем революционном обществе дамы начали шить платья без воротника, как у приговоренных, и наклеивать на оголенную шею узенькую красную полоску, возбуждая и себя, и партнеров такой имитацией обезглавливания. А можно напомнить и о терроре германских нацистов. Уж кажется, ни французы, ни немцы к русским национальным особенностям отношения никогда не имели.

Так что явление это совершенно другого порядка. Ведь кроме национальных, существуют и общечеловеческие духовные устои - хотя и не исключено, что в разных этнических и политических системах они поддерживаются по-разному: где юридическими законами, где религиозными или нравственными установками, где традициями. Но вот когда эти основополагающие устои разрушаются, то последствия получаются примерно одинаковыми, будь то в Германии, будь то в России, будь то в Китае или Камбодже.

И если вернуться к российским примерам, то мы найдем в них гораздо больше "интернационального", чем национального. Пусть солдатские бесчинства 17-го или расправы начала 18-го в той или иной мере несли в себе черты "русского бунта". Однако согласитесь, что в приведенной выше картине чекистского конвейера с деловитой сортировкой снятых кальсон и рубашек уже трудно найти что-то "типично русское". Да и состав убийц включал представителей многих национальностей. В 1919 г. из 2 тыс. сотрудников центрального аппарата ВЧК 75% были латыши. Как сообщал бюллетень левых эсеров, "в Москву из Латвии в ВЧК едут как в Америку, на разживу" и служить поступают "целыми семьями". Много служило немцев и венгров - они тоже рассматривали это как способ хорошо заработать перед возвращением домой. Согласно разведсводке 1-го Добровольческого корпуса Кутепова, на Украине в массовых расправах русские красноармейцы отказывались участвовать, несмотря на выдаваемую водку и разрешение поживиться одеждой казненных. Поэтому для таких акций привлекались части из латышей и китайцев. Например, Якир содержал при себе специально для карательных операций китайский отряд из 530 чел.

Разумеется, среди палачей и русских хватало. Ну да ведь "в семье не без урода". Маньяки и садисты имеются в каждом народе. Но при централизованной политике террора именно они оказались нужны коммунистической власти, и как раз они имели максимальную возможность выдвинуться в ее системе, получали силу и право на реализацию своих склонностей. А кровавый беспредел порождал и новых маньяков, поскольку крушение прежних моральных "тормозов" позволяло выплеснуться наружу самым страшным и темным силам, прявшимся в потаенных уголках души. Как провозглашал Ленин: "Во имя достижения своих революционных целей, своих желаний, все дозволено!"

Интересный пример приводит в своих воспоминаниях писательница Тэффи в 1918 г. в г. Унече, где располагался пограничный контрольно-пропускной пункт, на весь город наводила ужас комиссарша, ходившая с двумя револьверами и шашкой и лично "фильтровавшая" выезжающих беженцев, решая, кого пропустить, а кого расстрелять. Причем слыла честной и идейной, взяток не брала, а вещи убитых брезгливо уступала подчиненным. Но приговоры приводила в исполнение сама. И Тэффи вдруг узнала в ней деревенскую бабу-судомойку, некогда тихую и забитую, но выделявшуюся одной странностью - она всегда вызывалась помогать повару резать цыплят. "Никто не просил - своей охотой шла, никогда не пропускала". Не случайно в ЧК служило много уголовников, и некоторые достигали очень высоких должностей скажем, Фриновский, будущий заместитель Ежова, или цареубийца Юровский. Характерным представляется и то, что, например, после разгрома Семенова, палачи из его контрразведки - Жуч и другие, вовсе не были расстреляны. Их приняли в ЧК! Чекистом стал махновский палач и контрразведчик, знаменитый

Левка Задов. Они просто оказались ценными и нужными "специалистами", продолжая ту же работу, но уже на красной стороне.

Впрочем, надо отметить, что и в верхних эшелонах большевистской власти и командования хватало людей со "сдвигами" и патологиями. Да это, наверное, и не случайно, поскольку в главные "разрушители" и "ниспровергатели", уж конечно, подбирались те, чьи собственные духовные и моральные устои давно были разрушены. Так, известная деятельница партии Александра Коллонтай активно и на личном примере проповедовала свободную любовь. Но ее-то отклонения хоть были относительно-безобидными, а вот прогрессирующая болезнь ленинского мозга обошлась российскому народу очень дорого. Видный большевик и начальник особого отдела ВЧК Кедров, прославившийся своими зверствами, был потом признан ненормальным, помещен в психбольницу и отстранен от руководящей работы - но это после гражданской войны, когда надобность в таких качествах отпала. Точно так... же был помещен в психушку и Бела Кун, хотя его после лечения сочли возможным пристроить в Коминтерне.

Евгению Бош, свирепствовавшую в Пензе, еще в ходе войны вынуждены были отозвать, врачи признали ее половой психопаткой. Явные сдвиги на той же почве наблюдались и у других руководящих работниц - Конкордии Громовой, Розалии Залкинд (Землячки) - одной из руководительниц геноцида на Дону. Возможно, скрытые садистские наклонности имелись у Кирова - не говоря уж об описанной бойне в Астрахани, он, будучи там "царем и богом", несколько раз самолично разоблачал "заговоры" в собственном окружении, причем каждый раз в их составе оказывались молодые и красивые женщины - то секретарша Реввоенсовета "княжна Туманова" (хотя откуда бы взяться в РВС княжне?), то полковая

комиссарша Ревекка Вассерман. По некоторым данным, он присутствовал и на расстрелах таких "заговорщиц".

Утонченным извращением был Менжинский. Он сам писал эротические стихи и романы. Любил приговаривать к смерти женщин и вести их допросы, причем лез в самые интимные подробности их жизни, и фактически для каждой сам же придумывал свой "роман", подталкивая "сюжет" в глубины темной и больной чувственности, запутывая и вынуждая признать сексуальные мотивы тех или иных поступков, убеждая в изменах мужей и любимых, загоняя в психологический тупик, где приговор как бы становился лишь выходом, развязкой накрученной им драмы. Малоэстетичные картины исполнения приговоров его уже не интересовали, на расстрелы он не ходил.

В отличие от другого руководителя ВЧК, Петерса, который любил и собственноручно убийствами позабавиться. И у которого тоже отмечались четкие "отклонения". Скажем, разъезжая по стране уже после гражданской, он держал при себе двух-трех "секретарш", то и дело меняя их. Прибывая в какой-нибудь город, требовал от местного начальства, чтобы надоевших девиц куда-нибудь пристроили и подобрали ему новых. А его заместитель Петросян, который сам, чтобы овладеть женщиной, расстрелял ее вполне "советского" мужа, рассказывал, что Петерсе "выделывал и худшие вещи". Сексуальная патология наблюдалась и у Бокия, терроризировавшего Петроград и Туркестан, основателя и шефа Соловков. Как открылось на следствии много позже, в 30-х, он в 1921-25 гг. организовал в Кучино "дачную коммуну" под своим руководством. Сюда его приближенные должны были приезжать на выходные вместе с женами, на содержание "коммуны" они вносили 10% месячного заработка. Лица обоего пола обязаны были ходить там голыми или полуголыми, что называлось "культом

приближения к природе", в таком виде они работали на огороде, пьянствовали, вместе ходили в баню и устраивали групповые оргии. Над упившимися потешались, измазывая краской или горчицей половые органы, "хороня" заживо или имитируя казни. Причем участвовали во всех этих действиях даже несовершеннолетние дочери Бокия.

Садистом был и знаменитый командир "червоного казачества" Примаков, он даже под суд попал за чрезмерную жестокость - а в кровавом кошмаре гражданской войны для этого уж очень надо было выделиться. Его личный повар Исмаил был одновременно и личным палачом, и развлекал хозяина, мастерски снося головы пленным или гражданским лицам, которых тот обрекал на смерть. А вот Тухачевскому был присущ садизм другого рода - по воспоминаниям сослуживцев, он еще будучи в училище фельдфебелем, довел двух юнкеров своей роты до самоубийства. Не выходя за рамки уставов и своей дисциплинарной власти, так что и претензий к нему быть не могло - просто с жестокостью бездушной машины извел целенаправленными и методичными придирками... Нет, все же далеки, ох как далеки были от пропагандистских идеалов "строителей нового общества".

13. Система в действии

Обстановку первых лет революции, которую мы привыкли представлять по героическим и романтическим кинолентам, на самом деле могли бы передать разве что самые мрачные фантазии фильмов ужасов.

В качестве яркого примера можно взять Киев - о здешних кошмарах сохранилось довольно много свидетельств: и доклад Центрального комитета Российского Красного Креста в международный комитет в Женеве, и данные деникинской комиссии под

председательством Рерберга, и книга Нилостонского "Кровавое похмелье большевизма", вышедшая потом в Берлине, и воспоминания других горожан, обнародованные в эмиграции. В городе угнездились 16 карательных учреждений - Всеукраинская ЧК, Губернская ЧК, Лукьяновская тюрьма, концентрационный лагерь, особый отдел 12-й армии и т. д. Действовали эти мясорубки независимо друг от друга, так что человек, чудом вырвавшийся из одной, мог сразу попасть в другую. Главные из них компактно расположились в Липках - квартале богатых особняков, здесь же жили чекистские руководители, и согласно докладу Красного Креста, "эти дома, окруженные садами, да и весь квартал кругом них превратились под властью большевиков в царство ужаса и смерти".

ВУЧК возглавлял знаменитый М. И. Лацис (Я. Ф. Судрабс) - он же в качестве представителя Москвы и члена коллегии ВЧК на деле являлся неограниченным властителем Киева. Внешне благообразный, всегда вежливый, он проводил террор с латышской холодной методичностью и старательностью. По натуре он был "палачом-теоретиком", считал себя крупным ученым. Он на полном серьезе писал "научные труды" со статистикой, таблицами, графиками и диаграммами, исследующими распределение казней по полу и возрасту жертв, строил временные и сезонные зависимости, изучал социальный состав расстрелянных и подгонял свои выкладки под фундаментальные законы марксизма. И для публикации этих своих работ даже издавал журнал "Красный Меч". А под его началом действовала целая коллекция монстров, представляющая самые разнообразные типы убийц.

ГубЧК возглавлял Угаров, по натуре - необузданный зверь. Он больше выступал в роли организатора. Под его началом был отдан и создававшийся концлагерь, где он внедрял свои порядки - еще не имея исторических

примеров, на "голом месте" продумывая формы отчетности, режим содержания, распорядок дня, введение номеров вместо фамилий, деление заключенных на категории: первая - смертники, вторая - заложники, третья - предназначенные просто для отсидки. Племянник Лациса Парапутц был откровенным грабителем, жадно наживаясь на вещах казненных. Бывший матрос Асмолов представлял собой тип "идейного палача", истребляя людей с твердой уверенностью, что строит таким образом светлое будущее для всего человечества. Палач Сорокин любил демонстрировать "крестьянскую натуру", приговоренных забивал равнодушно, как скот, и постоянно подчеркивал тяжесть и "неблагодарность" своего "труда". Были грубые мясники Иоффе и Авдохин.

Была комиссарша Нестеренко, которая заставляла солдат насиловать женщин и девочек в своем присутствии. Был мальчишка Яковлев, который расстрелял собственного отца, и был за это переведен с повышением в Одессу. Был франтоватый уголовник Терехов, обычно изображавший культурного светского джентльмена. Были супруги Глейзер, тоже из уголовников, наводившие ужас в концлагере - особенно прославилась жена, с каким-то болезненным наслаждением отбиравшая жертвы для очередной казни. А палач Сорин представлял эдакого рубаху-парня, демонстрировал широту натуры и убивал весело, с шуточками и прибаутками. И устраивал оргии, где обнаженные "буржуйки" плясали и играли на фортепиано - причем иногда во время таких оргий принимал и посетительниц, хлопотавших за своих родных. Конвейеры смерти действовали постоянно. Обычно раздетых приговоренных укладывали на пол лицом вниз, или слоями, на убитых ранее, и коменданты умерщвляли их выстрелами в затылок, после чего трупы вывозили и закапывали за городом.

Но это были лишь "трудовые будни" палачей, а существовали у них и "развлечения". Так, комендант ГубЧК Михайлов, холеный и изящный, любивший имидж "офицера", "в лунные, ясные летние ночи выгонял арестованных голыми в сад и с револьвером в руках охотился за ними". Выбирал он для таких забав красивых дам и девушек, иногда - юношей гимназического возраста. А перед этим мог вдруг завести со своей жертвой подобие "светской беседы", интересуясь ее чувствами и переживаниями. Другие чекистские руководители тоже развлекались различными "нестандартными" видами убийства и мучительства, которые зачастую совмещались с их оргиями в качестве эдакой пикантной добавки к пьянкам, кокаину и сексуальным игрищам. При допросах всю практикувались пытки - капали на тело горячим сургучом, запирали стоя в узких шкафах или забивали в гроб вместе с трупом, угрожая похоронить живым. В так называемой "китайской" ЧК демонстрировали коллегам пытки крысой, посаженной в нагреваемую трубу и грызущей жертву. Иногда зарывали в землю, оставляя на поверхности лишь голову - многих таких зарытых забыли при отступлении, и они спаслись, поведав обо всех этих кошмарах.

Хотя были забавы и более утонченные - например, "дело графа Пирро", которое потом фигурировало в советской литературе в перечне громких побед чекистов. Когда летом 19-го на Украине развернулось белое наступление, для организации обороны из Москвы был прислан Я. Х. Петерс, назначенный комендантом Киевского укрепрайона, а Лацис стал его заместителем. И вдруг в это время в Киеве открылось... консульство Бразилии! На приемах в других консульствах "бразилец" Пирро вел себя странно, избегал разговоров по-английски и по-французски, но свободно говорил по-русски с простонародными

выражениями. И акцент был, скорее, прибалтийский. Не умел правильно обращаться с ножом и с вилкой, а пил, как лошадь. И "по секрету" сообщал всем, что ненавидит большевиков, обещая любую помощь. А с другой стороны, уже через несколько дней на улицах было расклеено официальное объявление, что "граф Пирро снабжен особыми полномочиями, и все служащие бразильского консульства находятся под особым покровительством Советской Республики".

Но самое интересное, в этой истории, что в роли "графа Пирро", согласно многочисленным свидетельствам, выступал... сам Петерс. Появились они в городе одновременно, на публичных мероприятиях Петерс не появлялся, а при панической эвакуации из Киева его опознали - яркая фигура "бразильца" запомнилась многим, а спутать с кем-либо бульдожьей физиономией заместителя Дзержинского было трудно. Да и метод работы был типичным для Петерса - еще в 18-м он прославился крупной провокацией с "делом Локкарта", заманив британского генерального консула на собрание фиктивной "контрреволюционной организации".

Ну а в "бразильском консульстве" была создана обстановка дешевого авантюрного романа. Декоративные пальмы, шампанское, мелодии танго. Почти весь персонал состоял из красивых женщин, которые отнюдь не просиживали юбок за пишущими машинками и не утруждали себя возней с бумагами. В вечерних платьях с немыслимыми декольте и ажурных пеньюарах они томно дымили папиросками, кружили головы посетителям и в любую минуту дня и ночи готовы были к спонтанным банкетам. Кавалеры таинственного вида то возникали, то исчезали в неизвестном направлении. Так же таинственно появлялся вдруг сам "граф", и карнавальная жизнь "консульства" начинала бурлить ключом вокруг его

персоны - с любовными страстями, "секретами", "явками", "паролями", переодеваниями и "шифрами", зашиваемыми в интимные предметы туалета. Словом, Петерс слегка предвосхитил методы Гейдриха с его знаменитым "салонем Китти". К нему шли с просьбами похлопотать за арестованных, обращались прячущиеся от террора или желающие бежать за границу. Он не отказывал никому. Внимательно расспрашивал, какие проступки необходимо скрыть человеку, предоставлял "экстерриториальное" убежище в консульстве, выдавал визы или отправлял людей по своим "конспиративным каналам". И от души оттягивался, совмещая "приятное с полезным" в созданном экзотическом раю.

Все, кто обращался к нему за помощью, были в итоге схвачены и расстреляны, а посылаемые "за границу" просто бесследно исчезали - вместе со взятыми в дорогу деньгами и драгоценностями. А когда в связи с этими арестами пошли слухи насчет "графа", чекисты поняли, что провокация себя исчерпала, и незадолго до падения Киева было объявлено о "раскрытии контрреволюционной организации, выдававшей себя за бразильское консульство и поставившей себе целью свержение Советской власти". "Человек, выдававшей себя за графа Пирро", якобы был "уже расстрелян" - что не помешало потом многим видеть его живым и здоровым. Но "сотрудницы консульства", развлекавшие "графа" и его гостей, были действительно включены в список "раскрытой организации" и отправлены на смерть.

Впрочем, это можно считать и частью более широкой акции. Когда перед сдачей города была организована массовая "чистка" тюрем, и сотни людей, предварительно раздетых донага, вынуждены были жаться в жуткой очереди, ожидая, когда их отсчитают в очередную "десятку" и выведут на край ямы под залпы китайцев, в эти толпы смертников включили и

некоторых "своих": рядовых "сексотов", вольнонаемных служащих ЧК, в том числе и прислугу начальников - хотя эта прислуга зачастую сожительствовала с хозяевами, участвовала в их оргиях и считала себя полноправными "чекистками". Потом в Киеве полагали, что уничтожались все свидетели преступлений, но это кажется нелогичным - о зверствах знали все жители, да и следов осталось предостаточно. И более правдоподобной представляется другая причина - за сдачу города предстояло как-то оправдываться перед руководством партии и государства, и дойди до Ленина или Троцкого факты оргий, пьяного разгула или развлечений в "бразильском консульстве", тут и у самих чекистов могли головы полететь. И от свидетелей этих делишек действительно требовалось избавиться.

А по докладу комиссии Рерберга, производившей расследование сразу после прихода белых, лишь одно из мест экзекуций, принадлежавшее ГубЧК, выглядело следующим образом: "Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими остатками. Все стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи. Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в десять метров длины. Этот желоб был на всем протяжении доверху наполнен кровью..."

А вот картина из другого подвала, уездной ЧК. "В этом помещении особенно бросалась в глаза колода, на которую клалась голова жертвы и разбивалась ломом, непосредственно рядом с колодой была яма, вроде люка, наполненная доверху человеческим мозгом, куда при размозжении черепа мозг тут же падал".

В садах чекистских особняков были обнаружены захоронения с несколькими сотнями голых трупов - и мужских, и женских, и детских, умерщвленных самыми изощренными и зверскими способами. Здесь практиковались различные виды обезглавливания. Проламывание черепов дубиной и расплющивание головы молотом. Четвертование с отрубанием рук и ног. Полное рассечение на куски. Вспарывание животов. Вбивание деревянного кола в грудную клетку. Распятие. Умерщвление штыками и вилами с прокалыванием шей, животов, груди. Погребение заживо - причем одна из засыпанных женщин была связана вместе со своей восьмилетней дочерью. Было найдено и пыточное кресло, "вроде зубоврачебного", с ремнями для привязывания жертвы... Словом, можно даже предположить, что чекисты в своих извращенных фантазиях пытались воспроизвести полную коллекцию всевозможных методов умерщвления - тем более, что это вполне соответствовало бы натуре Лациса, считавшего себя основоположником новой "науки" и разворачивавшего "исследования" в данной области. Можно вспомнить, что позже, в нацистской Германии, подобные "сравнительные исследования" разных способов казни проводил и Кальтенбруннер. Всего в Киеве комиссия обнаружила 4800 трупов казненных. Но в некоторых захоронениях их уже нельзя было сосчитать из-за сильного разложения, а по данным населения об исчезнувших в чрезвычайках родных и знакомых составила цифра в 12 тыс. жертв.

Но ведь это только один город! А существовала, например, жуткая Харьковская ЧК, где действовали свои "знаменитости" - Португейс, Фельдман, Иесель Манькин, матрос Эдуард, австрийский офицер Клочковский. Особенными зверствами прославился тут маньяк Саенко, комендант концлагеря на Чайковской. При допросах и просто расправах "для души" его

любимым приемом было вонзять шашку на сантиметр в тело жертвы и поворачивать в ране. Часто эти выходки происходили среди бела дня, на глазах других арестованных намеченных обреченных выводили во двор, раздевали догола и начинали рубить и колоть, начиная с ног, а потом все выше и выше. Как установила потом деникинская комиссия при осмотре трупов, "казнимому умышленно наносились сначала удары несмертельные, с исключительной целью мучительства". А вот как выглядела камера пыток Саенко, переоборудованная из надворного чулана-кухни. "При осмотре... этого чулана в нем найдены были 2 пудовые гири и отрез резинового пожарного рукава в аршин длиной с обмоткою на один конец в виде рукоятки. Гири и отрез служили для мучения намеченных чрезвычайкою жертв. Пол чулана оказался покрыт соломой, густо пропитанной кровью казненных здесь; стены напротив двери испещрены пулевыми выбоинами, окруженными брызгами крови, прилипшими частицами мозга и обрывками черепной кожи с волосами. Такими же брызгами покрыт пол чулана".

Поблизости от этого места были обнаружены более ста тел со следами истязаний - переломами, перебитыми голенями, следами прижиганий раскаленным железом, обезглавленными, с отрубленными руками и ступнями. Женщина с семью ранами была зарыта живой. Практиковалось тут скальпирование жертв, снятие "перчаток" с кистей рук. Было найдено и пыточное кресло, такое же, как в Киеве. А один из харьковских палачей, Иванович, признался в таком обычае: "Бывало, раньше совесть во мне заговорит, да теперь прошло - научил товарищ стакан крови человеческой выпить: выпил - сердце каменным стало".

Кстати, этот обычай существовал не только в Харькове. По воспоминаниям Агабекова, во время своих

бесчинств в Туркестане человеческую кровь любил пить Бокий. А видный московский чекист Эйдук без особых комплексов рассказывал своему знакомому, гражданину Латвии Г. А. Соломону, что кровь "полирует".

Размахом террора прославилась и Одесская ЧК. Ведь в конце 1918 начале 1919 гг. сюда под защиту французских дивизий устремились многие люди. Но по решению Парижа о выводе войск союзники поспешно отчалили, превратив собственную эвакуацию в паническое бегство и бросив беженцев на произвол судьбы. И когда пришли красные, началась "чистка", в ходе которой с апреля по август, до взятия города деникинцами, было уничтожено по официальным данным - 2200, по неофициальным - 5 тыс. чел. Тут тоже процветал махровый садизм. При допросах применяли плети и палки, подвешивание, щипцы. Офицеров истязали, привязывая цепями к доскам, медленно вставляя их в топку и жаря, других разрывали пополам колесами лебедок. Некоторых приговоренных казнили в каменоломне размождением голов.

В Екатеринославе сотнями выносила смертные приговоры Конкордия Громова. Чекист Валявка выпускал по 10-15 приговоренных в огороженный дворик, потом с 2-3 помощниками выходили на середину и открывали стрельбу. Священников здесь распинали или побивали камнями. А при взятии города белыми была захвачена баржа с 500 заложниками, предназначенная к затоплению. В Курске, чтобы не допустить подобного, большевики при отступлении просто взорвали тюрьму вместе со всеми заключенными. В Полтаве зверствовала чекистка Роза и бывший уголовник Гришка-Проститутка. Священников и монахов он сажал на кол - как-то в один день казнил таким способом 18 человек. Сжигал крестьян, привязав к столбу, а сам, расположившись в кресле, наслаждался подобным зрелищем. А процедура обычных расстрелов

была здесь рационализована - над ямой перекидывали доску, и обреченных сажали на нее, чтобы сами падали в могилу. В Царицыне свирепствовал бывший уголовник Осип Летний - тут людей ставили ногами на сковороду, выламывали суставы, пилили кости...

И если перечисленные города можно считать "прифронтовыми", то и в тылу творилось то же самое. На полную катушку работала машина смерти в Москве. 31. 5. 1919 г. вышло воззвание Ленина и Дзержинского "Берегитесь шпионов!", которое фактически дало старт новой мощной волне террора. Пачками раскрывались "заговоры" - так, только по делу "Национального центра" было расстреляно 150 чел. После того, как анархисты устроили взрыв в Леонтьевском переулке, по воспоминаниям современников, "в МЧК приехал бледный как полотно Дзержинский и приказал расстреливать по спискам всех контрреволюционеров". Когда убили несколько сот, приказ был отменен. Казнили порой детей и подростков. Скажем, в 1919 г. арестовали и отправили на расстрел всех членов клуба бойскаутов, а в 1920 г. - клуба лаунтенистов - эти организации были признаны "контрреволюционными".

В период наступления Деникина практиковалось не только взятие заложников, но и "расстрелы по спискам", когда намеченные жертвы даже без видимости обвинения или условий заложничества брались сразу на смерть. По данным Солженицына, в связи с этим наступлением было истреблено 7 тыс. чел. В Москве орудовали свои монстры - Эйдук, Буль, следовательница-латышка Брауде, которая любила лично обыскивать арестованных, раздевала как женщин, так и мужчин, и лазила при этом в самые интимные места. И расстреливать тоже любила сама. А главный палач ВЧК Мага сошел с ума - во время одной из экзекуций с криком "раздевайся" бросился на

присутствующего коменданта тюрьмы Попова. Тот убежал, подоспевшие чекисты скрутили психа. И пытки вовсю применялись. Дело о пытках в Москве даже всплыло в "Известиях" - под арест случайно попали коммунисты и подверглись истязаниям. Впрочем, это был случай не единичный. В такой же ситуации в "Правде" была публикация о пытках во Владимирской ЧК, но дело быстро замяли, и те же газеты вскоре оправдывали подобные приемы борьбы с "контрой", доказывая их допустимость и полезность. Да и на VI съезде Советов было заявлено: "Теперь признано, что расхлябанность, как и миндальничанье и лимонничанье с буржуазией и ее прихвостнями не должно иметь место".

И когда, например, очередной скандал с пытками разразился в Туркестане, то производивший их чекист Дрожжин, бывший цирковой клоун, был отозван оттуда - но назначен с повышением в Москву.

А от Москвы не отставал и Питер. Скажем, когда 86-й стрелковый полк перешел к белым, тут расстреляли всех родственников "предателей" - жен, детей, матерей, братьев, сестер. Впрочем, хотя и в меньших масштабах, такое практиковалось повсюду - если офицер, призванный в Красную Армию, хотя бы пропадал без вести, т. е. может и погибал в бою, но не на глазах коммунистов, его близких ждала смерть. Да и не только в отношении офицеров это применялось. Например, при объявлении "советской мобилизации" 31. 5. 19 г. Ленин писал: "С 15 июня мобилизовать всех служащих советских учреждений мужского пола от 18 до 45. Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля или дезертирства или невыполнения данных заданий и т. д."

Мощную волну террора в Питере раздула комиссия во главе со Сталиным и Петерсом, присланная из столицы при прорыве белой армии Родзянко. Только в одной лишь акции повальных обысков и арестов 12-13. 6. 19 г. участвовало 15 тыс. вооруженных рабочих, солдат и матросов - не считая штатных чекистов. Общее число жертв осталось неизвестным, но в Кронштадте в эти дни было расстреляно 150 чел. А когда восстали форты Красная Горка и Серая Лошадь, большевики обеспокоились, как бы их не поддержали крестьяне, и провели массовые чистки в окрестных деревнях - там просто расстреливали каждого третьего. В одном селе получилось 170 чел., в другом - 130...

В других городах ужас отличался разве что масштабами, но не сутью. В "мирном" Саратове, куда никакой фронт ни разу не доходил, чекист Озолин и его подручные за 1918-19 гг. уничтожили 1,5 тыс. чел., и за городом у Монастырской слободки был жуткий овраг, куда грудями сваливались трупы. В Рыбинске зверствовала чекистка "товарищ Зина". В Ярославле проводилась кампания по расстрелу гимназистов - их определяли по форменным фуражкам, а когда их перестали носить, вычисляли по прическе, осматривая волосы и выискивая рубчик от фуражки.

Что же касается гимназисток и просто молодых женщин, то они сплошь и рядом становились жертвами собственной внешности. Чем красивее, тем больше имелось шансов попасть на заметку чрезвычайщиков и загреметь в их лапы. А уж дальше все зависело от "степени испорченности" палачей. Иногда та же красота могла и спасти - если чекист потребует благосклонности в обмен на свободу. А если попадешь на окончательного садиста, могла и погубить. Факты изнасилований перед расстрелом зафиксированы и в Питере, и в Вологде, и в Николаеве, и в Чернигове, и в Саратове, и в Астрахани - где в ноябре 19-го прошла

волна казней "социалистов" и "социалисток". А начальник Кисловодской ЧК выискивал свои жертвы на базаре, приговаривал за спекуляцию, а после изнасилования рубил шашкой и глумился над обнаженными трупами. И наверное, не случайно при раскрытии всяких "заговоров", вроде "Национального Центра" и "дела Таганцева" в расстрельные списки попадало много молодых женщин, для которых и обвинения толком не придумали - "знала о заговоре", "разносила письма", "была в курсе дел мужа". Да и раздевание приговоренных часто выглядело самоцелью - скажем, в упомянутом случае перед сдачей Киева, когда бросались целые склады с имуществом, и вряд ли кого могли заинтересовать жалкие обноски убитых.

А кроме "стационарных" чрезвычайек действовали по стране еще и разъездные карательные экспедиции. Одни такой поезд с матросами раскатывал между Вологдой и Череповцом, останавливался, где хотел, и начинал творить расправу. Много свидетельств осталось об экспедициях М. С. Кедрова, проводившего то "административно-оперативные", то "военно-революционные" ревизии, сводившиеся к кровопролитию. Так, при наезде в Воронеж было расстреляно около тысячи человек, да еще взято "много заложников". (Хотя в принципе, Воронежская ЧК и без него мягкостью не отличалась - здесь пытаемых катали голыми в бочках, утыканных гвоздями, выжигали на лбу звезду, священникам надевали венки из колючей проволоки). Особое "пристрастие" Кедров питал к детям, сотнями присылая с фронтов в Бутырки мальчиков и девочек 8-14 лет, которых счел "шпионами". Устраивал и сам детские расстрелы в Вологде и Рыбинске, принимая в них личное участие. Явно ненормальной была и жена Кедрова, бывший фельдшер Ревекка Пластинина (Майзель). В Вологде она проводила допросы у себя в жилом вагоне, и оттуда

доносились крики истязуемых, которых потом расстреливали тут же возле вагона, причем в этом городе она собственноручно казнила более 100 чел.

Ну а по деревням полным ходом продолжались крестьянские "успокоения". Тут смешивалось все воедино - выколачивание продрозверстки, а при непослушании или тем более бунтах - карательные акции. Для действий против крестьян обычные красноармейцы не годились, и путем "естественного отбора" в продотрядах оказывалась самая отпетая шваль. Для продовольственных операций и экзекуций проводились также мобилизации местных коммунистов это называлось "боевым крещением партиячек". Привлекались и латышские отряды. В Вологодской губернии для получения хлеба крестьян запирали раздетыми в холодные подвалы, пороли шомполами. В Костромской - секли плетьюми из проволоки. В Ветлужском и Варнавинском уездах, когда приезжало начальство, весь сход ставили на колени, иногда тоже пороли - "всыпьте им, пусть помнят советскую власть!" Повсеместно брали и расстреливали заложников. В Хвалынском уезде продотряд, приехав в деревню, первым делом заставлял истопить баню и привести самых красивых девушек. И приводили - от этого зависела судьба всех сельчан.

Ряд примеров приводит записка эсеров, поданная в ноябре 19-го в Совнарком. В Спасском уезде карательный отряд устраивал поголовные порки и публичные казни с сотнями расстрелянных. В Кирсаневском уезде арестованных крестьян запирали в хлеву с голодным хряком. В Моршанском - села сносились артогнем, имущество грабили, жителей расстреливали, некоторых арестованных зарывали живьем. В Пичаевском - сжигали каждый десятый двор, насиловали женщин. Как писал левый эсер Штейнберг, в Шацком уезде в связи с эпидемией испанки крестьяне

решили провести крестный ход с местной чудотворной иконой Богородицы. Арестовали и священников, и икону, начав над ней глумление. И люди пошли скопом вырывать святыню. По ним открыли огонь - "пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед; кричат: Матушка, заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем!"

Или вот другой характерный пример - прокурор Северной белой армии ген. Добровольский попытался внушить одному из крестьян-охотников, что уничтожать большевиков силками и капканами - неприемлемое и недостойное варварство. Но выяснилось, что деревню этого крестьянина погромил карательный отряд Мандельбаума, пытал жителей кипятком и зверски истребил половину из них, в том числе и всю семью охотника... По оценкам деникинской комиссии по расследованию большевистских преступлений только за 1918-19 гг. и только в результате красного террора в России было уничтожено 1 миллион 700 тысяч человек. Конечно, эти данные не могут быть точными, они содержат массу допущений, приближений, аппроксимаций известного на неизвестное. Но масштабы трагедии они отражают, и порядок цифр говорит сам за себя.

14. Российский исход

В конце 1919 - начале 1920 гг., с крушением белых фронтов, российская катастрофа перешла в новую страшную фазу. Исчезали последние области, где люди могли вести относительно нормальное существование, и миллионы беженцев, бросив все свое хозяйство, бросив родные места, устремлялись куда глаза глядят, в надежде спасти лишь собственную жизнь.

Армии Юденича довелось отступить не так много, к границам Эстонии. Но белогвардейцы и массы примкнувших к ним гражданских лиц нашли там

отнюдь не дружеский прием. Потому что Эстония еще во время наступления белогвардейцев на Петроград начала тайные переговоры с Москвой и фактически продала своих союзников, помогших ей освободиться от большевистского нашествия - решила такой ценой купить собственный суверенитет. И отступающие на ее территорию части стали разоружать, загоняя в концлагеря, где содержали даже не на положении интернированных или пленных, а заключенных - в худшем, ГУЛАГовском варианте. В официальном меморандуме, который Таллин направил в Верховный Совет Антанты, цинично обосновывалось: "Эстонское правительство не может допустить, чтобы столь большие массы кормились, не давая в обмен своей работы..."

Белых солдат и офицеров стали под конвоем гонять на лесоповал, на строительство и ремонт дорог, предоставляя погибать от непосильного труда, истощения и недоедания, мерзнуть и вымирать от болезней в нетопленых бараках...

А о положении гражданских беженцев очевидец свидетельствовал: "Русских начали убивать на улицах, запирали в тюрьмы и в концлагеря, вообще притеснять всеми способами. С беженцами из Петроградской губернии, число коих было более 10 тысяч, обращались хуже, чем со скотом. Их заставляли сутками лежать при трескучем морозе на шпалах железной дороги. Масса детей и женщин умерло. Все переболели сыпным тифом. Средств дезинфекции не было. Врачи и сестры при таких условиях также заражались и умирали. Вообще картина бедствия такова, что если бы это случилось с армянами, а не с русскими, то вся Европа содрогнулась бы от ужаса. Американский и датский Красные Кресты делали, что могли, но помочь в крупных размерах никто не мог. Кто был крепок - выдержал, остальные померли".

На Юге России исход был куда более массовым - жители Украины, Дона, Кубани познали на себе ужасы предыдущего красного нашествия и уходили прочь, только бы не остаться под большевиками. Один мощный поток, в котором совершенно затерялись отступающие части ген. Шиллинга, двинулся с Украины на Одессу. Уходили люди из Киева, Чернигова, Полтавы и других городов. А еще в 18-м, когда выезд на оккупированную немцами Украину был не таким уж трудным делом, тут скопились и граждане, всеми правдами и неправдами вырвавшиеся из Центральной России. И вот теперь все они ударились в бегство. Кто тащился на поездах, застревающих в пробках, кто на телегах, кто брел пешком. Все дороги были забиты этими толпами, они вязли в снежных заносах, а в оттепели в грязи, во множестве погибали от тифа, подвергались налетам махновцев и прочих местных банд.

Но и те, кому удалось преодолеть весь путь, спасения не нашли. Оборону Одессы наладить не удалось, а иностранные союзники обманули. Штаб французского главнокомандующего в Константинополе обещал обеспечить морскую эвакуацию, договориться с Румынией о пропуске войск и беженцев на ее территорию. Однако в критический момент пришло лишь несколько кораблей, которые поспешили отчалить при первой же близкой перестрелке, а когда многотысячная масса людей двинулась к румынской границе, их там встретили артиллерийским и пулеметным огнем - по толпе. И почти все беженцы угодили в лапы большевиков.

Здесь же разыгрывалась трагедия галичан. Они еще в 19-м заключили союз с Петлюрой, чтобы противостоять первому наступлению красных на запад. Но поскольку их части были на фронте, Польша нанесла удар в спину и аннексировала их Западно-Украинскую республику. Так что назад домой галицийским стрелкам

ходу не было - поляки объявляли их пленными и сажали в лагеря. А потом Петлюра вынужден был перейти под покровительство Варшавы, и галичане очутились вообще в критическом положении "солдат без родины". Они заключили было союз с деникинцами, однако те уже и сами отступали и терпели поражения. И остатки галицийских стрелков бродили по Украине неприкаянные и никому не нужные. Тиф почему-то стал для них особенно губительным, подчистую уничтожая части и подразделения. А крестьяне, опасаясь заразы, даже не пускали их в села, отгоняли из винтовок и пулеметов, травили собаками. Ну а те, кто уцелел, все равно попал в лагеря - только советские.

Еще один поток беженцев катился на Кубань и Новороссийск. Донские казаки, пережившие год назад геноцид, уходили целыми станицами, угоняли с собой скот, увозили нехитрый скарб. Бесконечные вереницы людей на повозках и пешком двигались обреченно и безнадежно, не задумываясь, куда и зачем только бы подальше от красных. Здесь тоже свирепствовал тиф, один за другим умирали даже генералы, что уж говорить о стариках, женщинах, детях? Замерзали и обмораживались в зимних степях, выбивались из сил, штабелями везли на телегах тифозных и простуженных, оставляя на обочинах бесчисленные могилы. А дальше в эти же потоки вливалось население северокавказских городов и станиц, вливалось кубанское казачество. Все это перемешивалось с армейскими частями, тылами, лазаретами, располагалось таборами где придется - по станицам, в Екатеринодаре, Новороссийске. Некоторым удавалось спастись. Другие, исчерпав возможности бегства, физические и моральные силы, останавливались в полной прострации ждать конца - уж какой будет.

Новый поток из десятков тысяч людей и огромных обозов, образовавшийся на Кубани, вышел через

Гойтхский перевал на Черноморское побережье и пополз в район Сочи. Где попал в тупик, так как Грузия их через границу не пропустила, заявив, что "не может подвергнуть молодую Грузинскую республику риску войны с Российским правительством". Прибрежный район был беден продовольствием, среди беженцев начался голод. Люди ели лошадей, кору, падаль. Кроме тифа, пошла косить народ и холера. Некоторых смогли вывезти в Крым, а подавляющее большинство в итоге тоже попало в плен к красным. Двигались потоки и поменьше. С Терека казаки, белогвардейцы и гражданское население уходило через зимние перевалы Кавказа, по Военно-Грузинской дороге. Еще одна часть беженцев тащилась по прикаспийским степям от Астрахани на Петровск (Махачкалу).

А одновременно разворачивалась катастрофа Уральского казачества. Армию ген. Толстова большевики прижали к Каспийскому морю, но северная часть его замерзла, и эвакуация морским путем стала невозможной. И был страшный исход казаков и беженцев на Форт-Александровск (Форт-Шевченко) по зимним солончакам и пустыням. Тысячи людей замерзли, погибли от голода, тифа и простудных заболеваний.

Ну а Сибирь этой зимой представляла вообще апокалиптические картины. Отступление Колчака началось еще в мае 19-го, и вместе с белыми стали уходить жители оставляемых ими мест. Ушла, например, значительная часть населения Ижевска и Воткинска, подвергшихся при прошлом взятии большевиками кровавым расправам. Потом присоединялись и жители уральских городов. Кто-то из них оседал в тыловых районах Сибири, другие двигались с пятящейся армией, и в течение всего лета и осени вместе с ней ползли беженские обозы, за каждой дивизией - 4-5 тыс. повозок. А в ноябре, с началом

эвакуации Омска, а за ним и Новониколаевска (Новосибирска), Томска, Красноярска и т. д., бедствие приняло всеобщий характер. На восток, набиваясь до отказа в вагоны, ринулись массы сибирских жителей, массы пристроившихся тут раньше беженцев, госпитали, учреждения администрации, тыловые службы.

Но Транссибирская магистраль находилась в руках "братьев"-чехословаков, подчиненных союзному командованию. После их отказа сражаться на фронте, им поручили охрану железной дороги, чтобы высвободить отсюда белогвардейские части для передовой. Чехи были отлично вооружены, полки их были свеженькими, набравшимися сил и отъевшимися на тыловых хлебах. За время пребывания в России они накопили сотни вагонов "трофеев", мечтая вернуться домой богатыми. И в критический момент они просто захватили магистраль, чтобы эвакуироваться самим и вывезти свое барахло. 18. 11. 19 г. ген. Сыровой отдал по чехословацкой армии приказ, провозглашавший "Наши интересы выше всех остальных". Предписывалось приостановить отправку русских эшелонов и не пропускать их, пока не проедут все части чехов со своим "имуществом". Тут же действия этих союзников вылились в откровенные бесчинства. Поезда с беженцами и ранеными останавливали, загоняли в тупики и отбирали у них паровозы. 121 эшелон все битком набитые людьми, встали на путях обездвиженные. У тех, кто застрял на крупных станциях, еще были шансы выжить. А те, чьи паровозы отцепили на глухих полустанках и разъездах посреди тайги, оказались обречены на замерзание и смерть от голода и тифа. Вымирали целые вагоны и эшелоны, превращаясь в братские могилы. На беспомощные неподвижные поезда нападали партизаны и просто

распоясавшиеся крестьяне, грабили и убивали пассажиров.

Остатки колчаковских войск чехи на железную дорогу тоже не пускали, и разгромленные части с обозами беженцев двинулись по старому Сибирскому тракту - пешком, на санях и телегах, 2 тыс. километров в зимние морозы. Шли и ехали, пробиваясь сквозь снежные заносы и пургу, массами погибая от тифа, обморожений, воспаления легких.

А следом продвигалась Красная Армия, и навстречу потянулся другой страшный поток. Многие белые солдаты в таких условиях не выдерживали и сдавались в плен. Но большевистское командование предпочло даже не возиться с ними, и, разоружив, их отпускали "домой". Без литеров на проезд, без аттестатов и продовольствия. Пешком - обратно через всю Сибирь. Крестьяне из-за тифа их в дома не пускали, а то и отбирали теплые вещи. И тысячи солдат в рваных сапогах и шинелях, больные и обмороженные, брели кое-как по шпалам. Падая от усталости или присев отдохнуть, уже не вставали. Набивались в нетопленые здания вокзалов, укладываясь вповалку на полу - и значительная часть больше не просыпалась. Тайком залезали на буфера вагонов, на тормозные площадки - и оставались там окоченевшими трупами или падали под колеса.

А вдобавок ко всему, по Сибири загуляла кровавая анархия. Едва пала колчаковская власть, весь край взорвался заговорами, бунтами, мятежами. А из тайги полезли озверелые партизаны, устраивая погромы на станциях и в беззащитных городах. Как вспоминал очевидец, профессор А. Левинсон: "Когда саранча эта спускалась с гор на города с обозами из тысячи порожних подвод, с бабами - за добычей и кровью, распаленная самогонкой и алчностью граждане молились о приходе красных войск, предпочитая

расправу, которая поразит меньшинство, общей гибели среди партизанского погрома... Ужасна была судьба городов, подобных Кузнецку, куда Красная Армия пришла слишком поздно".

Особенно жуткие формы приняла партизанщина в Приамурье. Здесь в сентябре 18-го сомкнулись белые фронты, двигавшиеся вдоль железной дороги от Читы и Владивостока, и в тайгу ушли остатки Красной Гвардии - той самой, уголовного состава. За полтора года скитаний по медвежьим углам они совершенно одичали, превратившись в банды громил и убийц, окончательно потерявших человеческое обличье. Пленных здесь даже не расстреливали, а швыряли толпе на растерзание. Зверски убивали пойманных горожан, объявляя "буржуями" или "шпионами", в деревнях резали богатых крестьян или просто не понравившихся, подвернувшихся под горячую руку. Терроризировали национальные меньшинства, бурят и тунгусов. Захватив Хабаровск и Благовещенск и учинив в них жестокую мясорубку, эта масса разделилась. Одна часть, где сохранилось хоть какое-то подобие дисциплины, во главе с Лазо двинулась на Владивосток. Другая, вобравшая в себя самых отпетых, направилась "освободить" низовья Амура.

Возглавили эту орду уголовник Яков Тряпицын, и Нина Лебедева-Кияшко та, что в 18-м была заместительницей Лазо по работе с блатными. Поход даже по меркам гражданской войны сопровождался чрезвычайными зверствами. Поголовно, вместе с семьями, уничтожались все "буржуи", под коими понималась сельская интеллигенция - учителя, врачи, священники, агрономы. Убивали всех людей "городского" вида - в основном, беженцев, надеявшихся пересидеть в глубинке смутное время. Убивали сельских старост и богатых крестьян - как "мироедов". Колчаковские гарнизоны, пытавшиеся сдаться или

перейти на сторону красных, разоружали и полностью расстреливали. Да пожалуй, только их и расстреливали, а разрозненные жертвы по селам забивали как придется - после всяческих надругательств рубили холодным оружием, проламывали головы, резали, топили в проруби, а то и просто оставляли связанными на морозе. Даже тем, кого казалось бы, обвинить совершенно не в чем, вроде членов семей или таких же, как она сама, вчерашних гимназистов и гимназисток, Лебедева выносила смертные приговоры "за пассивность в революции" и с шуточками отдавала на забаву своим громилам. В феврале эта "армия" вступила в Николаевск-на-Амуре и провозгласила создание независимой "Дальневосточной Советской республики", что вылилось в повальные грабежи и резню жителей. Вояками бандиты Тряпицына были никудышными, и едва японцы высадили против них десант, бежали, не приняв боя. Но на месте Николаевска японские войска застали лишь огромное пепелище и обгоревшие остовы нескольких каменных зданий. А 15-тысячное население города было уничтожено почти полностью.

Зимой 1919-20 гг. все пространство от Урала до Тихого океана превратилось в огромное царство смерти. В тифозных бараках "благополучного" Челябинска валялось 5 тыс. больных, а "неблагополучного" Новониколаевска 70 тыс. За ними почти и не ухаживали, разве что у кого родные или знакомые найдутся. Под карантин отводили несколько зданий, а то и целые кварталы, куда стаскивали всех заболевших и предоставляли им подышать или выжить если очень повезет. От тифа вымирали целые деревни, расположенные вдоль дорог и зараженные войсками. Транспорт был разрушен, снабжение городов прекратилось. Трупы лежали на улицах, на станциях, их никто не убирал только стаскивали с проезжей части, чтоб не мешали, а вагоны и эшелоны с мертвецами

отгоняли в тупики. Смерть стала настолько обычным явлением, что люди, например, по характерным трупам находили на станциях свои вагоны или объясняли, как пройти по такому-то адресу - "до старухи с мальчиком и налево". И естественно, с началом оттепелей это вызывало новые бедствия и новые эпидемии, повсюду расплзалась трупная вонь - хотя люди и к этому привыкали, не замечая густого смрада.

Но вот что стоит отметить особо - "цивилизованный" Запад в это время вовсе не поднимал скандалов и возмущения по поводу "гуманитарной катастрофы" или "нарушений прав человека" в России. Хотя это вовсе не было тайной. Существовали уже упоминавшиеся доклады британских представителей Эльстона и Элиотта, существовал доклад Красного Креста о зверствах в Киеве, существовали материалы деникинской комиссии о преступлениях большевиков, при участии представителей Антанты были задокументированы зверства в Прибалтике, среди иностранных солдат, офицеров и членов союзных миссий было много свидетелей истинного положения дел. Но система "двойных стандартов" работала очень четко. В процитированном выше свидетельстве о бедствиях беженцев в Эстонии содержится весьма характерное сравнение русских с армянами. Действительно, весь мир с возмущением говорил и писал об ужасах армянского геноцида, учиненного турками в 1915 г. Но только стоит иметь в виду, что великие державы в этот период как раз нацеливались усилить свое влияние на Ближнем Востоке, находившемся под властью Османской империи. И разумеется, такой яркий предлог для антитурецкой политики им пришелся очень кстати.

А вот на ужасы в России официальные круги Европы и Америки предпочли закрыть глаза. И хваленое "общественное мнение" тоже, поскольку оно во все

времена регулировалось и настраивалось средствами массовой информации. А в данном случае протестовать и возмущаться политикам и деловым сферам Запада показалось невыгодным. Наоборот, крушение белых правительств стало толчком к сближению с большевиками. Естественно, не из симпатий к их учению, а из собственных меркантильных интересов. Европу лихорадили послевоенные кризисы, поэтому торговля с Россией представлялась панацеей от многих экономических бед, ее гигантский рынок выглядел ой как привлекательно, тем более что его предстояло осваивать заново, что сулило сверхприбыли для тех, кто урвет кусок первым.

И в январе 1920 г. английский представитель в Верховном Экономическом Совете Антанты Э. Уайз составил меморандум "Экономические аспекты британской политики в отношении России", где доказывалось, что "продолжение гражданской войны и блокада России отрезает от остального мира громадные продовольственные и сырьевые ресурсы и является одной из главных причин высоких мировых цен". Он писал, что советская сторона контролирует основные сырьевые и промышленные области России, в связи с чем дальнейшая ее блокада становится невыгодной. 7. 1. 1920 г. лорд Керзон распространил меморандум Уайза среди членов британского кабинета, а через неделю Ллойд-Джордж приступил к обсуждению данного вопроса в Верховном Совете Антанты. Свои предложения он усиленно мотивировал еще и тем, что "когда будет установлена торговля с Россией, большевизм уйдет". И 16. 1. 20 г. Верховный Совет по докладу Уайза постановил "разрешить обмен товарами на основе взаимности между русским народом. и союзными и нейтральными странами".

А к белогвардейцам, еще продолжавшим сопротивление, одно за другим посыпались

предложения (вплоть до ультимативных) о "мирном урегулировании" на условиях "амнистии". Что весьма красноречиво показывает и суть пресловутого западного культа права. Ведь по всем юридическим нормам амнистироваться может только виновная сторона. То есть, из соображений собственной корысти западные правительства даже готовы были косвенно признать виновными вчерашних союзников по фронтам мировой войны, пытающихся отстоять свою страну от узурпаторов, заливших ее кровью.

Однако большевиков реверансы Антанты в тот момент не очень интересовали. Потому что военные успехи опять рассматривались ими в качестве пролога к мировой революции. И вторая попытка в данном направлении началась вполне успешно. В Средней Азии были аннексированы Хивинское ханство и Бухарский эмират - прежде находившиеся под протекторатом России, но остававшиеся самостоятельными государствами. Советские войска вторглись в Закавказье, а оттуда на инерции наступления ворвались и в Иран. Размещенные здесь английские части позорно бежали, даже не вступая в бой, и в северных провинциях Персии была провозглашена Гилянская Советская республика. Председателем ее "временного революционного правительства" стал местный авантюрист Кучек-хан Мирза. Кстати, а одним из его советников являлся Яков Блюмкин, убийца посла Мирбаха - он стал комиссаром штаба "Гилянской рабоче-крестьянской красной армии" и членом ЦК компартии Ирана.

В связи с этим интересно отметить, насколько исторические подтасовки и исправления сказываются порой в самых различных областях науки и культуры даже в литературоведении. Так, Есенин, разъезжавший в гражданскую войну по стране в составе "литературного поезда им. Луначарского", среди тех

мест, где он побывал в 1919-20 гг. во всех своих автобиографиях упоминает и Персию. Но ни в одном исследовании о его жизни и творчестве данный факт не отражен, и принято считать, будто на самом деле он в Иране не был, только стремился туда. Всего лишь из-за того, что потом из истории был тщательно изглажен сам факт существования Гилянской республики. Хотя на самом деле получается, что поэт там все же побывал в 1920 г., и конечно, пользовался там покровительством Блюмкина. И как раз отсюда пошла тяга Есенина к Персии, ярко проявившаяся несколько лет спустя.

В Баку коммунисты созвали Конгресс народов Востока, на который насобирали деятелей самого различного толка - социалистического, национального, панисламистского, пантюркистского, вроде бывшего премьера Турции Энвера - лишь бы были "антиимпериалистическими" и соглашались сотрудничать с советской властью. Однако главным направлением экспорта революции оставалось западное, и тут коммунистам очень кстати подвернулась война с Польшей. Точнее, длилась она с 1919 г., с первой попытки прорыва красных на Запад. Но Польша-то, собственно, боролась не против большевизма, а вела собственную игру. Имея прекрасно вооруженную и отмобилизованную армию, она не поддержала Деникина и Юденича в период их решающих сражений, поскольку опасалась возрождения прежней России больше, чем Ленина. Выставляла непомерные территориальные претензии, требуя Курляндию, Литву, Белоруссию, часть Украины. И в один прекрасный момент вообще прекратила вдруг боевые действия, заключив перемирие с красными. Позволила им снять с фронта почти всю 12-ю армию и бросить ее во фланг войскам Деникина, наступавшим на Москву, что и стало одной из причин его поражения.

А вот после разгрома Вооруженных Сил Юга России Варшава сочла, что настал благоприятный момент удовлетворить свои аппетиты за счет восточного соседа, заключила союз со слабым правительством Петлюры, по которому Украина попадала в фактическую зависимость от поляков, и нанесла мощный удар красным. Но реакция стран Запада оказалась тоже весьма многозначительной. Польшу они отнюдь не рассматривали в качестве силы, способной сбросить ленинский режим. И успехи ее вызвали в руководстве держав Антанты больше озабоченности, чем радости. Как уже отмечалось, они в тот момент считали более выгодным начало торговли с Советами, поэтому тут же предложили себя в качестве миротворцев. 4. 5. 20 г. лорд Керзон обратился с посланием к Ленину, обещая посредничество Англии в прекращении войны на очень мягких условиях. Граница России и Польши устанавливалась бы по так называемой "линии Керзона" - которая примерно совпадала с последующей границей, установленной после Второй мировой. Т. е. полякам, выходявшим на подступы к Киеву и Одессе, предстояло бы очистить все захваченные области. Кроме того, от Советов требовалось прекратить наступление в Закавказье (ну понятно, это уже касалось британской "сферы интересов"). А с белогвардейцами Врангеля большевикам опять предлагалось... сесть за стол переговоров! На условиях "почетной сдачи" Крыма.

И конечно, в период польских побед Ленин на все согласился. Ну а полякам такое миротворчество сослужило плохую службу. Они остановили продвижение, расслабились, а большевики подтянули против них многократно превосходящие силы и обрушились общим наступлением. И снова начался трагический исход населения! Теперь повозки и пешие толпы беженцев устремились на запад с бегущими

польскими частями. А перед большевиками, одерживающими победу за победой, опять, казалось, лежала вся Европа! В Белостоке образовалось новое "правительство" Польши в составе Мархлевского, Дзержинского, Прухняка, Кона и Уншлихта. В Тернополе возникло такое же "правительство" Галицийской Советской республики во главе с Затонским.

А за Польшей лежала вожделенная Германия - разоруженная и возмущенная условиями Версальского мира, все еще не успокоившаяся после собственной революции, сотрясаемая то попытками путчей, то забастовками - которые активно начали раздуваться и подпитываться советской агентурой. Только в августе 20-го компартии Германии на развитие революционной работы было выделено более 2 млн. марок (В это же время 100 тыс. руб. золотом отстегнули на работу в странах Азии, а компартии Англии - 10 тыс. фунтов на пропагандистскую поддержку). За Галицией, куда наносился вспомогательный удар, красных ждала Венгрия, пребывающая в таком же состоянии. На Западном фронте началось формирование 1-й польской Красной Армии, и Дзержинский уже прорабатывал вопросы мобилизации в нее польского населения. Здесь же была создана Отдельная Спартаковская бригада из немцев. И Тухачевский прямо объявлял в приказе по войскам фронта: "На штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир! Вперед на Запад! На Варшаву! На Берлин!"

Дальнейшее хорошо известно. Новые миротворческие ноты Керзона категорически отвергались. Ленин заявлял теперь, что "у нас хотят вырвать из рук посредством жульнических обещаний победу..." и требовал от своих полководцев "ускорить распоряжение о бешеном усилении наступления". А в результате этого "бешеного усиления" красные войска зарвались и получили "чудо на Висле". Только обычно

забывается важный фактор - в решающий момент сражения за Польшу войска Врангеля оттянули на себя 14 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий. Причем лучших, отборных дивизий. И уже 5. 8. 20 г., в разгар наступления на Варшаву ЦК РКП(б) вынужден был признать "Кубано-Врангелевский фронт" главным, направляя все подкрепления сюда, а не на Запад. Что и сделало возможным "чудо на Висле".

"Отблагодарили" русских белогвардейцев в полной мере. Едва отразив красное нашествие и пользуясь тем, что большевики озабочены угрозой Врангеля, Польша поспешила заключить выгодный для себя Рижский мир, отхватив Западную Украину и Западную Белоруссию. А о своих союзниках - и о фактических, каковыми стали врангелевцы, и о юридических, каковым был Петлюра, при этом просто "забыли", предоставив коммунистам сосредоточить против них все силы и добивать, как считают нужным. Ну а когда белогвардейцы, дважды спасшие Европу от ужасов новой большой войны, были вышвырнуты за рубеж, они встретили там только черствость и холодное равнодушие. Впрочем, этот аспект я уже достаточно подробно описывал в "Белогвардейщине".

Между прочим, в ликвидации красного прорыва в Иран важную роль тоже сыграли русские белогвардейцы. Из-за советско-польской войны и требований Керзона приток подкреплений сюда прекратился, и дела в Гилянской республике были пущены на самотек. Сперва этим воспользовался Кучек-хан, которому надоело ходить в подручных Москвы. Он решил властвовать сам и разогнал навязанную ему "компартию". А тем временем организовалась сила, способная противостоять ему. Один из местных аристократов, Реза-хан Пехлеви, в Мировую войну служил в русской казачьей бригаде, начав с унтер-офицерского чина. Он близко сошелся с казаками,

искренне любил их и стал своим в их среде. И из казаков-эмигрантов, очутившихся в Персии, он сформировал теперь свою бригаду, с которой и раскатал в пух и прах "Гилянскую Советскую республику". После чего, кстати, эта бригада стала его личной гвардией, и, опираясь на нее, он совершил переворот, став сначала военным министром и премьером, а потом и шахом Ирана.

15. Тотальная зачистка

Обычно в исторической литературе явление "красного террора" увязывается с гражданской войной - из чего следует вывод, что по окончании противостояния "красные-белые" и кровавый беспредел большевиков стал сходиться на нет. Но реальным фактам это противоречит. Как было показано выше, террор по стране был развязан еще до начала активных боевых действий и независимо от них. А после разгрома белых он, наоборот, в каждой местности принимал такой размах, что все ужасы военного времени оказывались лишь "цветочками" по сравнению с этой вакханалией. То есть, выступал он даже не средством устрашения или подавления противников, а просто физического истребления той части населения, которая не вписывалась в ленинские схемы "нового общества" и потому была для планов коммунистического строительства "лишней" помехой.

Так, когда рухнул Северный белый фронт, "освобожденный" край был отдан на расправу садисту Кедрову. Из-за природных условий - замерзшего моря, отсутствия дорог - тут белогвардейцам и эвакуации наладить не удалось, из всей армии спаслось лишь 2,5 тыс. чел., остальные - более 20 тыс., угодили в плен. Из полуторатысячного отряда офицеров, пытавшихся пешей колонной уйти из Архангельска на Мурманск, более 800 были расстреляны почти сразу. Других загнали в лагерь, созданный в Архангельске и стали

истреблять постепенно и планомерно. Пошли и мощные чистки среди гражданского населения. На уничтожение обрекали и "буржуев", под которыми понималась интеллигенция, и людей, так или иначе сотрудничавших с белыми и английскими властями, и крестьян, которые на Севере, в основном, сочувствовали белым.

По свидетельствам очевидцев, было много расстрелов мальчиков и девочек 12-16 лет - Кедров всегда был "неравнодушен" к детям, и по его приказу на улицах стали хватать гимназистов, идущих на учебу. Происходили и публичные казни - днем, на площади у завода Клафтона. Но затем все же сочли, что прилюдно творить такие дела не стоит, да и вообще в Архангельске расправы подобных масштабов слишком на виду получаются. И место для массовых экзекуций выбрали более глухое - в Холмогорах. Здесь был готовый добротный лагерь для пленных, построенный еще при англичанах, и в него начали переправлять обреченных на уничтожение.

Первую партию в 1200 офицеров Кедров погрузил на две баржи, и когда они пришли в Холмогоры, приказал открыть огонь из пулеметов. 600 чел. было перебито. Зверствовала и его супруга Ревекка Пластинина - она лично расстреляла 87 офицеров и 33 гражданских, потопила баржу с 500 беженцами и солдатами, учинила расправу в Соловецком монастыре, после которой в сети рыбаков попадались трупы утопленных монахов. И даже когда была прислана комиссия из Москвы под руководством палача Эйдука и увезла некоторых арестованных для допросов в ВЧК, она добилась, чтобы их вернули, и уничтожила. Планомерные казни шли всю весну и лето. Корреспондентка газеты "Голос России" сообщала - "раздевши, убивают на баржах и топят в море". К концу лета Архангельск называли "городом мертвых", а

Холмогоры "усыпальницей русской молодежи", и газета "Революционная Россия" свидетельствовала: "Интеллигентов почти уже не расстреливают, их мало".

И когда в сентябре было решено провести "день красной расправы" (в годовщину постановления о красном терроре), то из местных жителей даже не набралось подходящего количества жертв - расстреляли 200 крестьян и казаков, присланных в Холмогорский лагерь с юга.

Весной 20-го массовые расправы прошли в Восточном Казахстане. Здесь остатки отрядов Анненкова, Дутова и Щербакова отступали в Китай. Но сразу было ясно, что на чужбине придется очень тяжело, поэтому солдатам и казакам, многие из которых были с семьями, командиры обычно предоставляли свободный выбор - уходить или вернуться домой. И белогвардейцы сотнями поворачивали назад, в Россию. Однако обратные дороги были уже перекрыты, и их ждали красные карательные команды. Требовали сдать оружие, потом отводили в какое-нибудь подходящее ущелье и ставили под пулеметы или рубили шашками, разбивая на партии по 100-120 чел. Кроме женщин и девочек, которых перед общей экзекуцией отделяли, чтобы пустить по кругу, а уже потом приканчивали холодным оружием самыми зверскими способами, с глумлением и издевательствами. Четвертовали, вскрывали животы, рубили и кололи, установив для этого жертвы в непристойные позы. Всего здесь было истреблено около 4 тыс. чел., в живых каратели не оставляли никого. Но происходило это слишком близко от границы, а местные жители - пастухи, торговцы, контрабандисты, кочевали туда-сюда, натыкались на места избиений с массами незахороненных трупов, и история получила довольно широкую и нежелательную для большевиков огласку.

Ну а на Юге после разгрома Деникина террор тоже всплеснулся гигантской волной. Когда красные взяли Ростов, "не понравившихся" и "подозрительных" просто рубили на улицах. А госпиталь, где осталось 40 белогвардейцев, сожгли вместе с ранеными. Для руководства "зачисткой" сюда прибыл Петерс, и под его началом пошла крутая расправа. Станицы в этот раз почти не трогали - помнили прошлогоднее восстание, да и большинство казаков ушли с белыми. Но по захваченным донским городам катились повальные обыски, массовые аресты, и большинство схваченных обрекалось на смерть. В Ростовской ЧК казнили по 50-100 чел. ежедневно, иногда расстрелы шли круглосуточно. Под общую гребенку попадали и старики, и подростки. Было здесь и много беременных - офицеры и чиновники, чьи жены находились на сносях, часто не рисковали брать их с собой в тяжелую зимнюю эвакуацию. А для чекистов это становилось однозначным доказательством "связи с белыми", причем на расстрел по такому признаку отправляли и совершенно случайных женщин - беременность при отсутствии мужа, что в условиях войны получалось нередко, уже становилась достаточным основанием для смертного приговора. На местном чекистском жаргоне такие жертвы называли "гусынями" за характерную походку, и "потрошить гусыню" считалось интересным развлечением, вносящим разнообразие в поток обычных приговоренных. Петерс часто лично присутствовал при экзекуциях, и сам тоже расстреливал, а по свидетельствам красноармейцев, он приехал в Ростов с сыном, мальчиком лет 8-9, и тот всюду бегал за ним, крутился в смертных подвалах и постоянно приставал к отцу: "Папа, дай я!"

На полную мощь машина террора заработала в Одессе, где, как было указано, красным удалось захватить большое количество беженцев. 1200

офицеров, взятых тут в плен, были сосредоточены в концлагере, большевики основательно подготовили акцию массового расстрела, и 5. 5. 20 г. всех уничтожили. Аналогично поступили с пленными галичанами. После тщательной подготовки был учинен единовременный расстрел сдавшегося Тираспольского гарнизона. А галичан, находящихся в Одессе, собрали на товарной станции с женами и детьми якобы для отправки на родину, загнали в огороженное пространство и перебили из пулеметов. Ну а кроме таких массовых экзекуций шла повседневная, "будничная работа" - истребляли беженцев, попавшихся в облавах, брали по доносам тех, кто служил у белых или по каким-то причинам не устраивал красных. Фабрика смерти представляла собой настоящий закрытый "чекистский городок", где для палачей имелись все удобства - свое кафе, своя парикмахерская, свой кинематограф. И процедура умерщвления тут была отлажена, как на фабрике. Отобранных в очередную партию людей после объявления приговора сразу раздевали, голым вешали на шею дощечку с номером и заводили в общее помещение для ожидания. А дальше вызывали по номерам. За ночь казнили обычно по 30-40 чел., хотя иногда доходило до 200-300, а трупы вывозились за город на грузовиках.

Работали несколько смен палачей, и среди них в Одессе были свои знаменитости. Например, негр Джонстон, который славился своим умением сдирать кожу с людей, перед расстрелом рубил руки и ноги - такое порой тоже практиковалось "для разнообразия". Была и молодая женщина Вера Гребеннюкова по прозвищу "товарищ Дора", она зверствовала при допросах, вырывала волосы, резала уши, пальцы, конечности. И по слухам, за два с половиной месяца одна расстреляла 700 чел. Был латыш Адамсон, любитель предрасстрельных изнасилований, и

уродливая латышка по кличке "Мопс", ходившая в коротких штанах с двумя наганами за поясом - ее "личный рекорд" составлял 52 чел. за одну ночь. Славился своими развлечениями и председатель ЧК Саджая, действовавший под именем "доктор Калинин". На празднование своих именин он приказал привести трех самых толстых "буржуев" и тут же убил их с крайней жестокостью. А всего в Одессе в 1920 г. только по красным официальным данным было казнено 7 тыс. чел., по неофициальным - 10-15 тыс. За первые два месяца 1921 г., согласно чекистскому отчету - еще 1418...

Так же, как раньше в Киеве, широко осуществлялись различные провокации. Например, действовала некая баронесса Штерн, якобы прибывшая из Константинополя и предлагающая переправить туда всех желающих. Деньги и ценности при этом требовалось передать на хранение этой Штерн, после чего доверившегося арестовывали. Потом стала работать новая "крыша" "Статистический отдел наркомздрава РСФСР", где подвизались чекисты Заковский, Михайловский и Ксения Михайловская. Она ловила неосторожных на фиктивную подпольную организацию, распространяя "белые прокламации" и предлагая деньги на поддержание "сочувствующим", после чего и сдавала их.

Вероятно, то же самое, что в Архангельске или Одессе, ожидало захваченных на Сев. Кавказе, но здесь многих пленных спасла война с Польшей. Точнее, подарила отсрочку, и их под лозунгами защиты Отечества от внешнего врага стали брать в Красную Армию. Но и здесь пошла "зачистка", хоть и в меньших масштабах. В Новороссийске периодически объявлялся "день тюрьмы", когда жителям запрещалось выходить из домов, и производились облавы и аресты. В Ставрополе прошла кампания показательных казней за

"недоносительство", под которую попали семьи тех, кто не сообщил о своих скрывающихся родственниках. 60 чел. женщин, стариков и детей 15-16 лет были зарублены шашками. В Пятигорске всех врачей и медсестер за оказание помощи раненым казакам подвергли публичной порке. А в Екатеринодаре зверствовал Георгий Атарбеков, который однажды зарезал даже собственную секретаршу у себя в кабинете. Он занимался и "усмирением" горцев, переезжая из аула в аул, где, по словам очевидцев, "забивал людей как скот на бойне". Когда в августе 1920 г. на Кубани высадился десант Врангеля, Атарбеков учинил массовую расправу над заключенными екатеринодарских тюрем, в ходе которой было уничтожено около 2 тыс. чел. Одних выводили по 100 на мост через Кубань и косили из пулеметов, других пачками расстреливали в тюремном дворе. В течение осени тут было казнено еще более тысячи арестованных.

Но все до сих пор известные масштабы перехлестнул террор после взятия Крыма. Еще в период боев за полуостров Фрунзе предложил амнистию и свободный выезд сдающимся, но Ленин строго одернул его и потребовал "расправиться беспощадно". Хотя параллельно предпринимались все усилия, чтобы поменьше белогвардейцев и гражданских лиц эвакуировалось за рубеж распространялись провокационные листовки об амнистии за подписью РВС армий и ген. Брусилова, слухи об окончании красного террора. И многие действительно оставались, а другие просто не смогли выехать - количество беженцев в Крыму накапливалось всю войну. На собрании московского партактива 6. 12. 1920 г. Ленин цинично заявил: "В Крыму сейчас 300 тысяч буржуазии. Это - источник будущей спекуляции, шпионства, всякой

помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим".

Это "переваривание" началось сразу после победы. Так, командарм 2-й Конной Миронов докладывал о 10 тысячах вырубленных "отступающих". Хотя на самом деле белые войска он так и не догнал, и его кавалерия рубила кого попало. Истребляли больных и раненых в захваченных лазаретах. Но и это была лишь стихийная фаза. А для организованных расправ вся власть в Крыму была передана "особой тройке" из председателя Крымского ВРК Бела Куна, секретаря обкома партии и его любовницы Розалии Землячки и председателя ЧК Михельсона. И Кун заявил, что "Крым - это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выйдет". Для успокоения населения было объявлено, что победивший пролетариат великодушен и мстить не собирается. Но "горловины" полуострова запечатали кордонами - выезд разрешался только за личной подписью Бела Куна. А потом вышел приказ об обязательной явке всех офицеров на перерегистрацию. Всех явившихся арестовали - и пошла мясорубка. В первую же ночь в Симферополе было расстреляно 1800 чел., в Феодосии - 420, в Керчи - 1300, в Севастополе - свыше 1600, а во второй день - 1200, в санаториях Алупки - 272 - и больных, и медперсонал.

Мгновенно террор перекинулся и на мирное население. К примеру, в Севастополе казнили 500 портовых рабочих, помогавших грузить белые суда. Хватали членов семей, медсестер, врачей, учителей, юристов, священников. По городам пошли повальные облавы с систематическим оцеплением и прочесыванием жилых кварталов. Агенты ЧК и особотделов шныряли по улицам, задерживая людей просто по признаку хорошей одежды. Потом пошли аресты по анкетам всем лицам старше 16 лет предписывалось ответить на 40-50 вопросов, а через 2

недели явиться со своей анкетой в ЧК для "собеседования". Если же вместо собеседования человек сбежит, расстреливали его родных.

Массовые казни первых дней сочли вскоре неудобными и стали выводить партиями по 60-80 чел., две партии за ночь. Одну пригоняли днем и заставляли рыть могилы, потом запирали в сарай до темноты, раздевали "до крестика" и расстреливали. Вторую партию, чтобы не возиться в потемках с вещами и не гонять за ними телеги, часто заставляли все с себя снять еще в тюрьме, и очевидцы наблюдали из окон страшные картины, как колонну голых мужчин, женщин, стариков и подростков, сбившихся в кучу от мороза и холодного ветра, гнали по улицам за город. В ямы заставляли ложиться, "под равнение", слой живых на слой мертвых, и полосовали пулеметной очередью. Иногда раненых добивали потом камнями по голове, иногда так и засыпали полуживыми. Но не только расстреливали. В Керчи устраивали "десанты на Кубань" - вывозили в море и топили. В Севастополе сотни человек были повешены - по Нахимовскому проспекту, Приморскому бульвару, Екатерининской и Большой Морской в качестве виселиц были использованы все деревья, столбы, даже памятники. Офицеров обычно вешали в полной форме, штатских - в белье. При допросах применялись жуткие пытки - скорее, не для получения каких-то ответов, а как метод садистской расправы. Забивали битое стекло в задний проход, ставили горящие свечи под половые органы...

Хватали для расстрелов матерей, жен и детей, которые шли к местам экзекуций искать своих. И "белогвардейское семя" тут тоже искореняли, поэтому казнили и беременных, и женщин с грудными детьми - например, целую партию таких приговоренных расстреляли в Симферополе за еврейским кладбищем и даже оставили непогребенными их обнаженные трупы.

А палачи проводили время в постоянных оргиях, глушили себя вином, развратом и разгулом. По свидетельствам современников, всплывших потом на Лозаннском процессе, каждый из карателей имел по 4-5 любовниц из числа заложниц, жен расстрелянных, пленных медсестер - не согласиться, значило самой пойти на казнь. Хотя и подневольное согласие спасения не гарантировало. Выбор у убийц был большой, и они запросто обновляли свои "гаремы". Могли, скажем, в ходе пьянки и групповухи поразвлечься и разыграть по списку своих подруг, поставив наугад кресты напротив фамилий. И тех, на кого попало, прямо после оргии вели на расстрел вместе с очередной партией.

По данным ген. Данилова, служившего в штабе 4-й красной армии, с ноября 1920 по апрель 1921 гг. в Крыму было истреблено более 80 тысяч человек. И. С. Шмелев в показаниях Лозаннскому суду называл еще большую цифру - 120 тысяч. Хотя противоречия тут может и не быть, поскольку кроме систематических казней налагались другие факторы. При отсутствии медицинского обеспечения свирепствовали эпидемии. А так как подвоз продуктов был прекращен, а выезд запрещен, вскоре людей начал косить голод, в результате которого стало погибать и доходить до людоедства даже местное татарское население, не говоря уж о беженцах. И многих арестованных не расстреляли, а отправили в лагеря - но по сути, тоже на смерть.

А вслед за Крымом пришло "освобождение" Грузии. Тут действовали уже упоминавшиеся лица - Петерс, Атарбеков, Панкратов. В первую же ночь после взятия Тифлиса на Соборной площади было казнено 300 чел. - и мужчин, и женщин, и грузин, и русских. Потом стали расстреливать примерно по 100 чел. в сутки - вывозили за город, строили шеренгами на краю приготовленной ямы, а палач Шульман с несколькими помощниками шли

вдоль ряда и стреляли в затылки, останавливаясь для перезарядки. Всего в ходе этой волны репрессий было уничтожено около 5 тыс. чел.

Но смерть гуляла не только по "освобождаемым" районам. В Елисаветграде (Кировоград) прошла кампания по выявлению родственников белогвардейцев, в ходе которой на расстрел отправляли даже детей 3-5 лет. В сентябре 1920 г. в Смоленске случился мятеж - казнили 1200 чел. В Вологде 20-летний председатель ЧК творил суд и расправу, сидя в кресле на берегу реки - после допроса приговоренного заталкивали в мешок и кидали в прорубь. В Сибири решили устроить "соревнование" за экономию патронов - и вместо расстрелов разбивали головы железной колотушкой. В Кунгуре зверствовал чекист Гольдин, заявлявший: "Для расстрела не нужно ни доказательств, ни допросов. Мы находим нужным и расстреливаем, вот и все".

В Екатеринбурге наводили ужас палачи Тунгусков, Хромцов и латышка Штальберг, в Киеве - Шварц, Дехтяренко, Лифшиц, Шварцман, в Полтаве Иванов, Заборенко и матрос Гуров - он вел свой "личный счет", достигавший 3 тыс. казненных, в Армении - Мясникян, в Баку - председатель трибунала Хаджи-Ильяс, который сам выносил приговоры и сам приводил их в исполнение, чекисты Панкратов и "товарищ Люба". Массовые репрессии шли здесь на о. Нарген, где были истреблены самыми жуткими способами сотни представителей интеллигенции и рабочих.

Ну и конечно, на полном ходу машины террора действовали в столицах. Например, когда в феврале 1920 г. советское правительство объявило вдруг об отмене смертной казни (сделало демонстративный реверанс в ответ на реверансы Запада), то накануне этой отмены за одну ночь в Питере было уничтожено 400 чел., в Москве - более 300. Как вспоминал потом

Мельгунов, "не успевали тогда перевозить голые трупы людей, расстрелянных в затылок, на Калитниковское кладбище". Ну а о самой отмене вскоре и забылось фактически, она и не реализовалась. В Москве с сентября по декабрь 1920 г. казнили 1,5 тыс. чел: (по советским данным), за первые три месяца 1921 г. 4300. Расстрелы шли в специально оборудованных больших помещениях с асфальтовыми полами, стоками для крови и смывными шлангами. В Петрограде за 1920 г. истребили свыше 5 тыс. чел. А в феврале-марте 1921 г. грянул мятеж в Кронштадте - при его подавлении расстреляли 2103 повстанца. Да еще 1400 заложников в Питере и Ораниенбауме. У здешних палачей тоже практиковались "развлечения" в виде охоты на людей. Французская писательница-коммунистка Одетта Кен, приехавшая в Совдепию из лучших побуждений, но арестованная по подозрению в шпионаже, рассказывала потом, как ночью из камеры взяли два десятка "контрреволюционерок". "Вскоре послышались нечеловеческие крики, и заключенные увидели в окно, выходящее во двор, всех этих 20 женщин, посаженных голыми на дроги. Их отвезли в поле и приказали бежать, гарантируя тем, кто прибежит первыми, что они не будут расстреляны. Затем они были все перебиты".

Повсеместно получили распространение и фиктивные расстрелы - иногда в качестве пытки, а иногда просто издевательства. Человеку объявлялся приговор, вместе с очередной партией обреченных вели на казнь, заставляли с ними раздеться и присутствовать при их умерщвлении, дожидаясь своей очереди, а потом оставляли в живых. Отсюда, кстати, и сохранилось так много свидетельств о подробностях большевистских расправ. Такие случаи имели место и в Питере, где водили на расстрел арестованных по "делу кооператоров", и в Москве, где дважды пугали

американца Каламатиано, Александра и Марию Фриде, осужденных по "делу Локкарта", а писательница О. Колбасина сообщала о фиктивных расстрелах женщин, которыми "баловался" следователь Романовский. Зафиксирована подобная практика и в Одессе, где баронесса Т-ген ждала казни в большой группе приговоренных, но когда расстреляли всех, в том числе и ее мужа, ей уже "у стенки" объявили о помиловании и освобождении. И велели вымыть кровь в помещении. Отмечалось такое и в Саратове, когда двух молодых женщин привезли к страшному оврагу, наполненному трупами, заставили раздеться на ноябрьском холоде и потребовали "в последний раз" признаться, где их родственники. В Грузии фиктивные расстрелы устраивали для арестованных социалистов. А в Екатеринодаре Корвин-Пиотровского не только самого несколько раз мучили таким образом, но и разыгрывали расстрел жены и 10-летней дочери - рыли могилу, приказывали готовиться, выводили обнаженными на край ямы, подносили револьверы к затылкам. И стреляли поперек голов...

Но происходило не только "окончательное решение" в отношении "буржуев". Ведь в это же время, во второй половине 20 - первой половине 21 гг. по всей стране разлились мощные крестьянские восстания. И кстати, во многом такой размах определялся именно окончанием гражданской войны. Ведь прежде все трудности, беды и необходимость лишений объявлялись временными, и оставалась надежда, что с победой над белыми все встанет на свои места. Но когда становилось ясно, что продрозверстка, репрессии и прочие ужасы с войной не связаны, и являются постоянной и целенаправленной политикой коммунистов, люди не выдерживали. Тамбовскую и часть Воронежской губерний охватила "антоновщина", Левобережную Украину - "махновщина",

Правобережную Украину контролировали самостоятельные "батьки" различного толка. Западносибирское восстание под руководством эсера Родина прокатилось по Омской, Тюменской, Екатеринбургской, Челябинской и Оренбургской губерниям. Другой очаг мятежа захлестнул Алтайскую и Томскую губернии. На Урале восстание Сапожкова, в Башкирии - сначала движение "Черного орла", потом З. Валидова. Восстали Дагестан, Армения. В Туркестане развернулось басмаческое движение. Много повстанческих отрядов действовали на Кубани, Сев. Кавказе, Дону, в Карелии, Крыму, Белоруссии.

А подавлялось все это, не считаясь ни с какими жертвами. На Тамбовщине брали сотнями заложниц, крестьянских жен с детьми. Приказ оперштаба тамбовской ЧК от 1. 9. 1920 г. гласил: "Провести к семьям восставших беспощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их. Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество".

Возмущенные отклики на такие меры попадали даже в советские газеты. Так, тамбовские "Известия" сообщали, что 5. 9 было сожжено пять сел, 7. 9 казнено 250 чел. "Расстреливали и детей, и родителей. И мы найдем засвидетельствованные и такие факты. Расстреливали детей в присутствии родителей, и родителей в присутствии детей".

Но какие могли быть возмущения, если этого требовал сам Ленин. Например, о восстании на Тамбовщине он 19. 10. 1920 г. писал Дзержинскому и командующему войсками ВОХР Корневу: "Скорейшая (и примерная) ликвидация безусловно необходима".

В ПСС можно найти аналогичные его телеграммы на Урал, на Украину и в другие регионы.

Обычные части Красной Армии против крестьян оказывались ненадежными, для подавления бросали полки "интернационалистов", командные курсы, отряды ЧОН (части особого назначения) - добровольные формирования из коммунистов и комсомольцев, отряды из профессиональных палачей - чекистов, трибунальцев, особотдельцев, освобождающиеся после ликвидации фронтов и повальных чисток занятых областей. Ну а из армии отбирались "верные" соединения, уже отличившиеся при расправах. И карательные акции, как и требовал Ильич, шли "примерные". В Бузулуке было расстреляно 4 тыс. повстанцев, в Чистополе 600, в Елатье - 300, в Арской волости Казанского уезда ставили крестьян на колени партиями по 30 чел. и рубили головы шашками. При подавлении Колыванского восстания в Томской губернии казнили 5 тыс. чел., в Уфимской губернии по официальным данным 10 тыс., а по неофициальным - 25 тыс., в Азербайджане в Елисаветпольской губернии (Гянджа) - 40 тыс. Приказ № 69 по Киевскому округу предписывал "применение массового террора против зажиточных крестьян вплоть до истребления их поголовно". Сотни людей были перебиты в Харьковской губернии, только в одном селе Валковского уезда насчитывалось 140 жертв. А на Правобережной Украине по большевистским официальным данным было убито и расстреляно свыше 10 тыс.

Как разоружали крестьян Левобережной Украины, описывает в своих мемуарах П. Григоренко. В село приходил карательный отряд, назначал 7 заложников и давал 24 часа для сдачи оружия. Потом шли с обыском. Находили обрез - возможно, подброшенный специально, - заложников расстреливали, назначали еще семерых и давали еще 24 часа. По воспоминаниям генерала, тот

отряд, который орудовал у них, ни в одном селе не расстреливал меньше трех партий. В районах действия махновцев по приказу Фрунзе из числа крестьян назначали "ответчиков", которые были обязаны под страхом смерти, своей и близких, предупреждать власти о действиях повстанцев, следить за исправностью железных дорог и линий связи.

А вот приказ № 116 от 23. 6. 21 г. за подписями Антонова-Овсеенко и Тухачевского: "Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу чистки. Намечаются особенно бандитски настроенные волости, и туда выезжают представители уездной политической комиссии, особого отдела, отделения военного трибунала и командования вместе с частями, предназначенными для проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60-100 видных лиц в качестве заложников, и вводится осадное положение. Выезд и въезд в волость должны быть на время операции запрещены. После этого собирается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полномочной Комиссии ВЦИК № 130 и 171 и написанный приговор для этой волости. Жителям дается 2 часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через 2 часа. Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично, и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желаящие исполнить это разбиваются на сотни, и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию (представители особого отдела и военного

трибунала). Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства проводятся новые расстрелы и т. д. По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей, и отправляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция. Настоящее полномочная комиссия ВЦИК приказывает принять к неуклонному исполнению".

Этот же метод применялся и в более жутких формах. Скажем, один из карательных отрядов, действовавший в Томской губернии ставил перед сельским сходом колоду с воткнутым топором. И бросали жребий - на кого попадет, независимо от пола и возраста. Если никто не пожелает спасти жертву и сообщить о дислокации повстанцев, рубили голову и бросали жребий на следующего. А в некоторых селах под Тюменью женщин, чьи их мужья ушли к "бандитам", привязывали к лавкам и начинали сечь на глазах детей и родных. И засекали до смерти, если она или ее близкие не выдадут отца семейства. Впрочем, кровавый разгул карателей повсюду выплескивался в крайних формах жестокости. Жгли людей в домах и сараях, вешали, распинали. В Сибири сажали на муравьиные кучи или привязывали к деревьям отдавая на расправу таежному гнусу. В Карелии пленных повстанцев тащили за лошадью по пенькам просеки. В Туркестане - клали под копыта коней. В Керенске при допросах запирали в раскаленную баню. В Воронежской и Орловской губерниях пытали кипятком, а зимой замораживали, обливая водой на морозе. В Малоархангельском уезде сажали на раскаленную плиту. В Николаеве и Луганске тоже замораживали, допрашивали с помощью плоскогубцев, игл, резания тела бритвой. На Алтае и

под Павлодаром пускали обреченных бежать и гонялись за ними верхом, рубя шашками. В Петропавловске изуродованные трупы заложников выставлялись для устрашения на базаре, в мясных рядах.

Поскольку среди приговоренных оказывалось много женщин, то во всех местностях стали обычными групповые изнасилования перед расстрелом. Например, С. Е. Трубецкой в своих мемуарах описывает, как с ним в одной камере оказался комиссар, подавлявший восстание на Урале и осужденный за какую-то провинность. Он отнюдь не стеснялся расписывать свои "подвиги": "Мы эту гидру выжигали каленым железом", - то есть казнили всех подряд. Расстрелы производились в каком-то овраге. "Девки и молодки подвернулись как на подбор красавицы, - говорил комиссар. - В самом соку, значит. Прямо жаль расстреливать. Ну, думаю, им все равно умирать, зачем же им перед концом ребят не утешить... одну и самому себе выбрал. Вас, говорю, от этого не убудет. Ну а они и слышать не хотят, кричат, ругаются, ну прямо несознательные. Ничего не поделаешь, согласия не дают, чего, думаю, на них, контрреволюционерок, смотреть... мы уж без согласия". "Что же, потом вы их расстреляли?" "А то как же, - ответил комиссар. - Все как полагается, мы свое дело знаем, ни одна не ушла".

А на Тамбовщине, если среди повстанцев попадались настоящие, партийные эсерки, то их ради пущего унижения перед смертью не только насиловали, но еще и секли.

Повсеместно применялись для усмирения и коллективные порки - в качестве "профилактической" меры. И массовые фиктивные расстрелы, считавшиеся весьма эффективным средством, чтобы "образумить" крестьян на будущее. Сгоняли все население деревни за околицу, окружали солдатами и заставляли рыть себе могилы. Разрешали помолиться перед смертью,

потом приказывали снимать одежду и в одном исподнем или в чем мать родила строили всех от мала до велика перед пулеметом. Преднамеренно тянули время, то давая несколько минут на прощание между собой, то переставляя и перестраивая так и эдак, неторопливо выверяли прицел, зачитывали длинный приговор. После чего давали очередь вверх и объявляли, что советская власть в последний раз их прощает. Или заменяли кару на более мягкую - телесное наказание, расстрел каждого десятого и т. д. Предполагалось, что после такого испытания бунтовать больше не потянет... А в 1925 г., когда в Германии разразился скандал по поводу секретного сотрудничества с СССР, в немецкой военной прессе всплыл факт об экспериментах с боевыми отравляющими веществами, проводившимися на Украине над арестованными повстанцами при участии Фрунзе. Правда, этот факт так и остался недоказанным.

16. Глубины ада

Страшное дно той пропасти, в которую свалилась Россия, обозначилось отнюдь не в 1918-19 гг., не в разгар гражданской войны - тогда страна еще "цеплялась", еще боролась с напастью и сохраняла надежду выползти. Дно открылось в период с конца 1920 по 1923 гг., в годы "мирного строительства". Потому что это было строительство по ленинской модели, а велось оно по ленинским рецептам и ленинскими методами. Пошла буквальная реализация той самой схемы государства-машины, которая была описана в книге "Государство и революция" со всеобщей трудовой повинностью, поднадзорной жизнью, работой за хлебную пайку и "быстрым и серьезным наказанием" за малейшее отклонение. Как выразался теоретик партии Бухарин: "Принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки

коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи".

И уже в 20-м после ликвидации большинства фронтов была сделана попытка перевести освобождающиеся войска на положение "трудовых армий". Тогда это не удалось из-за рецидива войны, но сама идея вовсе не оспаривалась. И в марте 1921 г. на X съезде РКП(б) Троцкий строил планы: "С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность караться тюрьмой и смертью. А чтобы принуждение было менее тягостным, мы должны быть четкими в обеспечении инструментом, инвентарем..."

Правда, и здесь для немедленной полномасштабной реализации этих планов возникли объективные препятствия. Гигантскую Красную Армию, сокращаемую с 5 млн. до 800 тыс., вместо перевода на подневольную работу пришлось распустить по домам - демобилизуемые солдаты бунтовали, дезертировали, а в обстановке бушующих крестьянских восстаний становились взрывоопасной массой. Да и просто некуда было приложить труд таких огромных контингентов в условиях разрухи и повальной безработицы.

Но кое-какие меры в данном направлении все же принимались. Так, на Кубани в 1921 г. прошла кампания "изгнания буржуев" - несколько сот семей в порядке трудовой повинности было мобилизовано и выслано в Петровск на принудительные работы на рыбных промыслах. Во многих городах на улицах отлавливали женщин и мобилизовывали на службу в лазаретах (тифозных). Из Москвы несколько эшелонов "человеческого материала" было направлено в принудительном порядке на Урал. Можно вспомнить и

героическое строительство железной дороги подневольными "добровольцами", описанное Островским в "Как закалялась сталь" - такое осуществлялось не только под Киевом, но и везде, где потребность в рабочей силе все же возникала. Да и оставшаяся армия переводилась на "территориальный принцип формирования". Впоследствии этот принцип был смещен и трансформирован в "военную" сторону, когда наркомвоенном вместо Троцкого стал Фрунзе. А изначально "территориальные части" создавались примерно по образцу аракчеевских военных поселений только, пожалуй, покруче, - с выполнением трудовых и хозяйственных задач при сохранении воинской структуры, субординации и дисциплины.

На том же X съезде принцип государственной "хлебной пайки" подтвердил и Ленин: "Свобода торговли немедленно приведет к белогвардейщине, к победе капитализма, к полной его реставрации".

Впрочем, через неделю после этих слов он от них уже отказывался, провозгласив нэп и замену продразверстки продналогом. Просто его напугал Кронштадт. Хотя на самом деле разделаться с восстанием оказалось гораздо проще, чем с белыми армиями, но тут надо заметить, что часто Ильич сам пребывал в плену собственных догм и умозаключений. Поэтому противостоять "горстке эксплуататоров" он считал возможным. А вот стихийного народного взрыва он боялся - вроде Февральской революции. Он ведь ее в свое время даже предугадать не смог, и всего за месяц до нее заявлял на собрании молодежи в Цюрихе, что, наверное, его поколение до грядущей революции не доживет.

Что же касается самого "ленинского нэпа", то впоследствии в историческую литературу была внедрена грубая подтасовка. Отмену политики "военного коммунизма" Ильич считал вовсе не

закономерным шагом, последовавшим в связи с окончанием войны. И вовсе не полагал, что продразверстка с хлебной монополией выполнили свою роль, и поэтому можно их похерить, допустив некоторую свободу торговли. Отказ от "военного коммунизма" он воспринимал как отказ от строительства коммунизма вообще, как такового. Потому что в его модели хлебная монополия и распределительное снабжение были не вспомогательной хозяйственной мерой, а одним из главных политических принципов. И одним из главных рычагов функционирования "нового общества".

Бажанов в своих воспоминаниях приводит рассказы Стасовой и других приближенных к вождю лиц о том, как тяжело переживал Ленин введение нэпа он считал это полным поражением. И допускал лишь в качестве временной, вынужденной меры. И хотя в пропагандистских целях он и говорил, будто НЭП "всерьез и надолго", но, например, в письме Троцкому от 21. 1. 22 г. высказывался более откровенно - "государственный капитализм в государстве с пролетарской властью, может существовать лишь ограниченный и временем, и областью распространения, и условиями своего применения, способам надзора за ним и т. д." А в марте 22 г. на XI съезде партии вождь прямо заявил, что отступление, длившееся год, закончено, и задача теперь - перегруппировка сил. И как раз на этом съезде в рамках нового закручивания гаек он и выдвинул на пост генсека Сталина. Ну а что завершить "перегруппировку сил" и осуществить возврат на рельсы "военного коммунизма" ему не удалось - так это уже не от Ленина зависело, его вскоре инсульт хватил.

Неверным является и установившееся мнение, будто замена продразверстки продналогом явилась решающим фактором в умирении крестьянства. Во-

первых, большевикам на слово уже не верили - нэп был провозглашен в марте, а к лету зеленое движение только сильнее развернулось. Во-вторых, продналог сам по себе был очень тяжелым, и его тоже сплошь и рядом выколачивали из крестьян порками, наездами карателей, взятием заложников. Скажем, в Саратове при сборе продналога произошел бунт и 58 чел. расстреляли. А в-третьих, его не везде и вводили. Во многих местностях - на Урале, в Сибири, на Украине объявили, что крестьяне "задолжали" советской власти за время пребывания под белыми, и продолжали собирать продразверстку вплоть до 1922 г. Нет, решающими факторами, позволившими подавить крестьянское сопротивление, стали террор - и голод.

Он явился прямым следствием ленинской продовольственной политики. Ведь на юге России и в Поволжье урожайные годы всегда сменялись неурожайными, но первые создавали запасы хлеба для вторых. А в 1918-20 гг. все запасы выгребались продотрядами. И достать продовольствие жителям бедствующих областей оказалось тоже негде - по всей стране крестьяне были отучены выращивать больше, чем нужно самим, все равно отберут. И когда в 1921 г. после суровой зимы, поморозившей озимые, грянула еще и засуха, разразилось бедствие. Голод охватил не только Поволжье, как почему-то принято считать. Катастрофа распространилась на всю Левобережную Украину, Крым, Центрально-Черноземный район, часть Урала. Зона сплошного бедствия, где люди доходили до каннибализма и глодали кору, включала в себя 12 губерний, а в соседних местностях деревни хоть и не вымирали, но тоже приходилось несладко. Однако можно заметить, что для большевиков это оказалось очень даже кстати - в таких условиях в лес с обрезом не побежишь. Например; на Украине именно голод

вынудил Махно уходить из своих "исконных" районов, а потом и вовсе лишил его подпитывающей базы.

И если толчком к катастрофе послужили природные явления, то последствия усугублялись вполне сознательно. 1. 6. 21 г. вышло постановление Совета Труда и Оборона (читай - Ленина) "О прекращении беспорядочного движения беженцев". На станциях и дорогах выставлялись кордоны, всем органам власти категорически запрещалось выдавать пропуска на выезд из голодающих областей. Население запиралось там на гибель - так же, как произошло в "запертом" Крыму зимой 20-21 гг. И никакой централизованной помощи этим областям оказано не было. В ПСС Ленина мы не найдем ни одного указания об организации такой помощи. Не вышло на этот счет ни одного правительственного постановления. Не гнали сюда эшелонов с продовольствием, как в гражданскую в Москву или Питер. Не имитировал голодных обмороков наркомпрод Цюрупа. Так что, наверное, не случайно срывались и саботировались попытки зарубежных организаций - комиссии Нуланса, фонда Нансена, АРА, наладить поставки продовольствия, и не случайно был разгромлен общественный Комитет помощи голодающим в России. На деле это была блокада пострадавших районов, в которых, по разным оценкам, вымерло 5-6 миллионов человек. Но и массовое крестьянское сопротивление прекратилось - одни недовольные погибли, силы других были подорваны.

Ну а поскольку эти недовольные и потенциально недовольные вымирали сами собой, полным ходом шло "мирное строительство" нового государства. Громоздилось оно по ленинским схемам бюрократической пирамиды, где указаниями сверху должен был регулироваться и регламентироваться каждый винтик, и уже к 1922 г. численность аппарата составила 2,5 млн. "совслужащих" - в 10 раз больше,

чем чиновников в царской России. Постановлением "О материальном поощрении активных парработников" жизненные блага распределялись по рангам - так же, как в древней империи инков. Узаконена была пресловутая "номенклатура" - около 20 тыс. "ответственных работников". А нижним ярусом, на который опиралась вся эта махина, стала густая и всепроникающая сеть домкомов, завкомов, партячеек, парторгов - то самое царство всемогущих и вездесущих "швондеров", которое так красочно описал Булгаков.

Важнейшей составляющей частью государственной машины стала структура террора. И если с продрозверсткой Ленин вынужден был пойти на "отступление", то рычаги карательной системы отнюдь не ослаблялись. 17. 10. 21 г. в докладе "Новая экономическая политика и задачи политпросветов" Ильич подчеркивал: "... Мы должны сказать, что должны погибнуть либо те, кто хотел погубить нас, и о ком мы считаем, что он должен погибнуть, и тогда останется жить наша Советская республика, либо наоборот, останутся жить капиталисты и погибнет республика. В стране, которая обнищала, либо погибнут те, которые не могут подтянуться, либо вся рабоче-крестьянская республика. И выбора здесь нет так же, как не должно быть никакой сентиментальности. Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество". А в феврале 22 г. в письме к Сокольникову указывал, что "новая экономическая политика требует новых способов, новой жестокости кар".

Правда, в связи с выходом на международную арену и новыми реверансами Запада в сторону Советов пришлось в январе 1922 г. преобразовать ВЧК в ГПУ, вроде бы, лишенное прав "внесудебной расправы". Но часть функций тут же была передана трибуналам, и в том же январе вождь пишет заместителю Дзержинского

Уншлихту о реорганизации их работы в этих условиях: "Гласность ревтрибуналов - не всегда; состав их усилить "вашими" людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу их репрессий, усилить внимание ЦК к этому. Малейшее усиление бандитизма и т. п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте".

А уже в апреле без лишнего шума ЦК постановил вернуть ГПУ "право непосредственного расстрела на месте бандитских элементов, захваченных на месте совершения ими преступления". Ну и все, кого требовалось к стенке поставить, пошли под "бандитов". А в мае, работая над проектом первого советского Уголовного кодекса, Ленин разъяснял наркомюсту Курскому: "Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого". И лично перевел шесть статей в разряд подрасстрельных, а одну сам сформулировал и добавил - пропаганду и агитацию, содействующую или способную содействовать "мировой буржуазии".

И в 1921-23 гг. размах репрессий ничуть не уступал ужасам гражданской, разве что сведений о них стало просачиваться меньше. Так, в Киеве в Педагогическом музее была устроена выставка исполкома - достижений за 1921 г. Там был и стенд ЧК с диаграммой расстрелов. Наименьшее количество за месяц составило 432. В Полтаве в это же время председатель ГубЧК Иванов рассказывал Г. Беседовскому: "Каждую пятницу мы рассматриваем теперь до 300 дел и расстреливаем не менее 100 человек. Это - законный процент. Недавно мы получили примерную инструкцию из Харькова из Всеукраинского ЧК. Там прямо говорится, что

"наблюдаемый темп роста сопротивления эксплуататоров дает основание повысить процент расстреливаемых до 30".

В Феодосии расстреливали гимназистов и гимназисток - "за связь с зелеными", а в Евпатории - мусульман "за контрреволюционные собрания в мечети". Сотни заложников истребляли в Новороссийске и Екатеринодаре. В Питере объявили о переводе 600 заключенных в Кронштадт, посадили на баржу и утопили. Один выплыл, он-то и поведал об этом злодеянии. В Одессе, Екатеринославе, Харькове в ноябре 1921 расстреляли в одну лишь кампанию 5 тыс. чел. - "в порядке красного террора". В Смоленске инспирировали заговор в пользу Польши - арестовали 1,5 тыс., значительную часть пустили в расход.

В 1922 г. кампания террора прошла вдруг в захудалом Проскурове, казнили 200 чел. - девять смогли бежать и рассказали об этом. А в Киеве была арестована венгерка Ремовер - за... самовольные казни. Она отбирала просто подозреваемых, вызванных в ЧК свидетелей, пришедших с ходатайствами родственников арестованных, которые имели несчастье ее возбудить, отводила их подвал, раздевала и убивала. Ее признали душевнобольной, но обнаружилось это, когда она уже успела прикончить 80 чел. - а раньше в общем потоке приговоренных даже не замечали. В Одессе объявили о раскрытии "морского заговора", уничтожили 260 чел. В Симбирской губернии за найденные воззвания Антонова - 54. В Майкопе расстреляли 68 женщин и подростков - родственников "зеленых". По Москве только за апрель было казнено 348 чел., а в ночь с 7 на 8 мая - 164. В Питере за январь-февраль - 200. По Харьковской губернии за май - 209. В августе 1922 по разным городам прошли массовые аресты интеллигенции. В 1923 г. "усиление террора" было провозглашено и в Белоруссии, и в Минске

каждый день вывешивали списки казненных на 40-50 чел. В Петрограде расстреляли 32 женщины за недоносительство на мужей и сожителей. Комиссия ВЦИК, производившая в этом году ревизию ГПУ, выявила 826 "самочинных", т. е. ничем не обоснованных случая расстрелов, а сколько было признано обоснованными и правомерными, умалчивается...

Сотрудник эмигрантской газеты "Руль" попытался оценить количество жертв террора за 1921-22 гг. По тем данным которые были известны, высчитал среднее количество расстрелов на одно карательное учреждение (получилось 5 чел. в день) и перемножил на общее количество таких учреждений (по числу губерний и уездов). Вышло 1,5 миллиона казней в год. Разумеется, метод подсчета очень грубый, и результат наверняка сильно отличается от действительных цифр, но дает представление о самих масштабах творившегося в России беспредела. Ясно, что речь идет, по крайней мере, о сотнях тысяч жизней.

Пытки и истязания были обычным явлением. Например, в московском ревтрибунале всплыло скандальное дело о том, как допрашиваемых сажали в лед. В 1921 г. посыпались жалобы на следователя МЧК Буля (впоследствии крупная шишка в ОГПУ), истязавшего арестованных. Он демонстративно подал в отставку, заявив, что без этого бороться с "контрой" невозможно. И Менжинский бучу замял, разрешив сотруднику продолжать в том же духе. В 1922 г. разразился скандал в Ставрополе. Тут применялись сдавливание черепа ремнем, "холодный подвал" - яма, в которую сажали раздетого заключенного, "горячий подвал" - крохотная каморка, куда два десятка человек набивались впритирку и оставлялись на 2-3 дня задыхающимися от жары. Местный трибунал даже начал следствие по данному поводу, но начальник ГПУ Чернобровый предъявил секретный циркуляр из

Москвы, разрешавший "особые" средства, если обычные не помогают признанию. Стал достоянием гласности случай в Екатеринодаре, где учительницу Домбровскую, на которую донесли, что у нее спрятано золото, истязал следователь Фридман (впоследствии тоже большой начальник). Сперва ее изнасиловала вся бригада, начиная с Фридмана, потом стали надрезать обнаженное тело ножом, терзать щипцами, отдавливаться плоскогубцами особо чувствительные места, кончики пальцев. А когда она дала требуемые показания, расстреляли. "Венчики" со сдавливанием головы были зафиксированы и в Москве, и в Тифлисе, и на Сев. Кавказе, в Баку ставили на сутки босиком на битое стекло и гвозди, в Питере в 1922 г. существовал целый арсенал пыток - сжимали половые органы, держали в кандалах, сажали в одну камеру с сумасшедшим, использовали "пробковую камеру", прижигание, замораживание, а в 1923 г. даже "Известия" поместили материал о бесчинствах в Омске, где людей пороли и поливали горячим сургучом.

Были и другие формы репрессий. Так, концлагеря существовали еще с 1918 г. Но в то время они еще не были "лагерями" в сталинском смысле. Это были просто придатки тюрем или филиалы тюрем. И порядки в них устанавливались тюремные, и попадали в лагерь или в тюрьму, в основном, в зависимости от того, где еще место осталось. И перевод из тюрьмы в лагерь и обратно был вопросом чисто техническим, а не юридическим. В 1921-22 гг. эти лагеря продолжали сохраняться во всех мало-мальски значимых городах. Скажем, в заштатной Кинешме - на тысячу заключенных, в Омске - на 25 тыс. Но с 1920 г. возникла и начала действовать еще и другая система - Северные Лагеря Особого Назначения. Впоследствии аббревиатура СЛОН была перенесена на Соловецкие Лагеря Особого Назначения, первые очаги ГУЛАГа, но

изначально таких лагерей было два - Архангельск и Холмогоры, и их сущность была совершенно иной. Ведь по ленинской схеме государства-машины вся страна должна была стать большим подобием ГУЛАГа с принудительным трудом за кусок хлеба. А все "лишнее" подлежало просто физическому уничтожению. И смысл добавки "особое назначение" (точно так же, как в названии "части особого назначения", что подразумевало карателей) был в том, что туда присылали для заведомого расстрела. Это были лагеря смерти. Опыт Кедрова по массовым расправам с остатками Северной армии и населением края показался удачным, информация из этих глухих мест наружу почти не просачивалась, и сюда стали слать обреченных с Дона, Кубани, Украины, Туркестана.

Лагерь в Архангельске стал перевалочным пунктом, тут тоже расстреливали, но относительно немногих. Зато периодически формировались партии для отправки в Холмогоры, и вот там-то истребляли всех подчистую. И расправы здесь приняли такой размах, что память о них из рассказов старших поколений сохранилась у некоторых здешних жителей до сих пор. Особенно много жертв потекло сюда после взятия Крыма - слали эшелон за эшелонами. Причем получалась трагическая неразбериха. В Крыму, особенно после того, как прошли первые волны повальных казней, и убийцы пресытились кровью, стали подходить более "разборчиво" - одних определяли "в расход", а тех, чья "виновность" выглядела меньше - в лагерь. Самым легким наказанием считалось направление в лагерь, специально созданный в Рязани. Но из-за того, что он был "близким", этапы туда гнали пешком, и они вообще не доходили до места. Едой осужденных не обеспечивали, они быстро выбивались из сил, да и конвоирам не улыбалось топтать тысячу километров. И весь этап расстреливали где-нибудь в степи, списав

трагедию на тиф. Северные Лагеря считались "дальними", туда заключенных слали железной дорогой. Везли долго, и многие погибали в пути. Погибали и на последнем пешем перегоне в 80 км до Холмогор - по снегам и морозу, зачастую без теплой одежды. Но тех, кто со всеми мытарствами и добирался до лагеря, все равно ждала смерть. Тут уже не разбирались в "виновности" и уничтожали всех подряд.

Среди этих обреченных было много женщин, пожилых людей, детей - ведь их-то и ссылали в лагерь, когда их родственников-мужчин расстреливали еще в Крыму. Сперва, как летом и осенью, в Холмогорах пытались продолжать массовые казни на реке, но это не заладилось - пулеметы на северном морозе заедало. И для мясорубки был выбран так называемый "белый дом" - отдельно стоящая усадьба недалеко от лагеря. В нем и отладили работу конвейера смерти. Каждый день отбиралась партия к уничтожению, пригонялась сюда, запиралась по подвалам и сараям и постепенно "перерабатывалась". Группа за группой заводилась в "предбанник" для раздевания, после чего проходила в расстрельный зал, где в тепле и со всеми удобствами трудились палачи несколько бригад, сменяющих друг друга. Жертвам приказывали встать на колени - прямо на еще теплые тела только что убитых, и приканчивали, чтобы они падали новым слоем. А в "предбанник" в это время уже запускали следующих. По данным А. Клингера, сидевшего в Архангельском лагере и чудом оставшегося в живых, только за январь-февраль 1921 г. в "белом доме" было перебито 11 тыс. чел. И данные эти, видимо, точные - он имел доступ в лагерную канцелярию, да и сам общался с участниками расправ. Сходятся они и с другими источниками, согласно которым в Холмогорах ежедневно отбиралось на смерть 200 чел.

Захоронить такую массу трупов в промерзлой земле оказалось невозможно, и их просто сваливали в одну кучу - образовалась жуткая гора тел, видная издалека. Любопытно, что и для многих местных жителей лагерь в это время стал источником средств к существованию. Все богатое хозяйство Холмогор было разрушено, баркасы рыбаков и охотничьи ружья конфискованы, консервные фабрики и торговые представительства закрылись. И было налажено что-то вроде "челночного бизнеса" - чекисты сбывали оборотистым бабам одежду, белье и обувь казненных, а те развозили по разным городам и продавали на базарах. Впрочем, этих "отходов производства" оставалось столько, что по воспоминаниям Клингера, в первые годы существования Соловков сюда для заключенных тоже слали белье расстрелянных из Холмогор.

Лагерные палачи чувствовали себя настоящими хозяевами города, жили на широкую ногу, прочно оккупировали единственную гостиницу и трактиры, где шли постоянные пьянки и оргии. Набирали себе гаремы из обреченных женщин, а то и несовершеннолетних девочек. Но это были еще не блатные лагерные "шмары", завоевавшие привилегированное положение - здесь женщин хватало в избытке, и любовницы начальства получали лишь отсрочку. Ими обменивались, на них играли в карты, над ними измывались и отправляли на расстрел, едва начнут приедаться. Например, позже, на Соловках, надзиратель Новиков славился тем, что обязательно насиловал всех женщин, попадавших под его начало - а принялся он за это "коллекционирование" еще в Холмогорах, где на каждую ночь выбирал новую наложницу, наутро отправляя ее в "белый дом".

А когда крымские "буржуи" иссякли, пошли в Северные Лагеря новые контингента. Сюда прислали 5 тыс. кронштадтцев. Потом пошли эшелоны из областей

крестьянских восстаний. И снова, в основном, старики, женщины, дети. Скажем, применялся такой метод - оцепляли колючей проволокой участки голого поля и сгоняли туда семьи повстанцев. Приказ Тухачевского № 130 от 12. 5. 21 г. вводил "Дополнение к правилам о взятии заложников": "... Семья уклонившегося от явки забирается как заложники, и на имущество накладывается арест. Если бандит явится в штаб Красной Армии и сдаст оружие, семья и имущество освобождаются от ареста. В случае же неявки бандита в течение двух недель семья высылается на Север на принудительные работы, а имущество раздается крестьянам, пострадавшим от бандитов".

Никаких "принудительных работ" на Севере в то время не было. Были лишь Архангельский и Холмогорский лагеря, куда эти бабы с детьми попадали на убой. Ну а процесс их "переработки" по теплomu времени стал гораздо легче снова пошли в ход пулеметы, забулькали потопляемые баржи.

Для большевистского террора находился все новый и новый "материал". Безжалостно подавлялись любые формы протеста. Скажем, в Казани забастовали рабочие, требуя 8-часового рабочего дня. Расстреляли 60 чел. В Екатеринославе забастовали железнодорожники - 51 казненный. Забастовка в Елисаветграде - 55 расстрелов... Под репрессии попадали тысячи "возвращенцев" - тех, кого советская пропаганда обещаниями амнистии заманила обратно из эмиграции. Покончив с белыми офицерами, взялись и за "красно-белых", т. е. таких, кого в гражданскую по тем или иным причинам оставили в живых, и кто успел послужить в Красной Армии. Так, после разгрома Колчака 950 офицеров направили в Москву на "политические курсы красных командиров" - опытные кадры были нужны для войны с Польшей. Но после заключения мира надобность в них отпала, и курсы

всем составом отправили в Екатеринбург в концлагерь. Брали и вообще "чисто-красных" например в августе 21-го объявили вдруг перерегистрацию командного состава Балтфлота. И 300 бывших офицеров, которые всю гражданскую были на красной стороне, тоже загребли в лагеря. А вслед за "буржуями" пришел черед и социалистов. Их и в гражданскую периодически репрессировали, но все же они были союзниками против "контрреволюции". Теперь же эти союзники стали больше не нужны. 28. 12. 21 г. пленум ЦК РКП(б) фактически объявил вне закона партию эсеров, и пошел повальный террор против них. А 1923 г. началась "ликвидация меньшевиков", в мае их было арестовано более 3 тыс., в июле прокатилась вторая волна репрессий.

Но казнили и отправляли за решетку не только "контру" или оппозицию. Громоздкая машина советского государства всюду буксовала и работала на холостом ходу и из-за некомпетентности сотрудников, и из-за общего развала в стране, и из-за бездумных распоряжений и сплошной межведомственной неразберихи. И отлаживалась эта система тоже по-ленински, "быстрыми и серьезными наказаниями". Расстреливали "за взятки", "за бесхозяйственность", "за спекуляцию", "за саботаж", "за экономическую контрреволюцию". Как и "за доноительство" обо всех этих преступлениях. И те же "совслужащие" с "совбарышнями", зачастую случайные, выхваченные наугад, по таким обвинениям сотнями шли к стенке и тысячами в тюрьмы. Так, в 1921 г. прошли аресты по злоупотреблениям в жилотделах, в одной Москве взяли более тысячи человек, многих расстреляли. Было дело медработников, дававших освобождения от службы - казнили 20 врачей и 120 получивших у них справки. В октябре 1922 г. прошла "неделя борьбы с взятками", одних железнодорожников арестовали несколько

тысяч. Были многочисленные репрессии по делам Лесного треста, компании "Унион", Госторга, Гукона, Главмортехозупра, налогового ведомства, учреждений народного образования.

Впрочем, человеческая жизнь обесценилась настолько, что казнили и за совсем смехотворную "вину". В Москве расстреливали за продажу вшивого белья - в целях борьбы с тифом. Точно так же расстреливали беспризорников, заразившихся сапом. Во многих городах прокатилась репрессивная кампания борьбы с венерическими заболеваниями - устраивались облавы на проституток, предписывалось проводить их освидетельствование, и тех, у кого обнаружен сифилис, расстреливать. Правда, настоящие проститутки зачастую умели откупаться и налаживать взаимовыгодные контакты с чекистами, так что порой - например, в Одессе, даже сифилитички тут же оказывались на свободе, а вместо них "для галочки" пускали в расход случайных женщин, взятых где-нибудь на базаре. В Иваново-Вознесенске расстреливали за несдачу или нерегистрацию швейных машинок - чтобы работники фабрик не перекидывались в частный сектор. В Брянске ставили к стенке за появление на улице в пьяном виде, а в Баку - телеграфисток за недобросовестное выполнение служебных обязанностей. В Харькове 17-летнюю девочку казнили только за то, что назвала большевика Стеклова "жидом".

Девальвация жизни дошла до такой степени, что расстрелы воспринимались уже как будничное, почти нормальное дело. К примеру, в чрезвычайках крупных городов официально была введена должность "завучтел" - заведующий учетом тел. В 1920 г. в системе наркомата просвещения вышла книга Херсонского и Невского "Сборник задач по внешкольной работе библиотеки", и там были такие "задачи": "Девочка

двенадцати лет боится крови. Составьте список книг, чтение которых заставило бы девочку отказаться от инстинктивного отвращения к красному террору".

А в Тифлисе в 1921 г. был даже издан сборник "Улыбка ЧК", в котором, палач Эйдук поместил такие свои стихи, должны изображать "шуточное" чекистское признание в любви:

... Нет большей радости, нет лучших музык, Как хруст ломаемых жизнью и костей.

Вот отчего, когда томятся наши взоры И начинает бурно страсть в груди вскипать, Черкнуть мне хочется на вашем приговоре Одно бестрепетное: "К стенке! Расстрелять!.."

Это страшное ленинское государство было уже не Россией. Но оно, кстати, и не скрывало, что оно - не Россия. И всячески отделяло себя от прежней России. Сами термины "Отечество", "патриотизм" стали ругательными. О них вспомнили было на короткое время в период Польской кампании, но дальше опять применяли исключительно в значении оскорбительных ярлыков слово "патриот" считалось примерно синонимом "реакционера" и "черносотенца".

Хотя в литературе можно нередко встретить мнение, будто российскую науку погубила "лысенковщина", но стоит вспомнить, что первой из наук была разгромлена история - в самом начале 20-х. Подлинная история страны оказалась фактически под запретом - внедрялась установка, что до 1917 г. ее как бы и не было и быть не могло. Все "темное прошлое" представлялось лишь не заслуживающей особого внимания "предысторией" Совдепии и изображалось сплошным черным пятном. Труды классиков исторической науки запрещались, а исследования в этой области подменялись грязной клеветой производства академика Покровского и партийного теоретика Бухарина. Их измышления, заполонившие

"научные работы" и учебники, писались в "народном", то есть в нарочито примитивном, хамском стиле и скорее, напоминали базарную брань все цари, князья, государственные деятели, полководцы карикатурно рисовались алкоголиками, сифилитиками, ворами, дебилами.

Похоронена была и российская культура. За попытки защитить "реакционера" Пушкина или висящий на стене портрет "офицера" Лермонтова можно было всерьез загреметь в чрезвычайку. Н. К. Крупская лично возглавляла кампанию по запрещению, изъятию и уничтожению книг Л. Н. Толстого - ну, разумеется, ведь это была вредная для революции "толстовщина", которую столько раз клеймил ее муж. А вместо разрушенной нарождалась и насаждалась другая культура, "пролетарская". До нас, кстати, дошла лишь небольшая ее часть - глупые "агитки" Демьяна Бедного, "Железный поток" Серафимовича, два романа Фурманова, "Конармия" Бабеля... И по этим произведениям можно увидеть, что зверства коммунистов и ужасы коммунизма даже не считали нужным как-то обходить или приукрашивать - они предполагались вполне нормальными и оправданными. Именно поэтому у последующих поколений руководства хватило ума отправить на свалку значительную часть литературы 20-х - когда такое прошлое сочли все же неприглядным и принялись лакировать его. А в свое время подобной литературы хватало. Был, например, В. Зазубрин, которого объявляли "первым советским романистом" и чуть ли не классиком. Кроме процитированной ранее повести о расстрельных буднях чекистов он создал и роман о гражданской войне "Два мира", вызывавший отвращение у культурных читателей, но высоко оцененный Луначарским. Да можно., вспомнить и некоторые стихи Маяковского,

исчезнувшие потом из собраний его сочинений и не включавшиеся в школьный курс:

... Довольно петь луну и чайку, Я буду петь черезвычайку...

Хватало и вообще полусумасшедших авторов из партийных активистов, "героев гражданской" и прочих "швондеров", вообразивших, что раз им теперь "все можно", то надо бы между делом обессмертить свое имя и в литературе и заваливавших своими "творениями" редакции газет и журналов. И им не смели отказывать, поскольку это было опасно для жизни...

Ну и для окончательного доламывания устоев прежней России, да и вообще устоев человеческой морали и нравственности, мешающих строительству "нового общества", Ленин нанес мощный удар по Православной церкви. Ее и раньше не жаловали - уже с 1917 г. и храмы оскверняли, и священников расстреливали, но лишь периодическими кампаниями или в общих гребенках террора. Теперь же, когда силы крестьянства были подорваны голодом, вождь принял решение воспользоваться моментом и под предлогом "изъятия ценностей для голодающих" раздавить церковь как таковую, целенаправленно. 19. 3. 22 г. он дал указание Молотову: "Провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем больше число представителей духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать... Крестьянские массы будут либо сочувствовать,

либо окажутся не в состоянии поддержать духовенство".

И хотя церковь соглашалась на передачу ценностей добровольно, но дело-то было не в этом. Кого интересовали какие-то там голодающие? Преднамеренными кощунствами и надругательствами провоцировались протесты, а большевистская пропаганда, опираясь на них, превращала согласие в отказ. И пошла расправа. Храмы закрывались и разрушались, процессы над духовенством покатились одни за другими - в Москве, Питере, Чернигове, Полтаве, Смоленске, Архангельске, Новочеркасске, Витебске - да по всей стране. В 1922 г. только по суду было расстреляно священников - 2691, монахов - 1962, монахинь и послушниц - 3447. А без судов уничтожили не менее 15 тыс. представителей духовенства - многих в тех же Северных Лагерьях. Что же касается христианских традиций, укоренившихся в народе, то делались попытки извратить их и поставить на службу новой идеологии. Так, вместо обряда крестин внедрялись карикатурно-известные "октябрины". Пробовали изжить даже христианские имена, заменяя их "революционными" вплоть до Гильотины или выдумывая нелепые аббревиатуры из коммунистических символов и имен вождей.

Ну а награбленные у церкви ценности, конечно же, ни малейшего отношения к "голодающим" не имели. Потому что Ильич до последних своих дней рассматривал Россию лишь в качестве плацдарма для более глобальных замыслов - "мировой революции". Как сказал Сталин сразу после его смерти, 26. 1. 1924 г. на II Всесоюзном съезде Советов: "Ленин никогда не смотрел на республику Советов как на самоцель".

Она, дескать, была призвана облегчить "победу трудящихся всего мира над капиталом". И так же, как утекали на эти химерические нужды сокровища,

реквизированные у уничтоженных "буржуев", так и церковное достояние спускалось в ту же бездонную трубу. В ноябре голодного 21-го года компартии Германии было выделено 5 млн. марок, а миссия Фрунзе отвезла миллион рублей золотом Кемалю-паше на развитие революции в Турции. В том же самом марте 1922 г., когда принималось решение об изъятии церковных ценностей, по бюджету Коминтерна было распределено 5 536 400 золотых рублей. Но существовали и "резервные фонды", и в дополнение к этому бюджету в апреле было выделено 600 тыс. зол. руб. на революцию в Корее, в сентябре - 20 тыс. зол. руб. компартии Латвии, 13 тыс. - компартии Эстонии, 15 тыс. компартии Финляндии.

И когда в 1922 г. при окончательном формировании нового государства Ленин заложил в его структуру "мину замедленного действия", сработавшую в 1990-91 гг. - настоял не на федеративном вхождении республик в состав России, как предлагал Сталин, а на форме "равноправного союза", то речь, конечно же, шла не об уважении к национальным чувствам народов. Ну откуда и какое уважение к национальным особенностям могло взяться у Ильича, всегда выступавшего сугубым космополитом и подчеркивавшего свой космополитизм? И само слово "национализм" в его устах приобретало только оскорбительный смысл, противопоставляясь "пролетарскому интернационализму". Нет, причины были другие. Во-первых, все то же патологическое стремление к разрушению прежней России. Во-вторых, возможность использовать принцип "разделяй и властвуй", который уже успешно применялся в гражданскую, когда латышей бросали против русских крестьян, крестьян - против казаков, башкир - под Петроград. В третьих, вождь хотел выбить козыри из рук националистов, поскольку в большинстве республик

антисоветская борьба велась не под классовыми, а под национальными лозунгами.

А в-четвертых, такая структура нацеливалась как раз на развитие "мировой революции". Ведь по теории Ильича, Советскому Союзу предстояло стать всего лишь заготовкой для будущих "Соединенных Штатов Европы", в которых России отводилась отнюдь не главная и далеко не главная роль. И одно дело, когда присоединение какого-нибудь государства к этой заготовке будет выглядеть "российским завоеванием", а другое - вступлением в равноправный "союз". На первых порах данная методика применялась вполне успешно - с вхождением в СССР Хорезмской и Бухарской республик, позже прибалтийских и Молдавии. Только с Монголией постеснялись, опасаясь вмешательства Японии.

В целом же ленинский этап строительства "нового общества" обошелся России очень дорогой ценой. По разным оценкам, гражданская война унесла 14-15 миллионов жизней. Только вряд ли правомочно говорить, что унесла их "война". По самым крайним подсчетам, боевые потери составили до 2 млн. - да и то с "натяжками", расстрелами пленных, добиванием раненых и т. п. Остальное - это эпидемии, голод, разруха, террор. То есть прямые результаты хозяйничанья большевиков. Плюс 5-6 миллионов жертв голода 1921-22 гг., тоже вызванного большевиками. Итого - от 19 до 21 миллиона человек было принесено в жертву воплощению планов Ильича. А некоторое смягчение режима и отход от прежних проектов начались только с 1923 г. И вряд ли это правомочно увязывать с именем Ленина - он в это время оказался уже не у дел и пребывал в Горках.

Кстати, история о том, как узурпатор-Сталин заточил его там для захвата власти - всего лишь миф, придуманный в свое время троцкистами и получивший широкое распространение в хрущевскую эпоху.

Удаление вождя было делом коллективным, по решению всего ЦК. Многочисленные свидетельства современников говорят о том, что после перенесенного инсульта характер Ильича стал тяжелым, сварливым и совершенно непредсказуемым. И Каменев (Розенфельд), один из самых "либеральных" большевистских лидеров, конфиденциально признавался близким, что в роли неограниченного властителя Ленин был уже просто опасен. Поэтому 22. 12. 22 г. состоялись переговоры с врачами по обсуждению его "режима лечения" - точнее, содержания, которые вели от ЦК Сталин, Бухарин и Каменев (как мы видим, представители трех разных партийных группировок). После чего и началась негласная закулисная подготовка, завершившаяся в марте 23-го полным отстранением Ильича от дел. Функции надзора и передаточного звена были на Сталина возложены тоже ЦК узурпировать их он в то время еще не смог бы, политического веса не хватило бы. И знаменитого "Письма к съезду", где Ленин полил его грязью, Сталин от партии тоже не прятал. Оно обсуждалось всей коммунистической верхушкой, и было принято коллективное решение на съезд его не выносить, а ознакомить только "актив". Потому что там Ильич не только Иосифа Виссарионовича, но и всех прочих соратников с дерьмом смешал - и Троцкого, и Зиновьева, и Каменева, и Бухарина... А Сталин, между прочим, был глубоко оскорблен характеристикой, которой наградил его вождь за верное служение, и даже подал в отставку. Впрочем, он почти наверняка знал, что ее не примут, потому что начиналась новая эпоха, и он нужен был Зиновьеву и Каменеву для борьбы с Троцким...

Что же касается тех рядовых россиян, чьи моральные устои в эпоху ленинизма оказались наиболее разрушенными, и кто выступал самыми активными исполнителями кровавых планов Ильича, то

большинство из них плохо кончали. Спивались, совершали самоубийства, сходили с ума. В начале 20-х на вокзалах, в поездах, на улице нередко можно было видеть картины, когда "солдатика" или "матросика" начинало вдруг корежить, он бился в припадке и орал от навалившихся кошмаров. И все уже знали - много крови на нем, чужая кровь его душит. Таких забирали и тоже обычно расстреливали без лишних хлопот. Кстати, после 45-го у бывших эсэсовцев и гестаповцев подобного психического явления почти не наблюдалось. Вот вам еще один пример разницы между российской и западной психологией.

Часть вторая.

Свистопляска столетия: красные, коричневые, бело-сине-красные...

1. Две России

В 1917-22 гг. гражданская война вышвырнула из России за рубеж более 2 миллионов человек. Точный учет их был невозможен, они перетекали из страны в страну, поэтому количественные данные о распределении русских эмигрантов по карте мира весьма приблизительны. Скажем, через Константинополь с двумя "одесскими", "новороссийской" и "крымской" эвакуациями прошло более 300 тыс. чел., но многие задержались здесь ненадолго, стараясь перебраться в другие государства - на Балканы, в Чехословакию, Венгрию. Другой мощный поток уходил из России через западные границы - здесь возможностей для бегства было даже больше, поскольку дороги вели по суше, а в периоды немецкой и польской оккупации выезд за рубеж был достаточно легким. Поэтому в Польше собралось до 200 тыс. русских, в Германии до 600 тыс. Много их было в Финляндии и прибалтийских государствах. Значительное количество казаков и белогвардейцев, эвакуированных через Каспий, собралось в Персии.

Сюда же добавились беженцы из Закавказья. Но тут их вообще вряд ли кто-то и когда-то пытался сосчитать. Около 100 тыс. очутилось в Китае - те, кто уходил за границу после разгрома Колчака, Семенова, падения Владивостока, а то и при советской власти - при здешних пространственных масштабах наладить охрану границы большевикам удалось не сразу. Большие русские колонии образовались в Маньчжурии - в полосе КВЖД, и в Шанхае, имевшем статус "открытого города".

Во Франции эмигрантов поначалу набралось немного - жизнь тут была дороже, чем в Германии или Венгрии, да и для проезда у большинства беженцев не имелось ни денег, ни документов. Но затем ситуация резко изменилась. В результате Раппальского договора с СССР немецкие власти стали косо смотреть на эмигрантские организации, а в 1923 г. Германию поразил чудовищный финансово-экономический кризис, прежде всего ударивший по малообеспеченным и слабозащищенным слоям жителей, каковыми и являлись беженцы. В то же время победительница Франция усиленно восстанавливала экономику за счет полученных репараций, однако из-за военных потерь испытывала недостаток рабочих рук. И различные организации, государственные и частные, нашли простой выход, приглашая русских, в результате чего к середине 20-х годов сюда перебралось из других государств свыше 400 тыс. чел. Кстати, такое благодеяние к недавним союзникам оказывалось далеко не бескорыстным. Французские вербовщики и представители фирм, разъезжавшие по странам, где скопились беженцы, заключали с ними контракты на длительные сроки, а, приехав на место, люди узнавали, что будут получать вдвое меньше других иностранных рабочих (например, итальянцев), не говоря уж о коренных французах.

Но несмотря на огромное количество эмигрантов, расселившихся по всему свету, такого явления как "русская диаспора" не возникло. Одной из причин этого была разнородность беженцев. Для большевиков непримиримыми врагами считались все политические течения, кроме них самих, и таким образом в изгнании очутился весь спектр партий и движений от монархистов до анархистов. Они и в гражданскую войну в принципе не могли быть вместе, враждуя друг с дружкой, и на чужбине остались скорее противниками, чем союзниками. А те эмигранты, которые никогда ни к какой партии не принадлежали и бежали лишь ради спасения от ужасов большевизма, по самому характеру социального катаклизма тоже оказывались политизированными, и следовательно, смыкались мировоззрением с тем или иным течением, разобщаясь между собой политическими симпатиями и антипатиями.

Другой причиной, препятствующей образованию устойчивой диаспоры, было всеобщее убеждение, что пребывание на чужбине носит лишь временный характер. Казалось просто невозможным, чтобы могучая и славная Россия погибла так скоропостижно и безвозвратно. И крайне невероятным выглядело, что противоестественная по жестокости и цинизму власть большевиков сможет утвердиться на русской земле прочно и надолго. Почти все считали неизбежным скорый возврат своей отчизны на нормальный путь развития, только расходились во мнениях, как именно это произойдет: либо путем постепенной эволюции коммунизма в "цивилизованное" русло, либо в результате народного восстания, которое свергнет этот режим, либо путем иностранного военного вмешательства.

Причем одно из трех выглядело несомненным - если большевики не эволюционируют в лучшую сторону, то

народ не выдержит и сметет их. А если по каким-то причинам восстание запоздает или будет подавлено, то при крайней агрессивности коммунистов неизбежно их скорое столкновение с мировым сообществом. Поэтому эмиграция не считала нужным приспособляться к окружающему иностранному миру и вливаться в него, отвоевывая собственное прочное "место под солнцем". Она продолжала жить как бы "на чемоданах", зависнув в промежутке между прошлой, разрушенной, и гипотетической будущей Россией. И считала себя связующим звеном, призванным сохранить преемственность поколений, сберечь лучшие духовные, культурные и государственные традиции для грядущего возрождения страны.

Но естественно, сохранялись глубокие различия в оценке событий, приведших отчизну к катастрофе, разница взглядов на процессы и конкретные модели этого возрождения, тактику поведения в тех или иных условиях. Накладывались дополнительные проблемы личных авторитетов, споров, амбиций. И в результате, даже то многообразие политических течений, которое выплеснулось из России, за рубежом начало быстро делиться и почковаться. Так, лишь во Франции было зарегистрировано более 300 эмигрантских организаций различных направлений. В основном, подобные партии и движения группировались вокруг редакций своих газетенок и журнальчиков, что позволяло им выражать собственные мысли и обеспечивало их лидерам средства к существованию.

Например, партия кадетов раскололась на два основных крыла. Левое, во главе с П. Н. Милюковым, издавало газету "Последние новости" и считало, что "только объединенная демократия, вышедшая из Мартовской революции 1917 г." получит поддержку Европы и Америки в борьбе с большевиками. Правое, возглавляемое В. Д. Набоковым, И. В. Гессеном, П. И.

Новгородцевым и др. к "революционной демократии", развалившей страну в 1917 г., относилось весьма прохладно, как и к самой Февральской революции и ее "завоеваниям". Центром этой группировки стала газета "Руль".

У эсеров произошел еще более сильный распад - они развалились на 7-8 самостоятельных течений. В качестве самых заметных можно выделить три из них. "Правые", которых возглавляли А. Ф. Керенский, В. М. Зензинов, В. И. Лебедев, О. С. Минор, смыкались с буржуазными партиями. Они издавали газеты "Воля России" в Праге, "Голос России" в Берлине, затем "Дни" в Париже. Выходил также журнал "Современные записки". От них отделилась группа С. С. Маслова, А. А. Аргунова и А. Л. Бема "Крестьянская Россия", ориентирующаяся на "политическое движение крестьянства" внутри СССР и выпускавшая газету "Вестник Крестьянской России", впоследствии - "Знамя России". Третью группировку возглавил Чернов, который издавал в Праге газету "Революционная Россия". Он объявил об образовании "партийного центра" из видных эсеров, оставшихся на родине (и пребывавших там за решеткой) - Гоца, Тимофеева и др., а себя провозгласил руководителем "заграничной делегации" этого "центра".

Меньшевики - Мартов, Дан и их сподвижники, группировались вокруг редакции "Социалистического вестника". Они лучше всех сумели сохранить организационное единство, но полностью потеряли социальную базу своей партии - от российского населения оторвались, а среди эмиграции поклонников марксизма больше не находилось. Получалось, что социал-демократы как бы съездили из-за границы на родину во время революции и точно так же, почти в том же составе, вернулись назад, продолжив прерванные марксистские теоретизирования.

Монархисты в мае 1921 г. провели свой съезд в баварском городе Рейхенгалле, выработав на основе российских законов юридические нормы наследования престола и избрав Высший Монархический Совет (ВМС) во главе с Н. Е. Марковым. Но и здесь единства не получилось.

На самом съезде возникло разделение на "франкофилов" и "германофилов", а поскольку он проходил в Германии, последние имели большее представительство и заняли все руководящие посты, вызвав резкую оппозицию "франкофилов". Потом возникло и размежевание по вопросу о персональной кандидатуре престолонаследника. Таковых кандидатур было две - двоюродный брат Николая II Кирилл Владимирович и двоюродный дядя покойного царя Николай Николаевич.

8. 8. 1922 г. Кирилл Владимирович опубликовал обращения "К русскому народу" и "К русской армии", объявляя себя местоблюстителем престола, что вызвало серьезные возражения ВМС из-за того, что его фигура по нескольким пунктам не соответствовала законам и традициям престолонаследования, а кроме того, Кирилл Владимирович крупно уронил свой авторитет поведением в период Февральской революции, когда с красным бантом маршировал по улицам во главе Гвардейского флотского экипажа и поддерживал антимонархические лозунги. Гораздо большей популярностью пользовался Николай Николаевич, российский Верховный Главнокомандующий на начальном этапе Мировой войны. Но он, как человек достаточно умный и осторожный, избегал публичных притязаний на престол и заявлял о готовности "не предрешать будущего России".

Да что уж там говорить о расколах среди монархистов, если размежевание произошло даже в церкви! За рубежом оказались два православных

митрополита. Один из них, Евлогий, был поставлен еще в России патриархом Тихоном и обосновался в Париже как митрополит западноевропейских русских православных церквей. Но ведь и само патриаршество появилось в результате революций на поместном соборе 1917-18 гг., и Московский патриархат остался под большевиками. Поэтому в 1922 г. в Сербии был созван Собор зарубежных архиереев, который избрал митрополитом Антония и поставил его во главе созданного на Соборе Архиерейского Синода. Этим было положено начало отдельной Русской Православной Церкви за границей, так называемой "Карловацкой". Начались споры о законности и каноничности поставления митрополитов, о сферах их влияния, о приоритете. Дошло до взаимных обвинений в ереси, поскольку принципы существования церкви в новых условиях и взаимоотношений с западными конфессиями оба понимали по-разному.

Кроме дореволюционных движений и партий, гражданская война и эмиграция породили много новых организаций. Например, ушедшие на чужбину остатки белогвардейских формирований. Самой заметной и весомой из них стала армия Врангеля. Это были отборные части с большим процентом офицеров, прошедших две, а то и три войны, профессионалы-военные высочайшего класса, которые в течение трех лет смогли бороться с многократно превосходящим врагом и фактически спасли Европу от большевистской чумы. Врангель считал необходимым во что бы то ни стало сохранить такие войска для грядущего освобождения России. После долгих и тяжелых мытарств в турецких лагерях, преодолев упорные попытки западных держав распустить армию и перевести ее на положение гражданских беженцев, главнокомандующий сумел договориться с правительствами балканских стран и разместить костяк

своих войск в Болгарии и Югославии. Некоторые части, сохраняя армейскую организацию, были устроены на общественные работы. Других Югославия приняла на службу в пограничную стражу. А в Болгарии, которая по Нейискому договору о капитуляции вынуждена была сократить собственные вооруженные силы всего лишь до 6,5 тыс. чел. (включая полицию), белогвардейцы смогли разместиться в казармах расформированных частей и поддерживать обычный распорядок службы.

Другой крупный центр белых отрядов существовал в Польше, где Савинков и генерал Перемыкин в конце гражданской войны пытались сформировать новую армию. Поляки, оставаясь в напряженных отношениях с большевиками и опасаясь войны с ними, покровительствовали Савинкову и оказывали поддержку его частям. Особняком стояла организация П. Н. Краснова, ориентирующегося на Германию. С одной стороны, он имел большое влияние в казачьих кругах, а с другой - в остатках армии Юденича, при штабе которого служил после отставки с поста донского атамана. Причем офицеры этой армии также имели все основания уважать немцев, немало помогавших их борьбе, в противовес англичанам и французам, от которых они ничего не видели, кроме вреда. Два конкурирующих центра Белого Движения возникли на дальнем Востоке. Основной - в Харбине, под руководством генералов Хорвата и Дитерихса, пользующихся покровительством местного правителя Чжан Цзолия, и еще один в Нагасаки, где находился атаман Семенов, ориентирующийся на японцев.

Но создавались новые организации и по другим признакам, не по общности судьбы или партийной принадлежности, а по мировоззрению. Рождались из попыток тех или иных теоретиков и общественных деятелей осмыслить российскую трагедию и найти какие-то незамеченные подходы к ее разрешению. Одно

из таких движений получило название "Смена вех" по одноименному сборнику статей, вышедшему в Праге в 1921 г. Его авторы Н. В. Устрялов, Н. В. Чахотин, В. Н. Львов и др. пришли к выводу, что большевистское правительство стало реальной властью, защищающей границы России, а стало быть, и ее государственные интересы. Отсюда следовал вывод о необходимости примириться с красными, понять, что "третьей революции не будет", а сопротивление советскому строю вызовет лишь новое кровопролитие. Отмечалось: "Мы считаемся с тем, что советская власть представляет собой национальную силу русского народа", а значит, надо "пойти на подвиг сознательного сотрудничества с этой властью" - укреплять ее авторитет, слиться с ней и добиваться того, чтобы извлечь из революции все доброе и справедливое. Просвещать народные массы, отдать свои знания и опыт восстановлению экономики. И тем самым способствовать "внутреннему органическому перерождению большевизма". По сути, это было выражением извечного комплекса неполноценности перед некой неведомой "сермяжной правдой", внедренного в сознание русской интеллигенции еще в XIX в. А для многих - умное и приемлемое обоснование капитуляции.

Другому течению эмигрантской мысли положил начало сборник "Исход к Востоку", вышедший в это же время в Софии. Это течение, теоретиками которого стали Савицкий, Сувчинский, Трубецкой, Флоровский, получило название евразийства. В какой-то мере оно было реакцией на предательство России странами Запада, разочарование в европейских "демократиях" и "свободах", традиционно почитавшихся в качестве идеалов "прогрессивными" россиянами. Теперь россияне получили возможность окунуться в мир этих идеалов не в качестве сторонних зрителей, а

постоянных обитателей, и приходили к выводу, что западные модели развития ведут к бездуховности, деградации личности и общества. Поэтому евразийцы считали, что у России свой, особый путь, отличающийся от зарубежных демократических эталонов. И революционные катаклизмы, по их мнению, предвещали начало новой эпохи, когда Восток сменит Запад в качестве центра мировой культуры. Главной причиной катастрофы они называли внедрение в нашей стране с XVIII в. чуждых ей моделей общества, вызвавших разрыв между властью и народом. Но и коммунизм, согласно их теориям, не имел шансов на прочное господство в России как учение материалистическое, тоже чуждое и тоже пришедшее с Запада - его неизбежно должна была сменить христианская идеология. Причем в религии они начисто отвергали католицизм и протестантство, как еретические и искаженные формы христианства, не дающие возможности для свободного самораскрытия личности. Высшей и единственной формой веры, предоставляющей духовную свободу, называлось лишь православие, которому и отводилась ведущая роль в грядущем "идеократическом государстве". А принципы строительства этого государства должны были стать отнюдь не демократическими, а "демотическими" - сильное правительство, действующее при широкой поддержке народа и в народных интересах. И таким образом, в обновленной могучей России предстояло соединиться двум силам - силе веры и силе государства.

Еще дальше в религиозно-мистическую область ушла группа "Новый Град", сформировавшаяся при одноименном журнале из таких видных мыслителей, как И. И. Фондаминский-Бунаков, Ф. А. Степун, Н. А. Бердяев, Г. Н. Федотов. Они рассматривали революцию в свете неких высших предначертаний. В их учениях также указывалось на слабость и вырождение

демократических форм и предсказывались войны и катастрофы, с которыми западная цивилизация справиться не сможет. Предполагалось, что в этих катаклизмах должно произойти очищение и обновление христианства, и как раз в России, в основном горниле бедствий, предназначено возникнуть "новому человеку".

Возникали эмигрантские группировки и по иным принципам. Например, "учредилловцы" - те, кто был причастен к разогнанному большевиками в 1918 г. Учредительному Собранию и добивался признания его (т. е. себя) единственной законной российской властью.

Или Совет Послов - организация российских дипломатов, оказавшихся в момент революции за рубежом, располагавшая значительными средствами, связями в политических кругах Запада, и поэтому проводившая свою независимую линию. А бывшие тузы деловых кругов объединились в Торгпром организацию, призванную отстаивать судьбу своих капиталов и предприятий в России. Возникло сразу два союза студенчества - пражский, занимавший антисоветскую позицию, и берлинский, попавший под влияние сменовеховцев.

Все эти группы, осколки и партии мешались и соединялись между собой в самых замысловатых сочетаниях. Так, левые кадеты Милюкова сомкнулись с эсеровской группировкой Керенского, "Крестьянской Россией", левыми учредилловцами и создали РДО - "республиканско-демократическое объединение". Они выработали "новую тактику", не признающую сменовеховства, но отрицающую и белогвардейскую идеологию. Считали, что надо изучать внутренние процессы в СССР и содействовать разложению большевизма изнутри, "внутренними силами". А другая часть тех же партий - кадетов, эсеров, социалистов, учредилловцев - поддержала Врангеля, и при нем был

создан Русский Совет, что-то вроде "правительства в изгнании" из представителей различных политических течений. В него вошли А. П. Кутепов, П. А. Кусонский, П. Н. Шатилов, В. В. Мусин-Пушкин, И. П. Алексинский, Н. Н. Львов, от Союза торговли и промышленности Н. А. Ростовцев, от кадетской партии П. Д. Долгоруков, от социал-демократов Г. А. Алексинский.

В 1923 г. Врангель заявил о подчинении Николаю Николаевичу, не только как кандидату в престолонаследники, но и законному российскому Главнокомандующему. Кирилл Владимирович в ответ обрушился с нападками на Врангеля, а в 1924 г. вообще провозгласил себя "императором всероссийским" и объявил в газете "Вера и верность" о формировании "корпуса императорской армии". И кстати, такой выходкой отпугнул от себя многих монархистов - уж слишком эксцентричной она выглядела. Пошли разговоры, что Кирилл Владимирович слегка "не в себе".

А кроме "общероссийских", существовали еще и казачьи, украинские, армянские, азербайджанские, грузинские, северокавказские организации. И тоже во множественном числе. Одни казачьи группировки считались с авторитетом Врангеля, другие видели союзников в левых кругах, третьи придерживались сепаратистских взглядов. Не было единства и среди украинских националистов. В Париже обосновалась Украинская Национальная Рада во главе с Петлюрой, выходила газета "Тризуб". Однако Петлюра был лишь политическим лидером движения, а почти всю практическую антибольшевистскую работу вел генерал Тютюнник, находившийся во Львове и зачастую действовавший независимо от "головного атамана". Еще одну организацию возглавлял полковник Коновалец - Петлюра ориентировался на Польшу и Францию, а Коновалец в гражданскую командовал

галицийскими стрелками, поэтому для него были врагами и поляки, и Петлюра, в 1920 г. предавший союзников-галицийцев. И его организация ориентировалась на Германию. Но в Берлине располагалась и "гетманская управа" еще одного лидера - Скоропадского, противника как Петлюры, так и Коновальца, которые свергли его в 1919 г.

Немалый разлад царил и среди кавказских сепаратистов - грузинских меньшевиков, армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов, горского комитета. Более умеренная часть их руководителей вела бесконечные переговоры о формировании общего "Комитета единения", на чем настаивали поляки, спонсирующие сепаратистов в целях ослабления России. Но такие переговоры постоянно заходили в тупик и срывались, так как другие деятели тех же партий были против объединения. Дашнаки полагали, что будут там съедены "тюркскими группировками" - тем более, что они имели дополнительные источники финансирования от состоятельных соплеменников из Америки, от англичан, и стало быть, меньше зависели от поляков. И уж подавно они не могли забыть войн с Грузией и резни с азербайджанцами в недолгий период суверенитета. В свою очередь, и многие азербайджанцы выступали против контактов с армянами и грузинами - у них шла постоянная борьба за лидерство, и то одного, то другого деятеля всего лишь за встречи с другими группировками объявляли "изменниками делу пантюркизма". Хотя у некоторых представителей сепаратистов взаимодействие все же налаживалось. Так возник, например, "прометеизм", некий обобщенный антироссийский сепаратизм, названный по журналу "Прометей". Он выходил в Польше, на польские деньги, а сотрудничали в нем и украинцы, и азербайджанцы, и татары.

И вся эта многоликая мешанина, несмотря на раздирающие ее противоречия, нищету, мизерные возможности, тем не менее, представляла собой угрозу власти большевиков. Хотя бы потому, что сохраняла в себе зерна другой, некоммунистической России, предлагала альтернативные пути развития, мыслила самостоятельно, наконец - просто существовала на свете. Как отметил в одной из своих статей П. Н. Милюков, "само наше существование за рубежом России, с сохранением нашего состояния русских, не принявших чужого подданства, уже есть политическое действие. Поэтому всякий из нас, хотя бы он не принимал участие в непосредственных политических актах, одним пребыванием в состоянии эмигранта уже утверждает свою политическую сущность".

2. Борьба продолжается

Вряд ли можно выделить какую-то "начальную точку" борьбы русской эмиграции и внутренней оппозиции против советского режима. Эта борьба явилась прямым продолжением гражданской войны, велась на ее инерции и с победой большевиков как бы и не прерывалась, разве что стала принимать другие формы. Первый этап ее можно условно датировать 1921-23 гг., когда еще полыхали крестьянские восстания, существовали очаги "зеленого" движения, и поэтому преобладало мнение, что возрождение России начнется через свержение большевиков самим народом. Белая эмиграция готовилась всеми силами поддержать народные выступления, в данном направлении пытались работать совершенно различные политические группировки. Эсер Чернов в период Кронштадтского мятежа выехал в Эстонию, стараясь связаться с повстанцами и сформировать несколько отрядов для действий в РСФСР. Штаб Врангеля разрабатывал планы возвращения армии в Россию и возобновления войны на том или ином театре. Велись

переговоры об объединении сил с Савинковым, который брался выставить "однородный идейный кадр до 5000 штыков из отрядов Булак-Балаховича и Перемыкина". П. Н. Краснов доказывал возможность сформировать с помощью Финляндии четыре корпуса и весной 1922 г. развернуть наступление на Петроград...

Но уже вскоре стало ясно, что западные державы отнюдь не намерены поддерживать военные начинания - наоборот, они всеми силами препятствовали возникновению новых и сохранению прежних белых формирований. И уж тем более не намеревались ссориться с Советами прибалты, трясущиеся над мирными договорами с большевиками и наивно уверовавшие в обеспечение таким образом своего суверенитета. Поэтому вскоре борьба перешла к подпольным формам это облегчалось тем, что у эмигрантов остались в России знакомые, друзья, единомышленники, а граница еще не стала "железным занавесом", позволяя поддерживать связь с ними.

Особую активность в данный период проявил Савинков, создавший "Русский политический комитет" в Варшаве. Как он вспоминал впоследствии: "Мысль моя была такова, чтобы попытаться придать более или менее организованную форму зеленому движению, попытаться вызвать большое массовое крестьянское восстание, посылать в Россию людей именно с этими задачами".

Он организовал "Информационное бюро" для связи между собой разрозненных очагов и отрядов "зеленых". Была разработана структура волостных, уездных и губернских руководителей, каждый из которых имел бы свои формирования. Засылалась агентура, которая сумела закрепиться в Москве, Чернигове, Харькове, Киеве, Курске, проникла в командование Красной Армии. Можно отметить, что в принципе, направление было выбрано правильно в конечном итоге, одной из

основных причин быстрого подавления зеленого движения, в количественном отношении значительно превосходившего белогвардейцев, было как раз отсутствие серьезной организации. Каждый отряд действовал сам по себе, и даже в главных очагах сопротивления, таких как "антоновщина", "махновщина", Западно-Сибирское восстание, общая организация не выходила за пределы нескольких губерний.

Летом 1921 г. Савинков созвал совещание своих единомышленников, на котором было объявлено о создании "Народного Союза Защиты Родины и Свободы" (НСЗРиС). Предполагалось действовать в контакте с правительствами Франции и Польши. Программа Союза отмежевалась от белогвардейцев и провозглашала борьбу за "третью, новую Россию" - т. е. с ориентацией на "зеленых". При этом отвергалась возможность соглашения с "Врангелями прошедшего, настоящего и будущего". Вероятно, как хитрый и достаточно беспринципный политик, Савинков учел напряженные отношения, сложившиеся к этому времени у Врангеля с французами, добивающимися роспуска его армии, и счел за лучшее отмежеваться от генерала, рассчитывая на более благосклонное отношение Запада. Но наверняка сыграла роль и непопулярность белогвардейцев в Белоруссии и западных областях России, где о них знали только из советской и польской пропаганды. Собственную формулу успеха Савинков составил из трех слагаемых - "крестьянство, плюс авторитетный вождь, плюс иностранная помощь".

Но во второй половине 1921 г. массовое крестьянское движение быстро пошло на спад в результате жесточайшего подавления и катастрофического голода. А разрозненные зеленые отряды, продолжавшие укрываться в лесах и горах, уже не представляли реальной угрозы большевистскому

режиму. Туго оказалось и с иностранной помощью. Савинков обращался к У. Черчиллю, военному министру Польши К. Соснковскому, доказывая, что его организация представляет "единственную реальную антибольшевистскую силу, не сложившую до сих пор оружия". Большую помощь в наведении полезных контактов оказал симпатизировавший Савинкову британский "суперагент" Сидней Рейли, такой же авантюрист по натуре и бескомпромиссный враг красных. Он хлопотал в Англии, Америке, достиг успеха в переговорах с видным политическим деятелем Чехословакии доктором Крамаржем, пытался связаться с Муссолини. Тем не менее, результаты были мизерными, и НСЗРиС едва удавалось сводить концы с концами.

Несколько раз отряды Перемыкина, Павловского, Булак-Балаховича, Войцеховского, Васильева переходили границу и вторгались на советскую территорию, пытаясь своими действиями разжечь огонь восстаний и стать центром кристаллизации народной стихии. Но и результаты их операций оставляли желать лучшего. Из-за недостатков финансирования и снабжения эти отряды были слабыми, столкновений с крупными соединениями большевиков им приходилось избегать, и борьба ограничивалась рейдами по глухим деревням там несколько убитых красноармейцев или милиционеров, там разгромленный сельсовет... Редко когда выпадал более значительный успех, вроде кратковременного захвата Павловским захолустного городишки Демянска. Вместо ожидаемой поддержки, больше было крестьянского недовольства, поскольку вслед за налетом савинковцев следовали карательные экспедиции красных с репрессиями, обыском, грабежами, выявлением "сочувствующих" и "пособников". Так, Лясковичская волость Бобруйского уезда была сожжена дотла. В других местах десятками

брались по деревням и расстреливались заложники. Особыми зверствами прославился в Белоруссии карательный отряд Стока, применявший пытки и жесточайшие расправы. Практиковалась тут и другая мера воздействия - саму Белоруссию голод обошел стороной, но жителей деревень, проявивших сочувствие к зеленым или савинковцам, было решено депортировать в голодные районы. То есть, на верную смерть.

Нужно отметить и то, что личный состав в отрядах НСЗРиС подбирался далеко не лучшего качества, это были вовсе не отборные "дроздовцы" или "каппелевцы", а разношерстные формирования, сильно засоренные сомнительной накипью гражданской войны, что в партизанских условиях "самоснабжения" неизбежно приводило к конфликтам с местными жителями, в адрес савинковцев сыпались обвинения в грабежах и разбоях.

Впрочем, тут надо сделать некоторое отступление и пояснить, что при рассмотрении истории антисоветской борьбы нам очень часто придется сталкиваться с информацией, достоверность которой проверке не поддается. Разумеется, партизаны и подпольные организации летописей не вели. А те, кто имел неосторожность слишком доверять бумаге, попадали на крючок в первую очередь. Поэтому те сведения о сопротивлении внутри России, которые дошли до нас, обычно брались из советских источников и часто могли оказаться пропагандистской ложью или чекистскими провокациями. Ну а те группировки, которые действительно существовали и пытались вести борьбу, чаще всего не оставляли документальных следов. И погибали они под завесой секретности, поэтому сведений о них могло и вообще не сохраниться. Отдельные упоминания позволяют только подтвердить сам факт, что подобные организации возникали, но не

дают исчерпывающих представлений об их составе, особенностях борьбы и гибели.

В частности, и информация о грабежах савинковцев и их конфликтах с местным населением тоже не всегда соответствовала действительности. Например, в архивах обнаружено две записки Ленина: "... Принять военные меры, т. е. постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, "на плечах" Балаховича перейти где-либо границу на 1 версту и повесить там 100-1000 их чиновников и богачей)"

(ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 447).

"Прекрасный план. Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом "зеленых" (мы потом на них и свалим) пойдем на 10-20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия 100 000 руб. за повешенного"

(ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 380).

Поэтому кто именно был виновен в тех или иных бесчинствах, где действовали настоящие савинковцы, а где - маскирующиеся под них провокаторы, пожалуй, узнать уже невозможно. Известно и то, что зверства карателей красная пропаганда тоже потом вешала на отряды НСЗРиС.

К выводу, что тактика партизанских рейдов не имеет шансов на успех, вскоре стали приходиться и их организаторы. Например, генерал-майор Матвеев, которому по планам Савинкова предстояло возглавить "наступление" на Бобруйск, Витебск и Смоленск, убедился в полной нереальности операции и бестолковости ее подготовки, разругался с руководством НСЗРиС и перешел в организацию Врангеля. То же самое сделал герой войны на Урале и в Сибири генерал Войцеховский, поначалу сблизившийся с Савинковым из-за своих довольно левых, "учрежденных" взглядов. А с подавлением зеленого

движения попытки сомкнуться с ним в вооруженной борьбе сами по себе должны были сойти на нет.

Примерно так же, как Савинков, действовал в это время генерал Юрко Тютюнник, его повстанческие отряды несколько раз вторгались из-за рубежа, засылались эмиссары для создания украинского националистического подполья. Свои подпольные группы на Украине организовывали и сторонники Евгения Коновальца. Но и здесь мы сталкиваемся с той же проблемой достоверности фактов. Потому что и советская сторона, в свою очередь, активно разыгрывала "националистическую карту". Так как Варшава проводила политику насильственной колонизации в западноукраинских и западнобелорусских областях, закрывая национальные школы, православные церкви, насаждая национальную дискриминацию, это вызывало стихийные протесты со стороны местного населения, которым старались воспользоваться советские спецслужбы. Разведупром РККА была создана на Волыни подпольная "боевая организация", насчитывавшая до 10 тыс. чел., шло снабжение оружием. Были сформированы и несколько "повстанческих отрядов", которые должны были совершать нападения на территорию Польши и инициировать там повстанческую борьбу. Однако проект провалился. Действовали эти отряды из советской Украины, и самый авторитетный из их командиров, Хмара, имея возможности для наглядного сравнения жизни крестьян по ту, и по эту сторону границы, пришел к выводу, что под коммунистами украинцам приходится еще хуже. И начал борьбу на два фронта. Он погиб в одном из боев с отрядом ОГПУ, успев изрядно насолить красным. Постепенно были ликвидированы и другие подобные отряды, но разумеется, их тоже объявляли "петлюровцами", "тютюнниковцами" и т. п.

У Врангеля было меньше возможностей для засылки людей в Россию, поскольку для этого требовалось пересекать море или несколько государственных границ. Но тем не менее, на случайных плавсредствах зафрахтованных плохоньких шхунах, баркасах, через контрабандистов, несколько раз направлялись группы офицеров с той же целью, внести организующее начало в ряды зеленых, придать крестьянскому движению более эффективные и боеспособные формы. Большинство подобных попыток кончались неудачами. Так, один из десантов с участием известного политика В. В. Шульгина высадился со шхуны в Крыму, однако был обнаружен и уничтожен. Уйти обратно удалось только пятерым. Летом 1921 г. другая группа отправилась в Россию на пароходе "Отважный". Он попал в шторм, получил повреждения и после тяжелого многодневного плавания был вынужден вернуться в Константинополь. Провалом кончилась и попытка генерала Покровского высадиться на Кубани в том же году. Все же некоторые эмиссары Врангеля сумели в 1922-23 гг. побывать в Крыму, на Дону и Кубани. Но практические результаты ограничивались разведкой реальной обстановки в советском государстве и установлением рабочих контактов на местах.

Еще одной организацией для развертывания борьбы на советской территории стал "Центр действия", созданный лидером народных социалистов Н. В. Чайковским. Он располагал значительными по эмигрантским меркам средствами. В распоряжении Чайковского еще оставалась некоторая часть казны Северного белого правительства, которое он возглавлял в гражданскую. В руководство "Центра" вошли генерал Головин, председатель Национального Комитета Карташев, члены ЦК кадетской партии Демидов и Вакар. Авторитет лидеров и солидная основа начинания заслужили поддержку со стороны Совета Послов,

который тоже выделил из своих сумм 350 тыс. франков. Отделения "Центра" были образованы в Хельсинки, Варшаве, Константинополе, Таллине, Харбине. Им ставилась задача создания линий связи через границу, проникновение в Россию и подготовка там новой "национальной революции" поиск единомышленников, объединение их в подпольные ячейки, накопление сил и формирование вооруженных отрядов. В целях конспирации работа велась в тайне от других организаций, сотрудников принимали на основе сугубо индивидуального отбора. Была, правда, предпринята попытка координировать действия с Савинковым, но она кончилась безрезультатно. "Центром действия" было создано две нелегальных группы на Украине, объединившиеся в "Киевский областной центр", с которым была отлажена регулярная связь.

Со сходными задачами возникла в 1921 г. другая белогвардейская организация - "Братство русской правды" (БРП). Она создавалась при участии П. Н. Краснова, С. Н. Палеолога, князя Ливена, генерала Потоцкого и пользовалась поддержкой церковных кругов, близких митрополиту Антонию. БРП тоже старалось образовать в Советской России свою подпольную сеть, начать подготовку к народному восстанию, пыталось инициировать партизанское движение - главным образом, в Белоруссии. "Верховный круг" Братства возглавил некий Соколов-Кречет (возможно - псевдоним), оно имело представительства в Югославии, Германии, Латвии, Франции, Персии, организовывало свои каналы проникновения в СССР, засылало активистов и агитаторов. Специально для распространения на советской территории издавалась газета "Русская правда" - в ее подзаголовке содержалась просьба к каждому прочитавшему ознакомиться с газетой еще трех человек. Хотя надо отметить, что белые офицеры, из которых состоял

костяк "Братства", по самому своему воспитанию чаще всего оказывались никудышными конспираторами, что в немалой степени сказалось и на его работе. Несмотря на несомненную искренность и самоотверженность активистов, их деятельность организовывалась на довольно "любительском" уровне. Желаемое часто принималось за действительное. Необходимая секретность становилась не более чем игрой. Например, БРП строго "конспирировалось" от других белых группировок и отказывалось от рабочих контактов с ними, тщательно скрывая даже имена руководителей. И в то же время широко рекламировало себя, без разбора принимало всех желающих, громогласно извещало о своих успехах, настоящих или кажущихся, по созданию "тайного фронта" в СССР.

Довольно прочные связи с родиной имела и "Крестьянская Россия". Она отпочковалась от эсеровской партии еще в Москве в 1920 г. и успела оставить там свое подполье. Есть данные, что эта организация поддерживала контакты с повстанцами Тамбовщины и Западной Сибири, оказывая на них определенное влияние. Через крестьян приграничной полосы была налажена пересылка на советскую территорию нелегальной литературы. А поскольку "Крестьянская Россия" вошла в Республиканско-Демократическое Объединение, то и союзники по этому блоку, сторонники Милюкова, пользовались ее каналами для переправки литературы, посылали своих представителей для поиска внутри России каких-нибудь гипотетических партий и организаций, близких милюковцам по политической платформе (и конечно же, без особого успеха).

Но с подавлением восстаний и стабилизацией внутренней обстановки в Совдепии активные формы противоборства сами собой начали затухать, не имея реальной опоры. А гигантская машина советских

спецслужб работала на полных оборотах, и большинство подпольных организаций, созданных в данный период, вскоре стали добычей чекистов. Точнее - мы знаем только о тех, которые стали добычей чекистов, так что сведения в данной области вряд ли можно считать полными. В мае 1921 г. был арестован начальник штаба одной из частей Западного фронта Опперпут, работавший на Савинкова. Под угрозой расстрела или другими приемами его сумели расколоть, и на основе его показаний была разгромлена почти вся подпольная сеть НСЗРиС, ликвидированы областные комитеты в Белоруссии и на Смоленщине. В Минске прошло несколько процессов над савинковцами, по приговорам которых было казнено 45 чел. Для восстановления организации в России Савинков послал штабс-капитана Герасимова. Однако он попал на проваленную явку, от него тоже добились исчерпывающих показаний, и в результате чекисты захватили и те звенья, которые не смогли выявить прежде, в том числе центр НСЗРиС в Москве. По полученным сведениям были перехвачены и другие эмиссары, посланные параллельно с Герасимовым - например, адъютант Савинкова Шешеня. Провалилась и подпольная организация в Харькове - тут расстреляли 12 чел. К концу 1922 г. практически вся мощная сеть НСЗРиС перестала существовать. Некоторых вылавливали и позже. В 1923 г. прошел процесс над савинковскими агентами Свержевским, Жилинским и еще девятью членами НСЗРиС, осужденными к высшей мере. В том же году 19 савинковцев расстреляли в Питере.

Аналогичная судьба постигла и подпольные сети других антисоветских сил. В 1921 г. был раскрыт "Всеукраинский повстанческий комитет" Тютюнника и Петлюры, крупные петлюровские организации в Одессе, Тирасполе, Киеве, Житомире. В следующем году

провалились организации в Николаеве, Минске, Гомеле, Каменец-Подольске, Виннице, еще одна в Одессе. После разгрома этой сети число одних только казненных достигло 603 чел., а сколько получило сроки заключения или лагеря, данных не сохранилось. В результате поражения Махно и перехода части его соратников, в том числе и "контрразведчиков", на службу в ЧК, мощный удар обрушился и на подполье анархистов. Перестали существовать их многочисленные группы в Москве, Одессе, Жмеринке. В 1922 г. захватили эсеровскую сеть в Саратовской и Воронежской губерниях.

А о некоторых раскрытых организациях даже нельзя сказать, к какому течению они принадлежали, поскольку в советской прессе и чекистских отчетах их обозначали просто "контрреволюционными". Так, в 1922-23 г. аресты и расстрелы подобных "контрреволюционных" групп зафиксированы в Подольской губернии (5 организаций), в Чернигове, в Мелитополе, Бердянске, Красноярске, Николаеве, целая куча - в Харькове (в том числе одна среди военных курсантов), несколько в Москве, несколько в Киеве, несколько в Екатеринославе, несколько в Грузии, в Семипалатинске, Карелии, Чите, Ростове, Енисейской губернии. Только опять же надо помнить, что такая информация далеко не всегда может быть достоверной. Где-то подпольные организации действительно существовали, но нередко они инспирировались и придумывались самими чекистами, чтобы выслужиться перед начальством и обосновать репрессии. И в каких случаях речь идет о настоящих "контрреволюционерах", савинковцах, петлюровцах, а в каких - о случайных жертвах красного террора, сейчас разобрать уже невозможно.

Киевский комитет, созданный "Центром действия" Чайковского, попался вообще глупо. Пользуясь

прекрасно действующими каналами нелегальной связи с зарубежьем, некоторые члены этой организации загорелись желанием опубликовать на Западе свои произведения, которые не подлежали изданию в условиях советской цензуры. Их благополучно переслали, благополучно напечатали в парижском журнале "Новь", после чего чекистам осталось только забирать авторов и выколачивать из них всю известную информацию. Дольше других продержалось московское подполье "Крестьянской России". Его ОГПУ обнаружило и уничтожило лишь в 1925 г.

Тайная война, ставшая непосредственным продолжением гражданской, носила обоюдный характер. Не успели отгреметь последние залпы сражений за Крым, Кавказ, Читу, как коммунисты развернули активное наступление по преследованию своих противников, спасшихся в эмиграции. Этому способствовало и значительное количество агентуры, которую легко было забросить за рубеж в массах беженцев, и строительство Коминтерна разветвленной пятой колонны, напрямую подчиненной Москве и имевшей отделения почти в каждой стране, и политика западных держав, наперегонки ринувшихся налаживать контакты с советской Россией - сперва стали открываться торговые представительства и миссии, а после установления дипломатических связей - полпредства (посольства) и консульства. Как теперь известно из свидетельств бывших советских разведчиков и дипломатов, любое такое представительство, как торговое, так и дипломатическое, выделяло как минимум два места резидентам спецслужб - одно для ОГПУ, другое для армейского Разведупра. Они действовали неподконтрольно "официальному" начальству миссий и независимо друг от друга, а в более крупных представительствах штаты резидентур были больше, и

они становились настоящими экстерриториальными отделениями спецслужб. И сплошная сеть подрывных коммунистических организаций стремительно распространилась по всему миру.

На начальном этапе главной формой наступления на эмиграцию стала массированная агитация за "возвращенчество". Сразу же после эвакуации армии Врангеля Франция, согласившаяся принять белогвардейцев в своей зоне оккупации Турции, сочла, что исчерпала этим жестом свои союзнические обязательства и всеми силами стремилась избавиться от такой обузы. Русских разместили в отвратительных условиях лагерей, на полуголодных пайках, без какого-то вещевого снабжения и медицинского обеспечения, то и дело подвергали всяческим унижениям. От Врангеля требовали распустить войска, переведя их на положение гражданских беженцев. В лагерях шла беззастенчивая вербовка в иностранный легион - воевать за французов в Алжире и Марокко. Сюда преднамеренно запускались и другие вербовщики - например, на торговые суда, или на кофейные плантации в Бразилию. Этим и воспользовалась большевистская агентура. Выискивали случайных, разуверившихся, запутавшихся. Использовали общую деморализацию после поражения, ностальгию по родине, материальные трудности. Ловко обыгрывали естественное чувство обиды на западных союзников за их свинское отношение ко вчерашним соратникам. А когда 7. 4. 1921 г. советское радио передало обещание амнистии рядовым-белогвардейцам, к большевистским агитаторам фактически подключились и французы, ухватившись за это как за отличный повод избавиться от бывших соратников. Мол, если им теперь ничего не грозит, то и говорить больше не о чем, пусть возвращаются в Россию. Одна за другой следовали ноты французского правительства и командования о

предоставлении эмигрантам "полной свободы" и ограждения их от влияния собственных командиров.

Во всех центрах эмиграции красными агентами организовывались так называемые "Союзы возвращения на родину" ("Совнарод"). Их кадры старались формировать из самих эмигрантов, многих активистов просто покупали за кусок хлеба. "Совнарод" финансировался из России, издавал свою газету "На родину". В рамках этой кампании вышло постановление ВЦИК от 3. 11. 1921 г. - об амнистии рядовых белогвардейцев, которое широко распространялось коммунистической пропагандой. Ну а "союзная" французская администрация вовсю помогала большевикам. Представителей "Совнарода" французы беспрепятственно допускали в те же лагеря, позволяя вести открытую агитацию, вели ее сами. Усиливали ее действие своим давлением - путем снятия с довольствия, уменьшения пайков, публикуемыми от лица союзного командования листовками, тиражирующими текст большевистских обращений. Доходило и до силовых акций - так, на Лемносе подогнали транспортное судно и под прикрытием пушек миноносца высаженные солдаты начали насильно загонять содержавшихся там казаков для отправки в Россию. А когда армию Врангеля удалось перебросить из лагерей и разместить в балканских государствах, к ее обработке подключились и компартии этих стран. Только в одной Болгарии "Совнарод" имел 65 отделений. А кроме него, в той же Болгарии были созданы местные коммунистические группы по разложению белогвардейцев, действовавшие в Софии, Пловдиве, Старой Загоре и Горной Оряховице.

Только надо иметь в виду, что вся эта возня носила отнюдь не примиренческий характер, а рассматривалась как часть общей борьбы с антисоветскими и потенциально-антисоветскими

силами. И те, кто клевал на приманку и ехал в Россию, дорого за это расплачивались. Например, в апреле зафрахтованный пароход "Решид-паша" привез из Константинополя в Новороссийск 1,5 тыс. репатриантов. Около 500 из них были расстреляны сразу же по прибытии на родину - все офицеры и чиновники. Остальных разослали кого в концлагеря, а кого и в Северные Лагерь - на уничтожение. Казак Чувилло, сумевший вторично бежать за границу, сообщил об аналогичных фактах - из их партии в 3,5 тыс. возвращенцев сразу же в Новороссийске расстреляли 894. Когда слухи об этих расправах начали проникать за рубеж, их, разумеется, объявили клеветой и стали действовать более тонко.

Некоторых вернувшихся принялись карать по суду, как бы на "законном основании", прибегая к казуистике - указывали, что сама по себе принадлежность к белым армиям, конечно, амнистировано. Но амнистия не распространяется на лиц, принимавших участие в "массовых расправах над рабочими и крестьянами". Причем автоматически подразумевалось, что раз человек служил у белых, то тем самым он уже, хотя бы косвенно, был "причастен" к таким расправам. А простым солдатам и казакам иногда позволяли доехать до родных краев, даже наделяли землей, а потом и подгробали там без особого шума.

Но в целом пропаганда возвращенчества имела заметный успех лишь в первый, самый катастрофический период эмиграции. По мере устройства людей на чужбине и выхода из шокового состояния (а также под влиянием слухов о судьбе вернувшихся) поток репатриантов быстро стал иссякать, и новый акт амнистии белогвардейцам, провозглашенной декретом ВЦИК и Совнаркома от 9. 6. 1924 г., оживить процесс уже не смог. Всего в течение 20-х годов удалось заманить в СССР 181,5 тыс.

эмигрантов - около 9% от общего числа. И поскольку основная их часть, около 122 тыс. чел., вернулись в страшном 1921 году, то для них, так или иначе, путь на родину стал всего лишь дорогой в могилу.

Самые перспективные кандидатуры, затянутые "Союзами возвращения", в общий поток не направлялись, им намекали на необходимость "заслужить прощение родины", доказать свою лояльность и привлекали в качестве новых "совнародовских" активистов. Из них формировались различные просоветские течения эмиграции, черпались кадры для агентурной сети. Г. Беседовский, работавший в 1922 г. в советском полпредстве в Вене, откуда в то время шло и руководство подрывной деятельностью на Балканах, писал, что задача разложения эмиграции считалась одним из приоритетов для большевистской дипломатии. Предписывалось "перекупать и обезвреживать наиболее опасных генералов", что же касается "непримиримых фигур", таких как Врангель, Кутепов, Краснов, то тут рекомендовалось "выяснить возможность их полного устранения". Данную работу координировали видные чекистские специалисты Е. Гольдштейн и М. Логановский, и велась она по обоим указанным направлениям. Пользуясь внутренними разногласиями в белогвардейской среде, играя на чувствах патриотизма, на естественном возмущении по поводу неблагодарности западных союзников, "перекупить" удалось генералов Слащева, Болдырева, Секретева и др. Их фигуры широко использовались для дальнейшей пропаганды "возвращенчества", выпуска прокламаций и воззваний за их подписями.

А параллельно начались и террористические операции по обезглавливанию антисоветских сил. 15. 10. 1921 г. произошло покушение на Врангеля. Его резиденция и штаб располагались на борту яхты

"Лукулл" - последнего судна российского флота, оставшегося в его распоряжении, и по всем международным законам - последнего клочка свободной русской территории. В этот день около 16. 30 большой пароход "Адрия", шедший из Батума через Босфор под итальянским флагом при хорошей видимости и спокойном море внезапно повернул на полном ходу в сторону "Лукулла", стоявшего на рейде Константинополя. Тревожных гудков пароход почему-то не давал. "Адрия" застопорила машины и стала отдавать якоря лишь в 200 метрах от яхты, когда столкновение было уже неизбежным. Удар пришелся на левый борт, прямо в помещения, занимаемые Врангелем. Потом пароход стал отваливать задним ходом. В широкую пробоину хлынула вода, и яхта затонула почти мгновенно. Не спустив шлюпок, не бросив спасательных кругов, "Адрия" отошла от места происшествия. Погибли повар и вахтенный офицер Сапунов, до последней секунды старавшийся принять какие-то меры. Врангель остался жив лишь по чистой случайности - незадолго до катастрофы он с женой и адъютантом съехал на берег по приглашению одного из посольств. В ходе следствия капитан "Адрии" Симич и лоцман Самурский ссылались на сильное течение "форс-мажор", лишившее пароход возможности маневрировать. Выяснилось также, что Симич принимал меры, чтобы задержаться в карантине и пройти мимо "Лукулла" ночью. В общем, настоящие виновники угадывались однозначно. Но прямых улик не было, и дело списали на "несчастный случай".

Более результативно прошла операция по устранению оренбургского атамана Дутова, проживавшего в китайском городе Суйдун. Она была тщательно подготовлена, руководство осуществлял Я. Петерс, занимавший в тот момент пост представителя ВЧК в Туркестане, а также его помощники Эйхманс,

Суворов и представители военной разведки Пятницкий и Давыдов. Непосредственные исполнители акции, чекисты Касымхан Чанышев и Махмуд Ходжамшаров, пробрались в штаб Дутова, оглушили его и попытались похитить, а когда заметивший неладное казак поднял тревогу, застрелили атамана и сбежали.

3. Москва - Генуя

Уже после Второй мировой войны в массовом сознании (и исторической литературе) сложился довольно нелепый стереотип постоянного антагонизма между СССР и Германией, нацизмом и коммунизмом. И в свете таких представлений, например, пакт Молотова-Риббентропа действительно выглядит диким и неожиданным шагом сталинского правительства. На самом же деле все обстояло как раз наоборот. Сотрудничество большевиков с немцами было не отклонением от правила, а постоянной тенденцией. Как было показано выше, оно началось еще в 1914 г., и как будет показано далее, фактически и не прерывалось до 1941 г.

А в начале 20-х сближение обоих государств пошло очень бурно. Ведь и Германия, и Совдепия находились в сходных условиях международной изоляции, так что их взаимная поддержка и сотрудничество были взаимовыгодны, они становились естественными партнерами. Правда, в 1920 г., когда советские полчища через Польшу рвались в Европу, самые дальновидные политики Запада предлагали срочно пересмотреть свои отношения с немцами - уменьшить наложенные репарации, отказаться от дискриминационной политики, ущемляющей их национальные интересы, смягчить позицию к вооруженным силам, то есть сделать из Германии своего союзника, способного противостоять натиску коммунизма. Но едва красные были разбиты и отброшены, как в правительствах западноевропейских

держав снова возобладала элементарная мелочность и жадность - они уже не видели особых причин, почему нужно отказывать себе в ограблении немцев подчистую и в удовольствии безнаказанно возить их физиономией по столу. Чем и воспользовалась советская сторона.

У которой, кроме несомненных выгод сотрудничества, имелась и важная подспудная причина для "дружбы". Потому что Германию коммунистическое руководство продолжало рассматривать в качестве потенциального эпицентра следующей социалистической революции и союзника в грядущей войне с "мировым империализмом". Напомним, что согласно классическим марксистско-ленинским теориям нормальный, полноценный социализм должен был возникать на базе развитого капиталистического производства, определенного уровня производительных сил, многочисленного и организованного рабочего класса. А концентрация капитала и промышленности в руках гигантских монополий признавалась необходимыми предпосылками создания "нового общества" дескать, революции достаточно лишь национализировать эти монополии, сменить руководящую верхушку, и 13 - те же самые производственные структуры станут готовой основой социалистической организации. То есть, в какой-нибудь отсталой Индии или Румынии социализм еще предстояло строить и строить из неразберихи "феодалных пережитков", они могли служить разве что человеческим резервом, могли своими восстаниями привести к косвенному ослаблению британских и французских "империалистов", а в материальном, идеологическом и т. п. плане СССР пришлось бы тащить их "на буксире", как Монголию или республики Средней Азии. Другое дело - Германия, где все теоретические предпосылки были налицо.

Хотя если разобраться, при любом развитии событий эти планы попахивали полнейшей авантюрой. Потому что теория быстрого перехода к социализму путем захвата власти и использования на новых принципах готовых государственных и производственных структур уже показала несостоятельность в самой России, до революции ничуть не отстававшей в развитии от Германии и успешно конкурировавшей с ней на мировом рынке. Но даже в тех регионах, которых не коснулась гражданская война, все богатое хозяйство страны было мгновенно развалено методами коммунистического руководства. Только конечно же, Ильич ошибаться не мог, и несмотря на разрушение и хаос в России, большевики продолжали упорно считать, что в Германии его теории почему-то должны реализоваться, и она перейдет под их власть эдаким спелым яблоком с нетронутой мощной промышленностью и научно-технической базой. (Впрочем, несмотря на очевидные факты, довоенный культурный и экономический паритет двух стран большевиками никогда не признавался - их догматическое мышление, взращенное на корнях "западничества", всегда полагало Россию сугубо "отсталой" страной).

Пожалуй, тут надо учесть, что и сам Ленин питал необъяснимо-теплые чувства к немцам. Многими исследователями уже отмечалось, что он традиционно благоговел перед немецкой дисциплиной, немецкой организованностью, немецкой аккуратностью, немецкой ученостью. Например, А. Г. Латышев приводит богатую подборку документов, где вождь прямо противопоставляет достоинства этой нации "русским дуракам", "русским дикарям", "русским говнякам", а то и "паршивой российской коммунистической обломовщине", которую призывает учиться у немцев и "братъ в учителя немцев" ("Рассекреченный Ленин", М.,

1996). И, несомненно, данный пункт давал Ленину исчерпывающее объяснение, почему в России его мудрые указания вызывают разрушительное действие, а в Германии такового быть не должно.

В свою очередь, и немцы в условиях национального оскорбления, кризиса экономики и беззастенчивого диктата победителей потянулись к единственному реальному союзнику - Советам, видя в этом шансы на возрождение своей державы. И не только экономического, но и военного возрождения. Что требовалось и коммунистам - в гипотетической грядущей войне с западными демократическими державами, считавшимися тогда главным врагом, им требовался союзник действительно сильный. Интерес оказался взаимным. В советском руководстве активными сторонниками прямого союза с Рейхсвером были Ленин, Троцкий, Фрунзе, Дзержинский, Сталин, Радек, Чичерин, Красин, Крестинский, Куйбышев, Склянский, Ворошилов, Тухачевский, Егоров, Уборевич, Корк, Уншлихт, Якир, Берзин, Фишман и др. В немецком - фон Сект, Вирт, Брокдорф-Ранцау, Ратенау, фон Хассе, фон Гаммерштейн-Экворд, Тренер, фон Бломберг. И сотрудничество развернулось полным ходом.

Уже в 1921 г. с Германией было заключено торговое соглашение. И в том же году в министерстве Рейхсвера для взаимодействия с Красной Армией была создана специальная группа во главе с майором Фишером. С самого начала стороны оценили и такую особенность сотрудничества, как возможность для Германии обойти некоторые пункты Версальского договора, ограничивающие ее возможности в военной области, в обмен на ответные услуги по совершенствованию материально-технической базы советских войск. Для решения подобных вопросов под фиктивным коммерческим флагом и обтекаемым названием создана была совместная фирма ГЕФУ ("Гезельшафт фюр

Фердерунг Геверблихер Унтернемунген" - "общество по развитию промышленных предприятий"). 11. 8. 1922 г. было подписано временное соглашение о сотрудничестве Рейхсвера и Красной Армии. Немцы получали право создавать на советской территории объекты для проведения испытаний техники, накопления тактического опыта и обучения личного состава тех родов войск, которые были им запрещены по условиям Версаля - танковых, авиационных, химических. Советская сторона получала за это материальное вознаграждение и право участия в испытаниях и разработках. Немцам запрещалось также иметь высшие военно-учебные заведения, и в отношении подготовки армейских кадров коммунисты им также помогли, широко распахнув для офицеров Рейхсвера двери своих училищ и академий. Для взаимодействия с РККА в российской столице было открыто неофициальное представительство министерства Рейхсвера, так называемый "Московский центр" во главе с полковником фон Нидермайером.

Вообще надо отметить, что на данном этапе дружба установилась самая закадычная. Рассматривались даже проекты о переселении в СССР полумиллиона немцев с выделением им земли (в местах, где жители вымерли от голода 1921-22 гг.), что позволяло бы Германии облегчить проблему безработицы, а Советам - восстановления сельского хозяйства. В обмен на германские патенты советское руководство предлагало немцам наладить на территории СССР выпуск любого вооружения и военной техники в обход международных санкций. Велись переговоры о совместном производстве самолетов с заводами "Альбатрос" и подводных лодок - с промышленниками Бломом и Фоссом, о строительстве завода боеприпасов с Крупном. Ему же предлагались в концессию крупнейшие оборонные заводы Петрограда - Путиловский и Охтинский. 15. 3. 1922 г. был подписан

договор с фирмой "Юнкере" на поставку самолетов и строительство военных предприятий в СССР - эти предприятия должны были служить и для производства вооружения для Рейхсвера, поэтому в проекте участвовало и германское правительство, выделившее "Юнкерсу" 600 млн. марок, в результате чего началось оборудование авиазаводов в Филях и Харькове. На подобных условиях было достигнуто и соглашение о строительстве совместного предприятия по производству боевых отравляющих веществ, и в г. Иващенко планировалось создание завода "Берсоль" с производительностью до 6 т. иприта в день.

Но кстати, и международная обстановка в целом складывалась в начале 20-х для большевиков более чем благоприятно. В Крыму и Холмогорах десятки тысяч людей гнали на расстрелы, шло беспрецедентное по жестокости подавление крестьянских восстаний, миллионы жертв вымирали от голода, а в это же время, в 1921 г., правительства западных держав напропалую пытались нормализовать отношения с Кремлем. И кроме Германии, торговые соглашения с Советами успели заключить Англия, Италия, прибалтийские республики. Если в 1913 г. в Голландии даже существовал общественный Комитет помощи политзаключенным в России, который ставил перед собой задачи "информировать Европу о преступлениях в царских тюрьмах" и бороться "против тюрем и казней русского самодержавия", то теперь правительственные и общественные круги Запада на информацию о зверствах большевиков и призывы о помощи сухо отвечали, что их реакция "будет истолкована как вмешательство во внутренние русские дела" или даже, что "официальный протест может быть истолкован как сочувствие контрреволюционным элементам". И даже Международный конгресс Лиг защиты Прав Человека по докладу П. Н. Милюкова принял очень обтекаемую и

смехотворную резолюцию - дескать, стало известно, что в России "около тысячи" граждан приговорены к смертной казни или "нескольким годам заключения". И потому съезд "считает своим долгом настаивать перед советскими властями на отмене смертных приговоров и на широкой амнистии". А, кроме того, "съезд требует, чтобы русское правительство ускорило момент восстановления свободы слова и печати, ибо эти свободы являются необходимыми условиями развития республики". Ну а зарубежная социал-демократия вообще отметала все обвинения в адрес большевиков как "буржуазную клевету" и происходящее в России объявляла "великим социальным экспериментом".

Ну кого на самом деле интересовали жизни каких-то там русских? "Права человека" и прочие подобные вопросы во все времена были лишь орудием политики. А в начале 20-х политические и экономические соображения диктовали Западу как раз обратное. Россию сочли достаточно "ослабленной" в результате гражданской войны, и стало быть, не представляющей больше опасности в качестве мирового конкурента. Так что настаивать против нее общественное мнение, вроде, больше не требовалось. Зато Европу лихорадили экономические кризисы, переходящие и в политические - то в одной, то в другой стране правительственные кабинеты вынуждены были подавать в отставку или висели на волоске. А налаживание связей с Совдепией давало надежду на улучшение ситуации - и соответственно, на спасение своих портфелей. Мало того, в создавшихся условиях возникала надежда поставить Россию под свой контроль и распространить на нее свое влияние. Поэтому более выгодным было старательно не замечать всяких там "гуманитарных катастроф" и ужасов режима.

Соответственно, и средства массовой информации тоже сменили тон. Если в 1918-19 гг. большевики

изображались эдакими карикатурными убийцами-комиссарами (каковыми они и были на самом деле - разве что не карикатурными), то теперь те же газеты стали ошарашивать читателей сенсационными открытиями, что некоторые из этих убийц-комиссаров, оказывается, имеют высшее образование, знают иностранные языки, умеют остроумно пошутить - то есть, в принципе, люди-то "культурные"... Что вполне естественно, так как при "свободе слова" в мелочах и частностях, западные средства массовой информации во все времена были орудиями политики и деловых кругов, и в главных вопросах никогда не противоречили господствующим установкам. А со своей стороны, и советская власть внешне подыгрывала подобным тенденциям, подкрашивая и ретушируя свой имидж. Объявляла и тиражировала на весь мир постановления об амнистии белогвардейцам, указанные в предыдущей главе. "Страшную" ВЧК преобразовала в "безобидное" ГПУ, демонстративно лишив права внесудебных расправ - тут же и возвращенного казуистическими оговорками.

Конечно, подобные "смягчения режима" были шиты белыми нитками и вряд ли смогли бы кого-нибудь обмануть. Кроме тех, кто хотел быть обманутыми. Но общими усилиями обеих сторон получалось, что в деловых контактах с большевиками и впрямь нет ничего страшного и предосудительного. И стоило Москве в ноябре 1921 г. поманить Запад одной лишь возможностью признания долгов царского правительства, выгодами освоения своего огромного рынка сырья и сбыта в обмен на признание, как все претензии, международные и общечеловеческие нормы, были забыты и отброшены окончательно. В январе 1922 г., состоялась Каннская конференция Верховного Совета Антанты, принявшая решения "о взаимном признании различных систем собственности и

различных политических форм, существующих в настоящее время в разных странах". И о созыве Генуэзской общеевропейской конференции по экономическим и финансовым вопросам - с участием Советской России. Вот вам и демократическая "принципиальность".

И западных политиков коммунисты обставили, как детей. Конференцию, задуманную как чисто экономическую, они быстро превратили в свою политическую трибуну. Большевистские дипломаты били западных политиков на их поле и их же традиционным оружием - юридическим крюкотворством, требуя пунктуального выполнения международных законов и правил. В то время как сами коммунисты никакими международными требованиями себя не связывали и связывать не желали. А Запад, который при вступлении в контакт с ними заведомо отказался от претензий по поводу прав человека, "политических форм" и "систем собственности", потерял опору для каких бы то ни было ответных требований. Раз Европа де-факто признала советское правительство законным, то иностранная интервенция и поддержка Антантой антибольшевистской борьбы действительно и впрямь выступали актом ничем не спровоцированной агрессии. И вместо признания долгов ошеломленные "партнеры" получили ответный счет.

Конференция нанесла и сокрушительный удар по остаткам белогвардейских формирований. На основе тех же международных законов советская делегация учинила крупный скандал, требуя роспуска, "незаконных вооруженных формирований" - в первую очередь, армии Врангеля, хотя и разбросанной по нескольким странам, но еще сохранявшей боеспособность. И Запад, пытающийся угодить Москве, тут же выразил готовность принести в жертву совершенно ненужных и мешающих ему белых

союзников, поэтому под давлением Англии и Франции в Югославии и Болгарии стали предпринимать шаги по ликвидации белых воинских структур.

И уж совсем позорно обделалась западноевропейская дипломатия, вздумав переиграть складывающиеся советско-германские связи. Немцы прибыли на конференцию в надежде добиться смягчения наложенных на их страну экономических требований. Но не тут-то было - державы Антанты ни на какие уступки не шли, да еще и всемерно демонстрировали унижительное отношение к германской делегации, разбив все иллюзии о нормализации отношений с французами и англичанами. Зато большевиков Запад готов был даже включить в число стран-победительниц, обещая им за признание дореволюционных долгов уделить "законную" долю немецких репараций. Что казалось авторам плана чрезвычайно хитрым ходом. Во-первых, торпедировалось сближение между Москвой и Берлином. А во-вторых, к 1922 г. уже становилось ясно, что получить такую огромную сумму с Германии то ли получится, то ли нет, а если получится - то когда еще. Так что более надежным выглядело сорвать куш с России, а она уж пусть сама у немцев вытрясает, если сможет. Да только советская делегация на этот примитивный крючок не клюнула, а предпочла воспользоваться грубыми ошибками держав Антанты. И открыла карты представителям Германии, уговорив их в ночь на 16 апреля подписать Раппальский договор о восстановлении в полном объеме дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий и торгово-экономических связях. Ошеломленные таким сюрпризом страны-победительницы не нашли ничего лучшего, как отреагировать новыми оскорблениями и угрозами в адрес немцев, и тем самым, разумеется, дали дополнительный толчок их сближению с Москвой.

Ну а США, хоть и не участвовали в Генуэзской конференции, со своей стороны тоже приложили руку к усилению советского режима. Например, фактически подарили большевикам Дальний Восток. Когда в 1919 г. по решению Совета Антанты и конгресса США американские войска вынуждены были уйти с российской территории, кабинет президента Вильсона не преминул сделать весьма предусмотрительный шаг. 30. 1. 1920 г. госдепартамент вручил послу Японии в Вашингтоне меморандум, что "Американское правительство не будет иметь никаких возражений, если у Японии возникнет решение продолжать одностороннее размещение своих войск в Сибири, или послать подкрепление в случае необходимости, или продолжать оказывать помощь в операциях Транссибирской или Китайской Восточной железнодорожных магистралей". В данном случае оставался расчет, что рано или поздно подобное соседство может привести к советско-японскому столкновению с последствиями, печальными для большевиков.

Однако вслед за Вильсоном к власти пришел скандальный кабинет Гардинга, и этот стратегический ход был аннулирован. Любая моральная подоплека политики немедленно была сразу вытеснена коммерческой. И хотя формально США еще долго держались принципа "непризнания" СССР, но уже в 1920-21 гг. в Москву помчались неофициальные эмиссары Вашингтона, прощупывая возможности получения выгодных концессий, торговых сделок и даже... предлагая взамен экономических приобретений помощь против Японии. Потому что с точки зрения большого бизнеса Япония являлась главным конкурентом США в Тихоокеанском регионе, и правительство Гардинга круто взялось прижимать ее-1 интересы. Надавили на Токио и в вопросе об уходе с

Дальнего Востока - опять же, не из-за симпатий к коммунистам, а из-за того, что не желали усиления японцев. Окончательно эта политика сформулировалась на Вашингтонской конференции в ноябре 1921- феврале 1922 гг., по решениям которой Япония вынуждена была оставить Приморье красным.

4. К мировой революции

Самое парадоксальное, что все эти потуги к ублажению и приручению большевиков происходили в то время, как сами кремлевские руководители вот-вот собирались развязать... новую мировую войну. Потому что главным направлением деятельности, да и смыслом существования советского государства все еще считалась мировая революция. (Даже высшая государственная награда - Орден Красного Знамени - по официальному статусу значился "символом мировой социалистической революции", и в приказах о награждении назывался так вплоть до конца 20-х). И после двух неудачных попыток 1919 и 1920 гг. активно готовилась третья. Относительно нее существовали две теории - "индустриальная" и "аграрная". Согласно первой, самым подходящим объектом для следующего взрыва признавалась Германия, и ее промышленный потенциал вместе с человеческими и идеологическими ресурсами России должен был обеспечить победу над "империализмом" Англии и Франции.

Сторонники второй теории опирались на "отечественный опыт", считая, что легче организовать революции в слабо развитых, аграрных странах. Согласно этим схемам, эпицентром взрыва должны были стать вечно беспокойные государства Балкан. Отсюда, как предполагалось, процесс перекинется в Италию, где как раз бурлила фашистская революция Муссолини - выдвигалось мнение, что ее, как и Февральскую, можно раскрутить до социалистической. А уж дальше, с Балкан и Италии разгоревшийся

всеобщий пожар захватит Венгрию, Австрию и Германию.

В 1921-22 гг. данный вариант развития событий казался более вероятным, и самой подходящей страной для инициирования процесса выглядела Болгария. Здесь сложилась критическая ситуация, очень напоминающая Россию 1917-го. По причине продиктованных победителями "демократических реформ" фигура царя стала чисто номинальной, а правящей партией был Болгарский земледельческий союз - что-то вроде российских эсеров. Слабенькое правительство Стамболийского заняло соглашательскую позицию и шло на одну уступку за другой крайне-левым. Вовсю орудовала коминтерновская "пятая колонна", щедро финансируемая из Москвы, в качестве полномочных эмиссаров сюда были присланы Х. Боев и Б. Шпак. Умело обыгрывалось среди населения и унижение капитулянтского мира, и вызванные им экономические трудности, использовались готовые военные кадры из расформированных частей. Вся страна была опутана большевистской агентурой - вплоть до начальника жандармерии Мустанова и софийского градоначальника Трифонова.

Коминтерн и компартия Болгарии взяли курс на вооруженное восстание. В 1922 г. для инспектирования на месте приезжали видные коминтерновские руководители Пятницкий и Комиссаров. Из Одессы перебрасывалось оружие и боевые отряды. А на помощь восставшим, по просьбе нового "правительства", разумеется, пришла бы Красная Армия, как это уже было в Средней Азии, республиках Закавказья, Монголии... Подобный взрыв действительно грозил грандиозными последствиями, поскольку сомкнулся бы с гражданской войной в Турции, наверняка ударил бы по Румынии, мог перехлестнуть в постреволюционную

Венгрию и волнуемую национальными противоречиями Югославию. Тем более, что подавить восстание и противостоять советскому вторжению Болгария не смогла бы, оставшись по условиям капитуляции почти без вооруженные сил. Спасли положение... опять русские белогвардейцы, хотя на этот раз и случайно. По договоренности с правительством Стамболийского в Болгарии была размещена часть армии Врангеля - казаки, отборный корпус Кутепова. И революционеры не без основания боялись иметь дело с таким сплоченным высокопрофессиональным контингентом.

Поэтому заговорщикам пришлось вносить коррективы в свои планы и заняться сперва ликвидацией и нейтрализацией этой помехи. В стране была раздута антиврангелевская кампания, организовывались демонстрации и митинги с требованиями выдворить белогвардейцев. А одновременно разыгрывались и закулисные интриги, которые постепенно достигли своей цели. По наводкам советских спецслужб и обвинениям в заговоре, для доказательства которых были подброшены нужные фальшивки, болгарские власти арестовали и выслали за рубеж все руководство во главе с Кутеповым, белогвардейские части разоружались, стали приниматься меры для их постепенного рассредоточения и перевода на положение гражданских беженцев. Но и коммунисты, пока не была ликвидирована угроза, были вынуждены откладывать свое восстание.

А между тем, в 1923 г. стремительно начала обостряться ситуация в Германии. Тут нарастал тяжелейший хозяйственно-экономический кризис. И политический тоже. Под предлогом приостановившейся выплаты репараций Франция беспардонно оккупировала Рурскую область и попыталась окончательно закрепить за собой Саар, переданный на

15 лет под управление Лиги Наций что, конечно же, возмутило всех немцев. А политика "пассивного сопротивления", которую выбрало правительство Германии, вызывала всеобщее недовольство. Все экономические, политические и финансовые факторы, дополняя друг друга, привели к беспрецедентному скачку инфляции - за 6 недель курс марки обвалился в тысячу раз. Состояния и накопления улетучивались мгновенно, рынок оказался парализованным, фирмы прогорали, а заводы останавливались. И в Москве решили, что революция в Германии назрела. Пошли переговоры Исполкома Коминтерна, ЦК РКП(б) и руководства компартии Германии.

23. 8. 23 г. состоялось заседание Политбюро по данному вопросу. Присутствовали Сталин, Каменев, Зиновьев, Троцкий, Радек, Бухарин, Цюрупа, Пятаков. Радек как член Исполкома Коминтерна сделал доклад о революционной ситуации в Германии. Троцкий горячо отстаивал необходимость использовать столь благоприятную возможность и азартно доказывал, что пришел момент поставить на карту все - то бишь само советское государство. Дескать, международные империалисты не допустят победы революции у немцев, обрушатся на них своими военными силами. Ну а СССР поможет "германскому пролетариату" - вот тут-то и произойдет решающая схватка. Остальные лидеры - Сталин, Зиновьев, Каменев, высказывались более осторожно. То есть, вроде и не против "мировой революции", но и безоглядно рисковать ради "журавля в небе" собственной страной и властью тоже не желали.

В итоге, была создана комиссия ЦК в составе Радека, зам. председателя ВСНХ Пятакова, зам. председателя ГПУ Уншлихта и наркома труда Шмидта, немца по национальности. Все они отправились в Германию, и на каждого были возложены свои задачи. Радеку вменялось руководство германской компартией,

Шмидту - организация революционных ячеек в профсоюзах, чтобы после переворота превратить их в Советы, Пятакову - общая координация работы и связь с Москвой, Уншлихту - снабжение оружием, организация вооруженных отрядов, местного ЧК и кампании "красного террора" после победы (да, это тоже было запланировано заранее). Позже в комиссию был кооптирован и полпред Крестинский - для финансирования революции из коммерческих фондов Госбанка, делегированных в Берлине.

Кроме них, для подготовки и руководства восстанием откомандировывались в Германию Ларин, Берзин, Тухачевский, Крылов (Соболевский), Ягода (правильно - Иегуди), направлялись выпускники и слушатели спецфакультета академии РККА для закладки баз с оружием и формирования отрядов боевиков. Было мобилизовано для переброски за границу около 20 тыс. коммунистов, владеющих немецким языком. Троцкого ввели в состав Исполкома Коминтерна, он занялся подготовкой внешнего вторжения. Для грядущей революции было решено также выделить зерно, продовольствие, и подтянуть эти запасы к границе. Деньги выделялись практически без счета. И расходовались тоже без счета секретарша берлинского резидента Рейха (того самого, которого направил еще Ленин) при последующем разбирательстве давала показания, что чемоданы, сумки и коробки с деньгами валялись у них повсюду, мешали проходу, загромождали столы и стулья, путались под ногами.

В сентябре состоялось еще одно заседание Политбюро, на котором была определена точная дата восстания - 9 ноября, в пятую годовщину германской революции. Сценарий предполагался такой: 7 ноября, в годовщину российской революции, предписывалось организовать манифестации. При их проведении

"красные сотни" Уншлихта должны были спровоцировать беспорядки и вызвать полицию на столкновения, чтобы пролилась кровь. Ну а потом следовало раздуть "народное возмущение" по этому поводу и нанести главный удар.

Красные части, в основном - кавалерийские, начали выдвижение к западным границам. Советский эмиссар Копп вел в Варшаве тайные переговоры о пропуске войск через польскую территорию. За это Польше обещали отдать Восточную Пруссию, а также обеспечить беспошлинный транзит ее товаров через СССР. Так что за 16 лет до того, как немцы и Москва поделили Польшу, полякам тоже предлагали поделить Германию. При этом в коммунистическом руководстве строились умозаключения, что Восточная Пруссия - юнкерская и крестьянская область, в период революции здесь может образоваться мощный центр сопротивления, так же как в России - на Дону. Вот пусть поляки и возьмется с немецкими "беляками". А очутившись между СССР и красной Германией, сама Польша от большевиков никуда уже не денется. И варшавским политикам, участвующим в переговорах, предлагаемые условия казались очень заманчивыми. Да вот только не доверяли они советской стороне.

И имели для этого все основания. Потому что массированную подготовку к "мировой революции" разные ведомства вели кто во что горазд, правая рука не знала, что делает левая. И если по линии Наркоминдела шли переговоры, то Разведупр РККА в это же время активизировал своих "партизан", а руководство ГПУ еще с весны, когда обозначилось обострение в Германии, решило, что и Польша должна "подтянуться". Ну а как же иначе? Разве Дзержинский мог упустить шанс стать большевистским правителем на своей родине? И пошло ее "подтягивание" к революционной ситуации с помощью терроризма,

начался так называемый "бомбовый период". Взрывы гремели то в помещении правой партии или редакции, то левой, чтобы внести дезорганизацию и дать свободу домыслам и взаимным обвинениям. Осуществляла теракты боевая организация под руководством польских офицеров-коммунистов Багинского и Вечоркевича, действовавших под контролем чекиста Логановского и Уншлихта. Несколько раз организовывались покушения на Пилсудского. Мощный взрыв готовился 3. 5. 23 г. при открытии памятника Понятовскому, на котором должны были присутствовать и правительство, и политические лидеры, и иностранные делегации, в том числе французский маршал Фош. Но произошла утечка информации, и теракт пришлось отменить.

Несогласованность действий в Польше была не единственной накладкой. В сентябре наконец-то поступила команда на революцию в Болгарии - хотя это направление становилось теперь второстепенным. Однако время здесь было упущено. Пока шла возня с выдворением и разоружением белогвардейцев, правые силы страны сумели сорганизоваться, и в июне 23-го пришли к власти, свергнув слабое правительство Земледельческого союза. Причем коммунисты получили приказ ни в коем случае не поддерживать "социал-демократов", а сохранять боевой потенциал для собственного восстания. Когда же они сами выступили, то власть была уже посильнее, чем при Стамболийском, и революционеров разгромили без особого труда.

Кстати, аналогичное отношение к социал-демократии было характерно и для Германии. По воспоминаниям Беседовского, Радек, проезжая со своей женой Рейснер через Варшаву, устроил инструктаж для сотрудников полпредства. Он сообщил, что после революции немцы тут же разорвут Версальский договор и начнут войну с Францией, и поэтому он намерен

ориентироваться на сотрудничество не только с коммунистическими, но и националистическими кругами. Как он выразился: "Немецкая социал-демократия гораздо опаснее для нас, чем националисты. Она отнимает у нас рабочие массы, без которых мы не можем раскачать революционного движения в Германии. Националисты сыграют положительную роль. Они мобилизуют большие массы и бросят их на Рейн против французского империализма вместе с первыми красногвардейскими отрядами немецкого пролетариата".

И в связи с этим представляется весьма любопытным, что первое открытое выступление гитлеровцев, так называемый "пивной путч" в Мюнхене, произошел именно 9 ноября 1923 г. То есть, был согласован по времени с предполагаемым восстанием коммунистов. О какой-либо конкретной договоренности в данном случае история умалчивает, но крайне сомнительно, чтобы столь четкое совпадение могло быть случайным. Так что и первый пример сотрудничества Гитлера с СССР приходится не на 1939 г., а на 16 лет раньше.

Еще одна накладка вышла с самой компартией Германии. Там шли межфракционные раздоры между так называемой "группой Брандлера", представлявшей официальное руководство, и группой "Маслова - Рут Фишер", державшейся особняком от Коминтерна. В преддверии надвигающихся событий конфликт решили срочно устранить.

Лидерам второй группировки угрожали, что Уншлихт их ликвидирует, предлагали взять отступного и уехать за границу. Но они оказались "идейными" и не соглашались ни в какую. Но попутно выяснилось, что вообще руководство КПГ в качестве "боевого штаба" никуда не годится, и уровень его работы оставляет желать много лучшего. Было признано, что "компартия

не подготовлена к быстрым и решительным действиям". И из ЦК КПГ центр подготовки переместился в советское полпредство - на аппарат берлинского представительства во главе с Крестинским легли теперь и закупка оружия, и его транспортировка, и оргработа.

А тут еще и накладка с финансами - значительная часть тех бесчисленных сумм, которые поступали по разным каналам на нужды революции, испарилась в результате безудержной германской инфляции, потому что не все удавалось обратить в твердую валюту. Впрочем, на самом деле ситуация обстояла гораздо проще - ленинский доверенный Рейх проворовался, только и всего. Сколько он упер, пользуясь такой возможностью, навсегда осталось тайной. Ну а какие-то деньги он действительно оставил в жертву инфляции, чтобы потом сам черт не разобрался, что и по каким причинам пропало. В дальнейшем было назначено расследование, благодаря покровительству "старых ленинцев" вроде Крупской, Радека и др. Рейх сумел выкрутиться, даже не подмочив репутацию, но сразу после этого все же предпочел сбежать в США.

Хотя подготовка восстания и сама дата его 9. 11 считались строжайшей тайной, но естественно, при таком размахе секреты просачивались наружу. Немцы были встревожены переговорами Коппа в Польше, слали запросы. Посол в Москве Брокдорф-Ранцау требовал от Чичерина немедленного выезда Радека из Германии, угрожая разрывом дипломатических отношений. Активизировались и державы Антанты. Французская контрразведка стала оказывать помощь Берлину, снабжая его информацией из своих источников. Приводились в готовность оккупационные войска. Англия начала дипломатические демарши против СССР. А из Москвы сыпались инструкции и

директивы, часто взаимоисключающие, вносящие путаницу и неразбериху.

Разные ведомства продолжали готовить революцию вразнобой. 12. 10. 23 г. мощный взрыв разнес склады боеприпасов и воинской амуниции в Варшавской цитадели. Он был такой силы, что роту солдат, стоявших на плацу за 500 м от крепости, подняло в воздух и выбросило в Вислу. Пострадали сотни людей. Осуществил операцию чекист Казимир Баранский, действовавший под фамилией Кобецкого и числящийся вторым секретарем полпредства в Варшаве. Впоследствии его вычислили, но обладая дипломатической неприкосновенностью, он был лишь объявлен персоной нон грата, а в Москве получил орден Красного Знамени. Другим руководителям террористов, Багинскому и Вечоркевичу, так легко отделаться не удалось. Правда, после ареста их решили обменять на содержащихся в СССР поляков, но конвоиры, возмущенные тем, что убийцы мирного населения уйдут безнаказанными, прикончили их по дороге к границе.

Чем ближе была дата готовящейся революции, тем активнее разворачивались действия. Но и неразбериха усиливалась. Начались инспирированные Коминтерном волнения в Литве и Эстонии. А в начале ноября произошло мощное восстание в Кракове, вылившееся в баррикадные бои. Восставшие разбили уланский полк, разоружили краковский гарнизон. В полпредство СССР в Варшаве посыпались телеграммы от Дзержинского и Уншлихта, требующие немедленно взять руководство мятежом в свои руки, создавать отряды красной гвардии и начинать польскую революцию. Но в эти же самые дни, 5-8. 11. 23 г., коммунисты устроили всеобщую забастовку железнодорожников! И агитаторы из Варшавы не могли попасть в Краков... Они прибыли туда уже слишком поздно, когда депутаты Сейма Марек

и Бобровский сумели уговорить восставших разоружиться.

А когда этими событиями бурлила Польша, в Германии накал страстей постепенно утихомиривался. И Политбюро констатировало, что "революционная волна" спадает, подготовку закончить не успели, поэтому шансов на успех нет - тем более при явной готовности англичан и французов вмешаться. Поэтому было решено отложить восстание до лучших времен. Правда, при общей неразберихе и несогласованности действий даже команда отбоя прошла неорганизованно, в некоторых местах восстания все же начались. Баррикадные бои шли в Гамбурге, "советские правительства" образовались в Саксонии и Тюрингии. В Лейпциге возникла даже ЧК во главе с Крыловым и готовила списки для расправы. Но это были лишь отдельные очаги, и части Рейхсвера под командованием генералов фон Секта и Меркера сумели быстро подавить их.

В советском руководстве по данному поводу разгорелась нешуточная ссора. Троцкий катил бочку на Зиновьева, Каменева и Сталина, что они затянули подготовку, а в критический момент просто "сдрейфили". Дескать, надо было отдавать приказ на восстание, и все само пошло бы, как надо. Они, в свою очередь, упрекали Троцкого, что он "переоценил" революционную ситуацию в Германии. А в Коминтерне всю вину свалили на "группу Брандлера", объявили ее "правой" и исключили из компартии. И решено было делать отныне ставку на "группу Маслова - Рут Фишер" (которая в 1927 г. откололась и образовала троцкистскую компартию Германии - после чего и двинули в вожди Тельмана).

Но кроме отсутствия "объективных и субъективных предпосылок", кроме многочисленных накладок и упущений, была еще одна важная причина, почему же

третья попытка "мировой революции" кончилась фальстартом. Ведь и сами эти накладки, ведомственная несогласованность и дезорганизация, во многом были результатом того, что никто, собственно, процесс подготовки не централизовывал и не осуществлял общего руководства. Потому что Ленин находился в безнадежном состоянии, и в советской верхушке уже разворачивалась борьба за власть. Успех германской революции и начало большой войны автоматически выдвигали на первое место Троцкого. В чем, разумеется, совсем не заинтересован был триумvirат Сталина-Зиновьева-Каменева. Только и они в 1923 г. еще не обладали достаточной силой, чтобы просто прихлопнуть начинание, выгодное для конкурента - да еще такое, как "мировая революция", считавшаяся тогда неоспоримым приоритетом всей коммунистической политики. Вот и предпочли пустить дело на самотек, чтобы само разваливалось и запутывалось - и дало весомые основания для отмены. Вероятно, это была первая победа Сталина как "государственника" над апологетами революционного космополитизма.

5. За кулисами нэпа

Период нэпа чаще всего принято изображать в розовых тонах - временем разгульным, веселым, изобильным, временем героев Ильфа и Петрова, ресторанов и театров. Только в реальности на эту картину следует наложить очень и очень много серьезных поправок. Во-первых, таким "золотым веком" нэп отложился в народной памяти только в сравнении с предшествующим периодом "военного коммунизма" и последующим, так сказать, "развитого сталинизма". Во-вторых, его существование обеспечивалось, скорее, не политикой государства страны, а борьбой в его руководстве. За сворачивание нэпа были почти все коммунистические лидеры, но тот, кто высказывался об

этом открыто, сразу давал мощные козыри своим конкурентам. Еще в 1924 г. Троцкий принялся выступать за новое закручивание гаек и тут же подвергся разгрому за отклонения от "линии партии". В 1925 г. полемику о нэпе развернула "левая оппозиция" Зиновьева и Каменева, указывая на "опасность кулака", который, дескать, "подомнет под себя Советскую власть", и настаивая на программе коллективизации и индустриализации. Но на XIV съезде против них выступил Сталин, вступивший в альянс с Бухариным, и заявил, что "опасность кулака преувеличивать не стоит", поэтому политику уступок крестьянству надо продолжать. И естественно, обеспечил себе этим поддержку подавляющего большинства, потому что выгоды сытой и благополучной жизни и коммунисты на себе ощущали. В 26-27 гг. на прекращении "вынужденного отступления" настаивала "новая оппозиция" - объединившиеся осколки сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева. И тоже легко громилась по тем же причинам. Ну а как только конкурентов у Сталина не осталось, тут и нэпу конец пришел.

Впрочем, нужно отметить и то, что вся мишура и позолота нэпа на поверку оказывались совсем тоненькими, обманчивыми. С продуктами питания дело действительно наладилось благодаря относительным свободам, предоставленным крестьянству и частному предпринимательству. Но в отношении промышленных товаров страна продолжала жить в крайней нищете. Их можно было разве что приобрести на толкучках - какое-нибудь старье по бешеным ценам, или получить по ордерам - если вдруг удастся после долгих мытарств получить этот ордер по месту работы. А в свободной продаже не было почти ничего. Так, Агабеков в своих мемуарах пишет о традиции, существовавшей в центральном аппарате ОГПУ - сотрудники,

направляемые за границу, раздаривали или продавали "невыездным" свои часы, костюмы, ручки и т. п., поскольку за рубежом могли купить все это запросто, а в СССР достать было негде. Огнями увеселительных заведений сверкали лишь центральные улицы столиц, а подавляющее большинство городского населения ютилось в жуткой тесноте коммуналок, представлявших собой в то время настоящие трущобы.

Были "нэпманы" - скороспелые предприниматели из крестьян, мещан, бывших приказчиков, которые и впрямь часто выглядели карикатурно, пытаясь подражать жизни прежних капиталистов. Но они изначально подвергались травле и гонениям, были главной мишенью издевательств прессы, и преследования на них обрушивались по любому поводу. Можно вспомнить тех же Ильфа и Петрова, у которых нэпман держит всегда наготове "допровскую" корзину для тюрьмы - с точки зрения "пролетарской морали" это было смешно. Скорее, на новоявленных представителей частного капитала смотрели как на гусей, которым позволялось откармливаться и жиреть, пока не придет время потрошить.

Потрошили, кстати, не только нэпманов. Иноземцев, которые так горячо ратовали за признание Советской России в надежде на освоение и передел ее рынков, тоже ждало жестокое разочарование. Тех из них, кто ринулся к большевикам обогащаться, облапошивали самым бесцеремонным образом. Например, участки для разведки полезных ископаемых сдавали в концессию вразбивку, в шахматном порядке, чтобы получить и данные о соседних участках, остающихся за государством. А в договор о разработке месторождения вносился, скажем, пункт, что если разработка не производится в течение такого-то времени, концессия аннулируется. Капиталист не обращал на это внимания - ведь он намеревался эксплуатировать свою

собственность с максимальной отдачей. Но едва завозил и отлаживал оборудование, у него вдруг начинали бастовать рабочие, требуя совершенно невероятную зарплату. А власти разводили руками - это, мол, ваши отношения, капиталистические, вот сами и разбирайтесь. В результате, он терял и вложенные деньги, и свое оборудование, и вынужден был убираться восвояси. Аналогичными способами обирались и выдворялись те, кто позарился на аренду какого-то промышленного предприятия.

А проявления народного недовольства условиями жизни и правлением большевиков прорывались и в нэповские времена, хотя и пореже, чем раньше. В 1924 г. произошло мощное восстание в Грузии. Причем сведения о его подготовке чекисты получили по своим каналам заблаговременно, и поскольку увидели, что размах оно угрожает принять нешуточный, по всей республике, поначалу пытались как-то предотвратить взрыв. Необычный способ для этого предложил молодой, но подающий надежды заместитель председателя грузинской ЧК Лаврентий Берия. По его инициативе была преднамеренно допущена утечка информации. Руководители готовящегося восстания тоже были уже на заметке, но их решили пока не арестовывать и закинули им предупреждение как раз о том, что чекистам все известно, и выступление обречено на неудачу. Однако лидеры мятежников не поверили, сочли это провокацией и подняли свои силы на борьбу. Которая и впрямь была обречена - самих лидеров взяли сразу же, чуть ли не в первый день, восстание было обезглавлено, а поднявшиеся против большевиков дезорганизованные массы крестьян и горожан были разгромлены и подавлены с большой кровью и многочисленными жертвами.

В том же году прокатились серьезные волнения среди рабочих Верхнетагильского округа. 6

"зачинщиков" расстреляли, многих пересажали. Случилась и забастовка на Бакинских нефтепромыслах - тут число расстрелянных достигло 11 чел. Может, были и другие выступления, да только сведений о них не дошло.

А под более или менее "веселой" нэповской оболочкой продолжала бесперебойно функционировать карательная машина, хотя конечно, со временем она видоизменялась и реформировалась. Развивалась система всеобщего шпионажа для быстрого выявления всех "неблагонадежных", и мир коммуналок очень даже этому способствовал. В одной лишь Москве у ГПУ было около 20 тыс. штатных сексотов, не считая кадровых сотрудников и "любителей", имелся целый штат проституток различного ранга от респектабельных "княгинь" до беспризорниц 12-14 лет.

Ну а для выявленных "неблагонадежных" все так же существовали Северные Лагеря Особого Назначения. Поголовное уничтожение всех прибывших здесь прекратилось где-то в мае 1922 г. И конечно, не из соображений гуманности. Просто с Западом заключались торговые соглашения, а единственным валютным товаром, который в условиях разрухи могла экспортировать страна, был лес. Но и прежние лесозаготовительные предприятия не работали, а проект "трудовых армий" так и не удалось реализовать. Ну и наконец, в связи с нэпом и возвратом товарно-денежных отношений Госплан и ВСНХ стали требовать перевода мест лишения свободы на самокупаемость - царил голод, кормить заключенных было нечем, и на этот счет начиная с 1921 г. вышло несколько постановлений. Тогда-то и возникла мысль использовать готовые контингента заключенных на лесозаготовках. Да и чекистов соблазняло получить под свой контроль важнейшую статью доходов. И лагерям была дана соответствующая команда. В 1922 г. было

принято постановление о ликвидации местных концлагерей, разбросанных по всей стране - их содержание было признано невыгодным. Попытались перевесить их на местные бюджеты, однако там и подавно было шаром покати. И всех заключенных, мыкавшихся на скудных пайках из отбросов, а то и вовсе на милостыне горожан, принялись выгребать в Северные Лагеря, от которых ожидалась прибыль.

Как ни удивительно, но питание там считалось сперва неплохим - на Севере остались большие склады продуктов, завезенных англичанами, и из-за трудностей с вывозом их в другие районы (скорее по бесхозяйственности, чем по объективным причинам) стали кормить этими продуктами и заключенных. Хотя и маленькими порциями, но по сравнению с другими местами заключения это казалось даже "роскошью". Бараки, тоже построенные при англичанах, были добротными и теплыми. Но внутрилагерные порядки сразу установились кошмарные. Правда, сроки заключения давались еще небольшие - 3 года, 5 лет, но ведь лагеря-то были "особого назначения". И к заключенным продолжали относиться как к смертникам - только чтоб "добро не пропадало", предстояло использовать их физическую силу, так же как одежду расстрелянных. Один из основателей лагерей, чекист Угаров, любил говорить: "У нас, большевиков, такой принцип, если человек не годен к работе - расстрелять. Это не богадельня".

В Холмогорах свирепствовал комендант Бачулис. По прибытии в лагерь следовал общий обыск, для чего всю толпу, не отделяя мужчин от женщин, заставляли раздеваться догола - все равно, под дождем или на морозе. Хотя сам обыск был чисто формальным, главное было унижить, отобрать мало-мальски ценные вещи, да еще и присмотреть себе красивых женщин. Заключенных Бачулис разделял на десятки, и за

малейшую провинность одного расстреливались все десять. Работа устанавливалась по 14 часов в сутки - с надзирателями, всю применявшими побои. Однажды комендант, увидев, как заключенные сели передохнуть, без предупреждения открыл по ним огонь. Применялись различные виды наказаний - порки, "темный карцер", "холодная башня". В Архангельском лагере штрафников забивали суковатыми палками-"смоленками" по имени коменданта Смоленского. В Холмогорах ставили "на комар" - обнаженную жертву привязывали к столбу перед комендатурой, закрутив руки назад и зажав ноги в колодку, и оставляли на расправу кровососущим насекомым. В зависимости от продолжительности, это наказание могло и играть роль смертной казни. Похоже, опыт сочли удачным, и впоследствии он упоминается и в других местах - в Кемском лагере, на Соловках. Зимой замораживали - голого человека поливали водой или бросали в камеру, набитую снегом.

Каждый начальник все так же содержал целый гарем - у него были свои "кухарка", "прачка", "уборщица" и т. п. Причем если выбор падал на какую-то женщину, свои же подруги умоляли ее не отказываться, чтобы не попасть под расправу всем "десятком". А приток из других лагерей продолжался. Массами стали присылать арестованных социалистов - эсеров и меньшевиков. И в дополнение к двум существующим в конце 22-го был создан еще один лагерь - в Пертоминске. Даже по отношению к Архангельску и Холмогорам он считался "штрафным". Тут заключенных держали в кельях старого монастыря, которые вообще не отапливались и нар не имели. И запасов питания тут не было, кормили одной лишь сухой рыбой, зачастую предоставляя пользоваться снегом вместо воды, так что попавшие сюда мерли, как мухи.

Во всех трех лагерях свирепствовали болезни, да и работа косила не хуже расстрелов. Опыта в лесоповале еще не было ни у тюремщиков, ни у заключенных, поэтому просто гнали в лес без подходящей одежды, без нужного количества инструментов, и заставляли пахать на износ, выполняя "уроки", заданные с потолка. Покалеченных, обессиленных и обмороженных порой пристреливали на месте. А вдобавок, и все результаты оказались коту под хвост - по той же неопытности деревья рубились абы какие, не в сезон, некондиционные, должным образом не обрабатывались, а то и валили в болото, так что невозможно было вывезти. И когда это выяснилось, покатались массовые расправы за "диверсии" и "саботаж". Впрочем, сами чекисты с отчетностью на первый раз выкрутились - в их распоряжении были конфискованные лесосклады, оставшиеся еще от прежних хозяев. И хранившуюся там древесину они толкнули на экспорт, доложив партийному руководству, что это выработка лагерей.

Но все же весной 1923 г. сюда прикатила комиссия из Москвы - то ли настучал кто-то, то ли в рамках кампании по общему наведению порядка в системе ГПУ, которая тогда проходила. И вскрылись многие вопиющие факты злоупотреблений, пьянок, употребления наркотиков, разврата. Вскрылось то, какие оргии закатывали в окрестных населенных пунктах лагерные "царьки", уверенные в своей безнаказанности - с пальбой, битьем стекол, изнасилованиями. Всплыл и "челночный бизнес" с перепродажей вещей расстрелянных и конфискованных ценностей через местное население. Словом, то, что было допустимым и нормальным в 1918-22 гг., теперь вступало в противоречие с отладкой строгой государственной системы. К тому же, и Архангельск с открытием международной торговли перестал быть "медвежьим углом". И тот факт, что "секретная"

сторона жизни лагерей протекает на глазах местного населения, тоже был признан неприемлемым.

И эти "лавочки" было решено прикрыть с крупными перетрясками и взысканиями среди их руководства. А новые лагеря, перенесли в более подходящее место, на труднодоступный и уединенный Соловецкий архипелаг, где имелись готовые монастырские стены, остатки прежнего хозяйства, напроць отсутствовали нежелательные свидетели, а природные условия исключали возможности побега или проникновения посторонних. К моменту ликвидации Северных Лагерей в июле 1923 г. из всех стекавшихся сюда людских потоков в них оставалось лишь около двух тысяч человек. Которых и вывезли на Соловки.

Описание Соловков у Солженицына, пожалуй, получилось несколько искаженным - в его "Архипелаге" они представлены как некий "фантастический мир", в котором сосуществуют рядом и жесточайшие наказания, и почти что опереточная фантасмагория увеселительного заведения - спектакли драматической труппы, изображения слона с буквой "У" на попоне, то есть У-СЛОН (управление Соловецких лагерей особого назначения), свои печатные издания, "раскопочная комиссия" и "дендрологический питомник". Отсутствие обреченности, поскольку и сроки-то у всех чересчур короткие. Видимо, такое смещение акцентов объясняется тем, что Солженицын в качестве основного источника пользовался живой памятью, дошедшей через поколения заключенных. А она, естественно, сохранила самые яркие внешние черты, отсутствовавшие в последующих лагерях. Опять же, память о Соловках передавалась через тех, кто сумел там уцелеть. А уцелели, главным образом, социалисты. Которые в то время еще содержались в льготных условиях отдельно от "контрреволюционеров", в более приличных помещениях, им давали лучшие пайки,

позволяли гулять бесконвойно и не гоняли на каторжные работы.

Но если мы обратимся к воспоминаниям А. Клингера, Ю. Бессонова и др., которым чудом удалось бежать, то увидим, что основная масса заключенных уже тогда содержалась в ежовых рукавицах, без малейшей "свободной" отдушины, впроголодь, и сплошь погибала на общих работах - прокладке железной дороги, лесоповале, или, что считалось еще хуже - торфоразработках. Там находили смерть почти все, и никаких иллюзий относительно своей участи ни у кого не было. При трехгодичных сроках заключения люди с первых же дней понимали, что выжить эти три года у них вряд ли получится. И систематические расстрелы тоже продолжались, хотя и в меньших масштабах, чем в Холмогорах. В 1923-25 гг. тут расстреливали в среднем человек 15 в неделю. Поэтому Соловки действительно можно считать некой переходной ступенью, но не от "фантастического мира" к строгой системе ГУЛАГа, а от лагерей смерти к лагерям "истребительно-трудового" типа. Так же, как в глубинах древности от поголовного истребления пленных и принесения их в жертву богам постепенно переходили к превращению их в рабов.

Продолжались по стране и "обычные" расстрелы, хотя их размах все же снизился. Информацию о них систематизировал, например, инженер В. Бруновский, который сам был приговорен и просидел 3 года в "коридоре смертников", но как гражданина Латвии, его потом обменяли на арестованных там коммунистов ("Дело было в СССР", АРР, т. 19). По его данным, даже в "золотые" нэповские годы середины 20-х в СССР ежегодно казнили около 6 тыс. чел. - из них четвертую часть в Москве. Поскольку фиктивные расстрелы тоже еще практиковались, то сохранились сведения и о самой процедуре. До 1925 г. приговоры приводились в исполнение по ночам в бане внутренней тюрьмы на

Лубянке, а днем там же мылись арестованные. Инструкция о раздевании жертв донага все еще действовала, и приговоренные сдавали одежду тому же каптеру, что моющиеся - разве что на помывку мужчин и женщин водили по отдельности, а на расстрелы - вместе. А после бани те заключенные, у кого не было сменного белья, могли получить белье казненных.

Правда, в отличие от времен "красного террора" содержали теперь смертников и смертниц в разных камерах, но все еще в общем коридоре - и надзор, и даже обыски женщин осуществлялись мужским персоналом. Только для "физиологического" обыска приглашалась специальная надзирательница. С 1925 г. расстрелов стало меньше, и технология казней изменилась.

"В канцелярии объявляется приговор, предлагают расписаться в том, что приговор объявлен, причем после прочтения приговора руки крепко связываются веревкой. Если смертник начинает кричать, ругаться, хватают за горло, зажимают нос и в рот запихивают тряпку... Место казни на Большой Лубянке или в Варсонофьевском переулке. Смертники и смертницы сдаются дежурному коменданту для приведения приговора в исполнение. При групповом расстреле в 3-5-7-10 и более человек едет обычно заместитель коменданта Бутырской тюрьмы Адамсон. Для одиночных расстрелов вызывается кто-либо из комячейки ГПУ или приговор приводит в исполнение дежурный комендант. Жертве развязывают руки, снимают платье, белье. Узенький коридор, в конце которого дверь, а за нею лестница в подвал. Палач предлагает своей жертве идти вперед и следует сзади на расстоянии не более одного метра. Смертник подходит к двери, начинает спускаться в подвал, и в это время палач стреляет почти в упор, в затылок, и жертва падает в подвал".

Упомянутый здесь латыш Адамсон считался главным, так сказать "придворным" палачом. Карьеру он сделал в страшной Одесской ЧК и в качестве командира карательного отряда на Тамбовщине. Бруновский описывает его как совершенно патологического типа. Например, заключенные неоднократно замечали, что при выводе женских камер на оправку, он любил подглядывать за отправлением их естественных надобностей через специальную дырочку. Испытывал мощное влечение к высоким и полным дамам, попадавшим в "коридор смертников", всеми способами склоняя к сожителству и вселяя надежду на заступничество. Но к своим вынужденным любовницам он бывал еще более жестоким, и если приговоры им утверждались, старался сам приводить их в исполнение. Причем в руководстве ОГПУ хорошо знали о его "маленьких слабостях", но смотрели на это сквозь пальцы.

Однако к середине 20-х Адамсон был уже исключением. Из того поколения садистов и маньяков, которым поначалу дали волю коммунистические вожди, на службе осталось не так уж много. Самых явных и неуправляемых монстров начали помаленьку убирать еще в гражданскую - расстреляли харьковского палача Саенко, расстреляли вырезавших Николаевск-на-Амуре Тряпицына и Лебедеву, в 21-м та же участь постигла бакинских убийц Хаджи-Ильяса и "товарища Любу". Многие погибали сами от водки и наркотиков - по свидетельствам современников, большинство "героев" красного террора были алкоголиками или кокаинистами. Кое-кого, как уже отмечалось, предпочли упрятать в психлечебницы - Кедрова, Белу Куна, без следа сгинули в дурдомах маньячка Ремовер и комиссарша Нестеренко.

А по "мирному времени" пошли сокращения - уж слишком раздутыми оказались штаты карательных

учреждений. При реорганизации ВЧК в ГПУ сократили уездные чрезвычайки, потом - местные концлагеря. Следующий удар последовал весной и летом 23-го. В рамках крутых мер по отлаживанию разболтанных и буксующих государственных механизмов дошла очередь и до чекистов. Комиссия ВЦИК выявила 826 "самочинных" расстрелов, многочисленные злоупотребления, коррупцию, взяточничество. Пошла целая серия дел сотрудников ГПУ и трибуналов, кое-кого к стенке поставили, многих поувольняли и понизили в должностях. Видимо, в ходе этой кампании случилась и описанная выше ревизия Северных Лагерьей.

Кажется, и само коммунистическое руководство наконец-то поняло, что участие в кровавых акциях разрушительно действует на психику. В 1924 г. Луначарский, Крыленко и Радек внесли в ЦК предложение, чтобы при исполнении смертных приговоров чекистов заменить уголовниками - потому что, мол, самое "горячее время" прошло, и использовать для столь грязной работы членов партии уже как-то неудобно. Такое решение было принято и проводилось в жизнь. Например, по официальной версии сибирский бандит Мишка Культяпый (Осипов), истреблявший целые семьи, был расстрелян в 1924 г. На самом же деле за то, что он "ссучился" и выдал соучастников, ему было предложено стать палачом при Московском губернском суде. В Бутырской тюрьме, по воспоминаниям кн. Трубецкого, было двое таких палачей, один - "дегенерат полуидиотского типа", другой - искалеченный китаец. Но подобные убийцы на свободу уже не выходили - их содержали в одиночках, выдавали усиленное питание, водку и устраняли самих, когда считали нужным.

А кроме того, чекистов крепко задела борьба за власть в верхах. В 1923-24 гг. развернулась полемика

вокруг выступлений Троцкого, противопоставлявшего "революционеров" и "бюрократов", потом дискуссия относительно его книги "Уроки Октября". И в ходе этих кампаний выяснилось, что больше половины работников ГПУ поддерживают Льва Давидовича против "бюрократов". И разумеется, поддержали его как раз самые активные участники кампаний красного террора, одним из главных руководителей которого он являлся. Ну а поскольку триумvirат Сталина сумел переманить на свою сторону приспособленца Дзержинского, то вскоре последовали организационные выводы. За троцкизм еще не сажали, но и терпеть противников в столь важных структурах сталинисты никак не могли, и тут же весьма эффективно заработали "кадровые методы". Тех, кто имел неосторожность занять сторону конкурента, направляли вдруг служить куда-нибудь на глухую окраину или увольняли "по сокращению штатов". Снова посыпались ревизии - а уж служебные злоупотребления у подобных типов при желании всегда можно было найти. Избалованные вседозволенностью и безнаказанностью, они и в мирное время продолжали по инерции вести себя так же. Привыкли к жизни на широкую ногу и попадались на взятках, на хищениях, сексуальных преступлениях. И по общим впечатлениям современников, где-то в 1924 г. традиционный имидж чекиста кардинально изменился. Вместо грубых мясников и вечно пьяных, разухабистых убийц, костяк карательной машины составили "интеллектуалы" из недоучившихся студентов, политизировавшихся юристов, партийных чиновников и армейских комиссаров.

Разумеется, те из палачей гражданской, кто достиг заметных должностей, имел высоких покровителей и придерживался "верной линии", оставались на своих постах или неплохо устраивались в других сферах деятельности. Продолжали служить и получать

повышения садисты Буль, Фридман, уголовник Фриновский. Лацису даже удалось реализовать свои "научные" комплексы и заделаться натуральным "ученым" - в 1932 г. он стал директором Московского института народного хозяйства им. Плеханова, и со своим незаконченным образованием смог получать эстетическое наслаждение от любимых графиков, статистических таблиц и диаграмм. А видный киевский чекист Яковлев, расстрелявший своего отца, стал заместителем наркома иностранных дел Украины. Хотя кое у кого больное нутро все же прорывалось наружу. Выше уже рассказывалось о послевоенных "шалостях" Петерса и Бокия. Председатель украинского ГПУ Балицкий возил дружков в тюрьмы и устраивал оргии с арестованными женщинами. Бывший чекист Чернов, ставший наркомторгом Украины, привел как-то в номер двух проституток и начал топить в ванне. Одна погибла, другая спаслась, но он отделался лишь строгим выговором. А наркомзем Моисеенко, тоже из палачей, однажды повесил жену - дело списали на самоубийство.

А значительная часть творцов красного террора обнаруживается на Соловках. Только уже... в качестве заключенных. В целях восстановления исторической справедливости здесь стоит отметить одну принципиальную ошибку, допущенную Солженицыным. Описывая Соловки, он указывает, что было в лагерях всего 20-40 чекистов, в руках которых находились высшие руководящие посты и ИСЧ (информационно-следственная часть). А всю внутреннюю администрацию в качестве парадокса времени набрали из... белогвардейцев. И на основе собственных воспоминаний Александр Исаевич даже попытался логически обосновать, почему офицеры могли пойти на такое сотрудничество дескать, хоть в лагере, да командовать. Но вот тут-то и не сходится. Автор строит свою модель на основании психологии советского

офицера. А она от психологии белого офицера отличалась как небо и земля. Простой пример (кстати, тоже взятый у Солженицына). По данным французской статистики после Первой мировой войны в Париже из всех слоев населения самый низкий уровень преступности наблюдался в среде русской эмиграции. А после Второй мировой самый высокий уровень преступности отмечен во второй, советской волне эмиграции. Вот вам и разница менталитета. Большинству людей дореволюционного воспитания их моральные устои и понятия чести не позволяли опуститься до преступления даже ради куска хлеба, а люди советского воспитания считали это вполне естественным. То же было в тюрьмах и лагерях. Все авторы, в том числе и Солженицын, имевший возможность пообщаться и с настоящими белогвардейцами, привозимыми из занятых Советской Армией стран Европы, отмечают, что они и перед лицом смерти сохраняли поразительное чувство собственного достоинства и выдержку, оказываясь в своем поведении на голову выше других заключенных.

Так что версия, благодаря "Архипелагу" ставшая общеизвестной, к истине и близко не лежала. И объясняется теми же издержками "живой памяти" возможно, в данном случае искаженной как раз взглядами социалистов, для которых все палачи были "жандармами" и "белогвардейцами". Но в воспоминаниях тех, кто сам сидел на Соловках, указывается совершенно обратное - Административная часть состояла из чекистов, осужденных за те или иные преступления. Об этом пишет, например, тот же Клиnger, которому довелось некоторое время поработать в лагерной канцелярии и ознакомиться с личными делами заключенных. И эмигрантская "Революционная Россия" в № 31 за 1923 г. тоже сообщает: "Администрация, надзор, конвойные команды

состоят из чекистов, осужденных за воровство, истязания и т. д."

Ну кто из читавших "Архипелаг" не вспомнит красочной фигуры ротмистра Курилко, матюгающего и муштрующего карантинную роту в Кеми, преддверии Соловков? И Солженицын даже попробовал проследить два варианта его "офицерской" родословной. Но современники называют его подлинное имя. Был он никаким не ротмистром, а драгунским унтер-офицером Кириловским. В прошлом - питерским чекистом. В общем, сюда-то и схлынуло поколение садистов и убийц, сформировавшееся в гражданскую и вычищенное ревизиями 23-24 гг. Они действительно становились верными псами руководства, выслуживаясь не за страх, а за совесть. И в полную меру могли давать волю своим патологическим инстинктам, зверствуя, как и прежде. И расстреливали, и насмерть забивали, и штрафников в "голодный карцер" запирали, доводя их до людоедства, и "на комар" ставили, и замораживали, и сжигали, и по пенькам за скачущей лошадью таскали, и привязав к бревну, с горы по ступенькам скатывали...

Но и с лагерным начальством из ИСЧ в самом деле конфликтовали. Ведь они только себя считали "настоящими чекистами", в отличие от новых выскочек и "белоручек". Они были "героями" гражданской, лично обеспечивая победы на ее фронтах, насчитывали за собой вереницы "подвигов" во славу советской власти. И подспудно надеялись, что об этом еще вспомнят, оценят. Поэтому и переживали болезненно ущемления своей самостоятельности, вмешательства каких-нибудь зеленых новичков в свои прерогативы. А поскольку знали всю подноготную чекистской службы, то и пакостили конкурентам - выявляя и засвечивая их стукачей, отправляя их из своих вотчин на этапы.

Однако "настоящие чекисты" уже доживали последнее. Информация об их зверствах все же

просачивалась - и за рубежом, и в СССР. Ведь многие с Соловков и живыми возвращались - уголовники, проститутки, даже некоторые политические. А карательной машине, которую реформировал под себя Сталин, явно выраженные монстры и маньяки были уже не нужны. Ей требовались убийцы другого типа - бесстрастные, предсказуемые и исполнительные, словом бездушные и хорошо отлаженные детали общего механизма, действующего строго по воле Хозяина. Было прислано несколько комиссий и создано дело о широком "белогвардейском заговоре" на Соловках (заодно зверства свалили на "белогвардейцев", провокационно желавших таким способом опорочить советскую власть - вот еще один корень оскорбительной байки). И всех скопившихся здесь штрафных чекистов, позабывших, что несмотря на власть над жизнями заключенных, и их собственные жизни в качестве таких же заключенных гроша ломаного не стоят, причислили к этому "заговору". И в октябре-ноябре 1929 г. около 600 чел. было расстреляно. Так и сошел в братские могилы под маркой "белогвардейцев" цвет палачей красного террора.

6. Время стабилизации

В 1922-23 гг. Зарубежная Россия стала осознавать, что пребывание на чужбине затянется дольше, чем виделось изначально. На Родине период массового сопротивления сменился относительно-спокойным нэпом, а на внешнеполитической арене Запад всюду наводил мосты для торговли с Москвой, а потом и дипломатические контакты. По этому поводу у разных течений эмиграции также возникли противоречия. Одни считали, что международное признание ускорит падение коммунистического режима, поскольку влившись в мировое сообщество, большевики вынуждены будут "цивилизироваться" и пойти, на

демократические реформы. Другие - например, Милюков, доказывали, что произойдет обратное - после признания и выхода из изоляции коммунисты уверятся в полной безнаказанности, утвердят власть и легче справятся с оппозицией. Третьи предпринимали активные попытки сорвать это беспринципное признание.

Так, 13. 4. 1922 г. в Генуе, во время пресловутой конференции, полиция задержала Савинкова, у которого обнаружили план гостиницы, где размещалась советская делегация. Но если этому профессионалу не удалось совершить теракт, то вскоре успеха добились дилетанты. 10. 5. 1923 г. в Швейцарии сотрудниками Российского Красного Креста Конради и Полуниным был убит В. В. Боровский - один из видных предателей своего народа, в период революции ведавший перекачкой германских денег на нужды большевиков. Он так и оставался потом на дипломатической работе, стал полпредом в Италии и возглавлял советскую делегацию на Лозаннской конференции. То, что его убийцы были связаны с Российским Красным Крестом, вряд ли случайно. Как раз в эту организацию стекались многочисленные свидетельства о зверствах коммунистов, и совершая теракт, два молодых человека жертвовали собой, чтобы привлечь внимание общественности к истинным событиям в России...

И отчасти это удалось. Они были одиночками, но после своих выстрелов получили поддержку и сочувствие от самых разных группировок. Перед судом над ними бурную деятельность развил лидер октябристов А. И. Гучков, сумевший не только нанять хороших адвокатов, но и вывести дело на более высокий уровень: защита превратилась в обвинение советской власти. В ходе заседаний были представлены многочисленные свидетели и документальные доказательства большевистских преступлений. (Как раз

в ходе сбора и систематизации этих доказательств появилась знаменитая работа С. П. Мельгунова "Красный террор в России"). И поскольку суд, конечно же, широко освещался в мировой прессе, он стал трибуной, распространившей правду о большевизме. Обвиняемые были с триумфом оправданы, а один из их адвокатов, Т. Обер, настолько проникся правотой их дела, что стал основателем новой международной организации - "Лиги борьбы с Третьим Интернационалом" (чаще называемой "Лига Обера"). Она ставила своей целью противодействие советскому влиянию на международной арене, сбор материалов о преступлениях коммунистов и разоблачение их замыслов. Секции "Лиги" образовались в 17 странах, в нее вошли многие политические и общественные деятели, как иностранные, так и эмигрантские - руководитель Российского Красного Креста Ю. И. Лодыженский, А. И. Гучков, генерал фон Лампе и др.

Но никакие протесты, просьбы, предостережения в вопросах большой политики не действовали. И то же самое общественное мнение с помощью той же самой печати быстро перестраивалось в нужное русло, поэтому даже такая громкая акция, как процесс Конради и Полунина, стала не более чем сенсацией одного дня. Стоит учесть и то, что дело об убийстве Воровского разворачивалось в 1923 г., когда Запад встревожили подрывные действия большевиков в Германии, Польше и Болгарии, и европейские державы разворачивали свои собственные демарши против СССР, так что и процесс пришелся "в струю" информационной войны. Но стоило обстановке успокоиться, как снова взяли верх меркантильные интересы.

В качестве иллюстрации тут можно привести любопытный пример с "Союзом торговли и промышленности" - вот он-то как раз выступал за признание Западом советского правительства, будучи

уверен, что при налаживании торговли неизбежно встанет вопрос о собственности экспортируемых из СССР товаров - продукции заводов, нефтепромыслов, шахт, рудников, отобранных у законных владельцев. Казалось естественным, что цивилизованные Франция и Англия не захотят покупать награбленное, и Советы будут вынуждены искать какие-то компромиссы с прежними хозяевами, предусматривая им некие компенсации. Не тут-то было! Европейская демократия закрыла глаза и на священное для нее "право собственности", практически выступив в роли перекупщиков краденого, а все попытки "Торгпрома" напомнить о юридической стороне вопроса и о необходимости учесть в переговорах с СССР их интересы, просто-напросто игнорировались.

Генуэзская конференция, давление Франции и Англии, роспуск белых частей в Болгарии подписали окончательный приговор Русской армии Врангеля. Впрочем, из одного лишь факта, что жизнь в эмиграции затягивается на неопределенный срок, следовал вывод о невозможности сохранения прежних полков и дивизий. Финансовые возможности для их содержания у Врангеля были мизерными, а "общественные работы" - тяжелый черный труд по прокладке железных и шоссейных дорог, могли представлять лишь временный выход из положения. В долгосрочном варианте они превратились бы просто в каторгу. Становилось ясно, что неизбежен распад армии, когда люди будут разъезжаться в поисках работы и пристанища по разным городам, странам, континентам. И Врангель решил перейти к новой форме организации - в виде "воинских союзов", где солдаты и офицеры, морально причисляющие себя к армии, состояли бы на учете, как бы "в запасе", готовые вернуться в строй, когда обстановка станет более благоприятной. Так возник

Русский Общевоинский Союз (РОВС), окончательно оформившийся в 1924 г.

В нем было зарегистрировано около 100 тыс. членов, существовало 5 европейских, 2 североамериканских и дальневосточный отделы, была создана "Особая казна для ведения политической работы по связям с Россией", существовали так называемая "внешняя линия", занимавшаяся делами разведки и засылки агентуры в СССР, и "внутренняя линия", ведавшая вопросами контрразведки и борьбы с советской агентурой - этими направлениями руководил А. П. Кутепов. Обращалось внимание на поддержание высокого военно-научного уровня, на работу с детьми эмигрантов, выражающими желание примкнуть к РОВС и числить себя русскими военными. Для этого разрешалось принимать в организацию лиц призывного возраста, организовывались образовательные кружки и курсы, низшие - для подготовки унтер-офицеров, средние - для младших офицеров, и высшие - для штаб-офицеров. Звания присваивались после экзаменов специальными комиссиями. В Париже действовали Высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерала Н. Н. Головина. Здесь, кроме подготовки слушателей, изучался опыт Мировой и гражданской войн, передовые достижения военной науки, издавались некоторые учебные пособия.

Точно так же, как РОВС пытался в этот период сберечь для будущего лучшие кадры и традиции российской армии, так другие эмигрантские круги старались сохранить духовный, культурный и научный потенциал прошлого - то, что в самой России было погублено и в какой-то мере уцелело лишь в Зарубежье. На этот счет существует богатая специальная литература, поэтому стоит лишь кратко упомянуть, что русские научные общества возникли в Праге, Берлине, Париже, Белграде, Харбине, в 20-х годах прошло пять

съездов эмигрантских академических организаций. Если технические науки не имеют четкой государственной и национальной специфики, и их представители могли реализовывать свои исследования в иностранных фирмах и институтах, то для гуманитариев возможность выразить себя и плоды своей мысли в полной мере открывалась только в среде соотечественников. Для этого в Праге с 1925 г. начал работать исторический семинар, в Париже был создан богословский институт, а в Харбине - богословская школа. В Праге и Харбине были также образованы русские юридические факультеты - считалось, что после освобождения страны ей понадобятся квалифицированные специалисты в данной области.

Что касается потенциальных путей возрождения, то изначальная надежда на успех народных восстаний уступила место другим вариантам. Теперь большинство партий и движений стали склоняться, что это произойдет в результате постепенной внутренней эволюции и демократизации большевистского режима, доказательством чего считался нэп. РОВС придерживался другой точки зрения - что свержение коммунистов не обойдется без иностранного вмешательства. Но отнюдь не в качестве готовящейся агрессии Антанты, как это изображала советская литература. Белогвардейцы хорошо знали, что нападать на СССР никто на самом деле не собирается, а призывать чужеземцев к такому нападению не могли из чувства собственного патриотизма. Просто считалось, что большевики сами своей агрессивной политикой вскоре вызовут столкновение с Западом. И как мы видели по событиям 1923 г., для подобных выводов у врангелевского штаба и его разведки имелись серьезные основания.

Но обстановка вокруг СССР становилась все более стабильной, и эмиграция все так же продолжала

существовать "между прошлым и будущим". Были предприняты несколько попыток ее объединения, если не политического, то хотя бы организационного, что-то вроде "единого фронта". Отчасти это удалось только на Дальнем Востоке, да и то благодаря специфике тамошних условий. До революции полоса КВЖД принадлежала России, и Харбин был почти русским городом. Поэтому нахлынувшие сюда беженцы прибыли как бы и не совсем на чужбину. И генерал Хорват, прежний управляющий КВЖД, остался общепризнанным "единым лидером", поскольку хорошо знал местную жизнь и имел прочные связи с китайской администрацией. А представителем РОВС сюда был назначен ген. А. С. Лукомский, сумевший наладить неплохие отношения с Хорватом и Дитерихсом.

Попытка создания "единой зарубежной России" была предпринята и в мировом масштабе. В 1923 г. по инициативе ряда политических деятелей, в основном - врангелевской ориентации - П. Б. Струве, И. П. Алексинского, генералов Шатилова, Миллера и др., родилась идея "всемирного русского съезда". Задумку поддержали П. Н. Краснов со своими сторонниками, Совет Послов, "Союз торговли и промышленности" - всего в оргкомитет вошли представители 72 организаций. Стал выходить печатный орган оргкомитета "Возрождение", предполагалось образовать "широкий национальный фронт" во главе с великим князем Николаем Николаевичем, создать некие органы общеэмигрантского представительства, выработать скоординированную политическую тактику. Однако уже на этапе подготовки организаторы столкнулись с непреодолимыми трудностями. Вся левая часть эмиграции наотрез отказалась от какого бы то ни было участия в съезде и обрушилась на него с ожесточенными нападками. Сыпались обвинения в реакционности, монархизме, персональная критика.

Общественности доказывалось, что мероприятие заведомо не будет иметь никакого значения из-за недостаточного представительства. Но и отношение монархистов оказалось неоднозначным. Так, сторонники Кирилла Владимировича выпустили "циркуляр канцелярии его императорского величества", в котором повелевалось "никакого участия в созываемом некоторыми эмигрантскими группировками зарубежном съезде не принимать", а результаты заранее объявлялись ошибочными и подтасованными.

Да и между самими организаторами единство оказалось весьма условным, по каждому мелкому вопросу возникали споры, любую формулировку любого документа приходилось долго утрясать и согласовывать. В результате, долгожданный съезд открылся только в апреле 1926 г. В парижской гостинице "Мажестик" собралось 420 делегатов из 26 стран. А каких-либо ощутимых результатов акция не принесла. Те же внутренние разногласия в полной мере выплеснулись и на съезде, споры пошли и при выборах председателя, и по повестке дня, и по списку выступающих, и по вопросу, нужно ли исполнять российский гимн "Боже, царя храни", и даже по проблеме, какому митрополиту служить торжественный молебен - Антонию или Евлогию. Правительство Франции, от которого ожидали хоть какой-нибудь официальной реакции, сочло за лучшее проигнорировать съезд - в тот момент оно как раз вело переговоры с СССР о поставках нефти и осложнять их не хотело. Разумеется, такое пренебрежение сразу же сказалось на рейтинге мероприятия.

Выступления разных делегаций тоже приняли противоречивый характер. Председатель Торгпрома С. Н. Третьяков спровоцировал скандал, обвиняя съезд в "засилии дикого помещика", и покинул его с группой сторонников (как потом выяснилось, Третьяков был уже

завербован советской разведкой). Какого-либо объединения вокруг фигуры Николая Николаевича тоже достичь не удалось. Из-за неоднозначного отношения к монархизму ему было послано лишь приветствие, составленное в округлых формулировках, на что и он прислал столь же округлый ответ, повторив свой призыв не предрешать судеб и образа правления будущей России. Так что в итоге, никто толком и не понял состоялось ли признание великого князя национальным вождем, или просто произошел обмен любезностями.

И закончилось все, собственно, ничем. Как писал Врангель: "После зарубежного съезда общественность оказалась у разбитого корыта. Ни одна группа не оказалась достаточно сильной, и в чувстве собственного бессилия все ищут союзников".

Даже политических органов в результате разногласий было создано не один, а два - как шутили в эмиграции, "съезд, вместо того, чтобы родить законного ребенка, разродился внебрачной двойней". Один орган, ориентирующийся на РОВС и сохранивший за собой газету "Возрождение", назывался "Центральное объединение". Другой - "Патриотическое объединение", он опирался на сторонников Краснова, БРП, Высший Монархический Совет. Платформы этих организаций отличались только в формулировках, обе признавали верховный авторитет Николая Николаевича, обе понимали необходимость связи с иностранными политическими кругами, с "внутренней Россией" - и естественно, борьбы с коммунизмом.

Что же касается Советской России, то ее внешняя политика в данный период тоже претерпевала серьезные изменения, хотя из эмиграции это не всегда можно было разглядеть. Все так же нагло безобразничали за рубежом коммунистические службы и организации - Разведупр РККА, ОГПУ, Коминтерн.

Действовали они независимо друг от друга и отчаянно соперничали. И все три мешали и путали карты наркомату иностранных дел. Отсюда, кстати, и пошла традиционная вражда этих ведомств, выплеснувшаяся кровью в 30-х, когда чекисты получили волю над конкурентами. Но в первой половине 20-х самым крутым считался Разведупр, и именно на его долю приходилось большинство диверсий, терактов, вооруженных провокаций. За ним шел Коминтерн, претендовавший на роль "государства в государстве", а точнее надгосударственного образования. У него были свои "вооруженные силы" Военная комиссия, при которой существовали диверсионные и командные школы, штат военных инструкторов, направлявшихся за границу для подготовки отрядов боевиков при братских компартиях. Имелась собственная разведка, постепенно в каждой стране появились свои радиостанции.

А изменения внешнеполитической стратегии и тактики обозначались по мере того, как Сталин в междоусобной борьбе одолевал Троцкого, Зиновьева и Каменева. И соответственно, "государственная" идея начала брать верх над "интернационально-революционной". Нет-нет, вовсе еще не "национально-государственная", как изображают порой защитники Сталина (а иногда и его противники), а, скажем так - "коммунистическо-государственная". Но все же заметно отличающаяся от возведения мировой революции в сверхзадачу. Решительный поворот произошел в 1925 г. Троцкий, подставившийся под удар со своей книгой "Уроки октября", был объявлен антиленинцем, по всей стране прошла кампания под девизом "Похоронить троцкизм", и на заседании ЦК в январе 25-го разразилась гроза над самим Львом Давидовичем. Его осудили и подвергли моральному избиению. Зиновьев и Каменев предлагали исключить его из Политбюро, ЦК и партии. Но меры наказания Сталин смягчил - то ли

приберегал врага для противовеса Зиновьеву, то ли предпочитал похоронить их вместе. Троцкий был лишь снят с должностей председателя РВС и наркомвоена, но в политическом плане стал уже "битой" фигурой.

В это же время нашелся подходящий повод для пересмотра международной стратегии - Разведупр и Коминтерн несколько раз подряд крупно обделались. В ноябре 1924 г. Коминтерн спровоцировал восстание в Эстонии. Ни малейшей поддержки трудящихся путч не получил, поскольку жилось этим трудящимся в сытой и благополучной республике довольно неплохо. Так что выступили против правительства лишь несколько сотен вооруженных боевиков - фактически наемников. Были перестрелки, лилась кровь, но разумеется, такому восстанию быстро пришел конец.

В том же году в Вену был направлен резидент Разведупра бывший офицер Нестерович (Ярославский) с задачей снова подтолкнуть мировую революцию. Сценарий оставался почти прежний, по "аграрному" варианту, и реализовывался вместе с Коминтерном. Сперва предстояло разжечь восстания в Болгарии и Югославии (причем кроме классовых, предполагалось использовать и панславянскую идею). Из этих государств революции предстояло перекинуться на все Балканы, а затем через Австрию и на Германию. Опять готовились боевые дружины, конспиративные организации, обстановка накалялась терактами. Восстание в Болгарии должно было начаться убийством царя, что по мнению организаторов вызвало бы кризис в верхах, растерянность властей, панику и способствовало бы успеху. И 16. 4. 25 г. во время отпевания убитого генерала Георгиева, на котором ожидали присутствия монарха, в Софийском соборе прогремел мощный взрыв.

Царь по случайности остался жив, хотя погибли и пострадали сотни людей. А заговорщикам это ни

малейшей пользы не принесло - наоборот, все население консолидировалось в гнев против террористов. Да и правительство, уже наученное событиями 23-го, среагировало мгновенно - сразу после взрыва в стране было объявлено военное положение, а полиция начала облавы и аресты. У нее имелись списки лиц, заподозренных в коммунистической деятельности, вот по этим спискам и брали всех подряд. Те, у кого "находили оружие и взрывчатку, быстро получали смертные приговоры. И подготовленное восстание было раздавлено в зародыше, так и не успев начаться. Кстати, у бывшего офицера Нестеровича, видать, сохранилось что-то от прежних моральных устоев. После взрыва в соборе его совесть замучила. Он оставил об этом письмо и стал одним из первых советских невозвращенцев - сбежал в Германию. Но хотя и пообещал в письме хранить молчание обо всех секретах, его быстренько вычислили и прикончили.

Кроме того, 1925 г. Разведупром готовилось восстание на Волыни. Да только один из созданных там "партизанских отрядов", обложенный войсками, не счел нужным скрывать свою принадлежность и с боем прорвался из Польши в СССР, что вызвало грандиозный дипломатический скандал. Впрочем, надо отметить и то, что серьезной опасности поплатиться за международное хулиганство для коммунистов в тот период не существовало. Это только советская пропаганда не уставала мобилизовывать сограждан угрозой империалистической агрессии, на самом же деле в западноевропейской политике была возведена в абсолют идея пацифизма - дескать, после ужасов Мировой войны главное - это сохранение мира, а остальное - мелочи. Хотя стоит иметь в виду, что данный идеологический штамп, как и другие подобные, тоже внедрялся в массовое сознание по "заказу сверху".

Просто по опыту Первой мировой западные политические и деловые круги пришли к выводу, что современная война оказывается убыточной для всех участников, в том числе и для победителей. А экономическое сотрудничество с СССР рассматривалось как выгодное. Поэтому выходки большевиков оставлялись без последствий. И того, что Советский Союз стал мощным центром международного терроризма, как бы и не замечали, и ни о каких "санкциях" даже близко речь не заходила. Время от времени появлялись грозные ноты Англии, которые спускали пар, а практического развития не получали. И западные дипломаты предпочитали удовлетворяться детскими объяснениями, будто Коминтерн и советское правительство - это, дескать, разные епархии, поэтому за действия местных компартий СССР не отвечает. И даже когда в руки зарубежных компетентных органов попадали серьезнейшие разоблачительные документы - например, приказ Коминтерна о вооруженном выступлении в Болгарии в 1925 г., или в 1926 г. - письмо Зиновьева руководству британской компартии, где перечислялись различные способы государственного переворота, это тоже не вызывало должной реакции. Москва просто отпиралась от таких компроматов, с невинным видом объявляя их "фальшивками".

Но Сталин нанес мощный удар, ломающий всю "интернациональную" стратегию. Еще в полемике с Троцким по книге "Уроки Октября" он отрицал, что успех русской революции однозначно зависит от победы социализма во всем мире или, во всяком случае, в нескольких промышленных странах Запада. Хотя в данном случае, взгляды Троцкого четко совпадали с ленинскими - Ильич тоже считал, что без мировой революции Советской России не устоять. Но Сталин не зря создавал Институт марксизма-ленинизма по сбору и изучению наследия вождя. И в этом наследии откопал

мощное оружие против Троцкого малоизвестную до того времени статейку "О Соединенных Штатах Европы", написанную в 1915 г., где Ленин теоретизировал о возможности победы революций не одновременно, а в нескольких странах, а то и вообще в одной из-за "неравномерности развития капитализма" (хотя конкретно Россия там не называлась). А после победы над Троцким и имея на руках дополнительные козыри в виде упомянутых провалов заграничных акций, Сталин предпринял дальнейшие шаги. В марте 25-го на V расширенном пленуме ИККИ и в апреле на заседании Политбюро впервые был уже официально озвучен тезис о "построении социализма в одной стране".

Тезис этот отнюдь не ленинский, а сталинский, он лишь подкреплялся надерганными ленинскими цитатами. И разумеется, для многих он прозвучал как гром среди ясного неба. Например, вызвал резкие возражения Зиновьева и Каменева, которые были по сути не менее ярыми "интернационалистами", чем Троцкий, а боролись против него не по принципиальным, а по персональным соображениям. Зиновьев в частных беседах говорил: "Наша марксистская партия при отсутствии мировой революции держится на честном слове". Да ведь только и сами они были нужны Сталину лишь в качестве временных союзников. И почти сразу после разгрома Троцкого сами стали "левой оппозицией".

Правда, внешнеполитические разногласия шли вторым пунктом, а главным предметом споров в это время стала внутренняя политика, судьба нэпа и отношение к крестьянству. И тезис о "победе социализма в одной стране" Зиновьев с Каменевым из тактических соображений со скрипом согласились внести в резолюцию Политбюро к XIV съезду ВКП(б) в декабре 25-го. Ну а на этом съезде оппозиция

Зиновьева, Каменева, Сокольникова и Крупской потерпела жестокое поражение. А сталинский тезис проскочил автоматом, не вызвав у делегатов особого интереса, поскольку страсти кипели по другим вопросам.

Тем более, что генсек не отказывался от самой идеи мировой революции. Но для достижения этой цели он выдвинул "теорию гири". Дескать, в грядущем столкновении между империалистами, которое когда-нибудь произойдет, СССР станет "решающей гирей", брошенной на весы. "Если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки - нам придется выступить последними" - и естественно, стать победителями. Согласитесь, что по сравнению с теорией "охапки хвоста" для разжигания мирового пожара, в коем качестве должна была выступать Россия по мысли Ленина и Троцкого, "теория гири" имела существенные отличия. Во-первых, предполагалось вмешиваться в уже начавшийся конфликт, а не лезть на рожон самим, как в 19-м, 20-м и 23-м. Во-вторых, страна должна была воспользоваться плодами победы, а не жертвовать собой во имя "пролетариев всех стран" (хотя ясное дело, Ленин и Троцкий собой жертвовать не предполагали, им просто было все равно, пролетариями каких стран "вождить"). В третьих, в ожидании применения "гирю" следовало сохранять и утяжелять - т. е. укреплять экономический и военный потенциал СССР, а не разбазаривать ресурсы на растопку сомнительных пожарчиков в других странах.

И в 25-м произошли серьезные организационные изменения. Была ликвидирована Военная комиссия Коминтерна со своими боевиками и школами. А коминтерновская разведка перенацеливалась на сбор военной и экономической информации, больше требующейся для нужд СССР, а не абстрактного "мирового коммунизма". (Например, во Франции для

этого стали использовать институт "рабкоров" при "Юманите" - рабочим предлагалось присылать в редакцию заметки о положении на своих заводах, условиях труда и быта. Если же корреспонденция приходила с оборонного предприятия, к рабкору выезжал штатный "журналист", якобы заинтересовавшийся материалом и имеющий опросник для уточнения "некоторых сведений". Руководили операцией К. Лиожье и И. Вир, был к ней причастен и будущий лидер французских коммунистов Ж. Дюкло). Кроме того, вышло постановление Политбюро "Об активной разведке" - таким термином обозначались диверсии, терроризм, непосредственные боевые действия. Постановление дальнейшую работу в данном направлении отменяло.

А главное направление коммунистической экспансии с этого времени развернулось на Восток. С точки зрения "мировой революции" это тоже получило теоретическое обоснование. Дескать, главным оплотом империализма является Великобритания, но революционная ситуация там не может возникнуть, поскольку буржуа избаловали рабочий класс за счет ограбления колоний. А вот если колоний у англичан поубавится и им придется потуже затянуть пояса, то глядишь, и возьмутся за ум, поднимут знамя борьбы. Поэтому СССР активно поддерживал гражданскую войну в Китае в 1925-27 гг., разворачивал подрывную работу в Иране и Афганистане. И легко увидеть, что такая деятельность тоже весьма отличалась от предшествующего периода. Хотя она и велась под идеологическим флагом, но приобретала явные черты "державности" - борьбы за сферы влияния и геополитических интересов. Да и формы советского проникновения - финансирование и поддержка своих ставленников, направление военных и политических советников и т. д., по сути ничем теперь не отличались

от того, что делали западные державы. И кстати, любопытно отметить, что идеологическая подкладка больше мешала, чем помогала успеху. Планы, рождавшиеся в Москве (в том числе и сталинские) вырабатывались строго на основе непогрешимых ленинских теорий. Но эти догмы в конкретные условия других стран ну никак влезать не хотели, и подобные инструкции, внедряемые через советников, только путали карты местным сторонникам Москвы и приводили их к поражениям - как было в том же Китае.

Фактический поворот от стратегии "интернационализма" к "государственности" завершился в 1926 г. В январе вышла работа Сталина "К вопросам ленинизма", где среди прочих вопросов уже однозначно обосновывалось, что СССР обладает всеми необходимыми ресурсами для построения социализма в одиночку. Дальнейшее утверждение этой линии шло параллельно с добиванием конкурентов. Весной 26-го Троцкий и Зиновьев со своими сторонниками сумели объединиться, и Лев Давидович составил проект "платформы оппозиции". Его представили в ЦК, опальные вожди принялись организовывать демонстрации на заводах с требованием проведения партийной дискуссии по своей программе. И сами же подставились по чисто формальным признакам - потому что еще при Ленине было принято решение о недопустимости фракционности в коммунистических рядах. Их обвинили в расколе, "оскорбительном вызове единству партии". Перепуганные оппозиционеры - и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, и Сокольников, каялись в ошибке и обещали, что больше не будут. Крупская публично отреклась от соратников. В октябре 1926 г. Троцкого и Каменева исключили из Политбюро, Зиновьева сняли с поста председателя исполкома Коминтерна. На XV партконференции "троцкистско-зиновьевский блок" был совершенно разгромлен и

растоптан. Но характерно, что главным вопросом этой же конференции стали тезисы о "построении социализма в одной стране", которые и были одобрены подавляющим большинством. С этого времени и Коминтерн окончательно утратил прежнее значение, превратившись просто в придаток советских спецслужб.

7. Фронт по всему миру

В относительно спокойных и благополучных 20-х между двумя Россиями, Советской и Зарубежной продолжалась непримиримая война.

Правда, некоторые начали "сходить с дистанции". Так "Центр Действия" после понесенных поражений распался. Престарелый Чайковский, быстро теряющий былую энергию, ударился в мистику и стал активным масоном (в эмиграции существовало несколько русских лож - "Северное сияние", "Северная звезда", "Северное братство", в них входили некоторые видные деятели: Керенский, Кускова, Амфитеатров и др. Хотя имеющиеся данные о таких ложах дают весьма проблематичную картину - основывались они с нарушением всех масонских традиций, т. е. заведомо не входили в мировые масонские структуры, сами придумывали для себя новые правила, вроде разрешения на участие женщин. А Керенский и Кускова пользовались своим масонством, в основном, для того, чтобы на старости лет раздувать собственную роль в событиях минувшего).

А место отошедших борцов занимали другие. "Лига Обера" провела пять международных конференций - в Париже, Лондоне, Гааге и две в Женеве. Предпринимались попытки вывести противодействие коммунизму на уровень некоего "межправительственного союза" - но разумеется, безрезультатные. Движение "Крестьянская Россия" было в 1925 г. преобразовано в Трудовую Крестьянскую

партию (ТКП). В Праге прошло несколько ее съездов. После разгрома московской организации возможности этой партии значительно уменьшились, но все же она, а с ее помощью и союзники по Республиканско-Демократическому объединению, продолжали засылать в Россию свою литературу через доверенных лиц в приграничной полосе. От случая к случаю такая литература переправлялась и через Харбин. Б. Н. Савинков после подавления зеленого движения решил перейти к прежним, дореволюционным формам и начал разрабатывать планы "центрального террора" на советских вождей. Свою агентуру продолжали засылать РОВС и БРП.

Кое-где сражались и в открытую, с оружием в руках. Так было в 23-м в Болгарии, когда некоторые белогвардейцы вступали добровольцами в отряды Цанкова, считая это продолжением борьбы с большевизмом. Так же восприняли многие эмигранты начало гражданской войны в Китае в 1925 г. - тем более, что революционная сторона поддерживалась и финансировалась Москвой, снабжалась оружием, сюда были направлены многочисленные большевистские советники - и военные, во главе с Блюхером, и политические, во главе с Бородиным. Для борьбы на стороне Чжан Цзолия против гоминьдановских и коммунистических войск генерал Нечаев создал отряд из 4 тыс. белогвардейцев с артиллерией и броневиками, а одним из советников китайского правителя стал Н. Меркулов - бывший лидер Владивостокского правительства. Но данный опыт никак нельзя было назвать удачным. В специфических условиях китайской войны, когда постоянно менялся расклад сил, а массы народа и генералы со своими армиями переходили с одной стороны на другую, то и дело перетасовываясь в различных комбинациях, русский отряд оказался в положении "иностранный легион". Его, как самый

надежный, бросали на самые жаркие участки. А из-за внутрикитайских интриг (когда, скажем, тот или иной генерал стремился сбросить свои войска - поскольку они были его собственные, персональные, а не "общие") белогвардейцы раз за разом попадали в критическое положение и несли большие потери. В боях полегла почти четверть личного состава. Война для русских выглядела все более непонятной и безрезультатной, а разочарование и чуждая обстановка порождали тоску и пьянство.

В свою очередь, и советские спецслужбы продолжали активные действия против эмигрантских организаций. Пользуясь упрочением международного положения СССР, они постепенно набирались опыта, совершенствовали тактику и наращивали удары. Все еще шла агитация за "возвращенчество", только от массовой пропаганды большевики перешли к более изоциренным формам. Например, кроме слишком уж засветившихся отделений "Совнарода" стали использовать "сменовеховские" организации. Иногда - напрямую, отыскивая в них кандидатуры, подходящие для вербовки, иногда - втемную. Через своих "доброжелателей" поддерживали и финансировали сменовеховские издания, приманивая к сотрудничеству с ними деятелей культуры, науки, творческой интеллигенции. При таких финансовых преимуществах зарубежные русские таланты имели гораздо больше шансов опубликовать свои произведения в сменовеховских органах, и платили там лучше. Ну а потом начиналась дальнейшая обработка и затягивание в СССР. И естественно, общий моральный эффект от удаи с более-менее заметной фигурой был намного значительнее, чем от выманивания нескольких рядовых беженцев. Но надо заметить, что если в эмиграции "сменовеховство" всячески приветствовалось и поощрялось коммунистами, то внутри СССР само слово

"сменовеховец" считалось ругательным, таким ярлыком клеймили "случайных попутчиков", примазавшихся к советской действительности и работающих не по идейным, а по практическим соображениям.

Организовывались и провокации другого рода. Похоже, например, что не без участия ОГПУ была создана столь заметная в эмиграции организация как "Союз младороссов". Он образовался на съезде русского студенчества в Мюнхене в 1923 г., и возглавил его некто А. Л. Казем-Бек, провозгласивший совершенно фантастическую программу. С одной стороны, младороссы объявляли себя монархистами, сторонниками Кирилла Владимировича, но с другой отвергали восстановление прежней России и требовали соединить монархизм "с достижениями революции", выдвинув абсурдную формулу "Царь и Советы". Тем не менее, поначалу движение привлекло значительную часть молодежи. Была перенята некоторая атрибутика итальянских фашистов - Казем-Бек окружал себя "синерубашечниками", знаменами, копировались приветственные жесты и крики. Союз издавал газету "Младоросская искра" и предъявлял претензии на роль "второй советской партии" - то бишь монархической партии, которая якобы могла бы открыто существовать в системе СССР наряду с коммунистами. При этом младороссы не желали сотрудничать ни с кем, поливая грязью и РОВС, и ВМС, и милюковцев. Правда, потом произошел раскол - многие члены движения стали подозревать своего лидера в связях с советской разведкой. Его обвинили в том, что своим политическим хулиганством он только разлагает патриотические круги эмиграции, и в Софии возник другой центр - "Союз неомладороссов". (Казем-Бек в 1956 г. вернулся в СССР, был помощником главы иностранного отдела Московской патриархии, но и здесь его считали

"опасным человеком" - распускать язык в его присутствии категорически не рекомендовалось).

Исчерпывающую информацию о деятельности и планах иностранных группировок ОГПУ получало различными способами. Скажем, использовался тот фактор, что их отделения были разбросаны по всему свету, и чтобы сохранять единство, должны были постоянно информировать друг друга. Так, руководитель армянских дашнаков в Тавризе Ишханьян аккуратно посылал в Париж свои доклады, а оттуда получал инструкции и обобщенные сведения о деятельности партии. Точно так же тавризский представитель мусаватистов Мирза-Балла поддерживал регулярный обмен информацией с Константинополем. Но местный почтмейстер был на корню куплен резидентом из советского консульства и добросовестно передавал ему для просмотра всю подобную корреспонденцию. А представитель украинских националистов в Константинополе и сам был завербован, передавая ОГПУ всю текущую переписку о делах своей организации. Там же перекупили кого-то из секретариата грузинских меньшевиков, и советским спецслужбам направлялись в копиях протоколы всех заседаний.

Для работы против дашнаков широко использовалось и армянское духовенство. Эчмиадзин, духовный центр армянской церкви, остался на советской территории, а разрешение на проезд туда для канонического посвящения в более высокий сан давали не всем. Выбирали тех, кого в обмен на карьеру в церковной иерархии удавалось склонить к сотрудничеству, или тех, в чье ближайшее окружение уже были внедрены чекистские агенты.

Русских эмигрантов вербовали, обещая амнистию, гарантируя хорошее устройство в СССР, а то и обеспечивая возможность прилично жить, оставаясь за

рубежом. Разумеется, покупались далеко-далеко не все, но в такой массе при желании всегда можно было найти подходящих. Скажем, в Персии был привлечен к сотрудничеству некий полковник Джавахов. По заданию ОГПУ он связался с местным отделением "Братства русской правды" и заявил, что хочет помогать этой организации. Сообщил, что имеет свои каналы связи через границу, контакты с повстанцами в СССР. Уже упомянутые неразборчивость БРП и наивность в вопросах конспирации сказались в полной мере. Джавахова приняли с распростертыми объятиями, а дальше Бакинское ГПУ само писало отчеты о его "деятельности", которые он пересылал в Братство, быстро заслужив репутацию активного борца с коммунизмом. Его, в свою очередь, информировали об успехах других звеньев организации, от чекистов он получил деньги на покупку гостиницы в Реште, которую стал безвозмездно предоставлять для собраний и русским организациям, и мусаватистам. И естественно, все говорившееся на таких собраниях сразу становилось известно в Баку. Для засылки в СССР Джавахову тюками передавали литературу - и газеты, для выпуска которых нищее БРП скребло деньги по копейкам, заполняли чекистские кладовые. Несколько раз Джавахов отправлялся лично для докладов высшему руководству - его встречали с почетом как заслуженного антисоветского деятеля, подробно рассказывая обо всех делах и планах Братства.

В рамках этой операции вблизи иранской границы ОГПУ поселило нескольких сотрудников, изображавших "повстанцев" Джавахова. К ним направляли агентов БРП, эти сотрудники присоединялись и к настоящим повстанцам, армянским и азербайджанским, отряды которых пытались просочиться из Персии. И благополучно приводили их в ловушки... Кстати, примерно так же, в основном, агентурными методами,

чекистам удалось покончить с басмаческим движением в Средней Азии. Постепенно сложилась ситуация, когда о каждом вторжении из Афганистана было известно заблаговременно, и последние рейды Джунаид-хана и других лидеров приводили их прямехонько в засады, на пулеметный расстрел.

Дополнительные возможности для ОГПУ предоставил описанный в предшествующих главах разгром многочисленных подпольных организаций на территории СССР в 1921-23 гг. А от раскрытых групп открывались пути проникновения в зарубежные центры. Так, еще в 1921 г. чекисты вышли на след одного из резидентов Е. Коновальца. И через него было внедрено несколько агентов в организации украинских националистов. Точно так же в Баку очутились "под колпаком" резиденты мусаватистов. К ним продолжали поступать письма лидера партии д-ра Ахундова, направлялись связные, и чекисты использовали игру, получая ценную информацию и контролируя действия противника.

Еще 5. 12. 20 г. вышел секретный приказ Дзержинского, в котором рекомендовалось "устройство фиктивных белогвардейских организаций в целях быстрейшего выявления иностранной агентуры на нашей территории". И на базе раскрытых подпольных сетей

было проведено несколько крупных провокаций примерно по одному сценарию. Одну из первых осуществило Украинское ГПУ против генерала Тютюнника. Оно выследило слабенькую организацию "Верховна вийскова рада", но решило, вопреки обыкновению, не арестовывать ее, а поэкспериментировать. Чекисты проникли в состав организации, развили бурную деятельность по расширению ее "сети". С помощью ГПУ "Рада" быстро усилилась, обрастая новыми структурами. Попутно рос

и рейтинг "новых членов", обеспечивших такой успех, и вскоре чекистские агенты выдвинулись в руководство, захватив его под свой контроль. И настойчиво внушали мысль, что для активизации действий организации не хватает авторитетного вождя, для чего инициировали обращение к Тютюннику. К нему во Львов был послан не чекист, а один из настоящих создателей "Рады", которого трудно было заподозрить в связях со спецслужбами, да он и сам пребывал в блаженном неведении, чью волю исполняет.

Но все же Тютюнник проявил осторожность. Сперва он послал для проверки одного из помощников. Тот совершил поездку по различным городам, встречаясь с местным "активом" - организация уже имела отделения по всей Украине, создала видимость проникновения в различные советские структуры, и эмиссар вернулся в полном восторге, доложив, что дело и впрямь серьезное, и на эту карту вполне можно делать ставку. Тютюнник заинтересовался, зимой 1923 г. перешел границу и сразу был схвачен. По его делу Харьков пришлось выдержать настоящую битву с Москвой, которая требовала расстрелять генерала. Но Украине хотелось иметь свою "рекламную фигуру" наподобие Слащева для агитации националистов за возвращенчество, и кое-как Дзержинского уломали. В тюрьму к Тютюннику хлынуло паломничество агитаторов, включая руководство республики, ему доказывали прелести украинской жизни при советской власти, приводили примеры улучшения положения крестьян в результате нэпа, развития национальной культуры и языка. И хотя не сразу, все же уговорили к переходу на службу. В 1925 г. он был назначен помощником начальника и преподавателем Харьковской школы красных командиров - но понятное дело, оставался под постоянным надзором чекистов.

В эти же годы разработка аналогичных проектов шла полным ходом и в самой Москве. Здесь под руководством Дзержинского, Менжинского и начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Артузова почти одновременно начали проводиться еще две подобных операции - "Трест" и "Синдикат-2". Одна против руководства РОВС, другая - против Савинкова. Его планы "центрального террора" не на шутку встревожили большевистскую верхушку. Посыпались дипломатические протесты, на поляков оказывалось давление через западные страны - вопрос о Савинкове всплывал на любых переговорах, поднимался в прессе. В результате Польша должна была выслать его, он перебрался сперва в Прагу, потом в Париж и оттуда продолжал руководить своим НСЗРиС. Для провокации против него решили использовать его же собственных эмиссаров в России - московского резидента Зекунова и адъютанта Шешеню, об аресте которых Савинков не знал. Была придумана легенда о сильной подпольной организации "Либерально-демократическая группа" (ЛД), действовавшей с 1921 г. Ее руководителя изображал чекист А. П. Федоров (он же Мухин), с которым якобы случайно познакомился Зекунов.

Поскольку этот савинковец заложил ряд соратников и был хорошо "повязан", его сочли возможным послать за границу, снабдив богатыми разведывательными материалами, вроде бы, переданными от "Либерал-демократов". Он прибыл в Вильно к уполномоченному НСЗРиС Фомичеву, а оттуда в Варшаву, где доложил областному комитету столь ценную информацию. Там Зекунов узнал о посылке еще нескольких эмиссаров в Россию их сразу арестовали, чтобы доказать ненадежность каналов, не связанных с "ЛД". Во вторую поездку с Зекуновым отправился Федоров. Он рассказал Варшавскому комитету о своей организации, и савинковцы для проверки решили послать в СССР

Фомичева. Его не тронули - пользуясь "связями ЛД", он вместе с Федоровым и Зекуновым свободно добрался до Москвы. С его участием провели несколько заседаний "руководства подполья" и забросили хитрую удочку - на заседаниях некоторые члены ЛД стали выражать скептическое отношение к НСЗРиС - мол, вряд ли эта организация представляет реальную силу, и контакты с ней если и имеют какое-то значение, то только моральное, из-за личного авторитета Савинкова. Фомичев клюнул, принялся доказывать обратное и высказался за необходимость объединения. Что чекистам и требовалось.

Савинков инициативу подчиненного одобрил, и летом 1923 г. состоялась поездка Федорова в Париж. Он встретился с Савинковым, его помощниками Павловским и супругами Деренталь, а также Сиднеем Рейли. Провел он игру хорошо. Раскрывая "свои карты", вынуждал собеседников к ответной откровенности. И Савинков согласился возглавить объединенное руководство НСЗРиС и ЛД. А по поводу якобы имеющихся финансовых трудностей тут же выдвинул план "эксов" - по дореволюционному эсеровскому примеру организовывать налеты на банки и кассы, для чего обещал прислать своих специалистов.

Все же он был опытным волком, и вдогонку Федорову отправил в Москву Павловского. Тот пересек границу по неизвестному ЛД каналу и нагрязнул вдруг с проверкой к Шешене. Опасаясь, что он что-нибудь пронюхает или уже пронюхал, его взяли. Павловский не смирился, попытался бежать из тюремной бани, оглушив конвоира, однако вырваться так и не смог. За обещание сохранить жизнь его заставили сотрудничать с чекистами. Под их диктовку он написал письмо, где закидывалось еще несколько удочек в расчете на слабые струнки Савинкова. Мол, образован "временный ЦК НСЗРиС", заочно избравший зарубежного лидера

председателем. Писалось, что "только в России настоящая работа", в то время как в эмиграции "толкуют воду в ступе", и сам Павловский, дескать, целиком ушел в здешнюю живую деятельность. А чтобы подтолкнуть Савинкова к приезду, придумали историю, будто в организации возникло два течения - "активисты", призывающие к немедленным действиям, и "накописты", требующие выжидать и набираться сил. И это разделение, мол, способно расколоть движение, если не будет авторитетного вмешательства.

Тем не менее, Савинков все еще осторожничал и потребовал приезда Федорова, Шешени и Павловского. Отправились двое - отсутствие Павловского объяснили подготовкой крупного "экса" и побега из тюрьмы его брата. Борис Викторович сразу насторожился. Согласился с необходимостью прибыть в Россию самому, но сперва намеревался все же дождаться Павловского - дескать, нужно обсудить с ним кое-какие заграничные дела. А пока опять послал Фомичева. И снова пошла игра. Перед Фомичевым инсценировали заседания с участием Павловского, который старался мирить между собой ругающихся "активистов" и "накопистов". Там же он высказал просьбу оставить его пока в России для проведения "экссов", и "ЦК удовлетворил его просьбу". Чтобы усыпить бдительность Фомичева, его тоже избрали на ответственный пост уполномоченным по Тверской, Брянской и Тульской губерниям, и отправили в поездку по провинции, а его отчет и письмо Павловского с обещанием скоро приехать отвез в Париж чекист Сыроежкин. Через некоторое время Фомичеву сообщили, будто Павловский ранен при нападении на поезд, представили его в перебинтованном и загримированном виде, и "ЦК" постановил отправить для доклада Фомичева и Федорова. Сообщалось, что Павловскому с помощью Фомичева в какой-то мере

удалось сгладить противоречия в организации, но теперь из-за ранения все опять может пойти кувырком. И Савинков решился.

15. 8. 1924 г. перешел границу, его привезли в Минск на конспиративную квартиру, где, не упустив возможности позабавиться, ждали под видом местных подпольщиков сам Артузов, руководители Белорусской ГПУ Пиляр и Медведев. И лишь после доверительной беседы сообщили, кто они такие. Над Савинковым разыграли судебный процесс, используя состояние его морального шока, чтобы вынудить "признание" советской власти. И приговорили к расстрелу, который великодушно заменили 10-летним заключением. Правда, лишь для того, чтобы сфабриковать от его имени покаянные письма к соратникам и родным. А, сделав дело и выжав все, что можно, из его громкого имени, инсценировали самоубийство - 7. 5. 1925 г. Савинкова сбросили в лестничный пролет на Лубянке. Похоже, он предвидел такой вариант расправы и сумел передать записку сыну, где призывал не верить, если пойдут слухи о его самоубийстве.

Параллельно с "Синдикатом-2" разворачивалась операция "Трест". Для ее осуществления в Москве были завербованы действительный статский советник А. А. Якушев (он же Федоров) и генерал М. Н. Потапов, служившие в советских учреждениях. Их, видимо, круто обработали в ОГПУ (по некоторым данным, Якушева обвинили в антисоветской деятельности и пригрозили расстрелом), запугали возможными репрессиями против родных и сделали из них послушных и толковых агентов. Для пущего правдоподобия добавили арестованного савинковца Опперпута (он же Стауниц, он же Касаткин), об участии которого в борьбе с коммунистами могли что-то знать за границей. Согласно легенде, они представляли большую организацию под названием "Монархическое

объединение Центральной России" (МОЦР), имеющую колоссальные возможности и внедрившую своих людей на многие руководящие должности. Своей целью она ставила подготовку переворота, для чего хотела заручиться поддержкой западных держав и эмиграции - в первую очередь, РОВС.

Ну а чекисты с помощью "Треста" намеревались выявить каналы связи между Россией и зарубежьем, узнать планы противников, внести раскол в их ряды, при удаче - устранить лидеров. И главное - защитить коммунистическое руководство от возможного террора. Точно так же, как "Либеральные демократы" в своей программе резко осуждали индивидуальный террор, и лишь на этом условии соглашались вести переговоры с Савинковым, так и "Трест" должен был убедить верхушку эмиграции, что террор и диверсии несвоевременны и вызовут ответные репрессии, способные разрушить их отлаженную организацию.

С такими задачами Якушев отправился в Берлин, где встретился с руководством Высшего Монархического Совета, установил через него контакты с деятелями, близкими к Врангелю - В. В. Шульгиным, Н. Н. Чебышевым, начальником контрразведки Е. К. Климовичем. И игра началась. В следующую поездку Якушев побывал в Париже, увиделся с Кутеповым и великим князем Николаем Николаевичем, сумев завоевать их доверие. Для ознакомления на месте с организацией "Треста" в Россию послали эмиссаров РОВС, Радкевича и племянницу Кутепова Марию Захарченко (она же Шульц, Стесинская). Они прибыли в Москву в 1923 г., и ОГПУ смогло их убедить как в существовании МОЦР, так и в его силе. Чтобы удобнее было принимать таких гостей, сразу же беря под контроль, в 1924 г. было специально организовано чекистское "окно" на финской границе, где свободный проход обеспечивал якобы подкупленный начальник

заставы Тойво Вяхя. Для доказательства "надежности" этого окна по нему переправили за рубеж кого-то из дальних родственников Врангеля.

Посланцев до поры до времени не брали, знакомили с "активистами подполья", демонстрировали разветвленные структуры и большие возможности. Заваливали РОВС ценными разведданными, и очень быстро вся разведка Кутепова фактически замкнулась на "Трест" - такие источники информации ей прежде и не снились. Была налажена регулярная "нелегальная" переписка. Парижу сообщали обо всех успехах организации, а в ответ просили помочь деньгами кстати, просьба далеко не безобидная, финансирование всегда было больным местом эмигрантских группировок, и чекисты, выпросив с трудом добытые деньги, лишали противника возможности для действий в иных направлениях. Но главное, постоянно требовали осведомлять о делах за рубежом - это, дескать, повышает дух героев-подпольщиков и позволяет координировать внутреннюю работу с внешней. И Кутепов наивно шел на поводу, посылая периодические сводки о деятельности эмигрантских организаций и их взаимоотношениях.

Успехи "Треста" вызывали интерес и в других группировках, с которыми прямо или косвенно был связан РОВС. В орбиту провокации постепенно втягивались ВМС, Торгпром, "Лига Обера", движение евразийцев, иностранные спецслужбы. Многие исследователи отмечают, что чекисты старались вбить клин между Врангелем и Кутеповым. Например, донесения "Треста" наполнялись потоками неумеренной лести в адрес Александра Павловича. Писалось: "Вы и только Вы спасете Россию, только Ваше имя пользуется у нас популярностью, которая растет и ширится".

Но можно смело предположить, что дело тут не только в желании поссорить руководителей РОВС.

Похоже, Кутепова просто пытались заманить в Россию по схеме Тютюнника и Савинкова. Так, инсценированный в присутствии эмиссаров из-за рубежа "съезд" из нескольких сот человек единогласно избрал Кутепова почетным председателем. Точно так же, как перед этим "временный ЦК НСЗРиС" избрал председателем Савинкова.

Однако генерал по своему складу отличался от руководителя боевиков и лезть в чуждую для него обстановку подполья явно не собирался. Поэтому чекистам пришлось довольствоваться фигурами более мелкого масштаба. Одной из жертв стал Сидней Джордж Рейли. Авантюрист по натуре, он решил рискнуть и посетить организацию, о которой уже ходили легенды. Осенью 1925 г. его провели через "окно" Тойво Вякя, проводили в Ленинград, а потом в Москву, дали отправить по почте весточку за границу. 27 сентября устроили его совещание с руководством "Треста", а прямо оттуда отвезли на Лубянку. 5 ноября он был расстрелян. Чтобы не обрывать на этом игры, на границе инсценировали "случайную" перестрелку, и чекист, загримированный под Рейли, изобразил его гибель на глазах финских пограничников. Сам разведчик был в тот момент еще жив - пытались деморализовать и вынудить давать показания, чекисты предъявили Рейли газету с описанием его смерти. Так же заманили в Россию и взяли видного монархиста князя П. Долгорукова. А летом 1926 г. в Париже при загадочных обстоятельствах исчез генерал Монкевиц, ведавший в разведке РОВС вопросами внешних связей - в частности с "Трестом".

Вероятно, все еще не теряя надежды заманить Кутепова, чекисты в конце 1925 - начале 1926 гг. устроили поездку в СССР В. В. Шульгина. Его под контролем ОГПУ провезли через Ленинград, Москву, Киев, целым и невредимым вернув за границу. На него

произвела огромное впечатление сила организации, с "деятелями" которой он повсюду встречался, и агенты которой якобы оберегали его безопасность. И впрямь оберегали - среди тех, кто с ним встречался, был сам Генрих Ягода. А чтобы закрепить успех и распространить впечатление Шульгина на всю эмиграцию, обнаглевшее ОГПУ само же подбросило ему мысль написать книгу о своей поездке и помогло с подбором материала. Книга вышла в Берлине под названием "Три столицы", однако в данном случае чекисты переиграли сами себя. Когда деятельность подполья была таким образом разрекламирована в открытой печати, а "Трест", несмотря на это, не понес ударов и продолжал функционировать, многие заподозрили неладное. И иностранные разведки, и многие эмигрантские группировки, пользовавшиеся услугами "Треста", стали избегать контактов с ним. Кутепов еще колебался, но тоже оборвал некоторые "линии", вызывавшие наибольшие подозрения.

А окончательно развеялись сомнения в апреле 1927 г. Из России в Финляндию бежал Опперпут, покаялся в работе на ОГПУ и разоблачил всю грандиозную провокацию. Он выразил горячее желание отомстить коммунистам и делом доказать свою искренность, и через месяц вместе с активистами РОВС Марией Захарченко и Вознесенским отправился в СССР для совершения теракта. В начале июня они пытались устроить диверсию в Москве, подложить бомбу в общежитие ОГПУ, но попытка не удалась, и группа стала уходить к западной границе. Под Смоленском они попали в облаву, в которой погиб Опперпут. Захарченко и Вознесенский захватили машину, вырвались на ней из кольца, однако водитель испортил автомобиль. Они продолжали путь пешком, у станции Дретунь напоролась на засаду и в перестрелке были убиты. Впрочем, это только официальная версия. В

эмигрантских кругах выдвигалась и другая - что Опперпут просто отвел агентов Кутепова в ловушку, а появлялся за границей и делал разоблачения тоже по заданию ОГПУ. Поскольку доверие к "Тресту" пошатнулось, то для чекистов было вполне логично свернуть операцию, но громкий скандал при этом наносил дополнительный удар по Кутепову, подрывая его авторитет.

Проводились и другие аналогичные операции - "Синдикат-3", "Синдикат-4" и др., только результаты их оказались намного скромнее, поэтому и сведений о них почти не имеется - в 60-х годах, когда КГБ решил приоткрыть некоторые тайны прошлого, для героизации и популяризации, естественно, были выбраны самые успешные дела. Но кроме создания фиктивных организаций, в распоряжении ОГПУ имелись и иные методы. В 1926 г. в Париже евреем Ш. Шварцбадом был застрелен С. Петлюра - якобы из личной мести за антисемитские погромы петлюровцев на Украине. И французский суд даже счел мотив заслуживающим снисхождения, убийцу оправдали. (Что можно считать одним из типичных примеров заштампованности западного "общественного сознания", поскольку сам Петлюра ни малейшего отношения к еврейским погромам не имел. Он всегда запрещал их своими приказами и наказывал за них - но имел слишком мало возможностей для реального контроля за своими буйными подчиненными).

В том же году из Китая похитили атамана Б. В. Анненкова и его начальника штаба генерала Н. А. Денисова. Атаман, успевший много претерпеть на чужбине и ни за что посидеть в китайской тюрьме, вообще отошел от политики и занимался разведением породистых лошадей. Когда в ходе гражданской войны провинция Кансу, где он жил, была занята революционными войсками маршала Фэн Юйсяна,

ставленника Москвы, Анненкову приказали явиться для переговоров о переходе на службу к маршалу. А в гостинице г. Калгана его и Денисова захватили чекисты во главе с советником Фэн Юйсяна "товарищем Лином" (В. М. Примаковым). От имени атамана выпустили покаянные воззвания к эмиграции - якобы он добровольно решил вернуться в СССР. Но особого впечатления они не произвели, многие сразу усомнились в их подлинности. Над Анненковым и Денисовым в 1927 г. был разыгран показательный суд в Семипалатинске ("открытый" - но конечно же, с подсадной публикой), навешавший на них всех собак, в том числе и массовые казни, осуществлявшиеся самими красными в период "тотальной зачистки" Восточного Казахстана. И конечно, Анненков с Денисовым были расстреляны.

Любопытно, что примерно в это же время была попытка заманить в СССР другого атамана - Семенова. Ему, жившему в Японии, тоже было предложено пойти на службу в китайскую революционную армию с обещанием амнистии и высоких постов по возвращении на родину. Однако он оказался хитрее. Дав предварительное согласие, потребовал себе должность не ниже командира корпуса или дивизии, и чтобы гарантии такого назначения были вручены ему в письменном виде. А сам повел переговоры с японскими предпринимателями. Ссылаясь на будущий высокий пост, обещал им устроить выгодные концессии в Сибири, только просил за это комиссионные с предоплатой. Разумеется, никуда он ехать не собирался, но увидел возможность подзаработать на чекистском обмане, переадресовав потом претензии бизнесменов к советской стороне, по вине которой не состоялось бы назначение Семенова. Когда советское посольство в Токио узнало о начавшемся торге и прикинуло, какие счета ему могут выставить, оно

поспешило публично дезавуировать все предложения, сделанные атаману.

8. Курс на террор

В 1927 г. обстановка вокруг СССР серьезно обострилась. В феврале мощный удар по обнаглевшей и раскинувшей обширные сети советской разведке был нанесен во Франции - было арестовано более 100 чел. во главе с резидентами Узданским и Гродницким. В это же время и Англия наконец-то решила всерьез отреагировать на подрывную работу большевиков. 23. 2 последовала нота британского МИД с требованием прекратить коммунистическую пропаганду в британских владениях под угрозой разрыва дипломатических отношений. Как на это отреагировала советская сторона, хорошо известно по знаменитым плакатам "Наш ответ Чемберлену". Нужда и то сказать - подобные ноты неоднократно появлялись и раньше без каких-либо практических последствий. Но на этот раз Лондон проявил решительность. 12. 5 английская полиция произвела обыск в советско-британской фирме "Аркос", через которую осуществлялся основной объем торговли между двумя странами. И которая служила в Лондоне легальной "крышей" для ОГПУ, Разведупра и Коминтерна. Правда, некоторых важных документов, которые, по данным английских спецслужб, должны были находиться в представительстве, так и не нашли, но все же по сумме набралось достаточно, чтобы разорвать отношения и выслать из Британии советские дипломатические и торговые миссии.

Странно, не правда ли? Уж, казалось бы, что вытворяли за границей советские спецслужбы в 23-25 гг., и все им сходило с рук. А к 27-му уже взяла верх линия на строительство социализма в одной стране, взрывы по Европе больше не гремели, отряды боевиков не создавались - и вдруг такая реакция? Ответ прост. Во-первых, к этому времени окончательно провалилась

концессионная политика, и надежды британского капитала взять под контроль российский сырьевой рынок оказались похороненными. А во-вторых, как уже отмечалось, главным направлением внешней экспансии коммунистов стало восточное. И представляло теперь опасность традиционным сферам интересов Англии. По сути, речь шла о реанимации все того же исторического лозунга "русской угрозы" с одной лишь поправкой - при царском правительстве эта угроза чаще была мнимой. Усилия по расширению геополитического влияния, конечно, предпринимались, но далеко не в тех масштабах, как это рисовала западная, в первую очередь британская, пропаганда. А вот при большевиках, куда более напористых и энергичных, чем прежняя власть, к тому же и совершенно неразборчивых в средствах, угроза английскому влиянию стала приобретать реальные черты.

Еще дальше англичан и французов пошли китайцы, у которых понятия о "законности" были куда более условными. По приказу Чжан Цзолиня был захвачен советский пароход, курсировавший по Сунгари, а затем полиция обыскала советское полпредство в Пекине. Китайские власти сочли такое нарушение международных норм вполне адекватной мерой, поскольку и СССР с этими нормами ничуть не считался - из посольства шли финансовые потоки, подпитывающие революционеров, рассылались военные директивы и инструкции. В условиях гражданской войны оно практически стало экстерриториальной базой для разведывательной, диверсионной и пропагандистской работы. Вслед за этим китайские власти организовали налеты с обысками на советские консульства в Шанхае и Кантоне. И везде были обнаружены различные компрометирующие материалы, свидетельствующие о подрывной деятельности СССР.

В эмигрантских кругах затеплилась надежда, что западные державы наконец-то осознают свои прежние ошибки и окончательно разорвут отношения с большевистским режимом, поэтому деятельность РОВС и других антисоветских группировок резко активизировалась. Наложился и скандал с разоблачением "Треста" - провокацию ОГПУ Кутепов воспринял как пощечину, нанесенную лично ему и всем белогвардейцам. И сделал именно то, от чего его так настойчиво удерживал "Трест" - взял курс на террор против коммунистов. Целью этих акций он считал "разрушить миф о неуязвимости советской власти". Его поддержали такие лидеры эмиграции как Гучков, Струве, полагающие, что для борьбы надо искать "новые пути", и пришла пора "конструировать террористическую организацию". У РОВС остались "окна" в границе, неизвестные "Тресту", и в СССР одна за другой пошли группы боевиков. Как уже отмечалось, неудавшуюся диверсию пытались совершить Захарченко и Вознесенский. А 7. 6. 1927 г. по большевикам было нанесено сразу три удара, хотя очевидно, такое совпадение было случайным.

В Варшаве 17-летний Борис Коверда застрелил полпреда Войкова - одного из организаторов и главных исполнителей уничтожения царской семьи. Кстати, на дипломатической работе Войков проявил себя далеко не лучшим образом. Он считал, что цареубийство создает ему "демонический ореол", притягательный для дам, и волочился за ними напропалую, нарываясь на скандалы. Вел широкий образ жизни, брал взятки, совсем развалил торговлю с Польшей, наконец, был уличен в пропаже крупных сумм посольства, и ему грозила Центральная Контрольная Комиссия. В Наркоминделе говорили: "если бы не Коверда, быть бы Войкову в советской тюрьме, а не в кремлевской стене".

В тот же день в Белоруссии был убит видный чекист И. Опанский. А еще один юноша, Виктор Ларионов, несмотря на то, что ОГПУ было предупреждено о нем и вело розыски, устроил взрыв на собрании в ленинградском партклубе, в результате чего было убито и ранено около 30 чел. После диверсии группа Ларионова сумела благополучно выбраться из СССР, но чекисты объявили, будто виновные пойманы. По обвинению в ленинградском взрыве судили других людей Строевого, Болмасова, Сельского и Андеркаса. Возможно, это были члены других террористических групп РОВС, схваченных большевиками, а может, просто нашли козлов отпущения среди "бывших" или "возвращенцев". Над ними разыграли шумный пропагандистский процесс, доказывавший, что белогвардейцы работают на Англию, и приговоривший всех к смерти. (И между прочим, Англия настолько испугалась обвинений в покровительстве терроризму, что даже отказала Врангелю во въездной визе, когда он хотел приехать в Лондон для переговоров с британскими политиками).

Вскоре вскрылась еще одна попытка теракта в посольстве СССР в Варшаве - взрывное устройство обнаружили в дымоходе. Хотя в данном случае причастность белогвардейцев выглядит очень сомнительной - скорее, это была просто провокация, чтобы подтолкнуть польские власти к гонениям на эмигрантов, которые и без того начались после убийства Войкова. Но надо отметить, что после первой, во многом неожиданной для ОГПУ атаки лета 1927 г. эффективность белого терроризма быстро упала. Идти на такие задания обычно вызывались самые молодые, горячие и самоотверженные. Но они росли и воспитывались в эмиграции, а в обстановке советской России оказывались совершенно чужими, выделяясь и манерами, и стереотипами поведения, и даже

разговорным языком. Если пользовались какими-то старыми связями, то многие из них были "засвечены" во времена "Треста" и держались под контролем чекистов. Если пробовали обойтись своими силами, то в обстановке общей шпиономании и слежки быстро попадали на подозрение. Мы даже не знаем, сколько их было, этих молодых идеалистов, ринувшихся в активную борьбу, как мотыльки на огонь.

Какие-то шансы сделать свое дело и уцелеть имелись только у тех, кто спешил совершить мелкие диверсии в приграничной области и вернуться обратно. Но такие акции оставались почти незаметными. В общей картине борьбы их даже нельзя отличить от сопротивления местных крестьян начинавшемуся раскулачиванию. О тех же, кто стремился совершить нечто значительное и погибал, мы знаем лишь по отдельным случаям. Например, члены РОВС Мономахов и Радкевич в 1928 г. сумели добраться до Москвы, намереваясь устроить теракт против кого-нибудь из коммунистических руководителей. Но очень быстро убедились, что к высокому начальству им не подступиться, а задерживаться в столице опасно - они и так кочевали по городу, не зная, где приткнуться и чувствуя, что вызывают подозрения. Поэтому решили сделать хоть что-нибудь, уж что получится. И 6 июня бросили бомбу в бюро пропусков на Лубянке, убив и ранив несколько человек. Часовые задержать их не смогли. На поиск были подняты все войска, милиция, курсанты училищ и школы ОГПУ, по Москве и области пошли повальные облавы. В ночь на 8. 6 патрульная опергруппа чекиста Луферова заметила двух человек на Каширском шоссе, на окрики и выстрелы они ответили огнем. Опергруппа развернула погоню, однако Мономахов и Радкевич оторвались от преследования и ушли. Район тут же был оцеплен. На рассвете белогвардейцы наткнулись на засаду у р. Пахры.

Завязался бой, два смельчака отстреливались и отбивались гранатами. Радкевич погиб, Мономахов сумел скрыться, но расстрелял все патроны и был задержан дружинниками из мобилизованных крестьян, которые прочесывали местность.

Эффективность диверсионной работы во многом парализовывалась успехами внешней разведки ОГПУ. Несмотря на прекращение операции "Трест", за время ее проведения (и благодаря полученным данным) были уже подготовлены резервные источники информации в самой верхушке эмигрантских организаций. Так, по свидетельству дипломата Г. Беседовского, парижский резидент ОГПУ Янович в 1927 г. хвастался: "У меня имеется человек возле самого Кутепова, который хорошо освещает его деятельность. Скоро будет еще один, и тогда вся деятельность Кутепова будет проходить перед нами, как под стеклянным колпаком".

Имел он агента и в редакции белогвардейской газеты "Возрождение". Как уже отмечалось, был завербован и председатель Торгпрома С. Н. Третьяков (который, возможно, и был этим "человеком возле самого Кутепова"). Он сохранил в эмиграции какую-то часть прежних капиталов (а может, и Москва помогла), и купил в доме № 29 по улице Рю-де-Колизе три квартиры. В одной жил сам, другую сдавал под представительство Торгпрома, а третью канцелярии РОВС. И в кабинете Кутепова был установлен микрофон для прослушивания, выведенный в квартиру Третьякова. Стоит ли удивляться, что агенты РОВС в России так часто погибали? Был также завербован А. Кольберг, один из руководителей БРП, и чекисты имели исчерпывающие данные и об этой организации.

Любопытно, что незаурядные способности на тайном фронте проявил в эмиграции А. И. Деникин. В отличие от большинства соратников по Белому Движению, любая тайна которых оказывалась видной за

версту, он вдруг показал себя превосходным конспиратором. Именно поэтому мы теперь знаем очень многое о "врангелевской", "савинковской", "кутеповской" организациях, а вот о "деникинской" практически ничего. Хотя она действительно существовала - иногда в литературе эта организация фигурирует под названием "комитет Мельгунова" по фамилии другого руководителя, видного историка-антикоммуниста. А вот о ее деятельности не сохранилось почти никаких данных, кроме того, что выпускался журнал "Борьба за Россию", часть тиража которого нелегально переправлялась в СССР, и что именно "комитет Мельгунова" в связи с высоким моральным авторитетом и общепризнанной честностью его лидеров занимался сбором и распределением денег для других организаций, активно борющихся с большевиками. Ни Деникин, ни Мельгунов разговоров на темы своей антисоветской работы никогда и ни с кем не вели, а все записи и документы своевременно уничтожались. И почти все, связанное с этой стороной их жизни так и осталось тайной до сегодняшнего дня.

Надежды белогвардейцев на то, что активизация их борьбы ляжет в общее русло политики иностранных держав, тоже не оправдались. Антисоветская линия Англии была вызвана лишь угрозой ее собственным интересам. Но интересам других государств, не имеющих "сфер влияния" в Азии, попытки коммунистического проникновения туда ущерба не наносили, и наоборот, разрыв отношений с СССР грозил большими убытками. Поэтому Германия, Италия, скандинавские и прибалтийские страны сразу же отказались поддержать британскую инициативу. Франция некоторое время поколебалась - все же скандал с расплодившимися красными агентами был неслабый, да и ущерб они нанесли колоссальный, особенно в области промышленного шпионажа. Но

цены, по которым Советский Союз продавал нефть, были чересчур заманчивыми, и 17. 9. 1927 г. Совет министров Франции принял решение: "В настоящее время ничто не оправдывает разрыва дипломатических отношений с СССР".

Последовавшие за этим протесты русской эмиграции, как сами понимаете, внимания не удостоились. А вскоре и Англия пошла на попятную - там в мае 1929 г. после консерваторов пришли к власти лейбористы, политический курс изменился, и дипломатические отношения с Москвой были восстановлены.

Причем восстановлены несмотря на то, что "восточный" курс большевиков вовсе не изменился и даже активизировался. Доходило и до прямого военного вмешательства. В 1928 г. две дивизии красноармейцев под командованием В. М. Примакова, переодевшись "под местных", вторгались в Афганистан. Там шла междоусобица, и предполагалось поддержкой одной из партий добиться кардинального усиления своего влияния в этом государстве. Но во-первых, советское руководство сделало ставку на проигрышную сторону. А во-вторых, вопреки классовой теории, местное крестьянство отнюдь не встретило коммунистов с распростертыми объятиями, а повело борьбу с "неверными". И очутившись в изоляции, устав от бесконечных боев и стычек, контингент Примакова вынужден был ретироваться на свою территорию.

Ну а большая война все же чуть не разразилась. На Дальнем Востоке. По соглашению от 1924 г. СССР и Китай владели КВЖД на паритетных правах. Но для Китая экстерриториальная полоса железной дороги и ее учреждения обернулись "троянским конем", откуда инициировалась и подпитывалась деятельность местных коммунистов и повстанцев. Северокитайский диктатор Чжан Цзолинь еще осторожничал в данном

вопросе, не желая кроме многочисленных внутренних врагов наживать внешнего. Но его сын Чжан Сюэлян, заняв место отца, погибшего в 1928 г., решил действовать энергично и вышвырнуть с КВЖД опасных "партнеров". Его полиция и войска заняли телеграф железной дороги, консульство СССР в Харбине - как раз в тот момент, когда там шло совещание с китайскими коммунистами по поводу революции. Начались аресты и высылка советских служащих. В июле 1929 г. отношения СССР с Китаем были разорваны, что вызвало в рядах эмигрантов всплеск радужных надежд. Предполагалось, что в случае большой войны с Китаем Советский Союз будет вынужден провести всеобщую мобилизацию в Сибири. А мобилизованные крестьяне, скорее всего, повернут оружие против большевиков и сбросят советскую власть во всем Восточном регионе.

И как будет показано в следующей главе, такие предположения имели под собой вполне реальные основания. Ведь уже начиналась коллективизация, и вооружение крестьян грозило властям самыми плачевными последствиями. Да только коммунисты, вопреки прогнозам, обошлись без каких бы то ни было дополнительных мобилизаций. Потому что смогли не допустить разрастания конфликта в большую и затяжную войну. Командующим Особой Дальневосточной армией был назначен Блюхер, прекрасно знающий слабые места китайских войск и, что немаловажно, имевший большой авторитет среди китайцев. И пользуясь нерешительностью командования противника, разболтанностью и недисциплинированностью армии Чжан Сюэляна, провел стремительный блицкриг. 12 и 30. 10. 29 г. Амурская флотилия с десантами провела дерзкие рейды по р. Сунгари, погромив укрепления на этом участке, разогнав гарнизоны нескольких городов и вызвав жуткую панику, покотившуюся по тылам.

А 17. 11 довольно небольшими силами Особой Дальневосточной были нанесены удары по двум группировкам китайских войск, сосредоточенных на флангах огромного фронта: в Приморье - в районе Мишань-фу, и в Забайкалье, в районе ст. Маньчжурия. Группировка в Мишань-фу была разгромлена за один день, в Забайкалье - за три дня, при этом попал в плен командующий Лян Чжу-Цзя со всем своим штабом, 40-тысячная армия обратилась в паническое бегство, а советские части к 27. 11 заняли район от ст. Маньчжурия до Хинганских гор. И китайцы капитулировали, все советские права на КВЖД были восстановлены. А попутно с боевыми действиями отряды ОГПУ совершили набеги на станицы казаков-беженцев, обосновавшихся в Китае, сотни мирных людей были зверски убиты, свыше 600 угнали в СССР.

Но нужно отметить и другую особенность. Если одна часть эмигрантов пострадала во время конфликта или тщетно ждала призыва под боевые знамена, то на базе той же самой русской колонии чекистами была создана мощная сеть диверсионных групп, взрывавших китайские военные склады, пускавших под откос поезда, поставлявших разведданные. Тут надо учесть, что многие из русских обитателей Маньчжурии эмигрантами в полном смысле слова и не были они ни от кого не бежали, а жили здесь с дореволюционных времен. И в какой-то своей доле ждали, когда же и к ним придет советская власть, о которой они знали только понаслышке - в том числе из коммунистической пропаганды. Да и из настоящих беженцев гражданской войны некоторые были куплены советской агентурой, а другие просто сочли моральным долгом поддержать "своих", русских, против "чужих" китайцев.

А между тем, произошли серьезные изменения в руководстве белой эмиграции. 25. 4. 1928 г. в возрасте 49 лет в Брюсселе внезапно скончался Врангель.

Обстоятельства его смерти до сих пор считаются странными. Широко распространена версия, что он был отравлен. А вслед за ним, 5. 1. 1929 г., и тоже при неоднозначных обстоятельствах, умер другой лидер офицерства великий князь Николай Николаевич. РОВС возглавил генерал Кутепов. Он решил кардинально изменить главные цели этой организации. От изначальной задачи сохранения и поддержания в мобилизационной готовности армейских кадров перенести центр тяжести на активную борьбу. Говорил, что нельзя ждать, "когда все свершится как-нибудь само". "Нельзя ждать смерти большевизма, его надо уничтожить". Объехал различные отделения РОВС, в Югославии был принят королем Александром, в Чехословакии - доктором Крамаржем. Выступая в Сербии перед казаками, Кутепов сказал: "Сигнала "поход" еще нет, но сигнал "становись" уже должен быть принят по всему РОВС".

Коммунистическое руководство сочло, что этот энергичный и волевой лидер представляет серьезную опасность - его активизация белоэмигрантских сил могла наложиться на разворачивающуюся в СССР борьбу с крестьянством, да и индивидуального террора большевистские вожди всегда боялись. И для советских спецслужб Кутепов стал мишенью номер один. И 26. 1. 30 г. он исчез в Париже среди бела дня. В 10 часов 30 минут вышел из дома, направляясь в церковь Галлиполийского союза. И не вернулся. Французская полиция работала весьма квалифицированно и установила многие обстоятельства дела. Около 11 часов на углу улиц Русселэ и Удино остановились две машины, из которых вышли два человека, один в штатском, другой - в форме полицейского. Когда мимо проходил Кутепов, его втокнули в автомобиль и тут же рванули на полной скорости. Случайные прохожие не придали инциденту особого значения, решив, что имело

место задержание преступника. Один свидетель обратил внимание на какую-то борьбу, происходившую в ехавшем автомобиле. На мосту Альма машины попали в пробку, и из соседних транспортных средств видели, как в серо-зеленом "альфа-ромео" пассажиру прижимали к лицу платок. Из той же машины выскочил полицейский и начал энергично регулировать движение, чтобы вырваться из затора. А на вопрос любопытных граждан он ответил, что его пассажиру только что перебило ноги в аварии, поэтому ему дают дышать эфиром.

Потом оба автомобиля видели на дорогах, ведущих в Нормандию. А около 16 часов на пустынном пляже между Кабургом и Тувиллем пристроившаяся в дюнах пара влюбленных наблюдала, как к берегу подрулили серо-зеленое "альфа-ромео" и такси. Женщина и трое мужчин, из которых один был в полицейской форме, вытащили длинный предмет, обернутый мешками, и перегрузили в поджидавшую моторную лодку, куда сели и двое сопровождающих "груз". И лодки, понеслась к пароходу, стоявшему на якоре далеко в море. Как выяснилось впоследствии, это было советское судно "Спартак", накануне покинувшее Гавр. Каким образом закончилась жизнь генерала, в точности не известно. А. И. Солженицын утверждал, что Кутепов погиб уже во внутренней тюрьме на Лубянке. А выдающийся хирург И. А. Алексинский, пациентом которого был председатель РОВС, считал, "что вследствие ранений в грудь во время войны Кутепов не мог выдержать действия наркотиков".

Поскольку суть дела была очевидной, различные эмигрантские организации устроили массовые митинги у советского посольства - там даже опасались штурма и вооружили весь персонал. Но французские власти, чтобы не доводить до разрыва выгодных контактов с СССР, предпочли затянуть расследование до

бесконечности и спустить на тормоза. Таким образом, даже обычного дипломатического протеста, и то не последовало.

В период этих событий многие обратили внимание на одно странное обстоятельство, хотя и не придали ему должного значения. Сразу после похищения от жены Кутепова не отходила знаменитая певица Надежда Плевицкая, которая, собственно, никогда не была с Кутеповой в близких отношениях. А тут вдруг всячески выражала сочувствие, не жалея сил и времени пыталась поддержать и горячо сопереживала каждому известию, стараясь узнать самые свежие новости расследования. Мужем Плевицкой был генерал-майор Николай; Владимирович Скоблин. Типичный выдвиженец гражданской войны - человек отчаянной храбрости, хладнокровный и решительный. Но одновременно известный и другими своими чертами, не столь привлекательными: жестокостью, крайним честолюбием и неразборчивостью в средствах. Звание генерала он получил в 28 лет, а закончил; войну, командуя одним из лучших белогвардейских соединений - знаменитой Корниловской дивизией. В 1919 г. его дивизия захватила фронтовую концертную бригаду, выступавшую перед красными. В ее составе была и известная исполнительница народных песен Плевицкая, удостоенная почетного звания Солистки Его Величества. С тех пор она находилась при Скоблине, а в 1921 г., уже в эмиграции, он стал ее третьим по счету мужем. Плевицкую знали далеко за пределами России, и она с успехом гастролировала по разным странам. В США ей даже вызвался аккомпанировать сам Рахманинов. Поэтому в материальном плане Скоблин устроился куда лучше большинства соратников, живущих в нищете и хватающихся за любую работу - он безбедно существовал при жене в качестве ее "продюсера".

Предполагают, что именно Плевацкая первой склонилась к работе на ОГПУ, как только ее слава пошла на убыль, и доходы начали падать - за границей возникшая была мода на русское искусство, в том числе и песни, быстро прошла, а с ностальгирующих эмигрантов много ли получишь? Женщина малокультурная, не получившая никакого образования (успехом она была обязана лишь природному таланту, проявившемуся еще в деревенском детстве), Плевацкая, тем не менее, обладала незаурядным практическим умом, расчетливостью и умением приспособливаться. Это умение тоже было чрезвычайно отточено на разных этапах ее артистической карьеры. Поэтому и сотрудничество с советскими спецслужбами рассматривалось ею в первую очередь с точки зрения материальной выгоды - оно сулило и непосредственно деньги, и обеспечение хорошими ангажементами. Опять же, открывалась возможность блеснуть своим выдающимся артистизмом, талантом к театральным перевоплощениям, которым она тоже очень славилась в молодости... Ну а вслед за женой в работу на ОГПУ втянулся и Скоблин, полностью от нее зависевший. Он стал штатным агентом, которому был присвоен номер ЕЖ/13, и работал под кличкой "Фермер".

Ничего удивительного в этом, пожалуй, нет. Ведь в 1914 г. он попал на фронт совсем молодым, двадцатидвухлетним офицером - а дальше у него ничего и не было, кроме сплошной войны. Какие-либо прочные идеологические убеждения сформироваться у него так и не успели, а характер лепила только война всеми своими естественными и противоестественными факторами. И стоило ему потерять блестящий ореол своей боевой славы, как он сразу сломался и целиком попал под влияние житейски опытной, практичной и способной хорошо зарабатывать супруги, которая к тому же была на 7 лет старше. Хотя кто знает -

возможно, молодого генерала манила и надежда на новую славу? Ведь на тайном фронте он опять попадал в родную стихию войны - и не все ли равно, против кого? Он снова мог в полной мере проявить свои тактические, стратегические и личные способности. И мог даже одерживать победы над признанными и заслуженными полководцами!.. Похоже, он-то и был "еще одним человеком" возле Кутепова, о котором проговорился советский резидент Янович. И конечно же, стал одним из участников операции по похищению своего бывшего начальника.

Был ли он в числе непосредственных исполнителей, остается неизвестным. По данным эмигрантских расследований, показаниям "невозвращенцев", а потом и некоторых советских публикаций, операцию возглавлял старший майор госбезопасности Владимир Янович (он же Вилянский, настоящая фамилия З. И. Волович), номинально числившийся на должности делопроизводителя канцелярии советского посольства в Париже, успевший до этого поработать резидентом в Константинополе и Праге. Кроме него участвовали 2-й секретарь посольства Л. Гельфанд, и по некоторым данным, присланный из Москвы чекист С. В. Пузицкий. Возможно, как раз он отправился вместе с "грузом" на пароход. Участницей-женщиной была, скорее всего, жена Яновича Александра Иосифовна она ведала в парижской резидентуре шифрами, фотографированием, финансовыми делами, но считалась и одной из лучших оперативных работниц ОГПУ, блестяще разыгрывая в разных странах то венгерскую графиню, то знатную персиянку, то вдову еврейского торговца.

Можно предположить и то, что операция с Кутеповым была не первой. Как вспоминал Г. Беседовский, Яновичу была специально куплена в США скоростная машина, и он с женой неоднократно совершал поездки в Нормандию, в район Тувилля -

якобы для отдыха на побережье. Возможно, репетицией дела Кутепова стала история с агентом ОГПУ В. Кемпом (Црасоловым), возглавлявшим разведывательную организацию на юге Франции. Он действовал под видом владельца крупной коммерческой фирмы, был вхож во многие деловые и эмигрантские круги, но поддался "соблазнам Запада", загулял, увлекся рулеткой и проделал 10 млн. франков. В один прекрасный день его вызвали из казино собственные подчиненные - дескать, жена просит приехать, ребенок заболел. Он сел в машину, а очнулся уже в трюме советского парохода (благодаря знакомствам, отделался 10 годами Соловков). А может быть, таким же образом исчез из Парижа и генерал Монкевиц. Но почти все советские участники этих событий тоже плохо кончили. Из перечисленных чекистов лишь Гельфанд сумел вовремя сбежать в США, а остальные попали в мясорубку 1937-38 гг.

8. Вторая гражданская
Весной 1927 г. троцкистско-зиновьевская оппозиция, ну никак не желавшая угомониться, снова подняла бучу. На этот раз - по международным вопросам. Ставили в вину Сталину неудачи в Китае - дескать, вот к чему привел союз с некоммунистическим режимом Чан Кайши. Что было абсолютной неправдой: пока в Москве делали ставку на союз с гоминьданом, война шла очень успешно. А вот когда решили нанести удар в спину Чан Кайши, дабы избавиться от его фигуры и выдвинуть на первый план коммунистов, тогда и пошло все наперекосяк. Кроме того, оппозиционеры ухватились за британский разрыв отношений с СССР в качестве доказательства своей правоты о близкой войне с империалистами. Дескать, предупреждали же, что из строительства социализма в одной стране ничего не выйдет! И на этом основании требовали смены руководства.

Возможно, Сталин и оставил их всех в ЦК, чтобы были на виду и проявили публично свою "неисправимость". Несколько раз их предупреждали "по-хорошему", они привычно каялись - и повторялось все с начала. Поэтому все большему числу коммунистов они стали просто надоедать, теряя остатки симпатий. А когда 7 ноября лидеры со своими сторонниками несанкционированно вышли на улицы, Троцкий в Москве, Зиновьев в Ленинграде, тут-то их и подловили. Дело было раздуто как организация демонстраций, что в Советском Союзе уже означало тягчайшее преступление, и всех горе-лидеров исключили из партии. А на XV съезде было принято решение о несовместимости троцкизма с пребыванием в ВКП(б). Каменев и Зиновьев позже опять посыпали головы пеплом, и партбилеты им вернули, дали небольшие руководящие посты. Ну а непримиримого Троцкого спровадили подальше, сперва в Казахстан, а в 1929 г. - за границу, при активном его сопротивлении и протестах. В Турцию он ехать отказывался и требовал, чтобы если уж высылали, то в Германию. Но этот вопрос решил сам собой - ясное дело, что Берлину такой подарочек был ни к чему, да и Москве его деятельность среди германских коммунистов не улыбалась. Так что дипломаты обеих стран очень быстро договорились об отказе. И единственным государством, согласившимся его принять, оказалась все-таки Турция.

Пожалуй, тут надо сделать некоторое отступление. К концу 20-х и в СССР, и за рубежом стали появляться организации троцкистского, "уклонистского" а позже и "бухаринского" толка, которые советской пропагандой неизменно преподносились как антикоммунистические. И в таком качестве перекочевали в некоторые западные работы. Но смешивать их с настоящими антикоммунистами было бы, наверное, даже кощунственно, поскольку в данных случаях речь шла не

о борьбе за освобождение народа и даже не за какие-то его блага, а только о борьбе за власть или о способах, которыми предпочтительнее насиловать страну. Зачастую эти оппозиционеры сами были преступниками не меньше, а то и похлеще Сталина, как раз их руками творились самые жуткие злодеяния гражданской и разрушалось в сатанинском угаре все лучшее, что было в прежней России. И те из них, кто получил возможность излить душу за рубежом - Троцкий, Орлов (Фельбинг), Раскольников, обычно обвиняли Сталина именно в "контрреволюции", а в своих твердолобых "исповедях" даже ставили его в один ряд с Колчаком, Деникиным и Врангелем. Поэтому в данной работе, пытаясь проследить историю борьбы против коммунизма, я не буду подробно останавливаться на таких организациях - разве что к слову придутся.

Но вернемся к XV съезду. Он не только добил троцкистов и зиновьевцев, но и провозгласил необходимость индустриализации и коллективизации. И уже через несколько месяцев Бухарин, Томский и Рыков, послужившие Сталину опорой против Зиновьева, в свою очередь превратились в оппозицию. В 28-м они еще метались, на что-то надеялись, в феврале 29-го их уже официально обвинили в поддержке кулаков, а в апреле на пленуме ЦК прозвучала речь Сталина "О правом уклоне в ВКП(б)". И вскоре Бухарин, Томский и Рыков по доброй партийной традиции публично каялись и признавали ошибки.

То есть по сути дела победил тот самый внутривластный курс, который Троцкий предлагал еще в 23-24 гг., а "левая оппозиция" Зиновьева и Каменева - в 25-26 гг. Да ведь и похороненный было внешний "интернационализм" тоже реанимировался! В ноябре 1929 г. была воссоздана Военная комиссия Коминтерна, ликвидированная в 25-м, снова начали действовать ее школы и курсы, снова поехали за

границу военные инструкторы. Для разных стран разрабатывались проекты диверсий и саботажа. Что объясняли возможностью нападения империалистов - которая в условиях разразившегося мирового кризиса была более чем сомнительной. А в 1934 г. Сталин разродился теорией "осажденной крепости". Дескать, "для уничтожения опасности капиталистической интервенции необходимо уничтожить капиталистическое окружение, а уничтожить капиталистическое окружение можно лишь в результате победоносной пролетарской революции по крайней мере в нескольких странах".

Эти зигзаги сталинской политики в различных работах оцениваются по-разному. Обычно каждый из авторов подгоняет объяснения под свой взгляд на фигуру Сталина - "объективная необходимость", "одна из ошибок", "обычное коварство". Не намереваясь оспаривать ни одной из этих линий, я хотел бы лишь отметить, что на мой взгляд, большинство публицистов и историков, пытающихся исследовать правление Сталина, допускают одну и ту же ошибку. А именно - представляют его натуру, взгляды, убеждения неизменными во времени. И с одной-единственной позиции объясняют его дела и поступки в разные периоды. Но мог ли недоучившийся семинарист, волею судеб вознесенный к вершине власти, за 30 лет сохранить те же взгляды, с которыми пришел на этот пост? Вот уж вряд ли. Будучи совершенно не готовым к руководству государством, он неизбежно должен был делать для себя какие-то поправки, выводы, что-то переосмысливать, менять отношение к тем или иным предметам. Так что Сталин 40-х и 50-х во многом уже отличался от Сталина 20-х, а это слишком часто не учитывается.

Например, и защитники Сталина из числа российских патриотов, и западные или прозападные

"разоблачители" уже на рубеже 20-30-х изображают его сложившимся "великодержавником" - в смысле курса на национальное возрождение и усиление России. Но нетрудно доказать, что в данный период он таковым и близко не был. Поэтому и сам термин "государственник" я к нему отношу весьма условно, со множеством оговорок. И его концепция построения социализма в одной стране к возрождению прежних традиций государственности отношения еще не имела. Наоборот, советское государство Сталин тогда рассматривал как нечто принципиально новое, не связанное с прошлым.

Обычно все исследователи обращают внимание на образы двух монархов, которыми интересовался Сталин - Петра I и Ивана Грозного, из чего и делают выводы о его внутренних идеалах. Только никто почему-то не замечает очередности между этими персонажами. Образ Ивана Грозного - государя, правившего на основе национальных традиций, начал эксплуатироваться в советской литературе и кино в конце 30 - начале 40-х гг. А сначала-то, еще с 29-го, стал популяризироваться Петр I - великий реформатор. И разрушитель старины, создававший "другую Россию", как бы напрочь отсекаемую от прошлого вместе с бородами бояр. То, что Сталина в конце 20 - начале 30-х еще ни в коем случае нельзя было считать российским, национальным государственником, видно из многих фактов. В 29-м прошла целая кампания репрессий против историков. Посадили Платонова, Тарле, Любавского, Готье, Измайлова, Лихачева, Бахрушина, Грекова, Веселовского, Приселкова, Романова, Черепнина, Пигулевскую и др. - несколько сот человек, весь цвет российской исторической науки. Значит, и сама эта наука казались тогда Хозяину ненужной, и сохранения прежних исторических и культурных традиций не подразумевалось. В 1929-32 было организовано и несколько кампаний против Православной Церкви.

Закрывались и рушились еще уцелевшие храмы, в Ленинграде в рождественский сочельник учинили "ночь борьбы с религией" и взяли всех, кого застали в церквях. А храм Христа Спасителя, символ не только религиозный, но и национальный, когда взорвали? В январе 31-го. Наверняка не без ведома Сталина. И, наверное, не случайно через месяц после этого акта он говорил: "В прошлом мы не имели и не могли иметь отечества. Но сейчас, когда мы сбросили капитализм, и власть принадлежит нам - сейчас у нас есть Отечество".

Тогда спрашивается, на каких же принципах он собирался строить свое новое? На ленинских. И те, кто лично знал Сталина в 20-х, и многие исследователи отмечают, что в данный период он был убежденным и крайне догматичным ленинцем. Конечно, некоторые установки ленинизма он понимал по-своему, но как раз это свое понимание считал истинным. И, по-видимому, был убежден, что только он может быть наследником и продолжателем Ильича, и только он имеет на это законное право, поставленный по воле Ленина во главе партии. Троцкий потому и стал для него смертельным идеологическим врагом, что в годы революции выступал "Лениным номер два" и осмеливался не воспринимать ленинские выводы в качестве неоспоримых постулатов, а домысливать самостоятельно, поправлять и уточнять их - что в глазах Сталина являлось просто ересью.

И его "государственность" на первом этапе правления объяснялась никак не надеждами восстановить великую Российскую державу. Возможно, ключ к пониманию дает одна его знаменитая фраза, несомненно искренняя, от сердца, во время поражений 1941-го: "Ленин нам оставил государство, а мы его просрали".

Хотя тут я слегка противоречу сам себе, и прозвучали эти слова в другой исторический период, но

мне кажется, они объясняет и его мировоззрение в 20-х. Сперва нужно было сберечь, сохранить достигнутое под началом Ленина, не рисковать им понапрасну, а уже во вторую очередь думать о следующих революционных завоеваниях. Вопрос был не о принципе мировой революции, а чисто практический: прежде, чем бросаться в атаки, следовало тщательно изготовиться, окопаться, вооружиться, построить ту самую "осажденную крепость", в которой можно и отсидеться в случае неудачи. Правда, тут автоматически возникала некоторая поправка к классическому ленинизму - та же "крепость" по мере революционных успехов становилась и мировой коммунистической "столицей". Но для Сталина такое положение выглядело вполне естественным и само собой разумеющимся - в отличие от космополита Ленина, всю сознательную жизнь отиравшегося по заграницам.

Нельзя исключать, что в 20-х у Сталина имели место и внутренние колебания - дескать, а не слишком ли я увлекся государственностью в ущерб интернационализму? Не слишком ли долго с крестьянством миндальничаю? Впрочем, в отношении коллективизации вопрос был предрешен с самого начала. Потому что эта идея была ленинская. Как уже упоминалось, попытки коллективизации производились еще в 1918-19 гг. Насаждались совхозы, организовывались и так называемые коммуны, очень быстро распадавшиеся. А теоретическое обоснование будущим колхозам Ильич дал в статье "О кооперации", входящей в его "политическое завещание". Той самой статье, за которую слепо ухватился Горбачев, пытаясь цитатами из данного "завещания" обосновать свою перестройку - вот, мол, и Ленин о кооперативах писал, что это и есть подлинный социализм.

Но если перечитать эту коротенькую работу повнимательнее, то станет ясно, что речь идет о самой

настоящей коллективизации. Ленинский "строй цивилизованных кооператоров" осуществляется "при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией". И те "кооперативы", которые имел в виду Ленин, основаны "на государственной земле при средствах производства, принадлежащих государству", при "обеспечении руководства за пролетариатом по отношению к крестьянству".

А при таких условиях и оговорках чем же его тотальное "кооперирование в достаточной степени широко и глубоко русского населения" отличается от сталинской коллективизации? Да ничем, наследник все выполнил буквально - и "широко и глубоко", и насчет средств производства, принадлежащих государству - путем создания МТС. Просто Ильич, обжегшись на продрозверстке, искал другие пути покорения крестьянства и - нашел. А Сталин выполнил.

И значит, задержка нэпа на советской земле объяснялась действительно не заботами о благе народа, а всего лишь междоусобицами. Нам неизвестно, насколько искренним был Сталин с самим собой. Сумел ли он убедить себя, что в 25-м было рано начинать коллективизацию, а в 28-м - в самый раз? Или откровенно лицемерил, намереваясь действовать по планам Зиновьева и Каменева, но когда уберет с пути Зиновьева и Каменева. Во всяком случае, в начале 30-х, анализируя победы, одержанные партией над оппозиционерами, он сравнивал: какой, дескать, уклон был опаснее, "левый" или "правый"? И давал ответ - "правый". Бухаринский, ориентированный на более мягкую линию в отношении крестьянства.

Наступление началось исподтишка - так сказать, "без объявления войны". На XV съезде Сталин заявил о "переходе к коллективному возделыванию земли на основе новой, высшей техники" - хотя о методах,

которыми это будет достигаться, речь не шла. Но одновременно все чаще поднимался вопрос, что слишком много зерна остается у крестьян - ну естественно, налог сдали, а остальное стоит ли продавать при смехотворных закупочных ценах? Да и резерв надо иметь на случай неурожая. И в начале 28-го в деревню вдруг направили 30 тыс. парработников для изъятия этих "излишков" - т. е. понеслось снова по-ленински, по-продотрядовски. Кстати, и сам Сталин ездил в Сибирь руководить этой кампанией. В конце мая он объявил уже о "политике" коллективизации и быстрой индустриализации - хотя и позже, в июле, ЦК успокаивал, будто ни о каком отказе от нэпа речи не идет. А тем временем создание колхозов шло вовсю. В ноябре 28-го были сформулированы принципы новой политики - мол, социализм может быть построен в том случае, если СССР сможет догнать и перегнать развитые капстраны по темпам экономического роста.

Достигнутые в этом году показатели коллективизации Сталина не удовлетворили. И он вдруг понес какую-то чушь об угрозе голода (которого весь нэп в помине не бывало, но что самое удивительное, эта чушь так и перекочевала в труды маститых западных историков). И принялся за дальнейшее закручивание гаек. Но только в апреле 29-го нэп был свернут официально XVI партконференция приняла пятилетний план индустриализации и политику коллективизации. Меры становились все круче. Уже по изначальным директивам об образовании колхозов туда запрещалось записывать "кулаков". Их заранее отделяли от основной массы сельчан. И 27. 12. 29 г. на конференции "аграрников-марксистов" Сталин объявил о "переходе к политике ликвидации кулачества как класса". 5. 1. 30 г. последовало постановление ЦК, требующее завершить коллективизацию в зернодобывающих районах к 1932 г. и указывающее, что "партия имеет все основания

перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса".

И в феврале поехали в деревню 25 тыс. рабочих "с политическим и организационным опытом" - т. е. как раз из бывших чекистов, "матросиков", карателей. Те, кто уже занимался подобными грязными делами. Началась страшная "мужичья чума", в ходе которой было депортировано 15 млн. чел. Какие уж там кулаки! Настоящих-то кулаков, т. е. сельскую буржуазию, еще в гражданскую поывели да перебили. Теперь под это определение попадала любая зажиточная крестьянская семья. Две коровы имеешь - кулак. А и совсем ничего не имеешь, но возражаешь против такой политики - подкулачник.

Не менее четверти "спецпереселенцев" вымерло в пути: на этапах, в пересыльных лагерях, в битком набитых эшелонах. Оказывать им помощь запрещалось кому бы то ни было. Еще повезло тем, кого привезли на великие стройки пятилетки, вроде Магнитки - там при каторжном труде хоть кое-как кормили. Другие очутились на положении заключенных, а то и смешивались с заключенными - например, на строительстве каналов. И гибли вместе с заключенными. А кого и выкидывали на "спецпоселение" где-нибудь в тундре или таежных болотах - без жилья, без запаса продуктов, без скота, без орудий труда. И огромные этапы вымирали полностью - от голода, цинги, морозов.

Но в разгар этой вакханалии 2. 3. 30 г. вдруг вышла статья Сталина "Головокружение от успехов", где критиковались "перегибы" и разъяснялось, что колхоз - дело добровольное. И в какой-то мере крестьян это успокоило. Раз добровольное, то и выписаться можно. И уже созданные колхозы мгновенно поползли по швам. Через 2 месяца процент коллективизированных

хозяйств упал с 60 до 23. В общем, многие так и решили, что наступление на деревню провалилось, как было и при Ленине. Однако в июле 30-го на XVI съезде Сталин заявил: "Нет такой крепости, которую большевики не смогли бы взять", и неизменность партийной линии была подтверждена. И осенью того же года наступление возобновилось еще более настойчиво и организовано. Снова потянулись на гибель и лишения жуткие этапы "спецпереселенцев", снова пошла "добровольная" запись под угрозой попасть в такой этап, и к середине 1931 г. процент коллективизации достиг 53...

А затем разразился голод, охвативший Украину, Кубань, Юг России, Белоруссию, в результате которого вымерло по разным оценкам 5-7 млн. чел. И опять, как при Ленине, эпицентры бедствия оцеплялись чекистами и красноармейцами. А голодающим опять никакой помощи не оказывалось. Они скапливались в городах, на станциях в тщетной надежде добыть пропитание или хоть куда-то уехать. Там же массами и умирали - для похорон (точнее закапывания) отряжались специальные воинские команды. А по опустевшим деревням, пропитавшимся вонью разлагающихся трупов, шастали представители ОГПУ и милиции, расстреливая на месте за людоедство тех, кого могли уличить. В это же время была введена паспортная система, не позволяющая голодающим и депортированным разбегаться по стране. А по городам впервые с гражданской войны вводились продуктовые карточки, снабжение по которым быстро ухудшалось. Но для руководящих работников действовала система спецраспределителей различных уровней, и это почти не скрывалось. В результате, в стране нарастало озлобление и недовольство Сталиным. На стенах заводов то и дело появлялись антисталинские надписи. Подняла голову раздавленная оппозиция - одна за

другой раскрывались и громились группировки Сырцова, Рютина, Смирнова, все из коммунистов "правого" или "левого" уклонов, пытавшихся сыграть на народном возмущении. В Высшей партийной школе были обнаружены листовки троцкистов, пользовавшиеся большой популярностью. По рукам студентов московских и ленинградских ВУЗов ходили и переписывались копии ленинского "завещания". Вздумали играть в оппозицию многие комсомольские организации, создавая нелегальные кружки для обсуждения наболевших вопросов.

Впрочем, для молодежи это был, скорее, стихийный, интуитивный протест против коммунистической системы, вот только выплеснуться ему оказалось некуда. Это же были первые постреволюционные поколения, дети "героев гражданской", и сознание их было напрочь искалечено красной пропагандой и красным мировоззрением. Для них уже и эсеры с социал-демократами представлялись неведомо каким чудищем, отпугивающим своим "звериным оскалом" - вот и металась в узеньком промежутке между платформами Троцкого и Бухарина, силясь разобрать, кто же из них все-таки "за народ", и чем же они между собой отличаются. Кстати, и среди крестьян ходили слухи, что "Бухарин за нас". К нему даже письма и ходок слали. Чего он панически боялся, отрекшись от таких обращений, как от нечистого. Потому что никаким "заступником", и уж тем более "вождем", он, разумеется, не был. Один из главных оплевателей и разрушителей России, на деле он оказался весьма жалкой и низкой личностью.

Когда в 28-м стало ясно, что он сам попадает в оппозицию, к кому он побежал жаловаться? К Каменеву, которого недавно яростно громил. И который придерживался точно таких же взглядов на коллективизацию, как Сталин. Так что и тут дело было

отнюдь не в принципиальных вопросах, а только в персональных амбициях - так старательно носил поноску, а не оценили! И в 34-м, на XVII съезде, так называемом "съезде победителей", не кто иной как Бухарин величал Сталина "фельдмаршалом войск пролетариата". А Каменев заявлял: "Эра, в которой мы живем, войдет в историю как эра Сталина".

Кстати, и Киров, которого перестроечная литература возвела чуть ли не в лидеры оппозиции, внес верноподданническое предложение принять доклад Сталина "как партийный закон, как программу работы на ближайший период".

И все-таки, несмотря на обилие открытых материалов о периоде коллективизации и индустриализации, реальная историческая картина тех лет оказалась искаженной. Искаженной версией, непонятно откуда внедрившейся в литературу и массовое сознание, будто русское крестьянство с рабской покорностью принимало все удары, обреченно позволяя грабить себя, ломать коренные устои жизни и миллионами ссылат в полярную глушь на вымирание, а сопротивление выражалось лишь отдельными убийствами активистов и председателей. (Может, утверждению этого мифа способствовала наша творческая интеллигенция, представляющая крестьянство в рамках своих стереотипов - безгласным и безответным, смиренно принимающим роль жертвы?)

На самом же деле, наступление коммунистов на крестьянство сопровождалось мощными восстаниями. Вот только данных о них в условиях советской монополии на информацию сохранилось слишком мало - разве что отдельные упоминания, разбросанные по разным источникам. Названия, даты да и то наверняка не все. Но если попытаться их объединить, картина получается впечатляющая. И опровергающая все домыслы о рабской покорности. В 1928 г. поднялась

Якутия. В 1929 г. - Бурятия, при подавлении было расстреляно 35 тыс. чел. В начале 1930 г. был раскрыт и арестован подпольный "Союз вызволения Украины" во главе с Ефремовым, Чеховским и Никовским. Множество отрядов и банд, вооруженных чем попало, образовалось в лесах Белоруссии, Смоленщины, Брянщины - по всему Западному краю.

Да наверное, и в других местах крупно забушевало. Например, в воспоминаниях очевидца дошло до нас описание крестьянских волнений в Пителинском районе на Рязанщине. Здесь в марте 1930 г. восстало 11 сел и деревень. Толпа в 2-3 тыс. чел., значительную часть которой составляли женщины, вооружившись вилами, топорами, дубинами, двинулась на райцентр освобождать арестованных недавно священников. Несколько милиционеров и активистов, пытавшихся остановить крестьян, были убиты. Но на окраине Пителино мятежников встретили председатель Рязанского окрисполкома Штродах и секретарь окружкома партии Глинский с командой из 300 солдат. Штродах, чувствуя свою силу, завопил, размахивая наганом: "Что бунтуете, колхозы не понравились?" В ответ одна бойкая молодка задрала юбку и показала ему голый зад: "Вот тебе колхоз!" Взбешенный коммунист выстрелил и убил ее. Толпа ринулась на него, готовая растерзать, однако красноармейцам приказали открыть огонь. Они дали несколько залпов, но очевидно, душой сочувствовали повстанцам - их пули не задели больше ни одного крестьянина, все прошли мимо. Тем не менее, стрельба вызвала панику, и толпа бросилась бежать. Некоторое время мятежники еще держались по деревням, перебили там активистов, разобрали по дворам обобществленный скот, и лишь спустя три дня восстание было жестоко подавлено.

И очевидно, подобное происходило сплошь и рядом - иначе с какой стати "Вождю народов" было бы в марте

30-го давать сигнал к отступлению? Вряд ли к таким мерам его могло вынудить лишь убийство нескольких сотен мелких активистов. Секретная телеграмма Сталина, разосланная органам ОГПУ, сообщала: "Сопrotивление крестьян перерастает в повстанческое движение, обстановка грозит гибелью, употреблять Красную Армию для подавления повстанцев - значит идти на разложение ее ввиду подавляющего крестьянского состава и оголить границы СССР".

Ну а для чего Хозяин пошел на попятную, представляется понятным. Во-первых, внести раскол в ряды противника - успокоить, "середняков" и "бедняков", что им-то ничего не грозит, не хотят в колхоз - и не надо. И оторвать тем самым от "кулаков", продолжая их выгребать. А ведь они, как самые хозяйственные и деловые люди, были на селе главными авторитетами следовательно, крестьянское сопротивление лишалось потенциальных лидеров. А во-вторых, передышка нужна была Сталину для перегруппировки сил и более основательной подготовки нового удара. Перегруппировки именно в военном смысле. Перебросить в ключевые пункты надежные части, подготовить карательные отряды. И второй раунд коллективизации показал, что это "не лишнее".

В 1930-31 гг. прокатилось восстание в Казахстане, жесточайше вырубленное советской конницей. Где-то в начале 30-х сильные волнения были в Татарии. В 1931 г. поднялась Кубань, восстание перекинулось на Дон, Украину и Северный Кавказ. По свидетельствам чекиста-невозвращенца Орлова, против повстанцев бросались крупные контингента войск с танками и артиллерией. Многие красноармейцы переходили на сторону крестьян и казаков. Был случай, когда прямо на аэродроме расстреляли личный состав эскадрильи, отказавшейся вылететь на бомбежку восставших

станци. Кубанские казаки сражались отчаянно, старыми шашками, охотничьим и трофейным оружием. Однажды окружили и вырубил целы полк карателей. Согласно донесениям начальника погранвойск ОГПУ Фриновского, назначенного ответственным за подавление восстаний в этом регионе, бои шли такие сильные, что по рекам плыли сотни трупов, создавая заторы. Известно, что на Украине карательными операциями командовали высокопоставленные военачальники - Якир, Примаков, прославившиеся жестокостью еще в гражданскую. В 1932 г. грянуло Сибирское восстание, а с повстанческим движением на Дальнем Востоке под руководством Карнаухова коммунисты долго не могли справиться, оно оказывало сопротивление с 1931 по 1935 гг.

Так если собрать все воедино, то получается, что в 1928-33 гг. по стране прокатилась вторая гражданская война! Война, старательно стертая из истории советскими властями. Да и в живой памяти оставившая следов куда меньше, чем, скажем, "антоновщина" или Кронштадт. Не было уже в России представителей некоммунистических партий, которые поддерживали бы связь с повстанцами и в той или иной мере освещали бы их дела. А свидетелей и участников тоже не оставалось. Как сообщает тот же Орлов, население восставших сел и станиц расстреливалось отрядами ОГПУ поголовно уничтожали всех без различия пола и возраста. Только на Кубани и Сев. Кавказе число казненных измерялось десятками тысяч. А прочие жители "мятежного района" подлежало депортации в потоках "спецпереселенцев". Также поголовно, и без разбора, "кулаки" или бедняки. Причем их-то и отправляли в самые гиблые места - практически, на верную смерть.

Попутно встает вопрос и о голоде. В современной литературе принято считать, что главной его причиной стала коллективизация, разорившая прежнее

крестьянское хозяйство. Но ряд авторов высказывают версию, что он был организован искусственно. Например, Бармин приводит доводы, что голод в тот раз начался не постепенно, а как-то сразу. Вчера продукты были - сегодня вдруг исчезли. И закончился он тоже "сразу" - продукты питания одновременно появились на всех прилавках, так же неожиданно, как пропали. Считать подобную меру слишком уж чудовищной "даже для Сталина" не приходится - а как же 15 млн. депортированных? Это что, менее чудовищно? И вспомним, что голод уже помог большевикам подавить массовое повстанческое движение в 1921-22 гг. В тот раз он грянул по климатическим причинам - Ленину оставалось только усугубить его последствия. Так почему бы в аналогичной ситуации не повторить сценарий? Он и повторился. Причем заградотряды, блокировавшие голодающие области, оказались как бы уже и наготове. Бедствие едва разразилось - а заставы на всех дорогах уже тут как тут. И вот еще одна немаловажная деталь: климат в данном случае был явно ни при чем, никакой засухи в помине не было. А что касается разрушения прежнего хозяйства раскулачиванием и коллективизацией - то ведь оно произошло по всей стране. Но повальный, опустошительный голод охватил именно те области, где сильнее всего бушевало сопротивление! Поэтому с большой долей уверенности можно сказать, что с помощью голода это сопротивление и было окончательно подавлено. Точно так же, как в "первую гражданскую".

Особо стоит коснуться хлебных карточек. Конечно, может быть и так, что их введение стало вынужденной мерой, связанной с разгромом сельского хозяйства. Но из догматической приверженности Сталина ленинским теориям в данный период нельзя исключать и другого предположения. Не был ли связан этот шаг с попыткой

буквальной реализации ленинских планов "нового общества", где хлебной карточке в руках государства отводилась принципиальная роль - роль одного из основных рычагов, обеспечивающих всеобщее повиновение и трудовую повинность? Да кстати, эта повинность в сталинском государстве и в самом деле реализовалась. И "трудовыми армиями" очень уж пахивало на "ударных" стройках, вроде Днепрогэса или Комсомольска-на-Амуре, а уж тем более на Беломорканале, где для зэков и "вольных" рабочих даже ввели название "каналармейцы".

И подобие "красного террора" тоже имело место. В 1928 г. был организован громкий судебный процесс по "Шахтинскому делу", в 1930 г. - по делу "Промпартии", в 1931 г. - по делу "Союзного бюро меньшевиков". Как вполне обоснованно показал Солженицын, все три процесса были высосанными из пальца. Но - показательными, т. е. предназначенными для широкомасштабного тиражирования по городам и весям для поисков, арестов и уничтожения "вредителей". Зачем? С одной стороны, чтобы дать народу "козлов отпущения" за собственные просчеты и последствия авантюры - вот они, вредители, во всем они виноваты. А с другой, дополнительно, еще разок затерроризировать остатки русской интеллигенции, чтобы на ответственном историческом повороте и носа поднять не смели.

Некоторое участие в событиях "второй гражданской" принимали и зарубежные белогвардейцы. БРП пыталось организовать партизанское движение в Белоруссии. Совещание представителей эмигрантских организаций призвало население Сибири и Дальнего Востока ко всеобщему восстанию. Несколько отрядов РОВС перешло границу в советском Приморье. Но конкретные результаты опять были незначительными: налеты на колхозы, обозы, мелкие склады. В таком-то

месте убиты один-два коммуниста, в таком-то - несколько солдат или милиционеров. В 1931 г. часть белых отрядов из Приморья вернулась на китайскую территорию, часть разбилась на мелкие группы и скрывалась по глухим лесам, добывая пропитание охотой. На большее у эмигрантов возможностей не хватало. Да и советские спецслужбы принимали эффективные ответные меры - о планах и замыслах белых организаций они чаще всего знали заблаговременно.

В эти годы была практически свернута пропаганда "возвращенчества". Оно исчерпало себя, да и прежние сказки о советской власти, которыми соблазняли колеблющихся, выглядели теперь совсем уж неправдоподобно. И внутри страны уничтожались "рекламные фигуры", прежде используемые для приманки - теперь они могли стать "рекламными" и для повстанцев, которым не хватало авторитетных лидеров. В 1928 г. был арестован и тайно расстрелян видный социал-демократ Петренко, которого большевики переманили на службу и для видимости устроили в украинский Наркоминдел. В 1929 г. таким же образом тайно расстреляли Тютюнника. В этом же году был убит генерал Слащев - его застрелил один из слушателей академии, некто Коленберг, по официальной версии - из личной мести за брата, погибшего в гражданскую. Но не забывали и потенциальных лидеров сопротивления, пребывающих за границей. Не исключено, что как раз с этим фактором была связана смерть Врангеля и великого князя Николая Николаевича, похищение Кутепова.

Еще один прочный исторический штамп, внедрившийся в мировую историю, относится к потрясающим результатам сталинского "большого скачка". И в нашей, и в западной литературе сплошь и рядом можно встретить уважительные оценки, что и

впрямь, мол, чудо свершилось - была темная, лапотная Русь, а за каких-нибудь 5 лет стала мощной индустриальной державой! Например, даже такой ярый антисталинист и русофоб, как Я. Грей, приходит к выводу, что "первый пятилетний план по масштабам и достижениям являлся величайшим планируемым экономическим предприятием за всю историю человечества". Да вот только здесь есть несколько больших "но". Во-первых, историкам, особенно столь наивным, как западные, следовало бы иметь в виду, что официальные цифры, публикуемые в советских победных реляциях, на веру-то принимать не стоило бы. При рапортах снизу вверх они приукрашивались на каждом промежуточном уровне. А для открытой итоговой публикации и вовсе редактировались до неузнаваемости. Во-вторых, рывок был возможен из-за неограниченных человеческих ресурсов и неограниченного их "расхода" гиганты пятилетки возводились буквально на грудах костей. В-третьих, итоги включали и откровенную халтуру, вроде пресловутого Беломоро-Балтийского канала, который после сдачи оказался непригоден для мало-мальски эффективного экономического или военного использования.

А в-четвертых, хотя советская пропаганда рекламировала только Магнитки с днепрогэсами, но значительная доля прироста продукции была достигнута за счет других источников. В итоговые цифры вошли и конфискованные предприятия нэпманов. И иностранных концессионеров - тех самых, которые завезли свое оборудование, но как раз во второй половине 20-х были окончательно выдворены. И, наконец, стоило бы вспомнить, что на самом-то деле до революции Русь темной и лапотной не была! Это иностранные хулители ее такой представляли - и большевики тоже, вот и сошлось. А значительная доля

успехов индустриализации пришлось на восстановление прежней, еще дореволюционной промышленной базы, разрушенной в первые годы коммунистической власти. Скажем, текстильная и легкая промышленность, которая в 30-е годы наконец-то смогла "одеть и обуть страну", почти целиком возрождалась именно на дореволюционной основе. Но конечно, о таких "новостройках" пропаганда молчала. Только цифры приплюсовывались.

А в заключение этой темы, наверное, нужно отметить и тот факт, что "вторую гражданскую" в СССР западное общественное мнение вообще проигнорировало. Хотя не настолько уж был непроницаемым "железный занавес". И политические деятели были в курсе происходящего, и разведки работали, и через русскую эмиграцию информация проникала, и беглецы из Советского Союза за рубеж попадали - в Забайкалье, например, довольно многие от депортаций и коллективизации спасались таким образом. Но почему же не посылали в районы восстаний отважных бабицких с целью разоблачения коммунистических зверств? Почему не гремели протесты о нарушениях прав человека? О "гуманитарной катастрофе" с 15 миллионами "спецпереселенцев"? И даже комиссий для помощи голодающим, как в начале 20-х, в этот раз не создавалось. Голода тоже как бы и не заметили. Советские дипломаты с вежливыми улыбками поясняли, будто никакого голода нет, а их западные коллеги с вежливыми улыбками принимали эти заверения.

А дело в том, что у "демократического" мира в тот момент своих проблем хватало - на Америку и Европу обрушился мировой кризис 1929-33 гг. Поэтому жизнь и "права человека" каких-то там миллионов русских никого не интересовали. Мало того, СССР крайне нуждался в валюте для своей индустриализации,

поэтому продавал сырье и топливо по чрезвычайно дешевым ценам, зачастую ниже себестоимости. Так что ссориться с ним в условиях собственной экономической депрессии было совсем невыгодно. Да в общем, и в последующие времена, вплоть до периода "холодной войны" и соответствующей ей войны информационной, коммунистические зверства западный мир совершенно не волновали. Это было "внутреннее дело русских" - если недовольны, то чего ж не переизберут Сталина?

Впрочем, нет. Из уст некоторых европейских политиков все же порой звучали яростные и правдивые разоблачения сталинского режима. Ну, вот взять хотя бы такое: "Беломорский канал и канал Волга-Москва... эти большие постройки были выполнены политическими заключенными вместе с уголовными преступниками. Со всего Советского Союза были собраны для этих и подобных им строек лучшие представители русской нации, не желавшие подчиниться большевистской системе, а также томящиеся под игмом красного империализма члены других народов Советского государства и посланы были в двух направлениях: в европейской части на постройку этих каналов, сооружение военных заводов; на Востоке, прежде всего, на постройку железнодорожной линии, которая находилась бы вне досягаемости японских орудий с целью облегчения наступления против Японии на Дальнем Востоке. На этой Байкальской дороге работают 800 тысяч уголовных преступников и политических заключенных с Украины, Кавказа и казачьих областей. Работают часто при 50-60-градусном морозе. В лагерях принудительных работ вдоль Беломорского канала были размещены в нечеловеческих условиях 300 тысяч заключенных, которые умирали во время работы и пополнялись новыми обреченными на смерть заключенными и ссыльными, нередко из немецких колоний... Постройка Беломорского канала обошлась за

последние годы в сотни тысяч человеческих жертв. Как бы в насмешку над этим страшным истреблением людей, центральный орган Коминтерна "Московская правда" от 8. 9. 1936 г. сообщала, что канал был построен "руками и лопатами", а центральный орган Красной Армии "Красная Звезда" (29. 4. 1937 г.) назвал эти невиданные еще в мировой истории мучения людей - величайшей победой "социалистической гуманности"! Это уничтожение народа от имени социализма и освобождения труда проводилось главным образом прежним еврейским шефом ЧК Ягодой. Ягода соединил с этим хитроумную систему вымогательства, обещая многим заключенным, имеющим еще ценности, облегчение их участи ценой передачи ему, может быть, последних спрятанных драгоценностей. Эти полученные путем вымогательства ценности Ягода со своими сообщниками пересылал в другие государства, чем вызвал в заключение зависть к себе других, не дорвавшихся еще до таких заработков негодяев, которым он и должен был потом уступить. Непосредственным подчиненным его был Мозес Берман, в управлении которого находились лагеря принудительных работ всего Советского Союза. С садистской жестокостью этот Берман гнал заключенных со всего Советского Союза в ледяные пустыни Азии и к Белому морю или заставлял их хиреть десятками тысяч в сибирских концентрационных лагерях. Его заместителем был Соломон Фирин. Так продолжают насилия, по своей жестокости не имеющие примера в мировой истории, над еще остающимися лучшими русскими людьми и людьми других народов Советского Союза..."

Вы спросите, кто же этот пламенный и принципиальный правозащитник, столь горячо заступившийся за многострадальный русский народ?

Нацистский идеолог Розенберг. А цитата взята из его речи в Нюрнберге на съезде НСДАП 3. 9. 1937 г.

9. В бой идут молодые...

Рубеж 20-х - 30-х годов ознаменовал собой новый этап в жизни эмиграции. Во-первых, сталинские преобразования окончательно похоронили наивные надежды на эволюцию большевизма к демократическим формам. А во-вторых, Америку и Европу охватил мировой экономический кризис, и социально-незащищенные эмигранты были одними из тех, кто сильнее всего пострадал. Их в первую очередь увольняли с разоряющихся предприятий, а найти новую работу им было потруднее, чем коренным гражданам. Они не обеспечивались пособиями, на них не распространялись благотворительные и социальные программы. И многим стало вовсе не до политики - шла отчаянная борьба за выживание. Хотя даже в таких условиях "сверхзадача" оставалась прежней - грядущее возрождение России. В надежде на это люди старались сохранять свою веру, церковную организацию, культурные и нравственные ценности, передавать детям русский язык и внушать им любовь к родине отцов и матерей.

В данный период значительная часть прежних партий и группировок пришла в полный упадок. У меньшевиков раскол пошел еще в 1927 г., левое крыло во главе с Ф. И. Даном цеплялось за "теорию эволюции", а правое - Р. А. Абрамович, Д. Ю. Даллин, Б. И. Николаевский - стало выражать сомнения, "эволюционирует ли советский режим и заслуживает ли он поддержки революционеров?". Вскоре они рассыпались совсем. От партии остались малочисленные группочки, бесцельно варившиеся в собственном соку и пополнявшиеся разве что за счет собственных детей (да и то если удавалось вовлечь родительским авторитетом). Теоретизировали из

пустого в порожнее, пытаюсь подогнать действительность под штампы ортодоксального марксизма. В итоге, договаривались до откровенного бреда. Например, что из-за доказанной Марксом невозможности победы социализма в одной стране, неизбежен возврат России на капиталистические рельсы. И начавшаяся индустриализация - это капиталистические преобразования, значит большевистская революция носит буржуазный характер. Что само по себе прогрессивно, поскольку создает предпосылки для победы социализма, но где-то в далеком будущем, когда этот процесс созреет в развитых странах...

Распались и эсеры. Чернов в начале 30-х писал: "Нет ни революционной партии, ни воли к борьбе". Он еще пробовал играть роль лидера, ездил по Америке, старался показать, что оказывает какое-то влияние на русское крестьянство, однако был встречен там весьма прохладно. Собственные соратники катили на него бочку, что он, в общем-то, никем не уполномочен возглавлять партию и выступать от ее имени. В 1931 г. в Париже собрался "съезд" из представителей разных эсеровских групп, кое-как состряпали и подписали декларацию, но не смогли договориться даже о создании единого печатного органа.

Съезд собрало и Республиканско-Демократическое объединение, тоже утонув в теоретизировании - как бы изменить платформу, чтобы она соответствовала действительности. В самом этом объединении остались только сторонники Милюкова и Керенского. Трудовая Крестьянская партия из РДО вышла. Она растеряла своих сторонников, а в период коллективизации большая часть крестьян из приграничной полосы была выселена вглубь страны - и оборвались связи, через которые партия осуществляла свою деятельность в СССР. А стало быть, терялся и смысл работы в прежних

ее формах. Умер Аргунов, один из лидеров ТКП, а два других руководителя, Маслов и Бем, перешли на национально-патриотические позиции. Правые кадеты тоже находились в трудном положении. Небольшие группы в разных странах вели какие-то свои заседания, писали протоколы и спорили о самой необходимости сохранения партии. С ними и объединились в 1931 г. остатки ТКП. Одно за другим прогорали эмигрантские издания. В 1931 г. перестали выходить журнал Чернова "Революционная Россия", кадетский "Руль", меньшевистский "Социалистический вестник", "Крестьянская Россия", в 1932 г. - эсеровский журнал "Воля России", газета Керенского "Дни".

В сложной ситуации оказались монархисты. С одной стороны, казалось бы, из двух претендентов на престол остался только один - Кирилл Владимирович, но сотрудничество с ним было невозможно из-за его чудачеств и амбиций. Так, после провозглашения себя "императором Всероссийским Кириллом I" он требовал императорских почестей, а жену в качестве "императрицы" посылал в США хлопотать о займе - с обещанием вернуть, когда займет законный престол. Когда с Кириллом Владимировичем попытался наладить контакты РОВС, он потребовал поставить всю организацию под его контроль, допустить его представителей ко всей документации и на все действия испрашивать его согласия. Разумеется, переговоры на этом прервались. РОВС еще продолжал существовать, хотя количество зарегистрированных в нем членов к началу 30-х сократилось до 40 тыс. После гибели Кутепова организацию возглавил бывший начальник ее штаба генерал от кавалерии Е. К. Миллер. Проанализировав прошлую деятельность, он во многом пересмотрел направления работы. "Бессистемные покушения, нападения на советские учреждения и поджоги складов", осуществлявшиеся боевиками

Кутепова, он назвал "булавочными уколами", приходя к выводу, что они не дают никакого практического эффекта и ведут лишь к потерям активистов. Поэтому главный упор Миллер решил перенести на систематическую и целенаправленную подготовку кадров для партизанской войны, которую затем можно будет развернуть в СССР. Для этого он планировал использовать существующие курсы и школы РОВС, создавать новые, обратить внимание на подрастающее поколение эмиграции. Но как раз в период общего разброда и упадка "новое поколение" решило искать свои собственные пути борьбы за освобождение России. 1. 7. 1930 г. в Белграде собралось 14 представителей русских молодежных организаций из Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии и Голландии, провозгласив образование Национального Союза Русской Молодежи (позже - Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, еще позже - Народно-Трудовой Союз российских солидаристов - НТС). Объединил он тех, кто считал себя лично ответственными за судьбы России и готов был отдать себя делу ее возрождения. Чтобы отгородиться от прошлого, разделившего эмиграцию на множество течений, самим искать свою дорогу, при образовании Союза был введен возрастной ценз - принимались лица не старше 1895 г. рождения. Первым председателем стал герцог Н. С. Лейхтенбергский.

Свое мировоззрение НТС определял как "идеализм, национализм, активизм". То есть, верность высоким духовным идеалам, приоритет национально-патриотических ценностей перед партийными идеологиями и курс на конкретные действия. Категорически отвергался путь террора, а в качестве своей цели Союз видел национальную революцию, которая свергнет большевизм. В рамках этой цели ставилась задача подготовки борцов за Россию, квалифицированных кадров для строительства в ней

здорового гражданского общества. Союз отказывался от полемики о формах правления, но считал, что в стране должен установиться "народно-трудовой строй", служащий не отдельным классам, а народу в целом. Причем изначальные модели, которые вырабатывались теоретиками НТС, очень отличались от демократических - да иначе и быть не могло, поскольку в тот период западные демократии то и дело дискредитировали себя слабостью и беспринципностью. В этом отношении большое влияние на НТС оказало учение евразийцев. Предполагалось, что у России свой собственный путь развития, и в ней должно установиться сильное авторитарное государство, отвечающее интересам народа (иногда в качестве исходной бралась португальская модель Салазара). Огромная роль отводилась религии, в первую очередь - православию.

НТС начал выпускать в Софии свою газету "За Россию", издавались пропагандистские материалы и учебная литература. А некоторые активисты двинулись в СССР - разведывать реальную обстановку, оценить возможности нелегальной работы, завязать контакты для создания своей сети в СССР. В 1932 г. шесть человек пошли по каналам БРП через Прибалтику. В результате предательства в БРП все погибли. В 1933 г. по каналу РОВС через румынскую границу отправились П. Ирошников и М. Флоровский. Тоже погибли, и тоже из-за предательства. В 1934 г., опять через РОВС, пошла из Финляндии группа Г. Прилуцкого. Оказывается, и ее ждали - лишь чудом избежав ловушки, она вернулась назад. В 1935 г. по каналам БРП на Дальнем Востоке перешли границу И. Кобылкин, Е. Перелядов и Б. Олейников. Они добрались до Москвы, установили там связи для организации подполья, но на обратном пути попались и были расстреляны в Иркутске...

Новые времена наложили отпечаток и на деятельность чекистов. В связи с кампанией против "уклонистов" в их рядах прошла довольно серьезная чистка. Случай с Блюмкиным, привезшим из Константинополя письмо Троцкого, первый заместитель председателя ОГПУ Ягода использовал для сведения счетов со своим конкурентом - вторым заместителем и начальником иностранного отдела Трилиссером, подсказав Сталину способ его "проверки". Составил "тройку" для суда над Блюмкиным из Менжинского, Трилиссера и себя. И предложил провинившегося расстрелять. Менжинский, предупрежденный, что такова воля Сталина, проголосовал "за", а Трилиссер был удивлен столь крутой мерой, поскольку троцкистов в 1929 г. еще не расстреливали. И проголосовал "против". За что и полетел с должности. И естественно, вслед за начальником, покатились волна увольнений, замен и арестов его подчиненных. А среди чекистов троцкистские симпатии были все еще сильны, и особенно в иностранном отделе, работавшем на "мировую революцию". Теперь они заменялись "людьми Ягоды". Как свидетельствует Агабеков, в результате этих чисток "вместо фанатиков-революционеров пришли чиновники, не склонные к личному риску". Да и не сразу новые кадры выходили на должный уровень квалификации. Профессионализм работы за рубежом на время снизился, операции стали более грубыми и прямолинейными.

С другой стороны, с ужесточением режима внутри СССР и новыми репрессивными кампаниями начал расширяться спектр эмиграции. За границей оказались Троцкий с сыном, принявшие активно создавать свой "Четвертый интернационал". Появлялись новые беженцы, сумевшие каким-то образом пересечь границу. Стала расти плеяда "невозвращенцев" из загранкомандировок, торговых миссий, а то и из

дипломатов, разведчиков. Общий их состав тоже был очень разношерстным. Были разочаровавшиеся в коммунизме - такие, как секретарь Сталина Бажанов. Были спасающие свою жизнь, как Беседовский, Бармин, Раскольников, Кривицкий (Гинзбург), Рейсе (Порецкий), Орлов (Фельбинг), Крюков-Ангарский, Гельфанд. А некоторые рядовые совслужащие становились невозвращенцами безо всякой политики, из чисто меркантильных соображений, поскольку за рубежом имели возможность сравнить материальные условия жизни "у них" и "у нас". Но представляется интересным, что "перевоспитавшиеся" антикоммунисты, вроде Бажанова или Бармина, сходились отнюдь не с "левой", а с "правой", белогвардейской частью эмиграции. Социалистические бредни были для них "пройденным этапом", их несерьезность и нереальность они уже успели познать на собственном опыте. Зачастую представители новой, советской эмиграции, были для Москвы более опасными, чем прежние враги. "Четвертый интернационал" Троцкого грозил внести раскол в плетущуюся паутину Коминтерна. Этого не произошло только из-за несопоставимости финансовых возможностей опального вождя и целого государства. Видные невозвращенцы слишком много знали, а прочными моральными устоями обычно не обладали, стараясь побыстрее и повыгоднее продать свои секреты. Так, Агабеков заложил всю советскую сеть в Иране и на Ближнем Востоке. Кривицкий выдал британской разведке более ста агентов в Европе и Америке. Поэтому мало кто из них прожил долго и умер своей смертью. Но операции против них отвлекали силы и средства советских спецслужб от других задач, и острое заграничного террора ОГПУ вынуждено было перенацеливаться на новые мишени.

Но имелись и обстоятельства, благоприятные для большевистской разведки. Ей уже удалось к этому

времени густо пропитать своей агентурой саму эмиграцию, а экономический кризис предоставил дополнительные возможности для вербовки. Так что "чиновникам, не склонным к личному риску", теперь особо рисковать и не требовалось - в их распоряжении хватало пешек, которыми можно было безопасно руководить из-под дипломатического прикрытия и жертвовать без малейшего сожаления.

О том, каким мощным инструментом в руках спецслужб стала эмиграция, говорит любопытный факт. В период разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией в 1927-29 гг. главным источником информации о политике Лондона стали для советского правительства... сводки бывшего российского посла в Великобритании Саблина, которые он регулярно продолжал посылать в Париж, председателю Совета Послов Гирсу. Через агентов в окружении Гирса они попадали к советской разведке и в копиях рассылались Сталину, Рыкову, Чичерину, Ворошилову и Молотову. Эти сводки были куда более глубокими и квалифицированными, чем у советских дипломатов, поэтому всегда вызвали огромный интерес и заслуживали высокой оценки. В частности, Саблин задолго до очередных выборов предсказал грядущую победу лейбористов, а значит и изменение курса в отношениях с СССР.

Были и другие ценные агенты - Третьяков, Скоблин, Плевицкая, Кольберг. В 1932 г. предательство Кольберга раскрылось, и "Братство Русской Правды", одним из руководителей которого он являлся, вынуждено было прекратить свою деятельность. Нанесло это удар и по НТС - отделение этой организации в Латвии, созданное бароном Нольде из молодых членов БРП, пришлось распустить как "засвеченное". В целях конспирации потребовалось

менять структуру и принципы деятельности общего руководства Союза.

Что же касается Скоблина, то его положение в РОВС заметно упрочилось. Поскольку в гражданскую войну Миллер командовал на Севере, и в отличие от Кутепова, персональные качества Скоблина знал недостаточно, тому удалось выдвинуться. В 1935 г. он был назначен начальником "внутренней линии" - то есть контрразведки РОВС, занимавшейся не только выявлением и разоблачением советских интриг, но и подбором кадров для нелегальной работы в СССР! Нетрудно понять, какие богатейшие возможности это открывало для чекистов. Правда, уже тогда начали возникать некоторые подозрения. К выводу о предательстве во "внутренней линии" пришло руководство НТС - об этом свидетельствовали наблюдения Г. Е. Прилуцкого, который, как уже отмечалось, едва избежал гибели, воспользовавшись каналом РОВС. Был собран ряд других данных, и в 1935 г. все доказательства были представлены Миллеру. Одновременно и военная разведка Финляндии, находившаяся в хороших отношениях с Миллером, предупредила его, что подозревает Скоблина в связях с ОГПУ. Это обвинение разбиралось судом чести старших генералов, однако весомых доказательств обнаружено не было, а по одним лишь косвенным подозрениям возложить такую вину на заслуженного боевого товарища не сочли возможным. Ограничились тем, что в конце 1936 г. отстранили Скоблина от работы во "внутренней линии", а в остальном - даже дружеских отношений не порывали...

Но гораздо чаще агентуру из эмигрантов использовали для самых грязных игр и провокаций. Например, когда понадобилось опровергнуть компрометирующие документы Коминтерна, попавшие в руки западных держав и объявленные в Москве

"фальшивками", было принято во внимание то обстоятельство, что некоторые безработные эмигранты действительно подрабатывали фабрикацией всевозможных фальшивок, которые пытались продать иностранным разведкам (а то и советской - несколько таких "документов" о "польском заговоре против СССР" было куплено советским посольством в Варшаве). И разыгралась весьма подозрительная история. В правой газете "Руль" было помещено платное объявление, что "Русское информационное агентство "Руссино" принимает заказы на сведения о деятельности Коминтерна и информацию о положении в России". Директором агентства значился некто С. М. Дружиловский. И вскоре после такой рекламы этот Дружиловский был задержан на советской границе - якобы шел собирать заказанную информацию. А на суде взял на себя авторство всех "фальшивок", от которых отрекся Коминтерн, вплоть до скандального "письма Зиновьева". Что и было растиражировано советскими газетами. Комментарии, похоже, излишни.

Возможно, этого показалось мало, и в том же направлении была организована еще одна акция. В Берлине, где советские позиции были особенно сильны, и многие полицейские с чиновниками давно куплены, за подделку документов арестовали эмигрантов Орлова и Павлуновского. И когда их судили за мошенничество, процесс кем-то очень крупно подпитывался. Столь плевенькое и заурядное дело получило вдруг широкое освещение в печати. Обвинение почему-то пытались приплести Орлову и Павлуновскому все те же коминтерновские "фальшивки", совершенно не относящиеся к теме. А авторитетный эксперт д-р Фосс с какой-то стати решил от частного случая перейти к обобщенным выводам и выдал заключение, что "от русских эмигрантов нельзя брать никаких сообщений о русских делах". То есть, и о терроре, голоде,

раскулачивании - все такие сведения, попадающие по каналам Русского Зарубежья, заранее объявлялись недостоверными.

В 1932 г. бывшим офицером П. Горгуловым был убит президент Франции Поль Думер. Представители 78 эмигрантских организаций срезу же выступили с осуждением теракта, все лидеры партий и движений отреклись от связей с Горгуловым. Сам он, алкоголик и психически неуравновешенный человек, так и не смог толком ответить, кто его науськал на убийство, и унес эту тайну в могилу. Но как раз в данное время французское правительство затягивало подписание пакта о ненападении с СССР, и тормозил его именно Думер. Разумеется, после его смерти, да еще и от руки "белогвардейца", пакт был подписан. Поэтому вполне обоснованными выглядят версии газеты "Возрождение", приводившей доказательства связи Горгулова с советскими спецслужбами.

А на базе "сменовеховских" и "возвращенческих" организаций чекистами стали создаваться откровенно прокоммунистические центры. Была организована даже "своя" масонская ложа "Гамаюн" ярко выраженной советской ориентации. Сотрудники "сменовеховских" изданий, которые еще не порвали с этим движением или не выехали в СССР (и не погибли там), постепенно становились обычными платными работниками большевистской пропаганды. А "Союз возвращения на родину" преобразовался в "Союз друзей советской родины". Собственно, "возвращенцы" в России были уже не нужны. Массовое заманивание эмигрантов давно себя исчерпало, а что касается одиночек, то в сталинских лагерях и без них уже хватало рабочей силы. И тех, кто иногда еще продолжал "поклевывать" на старые удочки, предпочитали использовать на месте. Им объясняли, что надо сперва доказать "лояльность" и втягивали в шпионскую, диверсионную,

террористическую деятельность. А дальше они и сами оказывались на крючке, работая по указкам резидентов. В 1936 г., когда началась гражданская война в Испании, 300 таких "возвращенцев" направили туда сражаться за республиканцев. Это было дешевле и проще, чем переправлять советских военных. И кому бы пришло в голову жалеть, что третья часть из них погибла?

В 1937 г. НКВД использовал "Союз друзей советской родины" для охоты на важных невозвращенцев. Группа членов этой организации во главе с неким Ковалевым предприняла несколько попыток устранить Бармина, а когда в Швейцарии был застрелен Рейсе, полиция установила, что один из убийц принадлежал к "друзьям советской родины". После ареста он дал показания на других членов той же самой группы Ковалева. Однако им удалось скрыться тоже в Испанию, под крылышко штаб-квартиры НКВД в Барселоне.

11. Заклятые друзья

Отношения между СССР и Германией в течение всех 20-х и начала 30-х гг. продолжали носить особый характер. И даже попытка Москвы организовать у немцев революцию в 23-м не привела к окончательному разрыву альянса. Тот же военный министр фон Сект, возглавлявший подавление коммунистических восстаний, предпочитал подходить к вопросу сугубо прагматически, и считал, например, более важным, что через СССР можно успешно решать проблему обеспечения боеприпасами, поскольку и это тормозилось ограничениями Версаля - и в 1924 г. через подставную фирму "Метахим" советской промышленности был передан заказ на 400 тыс. трехдюймовых снарядов к полевым орудиям, выполненный в течение двух лет. Продолжало развиваться и сотрудничество по достигнутым прежде договоренностям в военно-технической области. В 1924 г. начал функционировать авиационный центр в

Липецке для совместных испытаний техники и обучения германских летчиков. В 1926 г. аналогичный центр для танковых войск под названием "Кама" был создан под Казанью, а химический центр обучения и полигон - в местечке Подосинки. Впоследствии этот центр переместился в окрестности г. Вольска Саратовской обл., где возникла база "Томка". Все обучаемые в этих заведениях немецкие офицеры временно увольнялись из Рейхсвера и становились "служащими частных предприятий".

Но справедливости ради следует отметить, что периодически появляющиеся в наше время сенсационные статьи и телепередачи о том, будто Советский Союз таким образом сам вооружил своего будущего врага и врага всего цивилизованного мира, все же далеки от истины. Потому что большинство проектов военно-технического сотрудничества, рожденных в эйфории 1921-22 гг. так и остались на бумаге или зависли на уровне переговоров. Так, для Круппа предлагаемые ему условия концессии ленинградских заводов оказались неприемлемыми. Недалеко продвинулись и планы химического предприятия по производству иприта. Переговоры о совместном производстве самолетов "Альбатрос" и подводных лодок кончились ничем. А строительство заводов "Юнкерса" в Филях и Харькове хотя и началось, не было доведено до конца. Там год за годом накапливались взаимные претензии по срокам, финансированию, качеству работ, разразился грандиозный скандал со взяточничеством советских начальников, за мзду смотревших сквозь пальцы на невыполнение фирмой своих обязательств, и в 1927 г. российская сторона расторгла договор с выплатой "Юнкерсу" 3,5 млн. руб., а превратившиеся в "долгострой" так и недооборудованные заводы взяла под свое управление. Ну а предложение выпускать на

советских заводах вооружение и военную технику для Германии в обмен на немецкие патенты тоже реализовано не было. Во-первых, из-за промышленной отсталости СССР Рейхсвер предпочел закупать оружие в Швеции, Бельгии и других западных странах - так что заказ трехдюймовых снарядов был единственным в своем роде. А во-вторых, тогдашние немецкие "демократы" грешили теми же привычками, что российские образца 1990-х, и на любое нарушение своим государством наложенных санкций норовили настучать державам-победительницам.

Тем более, что без последствий коминтерновская авантюра все же не осталась, и в 1924-26 гг. российско-германское сближение серьезно затормозилось. После революционных событий сформировалось мощное антисоветское крыло во главе с бывшим рейхсканцлером и министром иностранных дел Г. Штреземаном, видевшее "наименьшее из зол" в сближении с Западом. Примыкали к нему многие видные финансово-промышленные тузы. В военной среде сторонниками западной ориентации выступили столь популярные военачальники Первой мировой, как генералы Гофман и Людендорф. Характерно, что как раз они-то большевиков знали лучше других - один был начальником штаба Восточного фронта и возглавлял германскую делегацию на переговорах в Бресте, другой фактически командовал Восточным фронтом и сам принимал участие в засылке Ленина в Россию.

Особенно усилились позиции этого крыла после принятия 16. 8. 1924 г. на Лондонской конференции Антанты американского плана Дауэса, предусматривающего для облегчения бремени репараций и восстановления экономики Германии предоставление ей западных займов и кредитов. И хотя сторонники просоветской линии - министр иностранных дел барон Мальцан, посол в СССР граф Брокдорф-

Ранцау и др. вели настойчивую борьбу, пытаясь предотвратить изменение ориентации, ситуация складывалась не в их пользу. Например, одному из промышленных королей Тиссену удалось повлиять на своего коллегу Круппа, переманив его из "восточного лагеря" в свой. В 1926 г. Штреземан инициировал кампанию скандальных разоблачений в парламенте, заложив таким образом Западу контакты Рейхсвера с коммунистами, в частности - все ту же поставку 400 тыс. снарядов, и в результате скандала вынужден был уйти в отставку фон Сект. На основании полученных разведданных Уншлихт докладывал Сталину, что Германия пытается использовать проявленные к ней послабления и через своих представителей ведет переговоры в Англии и Франции, надеясь добиться разрешения на создание собственной военно-технической базы вместо обходных маневров с СССР.

С другой стороны, и в Кремле наблюдалось охлаждение к прежним проектам. Провал авантюры 1923 г. вызвал сомнения в быстрой победе революции в Германии. Не было уже такого яркого германофила, как Ленин, а вслед за ним был отстранен от активной деятельности и Троцкий, один из авторов "немецкого" плана. И в это же время рост рабочего и забастовочного движения во Франции породил новые теории, что предпосылки к победе социализма сильнее именно в этой стране (а Троцкий, следовательно, ошибся). Потом взяла верх линия Сталина на построение социализма в одной стране...

Однако очень скоро маятник качнулся в обратную сторону. В Германии эйфория дружбы с Западом исчерпала себя еще быстрее, чем дружбы с коммунистами. О каких-либо послаблениях в сфере военных запретов англичане с французами и слышать не хотели. А между тем, в раздираемой внутренними смутами соседней Польше в августе 1926 г. произошел

переворот - к власти там пришел маршал Пилсудский и установил жесткий режим "санации", т. е. оздоровления государства, в результате чего Польша быстро стала оживать, превращаясь в довольно сильную и милитаризованную страну. И ко всему прочему, задиристую, строящую внутреннюю и внешнюю политику на принципах откровенного национального шовинизма. Причем во всех спорных международных вопросах поляки неизменно получали поддержку Франции, делавшей на них ставку. А отношение западных держав к Германии в 20-х годах, по сути, не отличалось от их отношения к Ираку или Югославии в 90-х, определяясь в любом случае предвзято. Поэтому и усиление Польши выступало демонстративным орудием диктата и запугивания в отношении немцев. Теоретически, для них создавалась угроза, что их страну при желании просто-напросто разделят. И кстати, в тогдашней однополярной мировой ситуации угроза вполне реальная ведь не постеснялись же разделить Чехословакию в 1938-м, когда сочли это нужным.

Что же касается англо-американских кредитов по "плану Дауэса" то постепенно становилось ясно, что они вовсе не являются панацеей от всех бед, потому что сами по себе закабаляют страну не хуже военных репараций, а попутно ставят национальную экономику и финансы в зависимость от США и Великобритании. И, наконец, в результате усиления этой зависимости, американский кризис 1929 г. сразу перекинулся на Германию, перечеркнув все ее попытки выбраться из послевоенных бед и опрокинув в состояние новой экономической катастрофы. В первую очередь, просоветские настроения возобладали в военной среде, тем более что Гофман, самый ярый выразитель противоположной точки зрения, уже умер, а его единомышленник Людендорф, утратил веру в возможность союза с Западом и разочаровался в

позиции западных держав. В докладе преподавателей академии им. Фрунзе, представленном ими после командировки в Германию и направленном начальником академии Эйдеманом, на имя Ворошилова, говорится: "Германский Генштаб по нашим наблюдениям видит единственную реальную силу, могущую дать прирост его военной мощи, это - дружеские отношения с Советской Республикой. Наличие общего противника - Польши, опасного для Германии вследствие географических условий, еще более толкает германский Генштаб на пути тесного сближения с Советской Россией. Средние круги офицеров Генштаба, состоящие в Министерстве Рейхсвера на службе штаба, не скрывают своего враждебного отношения к Франции и Польше и своей искренней симпатии к Красной Армии".

Но и у советского руководства интерес к немцам в данный период снова стал повышаться. Польша выступала вероятным противником не только для Германии, а и для СССР. Ее агрессивные претензии распространялись не только на Данциг и Померанию, но и на Белоруссию с Украиной. И коммунистов Пилсудский преследовал не менее настойчиво, чем немецких националистов. А в самой Германии по мере того, как у народа открывались глаза на позицию Запада, опять стал стремительно расти рейтинг левых партий - за восемь лет с 1924 по 1932 гг. их электорат увеличился на 3 млн. 329 тыс. избирателей. То есть, в представлении советских правителей, страна снова приобретала черты зреющего яблока, которое рано или поздно должно достаться им. И пошел раскручиваться очередной виток "дружбы".

Снова активизировалось военно-техническое сотрудничество. 26. 2. 1927 г. устаревшая "крыша" для операций в этой области, ГЕФУ, была реорганизована в ВИКО ("Виртшафсконтор" - "Экономическая контора").

Ее представителями в СССР стали полковник фон дер Лит-Томсен и доктор Цур-Лойс. Так и не найдя взаимопонимания у держав демократического лагеря, опять потянулись к контактам немецкие военные промышленники. В апреле 1929 с фирмой "Крупп" было достигнуто соглашение "в области специального военного производства". Фирма обязалась предоставить "в распоряжение русской стороны накопленный опыт в лабораториях и на полигонах, во внешней баллистике, в области производства материалов для военного снаряжения, обработки и режима обращения, а также в области взрывчатых веществ и порохов". Предлагалась и консультативная помощь русским заводам и институтам специалистами фирмы. За все это Крупп просил 1 млн. 850 тыс. долл., а также чтобы "опыт, накапливаемый в русских условиях по системам, сконструированным в КБ фирмы или по системам, в разработке которых принимали участие германские конструктора в Советском Союзе, взаимно передавались бы фирме "Крупп".

В том же году был заключен еще более выгодный для русских договор с фирмой "Рейнметалл", которая обязалась наладить на советских заводах выпуск некоторых своих разработок - 3-дюймового зенитного орудия, 150-мм миномета, 37-мм противотанковой пушки, 20-мм пулемета, 6-дюймовой гаубицы и 37-мм автоматической зенитной пушки. Фирма гарантировала начало серийного выпуска данных систем в 1931 г., обеспечивая всю необходимую техническую помощь и консультации, запросив за это 1 млн. 125 тыс. долл. Кроме того, предлагалось в конструкторских бюро "Рейнметалла" производить разработки по советским заказам на сумму 200 тыс. долл. ежегодно. (Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. "Фашистский меч ковался в СССР". М., 1992). То есть, как видим из условий сделок, и здесь речь не шла о "вооружении будущего агрессора".

Просто фирмам по производству военной техники, оказавшимся в трудном положении, требовались наличные деньги, точно так же, как нынешним российским предприятиям ВПК, а в смысле вооружения выигрывала советская сторона, преодолевая техническую отсталость 20-х годов, в которой очутилась из-за истребления и эмиграции собственных специалистов.

Но вот в подготовке армейских кадров Гитлеру действительно крупно помогли. Успешно продолжали функционировать те же учебно-испытательные центры "Липецк", "Кама" и "Томка". В Липецке прошли обучение почти все знаменитые асы и военачальники будущих Люфтваффе. В "Каме" учился танковому делу такой полководец как Гудериан. В 1931 г. на обучении и стажировке в СССР находился сразу целый букет военачальников грядущей войны - Кейтель, Манштейн, Браухич, Модель, Кестринг, Горн, Крузе, Файге, Кречмер и др. Германские делегации часто приезжали в рабочие командировки для обмена опытом, приглашались на все учения и маневры Красной Армии. И, например, генерал фон Бломберг, будущий военный министр Гитлера, признавался, что в период этого сотрудничества стал "почти большевиком". Многим офицерам в ходе таких стажировок и маневров довелось познакомиться с местами, где они впоследствии будут вести сражения. Так, Кейтель и Браухич побывали на учениях Белорусского военного округа, Модель был прикомандирован к советским частям на Дону, Кестринг в Курске, Гудериан - на Украине.

Правда, стоит упомянуть и тот факт, что советских военачальников и командиров тоже приглашали в Германию. В разное время там побывали в командировках Тухачевский, Уборевич, Якир, Триандафиллов, Егоров, Корк, Федько, Белов, Баранов, Меженинов, Катков, Зомберг, Даненберг, Степанов,

Венцов, Калмыков, Дубовой, Примаков, Левандовский, Левичев, Лацис, Лонгва, Котов, Германович и др. Но вот им-то знания, полученные об этой стране и ее вооруженных силах, уже негодились, потому что к началу войны никого из них не осталось в живых. Но до войны СССР с Германией было еще далеко, и в то время она показалась бы невероятной не только "товарищам по оружию", но и опытным политикам. В своем донесении за 1930 г. британский посол в Берлине Г. Гумбольд сообщал министру иностранных дел А. Гендерсону: "В минувшем году все выглядело так, как будто сторонники сближения с восточным соседом взяли верх в военной политике Германии. И что политика эта концентрируется вокруг более тесного сотрудничества с Россией. Советские офицеры неоднократно присутствовали на маневрах в различных частях Германии, а генерал фон Бломберг с группой штаб-офицеров отправился с какой-то секретной миссией в Россию... Хотя политические отношения между Германией и Советской Россией в данный момент и не отличаются особой сердечностью, тем не менее, создается впечатление, что военные германские власти намерены поддерживать тесную связь со своим будущим могучим союзником, в случае возможного конфликта с Польшей".

Продолжались и давние контакты на уровне спецслужб. До нас дошло принятое в 1929 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О существующих взаимоотношениях с Рейхсвером", где один из пунктов посвящен работе спецслужб. В графе "Слушали": пункт "в) О контакте разведывательной деятельности РККА и Рейхсвера против Польши с целью обмена разведывательными данными о Польше и совместной разработки данных мобилизации и развертывания польской армии".

В графе "Постановили": "Обмен разведывательными данными о Польше и совместное обсуждение развертывания польской армии признать целесообразным. Предложение об установлении совместной организационной работы обеих разведок отклонить".

То есть, как мы видим, немцы были готовы даже на "организационное" объединение шпионских сетей для проведения совместных операций, хотя большевики поостереглись допускать их в свои структуры. В архивах сохранилась и записка полпреда в Берлине Хинчука в Москву от 1. 3. 1932 г., касающаяся новых предложений о совместной с Германией разведке против Польши (ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3. д. 342, л. 180). И Ворошилов дал на это согласие своим письмом от 12. 3. 1932 г. (там же, л. 179-180).

СССР и Германия действительно считали себя вероятными союзниками. И момент, когда предстояло выступить плечом к плечу, казался не за горами. В 1932 г. под руководством Тухачевского был разработан детальный план по разгрому Польши. И некоторые его элементы впоследствии были использованы в аналогичном немецком плане - массированные бомбардировки Варшавы, расчленение польской обороны ударами механизированных бригад и корпусов. Только тогда еще малочисленному и ограниченному в вооружении Рейхсверу до подобных возможностей было далеко, поэтому эти действия отводились на долю советских войск. В приложенной к плану пояснительной записке для Сталина Тухачевский обосновывал, что готовность к реализации может быть достигнута уже к концу 1932 г. Также указывалось: "В настоящей записке я не касался ни Румынии, ни Латвии. Между прочим, операцию подобного рода очень легко подготовить против Бессарабии".

О том, какая роль отводилась Германии, свидетельствует сценарий военно-штабной игры немецкого Генштаба, проведенной в июне 1933 г. По ее исходным данным предполагалось, что между Берлином и Москвой заключен тайный договор. СССР начинает войну против Польши. Франция, не зная о существовании договора, вмешивается на стороне поляков. Но в этот момент Германия занимает позицию вооруженного нейтралитета и неожиданно для Запада объявляет всеобщую мобилизацию (заодно перечеркивая тем самым Версальский договор). В результате Франция и ее союзница Чехословакия оказываются в замешательстве, в связи с новой внезапной угрозой не могут оказать Польше реальную помощь, и она подвергается быстрому разгрому со стороны Красной Армии, а ее разбитые войска вынуждены отступить в Восточную Пруссию, где их интернируют.

Действительно ли Сталин в начале 30-х замышлял такую войну? Современные искатели сенсаций (Б. Соколов и др.) дают на этот вопрос однозначно положительный ответ. И приводят, вроде бы, логичные и исчерпывающие доказательства - сосредоточение в это время у западных границ дополнительных контингентов советских войск. И в самом деле, факты говорят о том, что подобную возможность Иосиф Виссарионович рассматривал. Как уже отмечалось, с 29-го он вернулся к проектам мировой революции, активизировал военную сторону деятельности Коминтерна - очевидно, под влиянием охватившего все страны глобального кризиса. И военного пути он тоже не исключал. Например, на XVII съезде партии в 1934 г. говорил, что грядущая война "наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе Первой мировой войны". Надо думать, и Польшу

прихватить по случаю он бы не отказался. Если бы это было так просто...

Но дело в том, что по натуре Сталин не был безрассудным авантюристом. И ради сомнительного территориального выигрыша рисковать всем государством, - которое стало уже его государством, он вряд ли отважился бы. В отличие, скажем, от Троцкого или его выдвигенца Тухачевского, автора плана. Стоит вспомнить, что Тухачевского и в гражданскую били все, кому не лень, и именно по причине чрезмерно азартных игр. В сентябре 19-го уже несколько раз разгромленный Колчак нанес ему жестокое поражение, поставив армию на грань уничтожения - из-за того, что Тухачевский зарвался в преследовании. Зимой 20-го он крепко получил от Деникина, бросившись в шапкозакидательское наступление. Ну а чем закончился его безоглядный рывок на Варшаву, хорошо известно. И все данные свидетельствуют о том, что в 32-м возможности Красной Армии он тоже серьезно преувеличивал. К большой войне она была явно не готова - это отмечают большинство исследователей, как советских, так и зарубежных.

Механизированных бригад и корпусов, лихо громивших противника на бумаге, в реальности еще и в помине не существовало, их только предлагалось создать. В качестве яркого примера можно назвать и причину перевода Г. К. Жукова из инспекции кавалерии РККА на командование 4-й кавалерийской дивизией - одно из лучших соединений после упомянутой переброски на запад стало практически небоеспособным. Вынужденное заниматься устройством на новом месте, строительством казарм и конюшен, оно превратилось в "плохую рабочую команду". И, разумеется, в других дивизиях дело обстояло не лучше. Не зная этого Сталин не мог - его ведь информировал не только Тухачевский, но и конкуренты Тухачевского

из группировки Буденного. А по меркам начала 30-х Польша и сама по себе была для СССР серьезным противником, да и мировые державы тут уж в стороне не остались бы, несмотря ни на какой кризис.

Кстати, если бы войска сосредотачивались действительно для ожидающегося вскоре блицкрига, зачем бы им потребовалось устраиваться "всерьез и надолго", бросая все силы и средства на строительство городков и казарм? Ну и, наконец, мог ли Сталин планировать наступательную войну, если как раз в данное время шла "вторая гражданская"? 1932 г. - это же пик голода на Украине, в Белоруссии, Поволжье, Казахстане, пик стихийного недовольства его правлением в городах! Вот тут-то и разгадка сосредоточения войск на западе. Советское руководство боялось, что восстаниями и протестами населения воспользуются соседи, и в первую очередь - Польша. Это для ее нападения момент был исключительно благоприятным - уж конечно, вымиравшие от голода и загоняемые в колхозы крестьяне стали бы для Варшавы лучшими союзниками, вот и перебрасывались красные части, чтобы предотвратить такое развитие событий.

Отметим и то, что "изюминкой" плана Тухачевского являлся гипотетический тайный договор с Германией. Но в 1932 г. его и заключать-то было не с кем. Берлин лихорадили непрерывные правительственные кризисы, недолговечные кабинеты министров сменялись один за другим, то правительство Брюнинга, то Папена, то Шлейхера. Бурлили политические страсти, за год прошло пять выборных кампаний... И "польскому" варианту Сталин, судя по всему, предпочел "германский". По сути - тот же, что в 23-м, но подготовленный куда более солидно и капитально. Уже не на авось, не путем экстренной засылки эмиссаров, пытающихся на скорую руку раздуть "революционную

ситуацию" - на этот раз предпосылки к победе коммунистов были и в самом деле реальными. Но действительность опрокинула все подобные планы одним махом. Потому что к власти пришли не коммунисты, а нацисты. И упомянутая штабная игра в 1933 г. проводилась немецким Генштабом всего лишь по прошлой инерции.

12. Разноцветные двойники

Взаимное соотношение нацизма и коммунизма - еще один исторический штамп, получивший совершенно неверное освещение в массовом сознании и исторической литературе. Из их жестокой межпартийной борьбы, взаимных обвинений и преследований, а особенно после непримиримой по формам и методам войны нацистского и социалистического государств успело сформироваться устойчивое представление о полной противоположности этих учений. Дескать, революция 1918 г. и усиление коммунистов в Германии пробудили к жизни обратную реакцию, которая в итоге и вылилась в формы нацизма. В лучшем случае, исследователи отмечают некоторые внешние общие черты, объясняя их "крайностями" двух тоталитарных систем, хотя эти крайности автоматически подразумеваются разнополярными. На самом же деле, обе идеологии оказываются не только глубоко родственными, а изначально нацисты сами считали себя продолжателями дела коммунистов. Что не мешало им враждовать точно так же, как все революционные партии враждовали со своими предшественниками: коммунисты с социалистами, социалисты с либералами, а "сталинисты" с "троцкистами" - то есть, более поздняя форма коммунизма с более ранней.

Гитлер, например, рассказывал приближенным: "В молодости, находясь в Мюнхене вскоре после войны, я не боялся общаться с марксистами всех мастей. Я

всегда считал, что всякая вещь для чего-нибудь пригодится. И к тому же, у них было много возможностей развернуться по-настоящему. Но они были и остались мелкими людишками. Они не давали ходу выдающимся личностям. Им не нужны были люди, которые, подобно Саулу, были бы на голову выше их среднего роста. Зато у них было много жидишек, занимавшихся догматической казуистикой. И поэтому я решил начать что-то новое. Но ведь из бывшего рабочего движения тоже вполне можно было бы сделать что-то вроде нашего...".

Примерно в таком же тоне и Ленин высказывался о меньшевиках, легальных марксистах, народниках, по его мнению, неспособных к настоящему делу. И как Ленин считал себя великим реформатором их учений, так и Гитлер, в свою очередь, выступал реформатором коммунизма. Суть же своих реформ в одном из разговоров с гауляйтером Данцига Раушнингом он определял так: "Я не просто борюсь с учением Маркса. Я еще и выполняю его заветы. Его истинные желания и все, что есть верного в его учении, если выбросить оттуда всякую еврейскую талмудистскую догматику". А когда собеседник пришел к выводу, что в этом случае получится большевизм российского образца, фюрер его поправил: "Нет, не совсем. Вы повторяете распространенную ошибку. Разница - в созидательной революционной воле, которая уже не нуждается в идеологических подпорках и сама создает себе аппарат непоколебимой власти, с помощью которого она способна добиться успеха в народе и во всем мире".

Зародился гитлеризм в той же самой революционной идеологической каше 1918-19 гг., в которой организовывалась германская компартия. Так что их различия носили в большей степени организационный и конъюнктурный характер, чем идеологический - у коммунистов "выдающимся

личностям" ходу действительно не было, потому что основой их деятельности было послушание Коминтерну и московским лидерам. Примерно так же, как не было бы ходу Ленину, останься он в окружении Плеханова, где все уже было схвачено, и все авторитеты распределены в установившейся иерархии. А тем, кто предпочитал быть "первым в деревне, чем вторым в Риме" оставалось искать или строить себе такую деревню.

НСДАП (Немецкая Национал-Социалистская Рабочая партия) образовалась 8. 8. 1921 г. из слияния микроскопических Немецкой Рабочей партии Дрекслера, Немецкой Национальной Социалистами партии Юнга и Немецкой Социалистической партии Штрейхера - причем все три были очень левого толка. И по сути, во многих отношениях новая партия была близкой копией коммунистической. Пункт 17 нацистской программы предусматривал национализацию промышленности и банков, аграрную реформу с безвозмездной экспроприацией собственности. Геббельс в публичных речах неоднократно заявлял о глубоком родстве национал-социализма и большевизма. Причем именно российского большевизма немецких коммунистов он уличал в отступлении от революционных принципов и предательстве интересов бедноты, а социал-демократов укорял в забвении марксизма. В историческом перечне революционеров, дело которых якобы продолжали нацисты, фигурировал и Ленин.

Ярко выраженной левой ориентации придерживались такие видные нацисты, как идеологи партии Отто и Грегор Штрассеры, вожди штурмовиков Рем, Хейнес, Эрнст, крупные региональные руководители - Кох, Кубе, Брюкнер, Келер. Да и сам Гитлер преемственности не скрывал. Например, в беседе с Гессом и командиром, штурмовиков

Линксмайером в 1932 г. он говорил: "Революционное учение - вот секрет новой стратегии. Я учился у большевиков. Я не боюсь говорить об этом. Люди в большинстве своем всегда учатся у собственных врагов. Знакомы ли вы с учением о государственном перевороте? Займитесь этим предметом. Тогда вы будете знать, что делать". Известны и другие его высказывания на этот счет: "Я всегда учился у своих противников. Я изучал революционную технику Ленина, Троцкого, прочих марксистов. А у католической церкви, у масонов я приобрел идеи, которых не мог найти ни у кого другого".

И даже после прихода к власти он заявлял: "Германия не станет большевистской. Скорей большевизм станет чем-то вроде национал-социализма. Впрочем, между нами и большевиками больше сходства, чем различий. Прежде всего - истинный революционный настрой, который еще жив в России, свободный от происков всякой пархатой социал-демократии. Я всегда принимал во внимание это обстоятельство и отдал распоряжение, чтобы бывших коммунистов беспрепятственно принимали в нашу партию. Национал-социалисты никогда не выходят из мелкобуржуазных социал-демократов и профсоюзных деятелей, но превосходно выходят из коммунистов".

Действительно, многие коммунисты в разные времена переходили под знамена Гитлера и, как правило, оказывались там вполне "на месте". Скажем, садист и маньяк Р. Фрейслер в гражданскую был в России и служил в ЧК, а в нацистской Германии выдвинулся на пост председателя Народного суда, прославившись своей кровожадностью. И фюрер не в шутку, а в качестве похвалы говаривал: "Фрейслер - это наш Вышинский". Ярым большевиком в начале 20-х был и лидер норвежских нацистов Квислинг. Он побывал в советской стране с миссией Нансена и вернулся оттуда

под глубоким впечатлением увиденного, вступив в Норвегии в лейбористскую партию (в то время являвшуюся членом Коминтерна) и даже попытавшись создавать в Осло красную гвардию. К гитлеровцам перешла часть компартии Франции во главе с Ж. Дорио и компартии Швеции во главе с Н. Флюгом.

Ну а в Германии до 1932 г. различия между коммунистами и нацистами выявить было вообще трудно - куда труднее, чем сходные черты. Те и другие представляли себя выразителями интересов рабочих (т. е. части населения, которую легче всего вовлечь в политику). И для тех и других рабочие выступали лишь той пассивной массой, за поддержку которой разворачивалась борьба. На самом же деле, главную, постоянную опору как коммунистов, так и нацистов составляло городское отребье - люмпены, деклассированные элементы, шпана без определенных занятий. В данном случае характерен пример со знаменитым Хорстом Весселем, автором нацистского гимна. Он был сутенером и прославился тем, что одержал верх в одном из злачных кварталов Берлина, который прежде контролировался коммунистами и считался их "вотчиной". А убит был в драке с Али Хелером - тоже сутенером, но активистом компартии.

Обе партии использовали одни и те же методы - сочетание легальной агитации и борьбы за голоса избирателей с подготовкой силового переворота. Одни формировали для этого из всякого сброда отряды штурмовиков СА, другие из точно такого же сброда - отряды штурмовиков "Красного фронта". Как уже отмечалось, они могли порой заключать и союзы, гласные или негласные, и "пивной путч" в Мюнхене был четко приурочен к дате германской революции, которую определили в Москве. И даже после прихода к власти Гитлера, в 1934 г., во Франции в

антиправительственных акциях объединялись коммунисты и фашисты.

Так в чем же, спрашивается, было различие? В лозунгах? Но ведь и большевики меняли лозунги, как перчатки, в зависимости от сиюминутной выгоды. То "долой войну" - то "социалистическое отечество во в опасности", то нэп - то "уничтожение кулака как класс". И надо думать, что если бы на капитуляцию, вроде Бреста, пошли не они сами, а царское правительство или социал-демократы Керенского, то и большевики не постеснялись бы взять на вооружение националистические лозунги. Как они, кстати, и сделали в период войны с Польшей в 1920 г. - и даже красный террор повернули от "классового" к "расовому" признаку, производя аресты и расстрелы людей польской национальности. Да и германские коммунисты, подобно нацистам, в 20-х годах всю эксплуатацию лозунги национального унижения и предательства.

Агрессивные планы, которых не скрывали гитлеровцы? А чем они в принципе отличались от планов "мировой революции", которых российские большевики на первом этапе тоже не считали нужным ни маскировать, ни вуалировать? И которые продолжали существовать в дальнейшем, разве что были засекречены. Кстати, по изначальным проектам Гитлера, его агрессия также должна была разворачиваться не чисто силовым путем - после поражения в Первой мировой, в условиях Версальских военных ограничений и расшатанной кризисами экономики в возможность победы никто не поверил бы. И сперва планы строились на сочетании армейских операций с "революционными методами". Как свидетельствует Раушнинг, "он и его генералы опирались на опыт взаимоотношений Людендорфа с Россией. Они изучали опыт германского Генерального

штаба, накопленный при засылке Ленина и Троцкого в Россию, и на основе этого выработали собственную систему и доктрину - стратегию экспансии". Предполагалось, что в любой стране существуют силы, недовольные своим правительством, и надо лишь их разбудить, раскачать и активизировать. А в нужный момент они выступят против "плутократов" и нанесут удар изнутри, подрывая способность государства к сопротивлению. Следовательно, и здесь агрессия должна была разворачиваться под флагом цепочки революций - только не социалистических, а "национальных".

Превращение покоренных народов в рабов? Но как уже отмечалось, и в классических ленинских моделях социализма речь шла о самом натуральном рабстве со всеобщей трудовой повинностью за пайку хлеба под вооруженным контролем. А руководить деятельностью этого механизма должен был "авангард рабочего класса", то есть некая персонально отобранная элита. Причем суть этой элиты вожди определяли почти одними и теми же словами. Гитлер неоднократно сравнивал свою партию и СС с рыцарским орденом. И Сталин тоже говорил, что партия должна быть чем-то похожа на "орден меченосцев". В унисон им высказывался и Троцкий, утверждая, будто партия должна быть похожа на касту самураев, где верность и лояльность, и дисциплина являются ценностями самостоятельного порядка. Впрочем, и по многим другим вопросам у большевистских и нацистских лидеров можно найти очень близкие установки. Так, Ленин внушал своим последователям: "Нравственно все, что служит делу победы коммунизма"

(ПСС, т. 41, стр. 298).

А Гитлер поучал подчиненных: "Я освобождаю вас от химеры, называемой совестью! Разве смысл не один и тот же?"

Итоговые различия между нацизмом и коммунизмом сформировались, скорее, не стратегической направленностью, а индивидуальными особенностями вождей. Так, Гитлер по впечатлениям, вынесенным из молодых лет, стал антисемитом. Каковым Ленин, по матери Бланк, быть никак не мог. Но вряд ли эту разницу можно считать принципиальной. Антисемитов хватало и среди видных большевиков. И, например, Лацис, в бытность властителем Киева заявлял: "Среди евреев девяносто пять процентов - жида, но вот оставшиеся пять процентов нужны нам".

Красные чести на Украине устраивали еврейские погромы ничуть не хуже петлюровцев. Да и Сталин, как известно, иудейское племя не жаловал. Еще в 1929 г. он фактически разогнал компартию Палестины, поставив задачу ее "большевизации плюс арабизации". В 1931-32 гг. попутно с депортациями русских крестьян устроил и массовую депортацию евреев Украины и Крыма, выселив их на Дальний Восток и предоставив там устраивать "свою" автономную область. А в конце жизни подумывал взять "космополитов" и в более серьезный оборот.

Другое отличие большевизма и нацизма, как ни парадоксально, проистекло не из разницы, а из сходства взглядов лидеров. Ленин ненавидел и откровенно презирал русский народ - "надо русского дикаря учить с азов", "в России азиатства хватит на триста лет", "русский рабочий - плохой работник". И как уже отмечалось, неизмеримо выше во всех случаях ставил немцев. И Гитлер тоже ставил немцев неизмеримо выше русских, считая их "дикарями" и "азиатами". Поэтому в данном плане он перенял и развил теории Людендорфа и Гофмана, считавших необходимым во что бы то ни стало разрушить Россию для обуздания якобы исходящей от нее "панславянской" и "паназиатской" угрозы. Но поскольку при таком

тождестве национальных пристрастий Гитлер отдавал предпочтение все же своему народу перед чужими, то и оказался во многих отношениях благоразумнее и умереннее Ленина. Вовремя понял, что расширение и углубление революции по большевистскому образцу неминуемо ведет к крушению самой государственности и ударит в первую очередь по собственному народу. А заодно и сведет на нет все геополитические проекты - как разрушение былой российской мощи сделало невозможными планы экспорта революции на штыках Красной Армии. Значит, для успешного осуществления собственных программ революцию следовало затормозить. И линия фюрера начала меняться.

По этому поводу ему пришлось выдержать жесточайшую борьбу внутри партии. Его обвиняли в "предательстве дела революции". Первый кризис разразился в 1930 г., когда от НСДАП откололся со своими сторонниками один из ее идеологов и создателей Отто Штрассер, основавший свою, более радикальную организацию "Черный фронт" (который быстро вошел в контакт с "Красным фронтом", а впоследствии и с советской разведкой). Второй, еще более сильный кризис, потряс НСДАП осенью 1932 г., буквально накануне прихода к власти. В июле этого года она выиграла парламентские выборы и получила 238 мест в Рейхстаге, захватив там лидирующее положение. Но умеренная позиция, занятая Гитлером, наведение им контактов с промышленниками, финансистами, военными, то бишь "реакционерами", были крайне негативно восприняты "революционной" частью электората, сразу отшатнувшейся к красным. И после очередного роспуска Рейхстага, выборы в который состоялись в ноябре, НСДАП потеряла 2 млн. голосов и 34 депутатских мандата.

Столь плачевные результаты "соглашательства" вызвали настоящий взрыв внутри НСДАП. Ей вообще

грозил распад. Фюрер оказался в катастрофическом меньшинстве, и само его лидерство повисло на волоске. Сторонники углубления революции всячески клеймили его "оппортунизм", а начатое им сотрудничество в высших государственных и деловых сферах не давало ни малейшего политического выигрыша - "реакционеры" отказывались воспринимать его на равных, отводя лишь сомнительную роль потенциального надсмотрщика и укротителя разгулявшейся черни. И обращались с ним приблизительно как с ассенизатором, которого готовы нанять на сдельную работу. По свидетельствам современников, Гитлер в тот момент долго колебался, не возглавить ли ему самому радикальное крыло своей партии и с лозунгами "новой революции" взять курс на еще один путч. Но и это было уже проблематично - в революционном крыле оказалось "все схвачено", и вряд ли его приняли бы в прежнем качестве лидера. Там уже верховодил и задавал тон Грегор Штрассер, руководитель политической организации НСДАП. Он и по своему имиджу куда больше импонировал левым - эдакий рубаха-парень, строящий из себя типичного работягу, не дурак пожрать и выпить, ввернуть соленое словцо, и по-простому, по-рабочему, поливавший "предательство" Гитлера. И фюрер, несмотря на все трудности, удержался на прежней позиции, твердо заявив, что революция - "это вовсе не значит, что следует руководствоваться примером Советской России и ликвидировать частных собственников как класс. Наоборот, надо всячески поощрять их способности в строительстве новой экономики. Я не допущу, чтобы Германия прозябала в нищете и голоде, подобно Советской России".

Спасли его поддержка опытных интриганов Геринга и Геббельса и собственная "незакомплексованность". В декабре 32-го на очередных переговорах со

Штрассером Гитлер вдруг закатил совершенно безобразную сцену с истерикой, выкриками, катанием по полу и кусанием ковра. Разумеется, какой-либо разумный компромисс с таким "психом" выглядел невозможным, и шокированный конкурент сгоряча подал в отставку. Что Гитлеру и требовалось. А через месяц пришла победа! Демонстрация умеренной линии все же сыграла свою роль, и после очередного правительственного кризиса с отставкой кабинета Шлейхера влиятельные заступники уговорили дряхлого президента Гинденбурга предложить Гитлеру должность рейхсканцлера и формирование кабинета министров. Здесь можно прийти еще к одному любопытному выводу. Добившись власти законным, а не насильственным путем, получив в распоряжение нерасшатанные и неразрушенные революционными взрывами государственные рычаги, хозяйство, вооруженные силы, именно Гитлер сумел воплотить в жизнь ленинский план строительства нового общества - тот самый, по которому достаточно было захватить верхушку власти, а дальше пользоваться готовыми "капиталистическими" рычагами и структурами. Чего не удалось самому Ленину, которому из-за собственных подрывных действий достались лишь негодные к употреблению обломки прежних государственных механизмов.

И общие внешние черты коммунистического и нацистского государств, часто называемые исследователями в качестве парадокса, на самом деле тоже не представляли собой никакой случайности. Они перенимались Гитлером вполне сознательно и целенаправленно. Он сам признавался: "Я многому научился у марксистов. И я признаю это без колебаний. Но я не учился их занудному обществоведению, историческому материализму и всякой там "предельной полезности"!

Я учился их методам. Я всерьез взглянул на то, за что робко ухватились их мелочные секретарские душонки. И в этом вся суть национал-социализма. Присмотритесь-ка повнимательнее. Рабочие спортивные союзы, заводские ячейки, массовые шествия, пропагандистские листовки, составленные в доступной для масс форме - все эти новые средства политической борьбы в основном берут свое начало у марксистов. Мне достаточно было взять эти средства и усовершенствовать их, и мы получили то, что нам надо..." Точно так же перенимались и усовершенствовались достижения коммунистов в области террора: лагеря для инакомыслящих, политическая репрессивная машина. Как уже отмечалось, о советской карательной системе нацистские руководители были прекрасно осведомлены, так что и тут совпадения были вовсе не случайными.

Таким образом, Гитлер просто довел ленинизм до логического завершения. Отбросил "идеологические подпорки", отмел фразеологическую шелуху, в которой постоянно путались и сами большевики - поскольку в борьбе с конкурентами сегодняшние истины назавтра приходилось объявлять "оппортунизмом" или "уклонизмом", да еще и доказывать, почему это стало оппортунизмом только сейчас. Германский фюрер избавился от всего этого, а оставил лишь главное - борьбу за власть. И методы неограниченной власти. Что, если разобраться, и составляло главную цель Ленина и суть его учения (и конечно, не только Ленина, а и Троцкого, Сталина и других революционных лидеров, а уж признавались ли они себе в этом сами - вопрос не принципа, а только степени персонального лицемерия). Ну а лозунги социализма во всех нацистских программах остались. Только после победы трактоваться они стали несколько иначе. Теперь Гитлер

разъяснял: "Мой социализм - это не марксизм. Мой социализм - это не классовая борьба, а Порядок...".

Или: "Зачем нам социализировать банки и фабрики? Мы социализируем людей".

13. Развод по-советско-германски

После прихода Гитлера к власти разрыв душевного альянса между СССР и Германией произошел далеко не автоматически, как это порой представляют. Да и почему должен был последовать разрыв? Напомним, что еще при подготовке революции 1923 г. националисты и нацисты рассматривались как потенциальные союзники. В отличие от социал-демократов, поскольку те были сторонниками западной ориентации. А в 1929 г., возобновляя подрывную деятельность в Германии, Сталин подтвердил указание считать главным врагом не гитлеровцев, а социал-демократов. В Москве пришли тогда к выводу, что немецкий национализм нужно поддержать для противопоставления страны западным "империалистам". Эта линия была узаконена на VI конгрессе Коминтерна, и Тельман дисциплинированно провозглашал: "Нельзя допустить, чтобы за нацистскими деревьями мы не видели социал-демократического леса!" А

незадолго до прихода к власти Гитлера, в августе 32-го, один из руководителей Исполкома Коминтерна Пятницкий хотя и призывал расширить и закрепить некий "единый фронт, сложившийся в драках с фашистами", но одновременно подчеркивал, что этот самый "единый фронт" должен быть направлен и против социал-демократов и "профбюрократов".

Но нацисты, оказавшись у руля государства, первым делом нанесли сокрушительный удар по компартии, которая в этот момент сама активно готовилась к захвату власти. О масштабах подготовки говорит тот факт, что в мае 1932 г., когда после слабого и аморфного кабинета канцлера Брюнинга к власти

пришло правительство фон Папена, разразился крупный скандал выяснилось, что вся полиция Пруссии была коммунистическим гнездом и работала практически под контролем компартии. В Германии опять вовсю развернули деятельность военные инструкторы Коминтерна, численность боевых отрядов "Рот фронта" достигала полумиллиона человек. 2. 2. 1933 г. митинги и демонстрации компартии были запрещены. Разумеется, красные восприняли это как вызов, и когда через три дня в Берлине состоялся парад штурмовиков по случаю победы Гитлера, компартия устроила массовые ответные акции, вылившиеся в беспорядки и столкновения в Берлине, Бреслау, Лейпциге, Данциге, Дюссельдорфе, Бохуме, Страсфурте с погромами, ранеными и убитыми. А 9. 2 после этих событий полиция (еще не нацистская, а полученная в наследство от республики) произвела обыски в штаб-квартирах компартии, в результате чего были обнаружены несколько складов оружия и боеприпасов, а также документы изобличающие подготовку переворота.

Однако ситуация продолжала обостряться, и 25. 2 военизированные формирования компартии - отряды "Красного фронта" и боевые группы так называемой "Антифашистской лиги" - были для перехода к активным действиям объединены под общим командованием. А на следующий день их руководство выступило с воззванием к "широким массам встать на защиту коммунистической партии, прав и свобод рабочего класса", провозглашая "широкое наступление в титанической борьбе против фашистской диктатуры". Так что провокация с поджогом Рейхстага, неуклюже организованная нацистами 27. 2, строго говоря, была даже лишней - она только навредила своим авторам в глазах общественности, а причин и поводов для жестких действий против красных и без нее хватало. Пожалуй, столь дешевый эффект потребовался лишь

для того, чтобы подтолкнуть нерешительного и впавшего в старческий маразм президента Гинденбурга, совершенно отошедшего от дел и "работавшего с документами" в загородном поместье, подписать "чрезвычайные законы для защиты народа и государства", развязавшие Гитлеру руки для полномасштабного сокрушительного удара.

Надо отметить и то, что разгром готовившегося коммунистического путча получил массовую народную поддержку и здорово повысил рейтинг нацистов. Выборы в Рейхстаг 4. 3. 33 г. стали для них триумфальными - они получили 288 депутатских мандатов, коммунисты - 81, социалисты - 118, националисты 52. И 24. 3 вновь избранный парламент 441 голосами против 94 принял решение о предоставлении Гитлеру чрезвычайных полномочий на четыре года. (После голосования фюрер крикнул социалистам: "А теперь вы мне больше не нужны!") Но что касается отношений с СССР, то даже разгром германской компартии их еще не испортил! Что тоже не так уж и удивительно, так как моральные соображения в подобных делах большевикам всегда были чужды. Например, Кемаль-паша Ататюрк в ходе национальной революции в Турции свою компартию вообще вырезал и перетопил - однако его борьба была "антиимпериалистической", и Советская Россия продолжала поддерживать с ним самую горячую дружбу, оказывая огромную материальную и военную помощь.

Правда, Гитлер в разгар антикоммунистической кампании допускал и откровенно враждебные выпады. Так, в своей речи 2. 3. 1933 г. он заявил: "Я ставлю себе срок в шесть-восемь лет, чтобы совершенно уничтожить марксизм. Тогда армия будет способна вести активную внешнюю политику, и цель экспансии немецкого народа

будет достигнута вооруженной рукой. Этой целью будет, вероятно, Восток".

Но сразу же после такого выступления фюрер счел нужным смягчить тон и лишь уточнить на будущее изменившиеся правила игры. В интервью газете "Ангриф" он выразил убеждение, что "ничто не нарушит дружественных отношений, существующих между обеими странами, если только СССР не будет навязывать коммунистических идей германским гражданам или вести коммунистическую пропаганду в Германии. Всякая попытка к этому немедленно сделает невозможным всякое дальнейшее сотрудничество".

И Москва тут же раскланялась ответным реверансом в передовице "Известий": "Советское правительство, оказавшись в состоянии поддерживать в мире и гармонии торговые отношения с фашистской Италией, будет придерживаться такой же политики и в своих отношениях с фашистской Германией. Оно требует только, чтобы гитлеровское правительство воздержалось от враждебных актов по отношению к русским и к русским учреждениям в Германии".

Речь шла о том, что советских сотрудников в Германии, в значительной доле связанных с Коминтерном или спецслужбами и привыкших к совершенно открытой и беспрепятственной деятельности в этой стране, в период антикоммунистических акций нередко арестовывали заодно с немецкими товарищами по партии. Иногда в качестве целенаправленного предупреждения, чтоб впредь не наглели, но чаще по личной инициативе наиболее ретивых штурмовиков и полицейских, стремящихся продемонстрировать свою бдительность. Всего было 47 таких арестов - но разумеется, всех задержанных тут же отпускали с извинениями.

А когда возникшие "недоразумения" были мирно улажены, взаимовыгодное сотрудничество

продолжилось. 10. 5. 1933 г. по приглашению Тухачевского в СССР прибыла военно-техническая делегация во главе с начальником вооружений Рейхсвера генералом фон Боккельбергом. Ее провезли по всей стране, показали ЦАГИ, 1-й авиазавод, артиллерийский ремонтный завод в Голутвино, химзавод в Бобриках, Красно-Путиловский завод, полигон и оружейные заводы в Луге, Харьковский тракторный, 29-й моторостроительный в Запорожье, орудийный им. Калинина в Москве. На приеме у германского посла 13. 5 Ворошилов говорил о стремлении поддерживать связи между "дружественными армиями", а Тухачевский указывал: "Не забывают, что нас разделяет наша политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной Армии к Рейхсверу. И всегда думайте вот о чем: вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе".

Советский атташе В. Левичев в докладе Ворошилову от 12. 5. 1933 г. сообщал: "Часто просто недоумеваешь, когда слышишь, как фашистский оркестр наигрывает "Все выше и выше", "Мы кузнецы", "Смело, товарищи, в ногу"..."

Немцы самым последовательным образом стремятся показать всему свету, что никаких серьезных изменений в советско-германских отношениях не произошло... Со стороны рейхсверовцев встречаю самый теплый прием. Не знаю, что они думают, но говорят только о дружбе, о геополитических и исторических основах этой дружбы, а в последнее время уже говорят о том, что, мол, и социально-политические устремления обоих государств все больше будут родниться: "Вы идете к социализму через марксизм и интернационализм, мы тоже к социализму, но через национализм"...

И поэтому главной основой дружбы, включительно "до союза", считают все тот же тезис - общий враг Польша". В июне, как уже отмечалось, немецким Генштабом проводилась военно-штабная игра с условиями "тайного договора" СССР и Германии против Польши и Франции. А 8. 7 на приеме в советском полпредстве военный министр генерал фон Бломберг говорил: "Несмотря на все события последних месяцев, Рейхсвер по-прежнему, так же, как и германское правительство, стоит за политическое и военное сотрудничество с СССР".

А текст его речи был предварительно согласован с Гитлером...

Делались попытки для сближения не только на военном, но и на партийном уровне. Скажем, в конце мая почва для этого зондировалась через полпреда в Берлине Александровского - в качестве одного из вариантов предлагалось организовать рабочий визит в Москву Геринга. Среди руководителей НСДАП, как и среди генералитета, также существовало сильное просоветское крыло. Целый ряд гауляйтеров считали союз между двумя странами единственно возможным политическим решением, которое позволило бы Германии возродиться и избежать опасности со стороны Запада. А уж объединение сил против Польши считалось само собой разумеющимся. Гауляйтер Данцига Раушнинг установил хорошие личные отношения с советским полпредом Калиной, напрямую обращаясь к нему за помощью во всех случаях, когда поляки пытались ущемить немецкие интересы в данном регионе. И советская сторона всегда шла навстречу, оказывая на Варшаву требуемое давление. А гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох (будущий палач Украины) шел еще дальше - он разработал грандиозный план создания "транснационального трудового государства" путем полного объединения Германии и СССР. Карты

такой союзной державы с детальными расчетами всех выгод и проектами внутреннего устройства демонстрировались в его кабинете, представлялись наверх, пропагандировались в партийном окружении. И его план находил очень много сторонников, особенно среди молодых военных и инженерно-технических работников - уж больно все казалось логичным и выигрышным.

И все же к осени 1933 г. столь популярный альянс совершенно распался. Но не по принципиальным идеологическим причинам, а скорее - по субъективным. Ссора стала следствием двух взаимных политических ошибок, одну из которых допустило большевистское руководство, а другую нацистское. Сталин в тот момент очень недооценил Гитлера, а Гитлер Сталина. Кремлевские лидеры поначалу вообще не восприняли Гитлера в качестве серьезной политической фигуры, заслуживающей внимания. Они пришли к выводу, что в чехарде правительственных и парламентских кризисов, сотрясавших Германию, правительство нацистов просуществует лишь несколько месяцев, так же как предшествующие кабинеты фон Папена и Шлейхера. Впрочем, таковым было мнение не только в Москве. Точно так же считали французские и английские эксперты, а писатель Томас Манн известие о приходе к власти нацистов встретил с широкой улыбкой: "Тем лучше, они не продержатся и восьми месяцев".

Но уж большевики-то в данном плане могли бы быть и поумнее и вспомнить, что то же самое говорили и в России, и в мире, когда после чехарды кабинетов Временного Правительства у руля очутилось правительство Ленина. Возможно, к 1933 г. они и сами смогли уверить себя, что удержались у власти благодаря широкой народной поддержке, а не тем, что отбросили и перечеркнули все "условности" демократической борьбы. Однако в отношении

Германии в Москве исходили из другой аналогии 1917-го: как политическая раскачка России постепенно скатывала ее влево и привела к победе большевиков, так и для немцев раскачка их страны, в том числе и нацистскими экспериментами, должна была привести к победе коммунистов. Потому что других реальных сил, кроме "красных" и "коричневых", в тот момент в Германии не было. Доклад американского посла в Берлине Додда в МИД США констатировал: "Россия, со своей стороны, согласна подождать до быстрого падения Гитлера и видит в германском коммунистическом движении преемника его власти".

И надо сказать, что подобные прогнозы имели под собой все основания. Потому что Германия продолжала скатываться влево, и после разгрома компартии это происходило уже под влиянием "революционного" крыла самой НСДАП. Как уже отмечалось, в ней были очень сильны прокоммунистические тенденции. Например, президент Верхней Силезии Брюкнер обрушивался на капиталистов вполне по-ленински, утверждая, что сама жизнь их "есть непрерывная провокация". Один из лидеров нацистской Рабочей Федерации Келер проповедовал: "Капитализм присвоил себе исключительное право давать трудящимся работу на условиях, которые сам же и устанавливает. Такое преобладание аморально, его нужно сломать".

Председатель нацистской фракции ландтага Пруссии Кубе (будущий палач Белоруссии) требовал экспроприации земли: "Национал-социалистское правительство должно заставить крупных помещиков разделить свои земли и передать большую часть их в распоряжение крестьян".

А особенно радикально была настроена огромная армия штурмовиков, насчитывавшая 4,5 миллиона человек. Ведь отряды СА формировались из вполне "социалистических" низов общества и на вполне

социалистических лозунгах. А после поражения компартии и ее запрета, в ряды штурмовиков густо повалили и настоящие коммунисты. Да-да, наблюдалось и такое явление. Репрессии нацистов коснулись только руководящей верхушки и активистов партии - всего было арестовано около 7 тыс. чел. Да и то многие из них, выразившие готовность к сотрудничеству с новой властью, отпускались и подключались к деятельности нацистов. Так поступили, например, Торглер - руководитель коммунистической фракции Рейхстага и второе лицо в партии после Тельмана, видные партийные деятели Фрей, Карван и др.

А уж о рядовых коммунистах и говорить нечего - многие формирования "Красного фронта" вливались в СА в полном составе, целыми отрядами. Препятствий к этому не было ни организационных - нацисты считали их подходящими для себя кадрами и охотно принимали, ни идеологических - и те, и другие были "за революцию" и "против капиталистов". Впрочем, для того сброда, который составлял основу и красных, и коричневых штурмовиков, пожалуй, преобладали другие мотивы. Возможность пофорсить в униформе - а она у СА была даже красивее, чем у ротфронтцев. Возможность подрать глотки и потешить силушку, да еще получить за участие в шествиях и потасовках несколько марок на пиво - так не все ли равно, из какой кассы их получать, из коминтерновской или нацистской? Только в Берлине таких переkreщенцев насчитывалось около 300 тысяч! Немцы прозвали их "бифштексами" - коричневыми снаружи и красными внутри.

Ну а Гитлер всячески пытался обуздать "революционную" массу соратников. 1. 7,1933 г. на собрании руководителей штурмовых отрядов в Бад-Рейхенгалле он твердо заявил, что "второй революции" не будет: "Я готов решительно и сурово подавить любую попытку, направленную на разрушение

существующего порядка. Я со всей энергией воспротивлюсь второй революционной волне, так как она повлечет за собой настоящий хаос. А тех, кто поднимется против законной государственной власти, мы возьмем за шиворот, какое бы положение они не занимали".

Но не тут-то было! Это лишь ударило по престижу самого Гитлера, и без того пошатнувшегося в период партийного кризиса 32-го. Руководитель штурмовиков Рем выдвинул лозунг: "Не снимайте поясов!" Нацистская "старая гвардия" возмущалась: "Разве о такой революции мы мечтали?" Как свидетельствует Раушнинг, "ни один партийный лидер не встречал у революционно настроенных штурмовиков такого пренебрежения, как Адольф Гитлер". О нем выражались "от мертвого Гитлера больше пользы, чем от живого" или "долой паяца!" И кстати, тоже были популярными сопоставления с 17-м годом в России - "может быть, Гитлер - быстротечный вступительный эпизод настоящей немецкой революции, что-то вроде Керенского, после которого пришел Ленин?"

(В. Раушнинг, "Зверь из бездны", М., 1993)

Рем в кругу единомышленников вовсю поносил его: "Адольф - подлец, он нас всех предал. Он общается теперь только с реакционерами и выбрал себе в наперсники этих генералов из Восточной Пруссии", а в выступлении перед представителями иностранной прессы 18. 4. 1934 г. заявлял: "Революция, которую мы совершили, не является только национальной - это революция национал-социалистская. И мы настаиваем даже на особом подчеркивании второго слова - социалистская".

Рему вторил его первый помощник Хейнес: "Мы взяли на себя долг революционеров. Мы стоим в начале пути. И отдыхать мы будем тогда, когда германская революция будет завершена".

А командир берлинских отрядов СА Эрнст открыто называл фюрера "черным иезуитом". Так что первые полтора года пребывания у власти положение Гитлера действительно выглядело очень шатким. Реально он мог опереться только на оставшиеся ему верными силы СС, по численности в 100 раз уступавшие СА, и на поддержавшую его часть партийной верхушки во главе с Герингом. Он не мог популистскими методами угодить широким народным массам, поскольку его социалистическая часть программы осталась нереализованной, а вздумай он ее реализовывать, такое "углубление революции" и в самом деле смело бы его самого, выдвинув на первый план более левых лидеров. А вкусить другие осязаемые блага его правления - ликвидацию безработицы, выход из кризиса, активизацию экономики, стабилизацию цен, население еще не успело, для их претворения в жизнь требовалось хоть какое-то время. Даже об элементарном порядке на улицах в условиях буйства штурмовиков говорить не приходилось.

Промышленные и великосветские круги продолжали относиться к Гитлеру презрительно, свысока, все еще считая "наемником", которого можно будет рассчитать, когда в нем отпадет нужда. Не имел он надежной опоры и в армии. Военная верхушка требовала возрождения полноценных вооруженных сил, перевооружения, введения всеобщей воинской обязанности. Однако это значило бы бросить открытый вызов западным державам, чего слабая и расшатанная Германия еще не могла себе позволить. Да и те же штурмовики первыми взбунтовались бы против воинской повинности, поскольку готовой "революционной армией" считали самих себя. И удержаться у власти на первом этапе правления Гитлеру удалось лишь головокружительным лавированием между всеми этими силами. А также

благодаря изобретению российских большевиков кадровым методам, расстановке и внедрению на ключевые посты государства немногих безусловно верных соратников, что позволяло минимальным числом брать под контроль важнейшие направления политики и жизнедеятельности страны. Сталин подобных талантов в Гитлере не разглядел.

Но на ухудшение межгосударственных отношений наложилась и специфика взглядов Гитлера, только не идеологических, а геополитических. На сомнения своих приближенных, как же достичь столь выигрышного сближения с СССР и при этом не заразиться большевизмом, он отвечал: "Я не боюсь разлагающего влияния коммунистической пропаганды. Но в лице коммунистов мы имеем достойного противника, с которым надо держать ухо востро. Германия и Россия удивительным образом дополняют друг друга. Они просто созданы друг для друга. Но именно в этом и заключается опасность для нас: Россия может засосать и растворить наш народ в своих просторах... Что до меня, то я, очевидно, не стану уклоняться от союза с Россией. Этот союз - главный козырь, который я приберегу до конца игры. Возможно, это будет самая решающая игра в моей жизни. Но нельзя начинать ее преждевременно, и ни в коем случае нельзя позволять всяким писакам болтать на эту тему. Однако если я достигну своих целей на Западе - я круто изменю свой курс и нападу на Россию. Никто не сможет удержать меня от этого. Что за святая простота полагать, что мы будем двигаться все прямо и прямо, никуда не сворачивая!"

Наложится и еще один важный фактор. Дело в том, что западная пресса, весьма поверхностно представлявшая процессы в СССР, освещая в 20-х драки за власть в советских верхах, слепо переняла для них объяснения Троцкого (которого за рубежом знали

гораздо лучше, чем Сталина) насчет борьбы "бюрократов" против "революционеров". Кстати, именно по этой причине многие политики и бизнесмены стали смотреть на сталинский режим благожелательно с "бюрократами" все же удобнее вести дела, чем с непредсказуемыми "революционерами". Но Гитлер-то оценивал такие вещи по-другому! Он-то как раз к "настоящим большевикам" относился с известной долей уважения, а созданную в СССР партийно-бюрократическую машину с этими "настоящими" уже не отождествлял. И сторонникам немедленного союза с СССР он отвечал: "Поезжайте в Москву. Я даю вам свое согласие. Поезжайте в Москву, но это вряд ли доставит вам большое удовольствие. Там сидят все те же жидовские крючкотворы. С ними каши не сваришь".

В результате нацистское руководство допустило в отношении советского режима ту же самую ошибку, что советское - в отношении нацистского. Оно пришло к выводу... что Сталин долго не продержится!

И тоже имело для таких прогнозов видимые основания. Напомним, что в том же 1933 г. миллионы крестьян в СССР погибали от голода, в городах из-за "затягивания поясов" нарастало недовольство Сталиным, в партии и комсомоле поднималась стихийная оппозиция, а изгнанный Троцкий расписывал в интервью, какой поддержкой он пользуется в коммунистических массах, и сколько у него там сторонников (т. е. "настоящих большевиков"). И гитлеровцы ожидали скорого внутреннего взрыва в России. А поскольку и они идеализировали свое учение, считая его логическим продолжением большевизма - то бишь следующей за ним, более высокой степенью революционной идеологии, то выходило, что и в СССР новая революция будет "национальной", и когда там победит "истинный революционный настрой, который еще жив в России", то "большевизм станет чем-то вроде

национал-социализма". В апреле 1933 г. посол в Москве Дирксен докладывал Гитлеру: "Большевизм в России не вечен. Процесс развития национального духа, который показывается теперь во всем мире, охватит в конце концов и Россию. Большевизм с его нуждой и ошибками сам подготавливает почву для этого".

Это донесение было перехвачено советской разведкой и, дойдя до Сталина, сердечному согласию отнюдь не способствовало.

Дальше - больше. На основе своих прогнозов о скорых переменах в Советском Союзе Гитлер счел альянс с ним бесперспективным и на этой почве стал искать контакты с Западом. В апреле-июле в Англию направлялись эмиссары фюрера - Геринг, Розенберг, министр экономики Гугенберг, зондировать возможности совместного выигрыша за счет шкуры готового издохнуть "русского медведя". Ведь предполагаемым восстанием на голодной Украине логично было бы воспользоваться Польше и Румынии, которых поддерживали англичане и французы. И нацисты хотели опередить события, чтобы не остаться за бортом.

4. 7. 1933 г. советская военная разведка доложила Ворошилову, что в Англии идут секретные переговоры германской делегации во главе с Розенбергом. "Особый проект предусматривает раздел русского рынка. По мнению германских кругов, следует ожидать скорого изменения политического положения в России и соответственно этому желательно заблаговременно разделить эту громадную область сбыта".

Разумеется, это тоже было сразу доложено Сталину. Подтверждение переориентации Германии на Запад содержалось и в отчетах советского полпредства в Берлине: "С июля 1933 г. развертывается продолжающаяся до сих пор кампания о так называемом "голоде" в СССР. По размаху и широте эта

кампания беспрецедентна в истории антисоветских кампаний. В августе развернулась бешеная персональная травля тов. Литвинова".

Вот тут-то и наступил полный разрыв, поскольку закулисные переговоры с "империалистами" против СССР были в глазах Кремля уже непростительной крамолой. И незамедлительно были предприняты решительные ответные действия. Как уже отмечалось, Сталин и сам отдавал себе отчет, что ситуация на Украине и в Белоруссии способна сделать их легкой добычей для внешнего вторжения, поэтому и перебрасывались к западным границам добавочные контингента. Теперь же в дополнение к этому Польше и Румынии было предложено заключить пакты о ненападении. Которые те приняли с превеликой радостью, поскольку постоянно пребывали под угрозой большевистской агрессии. А через них пошло демонстративное сближение с Францией, в любой политической ситуации не доверявшей немцам и продолжавшей считать их главными потенциальными врагами. Отсюда, кстати, и упомянутые нападки германской прессы на М. М. Литвинова (Макса Валлаха) - советского наркома иностранных дел. В эмиграции он жил в Англии, был женат на англичанке, а в советском руководстве слыл англофилом и представлял "западническую" линию, соперничавшую во внешней политике с "германофильством", сторонниками которого в наркоминделе выступали Иоффе и Крестинский. Теперь же Сталин дал "зеленый свет" ему и его политической ориентации.

В военных кругах основным выразителем новой линии стал Тухачевский, наименее "политизированный" из военачальников, которому, по большому счету, было без разницы, с кем блокироваться и на кого ориентироваться, абы самому блеснуть. А при контактах с Западом он со своим воспитанием и образованием, уж

конечно же, выходил на первый план по сравнению с рубаками типа Ворошилова. И с "культурными" французами это получалось даже лучше, чем с германскими "солдафонами". В сентябре был организован пышный прием французской военной делегации во главе с Пьером Котта. Ее, как прежде делегацию фон Боккельберга, повезли по всем оборонным заводам. А Тухачевский дал в ее честь грандиозный банкет с тостами, не менее выразительными и многообещающими, чем те, что он произносил (для немцев).

Очередные приглашения советских военных в Германию были отклонены. И насчет набора на 1933 г. немецких офицеров в советские училища и академии давался ответ об "отсутствии возможности". ЦК приняло постановление "О прекращении деятельности всех предприятий, организованных Рейхсвером в СССР", в результате чего были ликвидированы все три совместных учебно-испытательных центра: "Томка" - 15. 8, "Кама" - 4. 9, "Липецк" - 14. 9. Германия, сама оказавшаяся теперь в рискованном положении - в одиночку против поляков, французов и русских, поспешила тоже заключить с Варшавой договор о ненападении. И Польша считала себя стороной, выигравшей больше всех, поскольку могла теперь выбирать между двумя новыми "союзниками" и в спорных вопросах использовать одного из них против другого...

Впрочем, что касается Гитлера, то можно и усомниться, действительно ли его политика в отношении СССР определилась грубой ошибкой, или сама эта "ошибка" являлась одним из его обычных маневров. Непредсказуемость и неожиданность его стратегических ходов хорошо известна. Анализируя ситуацию 1933 г., можно прийти к выводу, что, во-первых, сближение с СССР привело бы к усилению

левого крыла в самой НСДАП, с которым боролся Гитлер и которое грозило его свергнуть. А во-вторых, союз с Москвой в том виде, в каком он предполагался и мог быть осуществлен на тот момент, был для фюрера совершенно неинтересен. Он стал бы, мягко говоря, неравноправным. При главной нацеленности против Польши, основной вклад в разгром врага должна была внести Красная Армия, а слабая Германия смогла бы помочь ей только "вооруженным нейтралитетом". Но ведь и плоды победы распределились бы соответственно участию.

А для превращения своей страны в сильную державу, способную лидировать в тех или иных союзах и диктовать свою волю, Гитлеру требовалось время. И еще требовалось попустительство западных держав, которое позволило бы постепенно, шаг за шагом, избавиться от ограничений в военной области. А это попустительство было возможно лишь в случае, если Запад поверит в сугубо антисоветскую нацеленность Германии. Следовательно, поссориться с Москвой было необходимо. А кризис в Советском Союзе давал хороший предлог для спекуляций, способных вызвать такую ссору. Сама же эта ссора и вызванные ею шаги Кремля, позволяли заодно умерить пыл своих левых, представив СССР, их идеал, беспринципным союзником враждебных Германии государств.

В подтверждение версии, что разрыв с Москвой был лишь стратегическим маневром, можно привести уже процитированное выше высказывание насчет будущего союза с Россией как "главного козыря", который надо беречь "до конца игры... но нельзя начинать ее преждевременно". А в начале 34-го, сразу после встречи с Пилсудским и подписания пакта с Польшей - то есть в период максимального ухудшения советско-германских отношений, приближенные поинтересовались у фюрера, собирается ли он теперь объединиться с поляками и

напасть на СССР. Он ответил: "Советская Россия - это очень трудно. Вряд ли я смогу с нее начать... Все договоры с Польшей имеют лишь временную ценность. Я вовсе не собираюсь добиваться взаимопонимания с поляками. Мне нет нужды делить власть с кем бы то ни было... В любой момент я могу найти общий язык с Советской Россией. Я могу разделить Польшу в любое удобное для меня время и любым способом..."

Правда, выстраивать строгие доказательства на тех или иных высказываниях Гитлера вряд ли корректно. В плане политической "гибкости" он вполне мог поспорить с Лениным, и в зависимости от 19-1258 289

требований момента не раз, и не два принимался вдруг отстаивать позицию, противоположную вчерашней. Просто стоит иметь в виду, что идея союза с Москвой у него существовала еще в 1933-34 гг., и он ее рассматривал как один из возможных вариантов своих будущих действий.

14. Маневры в мировом масштабе

Тот факт, что и Гитлер, и Сталин недооценили друг друга, оба они осознали очень быстро. Так, фюреру понравились железные методы, примененные в СССР против голодающих, когда эпицентры бедствия оцеплялись кордонами НКВД и обрекались на вымирание. В представлении Гитлера, русские крестьяне "забастовали" против предписанной правительством коллективизации, а Сталин занял твердую позицию и на деле доказал непокорным, что если они не будут работать, то сами же погибнут от голода. И фюрер уважительно отмечал, что так и должна поступать настоящая сильная власть.

Поэтому тезис о скором падении московского "бюрократического" руководства был отброшен. Уже много позже, 22. 8. 39 г. на совещании с военачальниками в Оберзальцберге Гитлер

признавался: "С осени 1933 года ... я решил идти вместе со Сталиным...",

т. е. где-то в это время изменил мнение о нем. Но как раз осенью 33-го идти на сближение с Москвой ему было совсем нецелесообразно. Наоборот, для нацистов жизненно-важными были всяческие демонстрации антикоммунизма и антисоветизма. Одной из которых стал громкий Лейпцигский процесс против "поджигателей Рейхстага", проходивший с сентября по декабрь. Обвинялись в этом преступлении даже не немецкие коммунисты, а представители Коминтерна, то есть камень открыто бросался в московский огород. Процесс, как известно, был целиком высосан из пальца, и из-за грубых подтасовок окончился для нацистов позором. (Кстати, блестящий триумф довольно серенького функционера Димитрова объяснялся тем, что текст его речи на суде писался в Москве лучшими специалистами Коминтерна под руководством Куусинена, и без помех был переправлен в тюремную камеру, потому что в немецких правоохранительных органах агентов у большевиков хватало).

Но был ли провал Лейпцигского процесса неудачей для гитлеровцев? Вот уж нет. Наоборот, он принес им сплошную выгоду! Ведь явно дутый характер обвинений, то и дело вскрывающаяся ложь, были в глазах западных политиков лучшим доказательством непримиримого отношения и ненависти к коммунизму вон, дескать, как усердствуют, ни перед чем не останавливаются, только бы русским насолить. И лидеры мировых держав, как загипнотизированные, шли на сближение, делали уступку за уступкой и клевали на все удочки. В октябре, в период процесса, Германия демонстративно вышла из Лиги Наций - и на это западные державы посмотрели сквозь пальцы. А в конце года было образовано министерство авиации - пока еще якобы гражданской, но под данным флагом

уже можно было развернуть разработки для воссоздания запрещенных военно-воздушных сил. И на это тоже предпочли не реагировать. В духе антисоветской направленности Запад воспринял и пакт о ненападении с Польшей, заключенный в 1934 г. Хотя на самом деле выгоден он был только для Германии - потому что в это время ее армия была еще намного слабее польской.

Ну а те политики, в том числе и советские, кто считал власть Гитлера слишком шаткой и временной, вскоре смогли убедиться в своей ошибке. Он шаг за шагом укреплял свои позиции. 30. 6. 1934 г., в так называемую "Ночь длинных ножей" одним ударом было разгромлено мощное левое крыло нацистской партии, больше года угрожавшее фюреру свержением и раскачивавшее страну перспективой революции. Едва лишь обретя достаточную опору в лице СС и гестапо и добившись благожелательного нейтралитета армии, фюрер церемониться не стал и под предлогом спасения страны от переворота за 48 часов перебил всю верхушку штурмовиков во главе с Ремом. А за компанию и прочих неугодных - всего 1076 человек.

А 2. 8. 34 г. умер президент Германии Гинденбург. Еще накануне фюрер издал закон о совмещении функций рейхсканцлера и президента. Закон был также подписан военным министром Бломбергом, и сразу же в день смерти старого маршала была организована присяга Рейхсвера по новой форме персональная, на верность верховному главнокомандующему Гитлеру. 12. 8 было оглашено завещание Гинденбурга - в литературе чаще всего утверждается, что подложное, но вообще-то могло быть и подлинным: к концу жизни 87-летний военачальник впал в совершенный маразм и мог подписать все, что угодно. И, разумеется, в завещании все надежды на возрождение страны и народа связывались с Гитлером. Но фюрер отнюдь не хотел

выглядеть узурпатором и 19. 8 провел плебисцит о поддержке народом своих новых полномочий. 38,4 млн. голосов было подано "за", 4,3 млн. "против" при 872 тыс. недействительных бюллетеней. Так что в данном отношении он дал фору большевикам по всем статьям - подобной народной поддержки они никогда не имели, вынужденные разгонять то Учредительное собрание, то конкурентов, выбранных в Советы.

Прекращение политических свистоплясок и революционной раскачки принесло в Германию стабильность и порядок. Страна вышла и из экономического кризиса - он как раз и во всем мире кончился, а успехи гитлеровского режима и его заигрывания с Западом оказались заманчивыми для иностранных инвесторов. Фюрер направил все усилия и на развитие отечественной экономики, привлек к сотрудничеству талантливых промышленников и финансистов, внедрил широкомасштабные строительные программы, в результате чего была ликвидирована безработица.

Укрепив таким образом государство и свою власть, опираясь на единодушное одобрение народа и армии, Гитлер начал играть по-крупному в направлении вывода страны из униженного капитулянтского состояния. По условиям Версаля Саарская область Германии на 15 лет была передана под управление Лиги Наций, а угольные копи переходили в собственность Франции, которая и пыталась несколько раз закрепить область за собой. Но срок международного контроля вышел, и 13. 1. 1935 г. в Сааре прошел плебисцит. Под влиянием впечатляющих успехов нацистского режима (ну и конечно, гитлеровской пропаганды) 90% населения высказалось за воссоединение с Германией, которое и произошло 1. 3. Тут западные державы ничего не могли возразить - все было сделано в рамках их собственной системы ценностей, то бишь "на демократической основе". Но

как только этот удерживаемый "залог" удалось вернуть, фюрер на волне патриотического подъема отбросил и прочие версальские условия. 10. 3 было открыто провозглашено создание военно-воздушного флота, а 16. 3 подписан закон о всеобщей воинской обязанности - вместо 100-тысячного Рейхсвера, формируемого на профессиональной основе (чтобы нельзя было создать резервов за счет прошедшего службу населения), вводился обязательный призыв в армию, и состав ее определялся в 500 тыс. чел.

В общем, это была пока лишь серия "пробных шаров" - при энергичном противодействии каждому из них Германии не поздно было пойти на попятную.

Но диагноз, поставленный Гитлером западным державам - "близорукость и импотенция", оказался верным, и они ограничились только дипломатическими протестами, на которые фюреру было глубоко плевать. В коммунистической литературе подобное попустительство объясняется антисоветизмом европейских и американских верхов, в западной - довлеющими над тогдашней политикой принципами пацифизма. И то, и другое верно. Но верно лишь отчасти и нуждается в существенных уточнениях.

Потому что антисоветизм Запада, если разобраться, никогда не был абсолютной политической величиной. Как было показано ранее, в 1919 г. в Прибалтике англичане усиленно разоружали и вытесняли немцев, противостоявших большевистскому натиску. Главной признавалась "германская опасность", а советская при этом отходила на второй план. И в начале 20-х особым антисоветизмом в политике не пахло - наоборот, великие державы наперегонки кинулись устанавливать дипломатические и торговые связи с Москвой. Да и в годы "Великой депрессии" о таком аспекте в международных делах что-то не вспоминали. Однако в 30-х ситуация коренным образом изменилась. Ведь

прежде Советский Союз представлялся из-за рубежа (да и реально являлся) слабым полуразваленным государством, которое само подорвало свои силы и отбросило себя далеко назад собственной революцией и гражданской войной. Он мог "цивилизываться", попадая в зависимость от мировых держав, мог разваливаться дальше, мог погрязать в новых катастрофических экспериментах - по большому счету, это никого не волновало, так как в любом раскладе он оставался на международной арене второстепенным фактором.

Но в результате скачка индустриализации губительные последствия революционного взрыва были преодолены, по крайней мере, в экономической сфере. А в политической установление единовластия Сталина стабилизировало эти достижения и гарантировало их от возможности новых социальных потрясений. Россия опять усилилась. И мгновенно всплыл на поверхность тезис "русской угрозы" - фактически (и психологически) еще старый, дореволюционный, разве что трансформированный и скорректированный идеологическими поправками. И именно он, а не борьба с учением, практикой и преступлениями коммунизма, стал основой пресловутого "антисоветизма".

Причем можно согласиться, что при Сталине этот тезис имел под собой куда более реальную почву, чем при царе. Экспансионистскую внешнюю политику коммунисты и впрямь проводили активно и энергично. Хотя нужно отметить и то, что о "сталинской агрессии", как порой это трактуют антисоветские источники, в данный период еще и речи не было. Те действия, которые Москва предпринимала на Востоке, и которые, собственно, воспринимались как "русская опасность", по сути, стали всего лишь адекватными действиям самих западноевропейских колонизаторов. И если одни вели наступление под флагом "распространения

цивилизации", а другие - "коммунистических идеалов", то для народов, попавших под то или иное влияние, на практике это оборачивалось примерно одинаковыми последствиями. А в моральном плане советское воздействие оказывалось даже предпочтительнее, поскольку коммунисты не страдали расовыми предрассудками и не имели привычки считать (и называть) представителей других наций "обезьянами".

Что же касается утвердившихся в мировой политике принципов "пацифизма", то стоит напомнить: в их основе лежал трезвый расчет о крайней невыгодности и разрушительных последствиях современной войны для ее участников. Но ведь только для участников! А США, например, не познавшие боевых действий на своей территории и вступившие в Первую мировую в последний момент, сняли "пенки" и вышли из нее с крупным барышом. Таким образом, западный пацифизм требовал всеми силами спасти от войны свое государство. Что значило - одним из методов спасения вполне могло стать перекалывание войны на кого-то другого. И теоретически, если умно и тонко сыграть, то и на этом перекалывании можно было нажать немалую выгоду.

Вот такие факторы и отлились в уродливую международную политику середины 30-х. Главную поддержку нацистской Германии взялась оказывать та же самая Англия, которая в начале 20-х выступала основной сторонницей сближения с Советами. В Великобритании лозунги "русской угрозы" имели самые прочные корни, на уровне сформировавшейся политической традиции, да и коммунистическая деятельность в странах Азии угрожала именно британским интересам. Для ослабления "усилившейся России" требовался мощный противовес, в качестве которого и стали рассматривать Германию. И разумеется, предполагалось, что сама Германия при

такой поддержке станет младшим партнером Англии - послушной цепной собакой.

В одной упряжке с Лондоном действовали и США. С приходом к власти Рузвельта Америка вышла из прежней позиции изоляционизма и пыталась активно включиться в международные дела. Но влияние на мировой арене было уже распределено между более старыми и опытными участниками внешнеполитических пасьянсов, и чтобы занять достойное место в общем "оркестре", требовалось как-то вклиниваться в чужие игры, приспособливаться и подлаживаться к признанным "первым скрипкам". А обновившаяся Германия и интриги вокруг нее представляли нетронутое поле деятельности, где можно было свободно утвердиться и захватить прочную нишу. К тому же, как раз кончился мировой кризис, и американские предприниматели, чьи интересы определяли и политику, увидели в гитлеровской милитаризации экономики возможность выгодного вложения капиталов.

Ну а Франция в своей политике совершенно запуталась. С одной стороны, ее сферам колониальных интересов, в отличие от англичан, "русская опасность" не угрожала. А вот усиление соседней Германии касалось ее напрямую. Но с другой стороны, коммунистическая Германия в союзе с коммунистической Россией стала бы для нее полным кошмаром, а Гитлер от этого кошмара, вроде бы, избавил. А с третьей стороны, Франция испытывала сильное давление Англии, своего главного стратегического партнера, и пыталась держаться с ней в одном строю. Вот и ищи нерешительные колебания туда-сюда, чтобы и рыбку съесть, и в положении не оказаться.

А тем временем Гитлер всем им морочил головы. Чего стоило, например, "морское соглашение" с

Британией! Поощряя демонстрируемую вражду фюрера к СССР, Чемберлен согласился подписать договор, по которому Германии разрешалось строить столько же военных кораблей, сколько будет строить Великобритания. И считал, что крупно перехитрил фюрера, привязав его таким щедрым на вид "подарком" к западной коалиции, а на самом деле не дав ничего, потому что равное количество крейсеров и линкоров немцы строить все равно не могли. Однако для Гитлера важность соглашения состояла совершенно в другом: в самом факте его подписания. Ведь Англия таким шагом собственноручно перечеркнула ограничения Версальского договора, юридически признала отказ от этих ограничений. А строить крейсера с линкорами фюрер и не собирался. Он намечал строительство подводный лодок безо всяких соглашений.

Беззубость и беспомощность политики Запада фюрер имел возможность изучить и оценить не только на собственных примерах. Скажем, в 1935 г. Муссолини начал войну против Абиссинии. Случай был вопиющим, и Лига Наций после долгих прений и колебаний все же сочла нужным ввести санкции против Италии. Но санкции очень мягкие, в основных пунктах как бы и "щадящие" ради галочки, потому что до какой-то там Абиссинии великим державам дела не было. Откуда фюрер сделал справедливый вывод, что на риск серьезного конфликта Англия и Франция идти не хотят. И не захотят, пока не будут затронуты их собственные, персональные интересы. (Вероятно, он обратил внимание и на то, что СССР во время этой войны поставлял Италии нефть, несмотря ни на какие санкции).

Ну а о таких мелочах, как "права человека" или "демократические свободы" в Германии и говорить нечего. Тут Гитлер и на примере СССР мог видеть, что это - можно. Что мир от этого вовсе не содрогнется и не

перевернется, а пресловутое "общественное мнение" обращает внимание на подобные вопросы лишь тогда, когда их требуется раздуть в политических целях. Миллионов истребленных и выморенных голодом крестьян это общественное мнение вообще предпочло не заметить, а европейские и американские предприниматели охотно покупали русский лес, поваленный узниками ГУЛАГа - и платили твердой валютой (которая нередко шла на подрывную деятельность в их собственных странах). И точно так же случилось в Германии. Концлагеря, кампании террора, гестапо, пытки, казни и тайные убийства политических противников никого на Западе не смущали и не шокировали. Если информация о них и попадала в прессу, то мельком, вскользь - хотя в Берлине было аккредитовано множество иностранных журналистов, и уж для них-то такие дела ни малейшей тайны не представляли. С протестами и разоблачениями выступали разве что прокоммунистические, эмигрантские и другие малочитаемые издания, что официально объявлялось "клеветой", а на деле забивалось потоками противоположной информации.

Скажем, "Дейли Мейл" в 1934 г. писала: "Выдающаяся личность нашего времени - Адольф Гитлер... стоит в ряду тех великих вождей человечества, которые редко появляются в истории".

Видный американский политик С. Уоллес в книге "Время для решения" провозглашал: "Экономические круги в каждой отдельной западноевропейской стране и Новом свете приветствуют гитлеризм".

Черчилль выражался более осторожно, но тоже избегал осуждать преступления нацистов и их вождя. В 1935 г. в своей работе "Великие современники" он говорил: "Невозможно дать справедливую оценку какой-либо личности в общественной жизни, которая

достигла необычных размеров личности Гитлера, прежде чем перед нами не будет всего жизненного труда этого человека... Мы не можем сказать, явится ли Гитлер тем человеком, который еще раз развяжет мировую войну, в которой цивилизация невозвратно шагнет назад, или он войдет в историю как человек, который восстановил честь и миролюбие великой германской нации и ввел ее в первые ряды европейской семьи народов сильной, жизнерадостной, готовой к помощи другим".

Тут, кстати, нетрудно увидеть не только оценку, но и подсказку - какая линия была бы желательной для фюрера. Да и намек насчет "помощи другим" достаточно прозрачен. Ну кому же еще должны помогать немцы, как не полякам и другим соседям против русских?

Гитлеровским представителям на самых высоких уровнях без колебаний и брезгливости пожимали руки, с ними всюду велись разные переговоры, заключались взаимовыгодные или считавшиеся таковыми соглашения. В 1936 г. в Германии прошли Олимпийские игры - и ни одна страна не отказалась в них участвовать (в отличие, скажем, от игр 1980 г. в Москве). В 1937 г. Франция пригласила немцев принять участие во Всемирной выставке. А ведь в это время уже существовали и Бухенвальд, и Равенсбрюк, и другие фабрики смерти, уже были введены в действие и антисемитские Нюрнбергские законы, принятые еще в 1935 г. Однако и пресловутый нацистский антисемитизм получил широкое освещение только лишь в ходе Второй мировой и после нее. А в предвоенные годы и он оставался за кадром "общественного мнения". Даже в 1938 г., когда от лишения гражданства, пропаганды и административного притеснения евреев Гитлер перешел к их уничтожению, и старт этой политики дала организованная по всей стране акция

погромов еврейских магазинов и домов, известная под названием "Хрустальной ночи", то самый громкий протест выразили... страховые компании, которым пришлось оплачивать нанесенные нацистами убытки. А из великих держав выразили протест одни американцы, отозвав своего посла из Берлина - но фактические связи с Гитлером отнюдь не прервали. Тесное сотрудничество в деловых сферах продолжалось, будто ничего и произошло.! Например, концерн "Дженерал Моторс" входил в единый картельный организм с фирмой "Оппель", Морган финансировал заводы "Фокке-Вульф", структуры компании "Стандарт ойл оф Нью-Джерси" были связаны со структурами "ИГ Фарбениндустри" и т. п. А уже вскоре после разрыва дипломатических отношений к немцам стали ездить и американские правительственные делегации.

Так что современные скандальные сенсации "специалистов", вроде Е. Киселева, о том, как Советский Союз, начиная еще с 20-х годов, вскормил и вооружил германскую агрессию, являются лишь подтасовками фактов. Как было показано, в подготовке военных специалистов коммунисты немцам действительно помогли. Вели некоторые совместные разработки, которые к началу Второй мировой давным-давно устарели. Подпиткой гипотетической "революции" и дестабилизацией помогли создать подходящую почву для прихода к власти Гитлера. И все. Советский Союз вообще имел дело с малочисленным Рейхсвером, который стал лишь каплей в море по сравнению с машиной Вермахта. А вот зеленую улицу к созданию этой машины открыл Гитлеру Запад. И в ее оснащении современным вооружением и техникой тоже активнейшая роль принадлежит демократическим державам. Словом, если уж быть объективным, то и те, и другие на свою голову постарались.

Стоит еще добавить, как сказалась резкая перемена мировой политической ситуации на Зарубежной России. Приход Гитлера к власти принес эмиграции новые проблемы, новые веяния, новые расколы. Из Германии начался повальный выезд обосновавшихся там меньшевиков и эсеров - среди них было много евреев. Перебирались в другие европейские страны, а по возможности старались попасть в США, там было и от нацистов подальше, и "демократические" идеи находили более ощутимую поддержку. В период гитлеровских чисток много русских угодило за колючую проволоку: кто по политическим убеждениям или за связь с теми или иными германскими партиями, кто лишь по подозрению, а кто и непонятно за что, в порядке общей шпиономании. Газета "Последние новости" от 14. 10. 33 г. сообщала, что в лагере Лихтерфельде под Берлином содержится много эмигрантов - бьют, почти не кормят, и никто не знает, за что сидит. Правда, после временных мытарств арестованных все же рассортировали и большинство случайных узников выпустили.

Симпатии к нацистскому учению не миновали и рядов эмиграции, особенно некоторой части ее молодежи (впрочем так же, как это было у французов, англичан, американцев...) Еще в 1931 г. в Харбине возникла Русская Фашистская партия во главе с К. В. Родзаевским (к белогвардейцам он отношения не имел, и из СССР бежал уже при советской власти). Партия ориентировалась на японцев, открыла свою школу и насчитывала около 4 тыс. чел. А бывший член БРП А. А. Вонсяцкий стал создавать в США "Всероссийскую фашистскую организацию". Для чего он поехал по Европе и Дальнему Востоку и в 1934 г. подписал соглашение с Родзаевским. Их организация стала называться Всероссийской Фашистской партией, Вонсяцкий стал ее председателем, а Родзаевский -

генеральным секретарем. Но уже вскоре они перессорились, и Вонсяцкого исключили за выступления против атамана Семенова, которому симпатизировало большинство дальневосточных "фашистов". Однако из японцев, чьей поддержки искала партия, ею больше заинтересовались не военные или политические круги, а маньчжурская мафия. И оказывая финансовую помощь, всю стала использовать фашиствующую молодежь в своих целях.

В Германии попытался выдвинуться на нацистских лозунгах бывший офицер русской службы фон Пильхау. Он возглавил так называемое Русское Объединенное Народное Движение, а себя, приняв фамилию "Светозаров", объявил "фюрером русского народа". Своих сторонников нарядил в белые рубашки с красными нарукавными повязками, на которых красовалась эмблема: белая свастика в синем квадрате. Но уж такого "плагиата" немцы не потерпели и организацию разогнали. В Данциге один из героев гражданской войны генерал П. В. Глазенап тоже затеял авантюру и пробовал создать пронацистский "Российский Атикоминтерн". Его инициатива немцев не заинтересовала, и начинание лопнуло из-за недостатка средств.

В более солидных эмигрантских кругах изменение международной обстановки вызвало споры, различные группировки проводили совещания, стараясь выработать свою позицию в новой ситуации. Почти никто из лидеров зарубежья не считал возможным прочный мир между СССР и Германией, все сходились во мнении, что между ними неизбежна война. Вот только отношение к ней было неоднозначным. С одной стороны, внешняя война изначально считалась одним из вариантов свержения большевизма, а с крахом теории "эволюции" и подавлением внутренних восстаний этот вариант, казалось бы, выходил на первый план. Но с

другой стороны, возникали опасения, что такая война приведет не к освобождению, а к расчленению страны, отталкивали расизм и шовинизм немецкого фюрера.

Только современным читателям стоит иметь в виду, что ни о каком "предательстве России" в кругах русской эмиграции и речи не было. Наоборот, и сторонники сотрудничества с Гитлером, и его противники рассматривали свою позицию как борьбу за Россию. Не сходились они лишь во мнении, кто более страшный враг для нее - германские нацисты или собственные коммунисты. И оказывались по разные стороны баррикад. Однозначную позицию союза с немцами заняли большинство организаций сепаратистов - украинских, кавказских, мусульманских, для них-то вопрос об интересах России вообще не стоял (точнее, стоял, но с "обратным знаком"). Склонялась к союзу значительная часть казачества. Например, Краснов сотрудничал с немцами еще в гражданскую, и в то время не видел от них ничего плохого - наоборот, они тогда проявили себя куда более надежными и деловыми союзниками, чем англичане и французы. То же самое испытали белогвардейцы, сражавшиеся в Прибалтике, там они вообще воевали плечом к плечу с немцами, а державы Антанты по сути предали их и привели к катастрофе.

Начальник германского отдела РОВС фон Лампе в октябре 1933 г. вступил в переговоры с нацистами и докладывал в Париж, что Розенберг выразил настоятельное желание получить от РОВС план действий "в направлении усиления при помощи немцев внутренней работы в России... а потом и возможной интервенционной деятельности в широком масштабе". Но основная часть эмиграции склонялась к прямо противоположной точке зрения. РДО Милюкова, евразийцы, младороссы сходились во мнении, что в случае войны надо полностью отказаться от борьбы с

советской властью и оказывать ей всяческую поддержку. Правда, при этом выражалась надежда, что германская опасность заставит большевиков примириться с народом, искать с ним единения, упразднить самые ненавистные институты, и таким образом неизбежно начнется оздоровление государства. НТС в 1936 г. направил секретаря белградской секции М. А. Георгиевского в Берлин для переговоров и анализа обстановки. И он тоже пришел к убеждению о невозможности сотрудничества с нацистами. Поэтому организация сделала вывод, что гитлеризм является для нее "не союзником, а соперником", а его идеология противоречит установкам религии и духовной Свободы. С другой стороны, считалось, что война создаст условия для "освободительной национальной революции" силами самого российского народа, к которой и следовало готовиться.

Одним из главных идеологов и агитаторов против перехода на службу гитлеровцам стал А. И. Деникин. Впрочем, он еще в 1928 г. доказывал, что иностранная интервенция не спасет Россию и принесет ей только беды. Эту же мысль он развивал и в последующих выступлениях, четко подметив, что "под прикрытием борьбы с коммунизмом другими державами преследуются цели, мало общего имеющие с этой борьбой". Поэтому в случае любой внешней войны призывал поддержать Красную Армию, полагая, что она, осознав собственную силу, "сначала храбро отстоит русскую землю, а затем повернет штыки против большевиков". Ну а Гитлера Деникин называл "злейшим врагом России и русского народа", в преддверии войны выдвинув двуединый лозунг - "свержение большевизма и защита России". Его лекции и доклады на данную тему пользовались огромной популярностью и немало способствовали выбору позиции эмигрантов.

Похожие лозунги "двойной задачи" выдвигал А. Ф. Керенский. Близкую позицию занял и председатель РОВС Миллер. Ну а о таких прокоммунистических гнездах, как "Союз друзей советского народа" и говорить не приходится. Один из активистов этой организации В. К. Цимбалюк заявлял:

"Другой России, кроме коммунистической, сейчас нет. Нам в эмиграции делать нечего. Надо идти защищать русскую коммуну на русской земле, а все политические счета не хранить в кармане, а просто выбросить в мусорный ящик".

И подобная агитация тоже имела определенный успех, во Франции набралось около тысячи "возвращенцев". Только "защищать русскую коммуну на русской земле" им не довелось - отправлять их стали отнюдь не в СССР, а в Испанию, сражаться не за русские, а за коммунистические интересы.

Кстати, война в Испании тоже внесла дополнительную путаницу и сумятицу в эмигрантские настроения. Уж очень она напоминала собственную минувшую схватку между белыми и красными. Поэтому большинство белогвардейцев сочувствовали Франко. Миллер объявил испанские события продолжением "белой борьбы", генерал Шатилов был направлен к Франко для переговоров о помощи со стороны русских военных организаций. Хотя кончилось все практически ничем. Реальные возможности для какой-либо помощи у эмигрантов отсутствовали. Был объявлен набор добровольцев, но и для их посылки не хватало средств. К тому же, оставшиеся участники гражданской и отцы семейств в добровольцы уже не годились, а молодежь все же не считала войну в Испании настолько "своей", чтобы туда ехать - назревали гораздо более важные события в России. Так что было послано всего 70 чел. Но у стихийных симпатий к движению Франко оказывалась и обратная сторона - ведь его союзниками стали Гитлер

и Муссолини. И оказывали помощь, вроде бы, совсем бескорыстно, по-рыцарски. Поэтому возникал закономерный вопрос - почему бы и России не рассчитывать на такую же "рыцарскую" помощь?

Хотя бескорыстными действия фюрера в Испании никак не были. Только дивиденды он собирал на другом поле. Обкатывал свою армию, позволял ей набраться боевого опыта, испытывал военную технику. И что еще немаловажно, столь самоотверженным антикоммунизмом он продолжал гипнотизировать западные державы, чтобы и дальше попустительствовали его замыслам. Надо думать, решительное участие нацистов в испанской войне стало одним из весомых факторов, благодаря которым стал возможен Мюнхен...

15. От вражды к дружбе

Если Гитлер начал уважительно относиться к фигуре Сталина с осени 33-го, хотя до поры до времени имел возможность признаваться в этом только близкому кругу лиц, то Сталин свое мнение о Гитлере, как случайном и временном клоуне на политической арене, изменил чуть попозже. В июне 34-го, после событий "Ночи длинных ножей", когда фюрер решительно уничтожил распоясавшееся руководство штурмовиков во главе с Ремом. Известно, что Иосиф Виссарионович не без восхищения сказал на этот счет: "Гитлер, какой молодец! Он нам показал, как следует обращаться с политическими противниками".

И действительно, приоритет в физическом уничтожении бывших соратников принадлежит фюреру. Сталин на тот момент еще не позволял себе подобного. Например, на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1927 г., когда были разгромлены сторонники Троцкого, Лев Давидович не постеснялся заявить, что если победят они, то не удовлетворятся взятием власти, а расстреляют "эту тупую банду безмозглых бюрократов,

предавших революцию. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но не смеете. А мы посмеем. Так как это будет совершенно необходимым условием победы".

И в самом деле, не смели еще расстреливать видных деятелей партии, ограничивались кратковременными ссылками, и даже самого Троцкого лишь выслали из страны. Позже, правда, троцкистов и всяких "уклонистов" начали сажать, а кое-кого и к стенке ставить, но все равно только мелкую сошку, а с шишками более высокого ранга деликатничали. Так, в 1932 г. была раскрыта оппозиционная группа во главе с бывшим секретарем московского комитета партии М. Рютиным, сторонником Бухарина, который составил и распространял документ, известный как "Платформа Рютина", где называл Сталина "могильщиком революции" и "разрушителем партии". Смертельно оскорбленный вождь на Политбюро потребовал расстрела обидчика. Но Политбюро отказало "за" проголосовали двое, пятеро "против" и двое воздержались.

А Гитлер вот взял и обошелся безо всяких голосований, безо всякой коллегиальной канители - просто взял и перебил тех, кого считал нужным. И оказалось, что авторитета его власти это отнюдь не ослабило, а наоборот, укрепило. Поэтому вовсе нельзя исключать, что Сталин и в самом деле перенял "полезный опыт" германского лидера. Ведь как раз в 34-м, после "Ночи длинных ножей", произошло убийство Кирова, а за ним, с января 35-го, покатились судебные процессы над бывшими конкурентами в борьбе за власть, массовые чистки и репрессии в партии.

Ну а с другой стороны, в этот же период советская сторона имела возможность проверить союзническую надежность западных партнеров, на которых переориентировалась после разрыва альянса с Германией. За несколько лет попытки наладить с ними

военные и политические контакты продвинулись очень мало - можно сказать, остались на декларативном уровне. В отличие от немцев, у которых слово обычно не расходилось с делом, тут шли бесконечные переливания из пустого в порожнее, позиция того или иного должностного лица не значила практически ничего, а любые достигнутые договоренности поминутно могли измениться в зависимости от правительственной, парламентской конъюнктуры и других мелочных соображений.

Англия вообще не желала идти на сближение, явно делая ставку на Гитлера. Франция колебалась, ни туда, ни сюда: с одной стороны, ей заманчиво было иметь дружбу с Россией, а с другой - она не решалась вступать в противоречия с Англией. Французские офицеры и генералы стали вместо немецких появляться в советских дивизиях, проходили стажировку, осуществлялся обмен делегациями - но взаимными любезностями, общими фразами и союзническими тостами на банкетах все и ограничивалось. Да и немудрено ведь из упомянутой в прошлой главе "политики пацифизма" логическим образом вытекало следствие: хотя союзницу в лице России иметь и выгодно, но еще выгоднее, если эта союзница подерется с немцами одна, без Франции (что и случилось впоследствии с другой французской союзницей, Польшей). Пожалуй, самой последовательной выглядела лишь позиция Чехословакии, которая панически боялась усиливающейся Германии и выступила сторонницей создания "оси" Париж-Москва-Прага. То есть, в своих собственных интересах всячески старалась использовать прозападные тенденции, возникшие в руководстве СССР и готова была на посильные ответные услуги, широко предоставив военно-техническую помощь своих заводов взамен немецких и взвалив на

себя функции посредника в налаживании советско-французских связей.

Однако где-то к 1935 г. советское политическое и военное руководство (в отличие от западного) уже имело довольно четкое представление, что антисоветизм Гитлера имеет не только идеологическую, но и чисто практическую сторону, позволяя ему водить за нос прежних победителей и преступать их запреты. А может, и вполне определенные данные в этом отношении имелись - за период "братского сотрудничества" сеть советской разведки в Германии была создана очень даже приличная. Во всяком случае, Тухачевский в одной из своих публикаций в этом году точно обрисовал ближайшие стратегические цели нацистов: "Гитлер пытается успокоить Францию... Гитлер усыпляет Францию, ибо он не хочет давать повод к росту французских вооружений... Антисоветское острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)".

Разумеется, такие данные не были тайной и для Сталина.

Вот только выводы они делали противоположные. Маршал, увлекшийся заигрыванием с французами, перед которыми имел возможность покрасоваться и показать себя в лучшем свете, пытался наконец-то подтолкнуть их к действительному сотрудничеству, потому и разбрасывался в открытых статьях стратегической информацией. А Сталин к самой возможности и целесообразности этого альянса относился все более прохладно и задумывал более выигрышную политическую игру. И в его ближайшем окружении Гитлера стали называть "ледоколом революции". Точнее, данное определение относилось сперва к внутригерманской ситуации - когда считалось,

что нацистский режим лишь расчистит путь коммунистам. Но потом оно перенеслось и на ситуацию международную. Прогнозировалось, что фюрер своей агрессией взломает "единый фронт мирового империализма" - а значит, Советскому Союзу нужно было поумнее воспользоваться моментом.

И следующий шаг Гитлера вполне подтвердил данные прогнозы. По навязанному немцам Англией и Францией Локарнскому договору 1925 г. о неприкосновенности германо-французской и германо-бельгийской границ предусматривалось сохранение демилитаризованной Рейнской зоны, где Германия не имела права располагать свои воинские части. 7. 3. 1936 г. Гитлер денонсировал этот договор и ввел войска в Рейнскую зону. Это тоже было "пробным шаром", даже можно сказать - брошенной в физиономию перчаткой: возмутятся или утрутся? Причем на случай возмущения фюрер готов был извиниться. Реорганизация и перевооружение армии только начинались, Германия могла выставить всего 30-35 тыс. боеспособных солдат без танков, без самолетов, со слабой артиллерией. Ее военачальники отмечали, что страна не смогла бы выдержать столкновения не то что с Францией, а даже с Польшей. Поэтому командирам частей строго-настрого указывалось: если французы двинут на них хоть одну роту, боя ни в коем случае не предпринимать и отходить обратно на исходные рубежи.

Однако французы не сочли нужным пальцем о палец ударить. Потому что гарантом соблюдения договора должна была выступать Великобритания. А Великобритания вела свои игры, и вмешиваться в германо-французские дела ей показалось не с руки. И лишь спустя 13 дней после ввода войск Совет Лиги Наций приступил к голосованию - нарушила ли Германия границы Рейнской зоны? После долгих дебатов все же большинством голосов пришли к

выводу, что нарушила. И приняли резолюцию о нарушении статьи 34 Версальского договора и Локарнского соглашения. Но резолюцию совершенно беззубую, лишь констатирующую факт этого нарушения, даже без формального осуждения, не говоря уж о более решительных выводах. Тут уж советской верхушке окончательно должно было стать ясно, во-первых, чего стоят на деле ее западные "союзники", а во-вторых, что не так уж последователен гитлеровский антисоветизм, как его малюют. При одном взгляде на карту было ясно, что против СССР Германия смогла бы воевать только в союзе с Польшей или Чехословакией - что было весьма сомнительно из-за их антагонизма. А вот пути для удара на Запад были теперь открыты...

Правда, в том же 1936 г. Германия заключила пакт с Японией, подчеркнуто названный "антикоминтерновским". Но Сталин впоследствии говорил: "Антикоминтерновский пакт на деле напугал главным образом лондонское Сити и мелких английских лавочников". Ведь в Первую мировую именно Япония наложила лапу на германские колонии и концессии в Тихоокеанском регионе. А потом и японцев заставили крупно "поделиться" англичане с американцами. Так что объединение двух обиженных государств угрожало в первую очередь англо-американским интересам, а название "антикоминтерновский" очень уж смахивало на нарочитую маскировку, причем довольно грубую. И действительно, секретные приложения к пакту, добытые через Зорге, подтверждали его неконкретность и декларативность в части антисоветской направленности. Да и в Берлине ходила шутка: "Сталин еще присоединится к антикоминтерновскому пакту".

А Иосиф Виссарионович как раз и подумывал о том, что пора прощупать истинные намерения Гитлера и

самому определиться насчет будущей стратегии в международных делах. И он запустил собственный "пробный шар" по линии спецслужб. Как уже отмечалось, для самых сомнительных и грязных операций советская разведка нередко использовала агентов в эмигрантской среде. Так было и в данном случае. Исполнителем явился "Фермер", он же генерал Скоблин, который к этому времени развернулся вовсю и стал уже "двойником", работая не только на чекистов, но и на гитлеровскую СД (надо думать, по заданию Москвы). И через него в начале 1937 г. к начальнику службы имперской безопасности Гейдриху поступили вдруг материалы о том, что маршал Тухачевский совместно с рядом офицеров германского Генштаба составил заговор с целью свержения Сталина. Причем Янке, один из лучших экспертов немецкой разведки, сразу предположил, что материал сфабрикован советскими спецслужбами с двойной целью - либо для того, чтобы вызвать у Гитлера недоверие к своему Генштабу, либо - чтобы компромат на Тухачевского поступил в СССР извне. Однако вызвал лишь крайнее недовольство начальника, который даже посадил его на три месяца под домашний арест. Гейдрих счел, что он покрывает закулисные интриги своих генштабовских дружков. Сам же он в подлинность материалов Скоблина поверил и доложил о них фюреру.

Хотя дело Тухачевского и было той самой "лакмусовой бумажкой", которую подбросил Гитлеру Сталин, поскольку оно позволяло не только уничтожить одного из неугодных военачальников, но и получить важнейшую стратегическую информацию - если немцы промолчат о полученных сведениях, тем самым поощряя мифический заговор, или тем паче, попытаются поддержать его, выходя на контакты с советским маршалом (что вряд ли могло ускользнуть от внимания Лубянки), это означало бы непримиримое и

бескомпромиссное отношение Гитлера к сталинизму. А следовательно, первый германский удар будет нанесен на Восток. Если же фюрер сочтет за лучшее заложить Тухачевского, значит, он предполагает удар на Запад и допускает возможность альянса со Сталиным. Впрочем, тут стоит сделать одну поправку. Гитлер рассматривал материалы Скоблина под иным углом, нежели авторы плана, и оценивал политические реалии совершенно по-другому. Он рассудил, что пассивно или активно поддержать заговор означало бы поощрить удар по политической системе СССР, но одновременно это привело бы к усилению Красной Армии. А выдача Тухачевского вела к удару по армии и усилению политической системы. Но как раз советская политическая система считалась в германских верхах фактором, ослабляющим Россию - вызывающим недовольство народа и снижающим его волю к сопротивлению. Поэтому решение настучать Сталину выглядело вдвойне выгодным - и с точки зрения временного альянса, и с точки зрения будущей войны.

Правда, по признанию Шелленберга, информация Скоблина обладала важным изъяном: она не содержала никаких документальных и фактических доказательств. Но коли уж сам фюрер обратил на нее внимание и придал ей такое значение, подкрепить ее расстарались сами немцы. По указанию Гейдриха были созданы две группы, в состав которых вошли специалисты-взломщики из уголовной полиции, и ночью вскрыли сейфы архивов Генштаба и Абвера. Выгребли оттуда материалы, способные в умелой подборке прямо или косвенно подтвердить контакты Вермахта с руководством Красной Армии, а чтобы замести следы взлома, в нескольких местах устроили пожар, скрывшись в поднявшейся суматохе. И в четыре дня было состряпано убедительное досье. Через штандартенфюрера СС Беме был установлен контакт с

доверенным лицом президента Чехословакии Бенеша, и тот перепугался, что в случае переворота в СССР и альянса Тухачевского с немцами Чехословакия останется перед ними беззащитной. Правда, решил на всякий случай устроить проверку, но не придумал ничего лучшего, как послать своего начальника тайной полиции Новака в Берлин... для встречи с начальником гестапо Мюллером. И естественно, там были получены самые что ни на есть весомые подтверждения.

Бенеш поспешил довести информацию до Сталина - и личным письмом, и через полпреда в Праге Александровского. После чего контакты советских и германских спецслужб установились уже напрямую, и в Берлин прибыл личный представитель Сталина и Ежова. Немцы настроились преподнести документы в качестве акта доброй воли, демонстрации дружеских чувств, и были немало удивлены, когда советский уполномоченный сразу поинтересовался, в какую сумму они оценивают досье. Гейдрих сориентировался мгновенно и с потолка запросил 3 млн. руб. золотом - предполагая, что это стартовая цена для торга. Но русские и торговаться не стали, а заплатили безоговорочно, не отходя от кассы. Разве что потом почти все эти деньги пришлось уничтожить они были в крупных купюрах, чекисты переписали номера, и несколько агентов, попытавшихся использовать их в СССР, сразу провалились.

Параллельно, для пущей достоверности, та же дезинформация запускалась по другим каналам: через корреспондента "Правды" в Берлине Климова, через министра обороны Франции Даладье, через сеть Разведупра РККА. Где уж постарались немцы, а где сами чекисты, трудно разобраться. Ну а в итоге 11. 5. 37 г. Тухачевский был снят с должности. 1- 4. 6 в Кремле состоялось заседание Военного Совета по поводу его "измены", и никто из присутствовавших военачальников

не посмел за него вступиться, никто не высказал сомнений, все в угоду Сталину топили его с потрохами (из 42 выступавших 34 были сами потом репрессированы). А 11. 6 маршала осудили и расстреляли вместе с "сообщниками" - Якиром, Уборевичем, Корком, Эйдеманом, Медведевым, Путной, Фельдманом, Примаковым. И опять же, в составе суда всю усердствовали другие красные военачальники - Буденный, Блюхер, Алкснис, Шапошников, Белов, Дыбенко, Каширин, Горячев (вскоре уничтожили всех, кроме Буденного и Шапошникова).

Любопытно, что некоторые видные западные историки до сих пор выражают сомнения, что акция с германским компроматом разыгралась с советской подачи и по советскому сценарию, причем фактам противопоставляют соображения собственного "здорового смысла". Например, И. Пфафф писал: "Если бы Сталин действительно сам хотел устранить Тухачевского, то ему не потребовалось бы выбирать такой сложный и рискованный путь. В условиях нарастания репрессий можно было бы найти материалы для обвинения маршала значительно проще, прямым путем в Советском Союзе, при этом И. В. Сталин весь ход дела держал бы под своим непосредственным контролем".

Но дело на Тухачевского действительно было заведено до всяких заграничных компроматов, большинство обвиняемых, оказавшихся вместе с ним на скамье подсудимых, было арестовано еще в августе 1936 г. В рамках предшествующей кампании репрессий, развернутой против "оппозиции" Каменева и Зиновьева, за решетку попал начальник ПВО РККА Медведев. По вытянутым у него показаниям взяли военного атташе при полпредстве в Великобритании Путну, затем начальника главного управления кадров РККА Фельдмана и заместителя командующего

Ленинградского округа Примакова. Их "признания" и повели к обвинениям против Тухачевского. Его имя было названо уже 24. 1. 37 г. на открытом судебном заседании над Радеком и иже с ним. Правда, еще не в качестве обвинения - просто было упомянуто, что Тухачевский посылал Путну в Берлин. Но по тогдашним меркам это был уже очень грозный признак, так что маршала в самом деле могли уничтожить гораздо раньше, без "лишних хлопот". Да только Сталин-то руководствовался не примитивной логикой Пфаффа, а более сложными стратегическими соображениями. Почему было не убить сразу нескольких зайцев?

Кстати, даже в случае, если бы немцы догадались, откуда ветер дует, и кто является автором подброшенных им материалов, это выглядело откровенным "приглашением к танцу" со стороны чекистов. А если бы не доперли или отмели такую вероятность (как это и случилось), то возможность сделать "приглашение к танцу" предоставлялась самим германским спецслужбам. Кроме того, нельзя забывать, что Тухачевский возглавлял в тот момент "французскую партию" в советском командовании. Поэтому можно предположить и такой вариант, что жизнь самого маршала была поставлена в зависимость от реакции Гитлера. Неужели Сталин не знал истинную цену обвинениям и "доказательствам", возникавшим в недрах НКВД по его указаниям? Известно, что для крупных государственных фигур, попадавших под прицел ретивых чекистов, он сам решал, давать ли делу ход. (Скажем, он некоторое время колебался, стоит ли репрессировать Молотова, и в конце концов распорядился вычеркнуть его фамилию из всех показаний и свидетельств). Так что и дело Тухачевского он имел возможность похоронить, если бы выявилась невозможность примирения с Гитлером, а значит и необходимость продолжения контактов с Западом. То

обстоятельство, что гибель маршала подорвет эти контакты, Сталин тоже наверняка сознавал.

О том, что Москва выжидала реакции Берлина и ставила в зависимость от нее отношения с Францией и Англией, говорит и другой факт - весной 1937 г. Тухачевский должен был в составе советской делегации посетить Лондон. Но Политбюро распорядилось отказаться от поездки, поскольку по данным НКВД на военачальника якобы готовилось покушение со стороны белогвардейцев. Компромат уже был запущен - а ну как немцы вздумали бы поддержать мнимый заговор? И попытались бы связаться бы с маршалом в Великобритании? И вся интрига вскрылась бы там, на глазах западных политиков?

Так что самым одураченным во всей этой истории оказался президент Чехословакии Бенеш. Но тут остается только развести руками насчет традиционной штампованности "демократического" мышления, порабощенного собственными стереотипами. Иначе недоумие и наивность видного западного политика зашкаливает до такого абсурда, который вряд ли поддается нашему с вами пониманию. Получив сведения о Тухачевском, Бенеш срочно проинформировал президента Франции Леона Блюма об опасности переворота в СССР и установления там военной диктатуры!

А 4. 7. 1937 г., уже после расстрела маршала, президент Чехословакии пригласил для встречи полпреда Александровского, рассыпавшись в заискиваниях и комплиментах, и запись этой беседы, переданная в Москву, представляет собой настоящий трагикомический курьез: "Он (Бенеш) почти не сомневался, что победителем окажется режим Сталина... Он приветствует эту победу и рассматривает ее как укрепление мощи СССР, как победу сторонников защиты мира и сотрудничества Советского государства

с Европой... Бенеш заявил, что последние годы он расценивает советскую внешнюю политику как ставку СССР на западноевропейскую демократию французского, английского и чехословацкого типа, как союзника в борьбе с фашизмом за мир... Бенеш заявил, что мыслит себе опору именно на СССР сталинского режима, а не на Россию и не на демократическую Россию, как в этом его подозревали в Москве. Уже начиная с 1932 г. он все время отдал решительной схватке между сталинской линией и линией радикальных революционеров. Поэтому для него не были неожиданностью последние московские процессы, в том числе и процесс Тухачевского".

Тут мы еще раз видим, что борьбу Сталина за власть с Троцким, Каменевым, Зиновьевым многие западные политики упрощенно восприняли лишь как победу "бюрократов" над "радикальными революционерами", и это вполне их устраивало. А абстракции, вроде "прав человека", все так же никого не волновали, пока они оставались "внутренним делом" России и не затрагивали непосредственных интересов демократических держав. В той же беседе Бенеш поспешил заверить, что "Чехословакия является неизменным союзником Москвы, и никакие расстрелы не могут поколебать эту дружбу". И поделился своими мудрыми прогнозами: дескать, если бы победил Тухачевский, то Чехословакия должна была бы стать союзником "России Тухачевского". А значит, и Германии. И была бы подмята ею, поскольку "Россия Тухачевского" "не постеснялась бы расплатиться Чехословакией за союз и помощь. А Бенеш ценит именно "нынешний СССР", "сталинский режим", потому что он не предъявляет претензий на Чехословакию и ее свободы".

Но очень скоро Бенеш вдруг обнаружил, что почему-то сел в лужу причем похоже, до конца жизни так и не понял, почему. Под удар в СССР попали именно те

кадры, которые держали в руках хилые нити сотрудничества с Западом. Французское и британское военное командование были шокированы масштабами развернувшихся чисток в красноармейских верхах. Шокированы, разумеется, не самим фактом очередной вспышки репрессий в Советском Союзе они и раньше бывали в еще большем размахе. Но тут наложился персональный фактор. Если истребления безликих миллионов крестьян даже и не заметили, то теперь на расстрел в качестве "немецких шпионов" отправлялись те самые военачальники, с которыми иностранные представители еще вчера вели переговоры, обменивались комплиментами и поднимали тосты на банкетах. По количеству расстрелянных нетрудно было догадаться о надуманности обвинений. А на их место приходили другие, демонстрирующие гораздо более прохладное отношение к Западу и о прежних договоренностях знать не желающие - мало ли, мол, чего вам наговорили "враги народа". В отношениях СССР и Франции наступил кризис, военное сотрудничество оказалось вообще замороженным, и детище Бенеша, "ось Париж-Прага-Москва", благополучно развалилась.

А для Германии возможность сделать "приглашение к танцу" оказалась очень кстати. Как свидетельствует Шелленберг, "дело маршала Тухачевского явилось подготовительным пунктом к сближению между Гитлером и Сталиным. Оно явилось поворотным пунктом, ознаменовавшим решение Гитлера обеспечить свой восточный фронт союзом с Россией на время подготовки к нападению на Запад". Вообще-то мемуары Шелленберга - источник, наименее всего заслуживающий доверия, это отмечают многие исследователи, придерживающиеся самых различных политических взглядов. Но в данном случае он близок к истине. Подспудное решение о целесообразности

альянса Гитлер и Сталин вынашивали уже давно, хотя каждый со своих позиций. Теперь же был дан первый реальный толчок к налаживанию контактов.

16. От "Совдепии" к советской державе

Когда в СССР развернулась кампания террора против бывших партийных, военных и государственных деятелей, наркоминдел Литвинов, выступавший в советском руководстве главным выразителем ориентации на Англию и Францию, счел нужным предупредить Сталина, что массовые казни могут оттолкнуть сочувствующих коммунизму в других странах и затруднят создание "народного фронта" против фашизма. На что Иосиф Виссарионович без лишней деликатности ответил: "Ничего, проглотят".

"Народный фронт" был ему уже не нужен, только Литвинова он в это обстоятельство пока не посвящал. А иностранные коммунисты и впрямь "проглотили". В связи с этим можно еще раз обратиться к утверждениям западных и западнических авторов, что коммунизм, мол, является типично русским явлением, поскольку соответствует русской национальной психологии. Но чтобы опровергнуть данный тезис, достаточно вспомнить систему Коминтерна, где представители западных компартий вели себя ничуть не лучше русских. Точно так же лебезили и выслуживались перед кремлевской верхушкой, точно так же склочничали и подсиживали друг друга, точно так же стучали друг на дружку, обвиняя во всяческих "уклонах" и связях с опальными лидерами. Причем если кому-то в СССР и не по душе было такое положение дел, он все равно вынужден был принимать общие правила игры, чтобы не погибнуть. Но спрашивается: а иностранцам-то зачем это было надо? Не по душе, так и плюнь ты на коммунизм вместе со Сталиным, да и живи как все в твоей стране. Так ведь нет, сами лезли! По собственному желанию правила такие на себя

принимали. Выходит - нравилось, считали советскую политику и свое поведение правильными и нужными. Что, в общем-то, вполне логично, так как "коммунистическая психология" формируется путем разрушения устоев традиционной морали - и тех, что традиционны для русских, и тех, что традиционны для немцев или французов. Так что она и в самом деле получается интернациональной, нивелируясь этой предварительной расчисткой "пережитков".

Почти не поморщившись, "проглотила" репрессии в СССР и мировая общественность, когда дипломат-невозвращенец Бармин написал письмо в Лигу Прав Человека в Женеве, пытаясь разоблачить сталинские преступления, газета Керенского "Новая Россия" на основании богатого опыта эмиграции не без иронии поучала новичка: "К великому нашему сожалению, мы, давние политические эмигранты, должны сказать Бармину, что призыв к западному общественному мнению спасать в Москве бесчисленные жертвы бессмысленного террора - это глас вопиющего в пустыне".

Политики и общественное мнение ориентировались лишь на соображения практической выгоды или мнимой выгоды. Выше приводилась реакция на сталинские расправы демократа Бенеша. А бывший посол США в Москве Дэвис уже в годы советских побед над немцами делился своими выводами, что "расстрел лидеров Красной Армии пошел ей на пользу".

Впрочем, на эту кампанию репрессий некоторое внимание все же обращали. Что объясняется "персонифицированным" характером западного мышления и восприятия, поскольку для средств массовой информации, лепящих общественное мнение, удобнее фокусировать интерес на отдельных фигурах "звезд". А теперь под удар Сталина попали именно "звезды", чьи имена периодически мелькали в газетах и

связывались с теми или иными событиями. Некоторые демократические юристы Запада даже создали "Международный комитет по расследованию московских процессов". Ну да тут добавилось то обстоятельство, что бывшие коммунистические лидеры, в отличие от истребленных крестьян и интеллигенции, удостоились показательных процессов - и западная цивилизация с ее культом юриспруденции получила возможность пощеголять критикой кривобоких советских судов. И уж совсем любопытно, что громкую бучу насчет "сталинских зверств" с апелляциями к "международному коммунистическому и рабочему движению" попытался поднять Троцкий, один из главных организаторов и проводников, красного террора. Да и сам, как помнится, собиравшийся расстрелять сторонников Сталина в случае своей победы.

Но за кампаниями репрессий второй половины 30-х обычно не замечают или упоминают лишь вскользь, в качестве декорации, другой очень важный процесс. Как раз в это же время Советский Союз из государства "ленинского типа", т. е. некоего интернационально-классового новообразования, не имеющего ничего общего с прежней Россией, снова стал приобретать черты "Российской державы" - жутко трансформированной, искалеченной, но начавшей постепенно возвращаться в национально-традиционное русло. Впрочем, такую закономерность подметил и Л. Н. Гумилев на примерах исмаилитов, катаров, богумилов - когда "антисистема" побеждает в государственном масштабе, она помаленьку начинает приобретать формы "системы", иначе не сможет существовать (см. напр. "Этносы и антиэтносы", "Знамя", 1990). Вот и в России аналогичный процесс пошел где-то с 1934 г., с XVII съезда партии, красноречиво названного "съездом победителей", когда путем коллективизации и

индустриализации было завершено фактическое покорение страны и ее народа и провозглашена победа социализма. Разумеется, подлинных мотивов, которыми руководствовался Сталин для такого поворота, мы никогда не узнаем, тут остается только строить гипотезы. Со своей стороны, я могу только выдвинуть собственные предположения, которые кажутся мне логичными (не претендуя, впрочем, на стопроцентное совпадение с реальностью).

Ленинский план построения социализма был завершен. Или, скажем так, в общих чертах завершен, по-советски, сдан в эксплуатацию с недоделками. И перед Сталиным встал закономерный вопрос - куда же дальше-то? По Ленину следовало - к мировой революции. И отсюда видны некоторые колебания. С одной стороны, попытки двигаться в этом направлении (упоминавшиеся выше "польский вариант", "германский вариант"), но с другой, в отличие от Ленина и Троцкого, которые порой сами удивлялись, что их еще не свергли, Сталину было что терять - своя держава. Он создал ее, он ее построил. И уже успел в полной мере вкусить неограниченной власти, привыкнуть к ней и освоиться с ней. Осознать себя не временщиком, вынужденным маневрировать и оглядываться, чтобы усидеть на своем месте, а действительно всемогущим Хозяином, перед которым рабски стелились и сторонники, и сокрушенные противники.

Наверное, наложилась и другой фактор. Сталин, в прошлом один из самых догматичных ленинцев, получил теперь моральное право поставить себя выше учителя. Ленин не смог до конца подавить фракционность и разногласия в партии, хотя и стремился к этому (запрет дискуссий, фракций, разгром "рабочей оппозиции"), а Сталин смог. Ленин не сумел одолеть крестьянство, а Сталин сумел. У Ленина не получилось построить социализм, и ему пришлось

скомандовать отступление в нэп - а Сталин сумел довести дело до конца. Следовательно, он превзошел Ленина. А значит, и на его теории мог позволить себе смотреть более критически. И увидеть, что они далеко не так безупречны, как казалось ранее, и что-то с точки зрения собственного опыта можно сделать лучше, целесообразнее. Хотя психологическим оправданием могли служить и другие соображения - со времени написания ленинских работ столько лет прошло, многое изменилось, вот и надо внести поправки.

Взять, скажем, принцип отмены товарно-денежных отношений и перехода на централизованное распределение. Но в могучей мировой державе, создаваемой Сталиным, это было бы уже как-то несолидно, унижительно. Возможно, он учел и практическую сторону - что гладкая на бумаге система на деле сразу начинает хромать, оборачиваясь нестыковками и злоупотреблениями во всех звеньях. Что же касается значения хлебной карточки как универсального орудия принуждения и утверждения дисциплины, то в сталинской системе это оказывалось уже лишним. У него система принуждения и без того была отлажена и работала безотказно - по закону от 7. 8. 32 г. давали по 10 лет даже за "мелкие хищения" социалистической собственности, вроде стрижки колосков. А потом и за опоздание на работу сажать стали. Так зачем тут еще и "хлебные рычаги"?

Сам по себе процесс превращения полуанархической "совдепии" в формы империи начался не Сталиным. Уже упоминалось, что после изучения книги "Государство и революция" Плеханов отмечал, что это проект создания империи. Он и был окончательно реализован в 1929-33 гг. А отпечаток личности Сталина наложилась лишь в том смысле, что практическое строительство осуществлял он, он стоял во главе построенной системы, и это получилась его

империя. И он по-своему пытался придать своей империи достойный, солидный вид. Так, еще в конце 20-х началась лакировка советского прошлого. Не только ради возвышения персональной роли Хозяина в революционных событиях. Так же, как Древнему Риму, основанному отщепенцами и разбойниками, угнездившимися на пустующих холмах, потребовались потом более благородные мифы о своем возникновении, так и для Сталина грязь и кошмары, из которых родилось государство, казались уже слишком непрезентабельными. И пошла мифологизация. Вместо произведений типа "Щепок", не стеснявшихся реалистично описывать зверства, поскольку это считалось классово-оправданным, возникали высокохудожественные "Хождения по мукам", рассказы Гайдара и т. п., изображавшие прошлое во вполне благопристойных тонах, красивых и героических.

В 1932 г. был распущен терроризировавший отечественную культуру РАПП. При этом Сталин с предельной откровенностью сказал его председателю Фадееву: "Вы еще маленькие люди, то есть совсем маленькие, чтобы о русской литературе судить". В 1934 г. народу было официально возвращено понятие "Родина" (а одновременно и "измена Родине"). И хотя прямая связь данного термина с прежней Россией пока еще не подразумевалась, тем самым поощрялось усиление патриотического начала.

Что же касается параллелей между сталинизмом и русским самодержавием, то и здесь вряд ли можно говорить о прямой преемственности. Нужно иметь в виду, что Сталин никогда не рассматривал реального исторического самодержавия, которое так или иначе должно было считаться с интересами различных сословий, с церковными установками, с требованиями духовного порядка. Он со свойственным ему догматичным мировоззрением знал только

примитивные большевистские схемы монархии с батюшкой-царем и холопами-подданными, которых тот волен был казнить или миловать, исходя из личных понятий целесообразности. А с такими схемами параллели действительно напрашивались. Но и тут очень сомнительно, чтобы Сталин отождествлял себя с ролью "нового царя". Скорее, помогала знаменитая коммунистическая диалектика. Ну например, если до революции расстрел любой демонстрации объявлялся преступлением, то после прихода к власти для большевиков стала преступлением сама демонстрация, а ее расстрел - естественным делом. Точно так же и с самодержавием. Если царь в своих "реакционных" целях (вариант "объективно-прогрессивных", как Петр I) позволял себе то-то и то-то, то для коммунистического вождя, пролагающего пути в "светлое будущее", аналогичные методы тем более оправдывались.

Возврат СССР с космополитически-революционных на "российские" рельсы происходил далеко, не сразу, а постепенно, шаг за шагом. Так, в 1935 г. Сталин прекратил финансирование через Коминтерн иностранных компартий. Иногда это объясняют тем, что он уже сделал ставку на Гитлера, что вряд ли соответствует действительности - в то время он еще не знал, получится ли такой альянс. Просто с точки зрения рачительного Хозяина это значило перестать кормить дармоедов, т. к. несмотря на огромные вложения за 16 лет существования Коминтерн ни в одной стране не принес реального успеха. И Сталин в самом деле взвешивал возможности союза с Гитлером - или союза с Францией против Гитлера, но и в том, и в другом случае это уже были союзы на государственном, а не на партийно-подпольном уровне. Характерно, что в том же 1935 г. был принят глобальный план реконструкции Москвы. Вождь хотел иметь монументальную, величественную столицу, не хуже других мировых

центров или царского Санкт-Петербурга. Так что "державные" соображения явно брали верх над "интернациональными".

Постепенно восстанавливались персональные воинские звания - в 1935 г. маршальские и среднего состава, вместо прежних комрот, комбат, комполков и т. п. появились капитаны, майоры, полковники, а в 1940 г. вернулись в обиход и генеральские звания. Поскольку и армия должна была стать государственной, а не партийно-революционной. В 1936 г. было высочайше реабилитировано казачество. Стали создаваться казачьи части в традиционной форме. Данное сословие Иосиф Виссарионович тоже рассматривал с точки зрения коммунистических штампов, как "верных псов самодержавия". Но после построения новой империи "диалектически" получалось, что такой прекрасный инструмент разрушен напрасно - разве он не может послужить подобным образом коммунистическому Хозяину? (Чего на деле, разумеется, реализовать не удалось - и как раз из-за превратных представлений о казачестве).

И как раз в период массовых репрессий 1936-39 г. г. очутилась вдруг на свободе, и мало того, на своих научных должностях, вся плеяда историков, которую загребли в кампанию 29-го. Наоборот, в расстрельных подвалах и лагерях сгинули их гонители. Стране была возвращена ее история - не только в переносном, но и в прямом смысле. Искалеченная "классовым подходом", с массой купюр и идеологических ремарок, но по крайней мере, восстановился сам принцип исторической традиции и преемственности между Россией и Советским Союзом. В 1936 г. школьный учебник истории Покровского был отвергнут и вместо него введен учебник Шестакова - уже связывавший Россию советскую с Россией царской вместо прежнего

огольного оплевывания и отрицания всего дореволюционного.

И другие российские традиции тоже возрождались. В литературе обычно указывается, что церковь Сталин "реабилитировал" в 42-43 гг., чтобы завоевать народную поддержку против оккупантов. Но на самом деле, этот процесс начался раньше и независимо от войны. Если в 1931 г. храм Христа Спасителя был варварски взорван, то снос храма Василия Блаженного, намеченный было в 1936 г. запретил лично Иосиф Виссарионович. А приказ о прекращении гонений на священнослужителей, обнаруженный в бумагах Сталина, был отдан в 1939 г. В апреле 1941 г., опять до войны, Хозяин внес предложение вообще распустить Коминтерн - только реализацию задержало гитлеровское вторжение. И характерно, что к концу 30-х - началу 40-х исторический интерес вождя переключился с реформатора и в своем роде "революционера" Петра на фигуру Ивана Грозного. Об этом свидетельствует не только фильм Эйзенштейна, но и множество других произведений данного периода. А лучший из придворных писателей, А. Н. Толстой, чье творчество всегда четко следовало конъюнктуре, даже оставил незавершенным роман о Петре, тоже переключившись на образ Грозного (хотя конечно, и в данном случае, вождя привлекала не реальная историческая фигура царя, а миф, сформированный фактически по его заказу, т. е. подстроенный под черты самого Сталина).

В плане всех этих преобразований можно смело выдвинуть еще одно предположение - кое-чему кремлевский владыка учился у Гитлера и перенимал у него то, что считал полезным и целесообразным. А может, втайне и завидовал фюреру, у которого так ловко и удачно все получалось. А поучиться у него можно было не только методам расправы с бывшими

соратниками. К примеру, Гитлер очень заботился о монументальной оформлении своей власти, и, полагая себя знатоком архитектуры, развернул широкомасштабные строительные программы (что заодно помогло ему решить проблему безработицы). Видимо, и Сталин позаимствовал некоторые стороны этих проектов, начиная реконструкцию Москвы.

Гитлер играл на национальных чувствах немцев - а у коммунистов с их интернационализмом столь благодатная область пропаганды оказалась в загоне. Вероятно, Иосиф Виссарионович и это учел. Тем более, что свой народ он считал ничуть не хуже немецкого или французского (видимо, примерно так же, как вельможа-крепостник искренне гордился своими талантливими подданными, но и искренне считал себя вправе выпороть их, одно другому не мешало). Скороспелый выскочка Гитлер утверждал нацистское государство на глубоких исторических корнях - его империя даже названа была Третьей, подчеркивая преемственность с германским прошлым. А социалистическая империя Сталина, отрекшаяся от прошлого, оказывалась по сравнению с Рейхом в положении какого-то подкидыша без роду без племени. Обидно все-таки! Значит, и это требовалось исправить. Правда, нацистский культ истории был несколько своеобразным - из всего многообразия предшествующих веков фрагментарно выдергивались отдельные фигуры властителей, наподобие Оттона Великого, Барбароссы, Генриха Птицелова, Фридриха Великого, Бисмарка - тех, кто "возвеличивал" германскую нацию, и стало быть, оказывался в роли предшественников фюрера. Но и советская историческая традиция начала возрождаться в тех же формах - выбирались отдельные князья, цари, полководцы, которых разрешалось считать "прогрессивными", и которые, как подразумевалось, подготовили своей деятельностью территориальный и

национальный фундамент будущего социалистического государства.

В заключение стоит коснуться еще одной хорошо известной особенности репрессий второй половины 30-х - той, что в этих чистках погибло "революционное поколение" большевиков. То есть, параллельно с возвратом государственности в "российское" русло были уничтожены главные разрушители и осквернители прежней России. Интерпретируют данную особенность по-разному, и гипотезы можно встретить совершенно противоположные. Так, В. Пятницкий доказывает, что Сталин готовил союз с Гитлером, и ему мешали убежденные антифашисты, каковыми являлись герои революции и гражданской. Что представляется сомнительным, поскольку эти "герои" всю стелились и заискивали перед Хозяином. Прежде, чем погибнуть самим, судили и отправляли на смерть своих соратников, так что и в вопросе политической ориентации вряд ли посмели бы послушаться. А В. Суворов выстраивает гипотезу, будто Сталин готовился к большой войне с Германией, и потому избавлялся от палачей народа, зверствовавших и в гражданскую, и при подавлении восстаний. "Они сами называли себя оккупантами, и народ их ненавидел. Народ за этими стратегами не пошел бы в бой, а при случае припомнил им и Тамбов, и Кронштадт, и Крым, и Варшаву, и Муром, и Рыбинск, и Дон, и Ярославль, и все другие их заслуги и подвиги" ("Очищение", М., 1998). Что тоже выглядит подгонкой к теоретической схеме автора, т. к. в 37-м Сталин воевать с Германией еще не собирался, а наоборот, налаживал контакты.

Но конечно, о подлинных мотивах такой направленности репрессий, остается только гадать. Может быть, "вождь народов" действительно заботился о собственном имидже и решил устранить конкретных виновников зверств, осуществлявшихся при построении

его государства? Так же, как потом устранил виновников зверств 37-38 гг.? Или все эти "герои" со "старыми большевиками" просто путались у него под ногами со своими сомнительными заслугами, и он очистил от них эшелоны власти, чтобы заменить их другим типом руководителей - обязанных выдвижением только ему и преданных лично ему? Такой точки зрения придерживался, кстати, и Гитлер. Эту кампанию репрессий он воспринял очень уважительно. И уже позже, в ходе войны, когда собственные генералы, по его мнению, своевольничали, умничали, "саботировали" и мешали реализации его предначертаний, он неоднократно сокрушался, что Сталин поступил очень мудро, истребив на корню всех, опирающихся на авторитет прошлых заслуг, и выдвинув на их место "молодых", безусловно верных вождю.

А может, поколение гражданской мешало Сталину и связывало ему свободу маневра своей революционной традицией и революционной инерцией - а он, подобно Гитлеру, полагал, что революция окончена, и ее лозунги стоит сохранить сугубо в пропагандистских целях? Или наоборот, из он из чисто революционных побуждений ненавидел это "новое дворянство" и "новое боярство"? Ведь и в самом деле, если Сталин занял в советской империи место царя, то другие видные большевики вполне вошли в роль "аристократии". Отхватывали себе роскошные особняки с большими штатами прислуги, содержали собственные выезды. Красные военачальники вели себя похлеще любых, даже карикатурно-схематичных, "царских генералов", охаживая перчатками по щекам не только денщиков, но и подчиненных командиров. Перед Сталиным они похолопски преклонялись, зато в своем округе, области, ведомстве каждый сам был мини-Сталиным, выслушивал здравицы и славословия в свою честь, вывешивал собственные портреты во всю стену, читал

свою фамилию на транспарантах и воспевался в песнях... Вот и решил Иосиф Виссарионович взять к ногтю "зажравшихся"? Стране, по его понятиям следовало иметь только одного Хозяина... А может, сыграли роль какие-то комбинации перечисленных мотивов?

Но какими бы ни были на самом деле его побуждения, результат известен. Как раз в 1937-39 гг. и сошли в могилу главные палачи и садисты, творцы красного террора и террора времен раскулачивания - Лацис, Петерс, Уншлихт, Бела Кун, Тухачевский, Якир, Блюхер, Уборевич, Агранов, Балицкий, Дыбенко, Жлоба, Ковтюх, Примаков, и т. д, и т. п.... Когда в камеру, где содержался Ягода, по требованию Ежова зашел для "приватной беседы" начальник иностранного управления НКВД Слуцкий (вскоре тоже устраненный), бывший шеф палачей вдруг сказал ему: "Можешь написать в своем докладе Ежову, что я говорю: "Наверное, Бог все-таки существует!"... От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу; от Бога я должен был заслужить самое суровое наказание за то, что тысячу раз нарушал Его заповеди. Теперь погляди, где я нахожусь, и суди сам: есть Бог или нет..."

Словом, высокопоставленные жертвы репрессий всего лишь нарвались на то, что многократно делали сами. Но только и ставить этого в заслугу Сталину, как делает В. Суворов и некоторые другие авторы, пожалуй, все-таки не стоит. Если Бог выдал злодеев на расправу сатане, то можно ли из-за этого благословлять сатану? Тем более, что из миллионов репрессированных в данном потоке на долю партийных и государственных работников пришлось едва ли 10%. А на 90% опять пострадали простые люди - крестьяне, рабочие, интеллигенция...

17. На войне как на войне

Борьба против коммунистического режима продолжалась и во второй половине 30-х, хотя и здесь о ряде фактов сохранились лишь смутные и отрывочные сведения. Так, в 1935 г. произошло восстание горцев Северного Кавказа. В 1936 г. взбунтовались ткачи Иваново-Вознесенска. Подробности этого события остались неизвестными, как и причины. Экономические? Политические? Стихийный протест? В том же году прокатилась целая серия мятежей в Красной армии. Бунтовала танковая бригада под командованием Калоновского. И еще одна танковая бригада - под Киевом. И стрелковый корпус в Средней Азии. И снова никаких деталей - только упоминания, разбросанные по различным источникам. Может, причиной стали начавшиеся в это время аресты командного состава? Или бытовые условия? Или еще что-нибудь? Как протекали эти выступления, кто их возглавлял, и кто за них поплатился? Увы, все пока осталось "за кадром" истории.

Продолжалась и тайная война советских спецслужб с эмигрантскими организациями. Кстати, в данном плане небезынтересно отметить, что такой видный полководец, как генерал Деникин, оказался не лишен не только военных и литературных, но и некоторых детективных способностей. На основании косвенных доводов и систематизации фактов он, например, еще в 1926 г. четко определил, что пресловутый "Трест" является грандиозной провокацией ОПТУ. А с 1927 г. пришел к выводу, что на советскую разведку работает Скоблин. Правда, неоднократные предупреждения об этом, высказываемые в частном порядке Кутепову, Миллеру и другим белым деятелям не дали практических результатов. Разумеется, прямых доказательств у Деникина не было и быть не могло, а косвенные заключения и логические построения воспринимались как излишняя подозрительность

старого перестраховщика. Однако самому Антону Ивановичу его подозрения спасли жизнь. Плюс - счастливое стечение обстоятельств...

Семья Деникиных, как и многие тогдашние парижане, проводила лето и начало осени в деревне - не только ради отдыха, но и из соображений более дешевой жизни. В 1937 г. генерал вернулся в Париж раньше своих близких из-за юбилейных торжеств в честь 20-летия Корниловского полка. А попутно решил к приезду жены и дочери подремонтировать и привести в порядок квартиру. На следующий день после празднества, 20. 9, к нему домой внезапно явился Скоблин и предложил отвезти его в деревню за семьей на своей машине. Антон Иванович отказался от его услуг. Скоблин принялся настаивать, и чем дальше, тем упорнее, уже переходя границы светских приличий. Видимо, предусматривался и силовой вариант - как потом выяснилось, в машине Скоблина ждали двое незнакомцев. Но тут неожиданно пришел здоровенный казачина, с которым Деникин договорился о натирании полов и расстановке мебели. И Скоблин поспешил удалиться. В последующие дни он еще дважды повторял предложения о поездке на автомобиле - готов был и в деревню отвезти, и зазывал прокатиться в Брюссель на торжества тамошних корниловцев. Но теперь навязывался уже в менее опасной обстановке и оба раза получил твердый отказ.

А 22. 9 исчез генерал Миллер. Около 12 часов ушел из канцелярии РОВС на деловую встречу и не вернулся. В 12. 50 один из свидетелей видел его вместе со Скоблиным и неизвестным мужчиной на бульваре Монморанси возле пустого здания, купленного советским посольством под школу для детей своих служащих. Скоблин приглашал Миллера войти в этот дом. Через десять минут туда подрулил закрытый грузовик с дипломатическими номерами. Около 16

часов та же машина появилась на пристани в Гавре и остановилась возле советского парохода "Мария Ульянова". На судно погрузили большой деревянный ящик с печатями дипломатической почты, а потом "Мария Ульянова", не успев даже закончить разгрузку, неожиданно для портовых властей вышла в море. Капитан сообщил лишь, что получил радиограмму с приказом срочно вернуться в Ленинград.

Но... как оказалось, Миллер все же опасался подвоха и оставил своему помощнику генералу П. В. Кусонскому запечатанное письмо, которое надлежало вскрыть, если он не возвратится в канцелярию.

Оно гласило: "У меня сегодня встреча в половине первого с генералом Скоблиным на углу улицы Жасмен и улицы Раффэ, и он должен пойти со мною на свидание с одним немецким офицером, военным атташе при лимитрофных государствах Штроманом, и с господином Вернером, причисленным к здешнему посольству. Оба они хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по личной инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, и на всякий случай я оставляю эту записку".

Вот только Кусонский проявил себя далеко не лучшим образом - он совершенно забыл про письмо и вскрыл его лишь в 23 часа, когда жена Миллера хватилась мужа и забила тревогу. А потом он и вызванный им заместитель председателя РОВС адмирал Кедров допустили вторую грубую промашку - решили до поры до времени не "паниковать", не будоражить подчиненных, а сперва самим выяснить все обстоятельства и переговорить со Скоблиным. За ним был послан дежурный офицер - которого тоже об истинном положении вещей не проинформировали - и в час ночи привез Скоблина в канцелярию. Здесь он сначала вообще отрицал факт встречи с Миллером. Когда ему предъявили письмо, он невольно выдал себя, изменившись в лице, но, тем не менее, продолжал

отказываться. Кусонский и Кедров решили сдать его в полицию, но перед этим им понадобилось посоветоваться между собой с глазу на глаз. И как только они оставили Скоблина одного, он вышел из кабинета и спокойно миновал приемную, где находились дежурный офицер и жена Кедрова - поскольку они были не в курсе дела, то даже не пытались его задержать. И он мимо них проследовал на лестницу. А когда спохватились, ринулись в погоню, его уже и след простыл. Бегали, искали - вроде, далеко уйти он никак не мог. Однако исчез, как в воду канул. Что было совершенно нетрудно, поскольку квартира этажом выше принадлежала советскому агенту С. Н. Третьякову.

Как установила полиция, Скоблина этой ночью видели еще дважды. В четыре утра с ним разговаривал сторож гаража, где работал муж его сестры. Не застав родственника, он ушел. А в 4. 15 в Нейи разбудил жену одного офицера и занял у нее 200 франков "до завтра" под предлогом потери бумажника. И пропал в неизвестном направлении. При обыске в доме Скоблина и его супруги было найдено вполне достаточно доказательств для ареста Плевицкой по обвинению в шпионаже - в частности, ключом для шифров служила у них семейная Библия.

От НКВД в организации похищения, по-видимому, принимали участие Арнольд и Лидия Грозовские, он - работавший под легальной "крышей" посольства, она - числившаяся секретарем торгпредства. Грозовский сразу после операции выехал в Москву. А его жена оказалась замешанной и в швейцарском убийстве невозвращенца Рейсса, и, не обладая дипломатическим иммунитетом, даже была арестована, но выпущена под залог. У полиции имелись в ее отношении подозрения и по делу Миллера, до окончания следствия ей запретили покидать Париж. Только в один прекрасный день она выехала в автомобиле прогуляться по городу,

добралась до пустынного шоссе и дала газ, а мощный двигатель позволил ей оторваться от сопровождающей полицейской машины и скрыться. Впоследствии Грозовского перевели на более высокий пост внутри страны - начальником отдела Севжелдорлага. Дальнейшая судьба его и супруги неизвестна. Думается, что шансов уцелеть в чистках у них было немного.

Собственно, доказательств для дипломатического скандала у французских властей было в избытке. Но СССР еще рассматривался как потенциальный союзник против Гитлера, и опять все спустили на тормозах. Трагедия Миллера разве что спасла жизнь невозвращенцу Бармину и отсрочила убийство невозвращенца Кривицкого. Как раз в это время готовились операции и по их устранению, но после наглого похищения генерала и почти совпавшего убийства Рейсса в МИД Франции был вызван советский поверенный в делах Гиршфельд, и ему неофициально намекнули, что общественность возмущена не на шутку, и если на французской территории чекистам вздумается повторять такие игрища, это приведет к разрыву дипломатических отношений. А дело о похищении свели к персональной вине Скоблина и Плевацкой, которой и пришлось отдуваться за все. Суд, открывшийся 5. 12. 1938 г., полностью доказал ее вину во многих преступлениях, в том числе и соучастие в похищении Кутепова и Миллера. Она получила 20 лет каторги и впоследствии умерла в тюрьме.

Для эмигрантских исследователей так и осталось загадкой, зачем же чекистам понадобилось тратить колоссальные силы и средства на операции по похищению 65-летнего Деникина и 70-летнего Миллера, уже не представлявших никакой реальной угрозы для советской власти? Но ответ на этот вопрос напрямую связан с отношениями между СССР и Гитлером.

Поскольку пробный шар с компроматом на Тухачевского прошел через немцев благополучно, был сделан вывод о возможности союза, и чтобы подтолкнуть германскую агрессию на Запад, а по возможности и облегчить ее, советские спецслужбы решили сделать нацистским коллегам "подарок" - превратить в прогерманскую пятую колонну русскую эмиграцию (заодно и наспигованную собственной агентурой). Но этому мешали во-первых, позиция Миллера, хоть, и прибалтийского немца, но горячего патриота России, а во-вторых, антифашистская деятельность Деникина, который как раз в это время в публичных лекциях и брошюрах активно предостерегал русских изгнанников от какого бы то ни было сотрудничества с Гитлером. Но удался план лишь отчасти. Как и рассчитывали, председателем РОВС вместо Миллера стал прогермански ориентированный генерал Ф. Ф. Абрамов, однако вскоре вынужден был покинуть этот пост из-за крупного скандала - агентом НКВД оказался его сын.

О Скоблине имелись сведения, что он пробрался в Испанию и объявился в расположении республиканцев, где сообщил о себе действовавшим там советским чекистам, понадеявшись на их покровительство и на новое применение своим талантам. Но его предпочли сразу же ликвидировать как фигуру полностью отработанную, слишком много знающую и способную скомпрометировать русскую разведку. Правда, нельзя исключать и версию, что он попытался найти убежище у других своих хозяев - немецких. И с тем же конечным результатом. Во всяком случае, известно, что сразу после оккупации Парижа гестапо арестовало и расстреляло С. Н. Третьякова, работавшего в контакте со Скоблиным.

Еще один удар госбезопасность нанесла в это время по лидеру украинских националистов Е. Коновальцу. Игра с ним велась с 1934 г. - под видом племянника

одного из резидентов, захваченного ранее, в ОУН был внедрен П. А. Судоплатов (кличка "Андрей"), один из будущих асов советской разведки. Ему удалось войти в доверие к Коновальцу, а работать он устроился радистом на иностранное судно и периодически бывал на родине. То есть, и для националистов считался идеальным связным с их подпольем на Украине, и своему начальству имел возможность лично докладывать обо всех делах. Поначалу чекисты пытались разыграть хитрую комбинацию, наподобие "Треста", используя проникновение в ОУН для собственных разведывательных целей - тем более, что украинские сепаратисты вошли в тесный контакт с Абвером. Но в конце 1937 г. Судоплатов внезапно был вызван в Кремль и получил лично от Сталина приказ уничтожить Коновальца. На очередной встрече в одном из кафе Роттердама он вручил украинскому полковнику коробку конфет с взрывным устройством... А другие агенты НКВД тут же распространили в кругах эмиграции несколько версий убийства. По одной Коновальца якобы устранили немцы, поскольку он вышел из-под их контроля, по другой - польские спецслужбы.

Истинную причину данного теракта можно назвать только предположительно. В тот момент происходили серьезные трения между двумя лидерами ОУН - Коновальцем и Бандерой. Оба были яркими русофобами, но Бандера, вопреки возражениям Коновальца, пытался развернуть террористическую деятельность и против Польши - например, организовав убийство министра внутренних дел Б. Перацкого. И по этому поводу крепко поссорился с Коновальцем, который тоже не любил поляков, однако портить с ними отношения считал несвоевременным и требовал сконцентрировать подрывную работу только против СССР. Возможно, Сталин рассчитывал, что выдвижение Бандеры к

единоличному руководству активизирует украинский террор в Польше. Что посорит Германию, покровительницу ООН, с Варшавой, а значит - и с западными союзниками Польши. То есть, похоже, речь шла о том же: подтолкнуть агрессию Гитлера в нужном направлении и сделать его "ледоколом революции".

Впрочем, было бы неверным представлять, будто игры между чекистами и эмигрантами шли "в одни ворота". У зарубежных антикоммунистических организаций существовала какая-то своя агентура в СССР, и судя по некоторым данным, агентура не слабая. Например, 23-29. 6. 37 г. в Кремле прошел пленум ЦК ВКП(б), и поскольку на нем решались вопросы репрессий против большой группы видных партийцев, то даже в архивах ЦК документы о нем оказались представлены в урезанном виде, а единственный экземпляр несокращенной стенограммы был потом найден в "особой папке" Сталина. Но в пражских архивах "Крестьянской России" обнаружилось полные данные о пленуме, где были перечислены и выступающие, и содержание выступлений. И даже кулуарные разговоры советских вождей, происходившие во время сверхзакрытого пленума! Аналогичные материалы имелись и в РОВС (возможно, через "Крестьянскую Россию", которая в данный период с ним сотрудничала). В белогвардейские круги поступала исчерпывающая информация о терроре против коммунистических руководителей - фамилии репрессированных, даты арестов, в чем обвиняются, расклады внутренних взаимоотношений в советской верхушке. В архиве В. Л. Бурцева оказался отражен и ход следствия над некоторыми высокопоставленными большевиками, вплоть до того, кто ведет дело, кто на кого дал показания, ссылки на номера документов (см. напр. В. Пятницкий, "Заговор против Сталина", М., 1998). То есть, белая разведка имела одного или

нескольких агентов в самой верхушке советского руководства. Но кто это был, так и осталось тайной. Может быть, и для Миллера организовали сложную операцию с похищением, а не устранили его на месте, как Коновальца, в попытке раскрыть данные агентурные источники.

В эти годы серьезно активизировался НТС. Его отделения и группы возникли в Польше, Бельгии, Прибалтике, Великобритании, на Дальнем Востоке. Но отдел в Германии был формально распущен, чтобы избежать каких бы то ни было контактов с нацистами. И поскольку надвигающаяся война могла облегчить "национальную революцию", все силы Союза были брошены на подготовку этой революции. Их было всего около 2 тысяч во всех странах, по возрасту - в основном еще мальчишки и девчонки. Многие и не помнили родины, покинутой в детстве, а то и родились на чужбине. И, тем не менее, они свято верили, что борьба за освобождение России - их персональная миссия, и устремлялись к этой цели жертвенно и самоотверженно, со всем энтузиазмом юной веры и чистотой идеалов. Издавалась общественно-политическая литература, собирались свидетельства очевидцев о положении в СССР. Предполагалось, что после ознакомления советских граждан с материалами НТС могут возникнуть группы в России, не связанные с зарубежным центром. И действительно, они возникали - в 1938 г. в Москве была арестована организация НТС из восьми молодых людей. И имена, и судьбы этих подпольщиков остались неизвестными.

После провалов всех каналов БРП и РОВС свои услуги для перехода через границу предложил польский Генштаб. Правда, НТС при сотрудничестве со службами других государств придерживался ряда принципиальных условий сохранения своей политической независимости и отказ поставлять какую-

либо информацию разведывательного характера, то есть использовать себя в качестве иностранных шпионов. Но поляков такое устраивало - в условиях "железного занавеса" им требовались "подопытные кролики", чтобы испытывать на них возможные "окна" и разные способы перехода границы. Пройдут или попадутся, уцелеют или погибнут, можно пускать своих агентов или искать другие пути? За неимением других возможностей попасть в Россию, НТС соглашался и на это. В августе 1938 г. три группы попытались перейти польскую границу. Первая наткнулась на пограничный наряд, В. Бабкин и С. Спица погибли, А. Чупрунов сумел вернуться. Не прошла и вторая - К. Гурский был убит, остальные повернули назад. Третья - Г. Околович и А. Колков, смогла миновать все преграды и пробраться в СССР. Она провела четыре месяца на советской территории, изучила чуждую для эмигрантов обстановку, объехала несколько городов и благополучно вернулась назад. Околович после этого возглавил закрытую работу НТС, передавая опыт следующим энтузиастам, обучая их технике перехода границы и особенностям советской жизни. И снова пошли мальчишки на свою неизвестную отчизну. Летом 1939 г. через польскую границу отправились еще четыре группы.

Две - В. Дурново и А. Колков, А. Чупрунов и Овчинников, смогли проскочить. Третья нарвалась на пограничников, М. Бржестовский вернулся назад, а П. Берегулько пропал без вести - то ли погиб в перестрелке, то ли прорвался вглубь страны. В четвертой был убит В. Коняво-Фишер, двое вынуждены были вернуться: они прятались в воде, и у них размокли документы. Осенью того же года десять человек пошли через румынскую границу. Д. Лунницкий погиб при переправе через Прут. В. Леушин, В. Чеботарев, М. Дурново, Г. Казаков были схвачены на советской

территории после перехода границы. В целом, из девятнадцати смельчаков десять погибли. А девять - В. Дурново, Е. Акулов, Д. Потапов, А. Колков, А. Чупрунов, И. Хлобыстов, Ю. Рогальский, Рыжков и Овчинников, начали вторую жизнь под чужими именами, по поддельным документам. Как зернышки, брошенные в толщу советского народа, чтобы дать ростки, нести свою теоретическую и политическую подготовку, дух свободы и молодую энергию. Пожалуй, в этом было что-то от стародавнего народничества - идти "в народ" и "будить" его. Только с немаловажными поправками: ведь народники вовсе не рисковали жизнью, а при арестах получали широкую известность и становились кумирами молодежи. А эти мальчишки добровольно шли почти на верную смерть, бросались в самый ад сталинских репрессий и погибали в заведомой безвестности. Так что духовный уровень их подвига был, пожалуй, гораздо выше.

Предпринимались и попытки индивидуального террора. Так, в 1938 г. из Маньчжурии отправилась в СССР группа белогвардейцев с целью убить Сталина. Эта операция, правда, была организована не эмигрантскими центрами, а японской разведкой, которая спланировала акцию при помощи невозвращенца Люшкова - бежавшего через границу начальника управления НКВД Дальневосточного края. Но набор исполнителей шел под флагом борьбы за освобождение России, поскольку надежды уцелеть, даже в случае успеха, у террористов не было. Через Турцию они должны были поодиночке пробраться в Сочи и в Мацесте, когда вождь будет пользоваться тамошними лечебницами, осуществить покушение. Однако до этого дело не дошло. Агент НКВД по кличке Лео, работавший в Маньчжурии, вовремя передал предупреждение, и участники группы были выловлены по мере проникновения на советскую территорию.

В других эмигрантских организациях в это время продолжались споры между "оборонцами" и "пораженцами". Первые считали, что главное - защитить страну от внешней агрессии, а после победы либо сам народ, осознав свою силу, справится с внутренними тиранами, либо коммунисты будут вынуждены облегчить жизнь людей и ввести что-то вроде "нового нэпа". Вторые утверждали, что важнее руками иностранцев свергнуть коммунистическую диктатуру, а оккупировать всю Россию враги все равно не смогут, поэтому народ с ними как-нибудь справится, как справился с Наполеоном.

РОВС к концу 30-х стал быстро распадаться. В 1936 г. бывший командир Дроздовской дивизии генерал Туркул, чтобы "всколыхнуть эмигрантское болото", объявил о создании независимой организации - "Русского национального союза участников войны", начал издавать в Болгарии свою газету "Сигнал" и за раскольников был со своими сторонниками исключен из РОВС. На Дальнем Востоке с момента японской оккупации Маньчжурии усилились позиции Семенова, а когда в 1937 г. умерли генералы Дитерихс и Хорват, он стал здесь единоличным главой эмиграции и о подчинении какому-то РОВС и мысли не допускал, организовав собственный "Союз резервистов". А после похищения Миллера и отставки Абрамова процесс распада пошел еще более интенсивно. В марте 1938 г. председателем РОВС стал генерал Архангельский. Но ему было уже 66 лет, да и особым авторитетом он не обладал, в гражданскую занимая должность всего лишь начальника одного из отделов штаба у Врангеля. Поэтому считались с ним все меньше. Из-за разногласий о возможности сотрудничества с немцами откололся начальник 2 отдела РОВС фон Лампе и создал свое "Объединение русских воинских союзов в Германии". Но немцы даже с такой "самодеятельностью" не желали

считаться, допуская существование только официальных организаций. Поэтому учредили Управление делами русской эмиграции, начальником которого назначили генерала В. В. Бискупского.

Перед лицом надвигающейся военной грозы делались и попытки консолидации сил. В сентябре 1938 г. в Белграде состоялась встреча руководителей РОВС Архангельского, Абрамова, Барбовича и Витковского с председателем НТС В. М. Байдалаковым, договорились о необходимости сотрудничать и взаимно координировать действия. А в октябре того же года умер великий князь Кирилл Владимирович. На роль престолонаследника и главы императорского дома выдвинулся его сын, Владимир Кириллович, личные качества которого куда более способствовали налаживанию плодотворных контактов. В декабре состоялась его встреча с председателем РОВС, и с этого момента пошло улучшение отношений между белогвардейцами и "кирилловцами". Да и монархисты тоже наконец-то получили возможность сплотиться вокруг реальной кандидатуры.

Ну а дальше все покатило кувырком. Сперва эмигрантов ошеломило соглашение между СССР и Гитлером, выбив почву из-под ног и у "оборонцев", и у "пораженцев". И сразу вслед за этим в Европе вспыхнула Вторая мировая. 2. 9. 1939 г., после объявления мобилизации, многие эмигранты и их дети - те, кто успел получить гражданство Франции, были призваны в армию. И одновременно среди других эмигрантов начались массовые аресты. Те же оборонческие и просоветские организации, которым еще недавно попустительствовали французские власти, считая СССР союзником, теперь были закрыты и разгромлены. Одни угодили в лагеря интернированных по подозрению в просоветских симпатиях, другие - по

подозрению в связях с немцами, третьи просто как "подозрительные иностранцы".

Когда Советский Союз начал боевые действия против Финляндии, была сделана попытка использовать эту войну для борьбы с большевизмом и создать русские добровольческие части из военнопленных. Для этого в Хельсинки выехал бывший сталинский секретарь Бажанов, действовавший по согласованию и при поддержке РОВС, который предоставил в его распоряжение свои кадры в Финляндии. Финский главнокомандующий К. Г. Маннергейм - сам бывший российский генерал и организатор Белой гвардии в своей стране - одобрил инициативу и обещал всяческое содействие. Правда, пленных тут оказалось очень мало. При том позорном характере войны, которую вело советское руководство, гнавшее в лоб на мощные укрепления "линии Маннергейма" дивизию за дивизией, живых почти не оставалось. Но все же в лагере, который финны предоставили для эксперимента Бажанову, из 500 пленных вызвалось сражаться против коммунистов 450 (ну еще бы, когда "родная" власть так обошлась со своими защитниками, посылая их на убой под пулеметами заградотрядов). Офицерский состав был набран из белогвардейцев - капитан Киселев, штабс-капитан Луговой. Но дальше формирования дело не зашло, война быстро кончилась, и Бажанов должен был выехать, чтобы не осложнять переговоров о мире. Солдат-добровольцев финны не выдали, предоставив им свое гражданство.

А затем обстановка снова изменилось коренным образом. Гитлеровцы одерживали победу за победой, захватывая одну страну за другой и заставив капитулировать Францию. В оккупированных государствах создавались управления по делам эмиграции, действовавшие под эгидой германской администрации. В Варшаве начальником такого

управления был назначен генерал Войцеховский, в Париже - казак Ю. С. Жеребков. Предписывался учет и регистрация всех лиц с "нансеновскими" паспортами, т. е. не имеющих гражданства. Их предполагалось направлять на работу в военную промышленность. Однако подавляющее большинство эмигрантов от регистрации уклонялось и всячески старалось ее избежать. Да и эмигрантское начальство, назначенное немцами, в данном вопросе не особо усердствовало. Что касается различных русских партий, движений, культурных и научных обществ, то все они были запрещены и прекратили свою деятельность. Продолжал работу только НТС, приняв решение о переходе в подполье. А многие русские совершенно различной политической ориентации уже летом 1940 г. вступали в группы Сопротивления или становились их организаторами. Так что ситуация складывалась парадоксальная - эмигрантское зарубежье включалось в борьбу с Гитлером еще тогда, когда Сталин оставался его верным союзником.

18. Политические зигзаги и закоулки

В мае 1939 г. в статье, заказанной для французской газеты "Пари суар", бежавший на Запад дипломат и разведчик Бармин писал:

"Есть все основания считать, что Сталин уже давно стремится к союзу СССР с германским Рейхом. Если до сих пор этот союз не был заключен, то только потому, что этого пока не хочет Гитлер". И еще в мае 39-го это сочли совершенным абсурдом, а статью не опубликовали (в августе схватились за голову, вспомнив об упущенной сенсации). Хотя Бармин, будучи по своему положению лицом довольно информированным, приводил и конкретные факты - что переговоры с Гитлером начались с 1937 г., в обстановке глубочайшей секретности. Они велись через полпреда СССР в Германии К. К. Юренева, которого весьма любезно

принимали в "интимной" резиденции фюрера Бертехсгадене, и через торгпреда в Германии и Швеции Д. В. Канделаки, встречавшегося с нацистским руководством "вне рамок официальных государственных отношений" - в качестве личного посланца Сталина. О чем шла речь на этих встречах, какие договоренности были достигнуты, навсегда осталось тайной. Оба посланца исчезли в мясорубке репрессий в 1938 г. Как считали и Бармин, и переводчик Сталина Бережков, они "слишком много знали".

Г. Хильгер, сотрудник германского посольства в Москве, также подтверждает в своих записках, что "оба государства шли навстречу друг другу весьма постепенно". Но некоторые шаги к сближению можно увидеть и "невооруженным глазом". Например, в том же 37-м в ходе общих репрессивных кампаний были уничтожены все руководители компартии Германии, нашедшие убежище в СССР и продолжавшие по инерции нацеливаться на "борьбу с фашизмом". А на тех, кто укрылся от нацистов в других странах, советские спецслужбы начали настоящую охоту (так, один из главных германских коммунистических лидеров В. Мюнценберг эмигрировал во Францию, долгое время ему удавалось благополучно скрываться, но в 1940 г., когда в связи с войной он был интернирован, два агента НКВД нашли и прикончили его даже в лагере). Оставили "на развод" только откровенных "шестерок", вроде Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта, готовых избрать генеральным секретарем хоть Гитлера, если Сталин прикажет. Так что и Тельман, если бы не попал за решетку в Германии, вряд ли дожил бы до 44-го - все же немцы относились к таким важным фигурам более бережно и до последнего момента считали нужным держать "про запас". Гитлеру не могла не импонировать и другая сторона тогдашних чисток в советском руководстве - ведь уничтожалось поколение

"старых большевиков", а оно в значительной доле состояло из евреев. Фактически, в кремлевском окружении остались только такие представители этой нации, кто готов был демонстративно отказаться от своей этнической принадлежности, вроде Кагановича и Мехлиса, заявлявшего: "Я не еврей, я коммунист".

В этом же году Политбюро вдруг приняло решение, строго запрещавшее своей разведке засылать агентов в Германию и создавать там агентурные сети, причем решение было почти немотивированным, якобы из опасения "провокаций". А с теми агентами, которые уже там действовали - например, группой Харнака и Шульце-Бойзена, завербованной в 1936 г., связь была прервана. Нет, Сталин не собирался остаться совсем без "глаз и ушей" в Германии, но изменение его внешнеполитического курса вызвало широкомасштабную перетряску всех механизмов разведки - одних только резидентов в разных странах было отозвано и уничтожено около 40 чел. Впрочем, тут наложились и другие факторы. Во-первых, уже отмечалось, что у СССР было несколько разведок - по линиям разведупра РККА, ИНО НКВД, Коминтерна, и еще с 20-х между ними существовало соперничество не менее, а порой и более жестокое, чем между конкурирующими гитлеровскими спецслужбами - Абвером, гестапо и СД. Известно, скажем, что НКВД порой внедряло своих шпионов в... агентурные сети армейской разведки. Для работы против нее. А в конце 30-х соперники попали в полную власть НКВД, что и аукнулось для них огромными потерями. Ну а во-вторых, действовали общие закономерности сталинских репрессий- после ареста Берзина вычищали "людей Берзина", после Ягоды - "людей Ягоды" и т. д. Но что касается переориентации разведки на новые задачи, то она происходила в течение осени 1937 - начала 1938 гг. И если где-то в сентябре 37-го засылка новых агентов

ГРУ РККА вообще вдруг была приостановлена, то с марта 38-го она возобновилась, однако уже под обновленным руководством и со скорректированными целями. То есть, как раз в этом промежутке стратегическая ориентация Сталина перестроилась в новом направлении.

Можно отметить и некоторые ответные шаги со стороны Германии. Так, в 1936-37 гг. на ее территории было арестовано довольно много советских военных, которые транзитом через страны Центральной и Западной Европы направлялись в Испанию и зачастую попадались нацистской полиции из-за неправильно оформленных документов, собственных ошибок или по наводкам агентуры. И как раз в начале 38-го немцы вернули их Советскому Союзу.

Но внешне в советско-германских отношениях еще ничего не изменилось. И до 1939 г., казалось бы, не менялось. Гитлеру все еще требовалось демонстрировать непримиримый антисоветизм. Пойди он на открытое сближение с СССР, разве позволили бы ему так легко осуществить аншлюс Австрии в марте 1938 г.? А в сентябре того же года разве расстарались бы Англия с Францией удовлетворить его аппетиты Мюнхенским соглашением? Правда, фюрер готов был и к началу военной операции против Чехословакии, но сами же немцы впоследствии признавали, что этот план оказался бы нереальным. И Гитлер тоже это признал, осмотрев мощнейшие укрепления, понастроенные чехами в Судетах. Знаменитые танковые армады, с помощью которых Германия одерживала дальнейшие победы, еще не существовали - и важную роль в их создании сыграл захват чешских заводов "Шкода". А германские генералы после мюнхенского подарка с облегчением вытирали пот и отмечали, что у них для прорыва такой укрепленной полосы не имелось даже

достаточного запаса снарядов - их хватило бы только на 2 недели боев.

Пожалуй, тут стоит сделать некоторое отступление. В советской литературе, как известно, всегда подчеркивалось, что в развязывании Второй мировой войны определяющую роль сыграли "империалистические державы", подталкивавшие Гитлера к нападению на СССР и своим попустительством позволившие ему усилиться. Ну а на Западе, да и у нас в "демократических" кругах в аналогичной роли соучастника традиционно выступает Сталин, без сговора с которым нацисты не смогли бы начать реализацию своих завоевательных планов. Нет, я вовсе не собираюсь выступать адвокатом Иосифа Виссарионовича, но хочу лишь подчеркнуть, что исторический подход к данному вопросу попал в систему "двойных стандартов". И мне кажется, что Горбачев совершенно напрасно скрывал от общественности и стыдливо прятал в своей секретной папке пакт Молотова-Риббентропа. Ведь Мюнхенского соглашения никто не прятал - Чемберлен размахивал им перед толпой, вернувшись в Англию. Просто давно пора бы взглянуть на события прошлого более объективно и признать, что в катастрофе последующей войны оказались равно виноваты обе стороны - и СССР, и западные демократии. Обе стороны стремились обыграть в свою пользу нацистский фактор, а Гитлер этим и пользовался, умело лавируя и маневрируя между их интересами. И если война не началась бы без пакта Молотова-Риббентропа, то она точно так же не началась бы без Мюнхена, без молчаливого согласия с аншлюсом Австрии, без попустительства в восстановлении вооруженных сил...

Более компетентные и опытные иностранные исследователи, например, У. Ширер, не желая идти против очевидных фактов, пытаются провести

градацию виновности тоньше. Дескать, Англия и Франция при заключении Мюнхенского соглашения действовали ошибочно, но "бескорыстно". А Сталин принял от нацистов часть Польши - вот и стал фактическим соучастником разбоя. Однако при этом случайно или преднамеренно упускается то обстоятельство, что и Польша при содействии Запада успела поучаствовать в разделе Чехословакии. И по Мюнхенскому договору с удовольствием отхватила Тешинскую область с богатыми угольными копями и четвертьмиллионным населением. Так что считать Польшу безвинной жертвой агрессии, а СССР - "обманутым хищником", было бы, пожалуй, тоже однобоко.

Ну а что касается советских демаршей в отношении Чехословакии выдвижения к западным границам 30 дивизий, заявления о готовности оказать помощь, если о ней попросят, то это никак не могло быть серьезным намерением. Общей границы с чехами у СССР тогда не имелось. И не мог же Сталин надеяться, будто его войска пропустит через свою территорию Польша участница раздела, или Румыния, целиком зависимая от западных покровителей! Так что данные действия были лишь демонстрацией силы, рассчитанной на то, чтобы показать миру свою принципиальность и противопоставить себя Западу, так легко предающему друзей. Но уж, наверное, демонстрация предназначалась и для Гитлера - серьезный намек, что в последующих планах ему стоит учитывать и советские интересы. А заодно и показать свою терпимость к германским действиям - дескать, оцените, мы могли бы вам помешать, а все же не помешали. Кстати, сходную позицию занял Муссолини в случае с захватом Австрии и стал с тех пор лучшим другом Гитлера. А официальная дипломатическая реакция Москвы на действия немцев оказалась достаточно сдержанной.

Наконец, и полный захват в марте 1939 г. остатков Чехословакии, вроде бы, принятых под международную гарантию безопасности, разве сошел бы Гитлеру с рук, если бы не все та же надежда сравнить его с Россией. Западные политики тоже разбирались в географии и видели, что для нападения на Францию или Польшу у него есть все возможности, а на пути в СССР, к сожалению, другие страны лежат. Так чего ж мешать туда продвигаться? Но и другая сторона вела себя довольно выразительно - 30 тыс. чехов, бежавших от оккупации в Советский Союз, автоматически отправились в лагеря...

И все же, несмотря на тщательно демонстрируемое противостояние и взаимные поливы с высоких трибун, были области, где в 1937-39 гг. СССР и Германия уже сотрудничали. Например, описанная ранее операция спецслужб по похищению Миллера и превращению эмиграции в прогерманскую пятую колонну, судя по всему, была совместной. Ведь немцев требовалось как-то проинформировать об открывающейся возможности, чтобы они смогли ее использовать. Скоблин, работавший на СД, неизбежно засвечивался в качестве агента НКВД. Да и для приманки, вероятно, использовались настоящие германские офицеры - ведь Миллер вполне мог проверить этот факт.

А в качестве еще более яркого и масштабного примера сотрудничества можно привести Китай. Вообще надо отметить, что при рассмотрении предвоенного периода внимание историков фокусируется, в основном, на Европе, а восточные события упоминаются вскользь, как бы доведком к западным. Хотя тут завязался самый сложный узел международных противоречий, сыгравший важную роль в последующих событиях. Напомним, что в ходе Первой мировой свое господствующее положение в Китае утвердила Япония, что очень не понравилось Америке и

Англии. И в результате Вашингтонской конференции 1922 г. была провозглашена политика "открытых дверей", лишившая Японию ее приобретений и сводившая ее влияние на нет из-за невозможности на равных конкурировать с США. И Токио стал действовать подспудно, поддерживая своих ставленников из числа областных китайских правителей, фактически поделивших страну между собой.

А в 1924-25 гг. в Китае началась революция во главе с Сунь Ятсеном, которого в роли лидера гоминьдана вскоре сменил Чан Кайши. Революция проходила под национальными, демократическими и "антиимпериалистическими" лозунгами - т. е. нацеливалась против политики как западных держав, так и Японии, превращавших Китай, по сути, в свою полуколонию. По большевистским понятиям, такое движение было прогрессивным и годилось, чтобы сделать на него ставку. СССР оказал революции значительную поддержку, но после крупных успехов в 1927 г. - взятия Нанкина и Шанхая, когда победа казалась уже обеспеченной, в Москве сочли, что пора избавляться от Чан Кайши с его гоминьданом и выдвинуть на лидирующую роль коммунистов. Через советских военных и политических советников привести его к крупному поражению, вызвать недовольство в народе и свалить ударом в спину. Интрига окончилась полным провалом. Чан Кайши разгромил изменивших ему коммунистов, и гражданская война закончилась половинчатым результатом. Точнее, она даже и не закончилась, поскольку Китай остался поделенным между враждующими или заключающими временные союзы силами - гоминьданом и несколькими областными правителями, а коммунисты сохранили влияние в ряде партизанских районов.

Отношения СССР и Чан Кайши, таким образом, прервались - его режим объявили фашистским. Да и с

компартией Китая контакты Москвы значительно испортились - там возобладала так называемая "лилисаневщина" - по имени одного из лидеров, Ли Лисаня, утверждавшего, что победа коммунизма в Китае невозможна без мировой революции, а значит основную нагрузку должен взять на себя Советский Союз путем прямого военного вторжения. Но вторжение осуществил не СССР, а Япония, в 1931 г. захватившая Маньчжурию, свергнув там своего прежнего ставленника Чжан Сюэляна и организовав марионеточную "империю" Маньчжоу-Го. Причем международная реакция на этот акт агрессии была более чем сдержанной. Во-первых, из-за мирового кризиса, а во-вторых, по той же причине, по которой великие державы смотрели сквозь пальцы на "шалости" Гитлера. Из-за предположения, что Япония вскоре схлестнется с русскими.

Однако вместо этого она в 1937 г. развернула войну за покорение всего Китая. Для Советского Союза Япония и в самом деле представляла угрозу и являлась соседом крайне неудобным, на границе то и дело происходили вооруженные провокации. И Кремль решил поддержать ее противников. Через посредничество Москвы в этом году был заключен договор о создании "единого антияпонского фронта" между гоминьданом и коммунистами, и СССР снова стал оказывать помощь Чан Кайши, направляя к нему военных специалистов, оружие и снаряжение - с тем, чтобы определенная часть передавалась и коммунистическим частям.

Но на Чан Кайши делали ставку и в нацистской Германии! Потому что понятие реванша включало в себя не только возврат прежних позиций в Европе, но и утраченных сфер колониального влияния. А немецкие владения в Китае отняла именно Япония, и в Берлине прекрасно понимали, что и теперь Токио завоеванного

им не уступит. Немцы тоже помогали Чан Кайши вооружением и техникой, слали инструкторов. Вот и получилась парадоксальная ситуация, когда союзники по "антикоминтерновскому пакту" боролись друг против друга, причем гитлеровцы действовали совместно с Коминтерном - по линии которого и шла китайцам советская поддержка. (Впрочем, и японцы платили немцам той же монетой. Скажем, уже после оккупации Польши финансировали и поддерживали польское Сопротивление, чтобы получать через него разведданные и о Германии, и о России). Ну а СССР и Германия, получается, в одни и те же годы действовали рука об руку в Китае, а в Испании противостояли друг дружке. Что поделаться, вот так уж запутанно сложилась международная ситуация. На одних театрах оказывалось выгоднее сотрудничать, на других играть каждому за себя.

Возможно, непростой спецификой советско-германских отношений объясняется и пресловутая "загадка Зорге". Да кстати, он и сам представлял своей биографией чуть ли не иллюстрацию этих отношений. Немец по отцу русский по матери, родился в Баку - сознательную жизнь начал в Германии. Рос ее патриотом, и добровольцем пошел на фронт Первой мировой, заслужив Железный крест 2-й степени. Потом сошелся с коммунистами, и при попытке революции 1923 г. командовал отрядом боевиков. Напомним, что в тот раз предполагался союз коммунистов с националистами и национал-социалистами. После провала путча был приглашен в Москву, где учился и, судя по некоторым данным, работал в разведке Коминтерна, выполняя различные задания в Германии, Англии, Скандинавских странах. Однако в эти же годы поддерживал контакты и с немецкими крайне-правыми, был в дружбе с высокопоставленными командирами штурмовиков. Возможно, в рамках своих заданий. И

кроме того, уже говорилось, что непреодолимой пропасти между коммунистической и нацистской идеологией тогда не существовало, а союз с Россией даже видными нацистами зачастую рассматривался как неременное условие возрождения Германии.

В 1929 Зорге перешел в Разведупр РККА, был направлен в Китай. То есть опять работал в таком регионе, где интересы обеих стран были близки. И в те годы, когда шло особенно интенсивное сближение вплоть до проектов военного союза против Запада. Был ли он в данное время связан с германскими коллегами, остается неизвестным. Но в 1933 г., когда его перенацелили на Японию, отправился туда через Берлин. Это в самый разгар гонений на компартию, при наличии в архивах полиции богатых материалов на Зорге! Тем не менее, никто его не арестовал, на нем совершенно не сказались нацистские "запреты на профессию". Наоборот, он легко получил аккредитацию от влиятельной "Франкфуртер цайтунг" - любимого детища Геббельса, и от ДНБ Немецкого Информационного Бюро, представлявшего собой на деле одну из "крыш" СД. Удивительно? Да, если не учитывать, что само по себе коммунистическое прошлое вовсе не было криминалом в глазах нацистов. А у Зорге к данному моменту связи с НСДАП были уже давние и весьма солидные. Взять хотя бы тот факт, что на обед в честь его отъезда в Японию пожаловали сам Геббельс, его заместитель Функ и начальник информационного отдела партии Боле.

Кроме журналистской работы, Зорге вступил в "личную переписку" с главой ДНБ фон Ритгеном, причем каждое письмо, по сути, представляло собой очень толковое и полное разведдонесение, а периодически высылались и обобщающие доклады. То есть, стал "двойником". А поскольку и в гестапо, и в 3 отделении СД (внутренняя разведка) на него существовали

внушительные досье, то Ритген оказался в затруднении, можно ли использовать ценную информацию Зорге? И Гейдрих после долгих споров и колебаний принял компромиссное решение - использовать можно, но подвергать тщательной проверке и держать Зорге под контролем. Но даже самая строгая проверка ни разу не выявила ни малейшего обмана и подтасовок. Донесения Зорге заслуживали у экспертов самой высокой оценки.

Не выявил ничего и контроль. Ведь в Токио Зорге сблизился с военным атташе, а впоследствии послом Оттом, который сам был зубром разведки, и 8 лет откровенно водить его за нос, как порой изображают в литературе, было бы непросто. А в 1940 г. в качестве атташе по вопросам полиции в Токио прибыл один из опытейших сыщиков гестапо штандартенфюрер Мейзингер - в Германии, а позже в Польше он специализировался на подпольных коммунистических организациях, так что в данном вопросе ему были "все карты в руки". Он был специально ознакомлен с делом Зорге и получил задание организовать наблюдение за ним. Однако и он ничего нелояльного и вредного для Германии в действиях Зорге не нашел. Мало того, "журналист" оказывал и Отту, и Мейзингеру большую помощь, снабжая их качественной и малодоступной информацией о хитросплетениях японской политики, добытой через свою сеть, и подсказывал всегда точные выводы и прогнозы.

Так что в итоге Отт, Мейзингер и Зорге сошлись душа в душу, их называли не иначе как "посольской тройкой". И хотя японская контрразведка начала интересоваться Зорге еще в 1940 г., но посол и эмиссар гестапо всегда его выгораживали, имея весомые основания" считать его своим агентом. Когда же в октябре 1941 г. его все же арестовали, Отт и Мейзингер потребовали немедленного освобождения.

В работе этого разведчика действительно много неясного. Очень может быть, что он во многом способствовал сближению СССР и Германии. Скажем, информацией о подлинном содержании "антикоминтерновского пакта", которая подтвердила в Москве декларативность этого названия. Освещал противоречия между Берлином и Токио в Китае и Тихоокеанском регионе. В данном случае Зорге оказался прав - политика союзников по пакту отличалась крайней несогласованностью и взаимным недоверием. В 1939 г., когда Гитлер втихаря наводил мосты с Москвой, Япония развязала войну на Халхин-Голе, и пакт Молотова-Риббентропа, подписанный в самый разгар боев, стал для нее неприятной неожиданностью. А в апреле 1941 г., когда Германия вовсю готовила вторжение в Россию, японцы отплатили той же монетой и заключили пакт о ненападении с СССР. Впрочем, и сами немцы в тот момент подталкивали японскую агрессию на юг - чтобы связать на этом театре Англию и создать угрозу для США. А с Советским Союзом Гитлер рассчитывал и сам справиться. И соответственно, по своему усмотрению делить плоды победы. Это уже во время боев, встретив более сильное сопротивление, чем ожидалось, Берлин стал теребить Токио насчет объявления войны России.

Но Япония на этот счет руководствовалась собственными соображениями. В Монголии она уже потерпела поражение и на легкую прогулку не надеялась. И к тому же, весьма ограниченные запасы сырья и горючего не позволяли ей вести войну на два фронта. Для нее вообще требовалась такая война, которая "кормит войну". В южном направлении это было возможно. А Восточная Сибирь и Дальний Восток, хотя и располагали огромными природными ресурсами, но слабо освоенными. Они жили за счет привозных товаров, промышленных - на 90%, продовольственных -

на 60%. Поэтому пополнить израсходованные стратегические запасы японская армия тут не смогла бы. И существовали подозрения, что она завязнет там, истощив свои ресурсы, а Гитлер этим воспользуется и надует, захватив из-под носа богатые районы Китая, Индокитая и тихоокеанских островов.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в период репрессий 30-х годов было отозвано в СССР и уничтожено много зарубежных агентов, и в 1939 г. готовился и отзыв Зорге, выдвигенца расстрелянного Берзина. Центр уже забрасывал удочки насчет вызова "на совещание" - но затем вдруг пошел на попятную, и в 1940 г. отзыв был окончательно отменен. В некоторых источниках приводится другая версия - будто Зорге получил такой вызов, но отказался ехать. Что еще более странно - почему же его тогда не устранили, а простили такое вопиющее непослушание и продолжали числить своим агентом? Скорее, он все же не отказался, а тянул с выездом и спускал на тормозах, пока отношение к нему не переменилось. А причиной для этого в 1939-40 гг. вполне могли стать его тесные связи с нацистской верхушкой.

Как рассказывал Г. К. Жуков в беседе с сотрудниками "Военно-исторического журнала", Берия знал о том, что Зорге - "двойник" и докладывал об этом Сталину! Возможно, в период альянса с Гитлером советские спецслужбы вполне устраивала такая его роль? Но в этом случае понятно и то, почему не поверили его предупреждениям о готовящемся нападении Гитлера на Советский Союз. А самым крупным успехом Зорге принято считать информацию о том, что Япония не намерена денонсировать пакт с СССР. Информацию, позволившую в критическую осень 1941 г. снять часть войск с Дальнего Востока и перебросить под Москву. Но... он ведь и Германию проинформировал о том же. То есть, практически

подсказал немцам, что против них могут вскоре появиться свежие дальневосточные дивизии!

А, передав в сентябре радиограмму, что Япония не нападет на СССР, он вдруг доложил, что дальнейшее его пребывание в Токио бесполезно, и для дальнейшей работы он намерен перебраться в... Германию. Спрашивается: почему бесполезно, если в посольстве он мог и дальше черпать самые ценные данные? Если Япония готова была вот-вот вступить в войну против Англии и США? И в отношении России разве не мог ее курс измениться под влиянием каких-либо обстоятельств? Тем не менее, он вознамерился бросить все отлаженные связи, мощнейшую агентурную сеть и ехать в Германию, где заведомо очутился бы "под колпаком" - это в лучшем случае.

Стоит отметить и то, что на следствии и суде Зорге сознался в работе на Советский Союз, а вот о работе на немцев не упомянул ни разу. Хотя и без того его арест привел к крупному дипломатическому скандалу, и посол Отт был объявлен персоной нон грата, но рассказы Зорге о шпионаже в пользу Германии, это нанесло бы еще больший вред ее отношениям с Токио. Может быть, разгадка и состоит в том, что Зорге старался совершенно искренне и честно работать как на СССР, так и на Германию? Потому что был одним из тех, кто считал необходимым объединение обеих держав для борьбы с западным "империализмом". Возможно, на смысл его деятельности проливает свет одна фраза из собственных показаний: "Не следует забывать, что моя работа в Китае и позднее в Японии носила совершенно новый, оригинальный, и к тому же творческий характер".

И не выбрал ли он для себя куда более значительную роль, чем сбор и передача информации - скажем, вместо скромного подсобного винтика в машине международной политики попытаться самому

делать эту политику? А усилия прилагал именно к сближению Германии и СССР?

Некоторые возможности для таких действий он и в самом деле имел. Через попавшего под его влияние Отта корректировал линию посольства в Токио и старался воздействовать на общую стратегию МИД Германии. Через своего агента, видного политолога Ходзуми Одзаки, входившего в "группу завтрака" мозговой штаб принца Коноэ, возглавлявшего правительство в 1937-38 и 1940-41 гг., он не только получал важные сведения, но мог и оказывать некоторое влияние на выбор политических решений Японии (чем и пользовался). Как раз Коноэ на основании рекомендаций и анализа своих советников признал бесперспективность войны на севере и выдвинул программу создания "великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания", включающей Индокитай, Индию, Индонезию и "страны южных морей".

И можно выдвинуть гипотезу, что решение Гитлера об агрессии против СССР показалось Зорге грубейшей ошибкой (как это показалось и многим видным деятелям в нацистском руководстве). Тогда последующие действия разведчика находят четкое объяснение. Например, он считал, что ошибку еще не поздно предотвратить или исправить - если германское командование встретит сильный отпор и поймет, что победа не так близка, как кажется. Отсюда не только предупреждение Центра о готовящемся нападении, но и взаимная информация сторон о возможности переброски войск с Дальнего Востока. А порыв бросить все дела в Японии и ехать в Германии мог означать, что через свои обширные связи в нацистских верхах Зорге намеревался сам предпринять какие-то шаги в сторону гипотетического примирения.

То, что он так и не признался в работе на немцев, тоже логично, это вбило бы лишний клин в и без того непростые японо-германские отношения, а в конечном счете, сыграло бы на руку их западным противникам, англичанам и американцам. А раскрытие советской принадлежности давало Токио лишний шанс для неофициальных контактов с Москвой. Потому что в вопросе войны Гитлера против СССР Япония была единомышленницей и объективной союзницей Зорге. Она тоже считала нападение катастрофической ошибкой фюрера. Из германских источников известно, что в 1942-43 гг. японцы неоднократно обращались в Берлин, убеждая его в необходимости заключить компромиссный мир на Восточном фронте и предлагая себя в посредники. Причем эти попытки встречали одобрение ряда высокопоставленных нацистов (скажем, Гейдриха), но напрочь торпедировались Риббентропом и встречали решительный отказ Гитлера.

У многих историков вызывает удивление то обстоятельство, что от ареста Зорге до суда над ним прошло почти два года, а смертный приговор был приведен в исполнение еще через год с лишним после вынесения. Очевидно, японцы в самом деле держали его "про запас", как одну из возможностей для наведения мостов с СССР. И кстати, неоднократно пробовали таковые забросить. По свидетельству одного из видных разведчиков генерала Томинага Япония трижды обращалась в советское посольство, выражая готовность обменять или даже выдать Зорге жестом "доброй воли". И всякий раз получала один и тот же ответ: "Человек по имени Рихард Зорге нам неизвестен". Лишь 7. 11. 44 г., когда определилось окончательное нежелание идти на контакты, разведчик был повешен. Знаменательно и то, что "своим" Зорге признали в СССР только 20 лет спустя после гибели, и тогда же ему посмертно присвоили звание Героя

Советского Союза. Впрочем, я готов признать, что изложенная здесь мотивация действий знаменитого разведчика является всего лишь авторской версией, и соответственно, на ее объективность претендовать не могу.

19. Союзники

В мировой исторической литературе прочно утвердилась версия, что резкое сближение Сталина и Гитлера началось в августе 39-го - дескать СССР сперва ориентировался на создание антифашистской коалиции с западными державами и лишь затем, не встретив особого желания к сотрудничеству, принял предложение Германии о союзе с ней. Что является искаженным штампом, сформировавшимся в массовом сознании, поскольку именно так преподносились и комментировались события политиками и прессой, вот и образовался устойчивый информационный стереотип. Но рассмотрим эти события подробнее.

В марте 1939 г. нацисты завершили окончательный захват Чехословакии и присоединили к Рейху независимую область г. Мемеля (Клайпеды). И сразу же обозначили следующую жертву: 21. 3 Риббентроп вызвал польского посла Липского и выдвинул тяжелые требования о присоединении к Германии Данцига (Гданьска) и экстерриториальных железных дорогах через всю Польшу, которые связали бы Берлин с Восточной Пруссией. То есть, полностью повторялась история с Судетской областью Чехословакии. Теперь уже и коню могло быть ясно, что Мюнхенскими презентами Гитлер не удовлетворился, и западные державы сочли, что его наглость зашла слишком далеко. 31. 3 Великобритания, а за ней и Франция предоставили гарантии военной помощи Польше на случай агрессии. Аналогичные гарантии были даны Румынии и Греции.

17. 4 нарком иностранных дел Литвинов вызвал британского посла в Москве и вручил ему советские предложения о создании единого фронта с Великобританией и Францией. Но камнем преткновения стало условие, что государства, которым угрожает нападение, должны принять гарантии военной помощи не только от Запада, но и от СССР. Поясняем: в случае войны (или, скажем так, "угрозы войны") Советский Союз имел бы право ввести войска на их территорию. То бишь Англии и Франции в закамуфлированной форме предлагалось за союз против Гитлера отдать эти страны коммунистам. Любопытно, что даже столь умный и проницательный деятель, как У. Черчилль, считал, что условия нужно было немедленно принимать - и придерживался такой точки зрения не только в 1939 г., но писал об этом и в своих послевоенных мемуарах. Он расценивал происходившее как торг Сталина, выбирающего, к какой стороне примкнуть, и утверждал: хуже, чем случилось, все равно не могло быть. Потому что СССР все равно получил потом интересующие его области, но уже в качестве союзника Германии. Да только отдать за здорово живешь большевикам своих "демократических" союзников Запад не ре-1 шалея, и Черчилль сохранил уверенность, что проволочка с ответом на советские предложения стала роковой для Европы. Иначе, мол, война против Гитлера могла развиваться совсем иначе.

3. 5 Литвинов, лидер прозападного направления в советской политике, был отстранен от должности, и на его место назначили Молотова. Этот недвусмысленный жест подтолкнул англичан хоть к каким-то действиям, и 8. 5 британское правительство наконец-то соблаговолило ответить на советские предложения, приветствуя инициативу создания единого фронта и постаравшись в округлых фразах обойти вопрос о советских "гарантиях". Не тут-то было. На следующий

день ответ был в пух и прах раскритикован в заявлении ТАСС, а 10. 5 в "Известиях". 19. 5 по данному вопросу состоялись слушания в британском парламенте, с речью выступил премьер-министр Чемберлен, соглашаясь с необходимостью союза и снова не ответив на связанные с этим щекотливые условия. А 31. 5 прозвучало ответное выступление Молотова, четко расставившее все точки над "1". Дескать, Москва стоит за эффективное сотрудничество, а не сотрудничество на словах. А эффективное сотрудничество возможно только после подписания соответствующего договора с Англией и Францией. И непременно условием должно стать принятие советских гарантий Польшей, Румынией, странами Прибалтики и Финляндией.

Государства, за счет которых шел торг, пребывали в панике. Разумеется, все они были против. Польша заявляла: "С немцами мы рискуем потерять свободу, с русскими - нашу душу". Мюнхенский пример того, как мало считаются западные покровители с суверенитетом "друзей", был еще слишком свеж, и Финляндия с Эстонией предупреждали Лигу Наций: если подобные гарантии будут даны без их согласия, они расценят это как акт агрессии. А разъяснения Молотова вогнали их в такой шок, что в тот же день, 31. 5, Латвия и Эстония поспешили подписать пакты о ненападении с Германией (вот наивные-то!).

12. 6 Британия направила для переговоров в Москву своего спецпредставителя Стрэнга, опытного дипломата, но по рангу второстепенного чиновника. Советская сторона не преминула квалифицировать данное обстоятельство как оскорбительное. А переговоры мгновенно зашли в тупик из-за того же нежелания Польши и Прибалтики, чтобы их "спасали" коммунисты. 15. 6 Москва фактически прервала переговоры, предложив перевести их на военный уровень. Запад снова подошел к делу легкомысленно,

10. 8 от Англии был направлен адмирал Дрэкс, не имевший даже письменных полномочий, а французскую миссию возглавил генерал Думенк, начальник не слишком высокого ранга, не способный выходить за узкие рамки данных ему инструкций.

И ясное дело, ничего путного опять не вышло. Делегатов повозили физиономиями по столу, сопоставив количество дивизий, которые готовы были выставить в состав объединенных сил их державы и СССР. Маршал Ворошилов ужаснул зарубежных коллег, откровенно называя территории, на которые претендовал в качестве "союзника" - Львов, Перемышль, Вильнюс. А 22. 8 обе делегации вообще не могли разыскать советского маршала. Нашелся он только после обеда и огорошил их заявлением: "Вопрос о военном сотрудничестве с Францией висит в воздухе уже несколько лет, но так и не был разрешен... Французское и английское правительства теперь слишком затянули политические и военные переговоры. Ввиду этого не исключена возможность некоторых политических событий..."

Оказалось, что Германия сделала Советскому Союзу выгодные контрпредложения, и в Москву уже летит Риббентроп. А поздно вечером был подписан пакт о ненападении с Германией. Плюс секретные приложения, отдававшие Сталину именно те государства и регионы, которые он пытался получить у Англии с Францией...

Еще раз напоминаем, что все это - официальная историческая версия. О том, как мало общего она имеет с действительностью, говорит красноречивый факт. Пакт Молотова-Риббентропа был подписан 22. 8, а война против Польши началась 1. 9. Первоначально же планировалась на 25. 8 - в последний момент Гитлер перенес ее на неделю из-за колебаний Италии. Так неужели возможно, чтобы германская армия

развернулась и изготовилась к грандиозной наступательной операции за два дня? Или хотя бы за девять? Или такая широкомасштабная подготовка проводилась, все время оставаясь под угрозой срыва из-за позиции Советского Союза, ведущего как раз в этот момент переговоры с Западом об антифашистской коалиции? А ну как Риббентроп не договорился бы со Сталиным? А ну как Сталин воспринял бы всерьез предыдущие заявления Гитлера, что движение немцев на восток направлено только против России? Значит, по крайней мере, существовал серьезный риск, что война против поляков автоматически перерастет в войну против СССР? Однако план наступления на Польшу, известный под кодовым названием "Вайс", разработка которого завершилась 3 апреля 1939 г., не предусматривал даже возможности подобного столкновения! То есть, некие закулисные договоренности или хотя бы достоверная информация о взаимной позиции в это время уже имелись.

Можно уверенно утверждать, что Сталин хорошо знал о планах Гитлера относительно Польши еще в 1938 г., как и о том, что на данном военном театре СССР и Германия будут выступать заодно. Потому что в августе 38-го. Коминтерн вдруг распустил компартии Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии. Отметим, не просто репрессировали руководителей, вызвав на очередной конгресс в Москву - такое-то со многими компартиями случалось. А тут вообще ликвидировали как организации, что представляет собой уникальное явление в коммунистической практике. Характерна и формулировка. Партии были объявлены "прибежищем реваншистских националистов" и "очагом вражеских контрразведок". Обратите внимание - не "фашистов", а "националистов", не "разведок", а "контрразведок". В Москве знали о национальном чувстве поляков, которое не уступит партийной дисциплине - в 1920 г. такое уже

случалось, когда польские левые отнюдь не пожелали стать пятой колонной и помогали мобилизовать силы для отпора, даже сами формировали "красный легион" на защиту отечества. Тем более не подчинились бы они команде поддержать немцев. Вот партию и распустили, чтобы на ее базе не возникло организованного сопротивления. А заодно и западно-белорусскую и западно-украинскую компартии, которые воспитывали на антифашистских лозунгах, науськивали обличать "сговоры" Пилсудского с Гитлером, так что вряд ли они были способны "правильно понять" сговор с Гитлером Сталина. И на подобный "подарок" фюрер тоже должен был обратить внимание.

Проследим дальше эту подспудную линию, затерявшуюся за яркой ширмой неудачных переговоров о "едином фронте". Как уже говорилось, в марте 1939 после аннексии Чехословакии и предъявления претензий к Польше последовали англо-французские военные гарантии Варшаве. То есть, Запад давал понять фюреру, что больше он дармовых кусков не получит. А значит, дальнейшая игра на сугубо антисоветских лозунгах стала уже ненужной. И в Москве тоже поняли, что от тайных связей на уровне спецслужб можно переходить к открытому диалогу. 17. 4. 39 г., в тот же самый день, когда в Москве прозвучали предложения Литвинова о союзе с Англией и Францией, в Берлине заместителя министра иностранных дел Вайцзеккера посетил советский поверенный в делах Астахов. Предлогом для визита было уточнить судьбу военных заказов, размещенных на заводах "Шкода" еще в бытность Чехословакии независимой. Однако после обмена мнениями на этот счет советским представителем было сделано важное политическое заявление: "Идеологические разногласия почти не отразились на русско-итальянских отношениях, и они не обязательно должны явиться

препятствием также для Германии. Советская Россия не воспользовалась нынешними трениями между западными демократиями и Германией в ущерб последней, и у нее нет такого желания. У России нет причин, по которым она не могла бы поддерживать с Германией нормальные отношения. А нормальные отношения могут делаться все лучше и лучше".

Из одновременности шагов в сторону Англии и Германии Черчилль сделал вывод, что Советский Союз попытался торговаться с обеими сторонами. В чем позволительно усомниться. Ясное дело, что подобное заявление не могло быть сделано послом по собственной инициативе. Но оно не могло инициироваться и наркомом иностранных дел - как уже отмечалось, Литвинов в своей политике был ярким "западнофилом" и антинацистом. Следовательно, инициатором шага мог быть только сам Сталин. И именно параллельность этого конфиденциального обращения с открытым заявлением наркома от 17 апреля давала ясно понять Гитлеру, что оно сделано вообще через голову Литвинова. Что участь наркома уже предрешена. А значит, его предложениям Западу не стоит придавать серьезного значения. Похоже, фюрер это понял. 28. 4 - то есть как раз после получения дружественного сигнала из Кремля, он вдруг денонсировал германо-польский пакт о ненападении. Под предлогом того, что недавние англо-польские гарантии, допускающие возможность войны с Германией, противоречат этому пакту. А заодно в ответ на "политику окружения", как окрестил фюрер данные гарантии, разорвал и морское соглашение с Великобританией. Ранее уже упоминалось, что морское соглашение ни малейших практических выгод немцам не давало, оно лишь юридически закрепляло попустительство Западу к нарушениям Версальского договора. Но сам факт разрыва тоже много значил -

Гитлер таким образом продемонстрировал, что в попустительстве уже не нуждается и подстраиваться к западным интересам больше не хочет.

Сталин тут же отреагировал следующим шагом навстречу - отставкой Литвинова. В зарубежной литературе почему-то утвердилось мнение, будто опала постигла его из-за неудачи с демаршем в сторону Запада, т. е. из-за промедления с ответом на его предложения. На самом же деле он висел в воздухе еще тогда, когда делал эти предложения, раз посольство в Берлине уже действовало без его ведома. И опала была вызвана не неудачей линии наркома, а самой этой линией. Немцам даже сочли нужным лишний раз растолковать случившееся. 5. 5 поверенный в делах в Берлине Астахов заявил высокопоставленному дипломату Ю. Шнурре, что отставка Литвинова, "вызванная его политикой альянса с Францией и Англией", может привести к "новой ситуации" в отношениях между СССР и Германией. А назначенный на место Литвинова Молотов вообще никогда не занимался дипломатической работой, то есть заведомо был свободен ото всех обещаний и заверений предшественника. Кое-какой опыт в иностранных делах он имел, но только в качестве руководителя Коминтерна, а это было далеко не одно и то же, что сферы официальной международной политики. Поэтому в данных сферах он мог лишь озвучивать волю Сталина, да и считался одним из самых верных его псов. Наконец, что тоже немаловажно, в отличие от Литвинова, он не был евреем.

Германия реверанс приняла и мгновенно сделала еще несколько шагов навстречу - похоже, была к ним готова. По команде Геббельса вся пресса тут же сменила тон, прекратив всякие нападки на "большевизм" и обрушившись на "плутodemократию". В партийных изданиях последовали разъяснения, что

геополитические установки фюрера некоторыми понимаются неверно: мол, "лебенсраум", то есть жизненное пространство на Востоке, о котором он так часто говорил, на самом деле заканчивается на советских границах. И причин для конфликта с СССР у Германии совершенно нет, если только Советы не вступят в "сговор об окружении" с Польшей, Англией и Францией. А посол в Москве Шуленбург, вызванный в Берлин для консультаций, вернулся оттуда с предложениями о выгодных товарных кредитах на долгосрочной основе.

Так что никакого настоящего "торга" с Западом, собственно, и не было. Сталин просто тыкал в глаза международной общественности свою готовность к сотрудничеству "во имя мира". И до последнего момента морочил головы западным "союзникам", всячески выставляя на вид их собственную вину в срыве соглашений. А заодно подсказывал Гитлеру, какие территории его интересуют. Уж конечно, он прекрасно знал, что ему "демократы" несколько государств не подарят. Да если бы и подарили, это, скорее всего, был бы лишь еще один Мюнхен. Точно так же, как Гитлер, получив Чехословакию, отнюдь не считал себя должником и послушным союзником Запада, так и Сталину с чего было становиться верным другом англичан, получив Прибалтику и часть Польши? Что бы ему помешало даже в случае уступки всем требованиям заключить потом союз с Гитлером, который был ему гораздо ближе по духу, чем демократические лидеры? Да неужели не нашел бы благовидного предлога разорвать с ними отношения! И ясное дело, по их вине. Так же, как по их вине сорвались переговоры о едином антифашистском фронте. Впрочем, тут они и сами хороши были, поскольку эффективных военных соглашений с СССР заключать и в самом деле не собирались, а делегации в Москву слали для отвода

глаз. Время потянуть - авось, само рассосется, свою общественность успокоить, да может, и Гитлера на пушку взять возможностью союза.

И весьма характерно, что за демонстративной шумихой англо-франко-советских переговоров так и остались тайной настоящие переговоры - с немцами. То, что они должны были проходить, это факт. Не мог же, в самом деле, Риббентроп нежданно примчаться в Москву с готовыми предложениями, которые советская сторона так же с ходу подмахнула после беглого прочтения. Наверняка понадобилась огромная и кропотливая работа по предварительному согласованию всех деталей. В архивах германского МИД обнаружена инструкция, направленная послу в Москве еще 30. 5: "В противоположность ранее намеченной политике мы теперь решили вступить в конкретные переговоры с Советским Союзом".

Сами же переговоры шли настолько конспиративно, что о них не знали даже члены сталинского Политбюро и гитлеровские военачальники. По данным дипломата и сталинского переводчика В. М. Бережкова, конкретная подготовка пакта велась с 3. 8 в Берлине - между Астаховым и нацистским дипломатом Шнурре, и в Москве, между послом Шуленбургом и Молотовым. Т. е. началась эта подготовка даже раньше, чем англофранцузская делегация с множеством проволок выехала в СССР. Политбюро Сталин проинформировал лишь 19. 8, неожиданно для присутствующих сообщив о намерении заключить пакт с Германией. А в 23 часа 21. 8 германское радио передало сообщение, что Рейх и Советы договорились заключить пакт о ненападении. За сутки до его подписания. Т. е. все вопросы были уже утрясены, и в Берлине были уверены, что союз будет заключен.

А утром 22. 8, когда Риббентроп только еще направлялся в Москву, Гитлер провел в Оберзальцберге

совещание с командующими видами вооруженных сил, где тоже с полной уверенностью говорил: "С самого начала мы должны быть полны решимости сражаться с западными державами. Конфликт с Польшей должен произойти рано или поздно. Я уже принял такое решение весной, но думал сначала выступить против Запада, а потом уже против Востока. Нам нет нужды бояться блокады. Восток будет снабжать нас зерном, скотом, углем..."

На этом же совещании он говорил и другое: "С осени 1933 года ... я решил идти вместе со Сталиным... Сталин и я - единственные, которые смотрят только в будущее... Несчастливых червей - Даладые и Чемберлена, я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас. Они не смогут осуществить блокаду. Наоборот, у нас есть наша автаркия и русское сырье... В общем, господа, с Россией случится то, что я сделал с Польшей. После смерти Сталина, он тяжелобольной человек, мы разобьем Советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства".

Нам неизвестно, был ли кем-то Гитлер дезинформирован насчет тяжелой болезни Сталина или сам верил в то, во что ему хотелось верить - что с ним бывало неоднократно, или просто очередной раз блефовал перед подчиненными, что за ним тоже частенько водилось. Но отсюда тоже видно, что к советскому лидеру он относился с большой долей уважения, считая его достойной политической фигурой. И то, что стратегический план, о котором он говорил еще в 32-33 гг. - сначала покончить с Западом, а потом напасть на Россию, оставался в силе.

Кстати, для использования державшегося про запас "русского козыря" именно в 1939 г. у фюрера была еще одна очень весомая причина. Дело в том, что средства для экономического скачка в Германии, чудес "четырёхлетнего плана", милитаризации

промышленности, вооружения огромной армии были добыты нацистскими "финансовыми гениями" за счет грандиозных афер и авантюр. В общем-то, вся мощь Третьего Рейха базировалась на натуральных "финансовых пирамидах", которые вот-вот грозили рухнуть. Германия очутилась на грани чудовищного дефолта, который мог обрушить ее обратно в состояние кризиса и похоронить все достигнутое. Поэтому Гитлеру требовались уже не только территориальные приобретения, но и война сама по себе, как таковая. Война, которая спишет все долги и перечеркнет все проблемы. Так что "новый Мюнхен" за счет Польши, если бы даже такой и состоялся, был фюреру абсолютно не нужен, даже опасен. Он боялся вмешательства в последний момент каких-нибудь очередных "миротворцев". А стало быть, и надобность в поддержании "дружбы" с Западом отпала. А для неизбежной войны "друзей" он мог найти только на Востоке.

И фюрер их нашел. После подписания договора сразу же развернулось самое тесное сотрудничество. 1. 9 немецкие войска вторглись в Польшу, а 17. 9, когда польская армия уже была разгромлена, границу перешли советские дивизии. На следующий день они встретились с немцами, организовывались совместные "парады победы", культурно-массовые и спортивные мероприятия. Отношения между сторонами установились прекрасные - тем более, что часть офицерства, служившая еще с догитлеровских времен, воспитывалась в духе дружбы с Россией и издавна считала ее естественным союзником, а произошедшее - долгожданным торжеством здравого смысла над временными разногласиями. Шло и дальнейшее политическое сближение. Интересно отметить, как "начинающие" агрессоры нацисты перенимали в большой политике богатый коммунистический опыт.

Например, при составлении коммюнике по поводу оккупации Польши Сталин указал, что в немецком варианте факты изложены "слишком откровенно". И сформулировал вопрос так: дескать, целью России и Германии является "восстановление мира и порядка в Польше, которые были подорваны развалом польского государства, и оказание помощи польскому народу в установлении новых условий для его политической жизни". Немцы от такой формулировки были просто в восторге.

Если по первоначальным советско-германским договоренностям после разгрома Польши на ее урезанной территории предполагалось оставить слабенькое марионеточное государство, то 19. 9 Молотов намекнул на другой вариант. Такое, мол, государство будет постоянным источником напряженности, да и разногласий между СССР и Германией, так зачем оно вообще нужно? 25. 9 Шуленбург доносил в Берлин, что Сталин считает ошибочным сохранение Польши на оставшихся после изъятия территориях и предлагает Варшавскую провинцию добавить к немецкой доле, а немцы за это откажутся от Литвы, которая изначально относилась к их сфере интересов. "Если мы согласны, то Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы Прибалтийских государств в соответствии с протоколом от 23 августа и ожидает в этом, вопросе безоговорочной поддержки со стороны немецкого правительства. Сталин выразительно указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию".

Немцев подобный дележ вполне устраивал, и уже 27. 9 в Москву снова примчался Риббентроп. И в тот же день советское правительство предъявило ультимативное требование Эстонии о размещении на ее территории военных баз, куда предполагалось направить 2 дивизии и авиабригаду - как сообщал

Риббентроп, "пока без упразднения существующей системы". 28. 9 был заключен полномасштабный "Советско-германский договор о дружбе и границе", закрепляющий раздел в Восточной Европе. А Гитлер на основании достигнутых договоренностей уже в этот день приказал эвакуировать из Эстонии и Латвии 86 тыс. "фольксдойче". Т. е. насчет дальнейшей судьбы прибалтийских стран между сторонами недомолвок не было, так что зря некоторые исследователи, вроде У. Ширера, изображают последующую аннексию как неприятный сюрприз для фюрера. Тут можно добавить любопытный факт - по возвращении в Берлин Риббентроп восторженно говорил, что чувствовал себя среди сталинского окружения так свободно и вольготно, "словно оказался среди товарищей по партии".

Очень быстро наладилось и взаимодействие спецслужб. Точнее, просто перешло на легальную основу, успев окрепнуть за предшествующие два года. Так, волнения "национальных меньшинств" и столкновения их с поляками, которые явились для Сталина официальным предлогом для присоединения польских территорий, организовывались германской разведкой через подконтрольных ей украинских националистов - ведь компартий Западной Белоруссии и Западной Украины в тот момент уже не существовало. Советско-германский протокол от 23. 8. 39 г. в одном из пунктов предусматривал и борьбу общими усилиями против "польской агитации", поэтому совместными стали и операции гестапо и НКВД по "политической чистке" Польши от нежелательных элементов. Одних подгребали в советские лагеря, других в немецкие, и кому "повезло" больше, трудно сказать. Широко обменивались информацией, помогали друг другу разыскивать людей, которыми интересовались коллеги. При наступлении немцев хлынули на восток многие

тысячи беженцев. Их тоже вылавливали и выдавали гитлеровцам для использования на принудительных работах. А отступающие и сдающиеся русским польские части отправлялись в места не столь отдаленные. В том числе, в печально-известную Катынь. Выдавали новым союзникам и немецких антифашистов, ранее эмигрировавших в СССР (многие из которых уже пребывали в системе ГУЛАГа). Всего до лета 1941 г. было передано в руки гестапо около тысячи бывших германских граждан (по другим данным - около 4 тыс.). Стоит отметить, что гестапо в данном отношении вело себя более щепетильно (или дальновидно), и русских антикоммунистов на родину не выдавало. Даже когда они замечались в деятельности, враждебной Рейху, карало их само.

Впрочем, еще раз подчеркну, что если с моральной точки зрения действия Сталина по разделу Польши вряд ли заслуживают оправдания, то с точки зрения "большой политики" не стоит подходить к ним в системе двойных стандартов, а тогдашняя большая политика оказалась с соображениями морали вообще несовместимой. И в руководстве Англии и Франции действовали ничуть не меньшие циники и подлецы, чем в Кремле. А Гитлер этим пользовался, продолжал на этом играть. Например, 11. 8. 39 г., в разгар подготовки к войне, он счел нужным встретиться с верховным комиссаром Лиги Наций Буркхардтом и сделал ему заявление: "Все, что я предпринимаю, направлено против России. Мне нужна Украина, чтобы нас не могли морить голодом, как в прошлую войну".

В это же время шли переговоры в Лондоне, и хотя для нацистов они были отвлекающим маневром, но англичане-то об этом не знали. И к возможности антироссийского альянса относились совершенно недвусмысленно. 1. 8 советник Кордт доносил в Берлин: "Великобритания изъявит готовность заключить с

Германией соглашение о разграничении сферы интересов...".

Обещает, мол, свободу рук в Восточной и Юго-Восточной Европе и не исключает отказ от гарантий, предоставленных "некоторым государствам в германской сфере интересов". То есть Польше. А также обещает прекратить переговоры с Москвой и надавить на Францию, чтобы та разорвала союз с СССР. Так стоит ли удивляться, что на переговоры с советским руководством поехала делегация из второстепенных лиц без достаточных полномочий? И стоит ли однозначно, а главное - односторонне осуждать Сталина за то, что он предпочел немцев англичанам и французам? Нет, как ни крути, а в начале Второй мировой, точно так же, как и в начале Первой, "правой стороны" вообще не было. Все виноваты оказались. Даже Польша, пусть и в меньшей степени - как уже отмечалось, в Мюнхене и она поучаствовала.

Ну а взять само нападение на Польшу - разве только альянс Гитлера со Сталиным обеспечил его успех? А откровенное попустительство западных держав разве не в той же мере обеспечило германскую победу? Скажем, британский посол в Берлине Гендерсон в первые дни войны всю носился с идеей очередного предательства младшего союзника. Сообщал в Лондон, что первым условием для "спасения мира" должно стать "объявление маршалом Рыдз-Смиглы о его готовности немедленно прибыть в Берлин в качестве военного и полномочного представителя и обсудить все вопросы с фельдмаршалом Герингом". И жаловался, что "поляки саботируют мирное решение" - это когда их давили германские танки! Чемберлен колебался, лавировал, тянул время. Подтолкнул его к активным действиям только скандал в палате представителей. Ведь действительно, вся его политика "умиротворения" позорно провалилась. Гитлер Англии в рожу плевал, а

ему все еще улыбочки строили. И лидер оппозиции А. Эмери резонно заявлял: "Доколе мы будем заниматься пустой болтовней, когда Британия и все, что ей дорого, и сама цивилизация находятся под угрозой?.. Наш долг - выступить вместе с французами".

Кабинет Чемберлена повис на волоске, и он должен был согласиться, что, конечно же, "вместе с французами" в данном случае выступить придется. Но в том-то и дело, что еще труднее было заставить выступить самих французов. Потому что Великобритания на своих островах могла позволить себе бушевать и возмущаться, даже объявлять войны, а непосредственные боевые действия, в основном, ложились на долю Франции. И начинать эти боевые действия она совершенно не хотела. Так что между Парижем и Лондоном пошли долгие споры насчет ультиматума немцам: стоит ли его предъявлять, когда предъявлять, какой срок давать Гитлеру на выполнение требований. В результате, Англия и Франция объявили Германии войну лишь 3. 9, когда вооруженные: силы Польши были уже основательно разгромлены. Но и это вызвало в Берлине весьма подавленное настроение. А то и близкое к панике. Потому что хотя Германия и успела подготовиться к кампании более основательно, чем против Чехословакии, но все равно, была еще не та, что в 1940-41 гг. Чтобы сокрушить Польшу, Гитлеру пришлось бросить против нее почти все свои силы. На западе у него осталось только 23 дивизии. Против 110 французских. И как свидетельствовал Кейтель: "При наступлении французы наткнулись бы лишь на слабую завесу, а не на реальную немецкую оборону".

Все могло кончиться одним решительным ударом. И Польшу спасли бы. И агрессора уничтожили. Да только удара так и не последовало. Вместо этого началась "странная война". Франция даже потребовала, чтобы Англия не бомбила военные и промышленные объекты

внутри Германии, чего, кстати, немцы тоже очень боялись в тот момент. Словом, война началась только для того, чтобы политики смогли сохранить лицо. А Польшей пожертвовали запросто - тем более, что за ней лежал уже Советский Союз. Так может, все-таки сцепятся? И в конце 39-начале 40 гг., когда у Запада еще сохранялась надежда на мир с Германией и на этот счет пытались вести переговоры с немецкими оппозиционерами, один из вариантов предусматривал "урегулирование восточного вопроса в пользу Германии". В частности, сторонником этого варианта являлся папа римский, выражавший готовность выступить посредником в достижении мира. Поэтому объяснять особенности "странной войны" чистым "пацифизмом", как это делают западные авторы, вряд ли объективно. Одни хищники надеялись выиграть за счет уничтожения друг друга чужими руками, а в итоге выигрывал третий хищник, только и всего.

Формально Советский Союз не объявлял войну Англии и Франции (впрочем, и Гитлер сперва не хотел раздувать раньше времени конфликт с ними, даже запретил своим подводным лодкам топить британские корабли, чтобы не подтолкнуть к активным действиям и не нарушить выгодное ему состояние "странной войны"). Но фактически Сталин всю помощь союзнику в борьбе против Запада. На эту борьбу перенацеливались все подконтрольные Москве компартии. 31. 10. 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР Молотов так обосновывал новую идеологическую линию: "За последние несколько месяцев такие понятия как "агрессор", "агрессия" получили новое конкретное содержание... Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите,

меняются... Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это - дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма", прикрываемая фальшивым флагом "борьбы за демократию"... Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является прочным условием прочного мира в Европе".

Коминтерн предписал коммунистам всех стран "начать широковещательную кампанию против войны и разоблачать происки Англии". И глава этой организации, прежний обличитель нацизма Георгий Димитров, теперь провозглашал: "Легенда о якобы справедливом характере антифашистской войны должна быть разрушена".

На полную катушку заработал против врагов Гитлера советский пропагандистский аппарат. Коммунистическое радио изливало в их адрес потоки грязи и подтасовок. Как отмечал Черчилль: "Их коммунистическая "пятая колонна" делала все, что могла, для того, чтобы помешать работе наших заводов".

Устраивались стачки, забастовки, мелкие диверсии. Широко шел сбор разведданных.

Полным ходом начались поставки в Германию продовольствия, горючего, ценного стратегического сырья. В 1939 г. немцам предоставили товарный кредит на 180 млн. марок, потом еще на 500 млн. Только за 12 месяцев, с февраля 1940 по январь 1941 гг. СССР поставил Гитлеру 1 млн. т. кормовых злаков, 900 тыс. т. нефтепродуктов, 100 тыс. т. хлопка, 500 тыс. т. фосфатов, 100 тыс. т. хромовой руды, 300 тыс. т. железа и чугуна, 2400 кг платины, марганцевую руду, металлы, лес. Немцам разрешили пользование

Северным морским путем, дозаправку и ремонт судов, в том числе и военных, в советских портах. В плане морской войны существовал еще один немаловажный аспект. С началом боевых действий США объявили нейтралитет, но оставались себе на уме и провозгласили во внешней торговле принцип "плати наличными". Это уже позже, в декабре 1940 г., откачав у дружественной Британии все золотовалютные запасы (4,5 млрд. долл. наличными и 335 млн. в американских акциях), они приняли закон о ленд-лизе. А принцип "плати наличными" формально сохранял за Америкой полный нейтралитет, поскольку предоставлял воюющим сторонам равные возможности, но считалось, что все равно это выгоднее Англии, господствующей на морях. Однако СССР помогал немцам решить и эту проблему: закупал у Штатов нужные военные товары и перегонял в Германию через Владивосток по железной дороге. Таким же путем, не подвергаясь опасности от вражеского флота, переправлялись и другие грузы из Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии - каучук, олово, соевые бобы.

Шла поддержка немцев на дипломатическом уровне. После вторжения в Норвегию и Данию Молотов заявлял: "Советское правительство относится с пониманием к тем мерам, которые были навязаны Германии".

При вторжении во Францию: "Мы желаем Германии полного успеха в ее оборонительных мерах".

Но кстати, и Англия с Францией рассматривали в то время СССР как фактического союзника Гитлера. До открытого объявления войны не дошло едва-едва. Например, в период Финской войны в Шотландии начал формироваться экспедиционный корпус в 57 тыс. чел. для отправки на помощь финнам. И хотя Норвегия и Швеция 2. 3. 40 г. отказались пропустить его через свою территорию, руководство западных держав все равно

подталкивало Финляндию официально запросить у них помощь. Да только Маннергейм оказался умнее - он видел, как Англия и Франция воюют на собственном фронте, как они "помогли" Польше, и справедливо усомнился, что они очень уж рьяно вступятся за Финляндию. Поэтому вместо их предложений одобрил 8. 3 направление в Москву мирной делегации.

Британская разведка вынашивала планы диверсий на бакинских нефтепромыслах, откуда шло снабжение немцев. А лорд Горт и генерал Паунелл всерьез разрабатывали фантастический проект удара по Германии... с востока. Дескать, укрепления линии Зигфрида слишком сильные, поэтому целесообразнее наступать из Ирана через Кавказ, попутно разгромить Советский Союз - и атаковать Германию с того направления, где она защищена слабее. Правда, в июне 1940 г. Черчилль написал личное письмо Сталину, предупреждая об опасности нацистских завоеваний - в том числе и для России. А в Москву для переговоров был направлен Стаффорд Криппс - специально один из самых левых лидеров лейбористов. Но он удостоился лишь формальной и холодной беседы. А письмо Черчилля, как и содержание разговора с Криппсом, Сталин передал Шуленбургу. Что расценивается в западной исторической литературе как "поразительная близорукость" кремлевского вождя. Но почему? Разве это была не обычная во всех войнах попытка столкнуть лбами союзников из противостоящей коалиции?

А они и в самом деле были союзниками. Во время поражения Франции, когда группа советских разведчиков получила задание проехать по театру военных действий и составить для Центра общую картину происходящего, поездка была предпринята в открытую, на машине с российскими дипломатическими номерами - ее немцы всюду пропускали и встречали с полным радушием. По воспоминаниям Л. Треппера,

офицеры Вермахта и СС искренне поднимали тосты за дружбу и заявляли, что нацизм и коммунизм идут к одной цели, хотя и разными путями. И выражали глубокую признательность: "Если удачи нашего наступления превзошли все ожидания, то это благодаря помощи Советского Союза, который дал нам бензин для наших танков, кожу для наших сапог и заполнил зерном наши закрома".

Ну а немцы "платили по счетам". Видимо, Сталин все-таки осторожничал и не хотел рисковать раньше времени, поэтому операцию по захвату Прибалтики он начал только после разгрома Англии и Франции. Для подготовки на местах в три республики были направлены специальные эмиссары, все трое - фигуры весьма примечательные. В Эстонию поехал Жданов, в Латвию - Вышинский, в Литву - приятель Берии Деканозов. И как раз при вступлении немцев в Париж прибалтам были предъявлены ультиматумы одинакового содержания, требующие отставки их правительств, ареста некоторых членов руководства и ввода такого количества советских войск, какое Москва сочтет нужным. Через месяц последовала инсценировка выборов, и "вновь избранные парламенты" проголосовали за вступление в СССР. Германия при этом свое слово сдержала, и письма с протестами, с которыми прибалтийские послы в Берлине попытались обратиться к германскому правительству, были им возвращены по указанию Риббентропа.

Да и германские спецслужбы, имевшие сильную сеть в Прибалтике, тоже союзникам пособили. Помогли в запугивании и терроризировании местных политических и общественных деятелей, в распространении слухов и создании нужной атмосферы, в организации "революций", провозгласивших советскую власть. Правда, при этом постарались и своих агентов пристроить на те или иные посты. Ну да и

большевики в долгу не остались, внедрив множество своих разведчиков в массу немцев-репатриантов, выезжавших из Прибалтики в Германию. Но даже аресты выявленных обеими сторонами шпионов отношений между коллегами отнюдь не испортили. Уж такая работа, и в спецслужбах это прекрасно понимали. А кто попался - что ж, сам виноват, все равно теперь не вернешь...

20. Точка выбора

Было ли столкновение СССР и нацистской Германии неизбежным? Вопрос неоднозначный. По стратегическим идеям Гитлера - да. Завоевание "жизненного пространства" на Востоке он ставил целью еще во время написания "Майн Кампф", а приведенные выше высказывания, как и многие другие, показывают, что он и в начале правления, и в преддверии Второй мировой держал про себя замысел, который в итоге и осуществил - сначала сокрушить Запад, а потом осуществить вторжение в Россию. Но как уже отмечалось, цитаты и высказывания фюрера нельзя считать достаточно строгим доказательством. Причем если в тактическом лавировании и изменениях своей линии он действовал четко "по-ленински", то в полной мере обладал и другой привычкой Ильича - никогда не признавался в предыдущих обманах или ошибках, а просто переставал вспоминать о них. Например, социалистические пункты его программы так никогда и не были отменены. Однако и в жизнь их воплощать никто не думал.

И если он несколько раз упоминал о грядущей войне с Россией, то другие высказывания, сделанные во второй половине 1939 - начале 40 гг., дают почву для предположений, что в данный период он допускал и развитие союзных отношений с СССР - по крайней мере, на ближайшее время. В частности, он заговорил о проектах уже не "евроазиатской", а "евроафриканской"

империи. Можно здесь вспомнить и тот факт, что японцев он тоже считал лишь временными союзниками, в глаза называя "арийцами Азии", а за глаза "желтыми обезьянами". Их независимая политика и нежелание поступаться собственными интересами очень его раздражали, и конфликт с ними он тоже считал неизбежным, неоднократно подчеркивая, что рано или поздно Германия наведет свой порядок в Азии и умерит аппетиты Токио. Но это "когда-нибудь", в неопределенном будущем.

С другой стороны, необходимо учитывать, что более-менее прочная блокировка с Гитлером получалась только у тех государств, которые соглашались на роль его младшего партнера. Если не сразу, как Румыния, Болгария и Словакия, то со временем - как Италия, которая в 1934 г. еще могла угрожать войсками слабой Германии и препятствовать аншлюсу Австрии, в 1939 г. заставляла считаться со своими мнениями о вступлении в войну, но с 1940 г., обделавшись во Франции и Греции, сошла на второй план. Такие союзники фюрера устраивали, поскольку оказывались по сути его вассалами. И он, кстати, оставлял за собой полное право наказывать собственных союзников, как поступил с Югославией в 1941 г., с Италией в 1943 г. или с Венгрией в 1944 г.

Поэтому можно предположить, что и для СССР война не обязательно должна была начаться в 41-м. Замысел этой войны мог и дольше сохраняться на уровне перспективной идеи, а конкретная реализация отложиться на будущее, трансформироваться в иные формы, и в принципе, нельзя исключать другие возможности развития событий, иную их очередность, а в итоге - и иной "исторический сценарий". Когда же и по каким причинам планы Берлина вернулись в антисоветское русло? Еще после встречи "дружественных армий" в Польше опытные германские

вояки отметили и доложили фюреру, что переоценивали мощь, которой так бахвалился Сталин, что вооружение у русских слабое и устаревшее, солдаты плохо обучены, а молодые командиры, выдвинувшиеся на смену репрессированным кадрам, в профессиональном плане близки к нулю.

Однако главным фактором, совершенно уронившим былой советский авторитет в глазах Гитлера, стали результаты Советско-финской войны ноября 1939 - марта 1940 гг., когда огромная страна с неисчерпаемыми ресурсами так и не смогла одолеть маленькое, слаборазвитое государство и, бездарно положив массу солдат (67 тыс. чел., а по некоторым неофициальным данным и свыше 200 тыс. - против 23 тыс. убитых в финской армии) вынуждена была заключить компромиссный мир, сделав вид, будто добилась всего желаемого. Хотя, конечно же, изначально планировался полный захват Финляндии - даже марионеточное "правительство" во главе с Куусиненом уже было создано. Кстати, нетрудно увидеть, что при выдвижении ультимативных требований к Хельсинки Сталин учел чехословацкий опыт Гитлера, который тоже сперва потребовал лишь Судетскую область. Но отдать Карельский перешеек с "линией Маннергейма" значило бы примерно то же, что отдать мощные укрепления в Судетах. Согласись на это финны, остальная их территория могла быть захвачена мгновенно и в любой подходящий момент - как Чехословакия. На этом примере нетрудно увидеть и то, как развивались бы чешские события, не будь Мюнхена - несмотря на неравенство сил, немцы обломали бы зубы точно так же, как советские войска в Финляндии.

Очередной толчок к будущему конфликту дали события лета 1940 г. После капитуляции французов в Компьене Молотов вызвал германского посла и проинформировал, что "решение бессарабского вопроса

больше не терпит отлагательства", и в ночь на 26. 6 СССР предъявил ультиматум Румынии, выдвигая требования на Бессарабию и Сев. Буковину и предоставив один день для ответа. Румыния была в шоке, ее прежняя покровительница Франция была только что разгромлена, и она принялась взывать к Германии и по дипломатическим каналам, и по линии своего Генштаба, обратившегося за помощью к ОКБ и доказывающего, что "обстановка на Востоке становится угрожающей из-за сосредоточения русских у границ Бессарабии". А немцы и сами пребывали в полной панике, поскольку целиком зависели от румынской нефти! И начнись там война, то что бы помешало Сталину не ограничиться Бессарабией и захватить всю Румынию? И все - Кремль получил бы возможность диктовать Гитлеру любые условия, держа руку на вентиле месторождений в Плоешти. Захоти он вдруг перекрыть этот канал, и Германии нечем стало бы заправлять свои танки и самолеты. И противостоять русским в тот момент было нечем, поскольку на период операции во Франции на Востоке было оставлено всего 5 дивизий. И Берлин употребил отчаянные усилия, чтобы убедить румын принять ультиматум.

Опасность миновала, но Гитлер очень остро ощутил уязвимость своей позиции. Да и вопрос с Финляндией начал рассматриваться теперь по-другому. Ведь там, под боком находилась еще одна очень уязвимая точка немцев шведская железная руда, без которой военная промышленность Германии тоже не смогла бы работать. И, наконец, не удалось достичь мира с Англией, на что рассчитывал фюрер. И он резонно рассуждал, что Англию поддерживает надежда на вмешательство России, что подтверждалось также письмами и визитами посланцев Черчилля в Москву, о чем добросовестно, по-союзнически, передал Сталин. Гитлер к нему относился как к крупному и серьезному

политику. А, следовательно, судил о нем по себе. Ну а сам он разве колебался, когда ради выгоды требовалось сменить ориентацию?

И идея о нападении на Россию стала все больше выходить на первый план. В июле 1940 г. фюрер отдал распоряжение Генштабу начать проработку планов войны на Востоке. О необходимости такой войны с целью "уничтожения жизненной силы России" говорил на совещании с военачальниками 31. 7. 40 г. В августе заведующего экономическим отделом германского военного министерства генерала Томаса предупредили, что поставки в Россию должны рассматриваться только до весны следующего года. А тут еще наложился новый кризис на Балканах. Поскольку Россия вернула отнятую у нее после Первой мировой Бессарабию, это послужило прецедентом для исправления границ и для Венгрии с Болгарией. Они тоже вознамерились вернуть утраченные территории и уже готовы были начать войну с Румынией. В которую, как опасались в Берлине, вполне может вмешаться и СССР. 28. 8 обстановка настолько накалилась, что Гитлер приказал привести в боевую готовность 5 танковых, 3 моторизованных дивизии, парашютно-десантные войска, чтобы в случае чего захватить и удержать нефтеносные районы. Но и этот кризис удалось решить мирным путем. 30. 8 на переговорах в Вене Германия и Италия потребовали, чтобы венгры, румыны и болгары приняли компромиссное решение - Румыния отдает половину Трансильвании Венгрии, Южную Добруджу Болгарии. Румыны вынуждены были согласиться, но их королю Каролю это стоило престола. В результате общенародного возмущения он отрекся в пользу сына Михая, прихватил любовницу Магду Лупеску, 10 вагонов ценностей и укатил в Швейцарию. А настоящим властителем стал генерал Ион Антонеску, занимавший прогерманскую позицию. В Румынию была направлена

немецкая военная миссия вооружать румын, защищать нефтеносные районы, готовить силы "если будет навязана война с Россией". А заодно и Венгрия с Болгарией, получив щедрые подачки, вошли в фарватер германской политики.

Что вызвало крайне негативную реакцию Москвы. Потому что планируя использовать Гитлера в качестве "ледокола революции", Балканы тут рассматривали уже как советскую зону интересов, и губы на нее раскатали основательно. Пошел обмен сердитыми нотами, где Кремль указывал на нарушение третьей статьи пакта с нацистами - о том, что стороны обязаны консультироваться по "вопросам, представляющим обоюдный интерес". Возмущение вызвало и присутствие германских войск в Финляндии - правда, на тот момент они попадали туда только транзитом, для следования в Норвегию, но в Москве справедливо полагали, что этим не ограничится, и видели помеху для собственных планов захвата данной страны. Германский МИД отбрехивался, что насчет прибалтийских республик СССР тоже не консультировался. А Молотов 21. 9 в ответе на меморандум Берлина снова отмечал, что "у России все еще есть интересы в Румынии"

И все же вопрос о войне или сохранении союза с Россией еще оставался открытым. Над планами вторжения в Генштабе уже трудились, но пока это были только предварительные проработки, ни к чему не обязывающие. Стоит вспомнить, что существовали и другие подобные планы, которые так и не были никогда осуществлены. "Морской Лев" - план вторжения в Англию. Причем тут не только военные планы были уже полностью подготовлены, но и планы работы эйнзатцкоманд, зоны их действия на оккупированной британской территории, списки для арестов. Но фюрер несколько раз переносил дату начала операции (как и начало операции против Франции), а потом потихоньку

спустил на тормозах. Существовал план "Феликс" по захвату Гибралтара, Португалии, Канарских, Азорских островов, островов Зеленого Мыса и Мадейры. В разные годы прорабатывались варианты вторжения в Швейцарию, Турцию, оккупации дружественных Болгарии и Италии - на всякий случай.

А точка "окончательного решения" относительно СССР наступила только в ноябре 1940 г. Дело в том, что на соображения о целесообразности войны с Россией накладывались и другие факторы. Как и на соображения о целесообразности операции "Морской Лев". Ведь Великобритания была в то время сильна не столько метрополией, сколько наличием колоний, полукolonий и доминионов - Индия, Канада, Австралия, Южная Африка, Египет и еще множество владений разной величины и весомости. Черчилль говорил о готовности даже в случае захвата Англии продолжать борьбу, перенеся руководство в Канаду. Гитлер считал иначе - что при разгроме метрополии вся эта колониальная махина развалится. Но в обоих случаях "переварить" подобные объемы самой Германии было проблематично, тем более при отсутствии сильного морского флота. И возникало опасение, что основную тяжесть борьбы за Британские острова взвалют на себя немцы и потери понесут при этом значительные, а воспользуются главными плодами их победы другие - США и Япония.

Но и в Токио, который смотрел на международный расклад сил более трезво, чем Берлин, пришли к выводу, что при освоении гигантского "британского наследства" военные ресурсы СССР пришлись бы очень кстати. И еще летом 40-го на совещании японского руководства - премьер-министра Коноэ, министра иностранных дел Мацуока, Тодзио, Оикава и др., был выдвинут проект привлечь Сталина к союзу против Англии, выделив ему самостоятельный сектор интересов. 1. 8.

40 г. этот проект был передан германскому послу Отту. В нем предлагалось "попытаться заставить Советский Союз распространить свое влияние в таком направлении, в котором оно будет оказывать самое незначительное непосредственное влияние на интересы Японии, Германии и Италии, а именно в направлении Персидского залива (возможно, что в случае необходимости придется согласиться с экспансией Советского Союза в направлении Индии)". В другом варианте прямо предусматривалось "признать Индию для целей настоящего момента входящей в жизненное пространство Советского Союза".

В Берлине проект понравился и впоследствии получил в исторической литературе название "план Риббентропа". Хотя рассматривали здесь такую возможность несколько под иным углом зрения, чем в Токио. Для немцев выгода заключалась в том, что СССР можно будет использовать в качестве противовеса самой Японии. Да и неопределенность "советского фактора", вроде, устранялась - Москва открыто пристегивалась к упряжке Берлина, вступала в войну с Великобританией, а ее дивизии перестали бы висеть над германскими тылами, поскольку в Иране, Афганистане и Индии застряли бы "всерьез и надолго". Ну а если в какой-то момент захочется разгромить такого союзника, занятого борьбой на далеких азиатских фронтах, это тоже станет сделать гораздо проще. То есть, польза получалась в любом раскладе. Если же Сталин откажется участвовать в столь заманчивом проекте, то это могло означать, что он и в самом деле ждет, когда немецкие войска окажутся на Британских островах или расплытятся по британским колониям, чтобы нанести удар в спину.

27. 9 в плане предполагаемого геополитического передела мира между Германией, Японией и Италией был подписан "тройственный пакт",

предусматривающий создание "нового порядка" в Европе и Азии. Советской стороне показалось обидным, что ее обошли, по дипломатическим каналам пошли запросы, каков смысл "нового порядка" и какая роль в нем отводится России? Германская сторона заявляла, что ничего обидного в этом нет, и допускала присоединение СССР к пакту в качестве четвертого члена. И Москва выразила согласие - при условии, что будет в коалиции равноправным партнером.

Но накладывались все новые обстоятельства, осложнявшие взаимоотношения. В октябре немцы заключили соглашение с финским правительством Рюти - Танкера и разместили в Финляндии свои гарнизоны. Еще не для нападения на СССР, а чтобы исключить потенциальную угрозу со стороны русских и англичан жизненно-важным поставкам железной руды из Швеции. А Хельсинки пошло на соглашение весьма охотно, видя в покровительстве немцев гарантию от нового советского вторжения. Сталина же как раз это обстоятельство глубоко возмутило, через Молотова он указывал на нарушение прежних договоренностей о сферах влияния и требовал вывода войск. А дополнительную проблему Берлину и Москве принес Муссолини. Он позорно обделался во Франции, когда 32 итальянских дивизии так и не смогли прорвать оборону 6 французских, мучительно переживал это и выискивал возможность взять реванш. 28. 10, даже не поставив в известность немцев (и вопреки их предостережениям) дуче напал на Грецию. Но и тут итальянцы были за неделю наголову разбиты и выброшены в Албанию. В Греции возникла угроза открытия нового фронта с участием англичан. Что опять ставило под удар необходимые Гитлеру нефтяные источники в Румынии! Волей-неволей Германии приходилось вмешиваться и выручать Муссолини. Началась разработка операции "Марита" наступления на Грецию из Румынии через

Болгарию. И пошли переговоры с болгарями об участии в этой войне и вводе немецких войск. Таким образом, Гитлер все интенсивнее осваивал Балканы, что вызывало крайне негативную реакцию СССР.

Наконец, все же договорились встретиться для решения накопившихся вопросов, и 12. 11. 40 г. в Берлин прибыла делегация во главе с Молотовым. Секретная директива фюрера, изданная в этот день, сообщала, что "политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты". Но независимо от результатов предписывалось продолжать подготовку операции против СССР. Хотя отметим, что окончательное решение, быть ли войне, похоже, еще не было принято. Например, Редеру 14. 11 Гитлер говорил, что "склонен к демонстрации силы против России". То есть, пока он допускал и возможность ограничиться демонстрацией силы, чтобы укоротить амбиции Советского Союза и сделать его своим послушным партнером. А перед Молотовым он развернул грандиозный "план Риббентропа" о превращении "пакта трех" в "пакт четырех" с соответствующими проектами дележки "обанкротившегося имения" Великобритании.

Да вот только Молотов дипломатом не был. Он был лишь передаточным звеном от Сталина. И к диалогу оказался совсем не готов, поскольку прибыл совсем с другими инструкциями, касающимися не стратегии, а "тактики" и накопившихся претензий Кремля. И совершенно не реагируя на предложения фюрера, принялся очередной раз повторять вопросы насчет германских войск в Финляндии, прибытия германской военной миссии в Румынию и интересах СССР в этой стране. В частности, получив Бессарабию и Северную Буковину, теперь начал просить, чтобы дали еще и Южную Буковину. Гитлер был неприятно поражен низведением переговоров до уровня столь мелких

торгов вместо развернутых им глобальных перспектив, несколько раз пытался вернуть беседу в задуманное русло, однако Молотов был непробиваем. Заявлял, что "великие проблемы завтрашнего дня не могут быть отделены от проблем сегодняшнего дня и от выполнения существующих соглашений". Что же касается всего прочего, то он, мол, не может об этом говорить без учета мнения товарища Сталина. Потом, видимо, и немцы доперли, что второе лицо советского государства действительно не имеет и не может иметь собственного мнения ни по каким вопросам. Сошлись на том, что подтвердили принадлежность Финляндии к зоне интересов России и готовность фюрера уступить ее Сталину. А относительно главной темы решили направить в Москву письменные проекты для изучения и рассмотрения.

Эти проекты были впоследствии обнаружены в архивах германского МИД. Берлин предлагал заключить четырехсторонний договор с Японией, Италией и СССР сроком на 10 лет, которым стороны обязывались не присоединяться "ни к какой комбинации держав", направленной против кого-то из них, оказывать друг другу экономическую помощь и всячески "расширять существующее соглашение". К договору прилагался секретный протокол о сферах влияния. Для Японии - Восточная Азия к югу от Японских островов, для Италии - Северная и Северо-Восточная Африка, для Германии - Центральная Африка и кое-что "по мелочам", вроде Индокитая, для СССР - "к югу от национальной территории в направлении Индийского океана". А окончательный территориальный передел Европы откладывался до завершения войны и заключения мира.

В исторической литературе утвердилась версия, будто этот план был лишь отвлекающим маневром: в случае согласия дискредитировать СССР в глазах Запада, вбить между ними клин, а потом напасть. Такую

версию породили после войны как советская, так и западная пропаганда, которой требовалось обелить восточного союзника и затушевать беспринципность "демократов". На деле же нетрудно понять, что скажи Сталин "да", нападать на него было бы для Гитлера вовсе не обязательно - по крайней мере, летом 41-го. Ведь Советский Союз в этом случае делал свой окончательный выбор в мировом противостоянии и вступал в открытую войну с англичанами, вторгаясь в их традиционную зону интересов. Победил бы он там или завяз, как в Финляндии, все равно принес бы пользу немцам, оттянув на себя британские дивизии из Индии и с Ближнего Востока. "Мина" была скрыта в другом месте - в уточнении европейских границ после победы. Как раз до этого времени было выгодно и вполне логично отложить разборку с Россией, продиктовав ей потом свои условия. Скажем, в виде компенсации за приобретения в Иране потребовать уступки земель, нужных Германии - Прибалтики, части Украины и т. д. На что Москва или должна будет согласиться, если попадет в такую же зависимость от Гитлера, как румыны, или, оставшись в полной изоляции, будет раздавлена с двух сторон Германией и Японией. Или наоборот, сперва вместе со Сталиным разгромить и поставить на место японцев - уж как ситуация сложится...

Но Сталин переоценивал свою мощь - точнее, весомость своей мощи в глазах Гитлера, и 26. 11 через посла Шуленбурга Москва передала свой контрпроект соглашения. В нем указывалось, что СССР готов присоединиться к "трехстороннему пакту" лишь на своих собственных условиях: Германия немедленно выводит войска из Финляндии; в течение нескольких месяцев заключается "пакт о взаимопомощи" между СССР и Болгарией - разумеется, с правом ввода войск; на основе долгосрочной аренды Советскому Союзу

предоставляется база для сухопутных и военно-морских сил в районе Босфора и Дарданелл; центром советских притязаний признается район к югу от Баку и Батуми в направлении Персидского залива; а Япония отказывается от своих прав на нефтяные и угольные месторождения Сахалина. Обратите внимание на принципиальные отличия проекта и контрпроекта. Центр притязаний сместился с Ирана на Турцию и Ирак - который как раз в это время и без того склонялся на сторону немцев. То есть, активных боевых действий против демократической коалиции Советский Союз избегал, а значит, продолжал бы сохранять в отношениях с ними формальную свободу рук. Требовал фактически подарить ему Болгарию - и автоматом под его влияние попадала Румыния, обе - германские союзницы. К тяжелой жертве принуждалась союзница-Япония. А нейтральная Турция, которая вряд ли согласилась бы добровольно уступить проливы и восточные области, втягивалась в войну на стороне Англии.

Получалось, что Советский Союз, ценность которого даже в качестве союзника Гитлеру представлялась теперь невысокой, опять хотел загребать жар чужими руками и всего лишь за нейтралитет требовал крупных дармовых подарков за счет Германии и ее союзников, что выглядело в глазах фюрера верхом наглости. С политической и военной точки зрения подобные уступки были бы колоссальным ударом по самому Рейху - они вызвали бы осложнения с Японией, ссорили с Турцией, лишали стран, на которые уже наложили лапу сами немцы. В общем, показалось проще разгромить такого "друга", чем удовлетворять его растущие запросы.

Наконец, стоит учесть и психологическую сторону вопроса. Требовать раз за разом новых уступок за неопределенные обещания и намерения - ведь это была

тактика самого Гитлера. Точно так же он поступал в игре с Западом, в ответ на словесный антисоветизм вымогая одну подачку за другой. А когда взял все, что мог, тут же сменил ориентацию. Так что с точки зрения фюрера, и для Сталина было бы вполне логично попытаться взять, что дадут, а потом что не дадут, переметнувшись на сторону противника. Каждый человек судит по себе, и может быть, Гитлер даже действительно убедил себя, будто Россия готовит ему удар в спину. Что со стратегических и геополитических позиций выглядело вполне обоснованно. Потому что в случае экспансии СССР на Балканы, для германской агрессии оставался единственный путь - высадка в Британии. С открытыми тылами...

И Гитлер прокомментировал контрпроект в таких словах: "Сталин умен и коварен. Он требует все больше и больше. Это хладнокровный шантажист. Победа Германии стала непереносимой для России, поэтому необходимо поставить ее на колени как можно скорее".

Впрочем, как уже указывалось, данное решение вызревало у него давно, и советская реакция на "план Риббентропа" стала лишь толчком, который помог фюреру преодолеть последние сомнения и колебания. Как раз после изучения контрпроекта он приказал своим военным ускорить разработку оперативной документации и 18. 12. 1940 г; подписал директиву № 21, получившую название "План Отто", а впоследствии переименованную в план "Барбаросса".

В литературе до сих пор остается открытым и вопрос, а не собирался ли Сталин в самом деле ударить в спину Гитлеру? На него можно ответить однозначно - нет. Во всяком случае, в 1940-41 гг. Причем даже в период холодной войны, когда антисоветские исследователи тщательно выискивали прегрешения "вождя народов" и факты, способные хоть как-то обелить нацистскую агрессию против СССР, они

вынуждены были признать несостоятельность данного предположения. Но в последнее время в работах самых безудержных искателей сенсаций версия о том, будто фюрер всего лишь опередил Сталина, готовящего нападение, начала муссироваться снова. В ее подтверждение приводят и известные данные о слишком близком выдвижении к западной границе советских войск, резервов и складов, и штабную игру конца 1940 г. на предмет войны между "западными" и "восточными", а главное ссылки на недавно обнаруженный документ "Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками", составленный в мае 41-го Ватутиным и Василевским, где превентивный удар действительно предусматривался. Но при этом упускается то обстоятельство, что под данным документом (рукописным, он даже не перепечатывался) подписи наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова были только обозначены - самих подписей нет. То есть военные специалисты такой вариант рассматривали - возможно, и по заданию Тимошенко с Жуковым, и с военной точки зрения он действительно мог иметь определенный успех. Но отсутствие подписей свидетельствует и о другом. Провентилировав настроения в верхах, командование сочло, что с таким планом лучше вообще не соваться, а то недолго и под фанфары загреметь. Вот и забросили его на стадии проекта.

Штабная игра, имитирующая возможную войну Германии и СССР, в декабре 1940 г. проводилась. Но предусматривала лишь контрнаступление после отражения нападения. По сути - все те же "ворошиловские удары", малой кровью на чужой территории. Исходя из этой стратегии, и резервы со складами поближе к границе выдвигались. Кто посмел

бы предположить, что первый удар немцев не будет отражен? И с каким веществом смешали бы того, кто выскажет подобное предположение?

Но вообще при рассмотрении данного вопроса (как и других, касающихся стратегических планов Сталина), следует учесть, что при "родстве" во многих чертах с Гитлером, в других отношениях их натуры очень отличались. Германский фюрер был азартен, раз за разом ставил на карту все. А Сталин в вопросах применения военной силы в международных делах был весьма осторожен. Чрезвычайно осторожен. Для него всегда оставалось главным сохранить имеющееся, а уж возможность приобрести что-то еще рассматривалась во вторую очередь и лишь тогда, когда риск сводился к минимуму. Например, при разгроме китайцев во время конфликта на КВЖД горячие головы рвались расширять успех. А Сталин на это не пошел, ограничился восстановлением прежнего статус-кво. Точно так же при победе над японцами на Халхин-Голе он запретил наземным войскам пересекать границу - хотя, вроде, могли бы... Думается, и ставку на Гитлера как на "ледокол революции" он сделал из-за того, что увидел возможность решить собственные геополитические цели чужими силами, ничем при этом не рискуя.

Единственный раз он попытался подражать фюреру в практике агрессивных войн, развязав конфликт с Финляндией - ну так здесь, казалось, и риска-то не было, раздавить в два счета, и все. Но когда советские войска получили мощный отпор, война непредвиденно затянулась, а главное - возникла угроза вмешательства западных держав, Сталин сразу же пошел на компромиссный мир. На присоединение Прибалтики, хотя это и было согласовано с немцами еще в августе-сентябре 39-го, он решился только после поражения англичан и французов, как и на акцию по захвату Бессарабии. Кстати, и после Второй мировой, когда

развернулась борьба за передел сфер влияния в мире, он в открытую никогда на рожон не лез, предпочитая действовать чужими руками и выискивая новые "ледоколы революции", вроде Мао Цзэдуна.

Спрашивается, если бы он действительно хотел нанести удар в спину Германии, то почему не сделал этого в июне 1940 г., когда немцы фактически оголили восточные рубежи, оставив в Польше всего 5 дивизий? Конечно, Иосиф Виссарионович был далек от какого-то чрезмерного миролюбия. И на самом-то деле напасть он мог, но лишь в том случае, если бы ситуация сложилась подходящая. Если бы Англия, Франция и Германия перемололи и измочалили друг дружку, как в Первой мировой. Вот тут-то он и бросил бы на весы свою "решающую гирю". Причем неизвестно еще, на какую чашу весов - вряд ли на сторону демократий. Скорее - Гитлера, который был бы в таком случае обязан ему победой и оказался в положении младшего партнера...

Но такой ситуации не случилось. И уж тем более не было ее летом 41-го, когда немецкая армия осуществила блестящий блицкриг, ошеломивший кремлевское руководство, и стояла перед Сталиным опытная, усилившаяся, находящаяся на гребне побед, да еще и с добавившимися новыми союзниками. Наконец, стоит вспомнить и о том, что сама теория "ледокола революции" предполагала, что Гитлер сначала должен взломать "льды" мирового империализма. Однако и этого не произошло. Англия вообще мало пострадала от понесенного поражения, Франция была оккупирована лишь частично, сохранив и армию, и флот, и колонии. И предположим, что превентивный удар действительно принес бы успех, и советские войска разгромили немцев. Но чего мог достичь Сталин в данном раскладе? Стал бы спасителем Англии и Франции? Но зачем ему было спасти Англию и Францию? Чтобы, захватив все те же

Германию с Польшей, оказаться в одиночку против объединенных сил "мирового империализма" - Англии, Франции, США?

Словом, как ни крути, а похоже, что в сложившейся обстановке вариант войны с Германией Сталин действительно отложил на самый крайний случай если уж никак ее избежать не получится. И искренне набивался в друзья и соратники к удачливому и дерзкому германскому фюреру. Как комплексующего мальчика тянет к дворовому хулигану, который вытворяет то, что и сам бы мальчик хотел, да не осмеливается. Что касается советского контрпроекта, то к осени 1940 г. после уступок Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии, Сев. Буковины, "вождь народов", по-видимому, просто обнаглел, переоценивая вес СССР в глазах Гитлера и рассматривая его как выигрышную лошадку, на которую вовремя догадался поставить и которая будет безотказно приносить ему прибыль. Да ведь наверное, и запросил-то слишком много нарочно - с запасом, учитывая возможность поторговаться...

А вот то, что готовности торговаться немцы не выразили и на переданные им предложения вообще никак не отреагировали, встревожило Кремль не на шутку. И свои амбиции он очень даже явно укоротил, принявшись подстраиваться и подлаживаться к фюреру, чтобы доказать свою дружбу. СССР протестовал против введения войск в Румынию и Болгарию, нападения на Югославию и Грецию, но очень мягко, указывая всего лишь на нарушение условий советско-германского пакта. Пытался проводить собственную балканскую политику, однако чрезвычайно робко. Например, замышляя операцию против Греции, Гитлер решил привлечь в союз и Югославию, пообещав ей Салоники. И принц-регент Павел согласился, 25. 3. 41 г. в Вене был подписан соответствующий договор. Но не

успела делегация после его подписания вернуться домой, как в стране произошел переворот, организованный группой офицеров ВВС, которых поддержала вся армия. Наследник Петр, сбежавший по водосточной трубе от охраны, приставленной к нему Павлом, был провозглашен королем.

И хотя новое правительство Симовича объявило о согласии заключить с Германией пакт о ненападении, переворот носил явно антинемецкий характер, толпа в Белграде оплевала машину германского посла, и вышедший из себя фюрер решил раздавить дерзкую страну. А Советский Союз далеко не сразу, после долгих колебаний, попробовал воспользоваться ситуацией, и лишь 5. 4. 41, за день до вторжения в Югославию, заключил с ней договор о дружбе и ненападении. А стоило германскому послу в Москве намекнуть, что момент выбран неподходящий, как насчет каких-то конкретных шагов в данном направлении советская сторона и пикнуть не посмела. И в мае в угоду немцам вообще выслала дипломатических представителей "дружественной" Югославии. Как, кстати, и Бельгии, Норвегии, Греции, зато признала прогерманское правительство Рашида Али, которое в результате переворота пришло к власти в Ираке и начало воевать с англичанами.

22. 3. 41 последовало секретное распоряжение Гитлера приостановить выполнение советских заказов на заводах Германии. А СССР удовлетворился отговорками, что задержки вызваны трудностями военного времени, и ответные грузы на Запад гнал даже с опережением графика, по малейшим устным и телефонным пожеланиям немцев. Генерал Томас писал: "Русские выполняли свои поставки до самого кануна нападения, и в последние дни поставка каучука с Дальнего Востока производилась курьерскими поездами".

По поводу участка советско-германской границы от р. Игорка до Балтийского моря долгое время шли ожесточенные споры - а 12. 4 СССР вдруг безоговорочно принял немецкий вариант. Наконец, 7. 5 генсек Сталин решил назначить себя по совместительству председателем Совета Министров, т. е. премьером, что тоже было расценено многими политиками как демонстрация неизменности внешнего курса. Ведь теоретически, с отставкой какого-то другого главы кабинета могли сместиться и политические ориентиры, теперь же линия правительства и линия Сталина подчеркнуто отождествлялись не только содержанием, но и формой. Это отметили и многие немцы. Посол Шуленбург докладывал в Берлин: "Я убежден, что Сталин использует свое новое положение, чтобы лично принять участие в поддержании и развитии хороших отношений между Советами и Германией".

А германский военно-морской атташе в Москве прямо заявлял: "Сталин оплот германо-советского сотрудничества".

История о том, как Иосиф Виссарионович "прошляпил" готовящееся нападение, описана многократно и подробно. И от разведки предупреждения шли, и по дипломатическим каналам, и слухи о близком вторжении в СССР по всей Европе носились, да и в Америке в курсе были. И Рузвельт с Черчиллем предупреждали на основании своих данных. И концентрация войск у советских границ шла такая, что невозможно было не заметить. Советские войска в ответ тоже выдвигались к границе из внутренних округов - 28 дивизий, 4 армейских управления. Но ставились им сугубо оборонительные задачи. И как известно, даже 22 июня сперва шли директивы "не поддаваться на провокации", а в первых наивных приказах о контрударах требовалось не переходить границы. Можно вспомнить и печально-известное

заявление ТАСС от 14. 6. Декать, "в иностранной прессе муссируются слухи о близости войны между СССР и Германией. Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым заявить, что эти слухи являются неуклюжей пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны". Сюда же можно причислить и разнос Сталина на запрос, не стоит ли задержать германские суда, которые начали вдруг уходить из советских портов 20-21. 6. И то, как уже поздно вечером 21. 6 Молоков пригласил Шуленбурга и, доходя до откровенного унижения, осмелился лишь робко намекнуть, что судя по некоторым данным, "германское правительство недовольно советским правительством". Вот, мол, почему-то так и не отреагировали на дружелюбное заявление ТАСС о ложности слухов, даже не опубликовали его ни в одной своей газете. Но только "советское правительство не в состоянии понять причин недовольства Германии" и было бы очень признательно, если бы ему это разъяснили...

Все это в последующей литературе обсуждалось так широко, что, наверное, не было бы и нужды еще раз останавливаться на данном вопросе. Но обычно упускается ряд немаловажных деталей. Скажем, а имел ли основания Сталин верить предупреждениям Англии и Франции, которые еще с 1933 г. ориентировали Гитлера на войну с СССР? А теперь-то поспорить и столкнуть "союзников" было тем более в интересах Великобритании. И перелет Гесса лишний раз убедил Иосифа Виссарионовича в правоте собственных выводов и неискренности западных держав. Ведь как бы ни пытались потом западные исследователи завуалировать правду, что бы ни писали о частной и неожиданной инициативе заместителя фюрера по

партии, но советская разведка в Англии работала безупречно и в на самых высоких уровнях государственных структур. Поэтому уж кто-кто, а Сталин прекрасно знал, что Гесс действительно пытался вести переговоры, и перед перелетом установил контакты с высокопоставленными английскими политиками. А раз так, то и решение напрашивалось "от противного" - всеми силами избегать конфликта. Да и прочую массу сообщений и слухов - как раз из-за их слишком уж массового количества - Сталин считал плодом широкой кампании дезинформации, развернутой англичанами.

Наконец, стоит учитывать и особенности реальной кампании дезинформации, развернутой Гитлером. А она была "многослойной". Советской стороне преподносилась версия, что концентрация войск на Востоке - это грандиозный отвлекающий маневр перед вторжением в Британию. Чему и вправду поверить было трудновато. Но во "втором слое", по секрету, самим немецким военным сообщалось, что их перебрасывают для обороны от готовящегося нападения русских. Следовательно, оставалась возможность, что Гитлера ввели в заблуждение - вот и прилагались все усилия, дабы развеять это заблуждение. Ведь такую "дезу" могли подбросить фюреру те же англичане. Да и в самом германском руководстве, как был уверен Сталин (и не без основания), существовало сильное прозападное крыло, добивающееся такого столкновения.

Известно, что советская дипломатия весной 41-го начала забрасывать удочки насчет личной встречи Сталина и Гитлера. Очевидно, тут-то и собирался Иосиф Виссарионович снять все накопившиеся проблемы. И теоретически, это было возможно. Наверное, он учитывал силу своего воздействия на собеседников - все иностранные дипломаты, политики,

государственные деятели, которым приходилось встречаться со Сталиным, так или иначе попадали под влияние этой силы. Да и Гитлер к тем, кого почтил званием "персонального друга", впоследствии относился подчеркнуто "по-рыцарски", несмотря на фактическое неравенство положения - так было и с Муссолини, так было и с Антонеску. Вероятно, как раз из желания облегчить такую встречу, Сталин и принял на себя пост председателя Совнаркома - чтобы быть на равных, лидером и партии, и государства. И предложение о роспуске Коминтерна, высказанное им в апреле, возможно, тоже откладывалось до гипотетической встречи, как заготовка "мирной инициативы".

Да и в донесениях советской разведки содержались важные детали, о которых почему-то редко упоминается. Скажем, если Зорге Сталин не доверял, считая двойником, то самые ценные и надежные агенты в Берлине - группа Харнака и Шульце-Бойзена, работавшая в центральных учреждениях Рейха, и имевшая доступ к самой секретной информации, сообщала то же самое насчет начала войны, но отмечала, что этому будет предшествовать ультиматум о вступлении СССР в противоборство против Англии. А в залог союзнической верности, Германия, якобы, потребовала бы Западную Украину и Западную Белоруссию с Прибалтикой. Эти данные попали и в обобщенные разведсводки НКВД (см. Воскресенская З. "Под псевдонимом Ирина" с комментариями полк. Э. П. Шарапова, М., 1997). По-видимому, это был третий, самый глубокий слой дезинформации Гитлера. И Сталин ждал ультиматума! Причем вовсе не исключено, что принял бы его. А переговоры могли стать и хорошим предлогом для встречи с Гитлером, идею которой тормозили немцы. Ну а при такой встрече насчет "залога" и поторговаться можно было... А когда

нападение началось, то как раз по этой причине он не мог поверить фактам - считал провокацией кого-то из прозападных германских генералов; решивших открыть огонь, не дожидаясь попытки мирного урегулирования. Известны его слова, что "Гитлер наверняка об этом не знает". Тут можно добавить и психологическую разгадку, почему Сталин, никогда и никому не веривший, да и в международных делах заявлявший: "Здоровое недоверие - самая хорошая основа для сотрудничества", все же попался на удочку Гитлера. Потому что он действительно не доверял никогда и никому - кроме себя. Но в том-то и дело, что не Гитлер, а он сам был автором плана войти в альянс с фюрером, сам начал претворять этот план в жизнь и сам делал первые шаги в данном направлении, тайно - еще с 1936-37 гг., и постепенно выводя их на поверхность в 1939 г. Это был его собственный проект. И именно из-за этого Сталин так упрямо цеплялся за него даже в совсем безнадежной ситуации и избегал любых "случайностей", способных его разрушить. Этим обстоятельством объясняются и его покаянные слова, когда он уединился и запил на даче: "Ленин нам оставил государство, а мы его просрали!" - он отступил от ленинских планов мировой революции, счел себя умнее учителя и действовать решил хитрее. Вот и получил результат. И как раз за отступление от ленинизма, а не за поражения на фронтах, он ожидал свержения и ареста со стороны собственных соратников. Ну а потом, разумеется, в советскую литературу была внедрена версия, что инициатором сближения был только Гитлер с целью заведомого обмана. И Запад такую версию охотно принял - его лидерам в глазах собственной общественности было все же приличнее водить дружбу и поднимать тосты с обманутым "простаком", а не с автором "или соавтором сговора.

21. Третья гражданская

22 июня снова аукнулось для русской эмиграции волнами арестов. Снова хватали тех, кого заподозрили в просоветских симпатиях, но только теперь уже немцы и их союзники. В оккупированной зоне Франции взяли около 300 чел. и отправили в Компьенский лагерь.

В "свободной зоне" правительство Виши из желания выслужиться арестовало более 500 - причем опять по принципу "подозрительных иностранцев", в основном - бывших офицеров. Многочисленные аресты прокатились также в Болгарии и Чехословакии.

Что касается кругов, настроенных на союз с немцами, то естественно, они восприняли эту войну как "свою". Еще до начала боевых действий фон Лампе писал германскому главнокомандующему сухопутных войск Браухичу, выражая просьбу использовать белогвардейцев. Однако 22. 6 берлинский уполномоченный Бискупский получил приказ "оставаться на местах и ждать дальнейших указаний". Лампе развил бурную деятельность, обращался с письмами к Гитлеру, вел переговоры с генералом Абрамовым и другими белыми руководителями в Югославии и Болгарии. Но из организации Бискупского и Лампе немцы за 2 месяца сочли нужным привлечь на службу и направить на Восточный фронт только... 52 человека. Белые офицеры требовались Германии лишь в качестве переводчиков. А на предложения о более активном участии следовало разъяснение, что направление их на фронт "принесет мало помощи Вермахту, давая в то же время пищу и без того активной советской пропаганде".

НТС с началом войны объявил мобилизацию своих членов. Исполнительное бюро Совета нелегально обосновалось в Берлине, и около 200 активистов были направлены на Восток для работы на оккупированной территории. Задача была поставлена: "борьба на два

фронта, с завоевателями извне и с тиранией изнутри". Главной формой для этого предполагалась агитация и пропаганда среди населения. Как гласили программные документы того времени, "Россию спасет русская сила на русской земле; на каждом из нас лежит долг отдать себя делу создания этой силы". Членам НТС запрещалось служить в каких-либо карательных и полицейских органах. Одни старались устроиться в различные гражданские учреждения Остминистериума (министерства Восточных территорий), другие, особенно имеющие техническое образование - в германские фирмы, посылавшие своих представителей для освоения занятых районов, а многие направлялись просто с поддельными документами или нелегально переходили границу. Снова, и теперь уже в гораздо большем количестве, шли на подвиг мальчишки-энтузиасты, в надежде хоть чем-то помочь России и содействовать ее освобождению. Их общий настрой выражают, например, стихи В. Бранда, написанные в 1941 г. по дороге на русскую землю:

... Что ждет нас там, восторг иль муки, В родной неведомой стране? Несли ей сердце, мозг и руки, Молясь в осенней тишине...

Самого его в родной неведомой стране ждала смерть - Бранд возглавил организацию НТС в Смоленске, где и умер от тифа.

Но казалось, что национальная революция, курс на которую держал НТС, действительно начинается. И население, и армия в первые месяцы войны стали выходить из-под контроля коммунистов. Жители встречали немцев колокольным звоном и хлебом-солью, открывали закованные большевиками церкви, распускали колхозы, выбрасывали в помойку портреты опостылевших вождей и доставали припрятанные иконы. Выдавали ненавистных активистов и чекистов, искренне веря, что наконец-то пришла достойная

жизнь. Солдаты массами сдавались, а то и переходили на сторону неприятеля. Причем вовсе не видели в этом предательства Родины - считали, что хуже, чем при коммунистах, Родине все равно быть не может. А что касается нацистских зверств, то ведь до 22. 6. 41 сама же советская пропаганда опровергала такие сведения как "буржуазную клевету", восхваляя честь, доблесть и мужество немцев. И когда та же пропаганда повернула на 180 градусов и заговорила о германских злодеяниях, ей уже не верили ни на грош. Из 5,2 (по другим данным - 5,7) миллионов военнопленных, захваченных немцами за время войны, 3,8 сдалось в 1941 г., что и стало, по-видимому, главной причиной фронтовой катастрофы.

Сталинский приказ № 0019 от 16. 7. 41 г. констатировал: "На всех фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие".

И именно по этой причине родился печально-известный приказ № 270 от 16. 8, объявлявший сдачу в плен предательством. Например, только в одной операции по окружению советских войск под Белостоком на сторону немцев перешло (не просто сдалось, а перешло) 20 тыс. чел. В Львове произошло восстание, взбунтовавшиеся горожане под руководством активистов ОУН напали на тюрьму и выпустили политзаключенных. 28. 6. старший политрук Григоренко занял позицию под мостом через Березину и открыл огонь по работникам НКВД. В 99-й дивизии, вышедшей на позиции, 80 чел. отказалось стрелять по немцам - и сами были расстреляны. В полосе одного лишь Юго-Западного фронта за неполный месяц с 22. 6 по 20. 7 согласно докладу Мехлиса был задержан 75. 771 дезертир.

В августе 41-го командир 436 полка донской казак Кононов объявил подчиненным, что решил повернуть

оружие против Сталина. За ним добровольно пошел весь полк. И он, перейдя к немцам, стал формировать казачью часть. Когда прибыл для этого в лагерь под Могилевом, из 5 тыс. пленных идти к нему вызвалось 4 тыс. В знаменитой 316-й, Панфиловской дивизии, по донесению члена ВС армии Лобачева от 27. 10. 41 г. во всех трех полках были зафиксированы антисоветские настроения и высказывания. Говорили: "Надо бросать воевать", "Сейчас 50% колхозников настроены против Советской власти..." И в той самой роте, что погибла под гусеницами танков у разъезда Дубосеково, было двое перебежчиков - не пленных, а добровольно перешедших к врагу. Под Лугой ленинградский студент Мартыновский создал студенческий партизанский отряд, чтобы сражаться с коммунистами. Под Порховом лейтенант Рутченко, бывший аспирант, организовал еще один антисоветский отряд из студентов и красноармейцев. В г. Локте Брянской области еще до прихода немцев население сбросило советскую власть и создало самоуправляемую "республику", которую возглавил инженер К. П. Воскобойников (кстати, будучи политзаключенным, он еще в лагерях познакомился с членами НТС и во многом разделял их теории). Эта "республика" охватила восемь районов, создала и собственные вооруженные силы - Русскую Освободительную Народную Армию (РОНА) численностью в 20 тыс. чел. под командованием Б. Каминского. Армия имела свою артиллерию, танки, а на знаменах изображался Георгий-Победоносец.

Уже в 1941 г. русских добровольцев из перебежчиков и пленных начали принимать в германскую армию - так называемые "хиви" ("Хильфсвиллиге" "добровольные помощники"). Сперва их использовали на тыловых, санитарных должностях, но уже вскоре стали доверять оружие и формировать из них "Остгруппен" - вспомогательные части, примерно

соответствующие батальону. И численность советских граждан в составе Вермахта постепенно дошла до 800 тыс. чел., а по некоторым данным даже до миллиона! Конечно, многие записывались в такие формирования только для того, чтобы выжить в плену. Но сколько шло воевать добровольно и искренне - особенно в самом начале войны, когда политика оккупантов в СССР еще не раскрыла себя полностью!

В Белоруссии и Смоленщине для поддержания порядка и очистки местности от коммунистических партизан стала создаваться добровольческая "народная милиция" - и тоже желающих набралось до 100 тыс. - уж тут-то не из лагерей, а из обычных мирных жителей сел и городов. Полковник ВВС В. И. Мальцев, посаженный в 1938 г., потом реабилитированный, но так и не возвращенный на летную работу, был начальником санатория ВВС в Крыму. Он преднамеренно не эвакуировался и перешел к немцам, стал бургомистром Ялты, сформировал шесть добровольческих отрядов, а потом пошел служить в Люфтваффе и создал русскую боевую эскадрилью. В советских лагерях возле Усть-Усы начальник командировки Ретюнин поднял несколько сотен заключенных, разоружил охрану и ушел в леса партизанить. А в немецком лагере военнопленных под Тильзитом 12 тыс. чел. подписали заявление, что пора превратить Отечественную войну в гражданскую.

А фактически она уже началась и шла полным ходом, эта "третья гражданская", началась и шла параллельно с советско-германской, и по охвату ничуть не уступала "первой гражданской". Она оказалась совершенно заслоненной сражениями Второй Мировой и не имела своих историков. Впрочем, она почти не имела и собственной истории. Потому что была немцам совершенно не нужна, была непонятна им и не вписывалась в их планы, согласно которым русских

требовалось покорить, а вовсе не "освободить", и после предполагаемой победы им предназначалась участь рабов, подданных, но никак не союзников. И освободительный подъем народа всячески подавлялся и сдерживался самими же немцами. Никаким движениям и формированиям не позволяли набрать достаточную самостоятельную силу, и они оказывались в полной зависимости от положения Германии. Так что фронты "гражданской войны" стали лишь вкраплениями общих фронтов Отечественной. Части "Остгруппен" создавались с немецкими офицерами во главе, и русские добровольцы служили в них на правах немецких солдат. В связи с массовостью этих формирований был введен пост главнокомандующего "Остгруппен", им стал генерал Гейнц Гельмих. Но скорее, он занимался их учетом и набором пополнений, потому что такие части отнюдь не сводились воедино, а наоборот, преднамеренно расплывались по разным фронтам и соединениям. А часто русских "хиви" вообще зачисляли группами по 9-12 человек в немецкие роты.

С существованием "республики" под Брянском кое-как мирились - видимо, не хотели создавать лишних проблем в тылу. Но распространять влияние на соседние районы ей не дали, так и осталась в границах, где успела укрепиться в период междувластия. А стотысячную "народную милицию" в Белоруссии, испугавшись такого размаха, запретили и разогнали. Было объявлено, что если люди хотят бороться с коммунистами и партизанами, пусть идут в полицаи - т. е. формирования, создававшиеся самими немцами, весьма ограниченные по количеству и вооружению, и подчиненные гестапо. Результат известен. Желающих идти в холуи и каратели к гестаповцам набралось куда меньше, были они далеко не лучшего состава, а как только гитлеровский режим проявил себя на деле,

место массового антисоветского заняло массовое партизанское движение.

Такое же отношение в полной мере сказалось на эмигрантских силах. И характерно, например, что князь Мещерский, поехав на родину в качестве военного переводчика, после всего увиденного вернулся во Францию и перешел в Сопротивление. Только в конце 1941 г. германское командование уломали на эксперимент, сформировать "пробную" русскую часть. Для этого в Оршу были направлены несколько белых офицеров - полковники К. Кромиади, И. Сахаров, Г. Ламсдорф, и в поселке Осинторф из военнопленных началось создание Русской Народной Национальной Армии (РННА). Она носила советскую форму, но с дореволюционными погонами и кокардами, и по численности достигла 7 тыс. чел. Хотя желающих было гораздо больше, однако их просто не могли принять из-за установленных немцами ограничений. Правда, главнокомандующий сухопутных войск Браухич и командующий группой армий "Центр" Клюге высоко оценили состояние "армии", высказывались, что в будущем она сможет внести значительный вклад на Восточном фронте, но снова вмешалась политика.

Сперва белогвардейское командование было вдруг заменено советскими перебежчиками - бывшим секретарем райкома партии Г. Н. Жиленковым и полковником В. И. Боярским. Немцам было проще находить с ними общий язык и держать под контролем. И считалось, что выдвижение в руководство таких фигур даст больший пропагандистский эффект, чем использование белых эмигрантов. А в конце 1942 г. вдруг грянул приказ ввести в отношении "армии" те же общие правила, что для всех "Остгруппен" - перейти на немецкую форму, расформировать на отдельные батальоны и направить в состав различных германских частей. В ту же ночь 300 чел. ушло к партизанам.

Чуть более благосклонно относились немцы к национальным и казачьим формированиям. Учитывая ключевую роль, которая отводилась в Рейхе национальному и расовому вопросам, считалось вполне естественным использовать сепаратистов "против русских", а казаков Гитлер выделял в отдельную нацию, и с присущими ему специфическими взглядами на историю объявлял их потомками германцев-готов, обитавших в Северном Причерноморье в XIV в. Украинские националисты сотрудничали с немцами еще в предвоенные годы, поэтому первые их части, сформированные на территории Польши, вошли в СССР вместе с Вермахтом - батальоны "Роланд" и "Нахтигаль" по 350 чел. Однако и им оккупанты отводили только разведывательно-диверсионные функции. Потом отряды СС и местной полиции стали создаваться на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии. Были сформированы грузинский, армянский, северокавказский, крымско-татарский, несколько калмыцких батальонов, туркестанский легион. Для их организации привлекались и некоторые представители старой эмиграции. Для агитации горцев на Северный Кавказ посылали бывшего командира Дикой дивизии Султан-Гирей Клыча, в создании Туркестанского легиона участвовал один из мусульманских лидеров Каюм-хан.

Как уже отмечалось, одним из активных сторонников союза с Германией являлся бывший донской атаман П. Н. Краснов. Он предполагал два варианта развития событий: либо в СССР под влиянием поражений начнется восстание против коммунистов и образуется новое правительство "типа Петена-Лавале", которое вступит с немцами в переговоры о мире, либо нацисты оккупируют значительную часть страны, а на оставшейся части возникнет правительство, которое вынуждено будет принять все германские условия. Краснов представил руководству Рейха подробный

доклад об истории казачества, консультировал их по неясным вопросам, вызываясь поднять массовое казачье движение. Его поддержали и другие "атаманы в изгнании", кубанский - Науменко, терский Вдовенко, и астраханский - Ляхов. Осенью 1941 г. они обратились к немецкому командованию и МИД, приветствуя "приближающиеся к границам казачьих земель победоносные германские войска". Впрочем, в самом адресе обращения министерство иностранных дел - видна и другая подоплека. Претендовать на роль суверенных союзников, а не подчиненных.

В Югославии из белоэмигрантов, в основном - казаков, начал формироваться "Охранный корпус", первый смотр которого состоялся 12. 9. 1941 г. Призыв добровольцев в него был объявлен и в Болгарии, хотя до корпуса он так и не дотянул (изначально набралось всего 2 тыс. чел.). Возглавил соединение немец по национальности, но бывший белый офицер Б. А. Штейфон, в составе корпуса стали создаваться казачьи сотни для отправки на Дон и Кубань. Активную роль в агитации желающих и в организации этого формирования сыграли генералы Абрамов и Шкуро. А. Г. Шкуро включился в эту деятельность со всей присущей ему горячностью и увлеченностью, снова почувствовал себя прежним лихим командиром и мечтал лично схлестнуться с большевиками. Он обращался к немцам с предложениями самому подобрать и возглавить казачий отряд для действий в советских тылах. Говорил: "Мне бы только на Кавказ приехать, там меня каждый знает. Как приеду, сразу весь Кавказ подниму против большевиков".

Но не тут-то было. Уж немцы-то знали, что подобный патриотический энтузиазм - штука обоюдоострая. И, например, те же украинцы, бандеровцы и мельниковцы, едва разобрались, что никакой самостоятельности им от фюрера не светит, да поглядев, что вытворяют

оккупанты на их Украине, уже в 1942 г. повернули оружие для борьбы на два фронта, против нацистов и коммунистов, из-за чего их лидера Степана Бандеру сочли за лучшее посадить в тюрьму. А белогвардейцев, рвущихся освободить Россию и мыслящих ее сильным независимым государством, немцы и вовсе не собирались использовать на Восточном фронте. И ни на какой Дон, ни на какую Кубань казачьи сотни и полки из Югославии, разумеется, не поехали - на эту наживку нацисты лишь привлекали людей на службу. А вместо родины попали они на охрану путей сообщения, предприятий и шахт, чтобы можно было высвободить для фронта германские части. Корпус был включен в состав Вермахта, но если на Востоке он, наверное, и впрямь мог сражаться героически, то с югославскими партизанами большей частью поддерживал "мирное сосуществование". Ведь эмигранты давно сжились с местным населением и вражды к нему не питали. Столь яркие фигуры, как Краснов и Шкуро, использовались в сугубо пропагандистских целях. Их рекламировали, позволяли иногда вести агитацию, побуждали писать воззвания, которые потом редактировались немцами. Но их инициативы вежливо спускались на тормозах, и им даже ни разу не разрешили съездить на родину.

А между тем, Дон и Кубань действительно не забыли геноцида гражданской войны и подавления восстаний при коллективизации. Когда в Новочеркасске возник Донской казачий комитет, и было объявлено о формировании добровольческих частей, призыв получил довольно широкий отклик. Сначала эти части должен был возглавлять походный атаман Павлов, но потом к фактическому руководству выдвинулся Т. Н. Доманов, бывший сотник белой армии, оставшийся в Советском Союзе и успевший детально познакомиться с местами не столь отдаленными.

Впоследствии генерал Клейст признавал: "Надежды на победу в основном опирались на мнение, что вторжение вызовет политический переворот в России... Очень большие надежды возлагались на то, что Сталин будет свергнут собственным народом, если потерпит тяжелое поражение. Эту веру лелеяли политические советники фюрера".

И как мы видим, такие надежды имели под собой вполне реальную почву. Но в том, что "третья гражданская", начавшаяся 22 июня 1941 г., не получила самостоятельного развития и не вылилась в общенародное восстание против Советской власти, виноваты были в первую очередь сами немцы. Потому что они-то воевали не против коммунизма, а против русских. Еще накануне вторжения, когда Розенберг вызвал к себе для консультаций невозвращенца Бажанова, бывшего секретаря Сталина, тот предсказал, что исход схватки будет зависеть от того, какую войну поведет Германия: если антикоммунистическую, то она имеет все шансы выиграть, если же антирусскую - наверняка проиграет.

22. "Мрак и туман"

Многолетняя и неоднозначная специфика советско-германских отношений в значительной мере проявилась и во время Великой Отечественной войны. Причем проявлялась она тоже неоднозначно, в нескольких направлениях. С одной стороны, в первые месяцы советское население, да и многие красноармейцы вовсе не видели в немцах врага. Наоборот, часто их считали избавителями от коммунистического ига, что было особенно характерно для Украины, где в гражданскую германские оккупанты вели себя вполне порядочно и гуманно зато жила память о красных зверствах, об ужасах коллективизации, о голоде начала 30-х. И когда на оккупированной территории был объявлен набор молодежи на работу в Германию, в первый поток люди

и в самом деле рвались добровольно. А с другой стороны, и многие немцы - и солдаты, и офицеры, и чиновники администрации, относились к русским вполне дружелюбно, старались установить хорошие контакты с населением и отнюдь не соответствовали киношным штампам звероподобных фашистов. Значительная часть германцев считала войну с Россией ошибкой Гитлера. Дипломат В. Бережков вспоминает, что после нападения на СССР искреннее сочувствие советским представителям исподтишка выражали даже полицейские и эсэсовцы, взявшие под охрану посольство. А когда дипломатов повезли для обмена на германских коллег, сопровождавшие их сотрудники МИД просили известить Москву, что некоторые влиятельные круги остаются .. сторонниками мира с Россией и считают еще возможным исправить просчет и сесть за стол переговоров.

Характерны и споры по поводу "Остполитик" - оккупационной политики на Востоке - имевшие место среди нацистского руководства. Ряд видных лидеров Рейха - Геббельс, Розенберг и др. полагали, что эта политика должна быть более мягкой и гибкой, направленной не против народа, а против коммунистической идеологии. Впрочем, это не мешало им безоговорочно выполнять волю фюрера. Когда перед началом вторжения Розенберг доложил Гитлеру, что "есть два способа управлять областями, занимаемыми на востоке, первый - при помощи немецкой администрации, гауляйтеров, второй - создать русское антибольшевистское правительство, которое было бы и центром притяжения антибольшевистских сил в России", тот отрезал: "Ни о каком русском правительстве не может быть и речи; Россия будет немецкой колонией и будет управляться немцами".

Но нелишне отметить, что и взгляды Гитлера на "русский вопрос" во многом основывались на опыте

коммунизма. Да, он изначально стремился к покорению "жизненного пространства" на Востоке, а всех славян считал "унтерменшами" - недочеловеками. Но не всегда демонстрировал это так ярко. Скажем, словаки, болгары, хорваты оставались его союзниками, и никто не унижал их национальных чувств, не подвергал расовой дискриминации. В Чехии оккупация сказалась на материальном благополучии жителей, для них был введен ряд правовых ограничений, прокатывались кампании репрессий, но все же оккупационный режим был намного мягче, чем, например, в Польше. А в СССР жестокостью и цинизмом превзошел режимы во всех захваченных странах.

Хотя, как уже отмечалось, в начале 30-х именно к России Гитлер относился с известной долей уважения и утверждал о сохранившейся здесь "здоровой революционности", предполагая, будто эта революционность способна выйти на "национальный уровень", подобно Германии. Однако после этого многое изменилось. Потому что выразителем настоящей "революционности" фюрер признал Сталина и заужал Сталина. Но отнюдь не отождествляя его при этом с русским народом! Наоборот, со своей точки зрения он высоко оценил методы Сталина по порабощению народа - как было проведено изнасилование всей страны коллективизацией, как были подавлены проявления недовольства, как переморили голодающих на Украине, с какой покорностью советский народ воспринимал массовые репрессии и лагеря. И пришел к выводу, что именно такие методы являются по отношению к русским единственно верными и эффективными - сразу согнуть их в бараний рог, чтоб и пикнуть не смели. (Кстати, объяснял это Гитлер по-своему, с расовой точки зрения: он полагал, что в русских осталось не более 25-30% "арийской крови", а остальное - от татар, монголов и т. п., отсюда и "азиатские" стереотипы

рабского поведения). В одной из своих "застольных бесед" он даже сказал: "После победы над Россией было бы лучше всего поручить управление страной Сталину, конечно, при германской гегемонии. Он лучше, чем кто-либо другой, способен справиться с русскими".

И можно заметить, что методы гитлеровской администрации на Востоке зачастую просто копировали большевистские. Так, для крестьян, первым делом "самораспустивших" ненавистные колхозы, громом среди ясного неба стало распоряжение оккупационных властей о сохранении и восстановлении колхозов, а хозяевам под угрозой смерти приказывалось вернуть разобранное по дворам имущество. Зондеркоманды и эйнзатцгруппы, создававшиеся для наведения нацистского "порядка" в тылу, стали четким аналогом карательных отрядов времен гражданской войны и коллективизации. А отделения гестапо во многом выступали повторением чрезвычайок. То, что эффективно подействовало раньше, должно было сработать и теперь. Хотя тут, конечно, фюрер не учел ряд важных особенностей. Во-первых, что все большевистские насилия обильно сопровождались пропагандистскими сказками о грядущем земном рае - каковых немецкая пропаганда предложить "унтерменшам" не могла. А во-вторых, что стихийное народное сопротивление все же возникало и довольно мощное, а подавлялось оно относительно легко лишь по причине своей разобщенности и неорганизованности - в данном же случае имелась мощная "руководящая и направляющая" сила, готовая сыграть на недовольстве и взять его под свой организующий контроль.

Большая разница заключалась и в том, что коммунистам все же требовалась государственная целостность и сила России и ее народа, Ленину и Троцкому - в качестве плацдарма "мировой революции", Сталину - в качестве его державы. Ну а Гитлеру-то

этого не требовалось, ему нужно было только российское пространство и рабы. Так что по сути, он и в данном вопросе поступил так же, как с большевистским учением - довел его до "абсолюта", отбросив идеологические условности и взяв на вооружение лишь методы подавления народа. Поэтому в нацистском применении эти методы оказались возведены во вторую степень.

В директиве Кейтеля от 13. 5. 41 г. указывалось, что расправы над непокорными и в России должны осуществляться даже без военно-полевых судов, по приказу любого офицера, и военнослужащих за совершенные бесчинства запрещалось привлекать к ответственности. 16. 7. 41 на совещании с Герингом, Кейтелем, Борманом, Розенбергом, Ламмерсом Гитлер указывал, что для подчинения русских надо "применять все необходимые меры: расстрел, перемещение лиц и т. п..." "Мы стоим сейчас перед необходимостью разрезать пирог в соответствии с нашими потребностями, чтобы иметь возможность во-первых, доминировать на этом жизненном пространстве, во-вторых, управлять им, а в-третьих, эксплуатировать его". И директива фюрера от 22. 7. 41 г. подтверждала это, предписывая "распространение оккупационными войсками такого террора, какой потребует для искоренения любых попыток сопротивления среди гражданского населения". На Геринга возлагалась "эксплуатация страны и использование ее экономических возможностей".

Правда, данная директива предполагала, что "Россия будет расчленена на отдельные государства со своими правительствами", но вскоре Гитлер отказался и от такого "суверенитета". В 1942 г. он говорил: "Что касается смехотворной сотни миллионов славян, мы превратим большинство из них в таких, какие нужны нам, а остальных изолируем в их собственных

свинарниках, и всякого, кто говорит о снисхождении к местным жителям и их приобщении к цивилизации, следует направлять прямо в концлагерь". Ему вторил и Борман, писавший в полемике с Розенбергом, что славяне призваны работать на немцев, а если они не нужны, то могут умирать. Размножение он признавал нежелательным, а образование опасным - для русских, мол, достаточно считать до 100, а "каждый образованный человек - это будущий враг".

Ну а пищи им надо выделять лишь столько, "сколько необходимо для поддержания жизни". Геринг в конце 41-го в беседе с итальянским министром иностранных дел Чиано хладнокровно прикидывал: "В этом году в России умрет от голода 20-30 миллионов человек".

А что касается своего назначения ответственным за экономическую эксплуатацию страны, то 6. 8. 40 г. в речи перед нацистскими комиссарами оккупированных территорий он заявлял: "Я намерен грабить и грабить эффективно".

Хорошо известна и сентябрьская директива Гитлера, приказывающая стереть с лица земли Санкт-Петербург. Его капитуляции, которая вот-вот ожидалась немцами, предписывалось не принимать, поскольку "мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города".

Массовые сдачи в плен, характерные для лета 41-го и грозившие полным крахом коммунистическому режиму, были восприняты нацистским руководством лишь в качестве серьезной проблемы с транспортировкой и размещением таких огромных контингентов. И приказ ОКБ за подписью Кейтеля от 8. 9. 41 г. разрешил "как правило" применение оружия против пленных. Ну а тем, кого довели до лагерей, чаще всего представляющих собой просто огороженный участок поля, предоставляли там замерзать или умирать от голода. В результате, из 3,9 млн. пленных к

февралю 1942 г. выжило только 1,1 млн., остальные сгинули. 28. 2. 42 г. Розенберг писал Кейтелю: "Судьба русских военнопленных в Германии - есть трагедия величайшего масштаба. Из 3 млн. 600 тыс. пленных лишь несколько сот тысяч еще работоспособны. Большинство из них истощены до предела или погибли..."

Впрочем; главная причина беспокойства заключалась не в каком-то неуместном гуманизме или сострадании к русским, а в чисто практических соображениях - стало ясно, что блицкрига не получилось, и война затягивается, германская промышленность и сельское хозяйство испытывали острый дефицит рабочих рук, а тут вдруг миллионы здоровых молодых мужчин погубили впустую. В 1943 г. на совещании с чинами СС в Познани Гиммлер говорил: "В то время мы не ценили многочисленные людские ресурсы, как ценим их сегодня в качестве сырья, в качестве рабочей силы. То, о чем не следует сожалеть, мысля категориями поколений, но что нынче представляется неразумным в смысле потери рабочей силы, то есть гибели пленных десятками и сотнями тысяч от истощения и голода".

Поэтому отношение немного смягчилось. Приказ Кейтеля, разрешающий уничтожение на месте, был отменен в марте 42-го - дескать, "слишком много самовольных расстрелов". Да только и это смягчение было весьма относительным. 20. 6. 42 г. тот же Кейтель отдал приказ клеймить пленных клеймо в виде острого угла около сантиметра длиной должно было наноситься на левую ягодицу. А вместо смерти от... пули или голода многих теперь ждала смерть от непосильного труда на голодном пайке, и из всех 5,2-5,7 миллионов, взятых в плен за время войны, до победы в лагерях дожило лишь 930 тыс.

Кстати, версия о том, будто Советский Союз совсем отрекся от своих пленных и не предпринимал никаких акций в их отношении, не совсем точна. Ее распространяла нацистская пропаганда, а в годы холодной войны подхватила и западная. На самом же деле в ноябре 41-го Молотов заявил официальный дипломатический протест против истребления русских пленных, а в апреле 42-го - протест против использования Германией подневольного труда на военных предприятиях. Хотя нельзя не согласиться, что по-видимому, данные шаги носили больше декларативный характер и были рассчитаны на мировую общественность.

Широко развернулся по России и "коричневый террор", по своей организованности, размаху и количеству жертв оставивший далеко позади ужасы красного террора. Приказ Гитлера и Гимmlера "Нахт унд небель" - "Мрак и туман", изданный 7. 12. 41 г. предусматривал капитальные чистки на занятой территории. Причем арестованные, кроме тех случаев, когда признавались целесообразными публичные казни, должны были исчезать без следа - как бы в абсолютное небытие. Считалось, что такое исчезновение окажет более сильное психологическое воздействие, чем оповещение об их участи. И росла, развивалась сеть концлагерей, отделений гестапо и других полицейских органов, разъезжали карательные отряды. Массовые казни осуществлялись четырьмя "отрядами спецакций" - А, В, С и В. Отряд С под командованием Олендорфа уничтожил на Юге Украины 90 тыс. чел. Отряд А под руководством Шталекера, оперировавший в Прибалтике и Белоруссии, на 31. 1. 42 г. уже значил в своем "активе" свыше 229 тыс., а к 1. 7. 42 г. добавил 55 тыс. В Киеве только за два дня 29-30. 9. 41 г. было казнено около 34 тыс. чел.

В западной литературе, в том числе и исторической, с какой-то стати внедрилась версия, будто нацисты истребляли только евреев - ну и плюс партийных активистов. Но если евреев было уничтожено во всех оккупированных странах, по разным оценкам, от 4,5 до 6 млн., то в СССР за войну погибло 17 млн. мирных жителей. Правда, в это число входят и жертвы голода, бомбежек, эпидемий. Но и карательных акций тоже. Достаточно вспомнить материалы послевоенных процессов о нацистских зверствах, сожженные белорусские деревни, массовые казни заложников и всех "подозрительных", захваченных в чистках и облавах, уничтожение больниц и детских домов, поголовные расправы с семьями партизан, подпольщиков и других людей, обвиненных в тех или иных враждебных акциях. Ну и к тому же, если успехи карателей определялись количеством, кому там нужно было евреев от неевреев отделять? Так что порой и "по разнарядкам" гребли - точно так же, как в сталинских кампаниях массовых репрессий, для отчетности.

А вот что касается коммунистических активистов, то их-то как раз уничтожали далеко не всегда - в данном вопросе советская пропаганда потом привирала. Приказы о расстреле армейских политических комиссаров действительно существовали и выполнялись - чтобы не допустить их идеологического влияния в массах пленных. А на местах довольно много коммунистов, в том числе ответственных работников, наперегонки побежали к немцам, стараясь пристроиться на тепленькие местечки при новых властях. Что не удивительно - ну где, как не в сталинской партии могла выработаться такая степень приспособленчества! А в "искусственном отборе" 30-х годов уцелели именно те, кто готов был менять ориентацию как угодно начальству. И их охотно брали как "специалистов". А большое количество сотрудников

НКВД очутились... на работе в гестапо и полиции (см. напр. "НТС. Мысль и дело", Франкфурт-на-Майне, 1990). И их тоже брали. Как раз в спецслужбах меньше внимания уделяли расовым бредням, а больше учитывали профессиональные качества. Скажем, в Чехословакии Гиммлер оценил очень высокий уровень работы полиции и в полном составе причислил ее к СС. А в России чекистов фактически брали для продолжения их прежней работы. Они знали и местные условия, и местное население, а что касается контингента репресслируемых, то и он почти не изменился - ведь и раньше гребли то своих же крестьян, то интеллигенцию, то коммунистов. А в западных областях гестапо и НКВД перед войной вообще работали рука об руку, тут коллеги даже лично знали друг друга. В результате, бывшие НКВД-шники составили значительный процент следователей гестапо и полиции, использовались на "черной работе" палачей, а в небольших городках и возглавляли полицейский аппарат. Таким "специалистам" вполне доверяли работать самостоятельно, даже без участия и контроля немцев, ведь для них, в отличие от работников администрации, даже особо тщательных проверок не требовалось - кровью повязал, и все.

И если разобраться, то подобное сотрудничество выглядит вовсе не парадоксальным, а закономерным. Нацизм точно так же, как и коммунизм, начисто ломал внутренние моральные устои человека, тем самым открывая дорогу самым темным и низменным силам подсознания. Хорошо известно, сколько маньяков и садистов проявилось в германском народе в результате провозглашенного "освобождения от химеры, называемой совестью" красноречивые примеры, вроде изделий из человеческой кожи, гестаповских пыток или "медицинских экспериментов", были многократно задокументированы и описаны, представлены в

материалах судов, проходивших по разным странам после войны. А в оккупированных областях СССР создалась ситуация, аналогичная эпохе гражданской, когда обозначилась централизованная потребность в убийцах. И естественно, привлекала она тех, кто уже имел внутреннюю предрасположенность к подобной "работе". На которой имели возможность выдвинуться как раз палачи НКВД, у которых всякие моральные барьеры давно были сломаны, и давно привыкшие лить кровь собственных сограждан, а то и вошедшие во вкус.

Между прочим, нацистские руководители иногда все же обращали внимание на опасность патологических изменений психики при реализации системы террора. Скажем, Гиммлер, будучи сам в душе явным садистом, хотя и пытался скрывать свои наклонности за некой "профессиональной беспристрастностью", даже специально решил заняться данной проблемой. Произошло это после того как 31. 8. 42 г., находясь в Минске, он выразил желание поприсутствовать на массовой экзекуции. Местное начальство отобрало 100 чел. - и, по-видимому из желания угодить высокому гостю, для "зрелищности", в расстрельный список постаралось включить побольше молодых женщин. Но когда под автоматы эсэсовцев выгнали толпу голых баб, многие из которых содержались в тюрьмах с детьми и вместе с ними были отправлены на смерть, и пошла мясорубка причем после первых очередей две израненные женщины остались стоять и никак не падали, рейхсфюрер СС был настолько шокирован, что чуть не упал в обморок. И под влиянием собственных впечатлений, издал приказ, что для женщин и детей необходимо перейти на другие формы умерщвления, поскольку солдаты зондеркоманд - люди женатые, и участие в таких казнях может разрушительно повлиять на их психику. О каком-либо

гуманизме здесь речи не шло - только забота о сохранении здравого рассудка подчиненных.

И как раз во исполнение данного приказа пошла интенсивная разработка и изучение альтернативных вариантов. С данной целью в начале 1943 г. тот же Гиммлер посетил концлагерь Собибор. Специально к его приезду сюда свезли из других лагерей 300 девушек покрасивее и не успевших исхудать, несколько дней их усиленно кормили и приводили в "товарный" вид, даже заставили как следует вымыться, а уж потом загнали в газовую камеру. И рейхсфюрер СС, наблюдавший через глазок за их агонией, на этот раз остался вполне доволен увиденным, даже наградил после казни медалью коменданта лагеря Густава Вагнера. Но опыты с передвижными "душегубками" - например, проводившиеся в Краснодаре - не дали желаемых результатов, они умерщвляли "всего-то" по 15-50 чел. за один рейс. И там, где стационарных газовых камер не было, вернулись к расстрелам - только теперь они официально признавались "грязной работой", и привлекать для них старались либо специализированные формирования из уголовников и штрафников, вроде "батальона Дирлеванглера", либо местных палачей.

В советской литературе обычно подчеркивается, что они были из "кулаков", "белогвардейцев" и уголовников. Уголовников - да. Но вот "кулаки" с "белогвардейцами" сохранили Бога в душе, поэтому для таких дел заведомо не годились. Разве что те из них, кто уже сломался и опустился в лагерях, перейдя в разряд деклассированных элементов, то есть тех же уголовников. Зато чекистам и "опускаться" не требовалось, это была их профессия. Можно даже отметить, что в оккупированных областях контингент подобрался подходящий. Ведь в 1939-1940 гг. на Западную Украину, в Западную Белоруссию, Молдавию,

Прибалтику направляли именно специалистов по чисткам и репрессиям.

Похоже, имел место даже своеобразный обмен опытом. Например, до 1941 г. немцы применяли старую, традиционную методику расстрелов - взводом солдат, с прицелом в грудь (во Франции так расстреливали и до конца войны). А выстрелы в затылок при расследовании германскими комиссиями сталинских преступлений - вскрытии массовых захоронений в Виннице, Катыни, Ровеньках и др., прямо квалифицировались как "характерный почерк" НКВД. Но бывшие чекисты пользовались им и на германской службе - скажем, в Яновском концлагере под Львовом. Впрочем, этот контингент палачей трудился и в других местах - в составе "Зондеркоманды СС-10-А", бесчинствовавшей на Украине и Кубани, 115-го и 118-го полицейских батальонов, заливших кровью Белоруссию, по некоторым данным они работали в отделениях гестапо Минска, Могилева, Смоленска, Одессы, Ровно... И немцы, видимо, оценили преимущества чекистской методики казней, она получила у них такое широкое распространение, что в материалах Нюрнбергского процесса убийство выстрелом в затылок называется уже "типичным нацистским приемом". Так что можно сказать, некое коммунистическо-нацистское сотрудничество продолжалось и в процессе войны. Разве что не на государственном, а на местных и персональных уровнях.

Хотя конечно, сваливать ужасы "коричневого террора" только на немногих профессиональных убийц и русских холуев было бы совершенно неправомочно. Усилия нацистской антисистемы по моральному "преображению" своих подданных в первую очередь сказывались на самих немцах, и если многие из них, как отмечалось выше, все же продолжали относиться к русским более-менее по-человечески, то с лихвой

хватало и таких, кому безнаказанность и вседозволенность пришлась по душе, и кто реализовывал свои худшие инстинкты с искренним энтузиазмом. Даже после указанных директив Гимmlера вовсю продолжались массовые расправы силами германских солдат, и не только СС, но и Вермахта - размах репрессий был таким, что одних лишь штрафников и карателей из русских для них никак не хватило бы. Да и сами карательные подразделения из местных народов возглавляли все равно немцы, задавая и тон в жестокости, и разнарядки по масштабам зверств. Многие германские солдаты и офицеры становились палачами очень охотно, и в отличие, скажем, от палачей гражданской, любили при этом позировать перед фотообъективами и кинокамерами, собирая целые коллекции свидетельств о своих "подвигах". Из-за чего и сохранилось так много кадров, где эти "бравые немецкие парни" измываются над жертвами, расстреливают, вешают, жгут, а то и рубят головы, по-крестьянски поплеывая на ладони и умело орудуя топором. А в некоторых отношениях германские "специалисты" могли советским "специалистам" и фору дать - к примеру, в области пыток. Которые у чекистов и во времена гражданской войны, и в период 37-38 гг. хотя и применялись широко, но все же оставались на уровне "самодеятельности". А в гестапо были возведены в целую науку, для них изготавливались соответствующие инструменты, разрабатывались методики и рекомендации с привлечением медиков и психологов, и в региональных центрах создавались особые бригады профессионалов этого дела, которые при необходимости выезжали со своим оборудованием на места, где коллеги не могли справиться собственными силами, и требовалось более квалифицированное вмешательство.

Ну а на общем ходе восточной кампании гитлеровские методы ведения войны сказались для немцев крайне отрицательно. И многие нацистские руководители это осознавали. Например, Розенберг, сам выросший в России, считал очень вредной пропаганду насчет "унтерменшей"-недочеловеков и внедрения подобного отношения к русским. Точно так же и Геббельс, добросовестно озвучивавший эту пропаганду, в душе придерживался иной точки зрения. В своем дневнике за 25. 4. 1942 г. он писал, что поначалу жители Украины приветствовали Гитлера как избавителя, но изменили свое отношение из-за зверского обращения с ними. Отмечал, что угрозу со стороны партизан можно было бы свести до минимума, завоевав доверие населения, и вообще, гораздо правильнее было бы вести борьбу против большевизма, а не русского народа - создать марионеточные правительства, опереться на антисоветские силы.

Самые дальновидные из подручных фюрера приходили к выводу, что действия немецких карателей не только играют на руку Сталину, но даже приветствуются им. В инструкциях партизанам предписывалась самая жестокая расправа с оккупантами, невзирая ни на аресты заложников, ни на угрозы оккупационных властей. Ведь если диверсионная или террористическая акция вызывала массовые репрессии в отношении мирного населения, это способствовало еще большему озлоблению народа и дальнейшему развитию партизанской борьбы. Впрочем, тут-то уж на Сталина нечего пенять. Во-первых, оккупационные власти развернули террор еще до возникновения партизанского движения, он был заложен изначально в стратегии "Восточной политики" и начал проводиться в жизнь с самого 22 июня. Потому что главной его целью считалось сразу же, с первых дней нового режима запугать народ и отбить саму

мысль о каком бы то ни было сопротивлении или непослушании. А во-вторых, подобные способы усилить народную ненависть к захватчикам были отнюдь не достоянием одних лишь коммунистов - их всю использовали и западные демократы. Например, когда в Чехословакии были сброшены парашютисты для убийства Гейдриха, они несколько раз по радио предупреждали Лондон, что акция будет стоить жизней многих мирных жителей, однако получили категорическое подтверждение приказа осуществить покушение.

В целом же ситуацию, сложившуюся в России, очень точно охарактеризовал заместитель начальника политического департамента Остминистерии Отто Бройтингам в своем докладе 25. 10. 42 г.: "Вступив на территорию Советского Союза, мы встретили население, уставшее от большевизма и томительно ожидавшее новых лозунгов, обещавших лучшее будущее для него. И долгом Германии было выдвинуть эти лозунги, но это не было сделано. Население встречало нас с радостью, как освободителей, и отдавало себя в наше распоряжение... Обладая присущим восточным народам инстинктом, простые люди вскоре обнаружили, что для Германии лозунг "Освобождение от большевизма" на деле был лишь предлогом для покорения восточных народов немецкими методами... Рабочие и крестьяне быстро поняли, что Германия не рассматривает их как равноправных партнеров, а считает лишь объектом своих политических и экономических целей... С беспрецедентным высокомерием мы отказались от политического опыта и... обращаемся с народами оккупированных восточных территорий как с белыми "второго сорта", которым провидение отвело роль служения Германии в качестве ее рабов... Не составляет отныне секрета ни для друзей, ни для врагов, что сотни

тысяч русских военнопленных умерли от голода и холода в наших лагерях... Сейчас сложилось парадоксальное положение, когда мы вынуждены набирать миллионы рабочих рук из оккупированных европейских стран после того, как позволили, чтобы военнопленные умирали от голода, словно мухи... Продолжая обращаться со славянами с безграничной жестокостью, мы применили такие методы набора рабочей силы, которые, вероятно, зародились в самые мрачные периоды работорговли. Стала практиковаться настоящая охота на людей... Наша политика вынудила как большевиков, так и националистов выступить против нас единым фронтом..."

Действительно, могли ли русские считать немцев союзниками и "освободителями" после всего, что они начали вытворять? Получалось, что угодили из огня да в полымя. А с другой стороны, ведь и в 1812 г. крестьяне верили, что царь за совершенные ими подвиги отменит крепостное право. А уж в такую войну, как Великая Отечественная тем более рождались надежды на благие перемены. Казалось просто невероятным, чтобы после победы над врагом власть не пошла на уступки. Имелись и реальные факты, подпитывавшие подобные надежды - и то, что Сталин решился сказать подданным "братья и сестры", и открытие церквей, разрешение богослужений, и роспуск Коминтерна, и введение прежней формы с погонами, и новый государственный гимн вместо "Интернационала". А советская агентура за линией фронта раздувала и поддерживала подобные слухи - дескать, и колхозы распустят, и сажать перестанут, а чтобы после войны хозяйство восстановить, всем огромные льготы дадут...

И мощнейшая народная опора, на которую в начале войны могли рассчитывать немцы, и которой они так бездарно пренебрегли, постепенно переходила к коммунистам. А те, кто доверился первому искреннему

порыву, все более явно оказывался в положении обреченных жертв. Иногда возникает, вроде бы, логичный вопрос - могла ли война кончиться иначе, если бы германское руководство повело себя более разумно и сумело привлечь на свою сторону русский народ? Но, пожалуй, вопрос этот сугубо абстрактный. Ведь в данном случае нацистам пришлось бы перестать быть нацистами. А не будь они нацистами, то не сложилась бы и вся историческая ситуация 1941-45 гг.

23. Власов и "власовцы"

О пресловутом "власовском движении" в литературе было написано немало, и, наверное, будет со временем написано еще больше, потому что вопрос этот сложен и далеко не однозначен. Здесь было гораздо больше слухов, проектов и несбывшихся надежд, чем реальных дел. Когда неожиданно для немцев в советском народе и армии обозначилась столь мощная антикоммунистическая оппозиция, возникла потребность найти для этой оппозиции авторитетного лидера. Причем в данном требовании сходились и те руководители Рейха, кто считал необходимым изменение "Остполитик", и те, кто соглашался только на пропагандистскую игру для разложения советской армии. Начался поиск подходящей фигуры. Одной из кандидатур был, например, Яков Джугашвили, сын Сталина - видать, так представляли немцы русскую психологию, что после злодеяний отца народ, тем не менее, признает "законным наследником" сына что-то вроде варианта "Лжедмитрия". Однако от него был получен отказ.

Другим кандидатом стал командующий 19-й армией Михаил Федорович Лукин, герой Смоленского сражения. Он попал в плен тяжелораненным, немецкие врачи спасли ему жизнь, ампутировав ногу. 12. 12. 41 г. Лукин направил обращение к германскому командованию с предложением создать альтернативное русское

правительство, чтобы "бороться против ненавистной большевистской системы". Он писал: "Большевизм смог найти поддержку у народов Советского Союза только в результате конъюнктуры, сложившейся после Первой мировой войны. Крестьянину пообещали землю, рабочему - участие в промышленных прибылях. И крестьянин, и рабочий были обмануты. Если у крестьянина сегодня нет никакой собственности, если рабочий зарабатывает в среднем 300-500 руб. в месяц и ничего не может купить на эти деньги, если в стране царит нужда и террор, и жизнь тускла и безрадостна, то понятно, что люди должны приветствовать избавление от большевистского ига... Народ окажется перед лицом необычной ситуации: русские встали на сторону так называемого врага - значит перейти к ним - не измена родине, а только отход от системы... Даже видные советские деятели наверняка задумаются над этим... Вряд ли все руководители - заклятые приверженцы большевизма".

Одним из энтузиастов, осуществлявших поиск русского антикоммунистического лидера, являлся капитан Штрик-Штрикфельдт из разведотдела Генштаба. Он был из "русских немцев", образование получил в Санкт-Петербурге и в Первую мировую воевал в российской армии. Поэтому он никак не мог разделять нацистских взглядов на "Восточную политику", но при этом искренне верил, что все еще можно изменить. Он встретился с Лукиным и впоследствии вспоминал: "Он не любил немцев, но был им благодарен за то, что они сделали для него... Он говорил, что если это действительно не завоевательная война, а поход за освобождение России от господства Сталина, тогда мы могли бы даже стать друзьями. Немцы могли бы завоевать дружбу всего населения Советского Союза, если они всерьез стремятся к освобождению России, но только равноправный партнер может вступить в

дружеский союз. Он был готов, невзирая на свою инвалидность, стать во главе пусть роты, пусть армии - для борьбы за свободу. Но ни в коем случае не против своей родины. Поэтому бороться он стал бы только по приказу русского национального правительства, которое не должно быть марионеточным правительством при немцах, а должно служить лишь интересам русского народа".

Однако в страшную зиму 1941-42 гг., когда вымирали миллионы пленных в лагерях, Лукин понял, что о дружбе и союзе с нацистами не может быть и речи, и от дальнейшего сотрудничества с ними наотрез отказался. (Любопытно, что Сталин потом не репрессировал Лунина и, продержав несколько месяцев под следствием, даже вернул генеральское звание - хотя ему доложили об антисоветском поведении командарма в плену).

Ну а в 42-м немцам подвернулся Андрей Андреевич Власов. Идеализировать его, как порой делалось в эмигрантской, да и в нашей "перестроечной" литературе, пожалуй, не стоит. В нем хватало и беспринципности, и непоследовательности, и честолюбия, и склонности попадать под чужие влияния. Но те же качества были присущи большинству советских военачальников. Разве можно, например, считать особой принципиальностью слепое повиновение "вождю народов"? Или пулю в лоб из страха быть наказанным за поражение? Поэтому надо признать, что окончательным подлецом и чудовищем, каковым его изображают советские источники, Власов тоже не был. Все же он осмелился. Осмелился на то, на что не осмелились другие. Многие факты свидетельствуют о том, что действовал он вполне искренне, хотя порой обманывал сам себя - убеждал себя и позволял другим убедить в том, во что хотелось верить. И "немецким холуем" он тоже не был,

безуспешно пытаюсь проводить некую самостоятельную, "русскую" линию. И понятие чести он тоже сохранил - скажем, отказавшись в последний момент, в 45-м, бросить своих подчиненных и скрыться, хотя имел к этому возможность. И, наверное, при той политике в "Восточном вопросе", которую проводила Германия, у антисоветского движения мог появиться только такой лидер - другие или сами отказывались, как Лукин, или не подошли бы немцам. Или русским.

Власов был из крестьянской семьи, воспитывался в духовном училище и Нижегородской семинарии, не закончив ее из-за революции. Был призван в Красную Армию, проявил военные способности и стал продвигаться по службе. Закончив гражданскую командиром роты, остался в кадрах РККА. Учился на курсах "Выстрел", в 1930 г. вступил в партию, преподавал в Ленинградской военной школе. Затем вернулся на строевую службу. Стоит особо отметить, что в конце 30-х он побывал военным советником в Китае. А ведь именно там, как уже отмечалось, советская и германская сторона выступали союзниками. То есть, Власов уже у Чан Кайши мог познакомиться с немецкими офицерами, и не исключено, что это подготовило психологическую почву к будущему сотрудничеству. Войну он встретил командиром 4-го моторизованного корпуса на Украине. Оборонял Львов, несколько раз с боями прорывался из окружений. Прославился в битве за Москву, командуя здесь 20-й армией. Удостоился ряда наград, считался одним из самых популярных и талантливых военачальников. Затем был назначен заместителем командующего Волховским фронтом, а в разгар неудачного наступления, предпринятого для деблокирования Ленинграда, принял 2-ю ударную армию.

В результате грубых ошибок вышестоящего командования она попала в окружение и была

полностью разгромлена. Разрешение на выход из котла было получено, когда уже не было ни такой возможности, ни самой армии. Ее остатки, разбившись на мелкие группы, пытались просочиться через фронт. А сам Власов после долгих скитаний по лесам и болотам попал в плен 12. 7. 1942 г. Очутившись в лагере высшего командного состава под Винницей, он вместе с командиром 41-й дивизии полковником Боярским составил доклад, что большинство населения и армии приветствовали бы свержение советского режима, если бы немцы взяли курс на создание в России национального государства. На него обратил внимание офицер отдела "Вермахт-пропаганда" Хильгер, бывший сотрудник посольства в Москве. Но главным опекуном Власова стал все тот же капитан Штрик-Штрикфельдт, после неудачи с Лукиным искавший новую кандидатуру для своих проектов. Он и лично подружился с Власовым и развил бурную "посредническую" деятельность. С одной стороны, доказывая вышестоящему руководству, что это именно тот человек, который нужен, поэтому имеет смысл развивать "власовское движение" и делать на него ставку. А с другой стороны, уговаривая самого Власова идти на уступки и довольствоваться тем, чего получалось добиться - дескать, со временем, можно будет отвоевать более прочные позиции.

В результате, операция начала разворачиваться в ведении отдела "Вермахт-пропаганда". Была выпущена листовка за подписью Власова к советским солдатам, а затем так называемая "Смоленская декларация", где объявлялось о создании Русского Комитета, якобы организованного в Смоленске, и Русской Освободительной Армии. Германское командование дало разрешение распространить этот документ только за линией фронта, чтобы спровоцировать дезертирство. Но Штрик-Штрикфельдт, вопреки запретам, сумел договориться с летчиками об "ошибке", и часть тиража

была разбросана над оккупированной территорией. Капитан считал, что среди населения декларация вызовет нужный эффект, активизирует антисоветское движение, а затем, поставив руководство перед фактом, будет проще доказать необходимость изменения политики.

Отчасти так и произошло. В Смоленск в адрес несуществующего Русского Комитета посыпались письма граждан, пошли ходоки, чтобы установить с ним контакт. Приезжали добровольцы, разыскивая, где можно записаться во власовскую армию. И солдаты-"хиви", бойцы разных "Остгруппен" оживились: теперь, вроде, было за что воевать.

Они сами начали считать себя "власовцами", прикрепляли на немецкие мундиры нашивки "РОА" и полагали, что скоро их должны перебросить в "свою" армию, а задержки вызваны только техническими причинами. Но верховное командование дало инициативе решительный отлуп, и Кейтель строго указал отделу "Вермахт-пропаганда", что не его дело заниматься политикой.

Осенью 1942 г. центр так называемого Русского Освободительного Движения (РОД) обосновался в Берлине. В него, кроме Власова, вошли и другие советские генералы и офицеры из числа пленных - М. А. Зыков (Ц. С. Вольпе, в прошлом - сотрудник Бухарина), Г. Н. Жиленков, В. Ф. Малышкин, Ф. И. Трухин и др. Недалеко от Берлина, в Дабендорфе, была открыта школа пропагандистов - но официальным ее начальником стал все же немецкий офицер, Штрик-Штрикфельдт. Предполагалось готовить что-то вроде комиссаров для работы в частях "Остгруппен", среди пленных и угнанных на восток рабочих, разъяснять обманы и ошибки коммунистической идеологии, помогать людям, выросшим при советском режиме, вырабатывать иное мышление. Количество курсантов

было очень ограничено, одновременно обучалось около 100 чел., так что и эта акция держалась на уровне эксперимента. Характерным представляется и то, что когда прорабатывались вопросы символики РОД, использование двуглавого орла и бело-сине-красных цветов дореволюционного знамени германское начальство категорически запретило - сочло, что они связаны с традициями "Российской державности", а это было объявлено нежелательным. И для нарукавных нашивок и эмблем "власовцев" приняли символику морского, Андреевского флага - синий косой крест на белом поле. Ее немцы признали более "нейтральной" и разрешили.

Без согласования с руководством Рейха, по прямым договоренностям с военным командованием на местах, были предприняты две поездки Власова по оккупированным территориям. В феврале-марте 1943 г. - в Смоленск, Могилев и Бобруйск. В апреле-мае - в Ригу, Псков, Лугу, Гатчину. Встречали его восторженно. Залы, где он выступал, были переполнены, толпа прорывала полицейские кордоны, подхватывала генерала и несла на руках. Власов говорил о цели своей борьбы - создании независимого национального государства. Отвечая на вопросы, часто вынужден был выдавать желаемое за действительное - например, что немцы "в союзе с русскими" помогут сбросить диктатуру Сталина, так же как русские помогли Европе освободиться от Наполеона. Дипломатично лавировал, отмечая, что пока русские антикоммунисты вынуждены быть "гостями немцев", но после победы немцы будут в России лишь гостями. Однако на вопросы, не превратит ли Германия страну в свою колонию, отвечал однозначно - иностранного господства Россия не потерпит ни в какой форме. На одном из собраний он сам обратился к слушателям с вопросом, хотят ли они быть рабами немцев, и аудитория дружно кричала: "Нет!" Хотя и тут

подход был чересчур наивным, ведь подразумевалось, что рабами немцев русские могут стать лишь в том случае, если будут защищать коммунизм, а, выступая против него, превратятся в друзей и союзников.

Однако успех этих поездок поставил крест на дальнейшей агитационной деятельности. Если "власовский эксперимент" имел сторонников в германском государственном и военном аппарате, то он имел и противников. И противников очень могущественных. Одним из главных противников стало гестапо. Группенфюрер Мюллер резко выступал против использования Власова, высказывая опасения о его "ненадежности" и возможности открытия фронта, если русскому генералу позволят создать свои части. В своих докладах начальник гестапо подчеркивал и опасность восстания внутри Германии, где скопилось 3 млн. советских граждан, и даже заявлял, что его аппарат не в состоянии гарантировать спокойствие и бесперебойную работу тыловых предприятий, если руководство решится поставить на Власова. Ну а после упомянутых поездок генерала по оккупированным территориям гестапо сделало выборку соответствующих "нелояльных" цитат из его речей к населению, представив ее Гиммлеру. Рейхсфюрер СС поспешил доложить Гитлеру, и взбешенный фюрер устроил выволочку Кейтелю. И тот отдал приказ: "Ввиду неквалифицированных бесстыдных высказываний военнопленного генерала Власова во время поездки в Северную группу войск, происходившей без ведома фюрера и моего, перевести его немедленно в лагерь для военнопленных".

Сторонники Власова кое-как защитили его, добились замены домашним арестом, но 8. 6. 1943 г. в Бергхофе состоялось совещание, на котором Гитлер все расставил на свои места. Он заявил: "Мы никогда не создадим русской армии, это чистая химера", и

распорядился сохранить "власовское движение" только в рамках пропагандистской акции. В результате Кейтель запретил Власову набор добровольцев и поездки на оккупированные территории. Генерал после этого совсем упал духом и уже сам выражал желание вернуться в лагерь. Соратники и Штрик-Штрикфельдт уговорили его остаться, убедили, будто не все еще потеряно, но обширные планы создания в России антикоммунистического сопротивления на этом, собственно, и оборвались.

В попытках организации такого сопротивления "власовское движение" в какой-то мере сомкнулось с подпольной деятельностью НТС. Активисты Союза, просочившись разными способами в СССР, создали 120 групп и организаций, действовавших в 54 населенных пунктах. НТС-овцы старались устроиться в органы муниципального управления, взять под контроль местную печать, культурную работу, что нередко удавалось из-за их европейского образовательного уровня. Во Пскове член НТС работал в православной миссии, в Симферополе НТСовец-мусульманин читал проповеди в мечети. Обнаружилось и несколько эмигрантов, засланных в СССР в предвоенные годы. И. Хлобыстов встретил соратников в Смоленске, А. Чупрунов служил в Красной Армии, попал в плен и был взят немцами переводчиком, А. Колков действовал на Кавказе. Крупные центры Союза возникли в Смоленске, где ему сочувствовал городской голова Меньшагин, в Брянске, Киеве, Виннице, Днепрпетровске, Одессе.

Там, где получали доступ к типографиям, печатались листовки и агитационные брошюры. Лозунг был выдвинут - "за Россию без немцев и большевиков". НТС пытался выявлять национальные антикоммунистические силы и создавать освободительное народное движение. Агитаторы старались войти в контакт с партизанскими отрядами,

которые еще не попали под контроль Москвы, вели работу в частях "Остгруппен" и "Остлегионен".

Активную деятельность развернула и зарубежная часть НТС. В Югославии велась агитация против вступления в "Охранный корпус". В Берлине искали связи с кругами, оппозиционными Гитлеру, особенно в вопросах его "Восточной политики", пытались найти с ними общий язык и использовать в своих целях. Когда в 1942 г. в Циттен-хорсте и Вустрау открылись "учебные лагеря", где из специально отобранных пленных предполагалось готовить административные кадры для оккупированных территорий, НТС сумел внедриться туда и завербовать многих преподавателей, практически перехватив учебный процесс и распространяя свои идеи. Здесь же стала издаваться литература Союза - и нелегально, и открыто, замаскированная под учебные пособия.

Ряд сотрудников лагеря Вустрау перешел позже в Русское Освободительное Движение Власова, в том числе генерал Ф. И. Трухин, который к этому времени стал членом НТС. По его рекомендациям в руководство "власовского движения" и пропагандистской школы в Дабендорфе попали и другие члены Союза - А. Н. Зайцев (Артемьев), А. А. Кандауров, Н. Г. Штифанов, М. А. Меандров. Так что через них определенное политическое влияние оказывалось и на власовцев, и на подготовку "пропагандистов". Хотя надо отметить, что в целом идеология РОД представляла собой жуткую мешанину. Кроме НТС-овцев, выработавших свои модели строительства новой России, в орбиту Власова вошли и несколько бывших белогвардейцев, знавших и помнивших Россию прежнюю - Сахаров, Кромиади, Ламсдорф. А главные идеологи РОД М. Зыков и Г. Жиленков придерживались взглядов не то что "розовых", а вполне "красных", разве что осуждали сталинские репрессии в отношении товарищей по

партии и соглашались с необходимостью некоторого улучшения жизни народа. Наконец, большинство соратников Власова были обычными советскими командирами, получили сугубо советское воспитание и образование, поэтому никакой другой идеологии, кроме советской, попросту не знали. Не зря Власов, едва попав в Берлин, выразил желание познакомиться с программами всех эмигрантских партий и течений.

Сразу сломать инерцию мышления, преодолеть сложившиеся стереотипы сознания эти люди не могли, поэтому все программные документы РОД грешат крайней непоследовательностью и противоречивостью. Объявлялась борьба с большевизмом, но чаще под "большевиками" понимался только Сталин и его окружение, а высшая ценность "завоеваний революции" оставалась вне всяких сомнений. Причем революции именно Октябрьской, завоевания которой якобы извратил и опошил Сталин. Обещалась ликвидация колхозов, принудительного труда, введение частной собственности на землю и свободу частного предпринимательства - и тут же решительно осуждался "капитализм" (выдвигался лозунг за Россию "без большевиков и капиталистов"). Провозглашались демократические свободы, но в довольно общей и обтекаемой форме. Обычно обходились стороной вопросы религии. Словом, предполагалось что-то вроде идеализированных проектов нэпа или горбачевских "перестроек". Вокруг пунктов и формулировок всех этих документов велись бесконечные споры и дискуссии. Которые, конечно же, не имели ни малейшего практического приложения. Поэтому интерес они могут представлять разве что для специалистов, изучающих эволюцию российской политической мысли.

А между тем, положение на фронтах стало постепенно изменяться не в пользу Германии. Но даже и в это время в народе сохранялись сильные

антисоветские настроения. Многие не хотели оставаться под большевиками особенно там, где немцы не успели или не сумели сильно нагадить. Массовым был исход жителей Северного Кавказа в январе 1943 г. С Дона уходил с немцами казачий обоз в 15 тыс. человек - уходил, как в гражданскую, с бабами, стариками и детьми. Обоз попал в окружение, но Доманов, возглавив боеспособных казаков, прорвал фронт и вывел из кольца беженцев вместе с немецкими частями, за что был награжден Железным крестом. В 1943 г., когда еще не был прикрыт "власовский эксперимент", в его рамках под Псковом началось было формирование "гвардейской бригады РОА", насчитывавшей всего несколько сотен человек. Но местное население валом повалило записываться добровольцами, и немцы запретили их принимать. В том же году в офицерском лагере военнопленных под Харьковом, когда туда попала листовка Власова, 730 чел. подписали заявление о вступлении в РОА - но и тут гитлеровцев не устроила такая массовость, они сочли возможным освободить и привлечь на службу лишь восьмерых из них. Всего к середине 1943 г. немцами было сформировано 90 батальонов из уроженцев Кавказа и Средней Азии и около 90 русских и казачьих батальонов - это не считая многочисленных "хиви", разбросанных по чисто немецким частям. В одной лишь германской системе ПВО служило до 10 тыс. русских солдат.

Бригада Каминского на Брянщине насчитывала 5 пехотных полков, артдивизион, танковый батальон. Она выставляла свои части для обороны Дмитровска в Орловской области, один полк защищал Севск и погиб целиком советские войска в плен их не брали, уничтожая даже раненых. И при отступлении из брянской "республики" с немцами тоже ушли огромные обозы, более 50 тыс. чел. А на территории Польши в это

время было создано еще одно казачье соединение - и из эмигрантов, и из собранных с разных фронтов казаков-"хиви", и из казаков-пленных формировалась добровольческая дивизия генерала фон Паннвица. Он тоже был "русским немцем", в гражданскую служил в белой армии, но затем получил германское гражданство и дослужился до генерала в составе Вермахта.

Снова к формированию дивизии подключили Краснова и Шкуро, снова разрекламировали и наобещали, что уж это соединение будет воевать на русской земле и против большевиков. Снова были дерзкие планы, проекты, идеи...

НТС попытался использовать немецкие неудачи и близкое крушение оккупационной власти для того, чтобы поднять национальную революцию. От скрытых форм агитации его активисты перешли к открытым призывам к борьбе, выдвигая лозунги "За свободную Россию без немцев и большевиков!", "Покончим с Гитлером, возьмемся за Сталина!", "Завершим Отечественную войну свержением Сталина!" В Полоцке группа П. Пономарева и В. Алексеева перед германским уходом начала проводить открытые митинги под трехцветным русским флагом - поднявшимся на родной земле впервые с гражданской войны. Но в ответ на такие акции начался повальный террор гестапо. Были разгромлены группы НТС в Минске, Смоленске, Молодечно, Пинске, Барановичах, Одессе, Ровно, Варшаве, Пскове, Борисове. Точное число погибших неизвестно - из активистов, связанных с зарубежным центром, было казнено более 30, но попали под репрессии и многочисленные местные кадры, примкнувшие к Союзу и действовавшие в составе его организаций.

Тем беженцам и добровольческим формированиям, которые отступили вместе с немцами, тоже пришлось

несладко. Теперь деваться им было некуда, они целиком и полностью попадали в зависимость от гитлеровцев, и те помыкали ими, как хотели. Ушедших из родных мест казаков сосредоточили в Белоруссии под Новогрудком. Здесь из них начал формироваться так называемый "Казачий Стан", нечто среднее между беженским табором и войсковым соединением, силы которого немцы начали использовать против партизан. Против партизан бросили и бригаду Каминского, приткнув брянских беженцев под Лепелем. На карательные и полицейские задачи переориентировались батальоны расформированной РННА ("бригады Осинторф"), экспериментальная разведывательно-диверсионная русская "СС Дружина-1", другие добровольческие части и отряды. Гитлеровское руководство с подачи Гимmlера и Кальтенбруннера пришло к выводу, что лучше использовать русские части в тылу, а не на фронте - дескать, и под контролем держать легче, и лояльность можно проверить в карательных акциях.

Результат был обратным. Это ведь были не перекусившиеся чекисты, не уголовники и приспособленцы, а честные русские люди, искренне пошедшие сражаться с коммунизмом. И если на фронте они зачастую дрались лучше самих немцев, потому что знали о невозможности сдаться в плен, то в тылу, будучи свидетелями зверств оккупантов, да еще и привлекаемые в качестве соучастников, они не желали становиться палачами соотечественников, и многие сами стали перебегать к партизанам. Так, в полном составе перешла на советскую сторону "СС Дружина-1" под командованием подполковника Родионова. Ее вместе с отрядом СС отправили на карательную акцию в одну из белорусских деревень. Когда колонну жителей конвоировали к месту казни, дружина по приказу Родионова перебила немцев и ушла в леса.

О подобных случаях Мюллер и Кальтенбруннер в сентябре 1943 г. представили впечатляющий доклад Гитлеру - как свидетельство своей правоты о "ненадежности" русских. Фюрер расвирепел и приказал расформировать все части "Остгруппен", а солдат разослать в работу на шахты и заводы. Тут уж пришел черед ужаснуться армейскому командованию - приказ вырывал из рядов Вермахта 800 тыс. бойцов, и это после огромных потерь Сталинграда и Курской дуги! (Кстати, использование русских порой помогало генералам преуменьшать в докладах собственные потери - дыры просто затыкали за счет "хиви"). Но подвернулся подходящий повод, чтобы уломать фюрера смягчить решение - как раз в это время перед англичанами и американцами капитулировала Италия, переметнувшись в лагерь западных держав. И хотя ее дивизии без сопротивления позволили немцам разоружить себя и загнать в лагеря, но второстепенные участки фронта, прежде занимаемые итальянцами, остались теперь оголенными. Поэтому Гитлер в конце концов согласился на компромисс: русские части не расформировывать, а просто перебросить с Восточного фронта на другие.

Казачий Стан погнали в Италию. Созданная в Польше казачья дивизия Паннвица на Восточный фронт тоже не попала - ее отправили в Югославию, где все сильнее разгоралась партизанская война. Русские, кавказские, мусульманские части также перебрасывались - одни в Италию, другие во Францию для борьбы с отрядами Сопротивления и обороны Атлантического вала, третьи - в Северную Африку. Правда, опасались волнений, поэтому старика Краснова подучили составить "Декларацию казачьего правительства", где говорилось, что за оказанные услуги Германия признает казаков своим союзником, обещает после победы вернуть им их земли и

привилегии, а пока намеревается "устроить казаков на временное поселение на свободных землях, имеющих в распоряжении немецких властей". 10. 11. 43 г. "Декларация" была опубликована за подписью Кейтеля и Розенберга. По инициативе начальника ОКХ Йодля отдел "Вермахт-пропаганда" составил и письмо к русским частям (о союзничестве там не упоминалось, а переброска объявлялась временной мерой). Это письмо должно было распространяться за подписью Власова. Поставить ее он отказался. Но только немцы обошлись и без этой формальности - просто опубликовали письмо от его имени, вот и все. А бригада Каминского перешла в ведение СС. Когда ей пришлось отступить и из Белоруссии, ее разместили в Верхней Силезии. Самого Каминского, поляка по национальности, немцы расстреляли, заподозрив в симпатиях к польскому Сопротивлению и "саботаже" их приказов, после чего и бригаду расформировали. Одну часть в 1700 чел. бросили на подавление Варшавского восстания, остальных брянских добровольцев развели кого куда.

24. Война и зарубежная Россия

Еще раз стоит подчеркнуть, что среди русской эмиграции союзниками и сотрудниками нацистов стало подавляющее меньшинство, а большинство сочувствовало антигитлеровской борьбе или становились ее участниками. И это тоже вполне понятно. О злодеяниях сталинского режима здесь если и знали, то на расстоянии многое воспринималось абстрактно, невольно преуменьшалось. Зато режим Гитлера тут видели воочию, ощутили его на себе задолго до советских граждан и понимали, что "освободителем" России он быть не может. Множество эмигрантов воевало во французской, британской, американской армиях - учесть их количество невозможно, поскольку официально они в тот момент

уже не считались эмигрантами, получив иностранное гражданство.

А те, кто оказался на территории оккупированных стран, искали связи с подпольем или создавали собственные организации. В Париже в 1940 г. возник "Союз русских патриотов", организованный гардемаринном Г. В. Шибановым. Печатались листовки для эмигрантов и военнопленных, с 1943 г. стала выходить газета "Русский патриот". В июне 1941 г. в Ницце была создана "Русская патриотическая группа" под руководством И. Я. Германа и Л. А. Сабанеева. Русская подпольная организация во главе с В. А. Андреевым и В. Б. Сосинским образовалась на острове Олерон. Существовала армянская организация Сопротивления. Более 100 эмигрантов-подпольщиков героически погибли во Франции - среди них Г. В. Шибанов, И. И. Троян, К. А. Радищев, В. А. Оболенская - после ареста она подверглась зверским пыткам, но получила от гестаповцев прозвище "княгиня ничего не знаю" и была обезглавлена в немецкой тюрьме. Среди погибших были и Е. Ю. Кузьмина-Караваева - знаменитая "мать Мария", в концлагере пошедшая в газовую камеру за другую женщину, А. Скрябина - дочь известного композитора, А. П. Максимович, Т. Волконская - неуловимая "красная княгиня", за которой долго охотились оккупанты.

А всего в отрядах "макизаров" и группах французского Сопротивления сражалось более 30 тыс. русских. На территории Франции было создано 50 русско-советских партизанских отрядов из эмигрантов, бежавших пленных и тех же самых "власовцев", переброшенных сюда. Если эти солдаты готовы были драться против Сталина и коммунистического режима, то во французах они не видели врагов, да и местные жители относились к ним иначе, чем к немцам. И переходить к партизанам тут было даже удобнее и

безопаснее, чем где-нибудь в Белоруссии, где в каждом отряде имелись свои особые отделы и службы СМЕРШ. Поэтому бегство приняло массовый характер, а пропагандистскую работу среди них часто вели эмигранты. Одним из лучших агитаторов считалась "красная княгиня" Тамара Волконская - благодаря ее доверительным беседам, например, только за один день в отряды "маки" ушло 85 чел. А те бойцы "Остгруппен", которые оставались в строю, потом при первом столкновении зачастую сдавались англичанам и американцам целыми подразделениями, порой перебив при этом немецких командиров. Западные державы они тоже не считали своими врагами, и быть "пушечным мясом" Германии отнюдь не желали. Что сыграло, кстати, определенную роль в быстром успехе союзников при освобождении Франции.

Ряд видных представителей эмиграции, которые по возрасту или иным соображениям не могли стать активными участниками Сопротивления, также отказывались от сотрудничества с нацистами и в своих кругах вели агитацию против такого сотрудничества - И. А. Бунин, Д. Л. Любимов, Г. Раевский. Посильную работу против гитлеровцев вел 70-летний А. И. Деникин. В начале войны его семья бежала из Парижа и обосновалась в поселке Мимизан на Атлантическом побережье. Книги и брошюры генерала попали в разряд запрещенных, он жил впроголодь, занимаясь огородничеством на крошечном участке, обитал в неотопливаемом бараке. Неоднократно ему наносили визиты высокопоставленные немцы, делали заманчивые предложения о переезде в Германию, обещая там комфортабельные условия для жизни и работы, но Деникин всякий раз отвечал отказом. Слушая с женой радио, он распространял запретную информацию среди крестьян, продолжал агитацию среди эмигрантов, даже придумывал для нее новые формы - скажем, из газет и

радиопередач делал подборки из наиболее откровенных высказываний нацистских руководителей по русскому вопросу, которые распространялись среди соотечественников. Генерал много общался с "власовцами", перебрасываемыми на Атлантический вал, советуя им переходить на сторону англо-американцев. Он собирал материалы о нацистских зверствах и положении русских пленных, был одним из первых в Европе, кто заговорил о двойной трагедии этих несчастных, преданных собственным правительством и уничтожаемых фашистами.

Подпольная борьба эмигрантов шла не только во Франции. Многие из них участвовали в итальянском Сопротивлении. Так, одна лишь организация А. Н. Флейшера содержала 40 конспиративных квартир и организовала побеги 182 пленных. В группах чехословацкого Сопротивления боролись с немцами руководитель Трудовой Крестьянской партии С. С. Маслов, лидер евразийцев П. Н. Савицкий, секретарь совета русских писателей А. А. Воеводин, погибший в застенках гестапо. Значительное количество эмигрантов взялось за оружие и сражалось во время Словацкого и Пражского восстаний. Сотни русских действовали в подполье и в партизанских отрядах в Болгарии. Разительный контраст проявился в Югославии. С одной стороны, партизанским движением тут руководили коммунисты, поэтому сражавшиеся против них "Охранный корпус" и казачья дивизия Панновица рассматривали свою войну как продолжение "Белого дела". Но с другой стороны, в условиях немецких зверств и развернувшейся межнациональной резни движение Тито стало общенародным, и сжившиеся с югославами эмигранты часто шли в его отряды. В Белграде действовала подпольная организация "Союза советских патриотов" во главе с Ф. Выстропским, разгромленная немцами. Бывший

полковник Ф. Е. Махин стал генерал-полковником Народно-освободительной армии. Генералом, начальником инженерной службы этой армии, стал белоэмигрант В. Смирнов.

Очень резкое разделение произошло и на Дальнем Востоке. Здесь прояпонскую позицию занимали атаман Семенов, руководитель "фашистской партии" Родзаевский, в ожидании столкновения с СССР начал формироваться Захинганский казачий корпус генерала А. П. Бакшеева (правда, до корпуса далеко не дотянувший, в нем было всего 5 полков и 2 отдельных дивизиона). И в то же время, подавляющее большинство эмигрантов ожидало здесь войны с Советским Союзом совсем по другой причине - ждали, когда же "наши всыпят япошкам". Чему немало способствовала оккупационная политика Токио. Население было обложено огромными налогами, по сути представлявшими собой систему полного выкачивания прибыли. Скажем, крестьяне и казаки, обосновавшиеся в Китае, вынуждены были отдавать все, что производят, им оставляли лишь необходимое для поддержания хозяйства и личного пропитания, да и то на минимальном уровне (запрещалось, например, без ведома администрации забивать свой скот и есть мясо). В марионеточном государстве Маньчжоу-Го русские оказались людьми даже не второго, а третьего или четвертого сорта, после японцев, корейцев и китайцев. И в условиях нормированного снабжения военного времени обеспечивались продуктами в третью очередь и третьей категории. Так что за объяснением здешних настроений далеко ходить не приходится. И проявлялись эти настроения настолько определенно, что упомянутые части Захинганского казачьего корпуса сами же японцы почли за лучшее расформировать.

В США, где количество русских эмигрантов резко выросло в предвоенные и военные годы, возникло

"Американско-Русское общество взаимопомощи", собиравшее средства для Красной Армии. Активное участие в его деятельности принимали скульптор С. Т. Коненков, композитор С. В. Рахманинов, генерал В. А. Яхонтов, митрополит Вениамин. В Канаде также возникли "Русские комитеты помощи родине", просоветская "Федерация русских канадцев", насчитывавшая 4 тыс. активистов. (А кстати, любопытно, куда же все-таки пошли их средства? Ведь из Америки поставки велись по ленд-лизу, а за производство танков и самолетов в СССР, на которые якобы собирались деньги, советское правительство расплачивалось со своими работниками отнюдь не валютой, а хлебными карточками и ничего не стоящими бумажками...)

В разных странах Европы продолжал свою деятельность НТС. Он пытался установить контакты с западными державами, его члены тоже участвовали в отрядах Сопротивления. Велась агитация среди пленных, угнанных на работу в Германию "остарбайтеров", власовцев. В Варшаве больших успехов добился эмиссар НТС А. Э. Вюрглер, руководивший заброской активистов в СССР. Действовал он очень хитро и профессионально, сумел поставить под свой контроль даже эсэсовский "Зондерштаб-Р", созданный для наблюдения за партизанами - и использовал этот штаб для собственных контактов с партизанами, для получения нужных документов, для связи с организациями НТС в России.

Но удары гестапо, начавшиеся в 1943 г., продолжились по нарастающей. Вюрглер был убит прямо на улице. 12. 6. 1944 г. захватили 44 члена НТС в Бреслау. Крупные аресты прошли в Чехословакии, Польше, Австрии. 24. 6. 44 г. взяли 50 человек в Берлине, в том числе председателя Союза В. М.

Байдалакова и все Исполнительное бюро - Д. В. Брунста, К. Д. Вергуна, В. Д. Поремского. В организации был предусмотрен такой вариант, и тут же включилось в работу запасное Исполбюро - Е. Р. Романов (Островский), М. Л. Ольгский, Г. С. Околович. Но 13. 9 и оно было захвачено в следующей волне арестов. НТС-овцам ставилось в вину создание нелегальной организации, антигерманская пропаганда, связь с партизанами. Около 150 чел. погибли в тюрьмах и концлагерях. Другие дожили до освобождения, кому повезло западными союзниками, кому нет - советскими войсками, чтобы сменить одни лагеря на другие.

Но если НТС или, например, Деникин, продолжали последовательную линию "борьбы на два фронта", то значительная часть старой эмиграции под влиянием советских побед к концу войны стала склоняться к другим взглядам. Сами масштабы этих побед уже заслоняли собой все преступления коммунистического режима. В Сталине начинали видеть национального вождя, сумевшего возродить сильную Россию, и противопоставляли его разрушителям страны - Ленину, Троцкому и иже с ними. Получалось, что имели некий высший смысл и коллективизация, и индустриализация, и репрессии против "врагов народа" тем более что как раз этих "врагов народа" в эмигрантских кругах хорошо знали по их злодеяниям в гражданскую и жалеть никак не могли. Теперь все ужасы коммунизма, социальные и хозяйственные эксперименты, выглядели как бы "исторически оправданными", раз уж только Советская Россия смогла одолеть военную машину Гитлера, шутя громившую французов, поляков и англичан.

П. Н. Милюков в 1943 г., незадолго до своей смерти, написал статью, распространившуюся в перепечатках и оказавшую значительное влияние на умы. Он писал, что укрепление государственности, создание мощной армии, развитие экономики - это несомненная заслуга

коммунистического правительства. "Народ и в худом, и в хорошем связан со своим режимом, огромное большинство народа другого режима и не знает". И поэтому эмиграция призывалась "пересмотреть прежние оценки" советской власти. На аналогичную точку зрения встал бывший посол во Франции В. А. Маклаков. В июне 1944 г., после высадки союзников в Нормандии, он распространил воззвание так называемой "Группы действия русской эмиграции", где указывалось, что "после всего, что произошло, русская эмиграция не может не признать советское правительство в качестве русского правительства". Возникла "теория конвергенции", авторами которой стали Маклаков и известный социолог П. Сорокин. Согласно этой теории, между государствами антигитлеровской коалиции неизбежно пойдет постепенное сближение в политических, общественных, социальных формах, особенно после того, как они сокрушат врага и встретятся, вступив в более тесные взаимные контакты. Маклаков писал: "Никто не знает, какой Россия будет после войны. И не только Россия... Глубочайшие трансформации происходят повсюду, пропасть между Советской Россией и миром очень уменьшилась; но это сближение их происходит с обеих сторон, обе стремятся к какому-то синтезу".

После освобождения Парижа и открытия там советского посольства его посетили Маклаков, бывший министр Временного правительства Вердеревский и заместитель председателя РОВС адмирал Кедров, который в своем выступлении сказал: "Советский Союз победил, Россия спасена, и спасен весь мир. Новая государственность и новая армия оказались необычайно стойкими и сильными, и я с благодарностью приветствую их и их вождей".

Посол А. С. Богомоллов сделал ответный реверанс: "Мы могли ожидать, что немцы в борьбе с Россией

используют эмиграцию, но этого не случилось. Тех, кто пошел на службу к фашистам, было сравнительно мало. Наоборот, в разных странах эмиграция проявила свои симпатии к советскому народу".

Но все же посол счел нужным подчеркнуть и разъяснить наивным эмигрантам разницу между русским и советским патриотизмом: "Последний шире первого, и его сущность заключается не только в любви к России, но и в признании всех тех изменений, которые в ней произошли".

Ведь надежды на эволюцию большевистского режима рождались и раньше. И тоже многим казалось, что теперь-то уж неизбежна какая-нибудь "конвергенция". Только вот сами коммунисты никогда так не считали...

25. Еще раз о штирлицах и мюллерах

Как уже отмечалось, запутанная специфика советско-германских и нацистско-коммунистических отношений давала порой плоды самые разнообразные. И если русские люди искренне шли порой служить к немцам, а сотрудники НКВД становились отличными сотрудниками гестапо, то наблюдались и явления противоположного свойства. Пожалуй, пример германских коммунистов, которых ради войны обласкали, вернув из ссылки и лагерей, будет не совсем корректным, как и пример военнопленных, завербованных в комитет "Свободная Германия" и работавших на советскую пропаганду под руководством и контролем политуправления РККА. Но можно назвать действовавшую в Германии группу добровольцев под руководством подполковника Генерального штаба Шульце-Бойзена. В нее входили и другие лица, занимавшие довольно высокие посты - советник министерства экономики Харнак, первый секретарь министерства иностранных дел фон Шелиа, полковник

инженерной службы Беккер, пять человек из главного штаба Люфтваффе и др.

Они были завербованы советской разведкой в 1935-36 гг., перед войной и в годы войны развернув активный шпионаж в пользу СССР. Но эта организация была отнюдь не обычной агентурной сетью - люди, представлявшие уникальные источники стратегической информации (скажем, Харнак ведал в министерстве вопросами планирования и распределения сырья, Беккер имел доступ к разработкам новейших боевых самолетов) в нарушение всех правил конспирации считали нужным по собственной инициативе заниматься совершенно несвойственным и противопоказанным разведке делом - изготовлением и распространением листовок, просоветской агитацией среди знакомых, рискованными пропагандистскими акциями. Известен случай, когда Шульце-Бойзен посреди улицы выхватил пистолет и угрожал расстрелом на месте одному из подручных за невыполнение агитационной миссии на каком-то заводе. После ареста подобные странности разъяснились: участники группы оказались не платными агентами, не просто какими-нибудь оппозиционерами-антинацистами, а убежденными и фанатичными коммунистами. Хотя, пожалуй, для этой молодежи из богатых аристократических семей, "идейный" уход в коммунизм был сродни революционным увлечениям сынков русских дворян XIX в.

В качестве примера из другого общественного среза можно привести гауптштурмфюрера СД Вилли Лемана. По окончании Первой мировой он являлся сотрудником контрразведывательного отдела берлинского полицай-президиума, а с 1920 г. занимал должность начальника канцелярии, в частности, обеспечивая наблюдение за посольствами. С 1927 г., симпатизируя русским, он

связался с ними через своего друга, тоже полицейского, а через 2 года стал постоянным советским агентом (кличка "Брайтенбах"). Его знал и ценил Геринг и в период организации гестапо привлек в эту организацию. В 1934 г. Леман вступил в НСДАП и СС, в свите Геринга участвовал в событиях "Ночи длинных ножей". И постоянно информировал советских товарищей о контрразведывательных операциях против них, в результате чего за 12 лет русские не имели в Берлине ни одного провала. Перед войной Леман был назначен в отдел гестапо IVe (контрразведка), отвечал там за противодействие экономическому шпионажу. Но затем пошла свистопляска репрессий в московских структурах, в 1937 г. был отозван и расстрелян легальный (т. е. действовавший под дипломатическим прикрытием) резидент Б. Гордон, работавший с Леманом, за ним отозван и снят с должности нелегальный резидент В. Зарубин (оперирующий под именем чешского инженера Кочека). Какое-то время связь еще поддерживалась через "почтовый ящик" - квартиру некой Клеменс, ее осуществляли сотрудники "легальной" резидентуры Эрвин и Мария (тоже отозванные) и А. И. Агаянц. Но неожиданно Агаянц умер из-за болезни, и с весны 1939 г. связь оборвалась совсем.

После вступления СССР в союз с Германией в Берлин был направлен А. Кобулов, личный ставленник Берии, и в 1940 г. Леман напомнил о себе, подбросив письмо в советское полпредство. Кстати, при последующей безоговорочной "анафеме", которой был предан Берия, был автоматически затушеван и вычеркнут из истории и ряд его несомненных заслуг. В частности, только благодаря предпринятым им экстренным и грамотным мерам смогла в столь короткий срок возродиться советская разведка, фактически разгромленная и уничтоженная в междоусобицах 1937-38 гг. Он снова

привлек к работе отстраненных мастеров своего дела, таких как Зарубин, Судоплатов, Короткое и др., по их заявкам скопом освободил всех ценных сотрудников, очутившихся за решеткой, провел очень энергичные организационные мероприятия, и к началу войны разведка снова обрела боеспособность, удостоившись высочайшей профессиональной оценки как союзников, так и противников. Хочешь не хочешь, а в этом неоспоримая заслуга Лаврентия Павловича.

Но к вопросам оценки его личности мы еще вернемся в соответствующем месте, а в 1940 г. как раз в плане развернувшихся операций по восстановлению разведывательной сети в Берлин был послан один из асов шпионажа, А. Коротков. Он и восстановил оборванные связи, сумел заново наладить контакты и с группой Шульце-Бойзена, и с Леманом. Дальше работал с ним резидент Б. Н. Журавлев, и Леман передавал информацию высочайшего класса, которая составила 14 томов в архивах Лубянки. Во время подготовки нападения на СССР он не только сообщал об этом в Москву, но и воспользовался реорганизацией Абвера, усиливавшего подразделение, нацеленное на Россию, и постарался устроить туда несколько своих друзей. И получил нагоняй, когда 19. 6. 1941 г. передал экстренные данные о дате и времени начала операции. А затем связь опять оборвалась - из-за сталинского неверия в скорую войну разведка не подготовила вовремя запасных каналов, и с отъездом из Берлина советских представительств, в том числе и действовавших под их крышей резидентур, возможность передавать информацию исчезла. Контакты с Леманом попытались восстановить в 1942 г., для этого в Германию был заброшен агент-парашютист Ганс Барт (Бек), однако он попался и выдал явки гестаповцам. В результате Леман был арестован и расстрелян.

Но наверное, самым любопытным, а кое в чем, даже характерным примером нацистско-большевистских контактов в годы войны, стал сам начальник IV управления РСХА, то бишь гестапо, группенфюрер СС Генрих Мюллер. Правда, большинство утверждений о его работе на русских основаны на мемуарах Шелленберга, которым доверять можно далеко не всегда и с очень большой оглядкой, да и там они приводятся бездоказательно. В 90-е эта сенсация несколько раз всплывала в нашей периодической печати и в телевизионных передачах - если не ошибаюсь, НТВ. Как помнится, даже показывали могилу на одном из московских кладбищ, где он якобы похоронен под чужой фамилией. Но такие "источники" объективными и достоверными тем более не назовешь. И все же доказательства, если не совсем строгие, то достаточно весомые, что Мюллер, по крайней мере на заключительном этапе войны, был действительно связан с советской разведкой, найти можно; и ниже я намерен их привести.

Однако для начала отметим, что по своему складу Мюллер куда больше соответствовал "коммунизму", чем экзальтированные молодые аристократы из кружка Шульце-Бойзена. Происхождения он был самого, что ни на есть "пролетарского", родился в 1896 г. под Мюнхеном в очень бедной крестьянской семье и с детства мечтал лишь об одном - выбиться в чиновники, чтобы к старости выслужить твердую пенсию. Поэтому и пошел в полицию, начав с рядового сыщика, мерз и мок в засадах, сбивал ноги в облавах и слежках. Особенных криминальных талантов в нем не отмечалось. Так что киношный Мюллер в исполнении Броневого - проницательный, тонкий, лично ведущий сложные расследования - весьма отличается от оригинала. Возможно, Ю. Семенов и авторы сериала приписали ему некоторые черты коллеги, начальника V

управления РСХА (криминальная полиция) Артура Небе, по праву считавшегося одним из самых блестящих криминалистов своего времени. А Мюллер был работником другого сорта. По свидетельствам современников, "малоинтеллигентный, но чрезвычайно упорный и упрямый". Он "как опытный ремесленник преследовал свою жертву прямолинейно, с упорством сторожевого пса, загоняя ее в круг, из которого не было выхода".

Но и эти качества - опыт, цепкая память, слепое подчинение дисциплине, поистине крестьянское трудолюбие - оказались очень ценными в полицейской работе, позволяя ему постепенно продвигаться по службе. К 1933 г. он считался в своем деле профессионалом высокого класса и занимал должность начальника политической полиции г. Мюнхена. В этом качестве нанес немало чувствительных ударов по нацистам, а после прихода Гитлера к власти стал в той же должности и столь же ревностно служить ему. Внимание на него обратил Гейдрих, назначенный в 1933 г. полицай-президентом Мюнхена. Несмотря на желание многих видных нацистов, испробовавших бульдозью хватку Мюллера на собственной шкуре, поквитаться с ним, Гейдрих трезво рассудил, что такие профессионалы на дороге не валяются. Принял во внимание и его полную беспринципность, отсутствие каких бы то ни было "комплексов совести", и походатайствовал за него перед Гиммлером, указывая, что подобный человек станет перед новыми хозяевами проявлять еще большее рвение, желая загладить прошлую работу против них. И Мюллер не только сохранил службу, но вскоре выдвинулся на повышение - с 1934 г. Гейдрих встал во главе гестапо и перетащил Мюллера своим заместителем, именно как специалиста по борьбе с нелегальными политическими организациями. В 1935 г. он становится фактическим, а

с 1936 г. и официальным начальником этой организации.

Тем не менее, старых "грехов" ему долго не забывали. Хотя еще в 1933 г., подлаживаясь к новому режиму, он подал заявление о вступлении в НСДАП, однако приняли его только в 1939 г. (Любопытная ситуация, правда? Только представьте, если бы у нас заместителю Ежова или Берии отказывали в приеме в партию!) Но возможно, данная история сыграла немаловажную роль и в дальнейшем - все очевидцы отмечали такое качество Мюллера, как злопамятность.

Старых обид и унижений он не забывал никогда. А попутно отметим и то обстоятельство, что где-то с 1936-37 гг. началось советско-германское сближение, проявившееся прежде всего в контактах НКВД с СД и гестапо. Поэтому можно сказать, весь период руководства гестапо с момента назначения и до войны с СССР Мюллер в той или иной мере взаимодействовал с советскими спецслужбами. И между прочим, как ни парадоксально, но именно для гестапо было характерно очень левое мировоззрение, близкое к коммунистическому. Потому что создавалось оно министром внутренних дел и министром-президентом Пруссии Герингом на базе прусской полиции, а его декретом от 22. 2. 33 г. вспомогательными отрядами полиции объявлялись отряды СА. В предшествующих главах уже рассказывалось, насколько радикально были настроены штурмовики, тем более вобравшие в себя формирования коммунистического "Красного фронта". Но после нацистских чисток "расово-неполноценных" и "нелояльных" сотрудников полиции, когда от старых кадров сохранилась всего одна треть, как раз за счет штурмовиков пошла замена увольняемых, из их среды набирались кадры для расширения и совершенствования полицейского аппарата и для создания новых структур - в частности, учрежденной

26. 4. 1933 г. "гехайме штаатсполицай", то бишь гестапо.

Да и мировоззрение самого Мюллера оставалось вполне "рабоче-крестьянским". По словам Шелленберга, "хотя он и проложил себе дорогу к вершине власти, он никак не мог забыть своего происхождения. Однажды он сказал мне с присущим ему грубым баварским акцентом: "Всех этих интеллигентов нужно загнать в угольную шахту и взорвать!" Впрочем, он позволял себе и куда более откровенные высказывания - говорить он мог все, что угодно, так как в любой момент имел возможность отпереться и сослаться, что провоцировал собеседника. Так, шеф разведки СД в мемуарах приводит его пьяные тирады после одного из банкетов в 1943 г., где он отмечал "сильные" черты коммунистического учения в противовес национал-социализму, поливал руководителей государства - Геринга, Геббельса, Риббентропа, Лея, о которых знал самые неприглядные подробности. И высоко оценивал Сталина: "Подумайте только, что пришлось пережить его системе в течение последних двух лет, а каким авторитетом он пользуется в глазах народа. Сталин представляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав, и если бы мне позволено было высказаться по этому вопросу, мы заключили бы с ним соглашение в кратчайший срок. Это был бы удар для зараженного проклятым лицемерием Запада, от которого он никогда не смог бы оправиться. Видите ли, говоря с русскими, всегда ясно, как обстоят дела: или они вам снимут голову или начнут вас обнимать. А эта западная свалка мусора все толкует о Боге и других возвышенных материях, но может заморить голодом целый народ, если придет к выводу, что это соответствует ее интересам".

Когда же Шелленберг попытался свести все к шутке и заявил: "Превосходно, господин Мюллер. Давайте сразу начнем говорить: "Хайль Сталин", и наш маленький папа Мюллер станет главой НКВД", тот презрительно усмехнулся: "Это было бы превосходно... Тогда бы вам и вашим твердолобым друзьям буржуа пришлось бы качаться на виселице".

Но в общем-то, тут можно отметить и более общую тенденцию - начальники спецслужб гораздо лучше, чем государственные деятели Рейха, были информированы о действительном положении Германии, и намного раньше почувствовали потребность искать выход из тупика. И в конечном итоге изменниками стали они все. Канарис пытался наводить контакты с англичанами еще в 1939 г., а летом 1941, когда пошла война на два фронта, окончательно разуверился в победе. Как и Гейдрих - но только Гейдрих стоял за сепаратный мир не на Западе, а на Востоке, всячески поддерживая попытки Японии выступить посредником в переговорах Германии с СССР. Небе в 1943-44 гг. примкнул к антигитлеровскому заговору и был казнен как его участник. А Шелленберг уже с августа 1942 г. разрабатывал проекты сепаратного мира с англо-американцами и втягивал в них своего нерешительного шефа Гимmlера. Так что все закономерно: если аристократ Канарис или выпускник Боннского университета Шелленберг выбрали демократическую коалицию, то для Мюллера, человека "от сохи", оказался ближе Советский Союз. Тоталитаризм куда больше соответствовал его складу, а ко всему прочему, он был махровым приспособленцем - поменяв хозяев в 1933 г., почему бы не сделать то же самое еще раз? Шелленберг указывает, что контакты с русскими Мюллер установил при расследовании дела "Красной капеллы", хотя ничем не подтверждает свои выводы. Но

недостающие факты мы можем найти в самой истории "Красной капеллы".

Руководителем этой организации был Леопольд Треппер, польский еврей по национальности и коммунистический активист, которого Разведупр РККА в 1938 г. отправил в Европу для создания широкой агентурной сети в преддверии надвигающейся войны. Такая сеть была успешно организована под крышей ЭКС "экспортного общества", охватившего своими отделениями Бельгию, Голландию, Францию, Швецию, Данию, Финляндию. В распоряжение Треппера перешло несколько опытных разведчиков, действовавших прежде в Испании - В. Сукулов (он же Гуревич, Кент), М. Макаров (Аламо), было привлечено значительное количество агентуры по линии прежних связей Коминтерна, установлен контакт с местными компартиями.

Но уже на организационном этапе был допущен ряд грубых просчетов - в основном, из-за упомянутого разгрома разведслужб, произошедшего в это время. На место репрессированных профессионалов выдвигались неопытные новички. Шли противоречивые указания; нарушающие правила конспирации. Точно так же, как с разведгруппами в Германии, не были подготовлены на военное время запасные каналы связи - вся информация шла через "легальные" резидентуры советских представительств. А когда хватились, что необходимо предусмотреть радиосвязь, обнаружилась нехватка специалистов. И на сеть Треппера, и без того громоздкую, замкнули еще и самостоятельные разведгруппы капитана Ефремова и Г. Робинсона. Для передачи шифров, инструкций, обучения радистов, начали агентов одних организаций посылать в другие - в швейцарскую группу Ш. Радо, в берлинскую группу Шульце-Бойзена. Словом, получалось, что все знали обо всех.

С началом Второй мировой фирма ЭКС приказала долго жить, а руководство резидентуры перебралось в Париж, где Треппер организовал новую "крышу" фирму по продаже стройматериалов. Разумеется, сначала работа велась против Англии и Франции, а против Германии перенацеливалась лишь по мере ухудшения отношений и в полную силу развернулась только с июня 1941 г. Но с этого же момента из-за высылки советских дипломатов сеть вынуждена была перейти на радиосвязь, поэтому "проявилась" она в эфире во многом неожиданно для гитлеровцев. Первый перехват немцы осуществили уже 26. 6. 41. Был запеленгован мощный передатчик под Москвой, который правильно идентифицировали как станцию разведцентра, а затем один за другим начали обнаруживаться и передатчики по всей Европе, в том числе в Германии. Осенью 1941 г. Гитлер приказал объединить усилия Абвера, гестапо и СД в борьбе с этой сетью, условно названной "Красная капелла". Координация совместной операции была возложена на Гейдриха, а в штаб по ее проведению вошли Мюллер, Шелленберг, Канарис и начальник службы радиоперехвата и дешифровки генерал Тиле.

В ноябре 1941 капитан Пипе из бельгийского управления Абвера запеленговал местонахождение передатчика в Брюсселе, и гестапо арестовало действовавшую там группу Макарова. При этом были обнаружены ключи к шифрам, с помощью которых началось чтение перехваченных радиোগрамм. Постепенно разбирались и обрывки текстов, записанные ранее. И летом 1942 г. наткнулись на приказ, отправленный из Москвы Кенту прошлой осенью - съездить в Берлин и помочь наладить радиосвязь группе Шульце-Бойзена. И поскольку о контактах с ней своевременно не позаботились, давались открытым текстом три адреса руководителей. А уж в этом-то кружке энтузиастов представления о конспирации были

вообще детскими, поэтому после минимального времени слежки загребли всех скопом, за решетку попало около 100 чел. Для оперативной работы по данному делу была создана особая зондеркоманда "Роте капелле" во главе с гестаповцем Карлом Гирином, подчинявшимся напрямую Мюллеру. Быстро выявив и разгромив структуры советской разведки в Германии, зондеркоманда была переброшена во Францию. Тут кольцо вокруг "Красной капеллы" тоже постепенно сжималось. Кое-какую информацию дала расшифровка радиоперехватов, кое-что узнали от арестованных бельгийских коммунистов, с которыми ранее был связан Треппер. А потом, стоило лишь копнуть, как провалы покатились цепной реакцией. В сентябре 42-го взяли группу Ефремова, 12. 11 - группу Кента, 24. 11 - самого Треппера, 21. 12 - группу Робинсона. Всего в Бельгии, Нидерландах и Франции арестовали свыше 200 чел., из них 130 связанных с разведсетью.

А вот дальше начинаются сплошные загадки. Потому что на базе разгромленной организации немцы задумали развернуть широкомасштабную радиоигру с русскими - операция получила кодовое наг звание "Медведь". И по мере арестов захваченные шпионы обрабатывались - кто пытками, кто угрозами близким, кто более тонкими психологическими способами, чтобы продолжить работу под вражеским контролем. Из 8 передатчиков, входивших в структуру Треппера, было таким образом "повернуто" 6. Но ведь аресты и эта перевербовка происходили не одновременно! Те, кто еще оставался на свободе, докладывали Центру о провалах, а когда слышали в эфире позывные арестованных товарищей, тут же спешили предупредить Москву. Да и сами арестованные, как теперь доподлинно известно, не забывали дать в эфир условный сигнал провала. Но Центр на все такие

предупреждения почему-то не реагировал и продолжал регулярно выходить на связь. А агенты, сообщавшие о переходе той или иной группы под контроль врага, получали из Москвы выговоры. Им приказывали не разводить панику и даже выражали недоверие к благонадежности тех, кто предупреждал о провалах - не пытаются ли они преднамеренно ввести Центр в заблуждение? Потому что информация, полученная из "повернутых" источников неизменно получала самую высокую оценку.

Подтверждения арестов шли и через компартию Франции, имевшую независимые каналы связи - но и их Москва пропускала мимо ушей. Эксперты английской и французской спецслужб, изучавшие после войны дело "Красной капеллы", в своем заключении отметили: "До сих пор непонятно, почему советская разведка, которая была своевременно предупреждена о происшедших в то время арестах ее агентов, продолжала поддерживать связь с ними и давать им задания".

Треппер в своих мемуарах объясняет это той же "неопытностью" руководства Центра, сменившегося в чистках 1937-38 гг. Однако неопытностью, но... простите, не до такой же степени! И как уже отмечалось, к 1941-42 гг. Берия все же сумел поднять советскую разведку на значительную высоту - пусть не изначальную, но вполне конкурентоспособную. Немцы, например, считали ее намного более эффективной и отлаженной, чем английская секретная служба.

Так что, пожалуй, версия об абсолютной глупости и неопытности московского руководства выглядит не очень правдоподобно. С куда большей вероятностью можно предположить, что советский Центр, извещенный о попытках немцев начать радиоигру, стал специально подыгрывать им, желая посмотреть, что из этого получится. Наверное, тут стоит пояснить, что радиоигры сами по себе - штука обоюдоострая. С их

помощью можно узнать, какие вопросы и объекты интересуют противника, по косвенным данным угадывать, что ему уже известно, иногда - протолкнуть дезинформацию. Но пичкать его одним лишь обманом нельзя - основной поток сведений должен быть правдивым, поддерживая безусловное доверие к источнику. И чтобы иметь возможность запустить одну "дезу", нужно долгое время прикармливать неприятеля подлинными разведданными. А если сторона, с которой ведут игру, раскусит ее, то она имеет возможность получать огромную пользу. И, в конце концов, даже дезинформация, которую хотят ей всучить, в таком случае может для нее обернуться важнейшей информацией - стоит лишь сделать поправку на обман и "сменить знак". Складывается впечатление, что Центр вполне оценил перспективы, открывающиеся при подобном варианте событий. А может быть, и предпочел их рядовой информации, которую со своими ограниченными возможностями коммерсантов и мелких служащих могли поставлять агенты Треппера, останься они на свободе. И одергивали своих разведчиков нарочно, чтобы не насторожить и не спугнуть противника.

Но дело в том, что и гестаповцы вели операцию, мягко говоря, своеобразно. Руководство зондеркоманды было подобрано из людей, в прошлом имевших контакты с русскими спецслужбами. Гириг участвовал в акции по компромату Тухачевского. Его заместитель Вилли Берг побывал в России в свите Риббентропа в 1939 г. А перевербовка захваченных агентов велась под странным предлогом - им объявлялось, что в Германии есть влиятельные лица, желающие заключить с СССР сепаратный мир. Поэтому, дескать, радиоигра вовсе не будет направлена во вред России, а станет инструментом для наведения контактов и установления доверия между сторонами. Однако Гейдрих,

первоначально возглавлявший операцию, был и в самом деле сторонником сепаратного мира на Востоке. А после его смерти в июне 1942 г. общую координацию по делу "Красной капеллы" взял на себя Гиммлер. А на деле Мюллер. Потому что ранг Гиммлера был слишком высоким для непосредственного руководства. А новым руководителем имперской службы безопасности, т. е. непосредственным начальником Мюллера, стал Кальтенбруннер. Который, в отличие от Гейдриха, в делах тайной полиции ничего не смыслил, никогда лично в них не совался и бесконтрольно отдал весь этот круг вопросов на откуп шефу гестапо.

А Мюллер, пользуясь таким доверием Кальтенбруннера, сумел подчинить его своему влиянию и очень ловко научился действовать его руками. Под предлогом крайней секретности уже с лета 1942 г. радиослужба Абвера была практически отстранена от дела. Ее функции перехватила гестаповская зондеркоманда "Функшпиль", специально созданная для радиоигры и ставшая как бы частью зондеркоманды "Роте капелле". Местное парижское гестапо во главе со штурмбаннфюрером СС Бемельбургом, которому принадлежала главная заслуга в выслеживании и арестах разведчиков, также было оттерто в сторону. Сотрудники зондеркоманды деликатно подсказали узникам, что в присутствии Бемельбурга не стоит разглашать какие-либо сведения. А когда из Берлина прибыла группа следователей, чтобы допросить соратников Треппера об их связях с группой Радо в Швейцарии, Берг счел нужным пояснить арестованным, что им вовсе не обязательно выкладывать имеющуюся информацию - потому что против Радо работала служба Шелленберга, и операция проводилась "по другому ведомству".

В деятельности зондеркоманды секретность была доведена вообще до абсолюта. Заключение даже не

регистрировали в тюрьмах, надзиратели и тюремное начальство не то что не имели права общаться с ними, но и видеть их лиц. Впрочем, если рядовым шпионам в гестаповских лапах приходилось терпеть муки одиночек, побои и пытки, то руководителям сети и перевербованным радистам создавались льготные условия, их размещали в удобных охраняемых особняках, обеспечивали хорошее питание и обслуживание, демонстрировали гуманное и уважительное отношение. Гиринг и Берг даже старательно доказывали Трепперу, что он не еврей, а русский, а его обрезание - всего лишь маскировка легенды при работе в Палестине в 20-х годах. Видимо, подсказывали нужную линию, чтобы обосновать отношение к нему в глазах Гимmlера и прочего начальства. В разговорах порой позволяли себе весьма "крамольные" мысли. Например, Берг любил рассуждать: "Во времена кайзера я был полицейским, я был полицейским Веймарской республики, теперь я шпик Гитлера, завтра я с тем же успехом мог бы стать слугой режима Тельмана".

В 1943 г. из-за болезни Гиринга зондеркоманду возглавил гауптштурмфюрер СС фон Паннвиц. Он был одним из любимчиков и доверенных лиц Мюллера, прежде работал в Чехословакии, где прославился своей беспощадностью. В частности, вместе с Мюллером вел расследование покушения на Гейдриха, вылившееся в кампанию массовых репрессий. Но общее направление действий "Роте капелле" при нем не изменилось - наоборот, игра резко активизировалась. И странности пошли одна за другой. Как отмечалось, основной поток информации, передаваемой противнику в радиогре должен быть правдивым. Однако в данном случае сотрудники Гиринга-Паннвица далеко перешагнули все нормы разумной необходимости. Из Москвы один за другим сыпались запросы на информацию военного

характера. Чтобы ответить на них и создать видимость работы разведсети, гестапо направляло соответствующие требования командованию Западного фронта и службе Абвера. В Центр шли точные сведения о номерах полков и дивизий, вооружении и командном составе частей, воинских перевозках. Главнокомандующий фронтом Рунштедт возмущался, передавая подобные сведения, и напоминал, что они строго секретны. Но на него оказывалось давление, и приходили новые запросы.

У сторонних специалистов начало складываться впечатление, что "завоевание доверия" Москвы превратилось чуть ли не в самоцель операции. Наконец, дошло и до открытых конфликтов. 30. 5. 43 г. Центр передал задание раздобыть сверхсекретные данные о наличии и складах химического оружия. Тут уж фронтовая служба Абвера сказала "хватит", разъясняя, что продолжение игры в том же духе чревато серьезным ущербом интересам Рейха. 25. 6 Паннвицу был дан ответ: "Главнокомандующий Западным фронтом придерживается мнения, что противник в Москве уже разгадал игру, и по причинам военного характера главное командование Западного фронта уже не в состоянии передавать требуемый материал".

Точки зрения, что советская разведка давно раскусила обман и теперь беззастенчиво "доит" немцев, придерживался и один из заместителей Паннвица - Г. Райзер. К такому же выводу пришел Канарис. Но бдительного Райзера быстро перевели в другое место, а Рунштедт 9. 7 получил вдруг приказ из Берлина - игру продолжать, а все запросы зондеркоманды удовлетворять и дальше. Учитывая межведомственные противоречия, Мюллер провел эту интригу через Кальтенбруннера, и тот добился нужного решения через Бормана. В общем, действительно получалось, что подборкой и составлением разведанных для

Москвы профессионально занимаются штаб фронта и германские спецслужбы. И очень сомнительно, чтобы такой объем ценных сведений сеть Треппера могла поставлять руководству до провала.

Хотя если разобраться, то даже с точки зрения гестаповского руководства игра давно должна была потерять всякий смысл. Потому что еще в январе 1943 г. один из перевербованных радистов, И. Венцель, сумел бежать. Привезенный для очередного сеанса на конспиративную квартиру, он заметил, что ключ остался в замке с наружной стороны. Воспользовавшись оплошностью сопровождающих, выскочил на лестницу и запер дверь, а пока ее выбивали, был таков. Правда, у Венцеля не получилось связаться с Центром, и до ухода немцев просто скрывался в подполье - но ведь этого гестапо не могло знать. И тем не менее зондеркоманда продолжала игру, будто ничего не случилось. В это же время Треппер, для видимости согласившись работать на немцев и обеспокоенный, что Москва не реагирует на сигналы о провалах, решил сделать собственный хитрый ход - тайком передать сообщение о подлинном состоянии дел. Он убедил гестаповцев, что для поддержания доверия Центра ему нужно периодически появляться на "контрольных" явках. Под этим предлогом дважды посетил лавку Ж. Мусье, связанной с французской компартией, и сумел вручить ей доклад о работе под контролем (посоветовав скрыться и ей самой).

В апреле 1943 г. радисты "Красной капеллы" вдруг получили из Москвы совершенно необычную радиограмму - им передали сводку потерь германской армии под Сталинградом. Удивленным гестаповцам Треппер пояснил, что таким образом руководство иногда поддерживает дух подчиненных. А сам, уверенный, что его доклад дошел по назначению, оценил ход совершенно верно - понял, что сводка

предназначена для немецкого руководства, ведущего радиоигру: посеять сомнения в победе и заставить подумать о своей судьбе. Только на самом деле, его доклад, отправленный французами окольным путем, дошел до Москвы лишь в июне. Значит, Центр и без его пояснений знал о том, что сеть захвачена, предыдущие сигналы провалов учел и поддерживал радиоигру вполне сознательно. И переданные данные о потерях сыграли именно ту роль, на которую рассчитывалось. Потому что в нацистской (как и в коммунистической) системах отчетность всегда была больным местом, донесения наверх сглаживались и приукрашивались на каждом уровне, и в итоге до высшего руководства доходила весьма искаженная картина. Известно, что сводка, полученная через "Красную капеллу", вызвала скандал в Берлине. Когда через Гиммлера она была доложена фюреру, он учинил грандиозный разнос командованию Вермахта, обвиняя подчиненных во лжи - их собственные цифры потерь оказались сильно заниженными. Но учтем, что сперва необычная радиограмма попала к Мюллеру, и кто знает, не она ли подтолкнула его к окончательному выбору? В принципе, она могла играть и роль приглашения к сотрудничеству, намекая на неминуемую развязку.

И через "Красную капеллу" стали предприниматься какие-то подозрительные шаги. Скажем, возник вдруг план послать в Москву эмиссара, который проинформировал бы советское руководство о желании ряда видных нацистов заключить мир на Востоке. В Центр радиовали запросы на этот счет, уточняли возможности. Только позже этот план был категорически запрещен Гиммлером. Что свидетельствует - автор плана был по служебному положению ниже Гиммлера. Но уж наверное, повыше гауптштурмфюрера Паннвица. Остается Мюллер. Позже возник другой проект - вызвать советского эмиссара

для переговоров в Париж. И встреча, вроде бы, готовилась, но сорвалась из-за осторожности советской стороны. Сорвалась ли на самом деле и по какой причине, вряд ли можно когда-нибудь проверить.

А затем произошел еще более странный случай - 13. 9. 43 г. сбежал сам Треппер. И сбежал на удивление легко. Побег он задумал давно, и под тем же предлогом, что ему "во избежание подозрений" нужно показываться в городе, периодически выезжал в машине на прогулки. Сперва в сопровождении нескольких гестаповцев, потом - одного лишь Берга. Выдумывая различные причины, добился, чтобы на время прогулок ему выдавали документы и некоторую сумму денег (опять для "конспирации" - вдруг непосвященные полицейские проверят и придерутся). Зная, что у Берга болит желудок, присмотрел подходящую аптеку с двумя выходами - порекомендовать зайти туда, сбить с ног и убежать. Но в выбранный день, когда указал гестаповцу эту аптеку, Берг вдруг предложил Трепперу сходить туда одному, а сам остался в машине. И советский резидент благополучно улизнул. А Паннвиц... дал объявления о его побеге - их опубликовали в газетах, расклеили на всех видных местах. То есть, получается - гестапо оповестило на всю Францию, что Треппер действительно находился под арестом! И само расписалось перед советской разведкой, что вело с ней радиоигру! Казалось бы, уж теперь-то операция в любом случае должна была прекратиться? Как бы не так. Игра продолжалась!

И вывод тут напрашивается однозначный - "Роте капелле" и в самом деле перешла к работе на советскую разведку. Может быть, побег и громогласное оповещение о нем, как раз и нужны были, чтобы дать это понять русским? Или такой ход предложила Москва, чтобы проверить искренность сотрудничества и

покрепче пристегнуть новых партнеров в свою упряжку? О том, что акция осуществилась с благословения Мюллера, говорит красноречивый факт - после столь крупного прокола, как побег руководителя организации, все начальство зондеркоманды сохранило свои посты и даже не понесло серьезных взысканий. Из подконтрольных агентов ведущее место в дальнейшей радиоигре постепенно занял Кент (Виктор Сукулов), проявлявший наибольшую лояльность в отношении гестаповцев и признанный Паннвицем наиболее подходящей кандидатурой. Похоже, между ними даже завязалась личная дружба. Как раз через его передатчик пошла самая доверительная информация. Было сообщено, что Кент "поддерживает контакт с группой немцев, занимающих очень высокие посты, и в этих обстоятельствах имеет возможность получать и передавать сведения первостепенной важности".

В июле 1944 г., когда англо-американские войска приближались к Парижу, Сукулов запросил Центр - оставаться ему в городе или ехать с "немецкими друзьями". Ответ был категоричным - ехать, но не прерывать связи с Москвой. В это же время Треппер, находившийся на свободе и установивший контакты с французскими партизанами, разработал операцию: при эвакуации Парижа с отрядом коммунистов блокировать особняк, где размещалась "Роте капелле" и не дать ей удрать, захватив в полном составе и со всей документацией. Центр ему подобные действия строго запретил. От остальных участников радиоигры гестапо избавлялось по мере ненадобности. Передатчики, кроме рации Кента, выводились из работы, а в июле-августе 1944 г. перед отступлением из Франции большинство арестованных по делу "Красной капеллы" были казнены. Видимо, убрали как "лишних свидетелей".

После покушения на Гитлера 20. 7 его подозрительность усилилась, и он лично отдал приказ о

прекращении игры с русскими. Но она и тогда не была прервана! Группа Паннвица обосновалась в Альпах и продолжала работать по-прежнему! Треппер в своих воспоминаниях утверждал, что Паннвиц и Берг действовали уже на свой страх и риск, видя близкий крах нацистов и переметнувшись на советскую сторону в надежде на благодарность победителей. Он пишет о Паннвице: "Сегодня мы располагаем доказательствами, что вплоть до мая 1945 г. в сотрудничестве с верным Кентом он ведет свою личную игру. До последних минут войны он передает военную информацию..."

Что выглядит совершенно неправдоподобно. Ну как мог бы какой-то гауптштурмфюрер, т. е. всего лишь капитан, продолжать операцию, запрещенную самим Гитлером, без ведома и покровительства своего начальства? Следовательно - Мюллера, замкнувшего руководство зондеркомандой непосредственно на себя.

А весной 1945 г. по личному приказу Мюллера были сожжены все архивы "Роте капелле". То есть, контроля над операцией он не терял и вслед за свидетелями избавлялся от "лишних" документов, которые вот-вот должны были попасть в руки победителей. И хотя Треппер, как правоверный коммунист, напрочь отрицает связь советской разведки с шефом гестапо, но сам же пишет, что после победы встретил Паннвица, привезенного на Лубянку. К русским он прибыл вместе с Кентом и своей секретаршей, передал радиостанцию и еще 15 чемоданов ценных документов, в том числе полные списки гестаповской агентуры на территории СССР, дипломатические шифры других государств, и даже сверхсекретный код англо-американской правительственной переписки. Ясное дело, что такие данные рядовой контрразведчик, всего лишь начальник зондеркоманды, никак не смог бы собрать самостоятельно.

Итак, из нашего "детективного" отступления видно, что Мюллер и в самом деле работал на советскую сторону. И разумеется, продолжал при этом добросовестно выполнять и свои служебные обязанности, уничтожая врагов Рейха. Ну да такая уж специфика деятельности, ничего не попишешь. И надо думать, что если бы в реальности существовал штандартенфюрер СС Штирлиц, он тоже оказался бы по уши в крови соотечественников и их союзников. Ведь человеку, занимающему столь высокий ранг в нацистских спецслужбах, уж конечно, пришлось бы заниматься не только спасением пасторов Шлагов и выполнением заданий Центра. Впрочем, сам Мюллер вовсе не был каким-то кровожадным "зверем" или патологическим убийцей. Вот он-то как раз никого лично не пытал, и в отличие от Гимmlера или Петерса, избегал участия в экзекуциях. По воспоминаниям современников, это был "грубый администратор, какие встречаются почти повсюду". "Функционер до мозга костей, он жил и работал ради бумаг, статистики, докладных. Он чувствовал себя хорошо, лишь занимаясь записками, повестками дня и инструкциями. Главной заботой Мюллера было "продвижение". Его мало беспокоило то обстоятельство, что закулисная сторона его жизни состояла из гнусных доносов, анонимных писем, средневековых пыток и тайных казней. Все эти ужасы доходили до него в типично бюрократическом виде, то есть как сухие докладные и записки". В общем, примерно соответствовал облику советских начальников его времени и его уровня.

Кстати, можно задаться вопросом, только ли с 1942 или 43 гг. он переметнулся на сторону сталинских спецслужб? Не возникали ли такие контакты раньше? Или, может быть, он просто тайно им симпатизировал? Во всяком случае, в послужном списке Мюллера имеется несколько существенных просчетов, сыгравших

в пользу Советского Союза. (Хотя, конечно же, не исключено, что случайных). К примеру, странная слепота гестаповца-Мейзингера в деле Зорге. А Мейзингер был близким приятелем Мюллера и его старым сослуживцем по мюнхенской полиции. И свои доклады из Токио, в том числе и о Зорге, он делал лично Мюллеру. Или, скажем, перед началом войны против СССР шефу гестапо было поручено служебное расследование по поводу ошибок и злоупотреблений в VI управлении РСХА внешней разведке СД. И он повел дело с таким размахом, что практически разгромил эту разведку, после чего внес Гейдриху предложение окончательно ее разогнать, а весь надзор за противником, как внутренним, так и внешним, передать в ведение гестапо. Предложение не прошло, но Шелленбергу, назначенному на место разжалованного в рядовые Г. Йоста, пришлось уже в ходе боевых действий создавать управление почти с нуля и отлаживать его работу. Мюллер нанес и удар по масштабному использованию в войне украинских националистов Мельника и Бандеры, которым покровительствовал Канарис. Из-за мелких придирок завел в тупик порученные ему переговоры с генерал-квартирмейстером Вагнером - о взаимодействии между РСХА и Вермахтом при продвижении на советскую территорию, и организовывать это взаимодействие пришлось тоже уже во время войны.

Хотя все это могло быть вызвано и другими причинами, однако со времени начала игры через "Красную капеллу" некоторые действия Мюллера и впрямь видятся под другим углом. К примеру, отраженная в предыдущей главе кампания, развернутая им против "власовского движения". По свидетельствам Треппера, через радиостанции "Красной капеллы" как раз в это время несколько раз поступали запросы Центра относительно РОА. И вовсе

не исключено, что для Мюллера они послужили указанием к действию. Или взять начавшиеся в 1943 г. удары по НТС - в период немецких поражений эти акции были в большей степени на руку Сталину, чем Гитлеру. Можно вспомнить и то, что гестапо сыграло главную роль в разгроме Абвера, раз за разом собирая и представляя компромат на его сотрудников. Хотя тут Мюллер действовал в тесном союзе со своим антагонистом Шелленбергом и самим Гиммлером, давно точившими зубы на конкурентов, но результат налицо - 14. 2. 44 г. структура германской военной разведки была разрушена. А после ликвидации антигитлеровского путча 20 июля, когда расследование заговора поручили напрямую Кальтенбруннеру (читай - Мюллеру), шеф гестапо распотрошил и доломал остатки Абвера, перешедшие после его ликвидации в подчинение других ведомств.

А вот поведение Мюллера в момент самого путча представляется довольно любопытным и во многом характеризует его личность. Получив приказ арестовать участников покушения на фюрера, он отправил в штаб заговорщиков... всего одного эсэсовца и двух гражданских агентов. Которых, естественно, самих там сразу арестовали. Очевидно, махровый приспособленец и в этой ситуации выжидал развития событий. И приказ выполнил только "для галочки", оставляя за собой возможность встать на сторону сильнейшего.

Окончательно он это сделал в 1945 г. В период агонии Рейха, когда все центральные службы РСХА эвакуировались из Берлина, Мюллер по приказу Гиммлера остался в столице, осуществляя там общее руководство полицией и органами безопасности. И судя по данным Шелленберга, в первых числах мая перешел к русским. Некоторые немецкие офицеры, побывавшие в советском плену, видели Мюллера в Москве. Он благополучно проживал в России, где и умер в 1948 г.

Ну а его подручный фон Паннвиц спокойно пересидел в СССР период послевоенной охоты на нацистских преступников, когда его наверняка вздернули бы за деятельность в Чехословакии, и в 1955 г. вернулся в ФРГ, где и провел остаток жизни мирно и счастливо, работая на приличной должности в одном из банков г. Штутгарта.

26. Дела закулисные

В предыдущих главах уже приводились несколько примеров того, что складывающиеся к настоящему времени стереотипы представлений о событиях Второй мировой грешат одним немаловажным изъяном - двойными стандартами оценок. Причем к возникновению этих двойных стандартов приложили руку как западная пропаганда - в эпоху холодной войны, так и советская - в периоды хрущевской и перестроечной "разоблачительных" кампаний. Но даже не будучи сталинистом и ни в коей мере не желая оправдывать действительных ошибок и преступлений "отца народов", я все же хотел бы возразить против подобного однобокого подхода - хотя бы ради сохранения исторической справедливости и объективности.

Ну взять хотя бы все ту же пресловутую историю, как Сталин проморгал нападение Гитлера на СССР. Уж ее-то расписывали столько раз и так подробно, что она кажется вообще исключительной и беспрецедентной. Черчилль сокрушается в своих мемуарах: "Война - это по преимуществу список ошибок, но история вряд ли знает ошибку, равную той, которую допустили Сталин и коммунистические вожди, когда они отбросили все возможности... и лениво выжидали надвигавшегося на Россию страшного нападения или были неспособны понять, что их ждет. До сих пор мы считали их расчетливыми эгоистами. В этот период они оказались к тому же простаками..."

Что ж, с самим фактом ошибки нельзя не согласиться. А вот с односторонностью оценки - нет. Потому что "история" все же знает и более грубые ошибки - или, по крайней мере, не уступающие сталинской. Скажем, ошибку руководителей Англии и Франции, за год до этого позорно прошляпавших наступление немцев на Западном фронте. Да они ведь даже не как Сталин - а в состоянии войны находились! И о предстоящем вторжении во Францию тоже знали все, кому не лень. И немецкие планы у союзников имелись, и разведка доносила, и прозападные германские оппозиционеры извещали по дипломатическим каналам вплоть до даты и направления ударов. Американские газеты даже корреспондентов послали к местам будущих боев! А вот государственные лидеры и военное командование, несмотря ни на что, оказались застигнутыми врасплох. Совершенно. Потому что "лениво выжидали" в состоянии "странной войны" - а может, все же на нас не полезут, а с СССР схлестнутся? Ну и кем же они оказались - "расчетливыми эгоистами" или "простаками"? Но на этом факте внимание мировой исторической литературы почему-то не заостряется - ну ошиблись, ну просчитались - с кем не бывает?

Возьмем вопрос более сложный - о "драконовских мерах", которыми Сталин останавливал отступление своих войск. Заградотряды, репрессии среди бойцов и командиров, не выполнивших свои задачи, приказ "Ни шагу назад" - который нынче признают оскорбительным для советских военных, наказания дезертиров, запрещение отходить под ударами противника без высочайшего разрешения. Тут уж в осуждении Сталина сошлись и западные источники, и мемуары наших военачальников... Но если в каждом отдельном случае насчет целесообразности отступления и впрямь можно поспорить, то в целом мировая военная практика

показывает: в условиях фронтовой катастрофы и паники такие меры являются единственно возможными. К примеру, не менее жестоко действовал Клемансо в 1917 г., когда фронт начал рушиться от немецких ударов и революционного брожения. И никто его почему-то не осуждает, наоборот - признали спасителем отечества. Сейчас мировая историческая литература даже в отношении действий Гитлера зимой 1941-42 гг. признала, что с военной точки зрения он был прав, приказывая цепляться за каждый рубеж, невзирая на потери, и держаться до последнего патрона, строго карая ослушников. Потому что отступление с подготовленной позиции на неподготовленную ничего не давало, кроме потери матчасти, и дай он волю своим генералам, впоследствии осуждавшим его за такие меры, отход перешел бы в повальное бегство, и его армию постигла бы участь армии Наполеона. Целесообразность действий Гитлера признали, а методы, которыми предотвращал и ликвидировал катастрофу Сталин, до сих пор рассматриваются только в плоскости его "тирании"...

Или коснемся распропагандированной истории, как зверь-Сталин не пришел на помощь Варшавскому восстанию и дал возможность немцам его подавить. Но почему он обязан был помогать Варшавскому восстанию? Черчилль, например, в своих мемуарах возмущается тем, как в Москве у него требовали открытия Второго фронта, когда западные союзники были к этому не готовы. И как Кремль вымогал военные поставки, не желая понять, что у Англии и для себя-то оружия не хватало. И иронизирует - дескать, русские, сражаясь за собственную жизнь и собственную страну, почему-то считали, что мы им за это чем-то обязаны! Кстати, сами англичане ничуть не стеснялись бросать в беде союзников, если этого требовали их интересы. Так, в мае 1940 г. они вместе с норвежцами успешно

сражались в Северной Норвегии, вели наступление, и высаженные там германские части были близки к разгрому. Но тут началось немецкое наступление во Франции, англичане спешно погрузились на корабли и отправились туда - а норвежцы, брошенные на произвол судьбы, вынуждены были капитулировать. Ну а поляки из Армии Крайовой для Сталина и союзниками-то не были. Своих планов они с СССР не согласовывали, наоборот - специально выждали для восстания момент, когда советское наступление выдохнется на рубеже Вислы, чтобы не помешали взять власть им самим. И даже в ходе восстания его предводитель Бур-Комаровский отказался принять посланных на связь русских офицеров. По какой причине - понятно. Но с какой тогда стати на Сталина пенять? Почему Сталин должен был в помощь восстанию "второй фронт" открывать, если к этому был не готов, если его интересам это не соответствовало, и полякам он, собственно, ничем не был обязан?

Стоит и коснуться жестоких расправ за сотрудничество с оккупантами, производившихся в СССР, расстрелов, виселиц, насильственных депортаций целых народов. Тут я тем более далек от каких-то попыток оправдания сталинизма, поскольку советское население к такому сотрудничеству имело очень весомые причины. Но если уж рассматривать данный вопрос, как это делается в "демократической" литературе - с точки зрения, "прав человека" и гуманизма, то недурно бы рядом с действиями Сталина поставить и деяния "цивилизованных" народов. Вспомнить, как англичане в 1942-43 гг. жесточайшими мерами подавляли национальные волнения в Индии и безо всяких церемоний расстреливали мирные демонстрации - ну а как же, они происходили в военное время и были "ударом в спину". Вспомнить волну кровавых расправ, прокатившуюся по Франции, когда

людей по одному лишь доносу или устному обвинению в коллаборационизме подвергали самосуду, забивали, вешали, расстреливали, женщинам обривали головы и возили обнаженными по улицам на потеху толпы, зачастую подвергая истязаниям и мучительной смерти.

А рядом с депортациями чеченцев или крымских татар почему-то не называют депортацию судетских немцев в 45-м - проводившуюся с не меньшей жестокостью. Скорее даже с большей. Депортированным народам СССР после высылки все же отводили места для их "спецпоселений", предоставляли хоть какую-то возможность работать и получать средства к существованию. А судетских немцев по одному лишь национальному признаку загоняли в поезда, не позволяя брать никаких личных вещей, и просто вышвыривали за границу, в Германию, предоставляя там умирать от голода или кончать самоубийством что многие и делали. И проводилась эта акция, кстати, еще не коммунистическим, а демократическим правительством Чехословакии. И не тайно, в глубине российских земель, а на виду всей Европы, на глазах присутствовавших в Чехословакии американцев и англичан. Да и сейчас почему-то не слышно, чтобы хоть раз поднимался вопрос о возвращении судетских немцев на исконные места проживания и их "реабилитации" - в отличие от народов, репрессированных Сталиным.

Еще раз повторюсь, я далек от того, чтобы обелять и во всем превозносить советскую сторону. Она воевала за свои цели. Сначала - за само существование своего государства, коммунистического - но одновременно и российского. А в условиях гитлеровской оккупационной политики получалось и за национальное существование многих народов СССР. Потом, при вступлении в Европу, добавились цели геополитические. Но и союзники по антигитлеровской коалиции тоже отнюдь не были

бескорыстными идеалистами, как это порой пытаются представить западные источники. Каждый из них тоже воевал за собственные цели - не более того. В главном - в необходимости раз и навсегда покончить с нацизмом и японской агрессией, эти цели совпали, отсюда и верность всех сторон союзническим обязательствам. Но в "частностях" это не мешало каждой из них искать свою собственную выгоду.

Скажем, уже упоминалось, как США сперва выкачали из Англии все золотовалютные запасы, и лишь потом сочли необходимым поддерживать ее по ленд-лизу. Очевидно, то же самое предполагалось в отношении СССР. В сентябре 41-го Гарольд Икес записал после одного из заседаний кабинета министров: "Зашел разговор о золотых запасах, которые могут иметь русские... Мы, по-видимому, стремимся к тому, чтобы они передали нам все свое золото в погашение за поставки товаров, пока оно не будет исчерпано. С этого момента мы применим к России закон о ленд-лизе".

Да вот, не получилось - сама Америка оказалась в войну втянута, тут уж пришлось раскошелиться.

Кстати, когда говорят о том, как Советский Союз своими поставками в 39-41 гг. вскормил германскую агрессию на головы французов с англичанами, а потом и на свою голову, то можно вспомнить и тот факт, что США тоже вскормили на свою голову японцев. Политика "Дальневосточного Мюнхена" хорошо известна, она проводилась еще с 1931 г., когда сквозь пальцы смотрели на захваты Токио в Маньчжурии - но предполагалось, что оттуда открывается прямой путь на СССР (см. напр. Л. Смирнов, Е. Зайцев, "Суд в Токио", М., 1978). Советско-японский пакт о нейтралитете в апреле 41-го вызвал в Вашингтоне не меньшую тревогу, чем пакт Молотова-Риббентропа в Лондоне и Париже - потому что японские войска освобождались для

действий в южном направлении. И до последнего момента (опять же, несмотря на предупреждения разведок, на данные перехватов и расшифровок) Америка предпринимала попытки перенацелить агрессию на север - потому что только таким образом могла сама избежать войны. Да только и Токио был научен опытом Первой мировой. Мог ли он лезть в драку с русскими, оставляя в тылу мощь США, которые потом продиктуют свои условия? И мог ли не позариться на богатые владения англичан, французов и голландцев в Тихоокеанском регионе на которые могут наложить лапу те же американцы или друзья-немцы? А вот СССР явно в спину не ударит, поскольку сам воюет, напрягая все силы... Но вплоть до нападения на Перл-Харбор шли в Японию американские поставки - в основном, нефти. И только благодаря этим поставкам бедная ресурсами страна смогла создать стратегический резерв топлива для своих кораблей и самолетов, чтобы нанести удар и по США, и по Англии, и захватить нефтяные месторождения в Индонезии, с помощью которых можно продолжать войну уже самостоятельно.

Об искренности и "добропорядочности" отношений в союзном лагере говорит и такой факт: весной 1943 г., после Сталинграда, Рузвельт направил к Сталину своего специального уполномоченного Дж. Дэвиса с конфиденциальным письмом, где предлагал устроить "сепаратную" встречу без англичан на предмет послевоенного устройства мира. А поскольку советский лидер это предложение отверг, соответствующий разговор состоялся на Тегеранской конференции, где президент США подкатывался к Сталину с предложениями примерно такого же рода, как Гитлер в 1940 г. - дескать, наши страны не имеют колоний, поэтому надо бы обсудить вопрос об их послевоенной судьбе. Но без Черчилля. То бишь, за счет Англии. Сталина подобная перспектива не заинтересовала (по

крайней мере, в тот момент), и вопрос был исчерпан. Хорошо известны и многократно зафиксированы и факты другого рода - о связях американских фирм с немецкими, продолжавшимися даже во время войны через нейтральные страны.

Ну а взять загадку с высадкой союзников в Италии в 1943 г.? Когда их войска десантировались на юге и продолжали больше полутора лет ползти через весь полуостров? Хотя вполне могли высадиться на севере и отрезать германские дивизии, находящиеся в Италии - Гитлер эти войска уже считал потерянными. Да и вся итальянская армия в этом случае оказалась бы на стороне союзников, а не была бы разоружена и пленена немцами. Обычно западные историки ссылаются на трудности операции на севере, на то, что радиус действий истребителей прикрытия туда не доставал с аэродромов в Сицилии. Но при подавляющем превосходстве англо-американского флота это было не столь уж существенно. А для истребителей существовали аэродромы в самой Италии, которая уже с руками и ногами переходила в антигитлеровскую коалицию. Так что разгадка может быть куда более грязной - ведь в случае высадки союзников на севере немцы почти наверняка оккупировали бы Швейцарию. С ее банками...

А что касается открытия Второго фронта во Франции, то можно, конечно, ссылаться на неготовность, на непришитую последнюю пуговицу последнего солдата. Но и подготовку можно проводить по-разному. Можно - авралом, можно - не торопясь. Поэтому, несмотря на множество объективных причин, которыми загромождены тома западной исторической и мемуарной литературы, истинная подоплека все же выглядит слишком очевидной - Второй фронт открылся именно тогда, когда сила немецких войск и без того была подорвана, когда советские войска выходили к

своим государственным границам и вступали в Европу. А значит, уже настоятельно требовалось не опоздать, чтобы потом не остаться внакладе.

Ну а если поднять вопрос о сепаратных переговорах с противником, в чем советская сторона потом неоднократно обвиняла Запад, то тут надо сказать, что попытки таких переговоров действительно предпринимались всю войну, с 1939 до 1945 гг. Однако подобными действиями грешили не только Англия с Америкой, но и Советский Союз. Так что в данном отношении все союзники были достойны друг друга. Скажем, Канарис и другие оппозиционеры начали наводить мосты с Англией еще в 1939 г. Его сотрудники Йозеф Мюллер и фон Догнаньи вели тайные переговоры через священника иезуитов д-ра Лейбера, римского папу и английского посла в Ватикане Осборна. Обсуждались условия, чтобы за Германией остались все завоеванные территории, и ей была предоставлена свобода рук на Востоке. Но в мае 1940 г. гестапо вышло на след этих переговоров, и Канарис был вынужден свернуть их, пожертвовав несколькими "пешками".

В июле 1941 г. Сталин через отъезжающего посла Шуленбурга обращался к Гитлеру с письмом о возможности заключения мира. После чего один из руководителей советской разведки генерал Судоплатов с ведома Молотова попытался вести переговоры через болгарского посла в Москве И. Стаменова, которому передали, что по мнению советской стороны, еще не поздно урегулировать конфликт мирным путем. Но Стаменов по какой-то причине не стал сообщать немцам о сделанных ему предложениях. Через Берию и его агентуру Сталин искал контактов с немцами и зондировал условия для заключения мира и в октябре 41-го. Об этом свидетельствовал Г. К. Жуков в беседе с сотрудниками "Военно-исторического журнала", об этом рассказывает в своих мемуарах переводчик Сталина

Бережков, да и на процессе Берии в 1953 г. качестве одного из обвинений ему были предъявлены данные переговоры. Согласно Бережкову, Германии предлагался мир "типа Брестского" - передача Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, свободный транзит немецких войск через советскую территорию на Ближний Восток, к Персидскому заливу. Но Гитлер находился в эйфории от своих побед, и подобные условия его не удовлетворяли. Еще одна попытка такого рода была предпринята в сентябре 1942 г. после визита в Москву Черчилля и его отказа открыть в ближайшее время Второй фронт. Бывший посол в Германии В. Г. Деканозов и его помощник И. С. Чернышев в Швеции встречались с советником германского МИД Шнурре, снова предлагались компромиссные варианты со множеством уступок, и снова немцы этим не заинтересовались.

В августе 1942 г. планы сепаратного мира на Западе возникли у Шелленберга и Гиммлера. Они пришли к выводу, что его выгоднее заключить, пока Германия одерживает победы - трезво оценивая потенциалы немцев и антигитлеровской коалиции, оба понимали, что уже вскоре ситуация может измениться к худшему. По их представлению, первым шагом для этого требовалось дискредитировать в глазах Гитлера и отстранить фанатика Риббентропа, противника каких бы то ни было переговоров. Шелленберг по своим каналам установил предварительные контакты с англо-американцами и довел до них свои предложения, уверив их в своих неограниченных возможностях и пообещав скорую отставку министра иностранных дел - что якобы должно было продемонстрировать Западу изменение внешнеполитического курса Рейха. Но все попытки подвести мину под Риббентропа у него сорвались. И репутация Шелленберга перед западными партнерами по переговорам была подорвана. Они

разуверились в его реальных возможностях и сочли, что им либо морочат голову пустыми прожектами, либо предложения германских спецслужб являются провокацией, чтобы испортить их отношения с СССР.

В декабре 1942 г., после высадки союзников в Африке, Муссолини выдвинул предложение заключить мир с русскими и продолжить войну с англо-американцами. И какие-то контакты действительно происходили. В 42-43 гг. в Стокгольме переговоры с советскими агентами вел чиновник МИД Петер Клейст, действовавший от имени Риббентропа. Но никаких данных о них не сохранилось, и, судя по последующим событиям, никаких договоренностей достичь не удалось. В 1942-43 гг. переговоры с англо-американцами возобновил и Канарис, действуя через их представителей в Швейцарии и своего коллегу, начальника итальянской разведки генерала Аме, который вместе с начальником генштаба маршалом Бадольо уже всюду искал для Италии выход из войны. Но один из курьеров, делец Шмидтхубер, попался на контрабандном провозе валюты за границу. Делом занялось гестапо, и он рассказал о попытках наладить контакты с Западом. Лица, непосредственно причастные к переговорам, были арестованы. Затем внедрили провокатора в так называемый "чайный салон фрау Солф", у которой собирались лица из высшего общества, поддерживающие связи с представителями западных держав. И в декабре 43-го взяли всех скопом, что и послужило одной из причин падения Канариса и разгрома Абвера.

Где-то в 1943-44 гг. Шелленберг по поручению Риббентропа опять пытался связаться с русскими через Швецию и Швейцарию с предложениями компромиссного мира. Но по его свидетельствам, встречу с советскими представителями сорвал сам Риббентроп чрезмерными амбициями и непониманием

изменившейся обстановки - начал выставлять предварительные требования, настаивать, чтобы среди участников переговоров не было евреев, и все спустилось на тормоза. Кстати, в кругах, близких к Гитлеру, и во время войны продолжало сохраняться очень уважительное отношение к Сталину. Так, характеризуя поведение Муссолини в момент падения Италии, Геббельс писал: "Он не революционер, как фюрер или Сталин. Он настолько привязан к итальянскому народу, что ему явно не хватает революционной широты в мировом масштабе".

А в дневнике нацистского министра пропаганды за 10. 9. 43 г. отмечается: "Я спросил фюрера, можно ли что-нибудь решить со Сталиным в ближайшем будущем или в перспективе. Он ответил, что в данный момент нельзя... Фюрер считает, что легче иметь дело с англичанами, чем с Советами. В определенный момент, считает фюрер, англичане образумятся... Я склонен считать Сталина более доступным, поскольку Сталин - политик более практического склада, нежели Черчилль".

Но уже 23. 9. 43 г. следует другая запись: "Фюрер предпочел бы переговоры со Сталиным, но не думает, что они будут успешными".

Ну, разумеется, уважая Сталина и считая его политиком собственного склада, разве мог Гитлер надеяться на успех в период советских побед когда сам отверг компромиссный мир при победах Германии?

К концу войны "миротворческие инициативы" гитлеровцев, естественно, активизировались. Шелленберг все так же ориентировался на западные державы, летом 1944 г. он встретился в Швеции с представителем Рузвельта Хьюитом, который пообещал организовать настоящие деловые переговоры. В начале 1945 г. сотрудник Шелленберга Хеттль - начальник СД в Вене - установил в Швейцарии контакты с

руководителем американской разведки генералом Донованом, и туда для переговоров были направлены представители Гимmlера Лангбен и Керстен. Обсуждались вопросы сепаратного мира, если англо-американцы ослабят натиск на рейнскую группу армий и дадут возможность перебросить войска на Восточный фронт. Но по данным радиоперехватов о начавшемся диалоге узнал Мюллер. Опираясь на Кальтенбруннера, он немедленно начал расследование, а Гимmlер, как только узнал из их докладов, что игра засвечена, перепугался и оборвал ее. Но переговоры с Западом пытался вести и Риббентроп с ведома Гитлера. В январе 1945 г. его представитель Хессе навел было мосты для закулисного диалога в Стокгольме. Но сведения об этом каким-то образом проникли вдруг в открытую печать, разразился скандал, и фюрер приказал Риббентропу прекратить операцию.

Что же касается переговоров Вольфа с Даллесом, самых известных в нашей стране благодаря "Семнадцати мгновениям весны", то Ю. Семенов добавил в эту историю большую долю художественного вымысла. Во-первых, как раз к этим переговорам Гимmlер с Шелленбергом отношения не имели. Инициатива исходила от самого Вольфа, главного уполномоченного СС и полиции в Северной Италии, и промышленников Маринетти и Оливетти, которым не хотелось, чтобы Италия стала ареной боев со всеми вытекающими последствиями. Во-вторых, они имели частный характер, только для данного театра военных действий - и к обсуждению предлагались условия, вроде бы, выгодные обеим сторонам: немцы сдают Италию без сопротивления, но и без капитуляции, а американцы и англичане позволяют им беспрепятственно уйти за Альпы. А Германия таким образом получает возможность использовать эти войска на Востоке. А в-третьих, Вольф не решился на подобный

шаг, пока не согласовал его с Гитлером. 6. 3. 45 г. он сделал доклад фюреру в присутствии Кальтенбруннера, убеждая в пользе контактов. Гитлер отнесся к идее скептически, но действовать разрешил.

И только после этого в Цюрихе начались встречи Вольфа с Даллесом. Американцы закидывали удочки насчет капитуляции группы армий "Ц" во главе с Кессельрингом, а Вольф втайне от Гитлера повел свою игру - стал вентилировать возможность сепаратного мира или союза с американцами, если удастся избавиться от фюрера (Гиммлера он тоже отправлял за борт, как фигуру слишком одиозную). И партнеры до того увлеклись в своих фантазиях, что даже принялись составлять списки будущего германского правительства во главу прочили Кессельринга, министром иностранных дел Нейрата, а себе Вольф скромненько застолбил пост министра внутренних дел. Но его поездки в Швейцарию засекло гестапо, информация дошла до Гиммлера, и он устроил Вольфу разнос за то, что тот полез в такое дело без его санкции, и запретил дальнейшие действия.

А Советский Союз об этих переговорах известил вовсе не "штандартенфюрер Штирлиц" - их заложили сами англичане с американцами. Портить отношения с Москвой в конце войны им не хотелось, и после первой же встречи Вольфа с Даллесом они забеспокоились - а вдруг Сталин что-нибудь пронюхает и осерчает? И решили поставить в известность СССР. Уже 11. 3 посол США в Москве официально уведомил Молотова о контактах с Вольфом. А наркомат иностранных дел заявил на это, что не будет возражать против переговоров при условии участия в них советского представителя. Тут союзники спохватились, что советский эмиссар наверняка отпугнет Вольфа и тем самым сорвет возможность без потерь занять Италию. Принялись выкручиваться, 16. 3 ответили, что идут еще

не переговоры, а "подготовка почвы" переговоров, и участие России преждевременно. Но не тут-то было, Молотов тут же встал в позу - дескать "нежелание допустить советского представителя неожиданно и непонятно", а раз так, то СССР согласия на переговоры дать не может. Госсекретарь США и военный министр попытались и дальше действовать отговорками, но куда им было переспорить Москву! 23. 3 и 4. 4 последовали два письма Сталина Рузвельту, а 13. 4 генерал Donovan вызвал в Париж Даллеса и объявил, что об их переговорах знают в СССР, поэтому закулисные игры нужно прекращать.

А тем временем и над Вольфом сгустились тучи. Под него крепко копало гестапо и доказывало Кальтенбруннеру, что он изменник. Его опять вызвали в Берлин, и Мюллер действительно собирался арестовать его прямо на аэродроме, но такого Гиммлер не допустил - правда, встречать отправил не Шелленберга, а своего личного врача и помощника Гебхарда. Перед рейхсфюрером СС Вольф сумел оправдаться, сославшись на разрешение Гитлера. А 18. 4 фюрер разрешил все споры, дав санкцию на продолжение переговоров. С условием, что главная их цель - поссорить Запад и СССР. Но он уже утратил чувство реальности, 16. 4 русские прорвали фронт на Одере, и обстановка стремительно выходила из-под контроля нацистского руководства. И следующий этап переговоров с Вольфом уже проходил в присутствии советского представителя генерала А. П. Кисленко, от интриг спецслужб они вышли на уровень военного командования, и торг на них шел всего лишь об условиях сдачи итальянской группировки.

Ну а Гиммлера уговорили взять на себя ответственность и начать переговоры с Западом через шведского графа Бернадотта только 19. 4, когда Германия быстро погрузилась в хаос, и было уже

поздно предпринимать какие бы то ни было шаги. Да и сама мысль о таких переговорах выглядела полным абсурдом - и о столь глупом предложении рейхсфюрера СС вскоре раструбила на весь мир радиостанция Би-Би-Си.

Но любопытно, что до последнего момента Гитлер сохранял и надежду договориться с СССР. Так, в записи за 4. 3. 45 г. Геббельс отмечает: "Фюрер прав, говоря, что Сталину легче всего совершить крутой поворот, поскольку ему не надо принимать во внимание общественное мнение".

Отмечает он и то, что в последние дни Гитлер "ощутил еще большую близость к Сталину", называл его "гениальным человеком" и указывал, что сталинские "величие и непоколебимость не знают в своей сущности ни шатаний, ни уступчивости, характерных для западных политиков".

А вот запись от 5. 3. 45 г.: "Фюрер думает найти возможность договориться с Советским Союзом, а затем с жесточайшей энергией продолжить войну с Англией. Ибо Англия всегда была нарушительницей спокойствия в Европе... Советские зверства, конечно, ужасны и сильно воздействуют на концепцию фюрера. Но ведь и монголы, как и Советы сегодня, бесчинствовали в свое время в Европе, не оказав при этом влияния на политическое разрешение тогдашних противоречий. Нашествия с Востока приходят и откатываются, а Европа должна с ними справляться".

Ну, насчет советских зверств остается только заметить: "чья бы корова мычала". Но надежды найти общий язык с Кремлем в данный момент, конечно же, не имели под собой никакой почвы. Потому что если для Гитлера персонально уважаемый Сталин являлся только государственным, политическим противником, то для Сталина обманувший его фюрер стал и личным

врагом. А личным врагам Иосиф Виссарионович не прощал никогда.

Но, пожалуй, стоит отметить и то, что к 45-му году Гитлер вынужден был изменить свои взгляды на русский народ. Так, поручая Шпееру уничтожать германские заводы и фабрики, он подчеркнул, что "в результате войны немецкая нация лишь докажет, что она слабее, а будущее будет принадлежать более сильной восточной нации". Не считаю нужным комментировать взгляды фюрера насчет высших и низших, сильных и слабых наций, но хочу лишь подчеркнуть, что сам факт признания столь ярким ненавистником русских своей ошибки говорит о многом...

27. Триумф победителей

О своих антикоммунистических союзниках немцы вспомнили только тогда, когда их дела на фронтах пошли совсем плохо. Да и то поводом стал не трезвый взгляд на вещи, а личное соперничество в нацистских верхах. Гиммлер вообразил себя великим полководцем и в противовес Вермахту начал всячески раздувать собственную армию, СС - то ли мечтая о роли спасителя отечества, то ли в перспективах грядущей борьбы за власть. Начали формироваться части СС из прибалтийских народов, из югославских и советских мусульман. В 1944 г. выпустили из тюрьмы Бандеру и стали развертывать украинские части. Таким образом были созданы 13-я мусульманская дивизия СС "Ханшар", 20-я эстонская, 15-я и 19-я латышские дивизии СС, 14-я дивизия СС "Галичина" (потом добавилась еще одна украинская дивизия).

Будто в насмешку, когда казачьи земли остались уже далеко за линией фронта -30. 3. 1944 г. было наконец-то учреждено Главное Управление Казачьих Войск, "как политический и административный орган Дона, Кубани и Терека". Начальником этого управления

был назначен Краснов, заместителем кубанский атаман Науменко. Да и то над ними поставили генерала Кестринга, заменившего к тому времени Гельмиха на посту командующего "Остгруппен". А летом 1944 г. и казаков перетянули в ведение СС. Казачью дивизию Паннвица Гиммлер при этом решил развернуть в корпус за счет эмигрантских частей, воевавших в Югославии и нового набора добровольцев. При главном штабе войск СС был создан и "казачий резерв", во главе которого поставили А. Г. Шкуро в общем, снова использовали его популярность и энергию, авось еще кого-нибудь наберет, еще хоть что-нибудь сформирует.

До Власова дело дошло в последнюю очередь. Помня о его опале, Гиммлер избегал контактов. Рождались даже проекты заменить его во главе "Русского Освободительного Движения" Г. А. Жиленковым. Бывший партийный функционер был более понятен нацистам, и считалось, что с ним будет легче работать. Но потом все же пришли к выводу, что он недостаточно авторитетен. Больше года деятельность РОД ограничивалась все той же школой пропагандистов в Дабендорфе и выпуском подцензурных газетенок "Заря" и "Доброволец", наполовину заполненных перепечатками нацистского официоза. Власова даже не пустили съездить к русским частям во Франции и Италии. Такие поездки совершили его помощники Малышкин и Трухин. По инициативе уполномоченного по делам эмиграции во Франции Жеребкова Малышкин выступил также перед русской колонией в Париже. За что оба они получили изрядный нагоняй от немцев.

Продолжали писать письма в разные инстанции. Немецкие доброжелатели все еще не теряли надежды как-то убедить руководство Рейха, организовывали встречи власовцев с разными нацистскими начальниками второго ранга, вроде главы

Гитлерюгенда гомосексуалиста фон Шираха или руководителя Трудового фронта алкоголика Лея. Власов, по-видимому, впал в полную депрессию, отдался течению, и даже позволил немецким друзьям женить себя на вдове эсэсовца Адели Биленберг - ему разъяснили, что это может помочь в ведущейся игре. Впрочем, по части личной жизни он всегда был достаточно неразборчив за линией фронта у него остались жена и "полевая походная жена", одна получила 8 лет лагерей, другая - 5. У его подчиненных тоска и безвыходность выражалась в более традиционной для русских форме: различные источники указывают, что пили у власовцев очень круто. Но наконец, под влиянием одного из авантюристов - редактора эсэсовской газеты "Дас Шварце Кор" д'Алькена, Гиммлер все же решился использовать и Власова. 16. 9. 1944 г. состоялась их встреча, после которой рейхсфюрер дал добро на формирование русских частей и на образование Комитета Освобождения Народов России (КОНР).

Уныние сменилось последним бурным всплеском надежд. 14. 11. 44 г. в Праге - последнем крупном "славянском" городе, еще подконтрольном немцам, торжественно прошла конференция КОНР. Собрались и некоторые представители старой эмиграции - руководители отделов РОВС Абрамов, Крейгер, Балабин, парижский уполномоченный Жеребков, руководители "собственных" белых организаций дроздовец Туркул, фон Лампе, Руднев. Пожалуй, это мероприятие стало их последней политической акцией. Были приглашены представители казаков, украинцев, других национальных движений. Немцы отнеслись к КОНР осторожно и прохладно. Никто из высших чинов на конференции не присутствовал, только протектор Богемии и Моравии Франк - вроде как "хозяин" Праги, да второстепенный чиновник МИД Лоренц, передавший

приветствие от правительства и впервые назвавший власовцев "союзниками" Германии. Гиммлер ограничился телеграммой. Гитлер вообще проигнорировал.

На конференции был обнародован "Манифест КОНР", в котором провозглашалась борьба за освобождение России. Она представлялась федеративным государством с равноправием всех народов и их правом на самоопределение. В стране предполагалось установление "национально-трудового строя" - в чем на составителей Манифеста оказал явное влияние НТС. Был определен состав Комитета, что-то вроде "правительства в изгнании" с несколькими отделами: военным, организационным, гражданского управления, пропаганды, иностранным, казачьих войск, молодежной секцией. Образование КОНР вызвало массовый отклик у "остарбайтеров", беженцев от советской власти, пленных. Поступило огромное количество просьб и заявок о вступлении в армию Власова, по одним источникам - около 300 тыс., по другим - даже до миллиона. Втайне от немцев рождались наполеоновские планы: объединить все антикоммунистические силы в кулак, сформировать 20-25 дивизий, дожидаться падения Германии (которое предполагалось где-нибудь осенью 1945 г.), проломить фронт и прорываться в Россию, начинать там освободительную войну.

И почти сразу эти планы стали расползаться по швам. Немцы уточняли, что позволят Власову создать только 2-3 дивизии. И другие антисоветские силы объединяться вовсе не спешили. Бандера открытым текстом послал подальше, он не желал иметь ничего общего с "москалями". Ничего не дали и переговоры с Красновым. 75-летний атаман и советский генерал были слишком разными людьми, и если Краснов даже в гражданскую не соглашался войти в подчинение

Деникину, то мог ли он теперь отдать "свои" части, созданные его именем (и как он, наверное, считал - его трудами) в подчинение "красному" начальнику? А тем временем германский фронт рушился. И гораздо быстрее, чем предполагалось. Кое-что КОНР еще удавалось сделать для соотечественников. Так, гражданское управление старалось улучшить положение "остарбайтеров", стало принимать от них жалобы на жестокое обращение. И Гиммлер "шел навстречу" - 26. 1. 1945 г. он снизошел аж до того, что издал приказ, запрещающий телесные наказания русских рабочих и работниц. При КОНР нашли убежище два десятка деятелей НТС, которых к этому времени еще не арестовали. Позже Власов сумел добиться освобождения лидеров I НТС, содержащихся в берлинских тюрьмах, но это произошло только в апреле, когда остальных активистов, раскиданных по лагерям, уже не смогли бы отыскать и сами немцы.

Лишь 18. 1. 1945 г. Рейх начал финансировать КОНР, а 28. 1 в распоряжение Власова передали две русских дивизии, находящиеся в стадии формирования. Располагались они на юге Германии, в Мюнзингене и Хойберге. Первая, командиром которой стал генерал С. К. Буняченко (она же 600-я Гренадир Дивизион), состояла наполовину из брянских добровольцев Каминского, была кое-как укомплектована и кое-как вооружена. А вторая во главе с генералом Зверевым (650-я Гренадир Дивизион) и вовсе была почти безоружной. Вооружения в Германии уже не хватало и для собственных солдат. Планы менялись на более скромные. Один - опять же объединить антисоветские силы в кулак и занять какой-нибудь район в Центральной Европе, образовав там "Свободное европейское движение сопротивления", которое, как подразумевалось, должны будут поддержать англичане и американцы. Сторонниками этого плана были и

немецкие представители, прикомандированные к Власову - генерал Ашенбреннер, Э. Двингер, Т. Оберлендер. Второй план пробиваться на соединение с казаками и сербскими четниками Драже Михайловича, укрепиться в Альпах или югославских горах и обороняться от коммунистов. Снова в надежде на сочувствие Запада.

Но даже если бы немецкое командование дало разрешение, собрать "кулак" было уже невозможно. Украинские дивизии находились в боях, и снять их с фронта было бы затруднительно, тем более что их командующий генерал Шандрук и слышать не хотел о подчинении Власову. Правда, начали налаживаться контакты с казаками. Корпус Паннвица, впитавший остатки "Охранного корпуса", понес большие потери в боях с армией Тито и советскими войсками. Генерал Краснов, выехавший к своим частям, в неразберихе отступления был захвачен в плен. В марте 1945 г. Казачий Круг корпуса выбрал походным атаманом Паннвица и высказался за объединение с КОНР, слухи о котором доходили приукрашенные и преувеличенные. Но официальное согласие на подчинение казачьих частей Власову Гиммлер соизволил дать лишь 28. 4, за несколько дней до падения Третьего Рейха. Напоследок немцы снизошли и к чаяниям неутомимого партизана Шкуро еще разок сразиться с красными. Продержав его всю войну в тылу в качестве агитационной фигуры при формировании то одного, то другого соединения, промурыжив во всяких "резервах", в марте 1945 г. ему наконец-то разрешили создать свою "волчью сотню" и рвануть с ней по советским тылам. Он горячо ухватился за это, выехал в Австрию, чтобы собрать там нужный отряд, но сделать уже ничего не сумел и не успел.

Все попытки власовцев наладить контакты с демократическими державами кончались провалом. Они предпринимались начальником иностранного отдела

КОНР Жеребковым через Красный Крест, предпринимались по каналам НТС, однако их и слушать не желали. Какие-то непонятные русские антикоммунисты совершенно не вписывались в западные планы войны и послевоенного устройства. 19. 4. 45 г. Власов собирался из Праги обратиться по радио к первой конференции ООН - этого не разрешил Франк. А фельдмаршал Шернер, чьи армии занимали Центральную Европу, решительно воспротивился созданию на своей территории какого-то "Свободного европейского движения сопротивления".

А тем временем и имеющиеся части КОНР немцы стали раздвигать и растаскивать для затыкания дыр во фронте. Сначала отправили в Померанию противотанковый отряд полковника Сахарова. Потом поступил приказ о переводе на север всей 1-й дивизии. На возражения и возмущенные вопросы отвечали, что пока Гитлер не доверяет русским, но когда дивизия докажет свою доблесть в боях, будет проще разрешить формирование других частей. И соединение Буняченко численностью около 10 тыс. чел. двинулось через всю Германию на Одер. По дороге к нему самовольно присоединялись русские "хиви" из других частей Вермахта, беглые пленные, "остарбайтеры", так что образовался дополнительный отряд в 5 тыс. чел., в большинстве безоружных. В конце марта дивизия вошла в состав 9-й армии генерала Буссе, и задача ей была поставлена совершенно гибельная - ликвидировать советский плацдарм, чего не смогли сделать сами немцы из-за шквального огня и огромных потерь.

Видя, что соединение гонят на убой, Буняченко стал отказываться. Заявлял, что приказы принимает только от Власова. Привезли Власова. Он подтвердил полученную задачу, но потом побеседовал с Буняченко наедине, видимо, отдав ему и свои, секретные

распоряжения. 13. 4 дивизия предприняла попытку штурма и сразу отступила, встретив жестокий огонь. Немцы настаивали на продолжении атак, Буняченко отказывался, снова требовал встречи с Власовым, а 15. 4 его части вдруг снялись с позиций и выступили на юг. Ошеломленные германские командиры пытались остановить их, слали приказы вернуться на фронт, угрожая расправой - все было тщетно. Однако реальных действий против непокорной дивизии немцы предпринять уже не могли - у самих царил полный развал и хаос, а на следующий день началось наступление советских войск на Берлин. И снова власовцы шли через всю Германию, впитывая русских добровольцев. Соединился с ними и вернувшийся из Померании отряд Сахарова. Когда дивизия достигла Дрездена, в ней было уже 20 тыс. чел. Здесь вступили на территорию, занятую войсками Шернера. Подчиниться ему Буняченко, вроде бы, согласился, но лишь для того, чтобы получить припасы, а на фронт соединение не выступило и продолжало свой путь, мороча немцам голову бесконечными "переговорами" и приняв боевое построение на случай применения силы.

Власов в это время находился с полубезоружной 2-й дивизией, резервной бригадой и авиаотрядом общей численностью 20 тыс. чел. Его штаб располагался в г. Фюсене, потом вместе с этими частями через Австрию двинулись в Чехословакию. Сюда же направлялась 1-я дивизия. 2. 5. 45 г. она остановилась в 50 км от Праги. Население приветствовало русских, "восставших" против нацистов, партизаны образующихся тут и там чешских отрядов обращались к Буняченко с просьбами помочь оружием и боеприпасами. Начались спонтанные стычки с немецкими солдатами. Наконец, к дивизии прибыла делегация чешских офицеров и призвала ее на помощь восставшей Праге, на которую были брошены войска Вермахта и СС. Буняченко колебался, да только

настроение его подчиненных было такое, что в случае отказа они готовы были выйти из повиновения и присоединиться к повстанцам. И он дал приказ идти на Прагу. 5-6. 5. 45 г. дивизия нанесла удар по войскам Шернера и разгромила его части, атаковавшие город. Таким образом, за несколько дней до подхода советской армии Прагу освободили власовцы, избавив ее от разрушения, а ее жителей - от массовых расправ.

Но на этом "дружба" и кончилась. Возникшее в ходе восстания правительство, перепугавшись, как бы не прогневить Сталина, заявило, что власовцев на помощь вовсе не приглашало, а лица, которые это сделали, не имели на то никаких полномочий. Американские разведотряды, высланные для связи с повстанцами, были тоже удивлены и озадачены появлением непонятных русских в немецкой форме и от контактов с ними воздерживались. 7. 5 дивизия оставила Прагу, и началась последняя агония "власовского движения". Части, сконцентрированные в районе Шлюссельбурга и Будейовиц, пытались войти в переговоры с американцами и сдаться им. Но те отказывались принимать капитуляцию и пропускать власовцев на свою территорию, требуя, чтобы они сдавались советской стороне. Посылались делегации, писались обращения к командованию. Власов даже выражал готовность предстать перед международным судом, указывая, что выдача его соратников Сталину противоречит международным законам, как выдача оппозиционного политического движения. Но куда там! Демократам было удобнее и проще рассматривать их как "коллорационистов", с которыми и говорить-то зазорно.

В ходе поездок на переговоры на начальников КОНР стали нападать обнаглевшие чешские партизаны. Генералы Боярский и Шаповалов были ими убиты, Трухин и Благовещенский захвачены и переданы

Советской Армии. У Власова была еще возможность бежать - в его авиаотряде имелся исправный самолет, на котором ему предлагали вылететь в Испанию. Однако он отказался, заявляя, что должен разделить судьбу своих войск. 12. 5, после безуспешных переговоров с американцами, Буняченко приказал своей дивизии расходиться и спасаться самостоятельно. Люди переодевались в штатское, спарывали знаки отличия, некоторые кончали с собой. Сразу же началась облава советских войск. Около 10 тыс. было убито на месте, взято в плен или переловлено партизанами. Остальные кое-как, поодиночке и группами, просочились на территорию, контролируемую американцами. Самого Власова со штабом захватили в результате спецоперации, организованной чекистами. Но 2-я дивизия, которую в это время возглавил генерал Меандров, все же проникла в американскую зону. Когда ее отказались пропустить, Меандров просто перешел туда безо всякого разрешения. Здесь пленные власовцы попали в лагеря, которые вряд ли были лучше немецких. Содержали их в голоде, с побоями и унижениями. И большинство - те, кто не сумел или не догадался сбежать (Меандров удерживал от этого подчиненных, все еще не теряя надежды на лучшее), были выданы в СССР.

Вслед за тем завершилась и трагедия казачьих формирований. Вместе с сербскими антикоммунистическими частями Михайловича корпус Паннвица, насчитывавший 40-45 тыс. чел., пробился из Югославии в Австрию. Его сопровождал большой обоз эмигрантов-беженцев, спасающихся от советских войск и партизан Тито. А из Италии одновременно вышел 35-тысячный "Казачий Стан" - бродячий табор тех, кто ушел с Дона и Кубани со своими семьями, массой женщин, стариков и детей. Казаки были настроены решительно, ни в коем случае не желая депортации на

родину. Просили отправить их куда угодно - в Азию, Африку, Америку, только не выдавать - в этом случае они намеревались не подчиняться и биться насмерть, даже если придется полечь всем на месте. Но англичане, в зону которых они попали, коварно их обманули. Объявили, что ни о какой выдаче речи не идет, и что строевых казаков они зачислят к себе на службу. Успокоили, поставив на довольствие и выдав английское обмундирование. Обозы с беженцами разместили в Лиенце на берегу Дравы, где оборудовали им удобный лагерь, стали снабжать продуктами и медикаментами.

Потом у "зачисленных на службу" казаков отобрали оружие - дескать, будет выдано английское. 28. 5 всех офицеров повезли в г. Югдебург, якобы на совещание с британским командованием о дальнейшей службе. А в дороге взяли под охрану и передали советскому конвою. Дальше и рядовых силой погнали в эшелоны, отправляя в СССР. В "Казачьем Стане" таким же образом изъяли командиров, 1. 6 оцепили лагерь войсками и танками, и британский комендант майор Дэвис объявил о депортации "домой". Казаки и казачки кричали "не пойдём", молили и требовали, в походных церквях служили панихиды по самим себе. Но англичане были безжалостны и приказали садиться по грузовикам. Люди не шли, мужчины цепью старались защитить женщин и детей, священники поднимали кресты и иконы. Не тут-то было. Солдаты набросились на человеческую массу, начали избивать прикладами и дубинками, выдергивая из толпы по одному и бросая в машины. Возникла давка, в которой многие были затоптаны. Пятащаяся многотысячная толпа повалила телами забор лагеря и хлынула на мост через Драву. Но и его перекрыли танками. Люди стали целыми семьями совершать самоубийства, бросаясь с моста в пропасть. А тех, кому все же удалось разбежаться, англичане

вылавливали, прочесывая местность и расстреливая пытающихся скрыться. Выдавали и тех, кого брали в плен в других местах - например, генерала Шкуро.

Победы Советской армии и народов России над нацизмом открыли широчайшее поле деятельности для чекистов. Это были поистине годы их триумфа. Грандиозные чистки пошли по всем "освобожденным" странам. Правда, количество русских политических деятелей здесь и без того уменьшилось в предвоенный и военный период. Эсеры и меньшевики еще в 30-х выезжали в США. Некоторые уезжали на запад при приближении линии фронта - численность такой "вторичной эмиграции" достигала 30 тыс. чел. Хотя эта цифра относится только к уцелевшим - тем, кто не погиб при бомбежках, избежал советского плена. Вовремя успели скрыться лидеры РОВС в странах Центральной Европы Абрамов, фон Лампе, Войцеховский и др. Сумели спастись и некоторые из власовских начальников - Штифанов, Галкин, Зайцев, Штрик-Штрикфельдт, Казанцев, Кромиади, Богатырчук, Норейкис.

Но многие все же попадали в лапы чекистов. В Праге взяли престарелого генерала Шиллинга. Сюда же была направлена опергруппа специально для арестов руководителей Трудовой Крестьянской партии - видать, зуб на нее имели давний. Были схвачены руководитель партии А. Л. Бем, секретарь ТКП Б. В. Седаков, Н. Е. Андреев и др. Бем во время допроса в контрразведке покончил с собой, выбросившись из окна. А может, выбросили, как Савинкова. Шла настоящая охота на НТС - эту организацию чекисты тоже давно держали на примете. Был расстрелян редактор газеты "За Россию" Д. М. Завжалов, более ста активистов очутились в советских лагерях, среди них генеральный секретарь Исполбюро НТС М. А. Георгиевский, арестованный в Белграде и погибший на Колыме.

Во время операции в Маньчжурии эмигранты оказали серьезную помощь советским войскам. Как уже отмечалось, здесь были сильны антияпонские настроения, а для представителей старой России победоносное советское наступление выглядело достойным реваншем за Порт-Артур и Цусиму. Поэтому встречали как долгожданных "своих", оказывали содействие, чем могли. В ходе этой операции кроме ударов с фронта советское командование высадило десанты в тылах Квантунской армии - в Харбине, Гирине, Мукдене, Чанчуне. По воспоминаниям маршала Мерецкова, эмигранты наводили десантников на японские штабы и казармы, сами захватывали узлы связи, брали в плен японских солдат и сдавали в комендатуры. В Харбине десантный отряд майора Скворцова какое-то время действовал в отрыве от главных сил, и этот офицер вместе с резидентом разведки Дрожжиным (работавшим под "крышей" консульства) создали "штаб обороны", для чего привлекли и вооружили 3 тыс. добровольцев из русской эмиграции. Создавались патрули из гимназистов, прочесывавшие город и разоружавшие солдат противника, были взяты под охрану все важные городские объекты и удерживались до подхода советских войск. Однако вместе с этими десантами в китайские города вылетели группы сотрудников госбезопасности для захвата политических лидеров - Г. М. Семенова, К. В. Родзаевского, А. П. Бакшеева и др.

И были разыграны три процесса. В июле 1946 г. - над А. А. Власовым и его соратниками - Ф. В. Малышкиным, Ф. И. Трухиным, Д. Е. Закутным, А. И. Благовещенским, М. А. Меандровым, В. И. Мальцевым, С. К. Буняченко, Г. А. Зверевым, В. Д. Корбуковым и Н. С. Шатовым. В августе 1946 г. - над дальневосточными лидерами Г. М. Семеновым, К. В. Родзаевским, А. П. Бакшеевым, А. Ф. Власьевым, Б. Н. Шепуновым, И. А.

Михайловым. В январе 1947 г. - над руководителями казачества - П. Н. Красновым, А. Г. Шкуро, С. Н. Красновым, Т. Н. Домановым, фон Паннвицем и Султан-Гирей Клычем.

Все процессы были закрытыми, то есть сломить подсудимых и принудить их к покаянию палачам не удалось, поэтому пришлось сочинять самооговоры и самоуничижительные признания от их имени - из официальных судебных отчетов хорошо видно, что они сплошь сфальсифицированы и представляют собой всего лишь изливания советской пропаганды. Даже терминология, в которой подсудимые рассказывают о себе и своих "преступлениях", четко соответствует передовицам коммунистических газет. Очевидно, и задержались процессы на необычный для сталинского "правосудия" срок - больше года после ареста, только из-за того, что их всеми мерами пытались склонить к публичному отречению от своих идеалов. Например, имеются достоверные данные о жесточайших пытках, которым подвергались перед судом Власов и Трухин. Но и власовцы, и белогвардейцы оказались покрепче правоверных коммунистов, вроде Радека и Бухарина, поэтому от публичных спектаклей пришлось отказаться. Естественно, все подсудимые были казнены, большинство повешены, некоторые расстреляны (впрочем, есть данные, что осужденных по делу Власова умерщвляли какими-то особыми, совершенно жуткими способами).

Нужно отметить и тот факт, что система послевоенных чисток была достаточно своеобразной. В странах, попавших под советскую оккупацию Восточной и Центральной Европе, Маньчжурии, они велись выборочно. Поголовно хватали только тех, кто попал за границу уже в годы советской власти, а из старой эмиграции арестовывали лишь самых заметных представителей Белого Движения и активных

участников политической деятельности, попавших на заметку органов госбезопасности. Даже семей их не трогали. Оставляли в покое и тех, кто в годы эмиграции просто жил и трудился, и уж тем более участников антинацистского подполья и партизанского движения (если подполье было коммунистическим, а не националистическим). Возможно, считали, что в этих странах эмигранты и так никуда не денутся, а то и помогут их "освоению".

Но к тем, кто остался по другую сторону демаркационных линий, отношение было другое. В их адрес разыграли еще одну шумную кампанию "возвращенчества". Как бы на радостях, в честь победы, указом Президиума Верховного Совета еще раз было объявлено прощение эмигрантских "грехов" и предоставлено право на получение советского гражданства "лицам, имевшим российское гражданство к 7 ноября 1917 г." Такое же право получали "лица, утратившие советское гражданство и их дети". И под влиянием настроений, царивших в 45-м - симпатий к СССР, гордости за свою родину, "переоценки ценностей", а то и надежд на возрождение Сталиным прежней, могучей России, указ этот вызвал взрыв энтузиазма в русском зарубежье. В одной лишь Югославии набралось 6 тыс. желающих стать советскими гражданами, во Франции - 11 тыс., а возникший в подполье "Союз русских патриотов" был переименован в "Союз советских патриотов". В посольства СССР подавались заявления, в торжественной обстановке вручались паспорта - первый выдали митрополиту Евлогию.

Правда, реально отправились на родину гораздо меньше - например, из Франции только 2 тыс. Многие, даже получив гражданство, оставались на чужбине - тут была привычная среда, устроенный быт, а в России не осталось ни родных, ни знакомых, чтобы ехать туда

на старости лет. Да и осторожничали все же, ждали, как обернется с другими. И правильно делали. Потому что те, кто поехал, в том числе участники Сопротивления, члены всяких там "обществ советской дружбы", почти в полном составе загремели в лагеря. Опять, как и в кампаниях 20-х, оставляли на свободе лишь "рекламные" фигуры. То же произошло в Шанхае, который в отличие от Харбина оказался вне зоны советского влияния. В существовавшую там большую русскую колонию приехал специальный уполномоченный, огласил упомянутый указ и даже пообещал помощь в переезде со всем имуществом. Тоже была масса желающих, им прислали пароходы, помогая грузить мебель, автомобили, рояли. А в Находке репатриантов перегоняли в арестантские вагоны...

Ведь возможность "конвергенции" учитывал и Сталин. И соответственно, пресекал ее всеми доступными ему средствами. Так что закордонные энтузиасты "возрождения России" если и были ему нужны, то только в качестве дармовой рабочей силы. Как раз во избежание "конвергенции" и подъема свободолобивых настроений в народе, познавшем свою мощь, в СССР пошло очередное закручивание гаек. И люди, начавшие было гордо поднимать головы как победители, люди, повидавшие Европу, имевшие возможность сравнить тамошнюю жизнь с собственной и рассказать об этом согражданам, густо шли за колючую проволоку.

В данном плане Иосифу Виссарионовичу активно помогали западные демократы, массами выдавая на расправу всех советских граждан, оказавшихся в их зонах. Выдавали не только власовцев, но и прочих, кто служил немцам то есть солдат "Остгруппен", "Остлегионен", при первой возможности переходивших на их сторону во Франции, Италии, Африке. Многие

русские "хиви", перешедшие в Северной Африке к англичанам, принимались в их армию, т. е. стали британскими солдатами. Но по окончании войны выдали и их тоже.

Выдавали и тех, кто сражался в отрядах французских партизан и организациях Сопротивления, Выдавали освобожденных пленных и "остарбайтеров", хотя многие не хотели ехать домой, справедливо опасаясь репрессий. Наконец, в зонах оккупации союзников оказалось более миллиона обычных гражданских беженцев - тех, кто во время войны сумел вырваться из СССР, чтобы уйти из-под власти большевиков, и просил теперь убежище на Западе. И их тоже выдавали. Содержали в лагерях, иногда не уступающих нацистским (например, британский лагерь Вольфсберг с издевательствами, побоями, на голодном пайке). Впрочем - иногда содержали и получше, подпитывая ложными обещаниями и иллюзиями. А в один прекрасный день грузили в поезда, якобы для перевода в более удобное место, и отправляли в советскую зону. На верную гибель.

Обычно при объяснении этих действий иностранные историки ссылаются на Ялтинские соглашения, по которым предусматривалась обязательная репатриация советских граждан, попавших на чужбину в ходе войны. Но ведь те, кто сам стремился попасть на Запад, искали там политического убежища. Об их "правах человека" почему-то не вспомнили. А среди выданных казаков многие никогда и не были советскими гражданами. И такая юридическая "мелочь" тоже никого не смущала. Выдавали и гражданских эмигрантов, в том числе и таких, кто не имел никакого отношения к сотрудничеству с немцами, а просто бежал из Восточной Европы при вторжении туда советских войск, а попав к англо-американцам, имел несчастье назвать себя "русским" - даже если был к тому моменту уже

польским, чехословацким, германским гражданином.. Уж никаким боком не подходили под Ялтинские соглашения югославские антикоммунистические формирования - например, четники Михайловича сражались за прежнюю Югославию, союзницу тех же англичан в начале войны. Но и их по требованию Сталина выдали Тито на бессудные расправы. Там коммунисты не утруждали себя даже видимостью "законности", везли своих противников-сербов в хорватские деревни, а хорватов - в сербские, и отдавали толпе на растерзание.

Никак не подходили под Ялтинские соглашения и те советские солдаты, которые пытались бежать к союзникам уже после войны. Летом 1945 г. к англичанам и американцам каждый день переходили десятки, а то и сотни человек. И их аккуратно выдавали - причем заведомо зная, что выдают на смерть. Потому что таких дезертиров казнили всех без исключения, и ежедневно в частях зачитывали списки расстрелянных. Не только для того, чтобы запугать остальных, но и доказать, что не стоит рассчитывать на гостеприимство союзников. Так что на самом деле за счет судеб миллионов русских людей, никому не нужных на Западе и никого там не интересовавших, политики-демократы пытались задобрить Сталина и подладиться к нему. Чтобы сохранить оговоренный с ним "новый мировой порядок", который их державы считали выгодным для себя. Как очень точно подметил Солженицын, "во Второй мировой войне Запад отстаивал свою свободу и отстаивал ее для себя, а нас (и Восточную Европу) вгонял в рабство еще на две глубины".

Ведь и в самом деле, когда речь идет о том, что произошло в странах Восточной и Центральной Европы, надо вспомнить - а кто же отдал Сталину эти страны? Только чтобы удовлетворился и больше не запрашивал. И чтобы самим сэкономить материальные средства и

жизни сограждан в заключительных операциях против Японии. Такое "умиротворение" - это, пожалуй, даже не Мюнхеном, а "Мюнхеном в квадрате" пахнет. Черчилль даже хвастает в своих мемуарах, как легко сумел договориться со Сталиным насчет раздела сфер влияния в Европе. Дескать, пока ходили вокруг да около, ну ничего не получалось. А потом он взял и безо всяких обиняков, в открытую, написал на бумажке: в Румынии 90% влияния получает Россия, а 10% - остальные союзники, то бишь Англия и США. В Греции наоборот - 90% остальные, а 10% Россия. В Югославии и Венгрии - 50 : 50, а в Болгарии 75% России - 25% остальным. А Сталин бумажку повертел, попыхтел трубкой и галочку поставил. Мол, согласен. И Черчилль очень гордился тем, что сумел с ним договориться таким простым образом. А чего бы, спрашивается, "отцу народов" не согласиться, если сами дают? А дальше - видно будет...

И пресловутый Нюрнбергский процесс, который до сих пор почему-то принято считать величайшим достижением международной борьбы за мир и права человека, если разобраться, стал всего лишь грандиозным пропагандистским шоу. А последовавший за ним Токийский процесс над "японским милитаризмом" тем более. Потому что сразу встает вопрос: "а судьи кто"? Агрессию Германии и Японии судили Англия, Франция, США, СССР... Западные державы, вскормившие эту агрессию, позволившие нацизму встать на ноги. Мюнхенским договором подарившие Гитлеру Чехословакию, без чего и никакой дальнейшей агрессии не было бы. Как и японской агрессии без политики "дальневосточного Мюнхена". А СССР сам побывал в роли союзника Германии в агрессии против Польши... И очень характерно, что при выработке устава Международного Трибунала, был введен пункт, запрещающий касаться этих "скользких"

вопросов, способных дискредитировать победителей. Поэтому попытки подсудимых и защиты коснуться данных фактов, как и, например, сотрудничества германской военной промышленности с фирмами США, неизменно пресекались.

За концлагеря, геноцид, массовые депортации и казни, расправы с мирным населением нацистских руководителей судили представители страны, в которой в это же самое время действовала гигантская система лагерей, осуществлялись массовые казни и депортации. И двух других стран, которые в это же время поставляли сталинской машине уничтожения миллионы жертв - в общем, взяли на себя функции госбезопасности и конвоиров для отлова несчастных и доставки в советские тюрьмы. Да и сами проводили довольно нелюбимые акции, разве что масштабами поменьше. Как уже отмечалось, в 1942-43 гг. англичане всюду расстреливали митинги и манифестации в Индии. А в конце 1944-45 гг. жестоко подавляли партизанское движение в Греции и расстреливали активистов прокоммунистических отрядов ЭЛАС - Сталин договоренность выдержал четко и позволил там перебить своих сторонников (так же, как сам перебил британских сторонников в Польше). Ну а взятая атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки - чем она по сути отличалась от гитлеровских расправ с мирным населением? Тем, что сотни тысяч людей погибли не от пуль и не в газовой камере, а в результате применения более совершенной технической новинки?

Между прочим, в случае высадки немцев на Британские острова и Англия была готова плюнуть на все конвенции и применить химическое оружие. И политика, и средства проведения в жизнь этой политики определялись не красивыми словами, идеалами и декларациями, а принципами

целесообразности не более того. Скажем, советский невозвращенец Бармин был в годы войны принят в Управление Стратегических Служб (разведку) США, но в 1944 г. опубликовал в "Ридерс дайджест" свою статью о коммунистической опасности, критикуя уступчивость Рузвельта в отношении СССР. И за это был уволен со службы (кстати, к вопросу о "свободе слова"). А когда в 1947 г. в одном из интервью бывшего посла в Москве А. Гарримана попросили рассказать о "тирании Сталина", он хладнокровно ответил, что эта сторона деятельности "отца народов" его совершенно не интересовала, поскольку он делал в России "важный бизнес" - а "Сталин стоял во главе страны которая разобьет силы Гитлера, и нам не придется самим выполнять эту грязную работу. Рузвельт не хотел допустить, чтобы войска США снова, как в Первой мировой войне, подверглись кровопусканию".

Весь мир облетела сенсация, как на Нюрнбергском процессе комендант Освенцима Р. Хесс на вопрос, сколько людей было умерщвлено в его лагере, очень спокойно, безо всяких эмоций ответил: "Два с половиной миллиона". Его невозмутимость при этом вогнала в шок всю общественность, признавалась верхом цинизма и обсуждалась всеми газетами. Но вот Черчилль вспоминает, как на одной из встреч со Сталиным в особо доверительную минуту поинтересовался, сколько народу унесла кампания раскулачивания. И тот, тоже без каких-то эмоций, спокойно ответил: "Около десяти миллионов". И премьер-министр свободной, демократической державы только "внутренне содрогнулся". Потому что и он делал "важный бизнес". Это уже в 46-м, в своей знаменитой речи в Фултоне он призвал использовать благоприятные факторы для "бесстрашного провозглашения принципов свободы и прав человека на территориях стран Восточной Европы и СССР". Когда стал частным лицом,

когда закончилась война и на европейских, и на азиатских фронтах, и необходимость союза со Сталиным отпала. А в годы войны, когда пропаганда Геббельса раструбила о находке в Катynie 14,5 тыс. расстрелянных поляков, тот же Черчилль посоветовал Сикорскому вообще не поднимать этот вопрос: "Если они мертвы, вы ничего не сможете сделать, чтобы их воскресить".

Разбирая зверства нацистов, западные юристы заседали вместе с советскими судьями и прокурорами, отправлявшими на смерть тысячи невинных. С ними встречались в кулуарах, раскланивались, обменивались любезностями - и никого это не смущало. Не смущало, скажем, что главный обвинитель от СССР Руденко в 37-м был прокурором Донецкой области, где в период немецкой оккупации были вскрыты и задокументированы массовые захоронения репрессированных при "ежовщине". И никто из иностранных политиков, военачальников и дипломатов не постыдился, например, жать руку сталинскому обер-палачу А. Я. Вышинскому, назначенному политическим советником в Германии при маршале Жукове и блиставшему теперь на международной арене. Да он и дальше продолжал блистать - в 1949-53 гг. был министром иностранных дел, а в 1953-54 гг. - первым заместителем министра и постоянным представителем СССР в ООН.

Поэтому можно с уверенностью сказать - сложись политическая ситуация иначе, окажись Гитлер менее "коварным" в отношении Запада, те же демократические державы могли без зазрения совести стать и его союзниками. И точно так же были бы уверены в своей правоте и внушили бы это своей общественности. И случись им разгромить СССР, точно так же вместе с нацистскими судьями искренне осуждали бы зверства коммунистического режима, по-

дружески раскланиваясь с Герингом и любезно пожимая руку Гиммлеру. Просто расклад другой вышел.

Впрочем, ведь и сама идея "юридического" международного осуждения нацизма какой-то очень уж скользкой получается. Выходит, до Нюрнберга, когда нацизм еще не был осужден и запрещен Международным Трибуналом, он был вполне допустимым явлением, вполне допустимой идеологией, это было "можно". Поэтому нет ничего аморального и преступного в тех контактах с Гитлером, которые весь цивилизованный мир поддерживал с ним до войны, поддерживал, несмотря на творившиеся злодеяния, существование лагерей и преследования евреев. Все это было нормально и допустимо. И лишь после юридического осуждения стало "нельзя", так что законопослушные демократические страны ни в чем, вроде, и не провинились. Даже оправдали себя таким образом.

Но стоит отметить и тот факт, что и "юридический прецедент" осуждения нацизма стал всего лишь разовым политическим спектаклем. Если основной, Нюрнбергский процесс все же был доведен до логического "торжества справедливости" - и международная обстановка была соответствующая, и в фокусе внимания "мировой общественности" находился, и само это внимание еще не угасло, то параллельно с ним и после него проходило множество других процессов над нацистскими преступниками более низкого ранга. Тем, кого выдали полякам или чехам, ясное дело, конец пришел однозначный. А в американской и британской зонах оккупации подход был уже более мягкий. Кое-кому не повезло, все же вздернули - но немногих, и лишь тех, кто попал в первую волну, под "горячую руку". Остальные отделались разными сроками заключения - а потом

одна за другой пошли амнистии, сокращавшие эти сроки...

Так, на процессе руководителей "отрядов спецакций" осуществлявших массовые казни, к смерти было приговорено 14 чел., но повесили только четверых, остальным приговоры были смягчены. Один из командиров эйнзатцкоманд, д-р Сикс, получил 20 лет - уже в 1952 г. вышел на свободу. Шеф рехсканцелярии Ламмерс, причастный к распоряжениям о массовых убийствах, получил тоже 20 лет - а на свободе очутился еще раньше, в 1951 г. По делу о расправах над американскими пленными к смерти приговорили 43 офицера СС. Не привели в исполнение ни одному. Сначала смягчили для 31, заменив сроками заключения, потом еще для 6, а в 1951 г. и для оставшихся 6. А вскоре всех и выпустили. То же самое было и на "процессе промышленников", и на "процессе врачей", производивших эксперименты над людьми. Доктор Покорны, предложивший программу стерилизации людей на восточных территориях и проводивший опыты в данном направлении, был вообще оправдан - не нашли состава преступления. Альфред Крупп, попавший вместе с 9 директорами своего концерна под суд - не за то, конечно, что делал пушки, а за то, что содержал на своих заводах концлагерь и переморил тысячи подневольных рабов - получил 12 лет с конфискацией имущества, а его концерн было решено расчленить. Потом конфискация была отменена, он вышел на волю в 1951 г., и его концерн не только не был расчленен, но и в условиях послевоенного хаоса скупил новые предприятия. Часть нацистских преступников помельче выдавали "немецкому правосудию" - они, в основном, вообще избежали суда. Желю коменданта Бухенвальда Илзе Кох, прозванную "Бухенвальдской сукой" - ту самую, что собирала коллекцию татуировок и наладила изготовление абажуров из снятой человеческой кожи -

приговорили к пожизненному заключению. Вскоре срок был сокращен до 4 лет. И свободу она обрела в том же 1951 г.

Ну а как же - времена-то менялись. Наступила эпоха холодной войны, теперь ФРГ требовалась в качестве союзницы, так чего ж прошлое ворошить и в принципиальность играть? А что касается миллионов жертв, то, как Черчилль сказал - "Если они мертвы, вы ничего не сможете сделать, чтобы их воскресить".

28. Вторая Мировая - некоторые итоги

Размышляя над итогами Второй мировой, хочется еще раз сопоставить два режима-"близнеца" - нацизм в Германии и большевизм в России. Но теперь сопоставить с несколько иной точки зрения. В Германии гитлеровцы пришли к власти законным путем, коммунисты в России - путем заговора и вооруженного путча. Нередко это обстоятельство рассматривают в пользу нацистов - вот, мол, все же более "цивилизованными" оказались. Но, пожалуй, на те же факты стоит взглянуть и иначе. В Германии подобный режим смог прийти к власти законным путем, а в России - не смог, хотя и пытался. Не сумел. И пришлось разгонять Учредительное Собрание, пусть даже выборы в него проходили уже при Советской власти и под давлением, не меньшим, чем нацистское при выборах в Рейхстаг в 33-м. Пришлось громить и разгонять конкурентов в Советах, утверждаться силой, политическими маневрами и интригами.

Каждый шаг к упрочению власти Гитлера подкреплялся голосованием парламента, референдумами и плебисцитами, дававшими ему массовое одобрение. А каждый шаг к упрочению власти коммунистов подкреплялся карательными акциями и кампаниями террора, подавлявшего вспышки стихийного сопротивления. Чтобы безоговорочно подчинить себе страну, большевикам потребовалось

вести страшную гражданскую войну, бороться с восстаниями, перестрелять и выморить 19 млн. человек. Да и то отступить и предпринять повторный штурм в 1929-33 гг. - уничтожив еще десяток миллионов. Так спрашивается, где же моральные устои народа были крепче - в России или в Германии? И в какой цивилизации, российской или западной, сформировалась более рабская психология?

Возьмем хотя бы офицерство. В Германии для противоборства с нацизмом не возникло ничего, хотя бы отдаленно напоминающего Белое Движение. Наоборот, стоило поманить военных перспективами усиления армии, повышения ее роли, грядущими захватами, потешить производством в новые чины - и они стали самыми верными слугами фюрера. А злодеяния его режима несколько их не смущали. Так, 22. 8. 39 г. перед вторжением в Польшу Гитлер предупредил своих генералов, что там начнут твориться дела, которые им могут не понравиться - но приказал не вмешиваться. И дисциплинированно подчинились, не вмешивались. Когда начались массовые казни, выдвинули лишь одно условие, записанное в дневнике Гальдера от 19. 9: "Требование армии: "чистку" начать после вывода войск и передачи управления постоянной гражданской администрации, то есть в начале декабря".

Словом, делайте, что хотите, но не у нас на глазах. Да и не требование это было, а скромное пожелание - не пожелал фюрер прислушаться, ну и ладно.

Впрочем, очень быстро и сами привыкли. Выше приводились выдержки из приказов Кейтеля о расстрелах пленных, комиссаров и евреев, утверждении системы тотального террора в России - они никого не возмущали и принимались к исполнению. Генарал-фельдмаршал Манштейн, оперировавший на юге Украины, договаривался с группенфюрером Олендорфом, действовавшим в полосе его войск, чтобы

массовые казни производились не слишком уж близко от его ставки, а заодно просил присылать часы расстрелянных для награждения своих офицеров. Если нужно, то и солдат для карательных акций предоставляли, и сами их проводили, и "полезную инициативу" порой проявляли. Скажем, командование группы армий "Центр" 12. 6. 44 г. направило меморандум Розенбергу, что по предложению, выдвинутому 9-й армией, собирается захватить 40-50 тыс. подростков 10-14 лет и направить в Рейх для работы учениками и подмастерьями. И пояснялось - мол, "эта мера направлена не только на предотвращение прямого пополнения численности армий противника, но и на сокращение его биологического потенциала".

Ну а теперь сделайте поправочку, что это были не сталинские генералы, выдвинувшиеся "из грязи в князи", чьи души уже два десятилетия калечились гнетом террора и пропагандой. Большинство гитлеровских военачальников начинали службу еще при кайзере, получили отличное воспитание и образование, считали себя религиозными. Вот и прикиньте, смогли бы так себя вести генералы и офицеры царской армии с их обостренным понятием чести, человеческого достоинства, с русским Богом в душе?

Конечно, тут мне могут указать на офицерский заговор против Гитлера. И впрямь, ему в литературе уделяется огромное внимание, особенно в западной. Его возводят до уровня "антинацистского подполья", а то и "немецкого Движения Сопротивления". И причина такого повышенного внимания вполне понятна. В период холодной войны, когда ФРГ стала членом НАТО, требовалось в общественном сознании отработать переход от образа Германии-врага к образу Германии-друга, а значит, отделить ее от гитлеризма. Вот и преувеличивалось значение "немецкого Сопротивления"

- точно так же, как в СССР, чьей союзницей стала ГДР, преувеличивалось значение немецкого коммунистического подполья. Но стоит изучить конкретные дела этих противников фюрера, как становится очевидно, что никакой серьезной оппозиции, собственно, и не было.

В число квази-заговорщиков входили те, кто оказался обижен лично Гитлером, был недоволен ущемлением самостоятельности военных с его стороны, считал безграмотным военачальником, был не согласен с теми или иными политическими решениями - например, войной на два фронта. А основная их "деятельность" в течение долгих лет заключалась в частных разговорах друг с дружкой - дескать, а вот хорошо бы, если бы каким-нибудь образом - и без Гитлера... Простите, но по такому признаку чуть ли не всю Россию можно отнести к "заговорщикам". Обсуждались за чаем или за рюмочкой гипотетические варианты - а вот если бы вдруг монархия возродилась? И кого из сыновей Вильгельма II стоило бы в этом случае сделать кайзером? Большинство участников "офицерской оппозиции" выступали отнюдь не против нацизма и даже не против политики Гитлера, а только персонально против него. Поэтому в качестве будущего вождя Германии рассматривалась, в частности, и кандидатура Гимmlера. А отставной генерал Бек, считавшийся признанным "лидером оппозиции" прямо говорил: "Плохо не то, что делает Гитлер, а то, как он это делает".

Существовал и "кружок Крейсау" во главе с Мольтке, где вариант свержения фюрера вообще не рассматривался, поскольку члены кружка были принципиальными противниками насилия. Там только теоретизировали о неопределенном будущем Германии и обсуждали радужные модели идеального

государственного устройства, что-то вроде христианского социализма.

А некоторые оппозиционеры - в основном, связанные с Абвером, сосредоточились на поиске контактов с Западом. В ходе которых только и делали, что торговались с второразрядными представителями Англии и США, на каких условиях может быть заключен "мир без Гитлера". Мол, прежде чем развернуть борьбу против фюрера, надо получить твердые гарантии, что за Германией останутся ее завоевания. Тут уж, конечно, признаки заговора были налицо - но только не "Движения Сопротивления". А в мае 1944 г. Бек направил меморандум А. Даллесу, что западным странам надо бы оказать заговорщикам маленькую помощь - высадить 2-3 десантных дивизии в Берлине, крупные десанты в Гамбурге и Бремене, осуществить высадку во Франции, а уж тогда "оппозиция" сделает основную работу - арестует Гитлера. Словом, сами можете судить, насколько серьезным было такое "подполье".

В массе материалов о делах заговорщиков встречается и откровенная липа - причем попавшая в историческую литературу из воспоминаний уцелевших "оппозиционеров", которые после войны принялись изображать из себя героических борцов с нацизмом. Взять, скажем, случай, как генерал фон Тресков с тремя молодыми единомышленниками в августе 41-го собирался арестовать Гитлера в Борисове, когда тот прилетит в группу армий "Центр" хотел, якобы, захватить по пути с аэродрома в штаб. Но от попытки пришлось отказаться, потому что... вдруг обнаружилось, что у фюрера есть охрана. Да вот так вот - ни больше, ни меньше. Оказывается, не знали, что главу государства охраняют.

О другом "покушении" поведал историкам полковник Гернсдорф, также оставшийся в живых, в

отличие от других участников описанных им событий. Дескать, он, Гернсдорф, вызвался пожертвовать собой. Фон Тресков дал ему две бомбы замедленного действия, он положил их в карманы шинели и 21. 3. 43 г. на выставке трофейной техники должен был подойти поближе к фюреру и взорвать его вместе с собой. Но взрыватель по своей конструкции мог сработать минимум через 15-20 мин., а Гитлер сократил осмотр выставки до 8-10 мин., и покушение оказалось невозможным. Извините - и такую лапшу навешал на уши военный человек? И историки ей верят? Раз уж офицер действительно решился пожертвовать собой и мог положить в карманы две мины, то не проще ли было воспользоваться обычной гранатой? Или пистолетом? Известны еще несколько "попыток покушения" - вроде неразорвавшейся бомбы в самолете. Но достоверность этих событий проверить уже никак нельзя, а после двух примеров, приведенных выше, признаюсь, у меня и реальность других попыток вызывает сомнение.

Если же брать строгие факты, то они говорят о следующем. Во-первых, заговор смог реализоваться только после высадки англо-американцев в Нормандии. Когда стала ясна полная бесперспективность дальнейшей борьбы. И когда появились те, перед кем можно капитулировать (не перед русскими же, которым столько зла натворили!). Поэтому "заговорщик" Роммель 15. 7. 44 г. направил Гитлеру послание, что война неотвратимо идет к концу, и срочно требуются политические решения. После чего сказал приближенным: "Я дал ему последний шанс. Если он не воспользуется им, мы начнем действовать". Т. е. тут уж речь шла не то что о нацизме, а даже не о фигуре Гитлера - речь шла только о его упрямстве и нежелании трезво оценить ситуацию.

Ну а во-вторых, по сути весь путч 20 июля был осуществлен усилиями одного-единственного человека,

полковника фон Штауфенберга. Он и мину лично закладывал, и в Берлине оказался единственной движущей силой заговора - за 3 часа, пока он летел из Растенбурга в Берлин и еще час, пока добирался до штаба Резервной армии, остальные путчисты вообще ничего не предпринимали. И, между прочим, кое-какой опыт Штауфенберг приобрел у русских. (Будучи на Восточном фронте, он участвовал в создании добровольческих частей, после чего стал вынашивать утопический проект совместной борьбы - немецкие оппозиционеры свергают гитлеровскую тиранию, а русские - сталинскую). Что же касается остальных "заговорщиков", то многие из них в этот день просто не пришли на службу. Другие выжидали, и едва выяснилось, что Гитлер жив, дали отбой. А третьи при этом известии сами стали активно подавлять выступление в надежде выслужиться, (что не спасло ни одних, ни других, ни третьих). В Париже генерал Штюльпнагель по звонку Шуленбурга кое-что предпринял - арестовал 1200 гестаповцев и СС-овцев. Но узнав, что покушение не удалось, местные путчисты их выпустили, и мало того, устроили с ними совместную гулянку в отеле "Рафаэль" и назююкавшись, братались с ними и пили на брудершафт. О каком уж тут антинацизме говорить?

"Заговорщик" фон Клюге, приняв яд, писал Гитлеру письмо о необходимости кончить войну в следующих выражениях: "Я всегда восхищался Вашим величием... Если судьба сильнее Вашей воли и Вашего гения, значит, такова воля провидения... Покажите себя столь же великим и в понимании необходимости положить конец безнадежной борьбе, раз уж это стало неизбежно".

Ну уж, знаете ли, в таком случае "заговорщиком" и "антикоммунистом" можно считать и Якира, который перед расстрелом обращался к Сталину: "Я умираю со

словами любви к Вам, партии, стране, с горячей верой в победу коммунизма" (На что были наложены резолюции Сталина - "Подлец и проститутка", Молотова - "Совершенно точное определение" и Кагановича "Мерзавцу, сволочи и бляди одна кара").

Фельдмаршал Рунштедт, тоже считавшийся "заговорщиком", когда запахло жареным, добровольно принял на себя обязанности председателя "офицерского суда чести", который изгонял из армии всех, причастных к оппозиции и передавал на расправу Народному суду. Членом "суда чести" стал и Гудериан, в мемуарах выставляющий себя ярким оппозиционером. Но назначенный после путча начальником Генштаба, он первым делом потребовал от подчиненных публично поклясться в приверженности нацизму. Находящиеся в опале Браухич и Редер, чтобы не быть заподозренными в соучастии, выступили в печати с гневными осуждениями заговорщиков и с изъявлениями верности фюреру. То бишь вели себя германские военачальники с "кайзеровской закалкой" ничуть не лучше советских коллег в 1937-39 гг. Да, после событий 20 июля было казнено около 5 тыс. чел. Но надо учитывать, что рассвирепевший фюрер приказал уничтожать всех подряд, "с корнем", так что в это число входят и "заговорщики" указанных выше категорий, и те, кто просто знал, но не донес, и члены семей, и заподозренные знакомые. Словом, немецкая "офицерская оппозиция" по охвату и воле к борьбе даже до "власовского движения" далеко-далеко не дотягивала, не говоря уж о сопротивлении русского офицерства в 1917-23 гг.

Однако стоит коснуться и вопроса воздействия нацизма на другие слои населения. Представление о том, что к гитлеровским зверствам была причастна только ограниченная по составу кучка СС-овцев, и что гитлеровский режим как бы и не оказал влияния на

германское общество - пришел и ушел, будто его и не было, а общество осталось таким же добропорядочным и приличным, как прежде, - не выдерживает критики. Скорее, напрашивается аналогия с переключаемой механической системой. Приказали обществу, что это теперь можно, и что нужно поступать вот так-то, жить по таким-то законам - и оно переключилось на нацистские стереотипы поведения и системы ценностей. Переключили обратно, сказали, что теперь это нельзя, и оно дружно осудило преступления нацизма, а само снова стало добропорядочным.

Возьмем, к примеру, германских промышленников - тоже ведь из "хороших семей", воспитание получили соответствующее, солидную репутацию с кайзеровских и демократических времен поддерживали. Но был объявлен конкурс на контракт для строительства крематориев в Освенциме - и поучаствовать в нем нашлась масса желающих. Выиграла его компания "Топф и сыновья", специализирующаяся на поставках отопительной аппаратуры. По этому поводу была потом обнаружена обширная переписка, показывающая, что назначение данных систем отнюдь не скрывалось, не составляя для исполнителей заказов ни малейшей тайны. Так, фирма писала в Освенцим: "Содержание: О строительстве крематориев 2 и 3 для лагеря. Мы подтверждаем получение вашего заказа на 5 тройных печей, включая 2 электрических подъемника для поднятия трупов и 1 запасной подъемник. Заказ включает также установку для загрузки угля и устройство для транспортировки пепла..."

А другие фирмы были рады урвать контракты на строительство и оборудование газовых камер. И вполне добропорядочные гражданские служащие инженеры, технологи, конструкторы, клерки, чертежницы, машинистки, вели разработки орудий умерщвления, отыскивали оптимальные решения, готовили

техническую документацию. Специалисты фирм приезжали на место, участвовали в монтаже и отладке, присутствовали при испытаниях, изучая разные особенности - как их техника действует на мужчинах, на женщинах, уточняя режимы эксплуатации, нормы потребления расходных материалов, амортизации. Писали потом акты приемки и свои инженерные отчеты с указанием выявленных недостатков, предложениями по усовершенствованию, вырабатывали на будущее новые технические решения.

А изготовление смертоносного газа "Циклон-В" находилось в ведении концерна "И. Г. Фарбениндустри" (с которым благополучно поддерживала картельные связи американская "Стандарт ойл оф Нью-Джерси"), а патенты на производство получили у него фирмы "Теш и Штабенов" в Гамбурге и "Дегеш" в Дессау. Другие тоже пытались урвать свой кусок от такого "пирога". Скажем, берлинская компания "Заводы Дидье" боролась за контракт на поставку печей для сжигания трупов в Белградском лагере и писала СС-овским заказчикам: "Для подачи трупов в печь мы предлагаем простую металлическую вилку, передвигающуюся с помощью поршней. Каждая печь будет иметь рабочую камеру 24x18 м, поскольку гробы использоваться не будут. Для транспортировки трупов от места их сосредоточения к печам мы предлагаем использовать легкие колесные тележки. Схема работы установки, выполненная в масштабе, прилагается".

С ней соперничала фирма "С. Н. Кори", которая уже построила 4 печи для Дахау и 5 для Люблина и представляла свои предложения: "Ссылаясь на наши устные переговоры относительно поставки оборудования упрощенной конструкции для сжигания трупов, мы настоящим представляем чертеж наших усовершенствованных кремационных печей, действующих на угле, которые до сих пор полностью

удовлетворяли заказчиков. Для намечаемого сооружения мы предлагаем две кремационные печи, в то же время рекомендуем вам уточнить свой заказ, чтобы быть в полной уверенности, что для ваших потребностей будет достаточно двух печей. Эффективность действия кремационных печей, равно как и их надежность и долговечность не подлежат сомнению, поскольку гарантируется безупречное исполнение работ и использование наилучших материалов".

Одна из данцигских фирм изобрела и изготовила новинку - котел с электрическим подогревом для производства мыла из человеческого жира. Рецепт был разработан такой - "12 фунтов человеческого жира, 10 кварт воды и от 8 унций до фунта каустической соды... все кипятится в течение 2-3 часов и затем охлаждается". А на заводах Круппа существовал собственный концлагерь, где под охраной эсэсовцев содержались 600 женщин. Согласно показаниям заводского врача Эйгера, они ходили босиком, единственной одеждой им служили мешки с отверстиями для рук и головы, все были истощены и больны, многие умирали. А кроме заключенных тут же трудились "восточные рабочие", и тоже в жутких условиях. По тем же показаниям, "более других страдали татары и киргизы. Они гибли, как мухи, от плохих условий проживания, низкого качества и недостаточного количества пищи, непосильной работы без отдыха". Даже снабжение водой для них иногда прекращалось на срок от 8 до 14 дней...

Вот и спрашивается - смогли бы вести себя подобным образом русские промышленники начала века, разные Третьяковы да Морозовы со своей "широкой душой"? А русские инженеры - цвет тогдашней интеллигенции? А русские рабочие разве

стали бы спокойно смотреть, как на их заводе губят и загоняют "рабов"?

Или возьмем жуткие опыты над людьми нацистских врачей - по замораживанию, разным формам отогревания замерзших, воздействию отравляющих веществ, заражению тифом и гепатитом, стерилизации мужчин и женщин. Да, они проводились "специалистами" СС, но тайной не были, о них знали в медицинских кругах Германии, результаты публиковались в специальной литературе, обсуждались на научном уровне - и никаких протестов не вызывали. Наоборот, многие медики считали такие результаты уникальными и очень ценными. Скажем, в мае 1943 г. СС-овские врачи К. Гебхардт и Ф. Фишер прочли в военно-медицинской академии лекцию по провоцированию газовой гангрены у заключенных. Их выслушали с огромным вниманием. А присутствовавший профессор Ф. Зауэрбах, светило немецкой медицины, который впоследствии прослыл антифашистом и даже "участником Сопротивления", сделал единственное замечание - мол, "хирургия лучше сульфаниламида". При Страсбургском университете нацист Хирт решил собрать коллекции черепов и заспиртованных трупов мужчин и женщин, принадлежащих разным народам евреев, славян, "азиатов". Экземпляры, тщательно отобранные в лагерях, доставлялись сюда еще живыми, и хотя умерщвляли их СС-овцы, но последующей обработкой и препарированием тел для такой коллекции занимались обычные научные сотрудники, врачи и лаборанты, в том числе и французы. Это просто была их работа, они ее и делали.

И опять спрашивается - смогли бы так вести себя русские врачи поколения "доктора Живаго"? А ведь им предлагали! Осенью 1918 г., в начале красного террора, московским врачам и научным работникам предложили брать в любом количестве трупы расстрелянных для

исследований - не согласился не один. Вспомним и о том, что концлагеря продавали пепел сожженных в качестве сельскохозяйственных удобрений. Раз продавали - значит, было кому покупать. А стали бы покупать такое удобрение русские крестьяне или помещики?

А в Рейхсбанк поступали в огромных количествах вещи казненных золотые часы, серьги, кольца, браслеты, зубные коронки. Приходовались они на счет под шифром "Макс Хейлигер", но это тоже было не ахти какой тайной. Потому что с 1942 г. подобные ценности Рейхсбанк стал закладывать в муниципальные ломбарды, чтобы обратить их в наличные. И операции приняла такой размах, что к началу 1944 г. Берлинский ломбард оказался ими переполнен подобными ценностями, известив Рейхсбанк, что далее он их принимать не в состоянии. И опять сопоставим - могли ли безропотно выполнять аналогичную работу русские банковские служащие - те самые, что в 17-м начали "саботаж", и несмотря на увольнения и угрозы расстрелов, отказывались выполнять распоряжения большевиков? Я нарочно сравниваю с дореволюционными временами. Советские инженеры, советские врачи, советские рабочие и служащие уже могли. Но ведь для этого коммунистам сперва пришлось изломать всю национальную психологию, национальную мораль, культурные традиции, сокрушить церковь, испоганить народную душу.

Впрочем, даже и в сталинские времена вопрос о том, чья психология оставалась более "рабской" - российская или западная, остается спорным. Выше уже отмечалось, какие масштабы приняла стихийная антикоммунистическая борьба в годы войны. Однако в качестве яркого примера можно привести и народную борьбу против оккупантов. И отметить, что из всех европейских государств только в двух возникло

массовое партизанское движение - в СССР и Югославии. В Советском Союзе на партизанскую борьбу поднялось около 2 млн. чел. Конечно, тут имела значение и организующая роль компартии - но без народного, стихийного подъема она вряд ли смогла бы осуществить такое, поскольку сперва население оккупированных территорий было настроено против нее самой. Развернув свою программу тотального экономического грабежа, из всех захваченных стран нацисты выкачали материальных ценностей на 104 млрд. марок (26 млрд. долл.). Но из России, которую и рассматривали-то не иначе как гигантскую богатейшую "кормушку", они сумели взять только на 4 млрд. марок (1 млрд. долл.). А. Даллин, произведя соответствующие подсчеты, пришел к выводу, что "Германия, ведя обычную торговлю, могла бы получить гораздо больше".

Разумеется, и в других странах возникали группы Сопrotивления, партизанские отряды, но с российским Сопrotивлением никак не сопоставимые. Они были весьма ограниченными и по численности, и по своим задачам. И их деятельность, в основном, носила пассивный характер - поддерживать и развивать антинацистские взгляды, распространять пропагандистскую информацию и т. п. А более-менее заметные масштабы и активные формы борьба стала приобретать лишь на заключительном этапе войны - там, где власть нацистов уже шаталась и теряла контроль над захваченными регионами. Наконец, европейское Сопrotивление в значительной своей части направлялось и подпитывалось извне, либо из Москвы - по линии местных компартий, либо из Лондона - по линии "правительств в изгнании". Ну а, скажем, в Дании король не эмигрировал, а при вторжении приказал сдаться. Так и прожила Дания под немцами безо всякого Сопrotивления.

Или взять историю с французской армией и флотом. При высадке англо-американцев в Северной Африке в ноябре 42-го французы против них упорно оборонялись - поскольку их марионеточное правительство было "в дружбе" с Германией. А когда немцы по поводу данной высадки решили оккупировать и Южную Францию и подступили к военно-морской базе в Тулоне, французские моряки предпочли затопить корабли - вместо того, чтобы уйти в Африку и сражаться против поработителей своей страны. Приказа такого не было. А в сентябре 1943 г., когда Италия, свергнув Муссолини, заключила сепаратное перемирие с Англией и США, как повела себя ее армия? Немцам, находившимся на Апеннинском полуострове в подавляющем меньшинстве, оказалось достаточно цыкнуть, и итальянские дивизии без единого выстрела сложили оружие и послушно зашагали в лагеря военнопленных. Ну а сталинскую практику репрессий и ГУЛАГа после войны очень успешно переняли и чехи, и поляки, и венгры, и восточные немцы, и болгары, и румыны - переняли безо всяких массовых протестов и народных восстаний. Так чья же психология все-таки получается более рабской - у русских или у европейцев?

Анализируя события Второй мировой, можно обнаружить еще одну интересную закономерность - чуть ли не на мистическом уровне. Большинство государств, охваченных ею - по крайней мере, европейских, получили в этой войне точное отражение своих собственных прегрешений, совершенных в Первую мировую! Посудите сами. В 1918 г. Россия заключила сепаратный мир, оставив союзников без второго фронта. Во Второй мировой она сама вынуждена была сражаться без второго фронта. Причем немцы относительно легко смогли захватить именно ту территорию, которая прежде была отдана им по Брестскому договору, и лишь дальше - под

Ленинградом, Смоленском, на Дону встретили действительно сильное сопротивление. Зато русским пришлось возвращать эту землю с большими потерями, как бы заново отмывая ее кровью.

Или обратим внимание на Чехословакию. В Первую мировую она предавала всех и вся. Сначала Австро-Венгрию, потом сибирских белогвардейцев. Во Второй мировой предали ее. И кстати, в последние дни перед Мюнхенским предательством, когда Чехословакия намеревалась защищаться и объявила мобилизацию, там назначили "боевого" премьер-министра, которого торжественно опоясали мечом в соборе св. Витта - им стал генерал Сыровой. Тот самый, который выдал на расправу Колчака, принятого под международную защиту. Символично, правда? То же самое можно сказать об Эстонии и Латвии, купивших мир с Советами ценой предательства своих союзников. Обе изгоняли и депортировали прибалтийских немцев, Латвия обманула и германских добровольцев, и поляков, Эстония нанесла удар в спину белогвардейцам Юденича и переморила тысячи русских беженцев в концлагерях. И получили четкое отражение своих прежних действий в виде пакта Молотова-Риббентропа и того, что за ним последовало. А вот Финляндия вышла из заварухи Второй мировой довольно благополучно, с минимальными людскими и территориальными потерями. - но ведь она и в Первую мировую никому не нагадила, никого не предала, ни за чей счет не наживалась.

Польша была самой сильной союзницей Деникина и Врангеля, но в критических ситуациях из собственных корыстных интересов не пришла им на помощь. Теперь она сама имела сильных союзников - и в критической ситуации они пальцем о палец не ударили, чтобы ей помочь. Франция и Греция своими войсками осуществляли оккупацию побежденных стран - и сами

были оккупированы. Англия и Франция, пользуясь войной, опутывали Россию долгами - теперь сами увязли в долгах перед США. Западные державы всячески ограничивали влияние России, даже во время боев Первой мировой продолжали подспудно бороться с возможным усилением своей союзницы и преднамеренно не признали белые правительства, чтобы не включать ее в состав стран-победительниц и не делиться плодами побед. А после Второй мировой вынуждены были сами отдать ей половину Европы.

Румыния вступила в Первую мировую союзницей России, но будучи разгромлена, предпочла переориентироваться на Германию. Во Вторую мировую вступила союзницей Германии - а потерпев поражение, должна была стать союзницей Советской России. Венгрии после Первой мировой захотелось коммунизма, и она взорвалась революцией, провозгласив себя советской республикой. Теперь она получила полную возможность пожить в качестве советской республики - и в результате дошла до антикоммунистической революции.

Германия воспользовалась таким приемом, как внедрение в Россию и финансирование большевиков с их разрушительным учением. Во Второй мировой это учение вернулось к ней обратно - в виде сталинских армий и вместе со сталинскими армиями... Вот уж поистине остается вспомнить слова Евангелия "Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними..." (Матф., 7, 12). "Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить" (Матф., 7,2).

А для России важно отметить еще один, особый итог войны. Как раз в эти страшные годы она вернула себе национально-государственное самосознание. Народ опять осознал себя "русскими". Не в узком, а в широком смысле - в смысле общности всех российских народов.

Война смыла остатки интернационально-классовых мифов в мышлении, потому что "мировой пролетариат" вовсе не поднялся как один на защиту "оплота социализма", и немецкие "братья по классу" вовсе не дезертировали из армии, не поднимали на штыки своих генералов, не объявляли забастовок, а сражались, да еще и как - на первом этапе с изрядным энтузиазмом. А в окопах, плечом к плечу, оказались только свои - "русские", даже если они были украинцами и грузинами - все равно "русские". И только на них оставалось надеяться, только на них можно было положиться. И в других странах встречали не как интернациональных "красных", а как "русских". И вся массивированная пропаганда военных лет, хочешь не хочешь, повернула в национально-патриотическое русло.

И если с 1917 г. в России только и делали, что разобщали и разделяли ее население - на белых и красных, на классы и прослойки, на активистов и попутчиков, на уклонистов и сторонников, на социально-близких и социально-чуждых, то как раз Великая Отечественная вернула ему народную общность. Неравномерную, немонолитную, исковерканную, но общность. Потому что если особист-НКВД-шник и остался для солдата сволочью, то он был все же более "своим" по сравнению с теми, кто сидел в окопах по другую сторону фронта. И Сталин был "своим" - по сравнению с врагом-Гитлером, по сравнению с Рузвельтом и Черчиллем, тянувшими с открытием Второго фронта. Ведь не коллективизация, не каналы, не репрессии, а как раз Победа вознесла Сталина на роль не только партийного, но и великого общенационального вождя в глазах простонародья.

Ну, да и самого Сталина война сильно изменила, завершив тот процесс, который начался в 1935-41 гг. Теперь он из "революционного" лидера окончательно превратился в "российско-державного". И уже сам

видел свою историческую миссию в восстановлении и возвышении могучей России. Но опять не в качестве "нового царя", а выше царей. Как Советский Союз представлялся ему следующим закономерным этапом развития страны после Российской империи, так и свою власть он считал более высокой исторической ступенью по сравнению с прежней. Более прогрессивной, более совершенной, более могущественной, что теперь подтверждалось объективными фактами. Цари-то, в его понимании, не удержали Россию, растеряли - а он вот теперь собирал. Они немцам и японцам проигрывали - а он и тех, и других одолел. И Прибалтику потерянную вернул, и Западную Украину с Белоруссией, и Бессарабию, и даже Порт-Артур обратно отвоевал. По свидетельствам современников, в последние годы жизни он жалел о двух несделанных вещах: что не удалось вернуть Финляндию и захватить Черноморские проливы. О принадлежавших некогда России областях Польши не вспоминал - понимал, что там СССР получил бы колоссальный очаг противоречий и напряженности. А Финляндия и проливы его огорчали. Из чего, кстати, снова видна догматичность его мышления, т. к. к середине XX в. военно-стратегическое значение Босфора и Дарданелл стало далеко уже не тем, что во времена Николая II.

Сошли на нет лозунги "мировой революции". Например, война в Корее 1950-53 гг. заняла в советской пропаганде куда более скромное место, чем Испания. Ее уже не обязан был каждый считать "своей", мальчишки не рвались туда ехать, очередное поколение на ней не воспитывалось. Хотя СССР в этом конфликте оказывал помощь коммунистической стороне, но от прямого военного вмешательства Сталин все же воздержался - в отличие от США. Он теперь еще меньше склонен был рисковать достигнутым и действовал сугубо руками "ледоколов революции" - Ким

Ир Сена, Мао Цзэдуна. Но сами по себе коммунистические идеи превращались уже лишь в оружие в борьбе за геополитический передел мира. И коммунист Тито стал для Сталина личным врагом чуть ли не на уровне Гитлера - поскольку тоже "обманул" его, отказавшись безоговорочно следовать в советском фарватере.

Участие в дипломатии военных лет, встречи лидеров Большой Тройки, выход на одну из главных ролей мировой политической арены, похоже, стали для Сталина полезными уроками в области международных отношений. И он окончательно отказался от ленинской химеры "Соединенных Штатов Европы". Если в 1940 г. в ходе споров о сферах влияния с Германией он явно точил зубы на присоединение Румынии, Болгарии, а там, может, и еще чего, то после войны, когда некоторые руководители восточноевропейских стран полезли с инициативами о вступлении в СССР, они получили от ворот поворот. Сталин уже понял, что выходить за исторические границы России - дело ненужное, хлопотное и чреватое непредсказуемыми последствиями. А что касается распространения своего влияния на другие страны - то разве обязательно для этого их присоединять?

29. И снова борьба

Временной рубеж 1945-47 гг. можно считать концом "старой эмиграции". Не только из-за того, что война сильно перемешала ее. Не только из-за развала прежних организаций, гибели или изменения взглядов прежних лидеров. Напомним, что независимо от политических взглядов, главным лейтмотивом существования "первой эмиграции" было ожидание возвращения домой, в возрожденную или возрождающуюся Россию. А пребывание за границей рассматривалось как бы "в гостях", не насовсем. Будущая Россия оставалась основополагающим

стержнем всей жизни. Стержнем, на который, в конечном счете, опиралась любая деятельность - политическая, культурная, духовная. Теперь этот стержень исчез. Победа СССР над Германией показала, что советский режим очень силен, и развеялись теории его свержения извне или изнутри. А затем стало ясно, что никакой "конвергенции" тоже не происходит, и эволюционировать большевизм отнюдь не собирается. Таким образом, любая надежда на возвращение в ближайшем будущем становилась несбыточной, а значит и сама идея "жизни для возвращения", "работы для возвращения" теряла смысл. Старикам теперь оставалось только доживать свой век, а среди их детей ускорила ассимиляция с коренным населением Европы и Америки. "Зарубежная Россия" начала превращаться в "Русское Зарубежье". Разница не только в перестановке мест слагаемых, но и качественная. Одно, несмотря на пребывание за границей, по внутренней Сути оставалось "Россией", другое, несмотря на национальность, стало уже "Зарубежьем".

В результате войны выплеснулась за границу "вторая эмиграция", но из-за массовых насильственных репатриаций она оказалась куда малочисленнее, чем первая. Из 5-6 млн. пленных, "остарбайтеров", беженцев, на Западе смогло остаться лишь около 100 тыс. Впрочем, может и больше - чтобы избежать выдачи советским властям, эти люди старались быстрее раствориться и затеряться, жили по чужим и поддельным документам, называли себя поляками, венграми, словаками, евреями. У "второй эмиграции" была уже совершенно другая психология, выработанная не дореволюционным воспитанием, а в советское время, с куда менее прочными моральными устоями. Она выросла в условиях советского режима, хорошо испытала его на своей шкуре. Поэтому и настроения в ней

преобладали другие - не бороться против этого режима, а бежать от него подальше, не цепляться за звание "русского" в надежде на возрождение родины, а как можно скорее стать "настоящим не-русским" французом, американцем, канадцем, чтобы пользоваться в полной мере их ошеломляющими жизненными благами, о которых дома и мечтать не могли.

Из всех русских политических организаций в Европе войну пережил только НТС. Он понес значительные потери, многие члены отошли от организации, вынужденные заново устраивать свою жизнь и разочаровавшись в возможности успешной российской революции. Но Союзу удалось привлечь в свои ряды значительное количество представителей "второй эмиграции" - частью из тех, сотрудничество с которыми началось в годы войны, частью из новых членов, избежавших репатриации и сохранивших желание активно бороться с коммунизмом. В 1945-48 гг. НТС восстанавливал свои связи и структуры, начали выходить его новые издания - журналы "Посев" и "Грани", газеты "Эхо" и "Новости". Союз действовал в беженских лагерях, помогая организовать быт, а, заодно стараясь хоть кому-то помочь избежать выдачи в СССР. Придумывали разные уловки, организовывали укрытия, по возможности обеспечивали подходящими документами. Пытались через средства массовой информации настроить общественное мнение против депортации несчастных, искали контактов с государственными и политическими деятелями, чтобы как-то повлиять на них. Однако такие обращения наталкивались на бетонную стену непонимания, а главное - нежелания прислушиваться ни к каким доводам. А западная пресса при всей своей хваленой "свободе слова" и в этом вопросе строго придерживалась заданного политического курса,

поэтому попасть на страницы самых популярных изданий столь "сомнительные публикации" не имели никаких шансов. Так что чудовищное преступление с выдачей на страдания и смерть миллионов русских осталось совершенно незамеченным для "мировой общественности".

Разумеется, в Русском Зарубежье появлялись и новые организации. Но те, которые образовывались "старой эмиграцией", больше напоминали теперь обычные клубы. Занимались вопросами своей внутренней деятельности, общались между собой. Так возродились, например, монархические общества, группирующиеся вокруг представителей императорского дома. Со временем ожил и РОВС, однако теперь он стал уже совсем другой организацией, чем-то вроде "общества ветеранов", и ориентировался главным образом на военно-исторические вопросы. На события в России такие группировки влияния уже не оказывали, да и не нацеливались.

Что касается "второй эмиграции", то сперва она старалась носа не высовывать, чтобы не обратить на себя внимания англо-американской администрации. А потом на ее политическую деятельность оказала определяющее влияние холодная война, и различные антикоммунистические организации стали создаваться под эгидой США. Как характеризует настроение данной части эмигрантов одна из брошюр НТС, "если кто и думал о возобновлении борьбы, то разве что о новом власовском движении без Власова на стороне американцев". Подобное определение не совсем точно. Власовское движение при всех своих противоречиях все же оставалось "российским" явлением, оно возникло из массовых народных выступлений против сталинского режима и ориентировалось на преобразование России внутренними силами (хотя бы и при поддержке немцев).

И политику старалось проводить свою собственную, независимую или минимально зависимую. Теперь же ни о какой опоре на внутренние силы речь уже вообще не шла, и вся деятельность таких группировок организовывалась и направлялась только в рамках американской внешней политики. То есть, сводилась к обычной наемной службе, финансируемой и направляемой другим государством в собственных интересах.

И представляется характерным, что для своих целей США привлекали главным образом представителей "второй", а не "первой" эмиграции. Люди советского воспитания не обладали моральными барьерами и комплексами, мешающими всецело подчиняться требованиям хозяев. Американцы считали новую эмиграцию "более реалистичной" и спорили с англичанами даже по поводу сотрудничества с Бандерой, указывая, что его организация уходит корнями в "старую эмиграцию", а взгляды "недостаточно демократичны", т. е. не ориентируются целиком и полностью на западные модели. И, например, русскую службу "Голоса Америки" возглавил не монархист или белогвардейский деятель, а уже упоминавшийся Бармин, легко переключивший свой профессионализм советского дипломата и разведчика в обратную сторону. Если в 1944 г. его уволили из американской разведки за антикоммунистическую публикацию, то в период холодной войны он пришелся как раз кстати. И между прочим, чисто по-советски принялся стучать на американских коллег и начальников в комитет Маккарти (они, дескать, "саботировали ценные предложения по усилению антисоветской пропаганды").

Старая эмиграция проводила четкое разделение между Россией и коммунистической властью, отождествляла с Россией самих себя, и любое свое

действие, а уж тем паче совместное с иностранцами, прежде всего взвешивала - не нанесет ли оно ущерба российской государственности и русскому народу. И когда в войну стало очевидным прочное сращивание коммунистических и государственных структур, то как раз это стало для многих причиной отказа от дальнейшей борьбы - идти против своего государства они не могли. Новая эмиграция другой России не знала и не представляла, она воспитывалась в условиях отождествления партии и государства. Поэтому отделяла себя от России как таковой, в целом. И антикоммунистическая борьба становилась для нее одновременно антигосударственной. Что вполне устраивало американцев, которые вели соперничество вовсе не с коммунистической идеологией, а с конкурирующей мировой сверхдержавой, с "русскими". Ну а идеологические аспекты рассматривались лишь в качестве удобных тактических приемов.

Наконец, надо учесть и тот аспект, что в отличие от антисоветских движений 20-30-х годов, деятельность проамериканских организаций стала щедро финансироваться. Поэтому далеко не у всех, включавшихся в их работу, антикоммунизм был искренним смыслом бытия, иногда он получался "профессиональным" и определялся лишь возможностью заработка. Но деятельность таких структур, создававшихся под эгидой США и их союзников по НАТО, относится, скорее, уже не к области российского антикоммунистического сопротивления, а к противоборству советских и западных спецслужб или, скажем, пропагандистских машин, составными частями и винтиками которых становились представители Русского Зарубежья. Поэтому в данной работе я не касаюсь подобных организаций, предоставляя это более компетентным исследователям, занимающимся вопросами разведывательно-диверсионных войн и

имеющим доступ к соответствующим источникам информации.

Ну а в СССР даже по окончании Великой Отечественной отголоски и рецидивы вызванной ею "третьей гражданской" продолжали греметь еще долго. В Прибалтике сражались отряды "лесных братьев". На Украине воевали бандеровцы, их движение перехлестнуло и в Западную Белоруссию. Это были не только остатки формирований, созданных при немцах - после победы тут начали проводить коллективизацию и раскулачивание, то есть то, что не успели сделать перед войной. И так же, как в начале 30-х, действия властей вызвали крестьянское сопротивление, а подавить его оказалось не так-то просто прокатившиеся фронты оставили людям много оружия, а прежние националистические отряды становились готовыми центрами кристаллизации для повстанцев. Как и всякая партизанская война, она велась без определенной линии фронта, рассредоточенно, на большой территории. И как всякая партизанская война, характеризовалась крайней жестокостью - тем более что велась под националистическими знаменами. С обеих сторон страдало множество невинных. И мирные украинские или литовские крестьяне, которых по одному лишь подозрению в связях с повстанцами отправляли в лагеря целыми семьями, а то и деревнями. И случайные русские, попадавшие в руки бандеровцев. И украинцы или прибалты, обвиненные националистами в связях с русскими...

Эта война продолжалась в течение четырех лет. В сентябре 1947 г., когда поражение повстанцев стало очевидным, бандеровцы собрали последний крупный кулак из четырех своих полков и попытались прорваться в Словакию. Против них было брошено четыре дивизии НКВД, обложивших их со всех сторон. Большинство повстанцев погибло или попало в плен, но

некоторым отрядам все же удалось вырваться из окружения, пробиться через несколько государственных границ и выйти в Австрию и Баварию. Там они были разоружены и интернированы англо-американцами, а начавшаяся холодная война спасла их от выдачи. После этой битвы восстание пошло на спад, и отдельные очаги сопротивления, еще тлевшие на Украине и в Литве, были постепенно выявлены и подавлены. Сам С. А. Бандера был 15. 10. 1959 г. убит в Мюнхене агентом КГБ Богданом Сташинским по личному приказу Хрущева. В ФРГ Сташинский получил довольно небольшой срок - учли, что он был лишь исполнителем, а "заказчик" для германского суда недосыгаем, и лучше этого заказчика вообще не задирать. А по возвращении в СССР агента наградили орденом Красного Знамени.

Оппозиционные настроения в СССР проявлялись и в других формах. Война смыла "революционную романтику", эйфорически оболванивавшую молодежь 30-х, воочию показала несоответствие ярких лозунгов и того, что получалось в действительности. И молодежь, вступающая в жизнь в послевоенные годы, уже куда более критически воспринимала официозную пропаганду. Начинала задумываться, искать свою, "настоящую" правду. Во второй половине 40-х было раскрыто множество молодежных кружков и зачаточных организаций - и в Москве, и в Ленинграде, и в Воронеже. Искали правду интуитивно, наобум. Одни считали себя "коммунистами", но антисталинистами, другие уже и до отрицания коммунистических ценностей додумывались самостоятельно.

Проявлялись оппозиционные взгляды и в войсках. Многие современники отмечают, что точно так же, как после европейского похода 1812 г., в послевоенной Советской Армии наблюдался всплеск "вольнодумства", организовывались тайные политические кружки - о них

пишет, например, Ю. Орлов. На попытке создания такой организации погорел А. Солженицын. За антисталинские и антисоветские высказывания были осуждены и расстреляны генералы В. Н. Гордов и Ф. Т. Рыбальченко. В июне 1953 г. разразился первый берлинский кризис. В результате ухудшения жизни из-за "строительства социализма" начались массовые выступления немецких трудящихся, жестоко подавленные танками и стрельбой по демонстрациям - но многие советские военнослужащие отказывались открывать огонь, и 17. 6. 53 г. более 40 солдат были за это расстреляны в Берлине и Магдебурге. В мае 1954 г. в оккупационных частях в Германии прошли массовые обыски и аресты за хранение и распространение антисоветской литературы.

Прокатилась целая серия бунтов и восстаний в советских лагерях. Большой перечень таких выступлений приводится в "ГУЛАГе" Солженицына. В данный период в места заключения попало множество военных - и "окруженцев", и бывших пленных, и власовцев, и бандеровцев, и победителей, солдат с офицерами, арестованных за неосторожное слово, за излишние контакты с иностранцами, по ложным доносам. У них была привычка к организации, боевая выучка. И контингент этот был совершенно другим, чем те военные, которых удавалось так запросто гнать на убой после гражданской. Ведь белогвардейцы и "буржуи", уничтожавшиеся тогда, были уже сломлены морально, их борьба была проиграна, их Россия погибла, поэтому и свою смерть они воспринимали как неизбежную частицу общей катастрофы. Теперь же под репрессии попадали люди, уверенные, что настоящая борьба еще и не начиналась. Ошеломленные, униженные, но не деморализованные. И это стало проявляться то в одних, то в других местах заключения.

В 1948 г. на строительстве железной дороги Севская Маска - Салехард бригада под руководством полковника Воронина и старшего лейтенанта Секуренко перебила конвоиров и напала на лагерную охрану. Большинство заключенных за ними не пошло, а повстанцы решили двигаться на Воркуту. На них были брошены войска вплоть до высадки десантов и применения штурмовой авиации. Кого перебили, кого поймали и расстреляли. В 1949 г. в Берлаге бригада по пути на работу тоже разоружила конвой, напала извне на лагерь, смяв охрану. Точно так же большинство мятеж не поддержало, и восставшие отправились в сторону Мылги. Их перехватили войска с танками и бронемашинами во главе с генералом Селивановым, и все были перебиты. В 1951 г. забастовал и объявил голодовку лагерь Вахрушево на Сахалине. В 1952 г. крупные волнения произошли в Озерлаге. В том же году бунтовал Экибастуз заключенные штурмовали лагерную тюрьму, были расстреляны пулеметным огнем с вышек, после чего весь лагерь бастовал, была объявлена голодовка.

В 1953 г. случился мятеж в 12-м лагпункте Карлага, большое восстание в норильском Горлаге, забастовка и массовые выступления в Воркуте - они подавлялись войсками, 66 чел. было убито. В 1954 г. - восстание в Кенгире. Заключенные изгнали надзирателей, образовав самоуправляемую "республику", которая продержалась в осаде 40 дней. Против нее развернули настоящую боевую операцию с применением танков, шквальным огнем автоматов и пулеметов. Более 700 чел. было убито.

Впрочем, А. И. Солженицын пишет, что в условиях тщательного сокрытия подобных случаев собранный им перечень волнений и бунтов наверняка не полон. И действительно, в других источниках можно найти, например, упоминание о восстании в Воркуте в марте

1955 г. В период выборов в Верховный Совет заключенные забастовали, взяли заложников из лагерной администрации и забаррикадировались в лагере, требуя пересмотра своих дел, освобождения 25-летних и 10-летних. На подавление были брошены не только танки, но и артиллерия. Количество погибших осталось неизвестным, 16 "зачинщиков" были потом расстреляны.

Из русских зарубежных организаций в развертывании послевоенной антикоммунистической борьбы активное участие принял НТС. В 1948-49 гг. его председатель В. Д. Поремский разработал так называемую "молекулярную теорию". Признавая невозможность создания в сталинской России крупной подпольной организации, он призвал вести революционную работу в других формах - добиваться, чтобы в СССР возникло множество "молекул", мелких групп, не связанных ни между собой, ни с зарубежным центром, образующихся вообще независимо от него путем "самоприема", и объединенных лишь общими принципами идей и действия - "против чего", "за что" и "как". Такие ячейки могли бы получать из-за рубежа одностороннюю, безадресную информацию, и так же безадресно сообщать о своем существовании - надписями, нарисованными на стене символами, листовками. Действия предполагались в меру возможностей самообразование, общение внутри групп, изготовление и распространение литературы. Но в своей совокупности работа таких "молекул" должна была постепенно разъедать твердыню советской системы, способствовать изменению психологического климата в стране, "перебороть страх, дать чувство плеча, подточить миф о всемогуществе власти и вселить веру в собственные силы". И тем самым открылись бы возможности для дальнейших революционных процессов.

Операции развернулись по нескольким направлениям. Агитационные центры были созданы в Германии и Австрии вблизи демаркационной линии для работы среди солдат советских оккупационных войск. В расположение частей забрасывалась литература, иногда удавалось установить личные контакты. В 1950 г. начала действовать радиостанция "Свободная Россия" - первый самодельный передатчик был смонтирован на старой машине, которая во избежание пеленгации колесила по лесам и из разных мест вела трансляцию. Потом в Западном Берлине начал действовать и стационарный передатчик.

Радиостанция была маломощной, всего 1 кВт, глушилась советскими службами перехвата, из-за чего вынуждена была то и дело менять длину волны. Правда, вскоре замаячил более солидный проект. Американцы с 1950 г. от стратегии "сдерживания коммунизма" стали пытаться перейти к стратегии "освобождения", и в частности, начали оказывать поддержку антисоветским эмигрантским группировкам. С их подачи и при их финансовых возможностях была создана мощная радиостанция "Освобождение" - позже радио "Свобода" которая по изначальным замыслам должна была стать "голосом объединенной российской эмиграции", в том числе и НТС. Но "кто платит, тот заказывает музыку", так что очередной "голос" очень быстро стал отнюдь не эмигрантским, а чисто американским, озвучивая то, что требуется США и в том ключе, в котором это задано. Поэтому радиостанцией НТС так и осталась "Свободная Россия", разве что мощность ее со временем удалось повысить. А иногда получалось договориться с руководством некоторых государств о трансляции передач "Свободной России" с их станций. Так, с 1956 г. они начали передаваться с Тайваня, с 1959 г. - по 20 минут в сутки из Южной Кореи.

В 1951-57 гг. была проведена большая кампания по заброске литературы в СССР с помощью воздушных шаров. Применялись и большие самодельные аэростаты, изготовленные бригадой энтузиастов и оборудованные специальными сбрасывателями, и стандартные метеорологические зонды. Всего таким способом было отправлено 97 млн. листовок, около 8 млн. газет, более 900 тыс. брошюр и журналов. Наверное, большую их часть довелось читать лишь степным сайгакам и медведям в лесах, но при такой массовой заброске что-то попадало и в руки людей.

Возникали и организации НТС в России, причем разными способами. Были группы, слушавшие радио "Свободная Россия" и записывавшие их на пленку. Создавались ячейки и старыми активистами Союза. Например, И. Хлобыстов, перешедший границу еще в 1939 г., а в период оккупации действовавший в Смоленске, остался там после ухода немцев, был призван в армию, дошел до Берлина и служил в оккупационных частях - здесь он восстановил связь с зарубежной организацией НТС, а после демобилизации создал подпольную группу в Горьком. Ее раскрыли через несколько лет по доносу. Больше сотни членов НТС очутились после войны в сталинских лагерях, арестованные и в России, и в странах Восточной Европы. Многие из них тоже продолжали вести агитационную работу. Е. И. Дивинич в 1953-54 гг. создал группу в Воркуте, а после освобождения он и Б. Оксюз организовали подпольный Всероссийский Народно-Трудовой " Союз, имевший отделения в нескольких городах и действовавший до 1959 г., когда он был раскрыт из-за предательства, и все участники снова оказались за решеткой. Точно так же с 1956 г. свои группы создавали другие члены НТС, выходящие из лагерей на свободу. Некоторые потом выехали на

Запад, другие попадались и возвращались в места не столь отдаленные.

В первой половине 50-х было сделано несколько попыток нелегальной заброски новых активистов. Произошло это благодаря упоминавшейся американской стратегии "освобождения", в рамках которой западные спецслужбы предоставили НТС возможности для подготовки и переправки через границу таких эмиссаров. В апреле 1953 г. в Советском Союзе высадились на парашютах С. Горбунов, А. Лахно, А. Маков и Д. Ремига. Они были почти сразу же пойманы и по приговору суда расстреляны. В последующие годы были арестованы еще несколько активистов, засланных в этот период - М. Кудрявцев, В. Якута, А. Новиков, К. Хмельницкий, В. Кравец, В. Славнов, М. Платов. Некоторые из них сумели проработать в подполье до шести лет и попались только в 1960 г. Впрочем, в условиях "молекулярной" деятельности и отсутствия двухсторонней связи сведения сохранились только о тех группах и активистах, которые были раскрыты, и о которых сообщали советские средства массовой информации, либо каким-то другим способом просачивались за рубеж случайные известия. Так что многие события этой борьбы остаются неизвестными до сих пор. НТС принял участие и в венгерской революции 1956 г. В Вене был создан "полевой штаб" Союза, его члены переходили границу, действовали в составе повстанческих отрядов и опять пытались вести усиленную агитацию среди советских войск.

Надо сказать, что чекисты очень быстро оценили опасность, которую представляют операции НТС для коммунистического режима, и пошла жестокая тайная война не на жизнь, а на смерть. Уже с 1947 г. начались попытки похищения активистов НТС в Западном Берлине. С помощью своей шпионки Е. Ключевской МГБ заманило в ловушку и выкрало Ю. А. Трегубова

несмотря на его германское гражданство. Развернулась охота на руководителя организации НТС в Германии Г. С. Околовича и других лидеров. Однако НТС оказался куда более умелым и профессиональным противником, чем доморожденные конспираторы-белогвардейцы из РОВС или БРП. Он создал собственную агентурную сеть в советской зоне и получал от нее предупреждения о готовящихся акциях. Например, агент советской госбезопасности Клара Кюн перешла на сторону НТС и два года успешно вела двойную игру. От нее и других друзей поступала своевременная информация, позволявшая Союзу противостоять мощной чекистской машине - так, в 1951 г. были разоблачены три немца, завербованные советскими спецслужбами и пытавшиеся похитить Околовича.

Пробовали чекисты действовать и испытанными методами "Треста" - в Тюрингии их агент Новок создал фиктивную группу НТС для приманки настоящих деятелей и завлечения их в ловушку, Но и об этом трюке Союз был вовремя предупрежден с советской стороны. Наносились и удары через западную прессу. Скажем, в журнале "Дойче Иллюстрирте" была инспирирована "разоблачительная" статья, обвинявшая НТС в связях с гестапо. Однако Союз подал на журнал в суд за клевету и выиграл дело. Осенью 1953 г. МВД издал специальную "Ориентировку на НТС", объявив эту организацию врагом номер один. И вскоре в Германию прибыл капитан госбезопасности Н. Е. Хохлов, которому с санкции Политбюро предписывалось убить Околовича. Да только Хохлов предпочел стать невозвращенцем, явился к Околовичу, раскрыл ему план операции и заявил, что готов перейти в его распоряжение. Затем он выступил на пресс-конференции, продемонстрировав свое шпионское снаряжение, чем вызвал крупный международный скандал.

Однако силовые акции чекистов это не остановило, и последовала целая череда похищений и покушений. В том же 1954 г. с помощью провокатора А. Глезке в Берлине был схвачен и вывезен на Восток председатель комитета помощи русским беженцам А. Р. Трушнович. В Австрии советские агенты Геннадий и Мария Волковы и Р. Гинтер похитили активиста НТО В. Треммеля. Другой активист, Г. Хрулев, был захвачен среди бела дня у памятника погибшим воинам в Западном Берлине. В 1955 г. похитили и убили С. И. Попова, а восточногерманский агент В. Вильдпретт был направлен для уничтожения председателя НТС В. Д. Поремского. Но и он последовал примеру Хохлова и сдался западным властям. За 50-е годы было предпринято 15 попыток внедрить в Союз советских шпионов. И все они сорвались, Основой организации НТС считалась "дружеская спайка в малых группах", где каждый знал каждого, а новые члены принимались лишь после длительного личного знакомства и строгого отбора. Поэтому засылаемая агентура неизменно проваливалась, и потери несли советские спецслужбы. Скажем, засланный ими Мюллер-Хорунжий попал в руки западногерманских властей и получил 14 лет за шпионаж.

Затем КГБ сменил тактику, и пошла серия взрывов. В 1958 г. был взорван дом в г. Шпрендлингене, где проживали несколько членов НТС с семьями, и размещалась радиостанция. Лишь по случайности обошлось без человеческих жертв. В 1961 г. последовал взрыв во Франкфурте, во дворе издательства "Посев". Потом взрывное устройство обнаружили на стройплощадке, где в это время возводилось новое здание для "Посева". В 1963 г. шесть взрывов прогремели вблизи радиостанции "Свободная Россия". Правда, во всех этих акциях, кроме первой, применялись бомбы небольшой мощности, и взрывы

предназначались, собственно, не для уничтожения зданий, а для того, чтобы напугать местных обывателей. Чтобы их протесты против опасного соседства заставили НТС выселяться и переезжать с места на место, не давая нормально работать. Оказывалось и давление вполне легальными средствами - через подконтрольные коммунистам средства массовой информации, а также дипломатическими мерами, вплоть до протестов в ООН. Хотя надо отметить, что сама советская сторона понимала нормы международного права весьма специфически - так, иностранным гражданам, похищенным на территории иностранных государств, лепили советские сроки по советским законам и отправляли в советские лагеря. И что особенно характерно, после отсидки позволяли вернуться на Запад, как вернулись Б. Трегубов и Г. Хрулев. А как же, все-таки иностранцы - значит, имеют право...

30. "Оттепель"

"Хрущевская оттепель", смелая реформаторская деятельность Никиты Сергеевича, положившая начало демократизации России и чуть ли не наметившего пути будущей "перестройки" - это еще один исторический штамп, сформировавшийся в массовом сознании путем многократного повторения, но на самом деле не имеющий под собой никакой реальной почвы. Не был Хрущев ни проводником радикальных реформ, ни, тем более, "отцом русской демократии".

Преобразования в стране после смерти Сталина были неизбежны, они давно назрели, и необходимость их признавали все представители правящей верхушки. Потому что Советский Союз зашел в грандиозный экономический тупик. После героического рывка по преодолению послевоенной разрухи, когда было провозглашено затягивание поясов и допущен огромный перекося в сторону тяжелой индустрии - на

нее приходилось 70% финансирования и производственных мощностей - народное хозяйство оказалось в глубоком кризисе. Положение населения значительно ухудшилось, даже по сравнению с предвоенным периодом. Росло недовольство. А дальнейшее закручивание гаек, предпринятое в последние годы жизни Сталина, уже не срабатывало и вызывало обратный эффект. Все больше людей приходили к выводу - "кто не сидел, тот сядет", так что лояльность и благонамеренность не играют никакой роли. Создание особых, каторжных лагерей, собирало воедино взрывоопасный контингент "политических", а введение 25-летних сроков лишало заключенных надежды выйти на волю, им становилось нечего терять.

И особую опасность представляли эти факторы в условиях холодной войны, которая, казалось, вот-вот должна была перейти в "горячую", а она в 50-х мыслилась еще общевоинской, наподобие Великой Отечественной. В 20-х и начале 30-х коммунисты могли говорить все, что угодно, о готовящейся агрессии "империализма", но в действительности ничего этого не было, и они сами вытворяли на международной арене, что хотели. А вот теперь-то началось настоящее давление Запада, и не ощущать его советские лидеры никак не могли. В случае гипотетического конфликта сопоставление гигантского промышленного потенциала США и собственного упадка экономики приводило к прогнозам отнюдь не утешительным. Да и народные настроения тоже заставляли задуматься. Массовая поддержка противника и переход на его сторону в начале Великой Отечественной были секретом для широкой общественности, но конечно же, не для руководства страны. А при столкновении с англичанами и американцами данное явление грозило еще большим размахом, чем с нацистами.

Так что смягчение режима было вынужденным и обязано было осуществиться при любом раскладе в верхах. Однако сами реформы могли пойти двумя путями. Первый - номинально сохранить культ Сталина, оставить на словах верность "сталинскому курсу", но при этом предпринять кардинальные меры по улучшению жизни народа и фактически изменить этот самый курс на противоположный. По такому пути впоследствии пошел Китай в результате преобразований Дэн Сяопина - при нерушимости культа Мао Цзэдуна, его катастрофические эксперименты прекратились и было взято направление на нормализацию жизненных условий и повышение народного благосостояния. Второй вариант низвергнуть персону Сталина, свалить на него все прежние грехи и ошибки, но на деле продолжать его политическую линию.

Сторонником первого пути оказался Берия, сторонником второго - Хрущев. Да, как это ни парадоксально может прозвучать, но во всей палитре тогдашних кремлевских деятелей Лаврентий Павлович являлся самым последовательным и самым радикальным реформатором. Просто во все последующие годы его фигура традиционно преподносилась настолько однобоко, настолько трансформировалась и искажалась, что к настоящему времени мы по сути имеем дело не с реальным образом Берии, а с легендой о Берии. Легендой, начавшей целенаправленно формироваться при Хрущеве и сделавшей из него "преступника номер два" после Сталина, причем не просто преступника, а эдакого карикатурного злодея, крайне тупого, ограниченного и самодовольного. Что имеет очень мало общего с его настоящим историческим портретом. Ну разумеется, он являлся одним из сталинских палачей - но только одним

из них, и кстати, даже в этом качестве до "второго номера" никак не дотягивал.

Стоит лишь вспомнить тот факт, впоследствии каким-то образом завуалированный и затушеванный, что главой НКВД он был только с конца 1938 г., когда кампанию террора было уже решено сворачивать, и по 1942 г. Поэтому те же самые соперники по Политбюро, которые впоследствии его свергли и сформировали "злодейский имидж", на самом-то деле по количеству пролитой крови вполне могли ему фору дать. Вот они-то как раз руководили массовыми репрессиями, когда те были в самом разгаре, и участие в данной кампании принимали очень даже активное. Молотов отдавал распоряжения насчет всех чисток в партийных органах, и на расстрельных списках парработников сплошь и рядом красовались его резолюции. Ворошилов практически возглавлял репрессии в военной среде, визировал все списки на уничтожение командиров, а часто и сам отдавал соответствующие приказы. Каганович крепко приложил руку к арестам и казням среди работников промышленности и транспорта. Маленков в тот период вообще курировал НКВД, так что занимал "достойное" место рядом с Ежовым. А Хрущев руководил чистками в московской парторганизации, потом возглавлял кампанию репрессий на Украине, и между прочим, даже в 39-м, когда эта кампания по всей стране пошла на спад, Никита Сергеевич настолько размахался, что сам Сталин вынужден был одернуть его телеграммой: "Уймись, дурак".

Что же касается Берию, то за наклепанными потом ярлыками укрылось и то обстоятельство, что довольно часто он проявлял себя гораздо более умным и талантливым деятелем, чем другие члены советского руководства. И если, несмотря на все допущенные просчеты и совершенные преступления, мы все же признаем объективные заслуги Сталина в победе над

нацистской Германией, то нужно ли обходить молчанием и заслуги Берии? Скажем, уже отмечалось, что именно он всего за два с половиной года сумел восстановить и вывести на должную высоту советскую разведку, полностью разгромленную в 1937-38 гг. И не только разведку. А военная промышленность? Ведь при Ежове очутились за решеткой Туполев, Мясищев, Петляков, Королев, Томашевич и множество других талантливых конструкторов, инженеров, ученых, директоров заводов. Их реабилитация и поддержка, оказанная им по отлаживанию работы своих предприятий - тоже на счету Берии. Как и предвоенная реабилитация многих военачальников, которых еще не успели прикончить.

В 1942 г., во время прорыва немцев на юге, Берия в качестве члена Государственного Комитета Обороны ничтожными силами, почти на голом месте, организовывал оборону Кавказа и действовал куда более толково и успешно, чем Хрущев на Украине или Жданов под Ленинградом. А после 42-го он к карательным органам вообще не имел ни малейшего отношения. В дальнейшем его обязанности были другими. Он, во-первых, возглавлял стратегическую разведку, которую отделили от МГБ - и кстати, вывел на высочайший уровень. Во-вторых, от Политбюро курировал науку, производство вооружения и боеприпасов - и отметим, что на этом этапе войны фронт бесперебойно получал их в необходимых количествах. А в-третьих, Лаврентий Павлович был назначен руководителем Специального комитета - который впоследствии был реорганизован в Министерство среднего машиностроения. И к новым волнам репрессий, развернутым Сталиным в 1945-53 гг., Берия касательства уже не имел. Разве что в качестве члена Политбюро. И не больше, чем другие члены Политбюро.

Ну а после всего изложенного стоит ли удивляться, что после смерти Хозяина как раз он проявил себя более гибким и дальновидным политиком, чем другие кремлевские деятели? Тем более, что являясь шефом разведки, он был и гораздо лучше информирован, чем они, имел возможность более трезво и объективно представить реальное положение дел. Ведь как мы видели, и в нацистской Германии руководители разведок и спецслужб раньше и глубже, чем партийные лидеры, поняли необходимость смены курса. Так и в России это понял Берия.

В частности, в последующей исторической литературе старательно обходился тот факт, что именно Берия, а не Хрущев, начал разрушение системы ГУЛАГа. Когда к руководству страны выдвинулся "дуумвират" из председателя Совета министров Маленкова и Берии, который стал его первым заместителем плюс руководителем МВД, слитым с МГБ, а первым секретарем ЦК сделали "безобидного" Хрущева, намереваясь в дальнейшем сделать этот пост второстепенным, Лаврентий Павлович за короткое время своего властвования провел первую массовую амнистию, выпустив 1,2 млн. заключенных.

Чтобы преуменьшить ее значение, хрущевская пропаганда внедрила потом расхожую версию, будто на волю вышли одни лишь уголовники. Это неверно. Амнистия распространялась на заключенных, имевших сроки от 5 лет и ниже, и попали под нее, главным образом, всякие "бытовики" и "указники", осужденные за мелкие нарушения трудовой дисциплины, "хищения" куска хлеба или катушки ниток - то есть те, кого и сажать-то было не за что. А значит и выпустить можно было скопом, без каких бы то ни было дополнительных разбирательств.

Кроме того, в рамках проведенных Берией реформ строительные и производственные главки, входившие в

систему лагерей, были из подчинения МВД переданы отраслевым министерствам, а сам ГУЛАГ - в ведение министерства юстиции. Были урезаны права Особого Сопещения при МВД, прекращены и закрыты многие широкомасштабные дела, начатые при Сталине - вроде "дела врачей", "мингрельского дела", "дела Шахурина", "дела маршала Яковлева". И начаты следственные действия против некоторых особо рьяных чекистов, применявших истязания при допросах, а также по поводу нескольких политических убийств например, устранения Михоэlsa.

И если разобраться, в этих реформах по ослаблению репрессивной машины тоже нет ничего парадоксального. Уж кто, как не Берия, должен был знать, что гигантская лагерная система становится просто взрывоопасной. Наверняка знал он о послевоенных восстаниях и бунтах в местах заключения. Наконец, он лучше других членов Политбюро представлял, что рабский труд, несмотря на всю его дешевизну, совершенно непроизводителен. Потому что заключенный заинтересован не в его результатах, а в том, чтобы выжить, получив хлебную пайку, и империя ГУЛАГа сама собой порождала систему туфты и приписок, из-за чего появлялись несудоходные каналы, непроезжие железные дороги, несуществующие кубометры леса и тонны руды. А в условиях начавшейся конкуренции с Западом и послевоенной нехватки рабочих рук ГУЛАГ вообще превращался в тормоз для всей экономики. Разумеется, силами заключенных можно было строить, производить разные грубые и черные работы. Но ведь нельзя же строить и строить до бесконечности! Кому-то надо было и работать на построенных заводах, осваивать современное, сложное производство, требующее высокой квалификации. А тут эков уже не поставишь...

Кстати, при Маленкове-Берии началось и затирание фигуры Сталина, хотя и неявное, исподтишка. Прекратился выпуск его сочинений, печатание портретов, все реже стали упоминать его имя в прессе. Ну а экономические и политические реформы, планировавшиеся Лаврентием Павловичем, были даже более радикальными, чем горбачевская "перестройка". Предполагалось ослабление роли партии и перераспределение ее полномочий в пользу государственных органов. Должна была преобразоваться структура СССР в сторону более полного федерализма с национальным самоуправлением республик. Во внешней политике брался курс на улучшение отношений с Западом и отказ от строительства социализма в странах Восточной Европы. В экономической сфере планировалось ликвидировать колхозы и перейти на фермерское хозяйство. А на Черноморском побережье Кавказа Берия задумал организовать мощный курорт международного класса с привлечением на концессионных началах зарубежных инвесторов - то есть, создать "окно" для проникновения в СССР иностранного капитала. Все эти данные имеются в секретном деле ЦК, собранном против Берии, и фигурировали как раз в качестве пунктов обвинения против него. Так что глядишь, если бы не Хрущев, коммунистическая твердыня могла начать рушиться гораздо раньше и быстрее. Да видать, не допустил Бог, чтобы Россия приняла освободительные реформы из слишком все же кровавых рук...

Но тем не менее, стоит помнить, что главной виной Берии было признано отнюдь не участие в сталинском терроре, а "преступное посягательство на партийное руководство обществом" и "планы реставрации капитализма", за которые и произвели его в "английские шпионы". И сейчас наконец-то даже в

школьных учебниках истории начали признавать, что Хрущев не ликвидировал "заговор Берии", а наоборот, организовал заговор. И тут уж его единым фронтом поддержали все консерваторы в партийной верхушке, напуганные возможностью реформ - Пленум ЦК, проведенный сразу после свержения главы МВД, первым делом принял постановление "укрепить партийное руководство во всех звеньях партии и государственного аппарата". А огромное количество "лишних" преступлений повешали на поверженного противника как раз для того, чтобы оправдать свой заговор в глазах народа, а заодно и свалить на него собственные злодеяния в сталинскую эпоху.

Но не только Берия, Маленков после ареста "соправителя" тоже предлагал реформы более гуманные и либеральные, чем Никита Сергеевич. Свернуть гонку вооружений, от противостояния перейти к диалогу с Западом. Для повышения благосостояния народа срочно перенести центр тяжести в экономике на развитие легкой и пищевой промышленности. Осуществить ряд мер по улучшению жизни колхозников - снизить всякие поборы и платежи, взимаемые с них, предоставить большие возможности для развития подсобного хозяйства. Да только и его Хрущев спихнул, опираясь на самых "твердолобых" - Молотова, Ворошилова и Кагановича. Даже такое смягчение партийным боссам слишком крутой крамолой показалось.

Так в чем же, спрашивается, заслуга Хрущева? Освобождение заключенных после расстрела Берии отнюдь не ускорилось, а наоборот, резко замедлилось. Реабилитации носили персональный характер и велись в рамках политических игр самого Хрущева. Например, в 1954 г. реабилитировали осужденных по "ленинградскому делу" - это потребовалось, чтобы скомпрометировать и свалить Маленкова, одного из

организаторов данного дела. Реабилитировали военачальников, арестованных после войны - это было сделано по требованию маршала Жукова, которого Хрущев до поры-до времени сделал своей главной опорой. Всего до начала 1956 г. военной коллегией Верховного Суда было реабилитировано семь тысяч шестьсот семьдесят девять человек. При общем населении ГУЛАГа в десять миллионов. Разве что отсидевшим свои сроки перестали автоматически новые навешивать - да ведь и их выпускали, главным образом, в ссылку, а не на полную свободу.

Даже после пресловутого XX съезда и осуждения Сталина, когда лагерная система пошла на слом, и то ведь политзаключенные реабилитации не удостоились. Их освобождали другими способами. Некоторых, проявивших лояльность или имеющих заступников, подгоняли под очередные праздничные амнистии. Других - "актировкой", то бишь по инвалидности, что было, вроде бы, вполне "законно", поскольку многие эки в адских условиях лагерей зарабатывали тяжелые болезни. Наконец, распространили на 58 статью право на условно-досрочное освобождение. То есть, приравнивали к уголовникам, которых, если сидят в первый раз, можно за хорошую работу и поведение выпустить после отсидки 2/3 срока. Только ведь освобождение-то "условное", и при "рецидиве" способно аукнуться - например, если выпущенный человек много болтать будет, то уже и без суда, по прежнему приговору его можно отправить досиживать. Что порой и происходило, Солженицын приводит такие случаи. Но хватало и таких, кого не выпустили вообще - настоящие, а не случайные "политики", власовцы, участники восстаний, бандеровцы, "лесные братья". Они свои 25-летние сроки, полученные при Сталине, продолжали досиживать и при Хрущеве, и при Брежневле, и в 70-х еще оставались в лагерях.

Да ведь и само осуждение Сталина на XX съезде было сугубо вынужденным. В этом признается и Хрущев в своих воспоминаниях: "Эти вопросы созрели, и их нужно было поднять. Если бы я их не поднял, то их подняли бы другие. И это было бы гибелью для руководства, которое не прислушалось к велению времени".

Ну разумеется, ведь западные "голоса" советским людям об этих вопросах уже говорили. Бериевская амнистия 53-го выпустила массу заключенных, разнесших правду по всей стране. А в середине 50-х под давлением мировой общественности коммунистическое правительство вынуждено было выпустить военнопленных, немцев и японцев. Так что истина о ГУЛАГе выплеснулась наружу в полном объеме, неопровержимо и уже незатыкаемо. Тут уж волею-неволей приходилось предпринимать срочные меры и отрещиваться, сваливая на покойников, перехватывать инициативу "сверху", пока она "снизу" не поднялась.

Только Хрущев еще об одной "мелочи" умалчивает. Точно так же, как в 20-х вопрос о нэпе стал просто разменной картой в борьбе за власть, так в 50-х - антисталинизм. Так же, как у Сталина после смерти Ленина рейтинг был намного ниже, чем у его конкурентов, так было и у Никиты Сергеевича. И он вынужден был искать и создавать себе опору, чтобы сокрушить в междоусобной борьбе более сильных и именитых соперников - Молотова, Канаговича, Маленкова, Булганина, Ворошилова, пока они не свалили его самого. Ставку он сделал на партийную номенклатуру среднего звена - и именно к ней апеллировал на XX съезде. И в качестве "сталинских преступлений" разоблачал репрессии 37-39 гг., когда серьезно пострадала именно партийная номенклатура - пугая ее прошлым и делая таким образом своей союзницей. И обретенное оружие пригодилось очень

скоро, в июне 1957 г., когда большинство Политбюро решило снять Хрущева. Кстати, вот тут-то без всякого "заговора", строго в рамках существовавшей тогда "партийной демократии". Однако на Политбюро этого не дал сделать маршал Жуков - пригрозил, что решению не подчинится и обратится к армии. Противникам Хрущева пришлось согласиться на созыв пленума ЦК. А тут-то Никита Сергеевич и сыграл на номенклатурном антисталинизме. Даже не сам, а устами популярного Жукова ему дали первое слово, и он представил сделанную для него в КГБ подборку об участии в репрессиях Молотова, Маленкова, Кагановича. Разумеется, умалчивая об участии в тех же делах самого Хрущева. И все - песенка конкурентов была спета. Ну а Жуков очень скоро пожалел о поддержке, оказанной Никите Сергеевичу - его слов о том, что он может не подчиниться и обратиться к армии, первый секретарь не забыл и снял его через 4 месяца.

Но разберемся, а много ли сталинских преступлений осудил Хрущев? Только репрессии 1937-го. Как будто не было других, куда более массовых кампаний террора. А в 1937-м - только репрессии против коммунистов. Как будто в той же волне не были расстреляны и посажены сотни тысяч беспартийных. А среди коммунистов - только репрессии против палачей гражданской войны Тухачевского, Якира, Блюхера и иже с ними. Даже Зиновьева, Каменева, Бухарина, Радека, Рыкова и прочих подобных оправдать не решились, вроде как этих-то уничтожили вполне правильно. Потому что военачальники меньше отношения к политике имели, а Зиновьев и Бухарин - тут уж дело всяческих "уклонов" в партии касалось. Каковые уклоны и Хрущев в свое время активно помогал громить. Да и вообще, политика партии, по его установкам, должна была остаться непогрешимой - в том числе и в 37-м.

И в рамках этой самой "непогрешимости" Никита Сергеевич во многих аспектах самого Сталина переплюнул. Тот в отношениях с Западом все же осторожность соблюдал, на рожон не лез. Берия и Маленков - те и подавно на мирное сосуществование нацеливались. Ну а Хрущев в том же самом 1956 г. провозгласил переход к ядерному противостоянию и поставил задачу наращивания ракетных вооружений. А когда в следующем году СССР испытал первую баллистическую ракету, получив тем самым временный перевес над США, то пошла политика откровенных силовых приемов. В июле 1961 г. по вине Хрущева потерпела полный провал его встреча с Кеннеди в Вене, направленная на нормализацию отношений. В августе того же года разразился второй берлинский кризис и выросла "берлинская стена", а в сентябре СССР в одностороннем порядке разорвал соглашение с США о моратории на ядерные испытания в атмосфере и произвел серию взрывов. В 1962 г. разразился Карибский кризис, чуть не приведший мир к ядерной катастрофе.

При Хрущеве вовсю продолжалось регулирование социалистических "союзников". Но политика по отношению к ним тоже изменилась. Иосиф Виссарионович во главу угла ставил укрепление собственной державы и ее позиций, делал упор на государственные, а не идеологические интересы. Еще в 30-х он отказался "кормить дармоедов" - финансировать зарубежные компартии. А если кому и оказывал помощь, то взвешенно, в умеренных масштабах, и только там, где рассчитывал на реальную выгоду для СССР. Теперь же, по сути, был возрожден курс на "мировую революцию". На том же XX съезде, осудившем Сталина, одной из ведущих сил "мирового революционного процесса" было объявлено национально-освободительное движение, и пошло

безоглядное вмешательство в дела Азии, Африки и Латинской Америки. И не только безоглядное, но и бездумное, безо всякого учета реальных интересов России в данных регионах. Началось беспрецедентное по масштабам финансирование "дружественных" режимов, оно приобрело значение самоцели, стало приоритетным по отношению к внутренним проблемам.

В то же время собственная экономика продолжала губиться теми же, старыми методами, в которых Хрущев тоже словно бы стремился перещеголять Сталина. "Отец народов", создавая колхозы, оставил крестьянам подсобные хозяйства, кое-какую домашнюю скотину. Хрущев ликвидировал и это. По решениям декабрьского пленума ЦК 1959 г. личный скот предписывалось "скупить", а подсобные хозяйства и приусадебные участки запрещались пусть, мол, отдадут тот же труд не на своем огороде, а на колхозных полях. Была практически объявлена "вторая коллективизация", которая еще и сопровождалась ограблением колхозов - от них потребовали "выкупить" технику у государственных МТС. И так же, как в начале 30-х, это привело страну на грань голода. Например, в моих детских воспоминаниях отчетливо отложилось, как на Украине горожане с ночи занимали протянувшиеся на километры очереди за хлебом. А когда хлеб все-таки завозили (и если завозили), и занявший очередь человек приближался к магазину, к нему собирались все родственники, включая грудных детей - потому что карточки не вводились, но продажа была строго нормированной. И еще хорошо запомнилось, как привезенный в эти годы в Москву, я некоторые продукты на прилавках увидел впервые в жизни...

А вместо признания ошибок или отмены губительных решений, упрямый Хрущев искал другие пути, абы только не отступать от методов казарменного социализма - отсюда и освоение целины, и посадки

кукурузы. Кстати, кукурузные и прочие сельскохозяйственные опыты Никиты Сергеевича были вполне закономерны - много писалось о сталинской "лысенковщине", но почему-то при этом упускался из внимания тот факт, что главным покровителем академика Лысенко в советском руководстве был Хрущев. А чем кончились его опыты, известно - огромные степные пастбища погубили, а после вспашки началась эрозия "благодатной" целинной почвы, она быстро истощалась, и уже к 1962 г. урожайность на ней упала на 65 %.

Можно вспомнить и "реформы" Хрущева в области промышленности, в результате которых прежний перекокс в сторону тяжелой индустрии еще усилился, и вместо 70% к началу 60-х достиг 75 %. А в 1961 г. на XXII съезде КПСС была провозглашена программа "построения материально-технической базы коммунизма", согласно которой следовало к 1980 г. "догнать и перегнать Америку", выйти на первое место в мире по производству продукции на душу населения и обеспечить самый высокий жизненный уровень. Что опять же, примерно соответствовало второй сталинской индустриализации. С неизбежным требованием "затянуть пояса". Но Сталину удалось достичь успехов в кампании индустриализации только из-за того, что в его распоряжении имелись огромные еще не израсходованные ресурсы страны и природные, и человеческие в лице трудолюбивого крестьянства. Сохранялась еще инерция "революционного энтузиазма", не был исчерпан лимит доверия к партийному руководству. Рывку индустриализации предшествовала передышка нэпа, а значительная доля достигнутых результатов, как ранее отмечалось, приходилась на восстановление и реконструкцию старой, еще дореволюционной промышленности. Для хрущевской "второй индустриализации" таких ресурсов

и резервов уже не имелось, и дело ограничилось одним лишь затягиванием поясов - в 1962 г. цены на продукты питания скакнули на 25-30 %, а тарифные расценки на производстве понизились на треть.

Да и развал армии, ее отставание от передовых государств тоже начались отнюдь не при Горбачеве. Первый мощный удар советским вооруженным силам нанес Никита Сергеевич, заявивший, что раз у нас есть межконтинентальные ракеты, то зачем нам самолеты и корабли? Он же готовился исключительно к мировой, глобальной войне. И пошел со свойственной ему самоуверенностью кромсать по живому, отправляя на металлолом первоклассную боевую технику, прекращая ее новейшие разработки, которые счел "ненужными", бездумно разгоняя полки и дивизии неугодных ему родов войск... Целенаправленно разгромил систему стратегической разведки: она же была "детищем Берии", поэтому лучшие специалисты в этой области - Райхман, Эйтингон, Судоплатов, Мешик, Мильштейн и др. - вообще попали под репрессии. И первую в СССР школу спецназа тоже он разогнал - поскольку боялся государственного переворота. А в результате, когда войны приобрели локальный характер, советская армия оказалась к ним не готовой. Что же касается гигантских средств, вбуханных в стратегические ракеты, то достаточно оказалось одного Пеньковского, чтобы все это пошло насмарку - пришлось бросать все понастроенные шахты, командные пункты, системы связи и строить наново. Только при авантюристе-Хрущеве могла произойти трагедия на Тоцком полигоне, когда действие ядерного взрыва испытали на собственных войсках и ни за что - ни про что угробили 30 тыс. солдат и офицеров. Да, Сталин был жесток. Он мог погубить сотни тысяч заключенных на строительстве канала, мог положить полки и дивизии в наступлении или обороне. Но ведь ради дела, ради

какой-то конкретной цели, действительно важной или считавшейся важной. И военачальников за излишние потери по головке отнюдь не гладил. А уничтожить массу отличных войск всего лишь в качестве подопытных кроликов - разве пошел бы он на такое?

В итоге всеми своими ура-преобразованиями Никита Сергеевич загнал страну в задницу, и, пожалуй, обрушил бы ее в полную катастрофу, если бы его вовремя не сняли. И надо учесть, что так же, как это пытались сделать в 57-м, сняли без какого бы то ни было "заговора", в рамках действовавших партийных норм. А последствия его "реформ" удалось в какой-то мере преодолеть лишь при осторожном и умеренном Брежневе. Во-первых, начатыми в 1965 г. преобразованиями в сельском хозяйстве с повышением закупочных цен и некоторыми послаблениями колхозникам, во-вторых - в промышленности, где упор был перенесен на методы материального стимулирования, а главным образом - за счет улучшения отношений с Западом, благодаря которому стала возможной продажа за рубеж сырья и подпитка разрушенной экономики "нефтедолларами".

Переплюнул Хрущев Сталина и в антирелигиозных вопросах, закрывая и разрушая даже те храмы, которые оставались действующими в 30-х годах или были открыты после войны, когда Иосиф Виссарионович пошел на некоторые уступки верующим. При Сталине за несколько лет войны открылось свыше 10 тыс. новых приходов. При Хрущеве их осталось всего 7523. И гонения на верующих, прекратившиеся еще в 1939 г., при Хрущеве тоже возобновились.

Тогда в чем же проявилась пресловутая "оттепель"? Масштабы репрессий действительно сократились. Садистом Никита Сергеевич и впрямь не был. Но как уже отмечалось, репрессии и не могли продолжаться с прежним размахом. И тем более после того, как он

вынужденно осудил Сталина - теперь требовалось имидж поддерживать, чтобы окончательно народ против себя не настроить. Но все же Хрущев за время своего правления кровушки пролил предостаточно. Скажем, мощная кампания репрессий прокатилась после переворота против Берии. Причем нацеливалась она отнюдь не против его "подручных-палачей", как это потом изображалось. Как раз палачи-то, в основном, остались на своих местах, продолжали работать, получали повышения, в крайнем случае уходили на пенсию. Так, последний сталинский шеф госбезопасности Игнатьев занимал видное положение и при Хрущеве. А на посту генпрокурора трудился уже упоминавшийся Руденко. К таким и иже с ними претензий не было. А репрессии проводились только по тому признаку, что обрушились на "людей Берии". Точно так же, как прежде расправлялись с "людьми Ежова", "людьми Бухарина", "людьми Троцкого". Поэтому попали под них и люди невинные или относительно невинные в преступлениях сталинского террора - и разведчики, и дипломаты, и чиновники. Несколько тысяч человек было расстреляно или осуждено на большие сроки, а их родственников, вплоть до самых дальних, отправляли в ссылки.

Правда, других побежденных конкурентов Хрущев оставил в живых и даже на свободе. Но этого уже требовала специфика его опоры на номенклатуру. А партийная номенклатура на печальном опыте сталинских времен давно поняла, что в собственных разборках от террора пора отказаться - иначе себе же дороже выходит. Развязать-то легко, но так же легко потом и твоя голова слетит. Но в других случаях перед применением террора Никита Сергеевич не останавливался. На его совести, например, кровавое подавление лагерных восстаний в Кенгире и Воркуте. И подавление Венгерской революции, сопровождавшееся

массовыми репрессиями. Между прочим, и в Венгрии находились среди советских солдат такие, кто отказывался стрелять - и их за это расстреливали точно так же, как в 53-м в Германии.

В результате ухудшения условий жизни, вызванного реформами Хрущева, по всей стране прокатились волнения, начались открытые выступления в целом ряде городов. В Новосибирске и Караганде Никите Сергеевичу пришлось с помощью охраны убегать от разбушевавшихся людей. Из Горького, где он на митинге объявил о замораживании облигаций, глава государства был вынужден смыкаться тайком, под покровом ночи - боялся, что поймают. В Киеве, Новороссийске, Ташкенте его встречали шквалами возмущения. А на совещании работников сельского хозяйства, проходившем в Киеве, буфетчица бросилась на Хрущева и Подгорного с кухонным ножом.

Но особенно сильно народный протест выплеснулся в Новочеркасске в 1962 г., где забастовало несколько заводов, и семитысячная демонстрация рабочих двинулась к горкому партии. Расправились с ними жесточайшим образом причем в присутствии прибывших из Москвы членов Политбюро Микояна, Суслова, Козлова. И уж наверняка не без ведома Хрущева. Генерал-лейтенант М. К. Шапошников отказался открывать огонь и отдал соответствующий приказ своим войскам, но его тотчас уволили из армии и заменили генералом Плиевым. Пустили танки, расстреливали из автоматов. Погибло около 80 чел., сотни были ранены. Потом еще устроили судилище, более 100 чел. получили большие сроки заключения, 9 "зачинщиков" было расстреляно. Исчезли без вести и никогда больше нигде не объявились все раненые из больниц. А семьи убитых и раненых выслали в Сибирь. Многочисленные аресты и посадки прошли после волнений в Александрове и Муроме в 1961-62 гг. Да и

после перечисленных "радушных встреч" Хрущева с трудящимися различных городов без кампаний арестов, разумеется, дело не обходилось.

При нем всю продолжались и репрессии против "инакомыслящих". Даже когда материалы XX съезда с разоблачением сталинизма были спущены в парторганизации для обсуждения, очень крепко досталось тем, кто проявил при этом малейшее "вольнодумство" и посмел выйти за предписанные рамки. Например, партбюро Института теоретической и экспериментальной физики будущей правозащитник Ю. Орлов, Р. Авалов, В. Судаков, В. Нестеров, Щедрин, в своих выступлениях всего лишь приветствовавшие "исправление ошибок" партии и выражавшие робкую надежду на дальнейшие шаги в данном направлении, были исключены из партии и уволены с работы. Было объявлено, что они "пели с голоса меньшевиков и эсеров", потому что у партии "ошибок" никогда не было и быть не могло. Их вдоволь потаскали по допросам и лишь чудом не отправили за решетку - сразу после съезда неудобным показалось.

А других сажали. Можно назвать хотя бы поэта И. Бродского, писателей А. Марченко, С. Караванского, генерала П. Григоренко, который позволил себе критику партии и высказывания о "плюрализме мнений". В ходе хрущевских антирелигиозных кампаний пересажали многих священников и монахов, протестовавших против закрытия церквей, сотнями осуждали "сектантов" баптистов, адвентистов Седьмого Дня, иеговистов, пятидесятников - например, их пресвитер Федотов получил 10 лет. И когда разрушалась сталинская система лагерей, то специально для "политических" был сохранен Дубровлаг, куда собрали и многих старых эков, получивших сроки еще при Иосифе Виссарионовиче.

Так что заслуга Хрущева в прекращении политических репрессий абсолютная ложь. Он (да и то не он, а сперва Маленков с Берией) прекратил не репрессии, а только истерию репрессий, когда хватали "пошире", по количеству, и большей частью - людей совершенно лояльных и ничем не провинившихся перед Советской властью. И как нетрудно понять, самому коммунистическому режиму такие вакханалии наносили больше вреда, чем пользы. Теперь же террор вместо массовых форм принял персональные и целенаправленные, против конкретных людей, нарушающих те или иные установки советской системы.

Кстати, по особенностям процессов хрущевского времени хорошо видна еще одна причина сокращения масштабов репрессий - оглядка на Запад. Ведь в противостоянии с ним "вражеская пропаганда" могла теперь испортить отношения СССР со странами "третьего мира", на которые Никита Сергеевич делал ставку, а через радиоголоса способна была подрывать авторитет власти в собственном народе. И чтобы не давать пищу этой пропаганде, политические расправы стали маскироваться, облекаться в "неполитические" формы. Как раз при Хрущеве возникли первые "спецпсихушки", в одну из которых уpekли, например, генерала Григоренко. И сажать старались не по политическим, а по уголовным статьям. Участников народных волнений и манифестаций судили за "бандитизм", "хулиганство", "организацию массовых беспорядков". Инакомыслящих привлекали за "тунеядство", как И. Бродского. Что оказалось еще проще - если, к примеру, литератор не состоит в Союзе Писателей или исключен из него, то вот он уже и не имеет постоянной работы, то бишь "тунеядец". Впрочем, были и случаи куда круче, когда политических сажали за "изнасилование". Что на практике было тоже

несложно - преступление недоказуемое, достаточно заявления какой-нибудь завербованной шлюшки...

Так была ли она вообще, хоть какая-то "оттепель"? Тут стоит пояснить, что сам термин "оттепель" пошел от одноименной повести придворного лизоблюда И. Эренбурга, который и при Сталине был самым ярким ортодоксом, и при смене власти решил подольститься к новым хозяевам, противопоставив правление Хрущева сталинской "зиме". В ту же струю кинулись и другие официозные литераторы, и вслед за "Оттепелью" в том же журнале "Новый мир" мгновенно появились их аналогичные творения - "Времена года" В. Пановой, "Волга - матушка река" Ф. Панферова. Но между прочим, даже такое "свободомыслие" в верхах сочли чрезмерным, журнал крупно получил по шапке, взятое им направление было признано вредным, а главного редактора А. Твардовского сняли с должности. Вот вам и "оттепель".

Может быть, заслуга Хрущева в духовном раскрепощении народа состоит в том, что он после XX съезда приблизил к себе десятка два авторов, облагодетельствовал их дачами и машинами и предоставил свободу ругать "культ личности" и восхвалять свое правление? Так это и при Сталине было. Он тоже нужных ему деятелей культуры выделял, тоже осыпал милостями, даже Сталинские премии ввел. И тоже позволял им ругать Троцкого и доказывать, что "жить стало лучше, жить стало веселее". Что "я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек". Вот разве что Солженицыну Никита Сергеевич поддержку оказал - ну да тут уж случайная ошибочка вышла. В "Иване Денисовиче", с его точки зрения, никакой крамолы не содержалось там политика партии, вроде, не упоминалась, так что получалась еще одна иллюстрация злодеяний культа личности. Да и сколько куда более именитых людей после отсидки, стоило их

поманить, были готовы служить не за страх, а за совесть - взять хотя бы генсеков братских компартий Яноша Кадара, Владислава Гомулку, Густава Гусака. И сколько куда более маститых авторов, побывавших на нарах, наперебой спешили исполнить социальный заказ Хрущева, в том числе и по фальсификации исторической правды о лагерях - генерал Горбатов, слышшая стукачкой Г. Серебрякова, Алдан-Семенов, Б. Дьяков, Г. Шелест. Ну а Солженицын был писатель безвестный, "начинающий", так, казалось бы, приласкать его, в люди вывести - кто вернее служить должен? И кто мог предположить, что он таким "неблагодарным" окажется и не оценит высокого доверия?

Называют проявлением духовной "оттепели" тот факт, что при Хрущеве "реабилитировали" и возвратили на полки книги некоторых репрессированных авторов - И. Бабеля, А. Веселого, М. Кольцова... Но в таком случае с гораздо большим основанием можно назвать духовной "оттепелью" правление самого Сталина, при котором были "реабилитированы" книги Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, запрещенные при Ленине. При всем уважении к творчеству Бабеля, согласитесь, что до Пушкин он где-то как-то не дотягивает. Если Хрущев реабилитировал для истории память о столь сомнительных полководцах как Тухачевский или Якир, то Сталин - память о Суворове, Кутузове, Петре I, оплеванную и растоптанную революционными клеветниками. Реабилитировал и саму дореволюционную историю России, которые пытались напрочь перечеркнуть хулиганствующие "авторитеты" из школы Бухарина и Покровского. Так что масштабы хрущевских "благодеяний" в духовной области со сталинскими и в сравнение не идут.

С любым проявлением свободомыслия Никита Сергеевич боролся яростно и отчаянно, и с 1957 г.

фактически поставил литературу и искусство под свой личный контроль. И на встречах с деятелями культуры он заявлял: "В вопросах художественного творчества Центральный Комитет партии будет добиваться от всех... неуклонного проведения партийной линии".

Предупреждал: "Вовсе не означает, что теперь, после осуждения культа личности, наступила пора самотека, что будут ослаблены бразды правления, общественный корабль плывет по воле волн, и каждый может своевольничать, вести себя, как ему заблагорассудится".

А в июле 1963 г. провел на пленуме ЦК специальное постановление по данному вопросу: "Партия будет и впредь вести бескомпромиссную борьбу против любых идейных шатаний, проповеди мирного сосуществования идеологий, против формалистического трюкачества, серости и ремесленничества в художественном творчестве".

О какой духовной "оттепели" может идти речь, если, например, Б. Пастернак в 1958 г. был за "Доктора Живаго" исключен из Союза Писателей, ему запретили выезд за границу и заставили отказаться от получения Нобелевской премии. Резкой критике и гонениям подвергались А. Вознесенский, Д. Гранин, Е. Евтушенко, К. Паустовский, Э. Неизвестный, Р. Фальк, М. Хуциев и многие другие таланты.

Исторический стереотип прогрессивного реформатора Хрущева сложился, во-первых, из народных надежд на лучшее, связывавшихся с его именем после XX съезда. Но сказавши "а", он и не намеревался сказать "б", так что эти надежды оказались обманутыми - однако память о разочаровании за годы правления Брежнева успела сгладиться, а о самом всплеске надежд сохранилась. Во-вторых, на Западе с его привычкой примитивизировать любые явления и сводить к упрощенным штампам, вся свара

грызни за власть и свистопляска 50-х была наивно воспринята лишь как борьба "антисталиниста" Хрущева со "сталинистами" Берией, Молотовым и Маленковым, и автоматически подразумевалось, что эта борьба направлена не только против личности, но и против политики Сталина. Чего на самом деле даже в помине не было. Даже если вспомнить первую попытку снять Никиту Сергеевича, то согласно мемуарам Шепилова, отнюдь не "сталиниста", она была связана отнюдь не с симпатиями и антипатиями к покойному "отцу народов", а имела под собой чисто практическую почву - "бессистемный поток самых невероятных, смешных, неграмотных инициатив и указаний Хрущева уже к весне 1957 года сделал для всех очевидным: Хрущева надо убирать, пока он не наломал дров".

В-третьих, после всего, что натворил Никита Сергеевич, его правление и в народе начали сопоставлять со сталинским в невыгодном свете - вот, мол, такого безобразия при Сталине не было, или то-то при Сталине лучше было. А подобные стихийные сравнения в определенных пунктах смыкались и с ортодоксальным сталинизмом. И когда вторая, брежневская попытка сместить горе-руководителя все же удалась, ортодоксы восприняли это как свою победу, как полномасштабный возврат к прежнему курсу. Чего на самом деле тоже не было. Просто осторожный Брежнев сглаживал острые углы хрущевских реформ, в том числе и "разоблачительных", спустив кампанию критики "культы личности" на тормозах - не возвращаясь к самому "культу личности" и не перечеркивая уже сделанного в этой области. В-четвертых, легенду о своей борьбе со сталинизмом по вполне понятным причинам потом поддерживали и развивали сам Хрущев и его бывшие подручные. И в-четвертых, ее подхватили и растиражировали идеологи "перестройки", которым требовалось найти в истории

КПСС хоть какие-нибудь "глубокие корни" своей политики. Хотя в действительности, суть перестройки была намного ближе к проектам Берии, а не Хрущева - но не станешь же ссылаться на такого предшественника!

В общем, вывод можно сделать однозначный: свободолюбивые тенденции в России проявились отнюдь не по воле Хрущева, а помимо нее, и даже вопреки ей. То есть, они существовали в народе всегда. И стоило ослабить давление террора - не ликвидировать, а просто ослабить, свести его от массового психоза к "разумным" персональным формам, как эти тенденции тут же стали активизироваться и оживать. Что и вызвало атмосферу пресловутой "оттепели".

31. Бунтари, диссиденты, правозащитники...

Выше указывался ряд причин, по которым коммунистическая верхушка должна была отказаться от системы массовых репрессий. Но имелась и важная причина, по которой Советская власть могла себе это позволить. Со времени революции и гражданской войны прошли уже несколько десятилетий, целая эпоха. Все политические партии и организации, пытавшиеся хоть как-то противостоять коммунистам, давным-давно были уничтожены, от них и следа не осталось. Да и люди, помнившие дореволюционную Россию и способные сравнить ее с Россией советской, в большинстве своем умерли, погибли в военных и социальных катаклизмах, а те, кто еще жил, состарились и не представляли больше реальной силы. Основу советского общества составили новые поколения, выросшие в условиях социализма, с юных лет воспитанные под коммунистическими лозунгами и по коммунистическим методикам, никаких альтернативных путей развития не знающие и не способные их представить.

Сам менталитет российского населения изменился до неузнаваемости. За несколько десятилетий террора и идеологического оболванивания сознание оказалось искажено и деформировано, загнано в жесткие штампы партийной пропаганды и партийной мифологии. Даже в тех случаях, когда доведенные до отчаяния люди выступали за свои права, об антикоммунизме уже, вроде бы, и речи не было. Например, во время лагерного восстания в Кенгире большинство заключенных отвергло самые радикальные призывы, и мятеж проходил под лозунгами "Да здравствует Советская конституция!", "Да здравствует Советская власть!", а в качестве высшей инстанции для поиска справедливости требовали приезда кого-нибудь из президиума ЦК. Во время кровавых событий в Новочеркасске забастовавшие рабочие шли к горкому партии с портретами Ленина, словно с хоругвями...

И в последующие десятилетия главной стала борьба за умы. За раскрепощение и реанимацию живой мысли. Далеко не всегда она выглядела антикоммунистической, далеко не всегда нацеливалась против коммунизма наоборот, обычно носила частный, ограниченный характер. Но, в конечном счете, вела к постепенному разрушению партийного режима. Представляется весьма любопытным, что от окончания гражданской войны на основной территории России до середины 50-х годов прошло примерно 35 лет - и ровно столько же потребовалось для того, чтобы страна пробудилась и свергла коммунистическую власть.

Но представить стройное и последовательное описание данного периода борьбы очень непросто. Она шла, в основном, в "невидимой сфере", в сфере человеческого сознания. То есть, трудно назвать какие-то эпохальные события, способные стать наглядными вехами этой борьбы, а те события, которые происходили на самом деле - отдельные судебные процессы,

публичные выступления, акции, конфликты, представляют собой мельчайшую и почти бессистемную россыпь, способную дать впечатляющую картину не по отдельности, а только в общей своей массе. В условиях советского государства было невозможно длительное существование сколь-нибудь заметных оппозиционных движений и организаций, деятельность которых можно было бы проследить на масштабном временном отрезке. Поэтому борьба и в самом деле носила некий "молекулярный" характер, и история ее разбивается на тысячи отдельных биографий, точечных акций, возникновения и исчезновения мелких оппозиционных групп. Нужно еще раз подчеркнуть, что началась такая борьба вовсе не в 50-х. Но постоянное действие машины массового террора удерживало ее на некоем минимальном уровне, не в силах подавить совсем, но и не давая развиваться. А стоило давлению ослабнуть, как равновесие нарушилось. И процесс пошел. Медленно, незаметно, но пошел.

Фактически в одном и том же направлении стали действовать совершенно разнородные силы. Например, политзаключенные, возвращающиеся из лагерей. Хотя большинство из тех, кто вышел на свободу при Хрущеве, тоже были уже "продуктом советской эпохи", но в "лагерных университетах" многие из них, как Солженицын или Шаламов, общались с узниками более ранних времен, перенимая эстафету их жизненного опыта, частицы их мировоззрения и политические импульсы. И получили возможность передать их дальше.

Естественным очагом оппозиции становилась интеллигенция с ее традициями правдоискательства, жертвенности, поиска некой высшей справедливости, которые оказалось невозможно вытравить и подавить даже десятилетиями коммунистического воздействия. Чаще такой процесс становился неосознанным, опять

же в области живой мысли, а не политики. Писались произведения, авторы которых заранее знали, что они не могут быть напечатаны. Снимались фильмы и ставились спектакли с заведомо минимальными шансами дойти до зрителя. Но все чаще прорывались и активные формы протеста. В 1957 г. была раскрыта и осуждена на большие сроки группа работников Ленинградского библиотечного института - Р. И. Пименов, Б. Б. Вайль, И. Д. Заславский, И. С. Вербловская, К. Г. Данилов. Их обвинили в попытке создания антисоветской организации и в распространении материалов о Венгерской революции.

Возникло такое явление как "самиздат", рукописные и машинописные журналы. В 1965 г. образовалось независимое литературное объединение СМОГ, а в 1967 г. писатели А. Синявский и Ю. Даниэль получили по 7 лет за публикацию своих произведений за границей. Поддержка освободительным тенденциям в России оказывалась и из-за рубежа - ведь она хорошо ложилась в русло "информационных войн". В данном направлении шло воздействие различных "голосов", а после процесса Синявского-Даниэля и последовавших за ним аналогичных судилищ стали широко создаваться различные общественные комитеты в защиту инакомыслящих в СССР, проводились демонстрации, пикеты, выставки, пресс-конференции (на которые, впрочем, советским руководителям было глубоко наплевать).

Из эмигрантских организаций продолжал активно действовать НТС. При неизменности своей главной цели - курса на "национальную революцию", он несколько раз менял тактику. После XX съезда было взято направление на "союз с радикальными реформаторами", то есть с теми движениями, которые добиваются последовательных изменений советского строя в сторону правового государства. Была признана

возможность "ступенчатого сноса диктатуры", и в 1957 г. по инициативе НТС в Гааге прошел "Конгресс за права и свободу в России", в котором приняли участие представители 80 группировок и направлений русской эмиграции. Он выработал программу из 130 "частичных требований", каждое из которых само по себе не было антикоммунистическим, но в совокупности их осуществление означало бы конец советского режима.

Для поддержки свободы мысли и слова издательство "Посев" распространило предложение о сотрудничестве с авторами, проживающими в СССР, которые не могут опубликовать там свои произведения из-за цензуры. И обращение получило отклик. С 1965 по 1975 гг. из России было разными путями передано и переслано более тысячи рукописей. Многие из них увидели свет в журналах "Грани", "Посев", "Вольное слово", выходили отдельными книгами. Позже аналогичную деятельность стало осуществлять и радио "Свобода", имевшее куда большие финансовые возможности. В связи с расширением контактов СССР с другими странами, более интенсивными поездками за рубеж советских граждан и делегаций, НТС наладил работу по установлению с ними дружеских контактов, организации частных встреч, бесед, распространению своей литературы. С этой целью выпускались несколько специальных изданий, журнал "Наши дни" - рассчитанный на интеллигенцию, газета "Вахта" - для моряков. Изготавливались и поддельные номера советских газет - под их заголовками распространялся, например, закрытый доклад Хрущева на XX съезде. Продолжались и операции в России. Так, была организована массовая засылка писем по случайно выбранным адресам. Участвовали в этой работе 600 чел., письма с материалами НТС отправлялись из 30 разных стран, и их количество достигало 30-40 тыс. в год.

С развитием иностранного туризма в СССР эта возможность стала использоваться для завязывания знакомств с советскими гражданами. Курьерами НТС становились, в основном, иностранцы - при советской системе контроля они привлекали все же меньше внимания, чем представители русской эмиграции. Вербовали для поездок в Россию личных друзей членов НТС, представителей дружественных правозащитных и молодежных организаций. Эта деятельность велась строго конспиративно, в нескольких европейских государствах были созданы "оперативные участки" по отбору и подготовке курьеров, возникла отдельная система управления данными операциями. Для развертывания борьбы внутри СССР была выбрана тактика "широкого фронта", то есть НТС поддерживал любые силы, оппозиционные режиму и добивающиеся тех же самых "частичных требований", что в перспективе создавало предпосылки для выхода на более высокий и более осознанный уровень сопротивления. Устанавливались контакты в среде творческой интеллигенции, молодежи, религиозных кругах, передавались материалы НТС и вывозились за рубеж самиздатские рукописи.

Некоторые посланцы проваливались, хотя их, как иностранцев, обычно надолго не сажали и спешили от них отделаться, высылая на родину. И что любопытно, при арестах своих граждан западные державы, как правило, выражали протесты не СССР, а НТС, использующему в своих целях их подданных. Становились членами Союза и советские граждане. Иногда - "самоприемом", иногда - устанавливая связь с эмигрантами из-за рубежа. Порой тоже попадали за решетку за антисоветскую деятельность. В 1960 г. арестовали ленинградского студента А. Черепнева, в 1963 г. за распространение листовок в Куйбышеве посадили А. Голика. Членом НТС являлся писатель Ю.

Галансков он выпускал самиздатовский журнал "Феникс", был одним из организатором ежегодных диссидентских демонстраций на Пушкинской площади, которые с 1965 г. проходили каждое 5 декабря ("День Конституции" - еще сталинской). В 1967 г. он был арестован, и так называемый "процесс Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой" стал еще одним громким делом, вызвавшим сильный резонанс в среде интеллигенции и за рубежом.

Причем интересно, что не зная о принадлежности Галанскова и Добровольского к НТС, КГБ попытался использовать суд для очередной провокации против этой организации. Поскольку прежние приемы дискредитации НТС и обвинения в связях с гестапо провалились, теперь чекисты поступили более тонко и решили показать, что Союз связан... с самим КГБ. Как раз в период подготовки процесса в СССР прибыл очередной курьер НТС, венесуэльский гражданин Брокс-Соколов. Он должен был посетить другого члена организации, Э. Гуреева, но тот был уже арестован, и Брокс-Соколов тоже попался. Его обработали, пригрозили большим сроком, и он согласился сотрудничать с чекистами - дал показания, будто обвинительный материал против подсудимых по делу Галанскова (которых он и не знал), исходил от него. Потом это стало основой для целенаправленного распространения слухов об опасности связей с НТС, который якобы работает на КГБ. Подобные слухи запускались с тех пор неоднократно, в том числе и в западную прессу, и в 1983 г. НТС снова вынужден был обратиться к судебной защите - верховный суд земли Гессен признал такие измышления клеветой и запретил их распространение в печати. Что касается Ю. Галанскова, то он на свободу не вышел, и в 1972 г. умер в тюрьме. Еще одной жертвой борьбы стал член НТС историк Б. Евдокимов. Он арестовывался четырежды, в

последний раз - в 1971 г., и отсидев семь лет, скончался вскоре после освобождения.

Против инакомыслия и свободомыслия коммунистические власти предпринимали самые широкомасштабные меры. Тем более что даже политика Хрущева была воспринята ортодоксами как непростительное послабление, и после его снятия последовали попытки "контрнаступления" - или по крайней мере, остановки начавшихся процессов духовного освобождения. Пленум ЦК КПСС 1964 г. принял постановление об усилении партийного контроля во всех звеньях государственных структур и жизненных сферах. Состоявшийся в 1966 г. XXIII съезд партии потребовал "давать решительный отпор вылазкам фальсификаторов истории" - а в качестве примера такой "фальсификации" приводился "Один день Ивана Денисовича" Солженицына. В литературе и искусстве стала внедряться система госзаказов - то есть создания книг и кинофильмов в виде эдаких "изложений на заданную тему", а то и по спущенным сверху сюжетам, в многократно согласованных и заранее оговоренных формах.

В 1967 г. на пост председателя КГБ назначили Ю. В. Андропова, известного своей "жесткой рукой" и выдвинувшегося благодаря активному участию в подавлении Венгерской революции. Одновременно было создано 5-е управление КГБ, специально нацеленное на борьбу с диссидентами и начавшее внедрять свою агентуру в общественные, молодежные, религиозные, научные организации. В этом же году в ходе торжеств по поводу 50-летия Октября Брежнев выдвинул тезис "обострения идеологической борьбы в современных условиях".

В 1969 г. вышло постановление ЦК "О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, кинематографии, учреждений культуры и искусства за

идеологический уровень публикуемых материалов и произведений". На практике, этим постановлением ужесточалась и без того действующая партийная цензура.

И тем не менее оппозиционные движения множились и ширились. Многие сторонники демократических реформ и борьбы за права человека группировались вокруг академика Сахарова. Правда, он всегда выступал противником какой бы то ни было "организации" и сам никогда не входил по принципиальным соображениям ни в какие организованные структуры, но служил как бы знаменем и центром кристаллизации для различных инакомыслящих. Этот круг борцов уже и после ареста Галанскова с соратниками, вплоть до середины 70-х продолжал традицию ежегодных демонстраций на Пушкинской площади 5 декабря. Власти к ним заранее готовились, разгоняли, пускали поливальные и снегоуборочные машины, рядом включались отбойные молотки, чтобы заглушить ораторов и не давать собираться слушателям. А демонстрации продолжались - до тех пор, пока их организаторы оставались в Москве и на свободе.

В августе 1968 г. восемь человек - Н. Горбачевская, Л. Богораз, В. Делоне, В. Дремлюга, П. Литвинов, К. Бабицкий, В. Файнберг на Красной площади устроили у Лобного места демонстрацию против советского вторжения в Чехословакию. Едва развернув транспарант "За нашу и вашу свободу", они были окружены агентами КГБ, избиты и арестованы. В том же году начала выходить подпольная "Хроника текущих событий" о нарушениях прав человека в СССР. Инициаторами и организаторами этой акции стали Т. Ходорович, С. Ковалев, Т. Великанова. "Хроника текущих событий" создала свою хорошо законспирированную систему информаторов и

распространителей. К ней примыкали и другие известные диссиденты - группа В. Буковского и С. Глузмана, пересылавшая за рубеж информацию на ту же тему, группа П. Якира и В. Красина. И продержалась "Хроника" довольно долго - она была разгромлена в 1974 г. С. Ковалев за ее редактирование был осужден по статье "антисоветская агитация и пропаганда". В 1969 г. было провозглашено создание первой в Советском Союзе открытой оппозиционной организации "Инициативной группы защиты прав человека в СССР", в создании которой участвовали Н. Горбаневская, Ю. Орлов, С. Ковалев, В. Буковский, Л. Плющ, П. Якир и др.

Появлялись в народе и бунтари-одиночки, пытавшиеся использовать террористические методы. Так, в 1970 г. в Архангельске во время праздничной демонстрации неизвестный человек ворвался на трибуну с областным руководством и открыл огонь из автомата. Несколько человек было убито, многие ранены. 1. 9. 73 г. бывший заключенный, отсидевший 10 лет, осуществил "покушение на Ленина". Спрятал под одеждой взрывное устройство и привел его в действие в мавзолее. Самого его разнесло на части, погибла супружеская чета из Астрахани, были ранены четверо школьников, контужены солдаты почетного караула - а тело Ильича оказалось защищено достаточно надежно и не пострадало (или потом восстановили, подреставрировали, воском подлепили, как части, сгнившие ранее). Мотивы "камикадзе" так и остались тайной - то ли действительно был не в себе, то ли настолько фанатично уверовал, что все беды России - от трупa Ленина? Фамилий обоих террористов автору до настоящего времени найти не удалось.

Антиправительственные настроения стали проникать и в армию. 22. 1. 69 г. младший лейтенант Виктор Ильин осуществил покушение на Брежнева. Во время дежурства похитил два пистолета, приехал в

Москву, воспользовался милицейской формой родственника и затесался в оцепление во время встречи космонавтов. И у Боровицких ворот расстрелял две обоймы в лобовое стекло машины, где, по его мнению, должен был находиться генсек. Но машина Брежнева поехала через другие ворота, и от пуль погиб лишь водитель, старший сержант Жарков. Впоследствии выяснилось, что Ильин и раньше позволял себе независимые высказывания - говорил, что комсомол изжил себя, осуждал ввод войск в Чехословакию, критически относился к монополии одной партии. Два его сослуживца, младшие лейтенанты А. Степанов и А. Васильев получили по 5 лет за недоносительство, а самого Ильина быстренько объявили сумасшедшим и отправили в дурдом. Но и в 1977 г., в период "всенародного обсуждения" новой конституции, он прислал из Казанской психушки свою демонстративную "поправку": "Каждый член общества имеет право на террористический акт в случае, если партия и правительство ведут политику, не соответствующую Конституции". (Был освобожден от принудительного лечения Военной коллегией Верховного Суда в 1990 г. и получил вторую группу инвалидности).

В том же 1969 г. был раскрыт и разгромлен "Союз борьбы за демократические права", созданный офицерами Балтфлота. Один за другим следовали перелеты за рубеж советских пилотов. А в 1975 г., тоже на Балтфлоте, произошло восстание на большом противолодочном корабле "Сторожевой", которое организовал и возглавил замполит, капитан 3 ранга В. Саблин. Он и прежде был настроен оппозиционно, писал статьи в газеты, считая, что можно и нужно улучшить жизнь людей путем "исправления" коммунистического общества. Но, убедившись в тщетности таких усилий, пришел к выводу, что

необходимы радикальные действия. Арестовал командира корабля и повел "Сторожевой" в нейтральные воды, чтобы оттуда по радио обратиться к стране с революционным воззванием против "стальной государственной машины". И весь экипаж его поддержал! Но в воздух были подняты самолеты, под угрозой потопления "Сторожевой" был остановлен, а Саблина отдали под трибунал и расстреляли.

Возникали и национальные организации - им было даже проще объединяться по этническому и языковому признаку, определить какие-то общие цели, обрести поддержку среди соплеменников. Хотя эти цели, принципы, формы работы и количественный охват были совершенно разными. Одни, боролись против ущемления своих законных прав - например, возникшие еще в 60-х массовые движения крымских татар и турок-месхетинцев, которые после сталинских депортаций были, вроде бы, официально "реабилитированы", но вернуться на родину им так и не позволяли. Создавались и организации сепаратистского толка - скажем, арестованный в 1973 г. в Ивано-Франковске "Союз украинской молодежи Галиции". Возникали и движения за большую национальную и культурную автономию - так, в 1978 г. в Грузии прошли демонстрации в несколько сот человек под лозунгами защиты родного языка и культуры.

И уж конечно, еще более четкие принципы объединяли людей в религиозные организации - борьба за право сохранять свою веру, право ее исповедовать, право совершать необходимые обряды. Но и это в советских условиях становилось вопросом политическим - то и дело прокатывались кампании преследований, шли аресты, суды. Баптистский "совет родственников узников" еще с 1961 г. начал издавать рукописные ведомости обо всех преследованиях властей с поименными перечнями осужденных. Тот же

пресвитер пятидесятников Федотов, который сидел при Хрущеве, после "показательного" процесса получил новый срок при Брежневe. Адвентисты Седьмого Дня создали подпольную типографию для изготовления религиозной литературы, где издавали и материалы о гонениях на верующих. Она была разгромлена в конце 70-х, а руководитель адвентистов В. Шелков попал за решетку и погиб в лагере под Якутском. Поскольку деятельность Московской Патриархии проходила под жестким контролем КГБ, православным священникам было труднее включаться в борьбу за свободу совести, но позже и они стали создавать оппозиционные религиозные организации - например, Христианский комитет защиты прав верующих.

С 1966 г. к особо заметным инакомыслящим стали применять такую меру, как лишение гражданства и высылка за границу. А в начале 70-х в связи во взятым курсом на "разрядку" коммунистические власти разрешили эмигрировать части евреев. Иногда стал практиковаться и обмен политзаключенных. Так, осужденного диссидента В. Буковского обменяли в 1976 г. на генсека компартии Чили Луиса Корвалана. Э. Кузнецова и М. Дымшица, арестованных в 1970 г. в Ленинграде и приговоренных к смертной казни с заменой на 15 лет (им лепили терроризм), обменяли потом на пойманных американских шпионов. И за рубежом начала складываться так называемая "третья эмиграция", пополнявшаяся и за счет выезжающих легально, и за счет изгнанников, и за счет перебежчиков и невозвращенцев, количество которых быстро стало расти. В 70-х - начале 80-х различными путями оказались за рубежом многие видные деятели культуры. И. Бродский, высланный в 1972 г., А. Солженицын, арестованный и изгнанный в 1974 г., В. Аксенов, В. Максимов, В. Некрасов, В. Войнович, А. Тарковский, Ю. Любимов, М. Ростропович, Г.

Вишневская. А. Галич и др. Но выехать позволяли далеко не всем желающим. Испугавшись масштабов хлынувшего потока, правительство вскоре принялось ставить всевозможные препоны и задвигать все заслонки. И появлялись новые течения оппозиции - евреи-отказники, немцы-отказники, группы артистов-отказников и литераторов-отказников...

Что касается "правозащитного движения", то в различных источниках оно освещается неоднозначно. Иногда идет отождествление "правозащитников" и "диссидентов", хотя, строго говоря, первое понятие гораздо уже. "Правозащитность" подразумевает борьбу не за изменение образа правления, а лишь за те права, которые не выходят за рамки существующей юридической базы. То есть в условиях СССР - советской юридической базы, борьбу против нарушения коммунистическими властями собственных законов. Но поскольку многие из этих законов имели чисто декларативный характер и писались только в пропагандистских целях - вроде провозглашения тех или иных демократических свобод - то их выполнение вступало в противоречие с самой сутью советского режима, и правозащитная борьба тоже оказывалась "антисоветской". Из-за этой путаницы и начало ее датируют по-разному. Иногда - началом 60-х годов, относя к правозащитной деятельности П. Григоренко, А. Солженицына и др. Иногда - серединой 60-х, образованием круга соратников Сахарова. Иногда - концом 60-х, созданием "Хроники текущих событий" и "Инициативной группы защиты прав человека в СССР".

В 1973 г. Ю. Орлов, В. Турчин, А. Твердохлебов, А. Брыксина решили создать в СССР филиал всемирной общественной организации "Международная Амнистия", занимающейся помощью политзаключенным - предполагалось, что если одновременно заступаться и за коммунистов, арестованных где-нибудь в Латинской

Америке, и за диссидентов в Советском Союзе, то таким "хитрым" путем можно будет хоть чего-нибудь добиться. Но кстати, руководство "Международной Амнистии" встретило инициативу советских правозащитников довольно прохладно, указывая, что существование такой организации в СССР с точки зрения коммунистического права будет "незаконным" - и лишь с большим скрипом согласилось зарегистрировать ее на правах "группы".

Изменилась ситуация только в 1975 г. после Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Здесь Советский Союз и западные державы совершили торг, который каждая сторона считала в тот момент для себя выгодным. Москва пошла на уступки, согласившись на включение в текст итоговых соглашений пунктов о соблюдении "Декларации прав человека" обязавшись таким образом соблюдать их в своем государстве и странах социалистического лагеря. А Запад щедро расплатился за это, признав нерушимость послевоенных границ - то есть, обещая не посягать на власть коммунистов над восточноевропейскими государствами, окончательно отдав им Восточную Германию и согласившись с существованием "берлинской стены".

Эти соглашения и создали ту самую "юридическую базу", на которую вполне "законно" могли опираться теперь правозащитники. В 1976 г. в Москве была создана "Группа содействия выполнения Хельсинкских соглашений в СССР", организованная Ю. Орловым, А. Щаранским, А. Амальриком, А. Гинзбургом. Было составлено обращение, переданное на Запад, с предложением создать в разных странах "общественные комиссии по проверке Хельсинкских соглашений". Разумеется, опять пытались наивно хитрить - если создавать в разных странах, то авось и советское руководство вынуждено будет с этим

смириться. Хотя конечно, подразумевалось, что такая проверка требуется только в одной стране. Каждые две недели "Группа содействия выполнения Хельсинкских соглашений" выпускала большие "Информационные документы", куда собирались тематические подборки фактов о нарушениях прав человека в той или иной сфере. Аналогичные организации начали создаваться и в других местах Украинская, Литовская, Грузинская, Армянская, Московская Хельсинкские группы. В тесном контакте с ними действовал Российский фонд помощи политзаключенным, который возглавлял А. Гинзбург - за рубежом средства для этого фонда собирал А. Солженицын.

Но уже вскоре такому "свободомыслию" пришел конец. Поднятую на Западе кампанию насчет прав человека в СССР брежневское руководство расценило как "вмешательство во внутренние дела" и предприняло жесткие ответные меры. А потом стороны сцепились по вопросу размещения в Европе ракет среднего радиуса действия, разрядка быстро покатила к закату, и внутри страны тоже пошло закручивание гаек. В конце 1976 г. на всевозможные Хельсинкские группы обрушились удары. Пошли налеты с обысками у активистов. Была арестована Украинская группа - М. Руденко, О. Бердник, О. Тихий, умерший потом в тюрьме. А затем пришел и черед остальных. За решетку попали все, кто "мозолил глаза" властям - Ю. Орлов, А. Гинзбург, А. Щаранский, З. Гамсахурдиа, М. Костава, священник Дудко, писателя А. Марченко посадили в пятый раз - причем на 15 лет.

Похоже, "вольнодумство" было решено искоренить раз и навсегда. В 1977 г. была принята новая конституция СССР, в которой КПСС объявлялась "ядром политической системы" страны, что фактически перечеркивало любые продекларированные свободы и любые попытки толкования советских законов в

демократическую сторону. Одних "неблагонадежных" выдворяли за границу, других просто ссылали, как Сахарова, чтобы и скандала не поднимать, и убрать с глаз долой, третьих сажали, зачастую стараясь подогнать под статью покруче - например, А. Щаранского обвинили в шпионаже и вlepили 13 лет. Но порой обходились и безо всяких статей, безо всяких законов. Так, на Украине в 70-х годах, в бытность там начальником КГБ В. В. Федорчука, прокатилась целая серия политических убийств. При загадочных обстоятельствах были убиты вступившие в конфликты с властями художники А. Горская, Р. Палецкий, В. Кондрашин, священники о. Горгула и О. Е. Котик, композитор В. Ивасюк. Были убийства и в Москве - жена невозвращенца А. Шевченко, друг Сахарова К. Богатырев. В тюрьме был убит писатель и режиссер Г. Снегирев.

А раздавить сопротивление все равно не удавалось, и порой сами репрессии порождали новую борьбу. Скажем, появились люди, протестующие против "психиатрических методов", применяемых против диссидентов - и соответственно, сами становились диссидентами: В. Бахтин, А. Лавут, Н. Гривнина, Л. Терновский, Ф. Серебров, А. Корягин. Медбрат А. Подрабинек написал и попытался распространять книгу "Карательная медицина", а когда был арестован, бросил вызов судьям, демонстративно игнорируя устроенный над ним процесс. Начиная с 1976 г. в годовщину Хельсинкских соглашений в тюрьмах и лагерях стали проходить забастовки и голодовки политических. В 1981 г. восстали заключенные Черняховской "спецпсихушки", захватив заложников и протестуя против насильственного "лечения" препаратами, убивающими разум и волю. Бунт продолжался 4 дня и был жестоко подавлен. Оказалось невозможно сломить и религиозные устои. В 1980 г. на процессе над о.

Глебом Якуниным по делу о Христианском комитете защиты прав верующих, в последнем слове подсудимый сказал: "Благодарю Бога за ту судьбу, которую Он мне подарил".

А места оказавшихся за решеткой занимали другие. Так, после разгрома и арестов Хельсинкской группы начал работать новый ее состав - Т. Осипова, В. Некипелов, С. Пеликанов, Ю. Ярым-Агаев и др. В 1982 г. в Куйбышеве была раскрыта крупная подпольная организация "марксистского", т. е. социал-демократического толка, которая ставила своей целью создание независимой партии, подготовку революции и свержение правящего режима.

Активизировалась в России и деятельность НТС. Причем в период кажущегося политического потепления и хельсинкской эйфории Союз наоборот, начал отстраиваться от широко развернувшихся движений правозащитного характера, и от тактики "широкого фронта" переходить к целенаправленной политической борьбе. Чем, кстати, вызвал на себя нападки западных общественных кругов, поскольку, по их глубокому убеждению, борьбу за демократизацию допустимо было вести только в "законных" рамках, "демократическими", а не "экстремистскими" методами. НТС обвиняли во "вмешательстве во внутренние дела других стран" (чуть ли не дословно поддерживая доводы Брежнева и Андропова), в попытках испортить так хорошо налаживаемые международные отношения. Усилия Союза в данный период сосредоточились на создании политической подпольной организации в СССР. Были и провалы - в 1976 г. взяли А. Пейпе, в 1982 г. - В. Сендерова и Р. Евдокимова. Но с 1976 г. численность членов НТС в России стала постепенно возрастать, возникали новые группы и структуры. Расширялось и распространение литературы среди советских граждан за рубежом. Если в 1968-78 гг. среди

них разошлось 230 тыс. газет, листовок, журналов, то в 1978-88 гг. - 560 тыс. Антисоветская борьба не только продолжалась, но и ширилась.

32. Диссидентство и Россия

Пожалуй, тут надо несколько отвлечься и еще раз напомнить, что судить о развитии антисоветской оппозиции в СССР только на основе цепочки фактов, приведенной в предшествующей главе (или подобных ей, приводимых в других исследованиях), было бы не совсем корректно. Например, рассматривая диссидентство 60-80-х гг., мы можем назвать десятки, в лучшем случае - пару сотен фамилий. Потому что в условиях советского сокрытия сведений, становились известными лишь единицы - обычно те, чьи имена всплывали в западных средствах массовой информации. Но Западу в его целях и требовались только единицы: по психологии американского и европейского обывателя, по отработанным методикам "делания звезд" - точно так же, как в шоу-бизнесе пропагандистские кампании было удобнее раздувать вокруг отдельных фигур и отдельных судебных процессов. Не рассеивать внимание публики на множестве примеров, а фокусировать на конкретных героях, формируя их яркие образы и привлекая к ним внимание "фэнов" и "болельщиков", включающихся в игру.

Разумеется, стать такой "звездой" мог далеко не каждый. В первую очередь, требовалось, чтобы о человеке каким-то образом узнали за границей - то есть, чтобы он или его знакомые уже имели там некие связи. Согласитесь, в СССР такое условие относилось далеко не к большинству населения. Во-вторых, для пропагандистской кампании выбирались тоже не все подряд, а личности сами по себе "заметные", пригодные для создания яркого имиджа. В-третьих, мотивы их преследования должны были вызывать заведомое

сочувствие в глазах западной общественности. Скажем, инакомыслящий литератор мог вызвать симпатии публики, а вот офицер, стреляющий в Брежнева - ни в коем случае. В-четвертых, и направление инакомыслия должно было соответствовать общей политике Запада и его пропагандистской стратегии на данный момент. Поэтому в одних случаях было выгодно поддержать советских пацифистов, в других - борцов за права человека, в третьих - отказников, стремящихся эмигрировать. А коммунистических идеологов и КГБ такой подход западных держав вполне устраивал. Поскольку позволял поддерживать представление о "жалкой кучке" диссидентов, которых можно по пальцам пересчитать. И к тому же, изображать дело так, будто инакомыслие относится лишь к кругам творческой или научной "элиты" - то бишь является порождением "зажравшегося" высшего общества, оторвавшегося от народных масс и ничего общего с ними не имеющего.

Кстати, и самим американцам особенности их пропагандистских методик позволяли заимствовать данную версию КГБ, когда это считалось выгодным. Если после Хельсинкских соглашений они преподносили своим гражданам красочные картины массовой борьбы за права человека в СССР, то вскоре потребовались другие оценки. Последовало охлаждение отношений, Афганская война, и политика Белого Дома, направляемая столь яркими русофобами как З. Бжезинский и Р. Пайпс, приобрела не то что антисоветский, а четко выраженный антирусский характер. Но западные технологии заштамповывания мозгов не приемлют полутон, и для создания полноценного образа врага "русских", следовало исключить какие-либо поводы для симпатий ко всему народу. Поэтому была тут же подхвачена советская официальная установка о мизерном количестве

диссидентов, являющихся среди русских уникальным исключением из правила. Да и вообще, в данный период американцы стали выдвигать на первый план инакомыслящих других национальностей - евреев, прибалтов, кавказцев, даже украинцев, чью борьбу можно было бы трактовать как борьбу "против русских".

Но факты показывают, что теории о "жалкой кучке", порой до сих пор бытующие в литературе, не имеют под собой никакой основы. Просто освещенной оказалась лишь ничтожная часть целого. Например, мы знаем одного Солженицына, а он в предисловии к "Архипелагу" указывает, что в сборе и подготовке материала для книги ему помогали 227 человек. А сколько было тех, кто в период гонений на писателя с 1965 по 1974 гг. прятали у себя его рукописи и архивы, розданные по частям? Были те, на чьих квартирах и дачах он скрывался и дописывал книгу, переезжая с места на место. Были те, кто помог переправить ее за рубеж и обеспечил публикацию. Была, наконец, пожилая ленинградская машинистка, распечатавшая "Архипелаг" и оставившая себе экземпляр на память. Ее арестовали, и она, измотанная непрерывными допросами, рассказала о тайнике с этим экземпляром. А потом, сочтя, что совершила предательство, повесилась... Мы знаем восемь смельчаков, вышедших в 1968 г. на Красную площадь, протестуя против событий в Чехословакии. Но в это же время надписи на ту же тему появились на стенах академгородка в Новосибирске, и кто их сделал, так и не нашли. Мы знаем имя капитана Саблина, но ведь пошла за ним и вела корабль в нейтральные воды вся команда "Сторожевого". Мы знаем, что существовал фонд помощи политзаключенным, который возглавлял А. Гинзбург - но кроме средств, поступавших из-за рубежа от Солженицына, внутри СССР было собрано в этот фонд 70 тыс. руб. При средней интеллигентской

зарплате в 100-140 руб. можно представить, сколько народу приняло в участие данной акции.

Или возьмем записку КГБ и Генпрокуратуры СССР представленную в ЦК КПСС в ноябре 1972 г.: "В соответствии с указаниями ЦК КПСС органы Комитета государственной безопасности ведут большую профилактическую работу по предупреждению преступлений, пресечению попыток ведения организованной подрывной деятельности националистических, ревизионистских и других антисоветских элементов, а также локализации возникающих в ряде мест группирований политически вредного характера. За последние 5 лет выявлено 3096 таких группирований, профилактировано 13 602 человека, входящих в их состав... Подобные группы были вскрыты в Москве, Свердловске, Туле, Владимире, Омске, Казани, Тюмени, на Украине, в Латвии, Литве, Эстонии, Белоруссии, Молдавии, Казахстане и других местах".

Отметим - тринадцать тысяч шестьсот два, это только выявленных и выловленных. И только за пять лет, 1968-72 гг., когда, например, политическая активизация, связанная с хельсинкскими процессами, еще и не начиналась.

А вот маленький пример из другой области - отложившийся в моей собственной памяти в начале 70-х. В нашей школе под Минском один старшеклассник отсидел небольшой срок за хулиганство - и будучи уже совершеннолетним, во "взрослой" тюрьме. Разумеется, вышел "героем дня", и мы, пацаны, ему в рот ему заглядывали. А рассказывал он и о "политических", которых там сидело довольно много. Причем говорил с завистью - дескать, так, как они сидят, чего бы не сидеть? На работы не гоняют, позволяют книги читать и выйти имеют возможность в любой момент. Потому что держали их в тюрьме без суда, и вообще без

определенных сроков. Предлагая выпустить, если те подпишут покаянное отречение от своих взглядов. А они вот не подписывали... Кто были те "политические", по какому делу они сидели неизвестно.

Когда правозащитника Ю. Орлова в 1978 г. отправляли в лагерь, его везли в вагоне, набитом политическими. И они, узнав, что с ними едет "соратник Сахарова", кричали: "Напиши о нас книгу!". Он лишь упомянул данный факт в своей книге - это были какие-то "другие" политические, не имеющие отношения к правозащитному движению, и его, похоже, не очень интересовавшие. Из случайного упоминания в его же мемуарах (негативного) мы узнаем о разгромленном "марксистском" подполье в Куйбышеве - но сколько их было, никем не упомянутых, не замеченных, оставивших о себе документальный след только в судебных и следственных делах? В передаче из лагерей работ того же Орлова, Марченко и других диссидентов участвовали сотни посторонних лиц - чтобы не попасться при обысках, ее осуществляли по цепочкам, небольшими порциями, с использованием разных хитростей. Каждый из этих сотен добровольных помощников рисковал собственной свободой. И их имена тоже остались "за кадром" истории.

Если при Хрущеве политзаключенные были сосредоточены в отдельном Дуброваге, то в 70-х и 80-х существовала уже снова целая сеть лагерей для них - Мордовские, Пермские, Якутские и др. Не считая обычных тюрем и лагерей, куда их тоже сажали. Следовательно, было кого в них содержать. Для "жалкой кучки", пожалуй, многовато будет. В начале 60,-х в СССР имелось две "спецпсихушки" для диссидентов, а к началу 80-х их стало уже более тридцати. Следовательно, было для кого их строить. Причем, и в "спецпсихушки" помещали только самых заметных "политиков", а тех, кто попроще, так сказать,

местного ранга, и в обычные психиатрические лечебницы запикивали. Так что общие масштабы сопротивления коммунистическому режиму в России оказываются куда солиднее общепринятых поверхностных представлений.

Существует еще целый ряд аспектов, мешающих представить объективную картину политического сопротивления в данный период. Так, под понятиями "диссидентов" и "правозащитников" оказались свалены в одну кучу совершенно разные личности, группировки, течения. Ведь и в самом деле, для КГБ все они являлись примерно одинаковыми противниками, а для Запада различались только по возможности их использования в пропагандистских играх. Поэтому в одном ряду, в одних и тех же перечислениях, оказались, например, гуманист академик Сахаров и националист Звиад Гамсахурдиа. Который тоже фигурировал в числе известных правозащитников, поскольку боролся за законное право своего народа на самоопределение, сотрудничал с Хельсинкскими группами, несколько раз сидел - но придя к власти в Грузии в 1991 г., установил там режим похуже коммунистического, начав с террора и политических убийств конкурентов и гонений на национальные меньшинства республики - осетин, абхазцев, аджарцев.

Или возьмем такой пример - А. Щаранский, еврей-отказник, вступив по данному поводу в конфликт с властями, затем стал одним из активистов более широкой борьбы против нарушений в СССР прав человека. Но в это же время многие другие отказники, тоже подвергавшиеся преследованиям, тоже порой попадавшие за решетку и числившиеся в правозащитниках, боролись за одно-единственное право - эмигрировать самим, а уж что будет дальше твориться в СССР, их не особо и волновало. А были в ряду "инакомыслящих" и несколько "легальных

диссидентов", которым позволяли говорить все, что вздумается, иногда деликатно "поправляли", но никогда не арестовывали. Держали специально напоказ для иностранцев, желающих познакомиться с "настоящими диссидентами", чтобы продемонстрировать им, что гражданские свободы у нас соблюдаются, а сажают только тех, кто действительно в чем-то провинился.

Стоит отметить еще одну важную особенность внутрисоветской оппозиции 60-х -80-х гг. Если судить о ней только по известным проявлениям, то на первом плане оказывается правозащитное движение. Потому что оно постоянно находилось на виду, пыталось вести свою деятельность в открытую, поддерживалось Западом и, соответственно, освещалось средствами массовой информации, как за рубежом, так и в трансляциях на Советский Союз. Но как раз это движение в политическом плане было самым ограниченным, противоречивым и непоследовательным. Правозащитники при создании своих организаций неизменно подчеркивали, что отнюдь не ставят целью свержение коммунистического режима, а действуют строго в рамках советских законов. Будучи "политическими", они сами же всячески старались отстроиться от "политики". Честные люди, в значительной доле - искренние идеалисты, готовые жертвовать собой ради своих убеждений и невинно страдать ради помощи невинно пострадавшим, они сами запутывались в собственных самоограничениях и наивных комплексах.

Как следует из их собственных воспоминаний, никто из них не представлял и не выдвигал какой-либо программы целенаправленных действий. Если одна часть, представленная Ю. Орловым, считала, что благодаря их деятельности (и под влиянием инициированной ими международной реакции)

возможны некоторые "реформы сверху" по смягчению советского строя - они даже писали соответствующие обращения к Брежневу, - то большинство правозащитников в вероятность каких-либо прогрессивных преобразований в СССР вообще не верило, и придавало своей борьбе сугубо частный характер. И велась она в сугубо пассивных формах. Такие столпы правозащитного движения как Сахаров и Турчин выступали даже принципиальными противниками забастовок - поскольку они, мол, наносят ущерб экономике. Тот же Сахаров ограничивал свою деятельность узким кругом знакомых, избегал контактов с "людьми из народа", и уже незадолго до смерти признавался, что просто не представлял, как и о чем он смог бы говорить в выступлении перед рабочими.

Создаваемые правозащитные структуры, вроде "Международной Амнистии" и Хельсинкских групп, соглашались брать под опеку лишь тех политзаключенных, которые "не призывали к насилию". То есть, только пассивные инакомыслящие или пострадавшие по какому-нибудь недоразумению получали право на их моральную и юридическую поддержку, на материальную помощь из курируемых ими фондов, только они имели возможность попасть в составляемые и пересылаемые на Запад материалы о нарушениях прав человека. А те, кто действительно оказывались непримиримыми врагами коммунистического режима и в качестве своей цели выдвигали его свержение, для правозащитников как бы и не существовали. Это не говоря уж о власовцах с бандеровцами, которые продолжали свои бесконечные мытарства по лагерям - такие старики сидели, например, в одной зоне с Орловым, но их вообще не считали "политическими"! Для правозащитников они были "военными преступниками", а стало быть,

находились в заключении вполне "законно" и "правильно".

Со скрипом, с рядом оговорок поддерживались националистические организации, поскольку формально право наций на самоопределение содержалось в советской конституции, и их борьба каким-то боком подходила под разряд законной (если, опять же, не призывала к революциям и народным выступлениям, а велась в умеренных рамках). Но за русским народом такое же право почему-то в упор не признавалось, и от любых проявлений русского национализма правозащитники отмахивались и открещивались как от "черносотенства", связывая его не иначе как с "провокациями КГБ".

Категорически отрицались подпольные методы борьбы - ведь они сами по себе были "незаконными", а правозащитники демонстративно подчеркивали "легальность" своей деятельности. И порой это приводило к совершенно уродливым явлениям. Скажем, когда руководителя Хельсинкской группы Орлова уже обложили со всех сторон, и он вынужден был скрываться от ареста, то "сдали" его... собственные соратники. Встретившись с ним, обсудили ситуацию и глубокомысленно пришли к выводу, что негоже, дескать, их лидеру прятаться и жить на нелегальном положении, поскольку весь смысл правозащитной деятельности - в ее открытости и строгом соблюдении законов. А стало быть, ему нужно самому идти и "садиться". Он и сел. На семь лет лагерей плюс пять ссылки, едва не поплатившись жизнью. А пока сидел, один из ближайших соратников у него вдобавок и жену увел...

Или взять случай с капитаном КГБ Ореховым. Он получил задание от начальства контролировать и обрабатывать диссидента Морозова. Но сам искренне сочувствовал инакомыслящим, и начал помогать им -

пытался предупредить о готовящихся арестах и обысках членов Хельсинкской группы, друзей Сахарова. Но натолкнулся на полнейшее непонимание. Сама идея поддерживать тайные контакты с чекистским офицером, получать от него какую-то конфиденциальную информацию, показалась в этих кругах просто бредовой - потому что тоже относилась к "нелегальной" области. И мотивы Орехова, решившего вести двойную игру, выглядели для них чуждыми и непонятными, все его предупреждения неизменно, а то и подчеркнуто игнорировались, его воспринимали не иначе как "provokatora". И заложили его сами же правозащитники - пренебрежительно, между делом. Всего лишь желая поиздеваться над КГБ, выдали "их капитана", который, мол, зря старается обмануть. Орехов был арестован в 1978 г. и получил 8 лет, которые отсидел от звонка до звонка. Вот вам и борцы за свободу... Однако существует еще один немаловажный аспект, наложивший серьезный отпечаток на судьбы и сущность советского диссидентства. Поскольку собственные силы каждой личности, группы, движения были ничтожны по сравнению с мощью тоталитарной системы, в оппозиции начала проявляться все более выраженная ориентация на Запад. И это казалось вполне естественным. В двухполярном мире демократический Запад выступал объективным противовесом коммунизму, то есть союзником. И если из-за рубежа многие процессы в СССР выглядели примитивно и упрощенно, то ведь и с внутренней стороны "железного занавеса" Запад тоже виделся в свете собственных иллюзий и идеализировался как "друг, товарищ и брат", бескорыстный помощник униженных и оскорбленных. И по внешним проявлениям это, как будто бы, подтверждалось. Только за рубежом можно было опубликовать запрещенные произведения, изложить в

прессе смелые мысли, обнародовать разоблачительные материалы, только оттуда можно было получить поддержку общественного мнения. Хотя если разобраться, никаким бескорыстием в данном вопросе и не пахло. В условиях плотного срастания партийной и государственной машин, когда антикоммунистическая борьба одновременно становилась и антигосударственной, западные державы больше интересовал второй аспект.

Прозападные тенденции особенно резко обозначились в правозащитном движении. Тут они вообще стали преобладающими, а то и самодовлеющими. В этих кругах уже вообще не шла речь о том, чтобы развернуть борьбу за свои права в собственном народе, вызвать какой-то протест, организовывать несуществующее общественное мнение - это было бы сверхтрудно. Да и в перспективы такой деятельности, как отмечалось выше, правозащитники не верили, и саму ее принципиально отвергали. Так что для реальной борьбы оставлялся один путь - пожаловаться за рубеж и снабдить иностранную пропаганду уличающими материалами против советской власти. И всевозможные Хельсинкские группы, и многие отдельные энтузиасты данного периода как раз этим и занимались - сбором информации о нарушениях прав человека в СССР (то бишь невыполнении подписанных Брежневым международных соглашений), и пересылкой таких данных за границу. Запад, таким образом, признавался в роли верховного арбитра в вопросах законности и справедливости, единственного заступника и утешителя всех страждущих.

В воспоминаниях видных правозащитников приводятся факты, что и сами они в своем противостоянии с КГБ привыкли надеяться только на зарубежную реакцию. В случае обысков, налетов,

арестов единственным тактическим ходом было: "Собираем пресс-конференцию!" - то бишь следовало пригласить пару иностранных журналистов (надо думать, неплохо кормившихся за счет такого источника) и проинформировать их о случившемся. Поэтому не удивительно, что порой правозащитники начинали осознавать себя некими эмиссарами "западной цивилизации" на советской территории, связывая собственную личность уже не с внутрироссийской системой, а с внешней. Хотя надо отметить, больше в идеале, чем в действительности, поскольку Запад разыгрывал "правозащитную карту" по собственным планам, в собственных интересах, и иногда подставлял этих энтузиастов достаточно бесцеремонно. Например, в конце 1976 г. после избрания президентом Картера, намеревавшегося резко изменить курс в отношениях с СССР, он в нескольких речах разразился бурными славословиями в адрес советских правозащитников, подчеркивая их роль в деле торжества демократии. Пригласил вдруг к себе на прием обменянного политзаключенного В. Буковского, удостоив его долгой беседы. Отбабахал приветственную телеграмму Сахарову. Понятное дело, на коммунистическое руководство такие акции подействовали, как красная тряпка на быка, и как раз после этого были разгромлены и загремели за решетку все Хельсинкские группы. Что дало возможность тому же Картеру с Бжезинским раздуть кампанию в их защиту и возбудить свою общественность против СССР.

В целом же, психология правозащитного движения 60-80-х гг. представляла собой весьма сложное и запутанное явление. В ней присутствовало чисто-русское подвижничество - самоотверженное стремление "пострадать за народ", "пострадать за правду". Присутствовало и обычное российское западничество - "у нас все плохо, у них все хорошо".

Присутствовали и традиции сугубо советские: если что-то не нравится - надо настучать. А в своей стране не нашлось соответствующей инстанции - так настучать за границу. Но присутствовало и нечто болезненное, надломленное, на уровне душевных комплексов. Например, в мемуарах честного и искреннего Ю. Орлова обращает на себя внимание один эпизод: рассказывая о собственном детстве, он вспоминает, как проснулся однажды ночью и увидел свою мать в постели со знакомым посторонним мужчиной. Эпизод ничуть не связан с основной линией повествования, с будущей правозащитной деятельностью автора, он просто психологичен - в рамках своей потребности вывернуть душу наизнанку (кстати, перед американским читателем), он описывает, как был потрясен, какую душевную травму испытал, как болел после этого. Но само наличие в мемуарах такого эпизода представляется в какой-то степени характерным. Допустимость выставить голой собственную мать на всеобщее обозрение - не ради выгод, а из "принципиальности", поскольку это просто сочтено нужным - это в той или иной мере, в прямом или переносном смысле, оказывается приложимо ко всему правозащитному движению.

Ориентация на "заграницу" породила и другие неприглядные феномены. Начавшаяся "третья эмиграция", применение к инакомыслящим высылки за рубеж, открыли возможность встать на путь диссидентства не только из идейных, но и из материальных соображений, в качестве эдакой азартной игры, очень рискованной, с большой опасностью крупно претерпеть, а то и погибнуть, но и сулящей сказочный выигрыш - шанс попасть из обрыдлой нищей действительности в западный "рай", да еще и с готовым "капиталом" - связями, знакомствами, рекомендациями, выгодным имиджем,

который заведомо обеспечит там приличное существование. Не хочу оскорблять таким обвинением все правозащитное движение в целом, поэтому лишний раз подчеркну - относилось это далеко не ко всем. Большинство видных борцов оставались искренними бессребрениками, жили в довольно тяжелых материальных условиях, перебиваясь случайными заработками, а от возможности эмигрировать порой и отказывались, считая, что их место в Советском Союзе, и подчиняясь лишь насильственной высылке. Но увы, хватало и таких, кто постепенно становился обычным наемником, обрабатывающим иностранный заказ, а то и целенаправленно стремился к такой участи в надежде на реальное или потенциальное вознаграждение.

И тут уж, конечно, о какой-либо "борьбе за освобождение России" и вовсе говорить не приходится. Если "первая эмиграция" отождествляла себя с родной страной, если "вторая", у которой национальные и духовные устои были уже расшатанными и искалеченными, старалась отделить себя от России и слиться с иностранцами, то в "третьей", где эти устои подверглись еще большему разрушению, оказалось много таких, кто старался демонстративно противопоставить себя России, как бы реализовать собственный комплекс неполноценности перед Западом, напроць отрешиваясь и отплевываясь от родины и своего народа. Приведем лишь одно красноречивое сравнение. Когда генерал А. И. Деникин в 1945 г. был вынужден вторично эмигрировать из Франции в США, то в условиях казавшегося приближения третьей мировой войны он разработал и направил американскому правительству меморандум "Русский вопрос", где силился доказать, что в случае такого конфликта ни в коем случае нельзя путать и смешивать воедино советскую власть и народ России. И невозвращенец 1937 года А. Г. Бармин, бывший красный

командир и коммунист, т. е. человек уже советской эпохи, тоже, как выяснилось, сумел сохранить в себе любовь к отчизне. В 1948 г., когда с началом холодной войны американская пресса разразилась ожесточенными нападениями против "русских", он опубликовал в "Сатердей ивнинг пост" статью "В защиту русского народа", где всячески старался разъяснить различие между коммунистической властью и ее жертвами, пытался опровергнуть огульную антинациональную клевету.

А вот что писали в американской печати диссиденты конца 70-х В. Соловьев и Е. Клепикова: "Что же касается собственно России, то нынешний режим является созданием русских и отвечает их социальным, политическим, моральным и психологическим нуждам - иначе нам пришлось бы прибегнуть к мистическому объяснению происхождения имперского тоталитаризма, который под разными названиями, сути не меняющими (самодержавие, диктатура пролетариата), с переменным успехом просуществовал на территории России несколько столетий... Империя ставит этот, во многих отношениях отсталый, народ вровень с передовыми, заставляет с ним считаться и дает ему ощущение равенства либо даже превосходства... Другими словами, империя является результатом исторического выбора: между ею и свободой русские выбрали империю... Цепи, которые выковал русский народ - самые надежные, самые совершенные в мире, поэтому и следует их, независимо от того, как они называются - во времена Ивана Грозного "опричниной", а в теперешние "Комитетом Государственной Безопасности" - причислить к великим созданиям русского народа в одном ряду с таблицей Менделеева, "Войной и Миром", "Братьями Карамазовыми", балетом и спутниками".

Или еще одна их же цитата: "... Имперский народ, который за многие столетия полурабского существования привык принимать милосердие за слабость, садизм и варварство за силу, а страх - за уважение. Страдания, выпавшие на долю этого народа, ожесточили его и сделали безжалостным к другим народам; моральные ценности, вдохновляющие западную цивилизацию, ему неинтересны и невняты"

(В. Соловьев, Е. Клепикова, "Юрий Андропов: тайный вход в Кремль", С-Пб, 1995).

Оставим открытым вопросы, какие же "моральные" ценности вдохновляют современную западную цивилизацию - Шекспир или штамповки массовой культуры, и насколько интересны и вняты западной цивилизации моральные ценности, вдохновляющие русских, и отметим лишь, что наверное, в таком же тоне негр, взятый плантатором в дом на роль привилегированной прислуги, выражался бы о других неграх, оставшихся работать на полях. Что же касается диссидентского подвига самих авторов, то это муж и жена, талантливые публицисты и политологи, которые подали заявление на выезд в США и получили отказ. Тогда они объявили себя "первым в СССР независимым информационным агентством "Соловьев-Клепикова-Пресс", связались со знакомыми западными корреспондентами в Москве и стали снабжать их всевозможным "негативом" о советской жизни. Ну их тут же и выдворили за рубеж. Где они, разумеется, появились в ореоле славы "борцов за демократию" и были обеспечены предложениями от крупных изданий и издательств. Вот и начали добросовестно отрабатывать заказы - ведь писалось это в 1983 г., когда между Америкой и СССР шли трения по поводу Афганистана, и спросом пользовались именно такие оценки русских. И добились колоссального успеха, книги их стали

бестселлерами, издаются и распространяются на разных языках миллионными тиражами...

33. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники...

В одном из своих докладов председатель КГБ Ю. В. Андропов говорил о диссидентах: "У этих отщепенцев нет и не может быть никакой опоры внутри страны..." Но вот тут он, пожалуй, выдавал желаемое - для него - за действительное. Потому что и искренние идейные борцы, и те, кого действительно можно причислить к "отщепенцам", были продуктом куда более масштабных внутренних процессов в СССР. Если и образовывалась в политическом море накипь, то возникала-то она на гребне настоящих волн. Да, на гребнях, где в открытую проявлялось инакомыслие, по сути выражавшее общие стремления, но делавшее это более смело и грамотно, чем не раскачавшаяся основная масса людей. И если власть пыталась бороться с "политическими" по методике древнегреческого тирана Периандра - срезая все, что посмело возвыситься над средним уровнем, то ведь и сам этот "средний уровень" неуклонно повышался! И отчаянная борьба одиночек, разъедающая и подтачивавшая монолит системы, была лишь одной из составляющих сил, складывающихся в единый вектор.

Сама жизнь вполне объективными своими факторами начинала работать против коммунистов. Как уже отмечалось, массовый террор потерял всякий практический смысл, когда не осталось людей, помнящих прежнюю Россию, и на смену им пришли новые поколения, с пеленок получавшие вполне социалистическое идеологизированное воспитание. Но у того же процесса имелась обратная сторона. Эти новые поколения не были непосредственно или через дела отцов связаны с "завоеваниями революции" и имели возможность оценивать их более непредвзято и

объективно. И в неистребимых попытках правдоискательства, свойственного молодежи, уходили все дальше от навязываемых им истин. Еще.. Солженицын отмечал, как удивило его послевоенное поколение, встреченное в тюрьмах, насколько более раскрепощенным и развитым оказалось их сознание по сравнению с молодежью 30-х. А следом вступали в жизнь новые и новые поколения - 50-х, 60-х, 70-х, 80-х...

И в этом смысле представления о "хрущевской оттепели" также оказываются мифом. Потому что "официальная оттепель" действительно закончилась со снятием Хрущева - но на самом-то деле ее и не было, "официальной". А реальная духовная "оттепель", проявившаяся в 50-х и к личности Никиты Сергеевича отношения не имеющая, вовсе не прекратилась наоборот, она продолжалась, и чем дальше, тем "теплее".

Пропагандистская штампованная культура ни в коей мере не могла удовлетворить внутренних запросов людей - потому что по сути своей была мертворожденной и искусственной, вынуждена была повторяться и вертеться вокруг одних и тех же избитых тем. А значит, становилась просто скучной. И те, кто жил в это время, наверняка помнят постоянное чувство духовного голода, сопровождавшее всю советскую действительность - погоню за интересными книгами, многочасовые очереди за билетами на интересные фильмы, невозможность попасть на интересные спектакли. Но "интересным" становилось только живое, нестандартное творчество - а оно учило людей думать, и одним этим способствовало раскрепощению сознания. И пусть такое творчество абсолютно не было антикоммунистическим, но оно уже не было и коммунистическим. Не случайно в разряд "крамольных" попадали самые талантливые авторы, актеры, режиссеры, деятели науки и культуры, которые никогда

не считались диссидентами, да и не были ими, но силой своего таланта ломали узкие рамки коммунистического мировоззрения.

Поэтому всю жизнь "зажимали" Высоцкого, Тарковского, Шукшина, Окуджаву, Любимова, Ахмадулину и многих, многих других. С огромным трудом прорывались на сцену пьесы Шварца, да и то не все. В перепечатках и копиях, как "нелегальная" литература, ходили по рукам запрещенные произведения Стругацких, Ефремова - я уж не говорю о тех авторах, кого "официально" числили в неблагонадежных, вроде Войновича, Аксенова, Корнилова, Копелева, Солоухина, Пастернака... В оппозиции оказывались и просто умные, передовые люди, никогда и никем не относимые к "инакомыслящим" - например, П. Капица, И. Тамм, М. Леонтович, В. Катаев, К. Паустовский, К. Чуковский, И. Смоктуновский, подписавшие обращение к XXIII съезду партии с протестом против реабилитации культа Сталина.

Против коммунистической системы играл даже научно-технический прогресс, достижения которого оборачивались новыми видами оружия в борьбе за умы. Появление в продаже транзисторных приемников привело к тому, что любой желающий молодой человек на любой лавочке в сквере смог слушать "вражьи голоса", невзирая на запреты ортодоксальных родителей. А следом грянула "магнитофонная революция", позволившая неподцензурное тиражирование творчества бардов, поэтов, сатириков. Развитие копировальной техники повело к повальному распространению "самиздата", и хотя теоретически эта техника должна была находиться под строгим контролем, но в условиях упомянутого культурного голода и сами контролирующие начальники, такие же совслужащие, как и их подчиненные, рады были

заполучить экземплярчик дефицитной повести или романа. В том же направлении аюкались новшества в культурной сфере. Попытки запретить популярную западную музыку вызывали к ней повышенный интерес, и молодежь слушала ее по своим "спидолам" вперемежку с информационными выпусками "голосов". А попытки сбить этот интерес и пустить его в допустимое русло путем создания собственных "вокально-инструментальных ансамблей" инициировали новые ростки живого творчества и вели к дальнейшему раскрепощению подрастающего поколения.

Разумеется, на полную катушку работали против коммунизма и материальные условия жизни в СССР - нищета, постоянные дефициты и нехватка самого необходимого, хвосты очередей, отвратительное качество продукции. Один раз это можно было свалить на "наследие царизма", другой - на "послевоенную разруху" или ошибки предыдущего руководства. Но царизм и война все дальше уходили в прошлое, вслед за Сталиным приходил Хрущев, за Хрущевым Брежнев, за Брежневым - Андропов, Черненко, Горбачев, и каждый был вынужден снова валить неудачи на предшественников, придумывать все новые и новые "объективные трудности", вроде погодных условий, международного положения или "вторичного эха войны". Поэтому неизбежно теряла доверие вся система в целом. И сами прежние пропагандистские кампании, предназначенные для сиюминутной мобилизации народных масс, вроде призывов догнать и перегнать Америку или обещаний, что "новое поколение людей будет жить при коммунизме", обращались во всеобщее посмешище и били рикошетом по правящему режиму.

В таких условиях объективной антикоммунистической агитацией становились даже безобидные зарубежные комедии и боевики, запускавшиеся в прокат всего лишь ради кассовых

сборов. Да что комедии и боевики, подобную роль начинали играть и вполне прокоммунистические фильмы зарубежных "прогрессивных" режиссеров, поддерживаемых и финансируемых из Москвы. Просто из-за того, что давали наглядный материал для сравнения жизни "у них" и "у нас". А впечатления тех, кому посчастливилось лично побывать за "железным занавесом", расходились в виде устных преданий. И уже каждый, самый забитый и закомплексованный мужик, доподлинно знал, насколько за рубежом живут лучше нашего. Ну а как не вспомнить о такой массовой и поистине народной форме протеста, как политические анекдоты? Возможно, это была и "фига в кармане", но ведь показывал такие фиги почти каждый. А можно ли быть искренним и преданным слугой режима, над которым постоянно смеешься?

А, в конце концов, и сами методики идеологического зомбирования масс тоже оборачивались против своих создателей! В школьных и институтских программах, в книгах и кинофильмах всячески обелялось и фальсифицировалось прошлое, массовыми тиражами создавались идеализированные картины гражданской войны, событий 20-х и 30-х годов, Великой Отечественной... Но чем больше они приукрашивались, тем нагляднее каждый мог видеть, что эти "чистые идеалы" отнюдь не соответствуют окружающей его действительности. И вставал вполне закономерный вопрос - "за что боролись?" Нет, подавляющее большинство населения было совсем еще не против "советской власти", но переставало отождествлять эту утопическую абстракцию с реальной властью в СССР.

Надо вспомнить и тысячи, десятки тысяч одиночек-правдоискателей, тех "смутьянов", которые наверняка запечатлелись в памяти всех современников, потому что существовали они почти в каждом коллективе и были слишком заметны на каждой фабрике, каждом

заводе, в каждом колхозе и НИИ. Они тоже были не против "советской власти" - наоборот, обычно со строгих коммунистических позиций пытались бороться за какие-то частные требования, против несправедливости и произвола на местном уровне. Но по всем коммунистическим канонам, требующим безгласного и слепого подчинения руководству, не., допускающим ни малейшей критики "снизу", они объявлялись именно врагами "советской власти", подвергались травле и гонениям, и нередко в самом деле становились убежденными противниками режима. Да и самими своими мелкими действиями, нежеланием смолчать, примером гражданской позиции, тоже способствовали его расшатыванию.

Или возьмем хотя бы всевозможные течения молодых "неформалов". На Западе они играли лишь роль стихийного протеста юнцов против консерватизма старших поколений, да и советскими сверстниками перенимались безо всякой "политики", в дань моде. Но в условиях СССР они автоматически начинали выражать протест против консервативных порядков всего коммунистического общества, и пусть неосознанно, как дань той же моде, внедряли в ряды молодежи "протестантский" образ мыслей и поведения.

Впрочем, когда речь идет о временах относительно недавних, то, наверное, уже не обязательно выискивать примеры из ранее опубликованных работ, касающихся этого периода или из воспоминаний тех или иных именитых современников. Ведь мы и сами были современниками этих процессов, и наша собственная живая память тоже является источником информации. Поэтому и я позволю себе привести то, что запечатлелось в моей памяти - но вовсе не в качестве иллюстраций какой-либо активной антикоммунистической борьбы, а как раз из-за того, что и сам я, и большинство моих сверстников были от такой

борьбы весьма далеки. А значит и эти примеры можно считать ординарными, дающими какое-то представление об общей "среднестатистической" атмосфере тех лет.

Скажем, в 70-х, когда мне довелось учиться в Московском Инженерно-физическом институте, средние настроения тогдашнего студенчества уже с очень большой натяжкой соответствовали "линии партии и правительства". Хотя подчеркну - никто из нас еще не ставил под сомнение высшую ценность "ленинских идеалов", наоборот, именно себя мы считали "настоящими" комсомольцами, но прилагать эти идеалы к реальной компартии и ее руководящим органам нам казалось просто абсурдным, и отношение к официозной пропаганде и лозунгам бытовало только скептическое.

Правда, случались и в нашем вузе "студенческие волнения" - но сугубо на курьезном уровне. Один раз еще до моего поступления, в 69-м. В мае третьекурсники праздновали "тысячу и одну ночь" пребывания в институте - а тут вдруг погода хорошая выдалась, в соседний магазин пиво завезли, и как-то стихийно к празднеству присоединился весь студгородок, высыпав на лужайку между корпусами общежития. Разошлась толпа, сама себя подзаводя, и решила демонстрацию к институту устроить - в шутку, конечно. Соорудили хоругви из старых штанов, надетых на швабры, изготовили на скорую руку транспарант "Долой сессию!" и двинулись колонной. Да только жители соседних домов уже увидели, что в студгородке нечто "неладное" творится и позвонили куда следует. И квартал был уже оцеплен милицией. Ну что - постояли у оцепления, позубоскалили и разошлись. А на следующий день "вражьи голоса" вдруг передали - мол, студенты "московского ядерного колледжа" протестуют против сессии Верховного Совета. Которая, оказывается, как раз в это время происходила. О чем

участники "демонстрации" и авторы плаката насчет сессии даже и не подумали, а скорее и не знали, так как скучных центральных газет не читали и радиопередач не слушали. Ну а после такого сообщения "голосов", понятное дело, разборка была устроена крутая, десяток "зачинщиков" поотчисляли, а праздник "тысяча и одной ночи" потом 15 лет под запретом пребывал.

Другой случай на моих глазах происходил, в 75-м. Готовились какие-то очередные выборы, и приехал автобус, в котором во время выборов буфет должен был работать. Но поставили его на пустыре, где наши ребята обычно в футбол играли. В следующие выходные вышли энтузиасты мяч погонять - а не получается, автобус мешает. Решили - а что если его откатить? Навалились не выходит, на ручном тормозе стоит. А денек опять хороший выдался, все общежитие в окнах торчало за неимением телевизоров. Увидели, как свои мужики надрываются - надо помочь. И безо всякого зова вмиг толпа набежала, человек двести. И уже другая идея массой овладела: раз он, такой-сякой, не откатывается, давайте его кантовать. Облепили, как муравьи, и на бок повалили. А потом и вверх колесами. Тут из соседних домов снова настучали, и примчалась "волга" с двумя милиционерами. Один выскочил с мегафоном, орет, чтобы расходились. Да народ-то уже разошелся! Разыгрался силушкой богатырской - а давай, мол, и ментовскую машину перевернем? И ее тоже окружили. Водитель, что в ней сидел, газ дал - но поздно уже, "волгу" на руках подняли, и колеса в воздухе крутятся. Правда, нашлись более трезвые головы - уговорили отпустить. Как колеса земли коснулись, машина и унеслась. А тот, что с мегафоном, за ней вприпрыжку побежал под общее улюлюканье. Ну и братва тоже по домам пошла - развлеклись, размялись, дальше скучно стало. А автобус-то был выделен избирательной комиссии! Дело "политикой"

запахло. И оргвыводами соответствующими. Но самые активные участники "беспорядков" вовремя это сообразили и пустили слух, что если последуют репрессии, весь студгородок на выборы не пойдет. И постарались, чтобы через общажных стукачей, которых у нас наперечет знали, эта информация дошла до начальства. Дело и замяли - ведь за такую неявку избирателей и институтское, и районное руководство само со своих мест полетело бы.

В общем, случаи-то комические, но вот думается, что и на этих примерах можно кое-что очень важное отметить. Хотя бы то, что где-нибудь лет на 10-15 пораньше подобные истории были бы просто невозможны. Тогда по самой своей психологии вряд ли кто-то осмелился бы на подобные шуточки. И уж конечно же, одним отчислением "зачинщиков" дело бы не ограничилось, не говоря уж о возможности на тормозах спустить.

Что касается какого-то "молодежного протеста", то мы, помнится, пытались фрондировать в рамках комсомольской организации, играть в самостоятельность вместо формального выполнения вышестоящих директив. И, наверное, точно так же, как в других вузах, осмеивали окружающий бардак в кулуарных разговорах, издевались над партийными вождями и установками. О какой-либо поддержке диссидентов у нас тогда и мысли не возникало, но часто дискутировался вопрос - если они действительно сплошь клеветают и лгут, как это комментировала советская печать, то почему же их работы не опубликуют открыто? Уж, наверное, мол, наши люди не такие дураки, чтобы правду от клеветы не отличить. Политическая литература антисоветского толка к нам не попадала никогда, но запрещенными художественными произведениями, периодически появлявшимися в общежитии, зачитывались, взапой.

Образовывались очереди, вплоть до того, что кому-то заветные ксерокопии доставались на ночь - хочешь прочитать, так читай вместо сна, иначе дальше уйдут.

Выпускались у нас самиздатовские сборники, но опять же не политические, а художественные. А главным способом самовыражения стал тогда наш студенческий театр. И он же явился для моих однокашников первой "политической" школой. Хотя на самом-то деле, там никакой политики и близко не лежало, но мы занимались "правдоискательством" на доступном нам уровне, и естественно, не удовлетворялись предписанными для самодеятельности идеологизированными рамками. Искали что-то свое, живое, для души - по поводу чего и шла постоянная грызня с институтской партийной цензурой, рубившей на корню все, что считала "слишком смелым". После тех или иных наших постановок прокатывались кампании микрорепрессий с выговорами, разносами и запретами. А невозможность добиться справедливости на более высоких уровнях - уровнях комсомольских и партийных райкомов и горкомов, учила нас обобщать свой скромный опыт на более широкие жизненные категории и по-новому воспринимать коммунистическую систему в целом.

Впрочем, и этот пример я привел не в качестве единичного или уникального. Как раз в 70-х приобрело очень широкий размах движение студенческих театров, клубов, всевозможных "юморин", капустников и т. п. Ведь при полной невозможности публикаций в печати самодеятельная сцена была одним из немногих способов донести свои мысли и творческие находки до более-менее широкого круга людей. И все известные мне коллективы прошли через точно такие же проблемы. Потому что те театры, которые уступали идеологическим требованиям руководства и ограничивались рамками официозных "агиток", быстро

распадались, не представляя интереса ни для зрителей, ни для самих участников. Те же, которые цеплялись за право самим выражать свои мысли, касаться животрепещущих нравственных и моральных проблем, часто завоевывали широкую популярность, но неизбежно вступали в конфликты с цензурой и терпели гонения на местном уровне.

Ну а в 80-х я попал в совершенно другую среду, армейскую. И могу засвидетельствовать, что и здесь общие настроения отнюдь не соответствовали передовицам "Правды" или "Красной Звезды". Разумеется, почти все офицеры были партийными - это считалось необходимым условием продвижения по службе. Однако и отбор в партию шел куда менее строгий, чем среди интеллигенции. Да его, собственно, и не было, отбора, для вступления оказывалось достаточно заявления и отсутствия служебных взысканий. И даже заявление писалось вовсе не по внутреннему порыву - немного присмотревшись, не пьет ли человек горькую и не залетает ли слишком круто по "аморалке", подходил секретарь партбюро и говорил: "Пора тебе вступать. Дело, конечно, добровольное, но сам понимаешь..."

Конечно, на собраниях все дисциплинированно голосовали "за". В том случае, если не удавалось с этих собраний улизнуть. Конечно, передирали друг у друга конспекты "классиков" и просиживали штаны на обязательных лекциях и семинарах "политмарксоса". Хотя в мое время даже начальники в разговорах с подчиненными не стеснялись открыто плевать и признавать это пустой тратой времени. Настоящих ортодоксов на всю часть было человека два-три, да и то из старших возрастов, постепенно увольнявшихся в запас. А в основной массе офицерства и к руководству страны, и к коммунистической политике преобладало столь же скептическое отношение, как в средних

интеллигентских кругах. Точно так же хаяли в курилках дефициты и хозяйственные прорехи, травили анекдоты про Леонида Ильича, ехидничали над сомнительными сообщениями прессы, рассуждали о разнице жизни "у них" и "у нас"... И, пожалуй, в военной среде такое отношение к советской системе оказывалось даже более трезвым и последовательным, чем среди сотрудников какого-нибудь НИИ. Потому что в массе интеллигенции еще жили искренние убеждения насчет непогрешимости основ коммунизма, на авторитеты Маркса и Ленина вполне серьезно опирались в частных политических спорах. А у кадровых офицеров усиленный "политмарксос" еще с училища вырабатывал стойкое отвращение к марксизму, и обосновывать его положениями какие-то собственные рассуждения и выводы просто считалось дурным тоном.

А за нашим поколением шли следующие. И когда, сохранив связи с родным институтом, я общался с новыми студентами, то видел, что для них уже и мы выглядели жуткими ретроgrадами. И для них наша "комсомольская фронда" выглядела смешной и наивной. Они гораздо вольнее и самостоятельнее судили обо многих вещах, были заведомо свободны от штампов и комплексов мышления, которые нам удавалось преодолевать лишь постепенно, а порой и болезненно... Словом, под влиянием всех сложившихся вместе факторов менялась сама атмосфера в стране. Менялась неотвратимо и однозначно, несмотря на смены "потеплений" и "похолоданий", "ослаблений" и "закручивания" гаек. В 60-х становилось возможно то, что было немыслимо в 50-х. То, что казалось в 60-х "слишком смелым", становилось обыденным в 70-х. А то, на что никто бы не решился в 70-х, выглядело нормально и естественно в 80-х. Вот эти изменения в конечном итоге и определили судьбу всего коммунистического эксперимента в России.

34. Непосильные перегрузки

Не только на историю СССР, но и на всю мировую историю второй половины XX в. наложило свой мощный отпечаток "противостояние двух систем". Написано об этом предостаточно, а по мере "раскрытия тайн" появляются все новые сенсации. Поэтому отдельно данного вопроса можно было бы и не касаться. Но традиционно сложившиеся подходы к нему все же требуют некоторых уточнений.

Ведь если разобраться, то речь шла вовсе не о борьбе идеологических систем. Как раз до идеологии и внутренней политики коммунизма Западу никогда не было особого дела - точно так же, как до идеологии нацизма, пока его агрессия не обрушилась на страны демократического альянса. Западные государства вполне мирились с существованием коммунизма в 20-х, когда СССР держался в относительной самоизоляции, а на международной арене и рынках выступал на вторых ролях, распродавая по дешевке свое сырье и ценности своих музеев. Ничего они не имели против коммунистического режима и в 1941-45 гг., когда он требовался в качестве союзника - и даже щедро прикармливали его, отдавая в распоряжение целые страны и народы. В 1944 г. американцы начали было наводить мосты и с Мао Цзэдуном, поскольку тоже искали союзников против японцев, а Чан Кайши казался им недостаточно "демократичным", и на него крепко обиделись за книгу "Судьба Китая", где он с национально-патриотических позиций резко осудил прежнюю хищническую политику Запада в своей стране. Впрочем, и позже, в 60-х, США демонстративно пошли на сближение с коммунистическим Китаем, едва лишь наметилась его вражда к СССР. Можно тут вспомнить и то, что "цивилизованные" западные банки отнюдь не отказывались открывать тайные счета для "золота КПСС" (как, кстати, и для зубных коронок

"золота Третьего Рейха"). И при этом ни о какой "отмывке денег" как-то и близко речь не заходила. Так причем тут, спрашивается, идеологические принципы?

Истинная суть противостояния заключалась в другом. После Второй мировой начался тот самый процесс, о котором Гитлер предупреждал Сталина в 40-м, а Рузвельт - в Тегеране. Распад прежних колониальных империй. Англия, Франция, Голландия, Бельгия, хотя и вышли из войны победительницами, но оказались существенно ослаблены - и в материальном плане, и в плане морального авторитета на международной арене. Зато на главные роли вышли две других, "свежих" державы. США, сумевшие обогатиться и усилиться в ходе войны, в значительной мере подмяв под себя своих западноевропейских союзников. И СССР. И между ними развернулась борьба за геополитический передел мира. Которая и продолжалась вплоть до перестройки. И на самом-то деле эта борьба со стороны Запада понималась и рассматривалась не в качестве "антикоммунистической", а в качестве "антироссийской". Речь шла о том же "усилении России" и "русской угрозе", что и во времена Крымской войны. Пресловутый план "Дропшот", принятый в 1950 г., на своем третьем этапе, т. е. уже после атомной бомбардировки, на этапе вторжения, предусматривал: "В данной кампании упор делается на физическое истребление противника". Разумеется, физическое уничтожение конкретных "русских", а не каких-то там "коммунистов".

К счастью, до "горячей войны" дело не дошло, но и в пропагандистских кампаниях были выкопаны из сундуков и взяты на вооружение все те же лозунги прошлого и начала нынешнего веков. Поэтому коммунистическая политика от прежней России не отделялась, а наоборот, отождествлялась. Всеми силами и способами выстраивались доказательства, что

коммунизм - это фактически нормальное, привычное состояние недоразвитых русских варваров. А политика коммунистических вождей - прямое продолжение "имперской политики" русского самодержавия. Да ведь и впрямь так-то удобнее получалось. Скажем, если события в Венгрии и Чехословакии преподнести как торжество коммунистической реакции, то можно тут и вспомнить, что незадолго до того демократический Запад сам подарил эти страны коммунистам. А вот поднять шум по поводу "русской агрессии" - совсем другое дело. В ходе этой борьбы реанимировались исторические фальшивки, вроде "завещания Петра I". А националистические движения, поддерживаемые американцами, всегда говорили только о "русской оккупации". Как будто сами латыши или украинцы советскую власть не устанавливали, и как будто грузины или эстонцы сидели не в тех же лагерях, что и русские!

Что же касается лозунгов "социализма" с одной стороны, и "демократии" с "правами человека" с другой - то они, в конечном счете, оказывались лишь знаменами, под которыми велась борьба за сферы влияния. Сталин это уже понимал. Хрущев, судя по всему, нет - и в эйфории краха колониальной системы воспринимал свои лозунги буквально. Брежнев - кто его знает? Он тащил бремя этой борьбы уже по инерции. И продолжать становилось тяжело, и выключиться было нельзя, чтобы не потерпеть поражение, чтобы не начала тут же расползаться по швам вся созданная система международного влияния. А бремя было и в самом деле для страны разорительным. Ведь в итоге, возможности такого противоборства определялись финансовыми и экономическими потенциалами сторон. А они у США, да еще вместе с западноевропейскими союзниками, были куда больше, чем у СССР.

Правда, с идеологической точки зрения коммунистические лозунги оказывались более сильным оружием, чем демократические. Но одновременно они и связывали советскую сторону по рукам и ногам, лишали ее гибкости и делали для нее противоборство куда более убыточным. К примеру, в 60-х Индия на 15% удовлетворяла свои потребности по развитию экономики из бюджета СССР, а Египет - аж на 50%. А к ним добавлялись все новые и новые "друзья". Едва какой-то режим проявлял себя "прогрессивным" и "антиимпериалистическим", его тут же начинали щедро кормить, сами навязывались с проектами строительства и подъема национальной экономики. И даже если он не оправдывал первоначальных надежд, все равно приходилось прикармливать - а то как бы не переметнулся в противоположный лагерь.

Позиция США в данном отношении оказывалась более выгодной. Они тоже прикармливали дружественные режимы - поощряли займами МВФ, помогали вооружением, техникой, специалистами. Но не будучи связаны идеологическими условностями, заодно и привязывали к себе долгами таких партнеров. В случае негодной политики могли прекратить финансирование, потребовать возврата кредитов. За ними оставалась и возможность вернуть долги, хотя бы частично - прибрав под контроль местную промышленность или природные ресурсы. Но разве мог таким образом поступать Советский Союз, преподнося свои вложения под идеей "братской помощи"? Или, например, в партийных архивах сохранилось множество расписок Суслову от Пальмиро Тольятти, Долорес Ибаррури и т. д. на получение сотен тысяч и миллионов долларов. Уж конечно, в социалистическом лагере у американцев тоже имелись платные агенты. Но не думаю, чтобы им отваливали такие гигантские суммы. И к тому же, если подобный агент "не ловил мышей", его

в любой момент могли рассчитать, как нерадивую прислугу. А попробуй-ка рассчитай какую-нибудь Долорес Ибаррури!

Но между прочим, хотелось бы предостеречь от односторонних взглядов на мировое противостояние, которые под влиянием средств массовой информации стали складываться в перестроечную и "демократическую" эпоху - будто только Советский Союз вскармливал по всему свету диктаторские режимы и очаги терроризма. В этом смысле стороны действовали на равных. При таких правилах игры настоящих-то, идейных коммунистов, вроде Фиделя Кастро, как и идейных антикоммунистов, вроде Пиночета, в обоих лагерях оказывалось мало - а больше выигрывали разные проходимцы и авантюристы. Если Москва спешила приветить любого партнера, абы тот примерил "антиимпериалистический" имидж, так и США, несмотря на их хваленые "права человека", поддерживали и кровавых диктаторов, и прогнившие коррумпированные правительства мафиозного толка - абы только были антикоммунистическими. Или даже коммунистическими, шут с ними, но антисоветскими. Что же касается террористических рассадников, то кто, как не американцы и их азиатские союзники полддержали и выпестовали нынешних афганских талибов, когда это казалось выгодным в борьбе против СССР?

Ну а на стыках, так сказать, "на нейтральной полосе" глобального противостояния СССР-США, к которому позже добавилась и третья сила - Китай, создались условия для появления вообще жутких монстров. Так же, как Гитлер сумел возвыситься и утвердить свою власть, лавируя и играя на противоречиях между Советским Союзом и Западом, таким же образом сумел укрепиться и расцвести, например, режим Иди Амина в Уганде. Который

истребил полмиллиона подданных, с аппетитом кушал человечинку, практиковал самые изощренные пытки и казни, умерщвлял надоевших жен из необозримого гарема. Но при этом и с СССР отношения поддерживал, получая военную технику, и Запад от контактов с ним не уклонялся. Людоедскую руку не брезговали пожимать папа римский, генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм, другие политические деятели - он же был и председателем Организации Африканского Единства! Никаких эмбарго ему не объявляли, покупая кофе и бананы, поддерживали дипломатические отношения. И та, и другая сторона знали о художествах и "маленьких слабостях" диктатора. Но обе предпочитали смотреть на них сквозь пальцы. А то ведь обидишь, прижмешь слишком сильно - как бы он к твоим противникам не перекинулся. По аналогичным причинам смогли реализоваться и другие подобные режимы - Бокассы в Центральной Африке, Масиаса в Экваториальной Гвинее, Пол Пота в Камбодже.

Ну а что касается Советского Союза, то он в беспрецедентном геополитическом состязании по финансированию "друзей" и "братской помощи" просто надорвался. И проиграл. Проиграл он и на другом "фронте" мирового противостояния - в гонке вооружений.

Тут я, конечно, могу услышать серьезные возражения. Мол, как же так? Вон какой мощный военно-промышленный комплекс существовал, разваленный нынче конверсиями и приватизациями. И паритет, вроде, поддерживали. И современные образцы вооружения производили - вон самолеты даже сейчас, при всех свалившихся проблемах, создают лучше зарубежных аналогов... В основном, такие представления идут от самих работников пострадавшего ВПК (который, не могу не согласиться, действительно был разрушен глупо и бездарно). И

охотно распространяются некомпетентными тележурналистами, слышавшими звон, да не знающими, где он. Поэтому здесь, пожалуй, нужны некоторые пояснения.

ВПК и впрямь был могучем, развитым, с мощной производственной и исследовательской базой, прекрасными специалистами. Но все больше отставал от современных условий и требований. Не только по техническому уровню, но и по своей структуре. Ну, предположим, у нас конструировали лучшие танки. И делали много танков, очень много. Потому что в верхах сидели ветераны Великой Отечественной, и в военной теории продолжала господствовать стратегия Великой Отечественной - прорыв обороны противника массированными танковыми ударами, и все, операция выиграна... Но еще в 45-м немцы внедрили и применили такое оружие, как фаустпатрон, против танков весьма эффективное и дешевое. А в последующие годы на той же основе разрабатывались и совершенствовались другие противотанковые средства - гранатометы, базуки, безоткатные орудия, авиационные средства поражения. И уже китайско-вьетнамская война отчетливо показала - танк перестал быть универсальным средством прорыва и ведения боевых действий, и роль его по сравнению с временами Второй мировой существенно снизилась. То же подтвердили последующие локальные конфликты и войны - арабско-израильские, Афганистан, Кувейт, Югославия, наконец - первая Чеченская кампания. Это один пример, а можно было бы привести и другие.

Но надо учитывать и то, что сама величина и мощь советского ВПК делали весьма затруднительным отслеживание новых тенденций, соответствующее перепрофилирование и постоянное совершенствование. Если сейчас мы наблюдаем, как некоторые предприятия, имеющие умных и толковых

руководителей, ухитряются проводить реконструкцию, обновлять технологии и держаться на уровне передовых достижений, то стоит иметь в виду - это далеко не одно и то же, что поддерживать на передовом современном уровне весь ВПК. Тут уж не одно, не два, не десять, а сотни и тысячи предприятий требовалось то и дело реконструировать и внедрять новое. А при неравенстве экономических возможностей СССР и Запада это сказывалось все сильнее...

Если же коснуться примера великолепных самолетов, демонстрируемых сейчас на выставках, парадах и авиасалонах, то автор этих строк сам служил во времена оны в научно-испытательном институте ВВС, поэтому к данному примеру могу добавить несколько поправок. Отбор по принципу "лучших" образцов получил в авиационной технике зеленую улицу только в годы перестройки - когда открылись широкие возможности для торговли, хорошими самолетами заинтересовались иностранцы, а это соблазнительно запахло валютой. А при "развитом социализме" приоритеты финансирования, материального обеспечения, сроков и очередности разработок зависели чаще всего не от их качества, а от веса и связей в партийной номенклатуре руководителей того или иного предприятия. Поэтому лучшие нередко и затирались, задвигались на второй план.

Второй аспект. Те образцы, что сейчас отделяют и доводят до совершенства для более выгодных показов и продажи, и те, что поступали для испытаний и принятия на вооружение в советские времена - это "две больших разницы". В то время сроки их создания определялись не фактической готовностью и доводкой, а приурочивались к очередным съездам, круглым датам, праздникам - причем желательно было отрапортовать досрочно. Так что хватало и тяп-ляп, недоделок и недоработок. Наши летчики-испытатели

сами про себя шутили, что настоящий испытатель должен быть очень смелым и очень тупым - чтобы не понимать, на чем ты летишь, и чем тебе грозит полетное задание. И попробуй, кстати, не прими такой образец, даже если он будет сущим "гробом" - потому что генеральный конструктор к членам Политбюро запросто вхож, с министром обороны за ручку здороваются. И достаточно одного его звонка министру или главкому, как тебя же самого вместе со всем твоим начальством на уши поставят. Какой уж тут "паритет"!

И третий аспект - одно дело, создать несколько опытных экземпляров самолета нового поколения для показа. Или небольшую партию - на продажу. А совсем другое - запустить это самое "новое поколение" в серию, перевести на него крупные авиационные заводы, перевооружить полки и дивизии. И не только перевооружить, но и переучить. Уровни затрат несопоставимые.

А чем более "наукоемкой" становилась современная техника, тем труднее и дороже становилось стране гнаться за ее передовым уровнем для поддержания "паритета". Новые разработки, новые исследования осуществлялись в условиях все более острого дефицита финансирования - потому что направлений научно-технического развития было много, все они требовали постоянных вложений, и средства приходилось расплять на все. А на все их просто не хватало. Скажем, в нашем испытательном управлении в 80-х часть измерительных приборов была еще трофейной, вывезенной из Германии в 45-м. И цеха "экспериментальных" мастерских были укомплектованы трофейными станками, со свастиками на станинах. В гражданских НИИ с этим было получше, но там своих проблем хватало. Там научно-технический "паритет" достигался ценой нищенской зарплаты специалистов, которые после работы вынуждены были идти

разгружать вагоны или искать другие способы дополнительного заработка. Ценой их проживания в тесноте общежитии - с надеждой получить квартиру в предпенсионном возрасте. Ценой невероятных ухищрений человеческого ума: до поры - до времени помогала вытягивать на равных с Западом "русская смекалка", когда, скажем, отсутствующую или некондиционную электронику заменяли хитроумными механическими решениями.

В условиях недостатка необходимых средств рождались такие явления, как "панк-наука" - это когда изготавливались самодельные приборы и оборудование чуть ли не из консервных банок. Впрочем, тут я для пущей наглядности могу привести яркий пример из собственной практики. Однажды нам срочно потребовалось уточнить, как протекают некоторые процессы на больших высотах, в условиях разрежения и низких температур. Прикинули конструкцию термобарокамеры - получалась она довольно сложной, поскольку для наших исследований в ней требовалось несколько пар окошек, а их оптические оси должны были пересечься в одной точке - причем очень строго, с лазерной точностью. На какой-нибудь завод обращаться? Это сразу отпадало. Потому что у части никаких средств на изготовление подобной установки не хватило бы. Обращаться в вышестоящие штабы и ведомства? Так ведь и там с деньгами не густо было, положат в долгий ящик, и попробуй докажи, что тебе нужнее, чем другим. Казалось бы, раз нет возможностей финансирования - то и говорить больше не о чем. И любой иностранный специалист на этом бы, наверное, и остановился. Но это у них, а не у нас. А "смекалка" на что?

Идем с техниками на свалку и выбираем подходящие заготовки - ржавые куски труб, обрезки, железяки. И тащим к сварщику дяде Семе. С бутылкой

спирта, разумеется. "Ну чего, дядя Сема, сможешь?" - и про требуемую точность объясняем. А он работяга был старый, опытный, покумекал, почесал в затылке: "А чего ж, смогу". Разметил наш хлам мелом и царапинами и давай его кромсать да варить в своем дырявом сарае. Вид у нашей установки получился потрясающий - нечто, напоминающее броневик Ильича. Причем броневик после попадания нескольких тяжелых снарядов, так как при сварочных работах всю конструкцию повело и покорежило - и мы, признаться, насчет точности сильно засомневались. Однако дядю Сему это не смутило, взял он обычную кувалду и давай править изделие. Тут уж безо всяких измерительных инструментов, на глазок. Поколотит с одной стороны, поглядит на чертеж, как оно там примерно выглядеть должно - и с другой стороны ухнет со всего плеча. И говорит: "Готово, забирайте". И вот хотите верьте, хотите нет, а когда мы потом с помощью лазера проверили нужные оптические оси, они сошлись с высочайшей, ну просто идеальной точностью! Так что подвиг русского умельца Левши, подковавшего блоху, лично мне после этого вовсе не кажется невероятным.

Но та же история имела и продолжение. Процессы, происходящие в термобарокамере, требовалось как-то зафиксировать. Полезли в захламленную отдельскую кладовку и откопали там старый, списанный фотокинопулемет от МиГ-17. Но у него скорость съемки несколько сот кадров в секунду - где ж столько киноплёнки напасешься? Тут наш техник выручил, Саша Колосов, мастер - золотые руки. Притащил из дома поломанный будильник и из его шестеренок собрал редуктор, снижающий скорость съемки до полутора кадров в секунду. И провели все-таки мы эти исследования, результаты очень ценными потом признали. Вы, конечно, спросите, а зачем фиготень с шестеренками и фотокинопулеметом городить было? Не

проще ли было взять обычную кинокамеру с нормальной скоростью съемки? Проще. Но у нас-то ее не было. И вообще в нашей части не было. В принципе, конечно, можно было ее заказать - но очень долгим и сомнительным способом. Подать заявку, но лишь на включение в план материально технического обеспечения на следующий год. Если еще в него включают - поскольку подобных заявок из всех подразделений множество набиралось, а общая сумма очень ограничена. А когда план пойдет в вышестоящие инстанции, там из соображений экономии половину срежут. А если твой заказ и не срежут, то еще неизвестно, сколько лет ты его ждать будешь и дождешься ли... Ну а про видеокамеры, которые в то время за рубежом были уже доступны всем и каждому, я вообще молчу. Их тогда даже в ведущих НИИ Академии Наук имелось всего несколько штук, и выделяли их вместе с бригадами обслуживания лишь для важнейших работ по важнейшим темам, на ограниченное время.

Ясное дело, далеко не всегда доходило до описанных крайностей, они все же оставались больше исключением, чем правилом, и обычно исследования проводились на вполне солидной материальной базе, но в частности, и таким образом научно-технический "паритет" поддерживался. Пока можно было. Пока удавалось. Последней каплей, нарушившей равновесие уже необратимо, стала компьютерная революция. Тут, правда, можно еще разок Никиту Сергеевича помянуть, безапелляционно заявившего, что "кибернетика - это буржуазная лженаука" и затормозившего отечественные исследования в данном направлении. Но в общем плане глобального состязания вряд ли можно считать решающим его очередной заскок. Если бы и раньше начало осваиваться новое поле деятельности, то все равно в создавшихся условиях средств на его

освоение оказалось бы недостаточно. Ведь новый этап гонки вооружений, развернутый Картером и Рейганом, программы "Стратегической оборонной инициативы" "звездных войн", преднамеренно нацеливались на дорогостоящие "высокие технологии". И если не в этом, то в каком-то другом месте должно было "лопнуть".

Оно и "лопнуло". В то время как в западных странах компьютеры становились рядовым средством обихода, в СССР имелось всего несколько десятков тысяч "электронно-вычислительных машин" - допотопных, ненадежных, чрезвычайно сложных в управлении и громоздких, занимавших целые залы и этажи. Как это сказало в военной сфере, тоже могу привести парочку примеров. Скажем, в 80-х был разработан и создан один принципиально-новый, очень сложный комплекс авиационного вооружения, различные системы которого должны были действовать в автоматическом режиме. Однако разместить такое вооружение оказалось возможно только на транспортнике Ил-76. Поскольку другой самолет просто не смог бы поднять всей массы тогдашних "компьютеров", обеспечивающих работу этого комплекса. Да и то он застрял на стадии испытаний, так как установленные на борту ЭВМ никак не удавалось отладить. Другой пример - американцы создали для радиоэлектронной борьбы и разведки свой АВАКС, который по своим возможностям был способен захватывать до 200 целей и устойчиво вести 50. Когда был построен советский аналог, он мог захватывать только 5 целей.

Кстати, в то время мне доводилось знакомиться с любопытными подборками советских разведданных - такими, где приводились данные американской разведки о военной технике и ее разработках в СССР. Так вот, тактико-технические характеристики и боевые возможности советских систем вооружения там очень часто завышались, и порой просто безбожно

завышались. По какой причине, остается лишь гадать. То ли и впрямь у них были "глаза велики", то ли действовала какая-то наша методика дезинформации. Впрочем, у нас считалось, что американская разведка и военное ведомство завывали эти данные преднамеренно - чтобы посильнее застрашать свой Конгресс и получить побольше ассигнований на собственные дальнейшие разработки. Соответствовали ли такие предположения действительности, я не знаю. Но факт остается фактом - даже в тех направлениях, где у Советского Союза получалось не отставать, поддержание "паритета" требовало новых и новых финансовых вливаний. И в этой гонке страна тоже надорвалась.

35. Возвращение триколора

Было ли падение коммунизма неизбежно? Да, было. Мертворожденное не может быть вечным. Мы видели, что ростки живой мысли, вольнолюбия, осознанной или стихийной тяги к лучшему продолжали жить и прорастать в народе помимо желания и воли кремлевских вождей. И уж если даже сталинский повальный террор не смог убить этих ростков, значит, их невозможно было убить вообще - для этого понадобилось бы уничтожить весь народ. И чисто теоретическое продление той же системы репрессий еще на какой-то срок проблемы все равно не решило бы, лишь загнало бы страну в еще больший экономический и политический тупик. Поэтому рано или поздно партийным вождям пришлось бы нажать на тормоза, и последствия оказались бы теми же самыми, если не более губительными для них из-за накопления недовольства.

А дальше советскую систему повели к закономерному концу вполне объективные факторы. И духовная "раскачка", постепенное раскрепощение сознания, и сама внутренняя несостоятельность

коммунизма. Нет, я далек от того, чтобы огульно объявлять социалистическую экономику неконкурентоспособной по сравнению с "капитализмом". Если говорить о промышленности, то при прочих равных условиях, какая разница заводу является он государственной собственностью или частной? И в том, и в другом качестве он может работать нормально и выпускать ту же продукцию. Но ведь это "при прочих равных условиях". А "прочие условия" оказывались далеко не равными. И в советской системе на экономику накладывались такие факторы, как волюнтаризм руководства, плановый диктат - базирующийся на дутой отчетности и в свою очередь порождающий дутую отчетность, номенклатурная коррупция, противостояние с Западом.

Оборудование предприятий постепенно устаревало, все сильнее отставало от современных мировых стандартов. Но откуда было взять средства на их реконструкцию и переоборудование, если деньги уходили на помощь "братским странам" и гонку вооружений? А с другой стороны, откуда возьмутся средства на помощь "братским странам" и гонку вооружений, когда промышленность постепенно приходит в упадок? Получался замкнутый круг, тупик, и страна оказывалась в этом тупике все глубже. Хрущевские, брежневские, андроповские попытки повышения экономического роста, кампании "построения материально-технической базы коммунизма", "комсомольских ударныхстроек", перехода на материальные рычаги стимулирования и обратно, к приоритету моральных стимулов, провозглашаемый упор то на качество, то на дисциплину все это были метания туда-сюда в надежде хоть как-то выправить отставание от Запада, оставаясь в рамках социалистической системы. И все они получались несостоятельными, поскольку отставание

определялось не отдельными недостатками и ошибками, а самой системой и ее политикой. В результате разрыв продолжал расти, а указанные метания и половинчатые попытки реформ сами по себе вели ко все большему расшатыванию режима и подрывали доверие к руководству.

Все это неизбежно сказывалось и на жизненном уровне населения. Всевозможные дефициты и прорехи начали лезть наружу вовсе не в годы перестройки, а намного раньше, еще в 70-х. Уже тогда в ряде регионов стали вводиться талоны и карточки на продукты питания, а там, где еще не было карточек, продуктов тоже не было. Кое-какую видимость удовлетворительного снабжения удавалось поддерживать только в Москве и столицах союзных республик - и появилось такое явление как "колбасные поезда", когда жители соседних областей могли отовариться только в столицах и наезжали с рюкзаками закупать продукты питания. В столовых и магазинах стали вводиться "рыбные дни", причем на прилавках появлялись все новые виды рыбы, которые в поваренных книгах 50-х годов значились как несъедобные. Впрочем, и сейчас в учебниках по собаководству можно найти категорическое предупреждение, что минтай давать собакам не рекомендуется - слишком много вредных веществ. А у наших сограждан он широко пошел в пищу как раз в 70-х.

Необходимость выхода из замкнутого круга, хотя бы для того, чтобы высвободить часть средств из сферы мирового противостояния и пустить их на совершенствование собственной материальной базы, стала очевидна тоже в 70-х. Отсюда и курс на "разрядку", который попытался было реализовать Брежнев. Но проблема тут же зацепилась за идеологические вопросы опасения, что улучшение

отношений с Западом активизирует нежелательные процессы внутри страны. Проблема зацепилась за геополитические вопросы ослабление деятельности советской стороны в том или ином регионе немедленно открывало благоприятные возможности для усиления там американцев и их союзников. И играя на этих опасностях, в Кремле снова взяло верх консервативное крыло. Да и на Западе, похоже, сообразили, что нецелесообразно давать СССР передышку - пусть уж надорвется окончательно.

И последовал новый виток противостояния, в котором он действительно надорвался. К середине 80-х проигрыш в экономическом соревновании (а значит, и в геополитическом, и в военном) принял уже необратимый характер. Страна откатилась на 77-е место в мире по уровню потребления. Материальная база промышленности безнадежно отстала от развитых стран - в эпоху всеобщей автоматизации вручную трудились 40% работников промышленности, 60% в строительстве, 75% в сельском хозяйстве. А упомянутая в прошлой главе "компьютерная революция" скачкообразно увеличила разрыв и сделала нереальными сами перспективы "догнать и перегнать". Уже совершенно, в принципе нереальными.

Когда сейчас говорят о развале "мощной советской промышленности" в периоды перестройки и демократии, мне сразу вспоминается, как в 80-х покупались отечественные телевизоры. Во-первых, по записи, когда твоя очередь подойдет. А во-вторых, умные люди брали с собой в магазин специалиста, умеющего телевизоры чинить, потому что полностью исправных не было вообще, и специалист помогал выбрать тот, который потом сумеет отремонтировать и отладить. И тот, у которого меньше вероятность взорваться и учинить пожар. Когда же говорят о нынешнем развале сельского хозяйства, вспоминаются

спившиеся деревни 80-х, где механизаторы в 30 лет выглядели на 60, а до 60 уже и не доживали. Или вымершие деревни - не черныбыльские, а обычные, средней полосы. Где оставались два-три старика, а вся молодежь разбежалась в города, так как жизнь в родном селе стала совершенно невозможной. Поскольку по большому счету, на сельское хозяйство вообще махнули рукой - да чего там, если все равно за границей закупать! Вспоминается и то, как после падежей скота в Калмыкии - из-за недостатка корма, в Северокавказском военном округе в офицерских столовых подавали "баранину холодного убоя", т. е. дохлятину... Словом, развалилось-то все еще тогда. Лишь на инерции держалось. А последующие перестройки с демократизациями лишь обнажили эти процессы и выплеснули их наружу.

В литературе бытуют версии, что коммунизм мог бы удержаться в стране путем установления жесткой диктатуры. Но такие версии, скорее, можно отнести к чисто теоретическим. Потому что после Сталина диктатуры больше всего боялась сама партийная верхушка - уже научена была горьким опытом, как легко гибнут приближенные диктатора. А много ли удовольствия иметь все блага, которые дает твое положение, если этому будет сопутствовать постоянный страх за собственный) жизнь? Из-за подобных опасений так легко и дружно устранили Берию - хотя в его случае возможность личной диктатуры представляется сомнительной, слишком уж он был непопулярен, чтобы обходиться без влиятельных союзников. Из-за тех же опасений поспешили отправить в отставку маршала Жукова. И в дальнейшем номенклатура поддерживала только тех лидеров, которые по своей натуре заведомо не были диктаторами - Хрущева, Брежнева.

Правда, со временем шансы на выдвижение "твердой руки" увеличились когда сталинские кошмары подзабылись и бдительность партийной верхушки на этот счет притупилась. И в некоторых источниках приводится мнение, что подобную роль намеревался сыграть Андропов. Хотя подчеркну, что данное предположение является лишь гипотезой и высказывается авторами, занимающими "прозападную" позицию, т. е. склонными к предвзятым оценкам - а объективных исследований на этот счет мне пока встречать не приходилось. Правил же он слишком недолго, чтобы сделать однозначные выводы. Ведь наряду с потугами "укрепления дисциплины" он начинал и реформы противоположного свойства - по ослаблению централизации планирования и распределения, внедрению более либеральных механизмов ценообразования. Можно вспомнить и то, что он пытался вести реальную борьбу с коррупцией в верхах. Своими действиями фактически подорвал силы ортодоксального крыла партийной верхушки, устранив Романова с роли "потенциального наследника" генсека. И выдвинул в руководство Горбачева.

Поэтому нельзя исключать и версий, противоположных "реставрации сталинизма" - и это было бы даже закономерно. На примерах руководителей германских спецслужб и Берии уже было показано, что они были гораздо лучше информированы о реальной обстановке, гораздо более трезво ее оценивали и выступали куда более радикальными реформаторами, чем партийные лидеры. Нужно учитывать и то, что если страна была далеко не та, что в 20-х или 30-х, то и КГБ, уж конечно же, отличался от прежних чекистов и сотрудников сталинского НКВД. На внешней арене, как это отмечалось выше, борьба шла совсем не идеологическая, а межгосударственная. Поэтому и

работники КГБ все в большей степени воспринимали свою деятельность как защиту государственных интересов - а не партийных, как прежде (хотя эти государственные интересы были все еще не отделены от партийных, и партийные тоже считались государственными). Набирали их на службу "из народа" - а менталитет народа постепенно менялся. И брали в эту организацию отнюдь не дураков. А умные люди, да еще и более информированные, чем их сограждане, не могли не видеть необходимости реформ. Поэтому не случайно в последующие годы многие офицеры КГБ среднего и младшего звена поддержали Ельцина - и "команда" Коржакова и Барсукова, и те неизвестные охранники, что нарушили инструкции и выпустили его к микрофону на XIX партконференции, и бойцы группы "Альфа", отказавшиеся выполнить приказ о его аресте.

Но даже если принять гипотезу о том, что Андропов намеревался реставрировать диктатуру, то все равно успех такой задумки выглядит маловероятным. Время было уже не то, атмосфера в стране слишком изменилась. Для установления тирании нужна не только сила, но и готовность подчиниться этой силе. Но вся советская система пришла уже в совершенно разболтанное и расшатанное состояние. А народ духовно "разгибался" и раскрепощался уже 30 лет - и чтобы согнуть его обратно, потребовалось бы приложить слишком большие усилия. Стоит сравнить, сколько страха принесли людям драконовские указы Сталина о повышении трудовой дисциплины, сколько судеб они сломали, какую затерроризированную атмосферу породили в каждом городе и на каждом производстве. И уж наверное, современники помнят, какими мерами пробовал на первых порах утвердить трудовую дисциплину Андропов - милицейскими рейдами по магазинам, парикмахерским, даже баням, с целью отлова и наказания прогульщиков,

использующих рабочее время в личных нуждах. Ну и что, кого-нибудь напугали эти рейды? Хотя как-то подействовали? Да плевали все на них с высокой горки и спокойно продолжали шлаться по своим делам, занимать очереди за продуктами, носить в починку негодные телевизоры и искать по магазинам дефицитную одежду. Так и заглохли облавы, едва начавшись, из-за полной своей неэффективности и бессмысленности.

Причем даже попытки укрепления (или ужесточения?) режима тоже вели к его дальнейшему развалу - неустойчивый столб в какую сторону ни толкни, он будет только сильнее расшатываться. Скажем, лозунг Андропова "Так жить нельзя!" искренне подхватили все, но трактуя его вовсе не в реакционном, а в революционном смысле. Дескать, действительно, куда уж дальше катиться, если даже на самом верху об этом наконец-то заговорили!

Фактор смены поколений и трансформации менталитета сказывался не только на настроениях населения, но и в партийном руководстве, разве что здесь эта смена надолго тормозилась пожизненной несменяемостью высшего эшелона. Однако постепенное выдвигание более молодых на вакантные места все же шло. И несмотря на номенклатурные принципы блата и родства, выдвигать приходилось не самых тупых. То есть тех, кто уже не мог искренне верить в идеологические бредни, которые сам же придумывал и повторял изо дня в день. И на первый план для них выходили материальные выгоды занимаемого положения. Но о какой, к шутам, материальной выгоде может идти речь, если простой американский рабочий может позволить себе больше благ, чем секретарь обкома? Если в сельской лавчонке где-нибудь в захудалой Португалии выбор товаров оказывается шире и лучше, чем в закрытом цековском

спецраспределителе? Тут можно вспомнить любопытный пример - когда Сталин устраивал банкеты для своих ближайших соратников, они там напивались и плясали. И все. Точно так же, как пили бы и плясали в рядовом кабаке при царе-батюшке, не устраивая никаких революций и не занимая никаких высоких постов. Других видов удовольствий их плебейское мышление просто не представляло. Да и Никите Сергеичу с Леонидом Ильичом для полноты счастья достаточно было налиться спиртным с хорошей закуской, ну может, еще поохотиться, попалить в белый свет из ружьишка. Но у более молодых партийных боссов потребности были, конечно, побольше, кругозор пошире, желания разнообразнее. И волей-неволей зарождалось поколение "реформаторов".

И в ситуации общего кризиса и упадка, в котором очутилась страна к середине 80-х, они пришли как раз ко двору. Потому что для сохранения коммунистической системы остался неиспользованным один лишь "китайский вариант" - кардинальные экономические реформы при сохранении политического господства партии. Его-то и попытался осуществить Горбачев в виде "перестройки". Но то, что имело шансы на успех в 50-х, в 80-х было уже обречено на провал.

Для удержания ситуации под контролем партия не обладала больше достаточным авторитетом, доверием и силами. И реализовалась модель плотины, сдерживающей напор водохранилища. Когда уровень воды превысил критическую отметку, а состояние плотины стало аварийным, в ней попытались открывать то одну, то другую щель, чтобы сбросить избыточное давление и произвести нужный ремонт. Но сила напора была уже такова, что тут же начинала расширять приоткрываемые щели, все больше разрушая целостность самой плотины.

Одно цеплялось за другое. Экономические реформы потребовали обновления идеологической базы. И партийные теоретики предложили испытанный путь, свалив все беды на Сталина. Конечно, опять в "разумных пределах". Выбросили на прилавки и разрекламировали в качестве сенсаций соответствующие новой линии бестселлеры, вроде "Детей Арбата". Реабилитировали еще одну категорию жертв - Зиновьева, Каменева и иже с ними. Так же, как Хрущев вознес на пьедестал проблематичную фигуру Тухачевского, попробовали сделать героя из Бухарина. А на политзанятиях предписали конспектировать несколько работ "политического завещания Ленина", объявив, что в них-то и содержатся подлинные концепции ленинизма, поскольку он там тоже Сталина обругал и единственный раз "кооперацию" в положительном смысле упомянул. Что ж, народ действительно кинулся на сенсации. Но не остановился на них. То, что во времена Хрущева воспринималось как смелое откровение, теперь явно выглядело половинчатым и робким. Верить в героизм Бухарина уже отказывались. Ленинская мудрость перестала быть неоспоримой. И люди задавались логичным вопросом: что же получается, Ильич всю жизнь "ошибался", перед смертью в полубреду одумался, выдал несколько страничек "истинных" мыслей, потом их Сталин "исказил", потом "эпоха застоя" - так когда же, собственно, линия партии была верной?

Реабилитация "ленинской гвардии", еще вчера числившейся врагами народа, вызвала эффект, обратный желаемому. Если партия в таком вопросе лгала столько десятилетий, то кто стал бы снова верить ей на слово? Разрешение "антисталинизма" вернуло к жизни и выплеснуло на страницы печати целый пласт литературы, пребывавшей под запретом в ящиках редакционных и писательских столов - раз уж была

провозглашена новая линия, то все издания по доброй советской традиции наперебой спешили подстроиться под нее, выискивая и хватая подходящие произведения. Но среди этих произведений, десятилетия пролежавших втуне, дошли до читателя и куда более искренние, куда более последовательные, чем конъюнктурные творения Рыбакова и Шатрова. И когда бурно начавшиеся "разоблачения" зациклились и запнулись недоговорками, люди не удовлетворялись этим и ответы на нераскрытые вопросы начинали искать самостоятельно. И находили их совсем не в той области, которая была желательной для творцов "перестройки".

Выход страны из развала и тупика был уже невозможен без помощи развитых стран. Без финансовых вливаний из-за рубежа, без заимствования передовой техники и технологий - ну и, конечно же, без прекращения разорившей СССР политики мирового противостояния. И ограничиться полумерами, разойтись, оставшись при своих интересах и на достигнутых рубежах, как это пытался сделать Брежнев, теперь уже не получалось. По сути, Горбачев пошел на капитуляцию. Капитуляцию, которая никогда не называлась этим словом, и условия которой вряд ли когда-нибудь оформлялись юридически. Тем более, что за границей привыкли наивно судить о состоянии СССР по передовицам советских газет и цифрам перевыполненных планов, поэтому там сперва даже не представляли всей глубины развала и кризиса, в котором оказалась наша страна. И Михаил Сергеевич, вынужденный выступать просителем, в ответ сам предлагал одну уступку за другой в виде "мирных инициатив". Потом, видимо, поняли, почувствовали свою силу, выдвигая ответные требования за свою помощь. И они безоговорочно принимались, шаг за шагом. Вывод войск из Афганистана, действия по

разрушению Советской Армии, сдача Восточной Европы...

Ну а то, как реализовывались эти уступки на практике, и внешне-то напоминало капитуляцию государства, признавшего свое поражение. Взять хотя бы кампании по массовому сокращению и увольнению офицеров - которые зачастую оказывались просто на улице, как в Германии после Версаля. Или вывод войск из Европы. Скажем, один мой знакомый летчик служил в Германии, что считалось редкой удачей - и возможность прибарахлиться, и оплата высокая, и в "цивилизованном мире" пожить. Выводили их полк одним из последних, и они, уже отправив семьи, какое-то время сосуществовали с американцами, начинавшими осваивать советские базы. Жили в НАТО-вской, немыслимой для наших людей, гостинице, питались в американской столовой, получали НАТО-вские пайки, вплоть до экзотических фруктов, посещали американские офицерские клубы и магазины... А потом несколько перелетов много ли нужно времени современным истребителям?- И полк очутился в Забайкалье. Где имелся лишь плохонький аэродром - прежде запасной, несколько ветхих барачков, и все. В бараках вповалку разместили и офицеров, и солдат, и семьи, и их накопленное заграничное имущество. А после НАТО-вских пайков командование округом и местное руководство объявило: "Продуктами обеспечить вас мы не сможем. Но выделим землю. И семена. Урожай этим летом собрать вы еще успеете, только сеять надо немедленно, а то созреть не успеет - лето тут внезапно обрывается". И весь личный состав от командира полка и ниже, с женами и детьми, даже прежде чем как-то размещаться и устраиваться, должен был копать огороды...

Идя на уступки Западу, Горбачеву волей-неволей приходилось строить демократическую физиономию,

ослаблять изоляцию и приоткрывать "железный занавес". И в дополнение к выходящей из-под контроля "гласности" из-за границы тоже хлынул поток информации, падавший на вполне подготовленную к его восприятию почву. Пусть даже это была не политика, а художественные произведения эмигрантов, европейская и американская культура, литература и музыка, впервые получившее распространение видео, просто новости о зарубежной жизни. В обычном для СССР состоянии духовного голода все это жадно впитывалось и также способствовало активному пробуждению сознания, его выходу из рамок прежних стереотипов - а значит и из-под монопольного воздействия партийной идеологии.

А экономические реформы, половинчатые и противоречивые, как и вся "перестройка", ясное дело, и не могли быть эффективными, поскольку пытались соединить несоединимое - подталкивание с торможением, разрешения с запретами, рыночные механизмы с социалистическими. Причем постоянные опасения "как бы не переборщить" не давали покоя авторам преобразований и понуждали их вокруг каждого послабления возводить столько ограничений, что они автоматически сводили на нет всю возможную выгоду. Зато сами по себе эти дергания туда-сюда окончательно развалили народное хозяйство, и без того дышавшее на ладан и функционировавшее только по инерции. Никакого запаса прочности оно уже не имело, и нарушение этой инерции стало для него губительным. А ухудшающееся положение населения, исчезновение даже тех товаров, которые при Брежневе и Андропове еще порой мелькали на прилавках, километровые хвосты очередей, унижительные дележки "заказов" и введение карточной системы повсеместно, теперь уже даже и в столицах, вызывали дальнейшее нарастание стихийного протеста.

Но все же отметим, что не дефицит продуктов привел коммунизм к краху в начале 60-х куда хуже было, не говоря уж о периодах голода 30-х, военных и послевоенных лет. Но к падению или ослаблению власти они почему-то не приводили. И не отдушину "гласности" с разоблачениями Сталина сыграли определяющую роль - ведь и его уже разоблачали, о невиданной свободе слова напоказ рассуждали. И не западные веяния дали решающий эффект - такие веяния проникали в страну и раньше, например в войну, когда демократические державы были друзьями и союзниками, проникали и в брежневскую "разрядку", но на прочности правящего режима как-то не сказывались. В конечном счете, главную роль сыграло то, что сознание народа уже достаточно ожило, освободилось от идеологической зависимости, и люди научились думать самостоятельно. И если в массе своей они еще не были настроены антикоммунистически, то и коммунистическими их настроения было назвать нельзя. Та самая незаметная "битва за умы", которая три с лишним десятилетия велась в сфере менталитета, принесла свои плоды. И те же самые процессы пробуждения сознания, которые до этого протекали подспудно, под влиянием указанных встрясок и внешних факторов резко активизировались и стали выходить на поверхность.

Нет, не добрый дядя Горбачев даровал России волю. Не собирался он этого делать. Капитуляция на "внешних фронтах" вовсе не предполагала капитуляции коммунизма внутри страны. Да и политиков Запада реальные права человека в России не особо интересовали - разве что в качестве инструмента давления. Можно заметить, что большая часть требований, на которые вынуждали идти советского лидера, нацеливались вовсе не на ослабление власти партии или коммунистической идеологии, а на

ослабление конкурирующей державы в целом, как таковой. А если Михаил Сергеевич делал уступки и в идеологической области, то вынужденно, когда ничего другого не оставалось. Например, попытался он, как при Брежневле, отделаться навешиванием лапши на уши и, заливая на международных встречах об успехах своей "демократизации", выступил с инициативой очередную конференцию по правам человека провести в Москве. И вдруг как раз в это время, в конце 1986 г., в Чистопольской тюрьме умер многократный политзаключенный писатель А. Марченко. Некрасиво получилось. Международная общественность шум подняла. И Горбачева в его же разглагольствовании о правах человека носом ткнули. Тогда-то он, чтобы сохранить лицо и спасти пострадавший имидж, оказался вынужден сделать широкий жест и освободить "политических", осужденных по ст. 70 "антисоветская агитация и пропаганда". И посол в США Кашлев даже не постеснялся официально разъяснить, что сделано это по причинам "затруднений в международных отношениях Советского Союза, вызываемых наличием таких заключенных".

Но естественно, внутри страны таких разъяснений не давалось, вообще старались, чтобы освобождение прошло как-нибудь незаметно, втихую. А сажать при Горбачеве продолжали - разве что снова начали это делать исподтишка и по другим статьям. И можно вспомнить, какие отчаянные меры предпринимал Михаил Сергеевич, слясь обуздать и повернуть вспять стихийное "вольнодумство". Были и постановления ЦК со строгими указаниями, что "гласность" отнюдь не предполагает свободу говорить все, что вздумается, и что партия никому не позволит посягать на основы коммунистического учения. Было и введение новых законов, вроде пресловутой статьи "11-прим", позволяющей сажать за "дискредитацию", то бишь за

критику властей. Были и карикатурные сцены, когда в президиуме разъяренный Горбачев с перекошенной от злобы физиономией лез собственноручно отключать микрофон у Сахарова. Было и кровавое подавление митингов и демонстраций в Армении, Азербайджане, Грузии, Казахстане, Литве, Латвии. Было и неоднократное бряцание оружием со вводом войск в Москву. Да только ведь и это уже не срабатывало, и в свою очередь, лишь усиливало протесты.

Несколько раз Горбачев шел на демонстративные уступки, даруя те или иные послабления. Но как нетрудно было увидеть, тем самым старался взять общественные процессы под контроль и наконец-то остановить их на заданном рубеже. Сперва - допустив "гласность" лишь внутри партии, разрешив в 1988 г. альтернативные выборы на XIX партконференцию и ее прямую трансляцию по телевидению. Причем все коммунистические директивы того времени более чем прозрачно намекали, что это и должно означать окончательную победу "демократии ленинского типа" и высшие достижения в области гражданских свобод. Но потом, в 89-м, пришлось пойти на следующий шаг. На реконструкцию власти и созыв Съезда Народный Депутатов, который преподносился народу чуть ли не в качестве Учредительного Собрания, а по сути предполагался чем-то вроде прежнего Верховного Совета, призванного поддерживать и одобрять указания руководства - если и не единогласно, то заведомо сформированным послушным большинством. И утверждена была с помощью данного органа идея "Социалистического правового государства" - тоже недвусмысленно подразумевавшаяся как конечный итог всех преобразований.

Но и этого оказалось мало, и последовала попытка ограничиться сменой вывесок, когда в 1990 г. вместо дискредитированного титула "генсека" Горбачев сделал

себя "президентом" - безальтернативно и чисто номинально, но на слух вполне демократично, и по форме, вроде бы, переносило центр тяжести с партийных на государственные структуры... И ни на одном из таких рубежей кремлевской верхушке остановиться не удавалось. Каждое стратегическое отступление лишь открывало новые возможности для атак на режим, каждый рубеж становился лишь промежуточным, сдвигаясь во все более радикальную сторону, каждая официальная кампания лишь активизировала и сплачивала оппозиционные силы.

Да и помимо всяких разрешенных съездов и выборов в СССР стали одна за другой возникать антикоммунистические организации. И характерно, что первой из них оказался НТС. Произошло это само собой, просто автоматически. Арестованные в 1982 г. В. Сендеров и Р. Евдокимов на следствии признали свою принадлежность к НТС, а в 1987 г., когда в числе других "политических" они вышли на свободу, то и оказались легальными членами этой организации на советской земле. И в обстановке всеобщего политического подъема в Союз начали вступать новые члены, образуя уже открытую организацию. В феврале 1988 г. В. Сендеров провел в Москве первую легальную пресс-конференцию НТС, а в октябре того же года в Ленинграде, на митинге, проходившем на стадионе "Локомотив", Р. Евдокимов поднял трехцветный российский флаг. Если не считать нескольких случаев в Отечественную, когда он эпизодом промелькнул на оккупированной территории, это был первый "триколор", вернувшийся на русскую землю после победы большевиков.

Советским гражданам бело-сине-красный флаг был еще неизвестен, но быстро вошел в моду и стал символом антикоммунистического сопротивления, распространившись повсюду и украсив собой любые

оппозиционные митинги и демонстрации. Что само по себе получилось весьма символично. Потому что в виде трехцветного государственного и национального флага произошла как бы передача эстафеты сквозь многие десятилетия. И эстафета получилась непрерывной, хотя и "ступенчатой": от дореволюционной России - к Белому Движению, от Белого Движения - к РОВС, от РОВС - к НТС, а от НТС - к России новой, пробуждающейся.

36. Пробуждение

Страна постепенно - но все быстрее и быстрее, выходила из-под многолетнего гипноза коммунистической власти. Инерция движения по течению нарушилась. И в СССР быстро активизировалась политическая жизнь. Игры в демократию и заискивания Горбачева перед Западом позволили легализоваться и прочно утвердиться правозащитному движению. Разрешение "антисталинизма" и признание в массовых репрессиях породили общество "Мемориал". Появились казачьи организации. Широко развернулось и общество "Память" - относиться к нему можно по-разному, но стоит отдать должное, первый массовый несанкционированный митинг в Москве провело именно оно в 1987 г. И если не ошибаюсь, о геноциде русского народа в гражданскую войну первой тоже заговорила "Память".

Явочным порядком стали организовываться и новые политические партии. Так, в мае 1988 г. образовался Демократический Союз. Первоначально он задумывался как единая партия всех антикоммунистических сил, и в учредительных мероприятиях принимали участие самые разноплановые группировки и деятели, вплоть до В. В. Жириновского. Но широкого объединения так и не получилось - слишком много проявилось личных и программных противоречий, и возникла полукрытая - полуподпольная организация "лидерского типа",

возглавляемая несколькими "диссидентами со стажем" и подпитываемая энтузиастами из молодежи. Стали появляться "народные фронты" в союзных республиках и "народные фронты трудящихся". А затем, по мере пробуждения общественности, активизации радикальных настроений, то и дело прокатывающихся предвыборных кампаний и выдвижения новых политических фигур оппозиционные организации полезли, как грибы: Христианские демократы, Конституционные демократы, Либеральные демократы, Демократическая партия Российской Федерации, Демократическая Россия, Социал-демократическая ассоциация, Социал-демократическая партия России, Социалистическая партия, Конфедерация анархо-синдикалистов, Анархо-коммунистический Революционный Союз...

Были и попытки возрождения Белой гвардии. В разных городах, порой независимо друг от друга находились активисты, желавшие стать продолжателями славных традиций давней борьбы - А. В. Денисов, В. Петухов, А. Рязанцев, В. Каульбарс, С. В. Шпагин, О. П. Томилов, О. Ю. Кузнецов, Е. В. Иванов. И группы "белогвардейцев" возникали в Москве, Ленинграде, Омске, Туле, Самаре, Архангельске, Таллинне, Севастополе. Конечно, с настоящей Белой гвардией они имели мало общего, в основном состояли из мальчишек, плененных романтикой прошлого и возможностью пощеголять в красивом мундире. И направления деятельности тоже отличались в самом широком спектре - одни больше увлекались военно-историческими вопросами, пытались вскрыть и донести до людей правду о Белом Движении, другие считали, что на пороге новая гражданская война, и пытались серьезно готовить себя к ней, вплоть до военизированных тренировок и обучения военному делу.

Полным ходом пошел распад и в самой КПСС. Ведь к 80-м годам огромная партия давно уже не могла быть ни "опорой" правящих кругов, ни какой-либо "элитой", ни "авангардом". Ну о какой "элите" могла идти речь, если партия представляла собой гигантскую массу, разросшуюся до 21 млн. членов? Вся ее "авангардная роль" выражалась в голосовании "за" на собраниях, уплате взносов и обязательной подписке на "Правду", а вступали в нее из соображений карьеры, повышения своего служебного и общественного рейтинга, а то и по искренним заблуждениям молодости. Как шутили в "перестройку": обычный рэкет - партия обеспечивает твоё продвижение, а ты ей за это отстегиваешь часть прибыли в виде взносов. И в 1985-91 гг. из этой массы вышло 6 млн. чел. Отделялись, сначала в качестве фракций, а потом и отдельных организация, "Демократическая платформа КПСС", "Марксистская платформа КПСС", отделялись компартии союзных республик - одни, как компартия Литвы, из сепаратистских побуждений, другие - как КПРФ, считая курс Горбачева "предательством социализма".

Возникало и продавалось на каждом углу множество печатных изданий, самодельных, стихийных, нигде и никем не зарегистрированных. И не обязательно политических, связанных с определенными партиями и движениями. Просто творческие и инициативные люди, не имевшие возможностей для публикации в советской системе печати, дорывались до "левых" контактов с типографиями, которые в условиях хозяйственного развала не прочь были подзаработать, и таким образом появлялись новые, доселе неведомые газеты. Одни лопались после пары номеров, другие завоевывали свой круг читателей и держались в некоем квазистабильном положении. Только надо подчеркнуть, что ни одно печатное издание того времени и ни одна политическая организация сами по себе не играли и не

могли играть сколь-нибудь серьезной роли в стремительном развитии событий. Бульварные газетенки тиражом в несколько тысяч экземпляров, разумеется, не могли конкурировать с официозными средствами массовой информации, и жили лишь тем, что заполняли пустующие ниши, которые советская пресса не затрагивала или боялась затрагивать. А партии и движения чаще всего оставались малочисленными, группировались вокруг тех же газетенок или стихийных лидеров, и, увы, точно так же, как в политической мешанине 1917 г., всюду увлекались мелочными спорами, междоусобной и внутренней грызней.

Помню, например, как нам с друзьями стало интересно познакомиться с молодыми демсоюзниками, и мы, связавшись с ними по одному из контактных телефонов, договорились о встрече. Но оказалось, что приехавшие к нам ребята уже вовсе не демсоюзники, потому что успели разругаться с демсоюзниками, вошли в какую-то другую, уж не помню какую организацию, которая в свою очередь делилась на несколько фракций, и горячо принялись растолковывать нам особенности своей фракционной борьбы - кто там прав, кто не прав, почему не прав, и какими способами борются с ними наши собеседники. А мы сидели и недоумевали - шел 1989 год, коммунистическая система выглядела еще очень внушительно и монолитно, и вместо объединения против нее ломать копыя за формулировки программ выглядело просто дико.

Или возьмем другой пример - весной 1991 г. произошел раскол внутри Демсоюза по поводу тактики борьбы. Одно крыло, назвавшее себя "Гражданский путь", образовавшееся вокруг газеты "Свободное слово" и ее редактора Э. Молчанова, считало возможными только ненасильственные и агитационные методы. Другое, "либеральное", во главе с В. Новодворской,

было настроено куда более решительно и звало на баррикады, а позицию своих товарищей по партии считало не иначе как оппортунизмом. И разногласия достигли такой степени, что Новодворская с самыми буйными своими сторонниками совершила набег на редакцию "Свободного слова" и разгромила ее. А милиция, которая перед тем неоднократно разоряла ту же самую редакцию и, разумеется, держала ее под надзором, в этот раз не вмешивалась и от души потешалась зрелищем междоусобного штурма и погрома оппозиционного издания... Поэтому нетрудно понять, что серьезной угрозы для режима подобные организации представлять никак не могли. Но это если поодиночке. А они действовали в массе. Разобщенно, разрозненно, но в едином направлении. Причем такое единство обеспечивалось вне зависимости от чьих-то частных мнений, вполне объективными факторами. Жизнеспособным оказывалось все то, что попадало в общую струю народных настроений - и само получало от этих настроений поддержку и подпитку.

В последнее время неоднократно предпринимались - и конечно, еще будут предприниматься - попытки осмыслить недавнее прошлое. И в рамках этих попыток выдвигаются самые различные объяснения "феномена Ельцина" и самые различные его оценки. Кстати, зачастую далекие от какой бы то ни было объективности - времени прошло еще слишком мало, и Ельцина-лидера, Ельцина-оппозиционера, невольно заслоняет фигура Ельцина-президента, с правлением которого у многих россиян ассоциируются далеко не лучшие воспоминания. Ну а когда доходит до "логических" построений, сводящих всю сложность и многообразие процессов эпохи перестройки к неким строгим схемам и упрощенным моделям, или, скажем, всплывают очередные "сенсационные" размышления, ставленником каких закулисных сил выступал Ельцин, а

каких Горбачев, тут уж остается только руками развести. Потому что авторы подобных исследований чаще всего оказываются в плену у собственных моделей, которые и разрабатываются с одной-единственной целью - блеснуть собственной логикой и "нетрадиционным подходом".

А сами модели оказываются несостоятельными хотя бы уже из-за того, что создаются на базе сегодняшней логики, сегодняшнего мировоззрения и стереотипов поведения, сегодняшней психологии. А она, как нетрудно будет вспомнить любому современнику, в 80-х была совершенно другой - и у нас с вами, и у народа в целом, и у Ельцина. Если же отстроиться от настоящего и представить саму атмосферу тех лет, то можно вспомнить и другую важную особенность: в периоды такого головокружительного потока событий строгой логикой, как правило, вообще не пахнет - тут больше действуют эмоции и непредсказуемая совокупность множества случайных факторов. Ну а что касается раскладов "закулисных сил", то такие версии целиком остаются на совести искателей сенсаций. Потому что ставка на Ельцина для любых "сил" и "кланов" выглядела бы заведомо проигрышной. Да и сам он, судя по всему его поведению, был до определенного момента далек от каких бы то ни было честолюбивых планов.

По своей сути его "крамола" начиналась по тому же сценарию, что история диссидента Орлова, о которой уже упоминалось: когда после XX съезда он и его товарищи слишком прямо поняли "линию партии", то подверглись гонениям. А когда они апеллировали в ЦК, считая наказание несправедливым, то по мнению власть предержащих, такой шаг означал упорство в ереси и отсутствие раскаяния - со всеми вытекающими последствиями... Ельцина же Горбачев выдвинул в ходе кампании "омоложения кадров", а проще говоря когда

ему потребовалось свалить Гришина, оказавшегося во главе "консервативной оппозиции", не понимавшей необходимости реформ ради спасения всей системы. На этом, собственно, миссия Ельцина и кончалась. Предполагалось, что опытный партийный функционер - такой же, как сам Горбачев, в меру инициативный, в меру "прогрессивный", но с достаточным стажем партийной муштры, займет кресло неугодного Гришина, очистит свой аппарат от "его людей", а в остальном все останется по-прежнему. Да еще и благодарен должен быть за выдвижение на посты первого секретаря московского горкома и кандидата в члены Политбюро - значит, верным помощником станет, будет безоговорочно выполнять то, что сверху спустят.

Но ошиблись. Как в Свердловске Ельцин привык чувствовать себя "хозяином" области, так и в Москве начал самостоятельность проявлять. А Москва - не Свердловск, Москва - столица, у нее один "хозяин" должен был быть. Да еще и слишком буквально понял перестроечные лозунги - гласности, борьбы с бюрократией, демократизации. Намекали, поправляли, нажимали - не понял, строптивым оказался. И к Горбачеву недостаточное персональное почтение проявлял - одно дело Брежнев или Андропов, а с Михал Сергеичем давно ли на равных должностях состояли? Вот и загремел с руководящих постов. Чем и вызвал к себе всеобщие симпатии - не столько совершенными действиями, сколько самим фактом опалы. У русских людей опальные всегда пользовались сочувствием, а тут, можно сказать, человек пострадал "за народ". А народ-то как раз и сам замечать начал, что громкие лозунги пустой говорильней оборачиваются - вот и сошлось. И вокруг Ельцина сам собой начал складываться стихийный имидж борца за правду и справедливость. Имидж, к которому он вовсе не стремился, послушно приняв от Горбачева должность в

министерстве строительства - не совсем "ушли", не на пенсию, так хоть на том спасибо.

И роль оппозиционного лидера поначалу его вовсе не прельщала - видимо, даже пугала. Открещивался он от нее, в сторону уходил. А она шла к нему помимо его желаний. И он помаленьку смелел. Но сперва помаленьку. И в 1988 г., когда несмотря на противодействие Горбачева, с большим трудом - от Карелии, он все же очутился в числе делегатов XIX партконференции, когда с большим трудом - благодаря сочувствию охраны, дорвался до микрофона, то неприятно удивил своих сторонников. Вместо смелой и разгромной критики, которая из-за альтернативных выборов уже звучала с трибуны той же конференции и которую, несомненно, ожидали от него, он в довольно униженных и покаянных тонах обратился с просьбой о "реабилитации перед партией". Собственно, выразил готовность пойти на мировую, если его вернут на второстепенные роли к кормушке партаппарата. О каком уж тут стремлении к лидерству могла идти речь? Да только Горбачев такого покаяния не принял и на снисхождение не пошел, проявив себя в данном случае человеком довольно мелочным и вздорным. Так же, как он наслаждался победой над поверженным "строптивцем" на заседаниях Политбюро и пленумах, предшествующих отставке Ельцина, где не отказывал себе в удовольствии сполна повозить его мордой по столу, так он повел себя и на конференции - благо, большинство ее было послушно генсеку. Причем так же, как и в истории с Орловым, сам факт апелляции был расценен в том смысле, что "товарищ не осознал", и считает обвинение несправедливым, значит недостаточно раскаялся. И на этот раз из-за телевизионной трансляции Михаил Сергеевич выплеснул свое торжествующее злорадство на всю страну... Ну а в глазах народа опять решающую роль

сыграла не попытка капитуляции Ельцина, а очередная несправедливость по отношению к нему.

Так уж исторически сложилось, что протест против коммунистической системы в России нарастал лавинообразно, почти сразу принял массовый, а значит и неорганизованный характер. До 1987-88 гг. авторитетная оппозиционная организация возникнуть не могла из-за запретов и репрессий, а дальше, когда "плотину" стало прорывать, процессы пошли слишком бурно и быстро, чтобы подобная организация имела возможность образоваться и наладить разветвленные структуры. Мелким группам и партиям, поминутно возникающим, делящимся и исчезающим, оставалась лишь роль "дрожжей" в активизации политических процессов. А массовой народной стихии нужен был лидер - общеизвестный, вокруг которого можно было бы сплотиться, как вокруг видного отовсюду знамени. И в качестве такового волна народного протеста подняла Ельцина.

Стихия его вознесла помимо его собственной воли, да пожалуй, сперва и вопреки его желанию, потому что он еще сам не осознал ее силы и не верил возможность победы. Это уже позже, почувствовав мощную опору в народе, он стал входить в роль лидера сознательно, целенаправленно, и все более решительно, осваиваясь с ней и приучаясь пользоваться ее уникальными возможностями. Но ему уже ничего другого и не оставалось, так как пути назад были отрезаны. Ведь политические процессы носили еще обратимый характер или казались обратимыми, и Ельцин не мог не понимать, что в случае реставрации прежних порядков его неизбежно уничтожат. Так что волей-неволей оставалось идти до конца.

А его взлет продолжался. Продолжался в русле общих закономерных процессов. По отлаженным десятилетиями коммунистическим канонам, любые

реформы должны были проводиться сверху вниз, с общесоюзного уровня - на республиканский, с республиканского - на областной и так далее, чтобы нижестоящее руководство копировало заданные образцы. Но в конце 80-х обстановка менялась стремительно, уже не по десятилетиям, а по годам и месяцам, и в каждый следующий момент времени среднее общественное сознание оказывалось более радикальным, чем прежде. И поскольку реконструкция власти, начатая Горбачевым, шла по такой же схеме, то выборы в республиканские органы происходили после союзных. Когда избиратели были настроены уже намного более решительно и раскрепощенно, чем во время предыдущей кампании. И Съезд Народных Депутатов СССР, казавшийся в 1989 г. непривычно смелым, выглядел консервативным болотом по сравнению со Съездом Народных Депутатов РСФСР, созданным год спустя. И после трех голосований, с перевесом в 5 голосов, Ельцин из неформального "лидера толпы" превратился в республиканского руководителя, облеченного официальным статусом председателя Верховного Совета России.

В некоторых интеллектуальных и бывших диссидентских кругах можно и сейчас встретить мнение, что доживи до коренных перемен А. Д. Сахаров, его фигура в роли общенационального лидера избавила бы Россию от многих бед и потрясений. Но и этот вопрос лежит в чисто гипотетической области насколько известно, Сахаров к официальным постам никогда не стремился, прекрасно понимая, что его натура несовместима с неизбежной в таких случаях политической "грязью". Да и возглавить практическую борьбу, как это сделал Ельцин, он вряд ли был способен по складу характера - а следовательно, не подошел бы народным массам. Впрочем, и сам он, как уже отмечалось, избегал общения с толпой и не

представлял себя в таком амплуа. Ну а ко всему прочему, сторонникам подобных теорий стоит напомнить, что честный и принципиальный идеалист во главе государства, увы, способен наломать куда больше дров и привести его к куда более страшной катастрофе, чем расчетливый прагматик. История знает немало таких примеров - в том числе и наша. Разве не честные идеалисты во имя своих абстрактных идеалов привели Россию к гибели после Февральской революции?

А с другой стороны, нужно учитывать и тот фактор, что стихийное выдвижение народом фигуры лидера - штука сама по себе небезопасная. Массовый энтузиазм редко бывает способен к объективным оценкам. Непредвзятая информация в таких случаях отсутствует, а предвзятая противной стороны, заведомо отвергается. На многое экзальтированный народ закрывает глаза. И в таких условиях, когда главными критериями служили только общая известность и оппозиционность коммунистической системе, стихийный выбор Ельцина оказался далеко не самым худшим. Например, намного более удачным, чем в Грузии, где такая же стихия вынесла наверх диссидента Гамсахурдиа - и посадила себе на шею диктатора.

Особенности антикоммунистической борьбы в России породили и другие важные последствия. Так, все "демократические реформы" Горбачева нацеливались главным образом на показуху перед Западом. Но и стихийное оппозиционное движение тоже в основной массе ориентировалось на Запад. Отдельные голоса о национальном своеобразии России и о специфике ее исторического пути, просто не имели шансов быть услышанными. Люди выросли на противопоставлении заграничного и собственного бытия, знали из фильмов и передач о заграничном уровне жизни и недостижимых в собственной стране

гражданских свободах - так казалось, чего желать лучшего и изобретать велосипед?

Впрочем, что уж там говорить о стихийных тенденциях, порождаемых эмоциями, если даже такая организация, как НТС, казалось бы, давно готовившая себя к "национальной революции" и имевшая все возможности для серьезных теоретических проработок, оказалась в плену тех же самых теорий. Ее модели будущей России с 30-х годов успели в значительной мере трансформироваться. Если изначально они строились из предпосылок евразийства о собственных путях развития страны, то к 80-м эти модели тоже стали сводиться к демократии западного типа. Оставлялись некоторые специфические элементы, вроде развития религиозной культуры и земского самоуправления, но они уже носили второстепенный характер. И, пожалуй, такое изменение взглядов было обусловлено вполне объективными факторами. В предвоенный период демократические державы выглядели на политической арене достаточно жалко и беспомощно, а кроме них существовал широкий спектр других форм государственного устройства - ну а в двухполярном послевоенном мире ситуация стала совершенно иной.

И в итоге, большинством противников коммунизма в России западные формы демократии воспринимались как единственно возможная альтернатива тоталитаризму, западные оценки и суждения возводились в ранг неоспоримых истин, а сами западные державы считались естественным союзником в борьбе с правящим режимом. Чего на самом деле и в помине не было. Например, уже в 1991 г., после нескольких кровавых побоищ в СССР и прочих рецидивов реакции, проживающий в США правозащитник Орлов подал меморандум в Белый Дом и госдепартамент, доказывая, что ради торжества

демократии надо поддержать Ельцина в его противостоянии с Горбачевым. Ответ он получил вежливый, но категоричный - мол, переориентировать свою политику с Горбачева на Ельцина Соединенные Штаты не предполагают. Так что в действительности ни о какой озабоченности "правами человека" и помину не было. Западные политики убедились в сговорчивости и уступчивости Михаила Сергеевича, сочли его достаточно предсказуемым, и он их вполне устраивал для реализации их линии по ослаблению советского государства. И если в начале перестройки "общественное мнение" еще по инерции времен противостояния выступало против нарушений этих самых "прав человека", то теперь средства массовой информации успешно переориентировали свою общественность в другое русло, и она дружно шизела от "душки-Горби", а разгоны демонстраций, попытки закручивания гаек, жертвы Тбилиси, Риги и Вильнюса как-то никого уже и не волновали.

Но парадокс заключается в том, что и для стихийной оппозиции, сложившейся в условиях отождествления партии и государства, антикоммунистическая борьба не то что сознательно, а даже подсознательно понималась как антигосударственная. Борьба на разрушение не только правящей верхушки, но и всей государственной машины, которая и впрямь выглядела насквозь партийной, и поэтому деструктивные тенденции получали явный перевес над конструктивными. Однозначное "долой" адресовалось всему, что связывалось с институтами власти. И подкреплялось умозрительными заключениями, что "хуже все равно ничего быть не может"... Забывая порой в накале страстей, что советское государство одновременно является и российским, и другого не будет и быть не может. Как и то, что на принципе "хуже быть не может" уже обожглись в 1917-м. Так что можно сказать, России

крупно повезло - повезло в том, что на этот раз она сумела вовремя остановиться. Но обе упомянутые тенденции, деструктивная и западническая, получившие широкое распространение в годы борьбы, оказали несомненное влияние и на дальнейший период нашей истории.

Но вообще-то, даже если учесть все особенности и тонкости, вскрыть и проследить причинно-следственные связи, то все равно попытки осмысления процессов 1988-91 гг. оказываются односторонними и не дают их исчерпывающего объяснения. Потому что на резких исторических поворотах всегда присутствует некое иррациональное начало. Кардинально и "вдруг" меняется само мышление, стереотипы поведения, системы ценностей. События перестают вписываться в рамки прежних закономерностей. Какие-то величины, казавшиеся незыблемыми, внезапно ломаются, а то, что было второстепенным, столь же внезапно выходит на первый план. Меняется сама атмосфера. И описать это явление на уровне логических построений вряд ли возможно вообще.

Пожалуй, стоит проиллюстрировать такие изменения менталитета несколькими примерами не "исторического", а "эпизодического" уровня - из тех фактов, что становились по тем временам вполне будничными и заурядными. Скажем, в предшествующих главах уже упоминалось, как в 1968 г. восемь энтузиастов вышли к Лобному месту на демонстрацию, протестуя против вторжения в Чехословакию - тогда они мгновенно были избиты, повязаны, а случайные прохожие, уж конечно же, сразу кинулись разбегаться подальше от опасного места, так что свидетелями акции стали разве что заранее предупрежденные западные журналисты. Но вот возьмем 1989 год. Один мой товарищ невольно стал свидетелем случая, как группа совсем молодых демсоюзников решила

повторить эту акцию и там же, на Лобном месте устроила демонстрацию против расправы с китайскими студентами на площади Тяньаньмынь.

Отчаянных мальчишек и девчонок тоже задержали. Но бить в открытую уже остереглись, потому что вокруг мгновенно собралась толпа. Она еще не заступалась за арестованных, но пассивное сочувствие им выражала вполне определенно. Демонстрантов увели, а агент в штатском пошел от одного к другому на предмет сбора свидетельских показаний о "нарушении общественного порядка". Люди не расходились, страха перед ним не выказывали, но все до единого заявляли ему в глаза, что никакой демонстрации не видели и ничего не слышали. Только одна дебелая женщина, по виду - провинциалка, приехавшая в Москву за продуктами и нагруженная сумками из близлежащего ГУМа, заикнулась было: "А вот я видела..." Но какой-то работяга небритого вида, не имевший к демонстрантам ни малейшего отношения, протиснулся к ней и заговорщически шикнул: "Тебе что, тетка, жить надоело? Только посмей настучать - из Москвы не уедешь!" Она и язык прикусила.

А другой мужчина, когда приблизился чекист, демонстративно потянул носом воздух и объявил: "Что-то шакалом пахнет!" Агент ринулся к нему, схватил за рукав и воззвал к окружающим: "Вы слышали? Все слышали оскорбление личности?" На что мужчина громко и внятно принялся разъяснять: "А никакого оскорбления не было! Я вовсе не называл вас шакалом, а только сказал, что пахнет шакалом!" И вся толпа, под сотню человек, восторженно подхватила игру: "Точно, точно! Он не говорил, что вы - шакал! Он сказал пахнет шакалом!" Чекист, со всех сторон поливаемый такими шуточками, поспешил ретироваться восвояси, так и оставшись без улова. Разумеется, такое показалось бы

невозможным и нереальным еще в 1988-м, в 87-м, в 86-м...

А вот другой случай, произошедший в январе 1991 г. В нашем гарнизоне лучшей частью считался батальон охраны, а в нем лучшей была 2-я рота, наполовину состоявшая из прибалтов, литовцев и эстонцев, которые даже во времена перестроечной расхлябанности продолжали сохранять эдакую строгую, чуть ли не "немецкую" дисциплину. И вот на следующий день после бойни в Вильнюсе и клеветнических репортажей Невзорова об агрессивных действиях литовцев мне довелось заступать в наряд начальником караула с солдатами из этой самой 2-й роты. Прихожу к ним в казарму - встречают их командир и замполит, оба какие-то бледные, взъерошенные. И лепечут что-то непонятное: "Вы, товарищ майор, конечно, можете отказаться принимать личный состав... Но с другой стороны, нам сейчас и на замену поставить некого. В общем, решайте сами, на ваше усмотрение..." И выясняется, что лучшие солдаты-литовцы во главе с сержантом Мартинасом Труканасом, который должен был заступать моим помощником, посрывали с себя погоны. То бишь отправлять их сейчас в караул с оружием - вопиющее нарушение всех уставных правил. Но и доложить о ЧП наверх, видать, побоялись - нагорит в первую очередь самим командирам. Вот они и решили выкрутиться, переложив ответственность на офицера "со стороны".

Но только я этих солдат знал давно, дежурили мы с ними много раз и общий язык еще раньше успели найти, причем именно на почве близкого отношения к коммунизму. Поэтому принять личный состав я согласился. Вызвал Труканаса, прежде образцового сержанта, бродившего теперь по казарме наподобие киношного Чапаева - расстегнутым и распоясанным, приказал привести себя в божеский вид и готовиться к

наряду. Он увидел, что идти предстоит с начальником, который может понять его состояние, тоже оживился, подтянулся, побежал строить своих. Ротное начальство недоуменно переглянулось, и хотя только что само откровенно "подставляло" меня, выразило озабоченность таким легкомыслием. Спрашивают: "А не боитесь, мол, как бы чего не вышло?" Отвечаю: "Да ничего, как-нибудь управимся".

Службу ребята несли исправно, несмотря ни на что. Но с теми, кто не на постах, мы в караульном помещении так и промитинговали всю ночь, обсуждая текущие события. Помнится, составляли коллективное письмо на телевидение, разоблачая по пунктам ложь и подтасовки в их репортажах. И кстати, русские солдаты целиком и полностью разделяли позицию своих литовских сослуживцев, выражая им горячую поддержку. Без внимания нас не оставили, за полночь прислали проверяющего, летчика из транспортной дивизии. Так и он включился в дебаты. Сначала пытался противопоставить доводам литовцев какие-то официальные аргументы, а потом сдался и признал их правоту. Труканас ему поставил вопрос в лоб: "Вот вы офицер, приняли присягу, добросовестно служите. И вдруг своя же армия приходит в ваш город, безобразничает, громит, убивает, угрожает жизни ваших близких. Так кого бы вы стали защищать - правительство или свою семью?" Летун почесал в голове и хмыкнул: "Знаешь, если честно - то свою семью".

Когда на следующий день возвращал личный состав в казарму, там уже с нетерпением ждало их ротное начальство. Замполит спрашивает: "Ну как?" Жму плечами: "Все нормально, без замечаний". Он подъезжает насчет того, какие разговоры велись, не было ли чего "настораживающего". Отвечаю: "Доклады о разговорах в мои служебные обязанности не входят".

Только тут его осенило поинтересоваться: "Послушайте, вы - коммунист?". "В прошлом году вышел". Тема была исчерпана. Погоны литовцы потом все-таки нашили, без них некрасиво выглядело, но буквы "СА", то бишь "советская армия" с них отпарывали. Так и ходили. И другие солдаты их примеру начали следовать. А начальство и комендатура делали вид, что ничего не замечают, что так и надо. Только на демобилизацию их старались отправлять в первую очередь, без задержек. И конечно, такое тоже было бы просто невозможно еще в 1990-м или в 89-м. Были бы совершенно невозможными ни подобное поведение солдат, ни реакция их начальства, ни откровенность проверяющего, да и вашему покорному слуге, если честно признаться, годом раньше еще было бы небезразлично, наступят на него после этого или нет...

37. Август 91-го

События "путча ГКЧП" уже многократно отражались средствами массовой информации, описывались в воспоминаниях участников событий. Перечисляются и различные причины, по которым не удалась попытка силового подавления освободительных процессов. "... 20 августа. Обстановка (радио). Дом Советов во главе с Ельциным организует сопротивление. Ночью начали переходить на сторону России подразделения таманцев - рота на БМП. В 4-5 утра - рота танков из Кантемировской. По одним источникам - Евдокимова, по другим Агеева. Какие-то подразделения Тульской дивизии ВДВ. Оборону Белого Дома возглавляет генерал Руцкой..."

"... 20 августа, 9. 00. Главный штаб ВВС. Все, вроде, буднично. Только солдаты-контролеры на входе стоят с автоматами... У одного автомат 20-летнего возраста, у другого - 23-летнего. Многие офицеры ГШ опаздывают, ссылаясь на плохую работу городского транспорта. Очень многие приходят в гражданской одежде.

Полковник В.: "До чего дожили! От своего народа прячемся!" У офицеров главного штаба - информации никакой. Обсуждают программу "Время" и радио "Свобода" в курилках. С утра начальник одного из управлений собирает начальников своих подразделений. Те возвращаются... и никакой информации. Предложено заниматься будничными делами. И "соблюдать бдительность". Кто-то с секретчицей вчера поехал за продуктовыми заказами и застрял из-за перекрытых баррикадами и техникой улиц. Секретчица, выйдя из машины, едва успела на метро добраться к концу рабочего дня до рабочего места и принять выданные документы. А заказы этот "кто-то" увез домой.

Известно, что командиры полков и выше отозваны из отпусков. Но в Главном штабе подумали, порядили и не стали отзывать даже некоторых генералов, решив, что они - не командиры полков. Копание в повседневной, мелочной чепухе. Кому-то заказывают пропуска на завтра. Обсуждают продажу какой-то техники за рубеж. При этом начальник вполне серьезно дает указание: "Поскольку в связи с чрезвычайным положением коммерция приостановлена, подготовьте обращение на имя Моисеева - в том тоне, что, мол, выгодный контракт, в виде исключения и так далее. Наверху этот вопрос уже согласован..." Около 12-ти секретарь парторганизации разносит по кабинетам информацию - те же указы и обращения, которые вчера читались по радио и телевидению, а сегодня опубликованы во всех газетах. В туалете полковник ругает ГКЧП за то, что в его районе прекратило показ кабельное телевидение. А на вечер уже была объявлена "Эммануэль-4"..."

"20 августа. 14. 00. Коломенское. Стоящие здесь танки облеплены сплошь ребятей. Играют, как в

песочнице. У танкистов настроение и вид явно не боевые..."

".. 20 августа, 15. 00, Пушкинская площадь. Торгуют порнографией необычайно дешево. 3 р. вместо 10-15, упали цены и на другую литературу. Спешат распродать? Из газет - только "Молния", орган "коммунистической инициативы". Но к ней даже не прицениваются. К лоткам вообще никто не подходит. Зато толпы читают расклеенные на стенах экспресс-выпуски "Мегаполис-экспресс", "Московских Новостей", "Российской газеты", листовки. Много листовок НТС - белогвардейцы призывают весь народ к поддержке Ельцина. При раздаче принесенных листовок жуткий ажиотаж. Дают только тем, кто протиснулся через толпу и обязуется (устно) после прочтения наклеить. Человек выпрашивает комплект из 3-х листовок, только предъявив заводской пропуск и объяснив, что на заводе 30 тыс. человек. Другой предъявляет удостоверение офицера. Говорит - отвезти в часть. Его пропускают через толпу и без слов дают дефицит. Один старичок обижен, пытается доказать: "Ведь я мог бы пообещать, что наклею, и вы бы дали мне. Но я не хочу обманывать"...

"... 20 августа, 16. 30, Манежная площадь. Солдаты на броне читают листовки. Или делают вид, что читают: они устали от разговоров. Они разговаривают уже много часов подряд. А рядом с ними люди сменяются, и все хотят поговорить. Тут же сцепились две группы женщин. Одни кричат: "Они не будут давить!". Другие: "Будут давить! Надо быть идиотами, чтобы дарить им цветы!" А на броне - цветы. И в стволах автоматов - цветы. Солдат атакуют московские девушки. Тусовочные, панкующие девочки с обтянутыми джинсами попками облепили их. Особенно в части оцепления, которое "держит" подземный переход. Там болтают, там - чуть ли не в обнимку. Думается, к ночи

будет еще похлеще. Впрочем, и на улице атакуют. Кажется, не будь мешающих и лезущих с разговорами прохожих, солдаты и девчонки нашли бы отличное и совсем не военное применение таким помещениям, как танки и БМП..."

"... 20 августа. Обстановка на 19. 00 (радио). На сторону России перешел с оружием в руках Московский ОМОН. Таманскую и Кантемировскую дивизии, как несправившиеся и "разложившиеся" из Москвы выводят. Остается Дзержинская. Со стороны Ленинградского шоссе идут какие-то свежие части. Какие-то части, верные хунте, накапливаются у Кировской, еще в нескольких местах. Им выданы боевые патроны, газовые баллоны..."

"... 20 августа, 20. 00, Белый Дом. На подступах, у Баррикадной, на Калининском - люди в мегафоны и просто охрипшими сорванными голосами зовут мужчин на помощь, "защищать последний клочок свободной Москвы". Митингующие группы в 10-15 человек. Истерически кричит пожилая женщина: "Хватит митинговать! Надо идти туда!" Потоки идущих к Белому Дому отовсюду, от всех близлежащих метро, по всем улицам. Над Домом Советов - привязанный аэростат с огромными флагами - триколор России, желто-блакитный, под ним еще два. Чьи, не знаю. То ли Армения, то ли Литва? Да какая разница? Сам аэростат как флаг, ориентир, на который идут. На подходах пытается остановить людей какой-то мужчина. Говорит, что он из КГБ. Если не сумасшедший, то отчаянный смельчак в такой обстановке, надо отдать должное. Тоже, сорвав глотку, орет - не ходите туда. Его тоже обступила толпа. На ближних подступах в виде баррикад составляют уличные туалеты. Воньца. Они не удерживаются, норовят съехать под откос. На памятнике повстанцам 1905 г., на винтовке рабочего - триколор. Он всюду. На баррикадах, на танках, у людей.

Со стороны - зрелище крепости с линиями баррикад по краям, танковыми орудиями, гигантским Белым Домом в центре, десятками тысяч людей вокруг него и массой флагов. Снаружи впечатляет. Изнутри - большой бардак. Баррикады - лишь одна более-менее серьезная. Остальные для танкового удара - ноль. Грозные стомиллиметровки Евдокимова - без снарядов. Интересно, что нападающие об этом знают, а защитники - нет.

Лозунги. Масса про хунту и про фашизм. "Долой восьмибоярщину", "Язов говно!", "Янаев - чмо!", "Забьем заряд мы в тушку Пуго!", "Дадим краснопузым последний бой!", "Без промаха по большевикам!", "8,7,6,5,4,3,2,1,0!", "Путчисты, сдавайтесь! Вам ничего не будет! Ни дач, ни пенсий, ни привилегий!", "Кошмар на улице Язов"... Всеобщая неразбериха. Масса народа как притекает, так и вытекает. Две девушки и два парня обсуждают, куда бежать, если начнется бойня. Решают держаться поближе к посольствам. Группа вработавшихся, не обращая внимания на зевак, все в поту и в грязи, перекидывают камни. Таскают трубы, рельсы, арматуру. Строят и строят укрепления. А зевак раз в десять больше. Нет, не зевак - просто пришедших и не знающих, что делать. Кто-то - опять непонятно кто приказывает женщинам уйти. А рядом наоборот - призывают женщин в живые цепи. Сорванный голос человека в мегафон пытается инструктировать тех, кто собрался "встречать войска". Не замахиваться, не плевать, не грубить, короче - не делать ничего, что солдаты могут посчитать провокацией. "Если не остановятся, если будут продолжать движение - расходитесь! Расступайтесь! Сзади вас - баррикады! На баррикадах бойцы проинструктированы, они знают, что делать!." Похоже, бойцы на баррикадах проинструктированы точно так же, как и "встречающие". Там и сям проходят женщины с листами

ватмана на груди: "На Москву идут войска! Помогите отстоять Москву!"

Само здание защищает ОМОН. Первая линия баррикад с грозными, но без боеприпасов, танками и БМП таманцев и кантемировцев, облепленными людьми и увешанными триколорами. На передовом рубеже перемешалась молодежь. Афганцы, работяги, студенты. Как ни странно, большим порядком выделяется баррикада анархистов на Калининском. Впрочем, с ними просто трудно смешаться другим флаги, прически, внешний вид, возраст. Пацанва и девчонки с арматуринами в качестве оружия. Сзади анархисты, а впереди шеренги женщин, перекрывших проспект с плакатом: "Солдаты, не стреляйте в своих матерей!" Нервно. Разговоры про войска, идущие со стороны Ленинградского шоссе. По разговорам, находятся уже в районе Сокола. В булочной развернут лазарет. У многих - фотоаппараты, кино и видеокамеры. Поскольку такие люди выделяются, впечатление - будто снимает каждый третий. Десятки тысяч людей. Разговоры о подходе войск. Всеобщее беспорядочное движение. Оценивая взглядом "позицию", можно сказать, что в случае бойни этим десяткам тысяч просто некуда будет деваться, кроме Москва-реки. Тысячи потенциальных жертв. И со всех сторон такой русский, такой раздолбайский, но такой душевный подъем в этом гигантском, готовящемся к схватке бардаке - "... А ништо! Одолеем!"..."

"... 21 августа, 6. 30, Баррикадная. Стать распространителем листовок более чем просто. Попросил одну - а одуревший от бессонницы человек с рюкзаком дает пачку: "На, раздай". Пачка в пару сотен листовок расходуется за 15 секунд. Надо лишь поднять ее над головой, чтобы увидели. И уцелеть в давке..."

"... 21 августа, 15. 00, Баррикадная. У листовок и экспресс-выпусков все так же, как и вчера - толпы

людей. Подбегает человек и орет во все горло: "Да что вы еще читаете! Все! Путчистам - п.... ц!!!" И все читающие, в том числе женщины, девушки, старушки на этот ликующий мат кричат "Ура!"

"... 21 августа. 15. 00. Белый Дом, Площадь Свободы. Это праздник. Всеобщий праздник. Настоящий День Победы. Так же по-русски, как бардачно и бесшабашно оборонялась Россия, так она по-русски, бардачно и бесшабашно празднует. На подступах еще охрипшими голосами зовут добровольцев, еще призывают их брать противогазы и марлевые повязки. Еще зовут бойцов самообороны на смену уставшим и не спавшим, а в нескольких шагах - уже праздник. Многие обнимаются, целуются. Кто смеется, кто плачет от разрядившихся чувств. Где-то поют песни. Сотни тысяч людей. Ночью было 50-70 тысяч. Кипит митинг. Сотни тысяч глоток, ладоней, поднятых кулаков, два пальца - "виктори". Нет, не один митинг. Самый массовый - у огромной трехцветной трибуны. А поменьше митинги - куда ни глянь. Слились и перемешались все. Тут и армяне, и турки. "Память", а рядом - равнины в своих шляпах. Всюду триколоры. На танках и БМП, в бантах и значках. В сквере молодые люди, двое из них в одежде то ли монахов, то ли семинаристов, устроили что-то вроде иконостаса из хоругвей и икон, служат молебен. Врачи возятся с лежащим человеком. То ли в обмороке, то ли умер. Масса снимающих. Танки, флаги, людей, танкистов, которых разукрасили трехцветными поясами, бантами и еще черт-те-чем, как елки. Парень на фоне баррикады щелкает свою элегантную девушку. Одинокий священник со своим песнопением носит икону-фотографию...

И как-то отдельно, как-то в сторонке те, кто защищал Белый Дом в эту ночь. Они у своих палаток, у своих костров. Все разные, но их сразу можно отличить. Дембеля и зеленая пацанва в комбинезонах. Может -

любимые, а может - временные подруги, заботливо укутанные старыми шинелями. Тусовщики в замызганных грязью кожанках и кепках. Девочки в свитерочках, перепоясанных офицерскими ремнями. Небритые щеки парней. Распахнутые бессонницей глаза. Усталость сброшенного напряжения. Руки, исцарапанные арматурой и булыжниками. У кого-то наспех залитые йодом ссадины драки. Они смотрят на все происходящее немножко покровительственно, свысока. Они имеют на это право. Они завоевали его, решившись стоять тут насмерть. И они отодвинуты сейчас на второй план. На первом они были ночью. Люди смотрят на трибуны. Показывают пальцами на лозунги, фотографируются на фоне этих лозунгов, и вскользь глядят на их плащ-палатки, комбинезоны, кепки и береты. И вообще-то мало кто задумывается о том, что само рождение и написание лозунга было связано с конкретными людьми, конкретным моментом, было само по себе событием и несло какие-то эмоции, слова, настрой. Между пришедшими сейчас и стоявшими тут как бы незримая стена, и это закономерно. Стоявшая тут молодежь пережила эту ночь. Пережила на этих баррикадах. Они отодвинуты на второй план фактом победы, радостью, митингами, речами политиков. Их танки, их баррикады, их плакаты стали экспонатами, возле которых фотографируются. Да и на них глядят, как на экспонаты. Те, кто замечает.

Они сидят у палаток и тлеющих костров. Как в турпоходе. Как на каком-нибудь слете КСП. Как на большой рок-тусовке. У них уже своя жизнь, свой быт и свои взаимоотношения. Кто-то идет к кому-то стрелять сигареты. Кто-то спит в палатке. Курят или глядят на окружающее. Они молчаливы. Где-то пьют чай или кофе. Они богаче пришедших на вчерашние дни и ночи, и они осознают это. Где-то они включили радио и дают его слушать людям, как хозяева льющихся оттуда

новостей. В дверях троллейбуса-баррикады ошалевший от бессонницы парень распахнул полиэтиленовый пакет и раздает всем прохожим яблоки. В нескольких местах пьют - под эстакадой СЭВ, в палисаднике под кустами сирени, где-то просто на баррикаде. Ну и что? Это - их право и их праздник. Вот мальчишки-школьники или ПТУ-шники сидят вокруг нескольких 25-рублевых баночек пива. Наверное, отдали за них все сбережения, взятые с собой из дома в неизвестность. Сейчас для них деньги еще не имеют цены, они еще в другой системе ценностей, где явления измеряются куда более крупными категориями. Да и кто возьмется осуждать подвыпившую улыбку рабочего в резиновых сапогах или зацелованные губы девчонки в тельняхе на голое тело? Кто?

Они пришли сюда не считанные и не переписанные - безымянные. И такими же отсюда уйдут. Они переступили черту жертвенности и побывали за ней. Они были солдатами, и они - победители... Они отсюда уйдут, как возвращаются из походов домой. И растворятся в буднях. Смешаются со всеми. И с теми, кто душой болел за них. И с теми, кому были безразличны и они, и войска, и хунта... Они растворятся такими же безымянными и нечитанными, как пришли строить баррикады, глотать дым костров и ждать удара. Лишь иногда, встретив знакомое лицо, обменяются: "Как ты?" - "А как ты?" Но это будет завтра. А сегодня - их день. День Победы. И у них состояние, как у сделавших свое дело строителей. Первопроходцев. Квартирьеров. Тех, кто сделал праздник для других. Они сделали его и смотрят, как люди празднуют. И сами празднуют но очень устали. Ведь это очень трудная работа - делать праздник Свободы. Поэтому они и вместе со всеми - и не смешиваются с ними. Вместе - и как бы отдельно. И не нужно сейчас им мешать...

От Белого Дома праздник растекается вширь по Москве, Какая-то женщина у баррикады одиноко стоит и кричит: "Не расходитесь! Информация не подтвердилась! Янаев не арестован!" Но ее не слушают. Призывы к сохранению бдительности тонут в море ликования. Впрочем, подъем радости так велик, что пойдти сейчас хоть дивизия - ликующая толпа раздавит ее легче, чем разъяренная. Сметет на радостях. Потoki людей к Белому Дому. Потoki от него, разносящие эту радость. На глазах, один за другим, по Калининскому проспекту открываются киоски кооператоров..."

Вероятно, в приведенном отрывке вы обратили внимание на одну очень важную деталь. В событиях 19-21 августа создалась поистине уникальная ситуация, когда в общем фронте вокруг Белого Дома объединились самые необъединимые - "Память" и раввины, велико-державники и сепаратисты, тусовщики и милиция, армяне и азербайджанцы, демократы и монархисты, рабочие и нувориши, казаки и шпана. Объединились все - наверное, впервые с 1917 года. Объединились всего на два дня. И этого оказалось достаточно, чтобы твердыня советской системы рухнула. И невольно задумываешься - а если бы вот так же, объединившись, народ вышел в октябре 17-го защитить Зимний Дворец, так ведь наверное, она и не установилась бы эта система?...

В данной работе я отнюдь не претендую на полное освещение всей многоплановой и многообразной картины антикоммунистической борьбы в России. Наверное, для этого потребовались бы десятки томов, куда большие возможности для поиска фактического материала, длительные кропотливые исследования и целая когорта исследователей. Мне же хотелось сделать хотя бы некие обобщенные наметки в данном направлении и проследить как таковую линию этой борьбы на протяжении всего советского периода

истории. И как видите, эта линия получается сплошной. Далеко не прямой, с зигзагами, тупиковыми ветвями, колебаниями в разные стороны, подъемами и спадами, но в целом - непрерывной от установления до падения коммунистической власти. Не было в нашей истории ни одной точки, ни одного отрезка, чтобы не жило и не действовало в русском народе сил, противостоящих рабству. То есть, полностью сопротивление так и не было подавлено никогда. Что представляется довольно важным для правильной оценки национального характера "русских" то есть всех народов, населяющих нашу страну.

В свое время была очень популярна идея "суда над коммунизмом", "суда над КПСС" который вскрыл бы все преступления и грехи прошлого, юридически разложил их по полочкам, заклеил по достоинству и предал официальной анафеме. То есть, что-то вроде "Нюрнберга для коммунизма". Или акта очищения и покаяния. В работах некоторых авторов либерального и демократического толка такая идея периодически встречается до сих пор, и признаюсь, я сам не так уж и давно числил себя ее сторонником. Но только если разобраться, тут опять встает весьма важный и принципиальный вопрос: "а судьи кто?" Каяться в своих грехах и торжественно отречься от заблуждений - перед кем? Перед иностранными державами и народами? А чем они, собственно, заслужили роль наших судей и исповедников? Тем, что вовремя учились на ошибках России и поэтому сумели избежать аналогичных катастроф? Или тем, что ради собственных выгод поддерживали советский режим и помогали ему удерживать свой народ в рабстве? Тем, что проявляли абсолютное равнодушие к массовым страданиям и зверствам, и лишь изредка, когда это требовалось самим, вспоминали с высокой горки о "правах

человека"? Или из своих закордонных свобод они хоть чем-то помогли освободиться России?

Да и вообще, как уже отмечалось, сам принцип "юридического осуждения" - до судебного решения было, вроде бы, "можно", а вот после подведения законодательной базы стало "нельзя" - выглядит на поверку довольно сомнительным. Может быть и удобным для западного обывателя, но для российской психологии совершенно чуждым. У нас что можно, а что нельзя, испокон веков утверждалось не в юридической, а в духовной области. Ну а если не на показуху, не ради формальной шумихи и пропагандистской кампании, а перед Богом или просто для самих себя, для души - так может, оно и правильнее, если проблемы осмысления и покаяния останутся на душе каждого из нас и на его личной совести?

Часть третья.

Ростки в будущее

1. Решения и альтернативы

До сих пор остается открытым вопрос, действительно ли были события ГКЧП "попыткой переворота" или их организовал сам Горбачев? Очень уж многое свидетельствует в пользу второй версии. Действовать исподтишка - это было в его манере. Ведь он сам постепенно начал убирать из руководства "реформаторов", на которых опирался в начале правления, и сам выдвигал на их места тех, кто стал "путчистами". И весь состав будущего ГКЧП он собрал под своим крылом как раз где-то к концу 1990 г., когда события явно начали выходить из-под его контроля и выбиваться из первоначального партийного сценария. Как уже отмечалось, январские события в Вильнюсе вполне могли быть репетицией московского августа. А потом была еще одна репетиция, хотя и бескровная - с вводом танков в Москву в марте 1991 г. Летом состоялись выборы президента РСФСР, на которых

убедительную победу в первом же туре одержал Ельцин - и тем самым позиции Горбачева были еще сильнее подорваны. И возможность одерживать дальнейшие победы над оппозицией в демократических формах борьбы стала для него весьма проблематичной.

Экс-премьер Павлов в 1992 проговорился: "Вечером 17 августа 1991 г. я полчаса разговаривал с Горбачевым по телефону. Он был в курсе всего происходящего".

Любопытными представляются и свидетельства генерала В. Г. Медведева, начальника личной охраны президента СССР. Он вспоминал, что 18. 8 на дачу в Форос приехали его непосредственные начальники из КГБ Плеханов и Генералов, а также Шенин, Бакланов, Болдин, Варенников - вести переговоры с Горбачевым насчет грядущего "путча". Медведев сообщает: "Если бы Михаил Сергеевич хотел изменить создавшееся положение! В моем подчинении был резервный самолет "Ту-134" и вертолет. Технически - пара пустяков: взять их в наручники и привезти в Москву. В столице бы заявили, и там еще можно было накрыть кого угодно. Было еще только 18-е..."

Но Горбачев команды повязать "изменников" не дал - вместо этого ушел совещаться с Раисой Максимовной. Потом принял переговорщиков. "Прощаясь, обменялись рукопожатиями. Делегация вышла от Горбачева хоть и расстроенная, но в общем, довольно спокойная: не получилось, и ладно, они этот исход предполагали". Плеханов увез Медведева, передав всю охрану под команду Генералова. Все телефоны уже были отключены, Форос фактически заблокировано, тем не менее, как узнал потом Медведев от подчиненных, "даже душевный покой президента в этот день не нарушался. Мы улетели, а он отправился... на пляж. Загорал, купался. А вечером, как обычно, в кино. Забеспокоился он много позже, спустя более суток. То

есть вечером 19 августа, когда Янаев на пресс-конференции объявил его, Горбачева, больным".

И вот тут обращает на себя внимание еще один важный фактор. К этому времени уже всюду пошел "парад суверенитетов", и как раз на 20. 8 было назначено подписание нового союзного договора, который должен был закрепить изменившиеся принципы объединения - с гораздо большей национальной самостоятельностью, на правах конфедерации. Само это мероприятие предполагало множество трудностей - прибалтийские республики даже такие принципы объединения уже не устраивали, другие собирались добиваться большей независимости. Но нужно учесть и то, что новый проект был явно не по нраву кремлевскому руководству, ослабляя прерогативы центральной власти. Он опять являлся вынужденным компромиссом, очередным рубежом отступления, к которому толкало коммунистический режим общественное давление. И сразу возникает вопрос - почему же Горбачев накануне столь ответственного, можно сказать эпохального мероприятия - а одновременно и к началу путча, оказался вдруг на отдыхе в Крыму?

Поневоле напрашивается версия, что сами по себе действия ГКЧП президента вполне устраивали. Сорвать подписание договора, прекратив тем самым отступление, нанести решительный удар по тем силам, которые коммунистов к этому отступлению вынуждали - но сделать все это чужими руками. Так, как это всегда при Горбачеве бывало - чтобы потом концов не найти. И если сам он прямого согласия ГКЧПистам не давал, то как раз из желания остаться в стороне и сохранить лицо перед Западом - он в отпуске был и не знал ничего. Самодеятельность некоторых должностных лиц. А что надо предпринять, его подручные и сами должны были догадаться, инициативу проявить, не маленькие -

он потом на готовое придет. Ну а перепугался, когда вдруг понял, что выпущенные им силы и от него самого способны избавиться. Власть - она штука заманчивая.

И наверное, не случайно после своего провала "путчисты" кинулись не куда-нибудь за границу, а в Крым, к Горбачеву. Докладывать о причинах неудачи? Можно вспомнить и впечатляющую картину, в каком виде Михаил Сергеевич прибыл в триумфальную и праздную победу Москву - отнюдь не как освобожденный герой. Потертый, помятый, жалкий, в каком-то поношенном тряпье. Ведь похоже, имел все основания предполагать, что и его могут арестовать. Да только Ельцин оказался умнее. Подчеркнуто встретил как законного президента и сделал вид, что принял версию о "мятеже". Потому что тем самым и свержение коммунизма автоматически приобретало легитимную форму - не переворота, а восстановления конституционного порядка. А фактически произошедшая революция переводилась в русло эволюции. И вот это надо считать одной из главных заслуг Бориса Николаевича. Такой простой и мудрый выход позволил России избежать разрушительных последствий, заложенных в любой революции, какие бы благие цели она ни преследовала. И надо отдать должное - в данном случае Ельцин оказался выше личной или даже "общественной" мести, поскольку понял, что опасности Горбачев больше не представляет. Уступив или упустив реальную власть в руки ГКЧП, он уже не получил ее обратно - теперь ее перехватили победители. А приостановка деятельности КПСС в России и вовсе лишила его опоры.

Но в этом плане весьма сложным и неоднозначным выглядит вопрос "развала Союза", вопрос Беловежских соглашений, в которых принято обвинять Ельцина. Была ли в тот момент реальная альтернатива такому решению? Горбачев до сих пор утверждает, что была.

Ельцин - что ее уже не существовало. Коржаков описывает, как принималось это решение на кулуарной встрече Ельцина, Кравчука и Шушкевича - сплеча, по внезапному наитию, чуть ли не после баньки и прочих сопутствующих удовольствий. Однако тут стоит вспомнить, что центробежные процессы уже шли полным ходом, начавшись задолго до указанной встречи. Еще в 90-м декларации о суверенитете принимали не только союзные республики, а и Башкирия, Калмыкия, Чувашия, Татария, заявили о своем образовании Приднестровская и Гагаузская республики, в 91-м - еще и Крым... Пожалуй, реальная альтернатива сохранения Союза и впрямь существовала лишь до 20 августа, до готовящегося нового договора. А путч ГКЧП с одной стороны, отпугнул национальные республики, показал опасность, исходящую от центральной власти, и ее непредсказуемость. С другой - подорвал саму центральную власть и приблизил ее авторитет к нулю. И дал новый толчок деструктивным процессам. Поэтому условия, на которых готовилось подписание, не устраивали теперь и те республики, которые прежде соглашались с ними. Так что де-факто развал произошел еще в августе, а Беловежские соглашения лишь закрепили его де-юре.

Несомненно, в действиях Ельцина присутствовали и мотивы персональной борьбы за власть. Горбачев все еще сидел в Кремле, хотя и потеснился. И как раз в ходе переговоров с лидерами союзных республик он еще выступал реальной "вышестоящей инстанцией", пытался в какой-то мере вернуть утраченный авторитет и опору. Устранение союзных структур, а значит и поста президента СССР ставило окончательную точку в их противостоянии. Но кроме этого, имелись и вполне объективные факторы, способные оправдать шаг Ельцина. Сама структура Союза, заложенная Лениным в качестве заготовки для будущих "Соединенных Штатов

Европы", делала весьма проблематичным частичное решение. Держится - пока держится все в целом. Но "развяжи веревочку", создай прецедент, все и рассыплется на составные части.

Ну предположим, что Союз все же сохранился бы. Тогда все равно кого-то пришлось бы из него "отпускать". Ясное дело, удержать Прибалтику уже не было никакой возможности. Но вслед за ней на очереди стояли и республики Закавказья, где сепаратистские тенденции тоже успели разгуляться вовсю. И попытайся Россия удержать их, она вместо одной маленькой Чечни получила бы Грузию, Азербайджан, Армению. А националистические настроения были сильны и в республиках Средней Азии - и вслед за Закавказьем цепная реакция почти неизбежно перекинулась бы туда. Нужно учитывать и позицию республиканских руководителей. Они все были равны, не имели желания уступать друг другу, и если один становился главой независимого государства, то другие-то что, хуже, что ли?

Так кого же еще можно было удержать? Стоит напомнить, что решающим толчком, подвигнувшим Ельцина к Беловежским соглашениям, стал референдум о независимости на Украине - подавляющим большинством ее население высказалось за отделение. Автору этих строк довелось в то время общаться не только с украинцами, но и с проживавшими там русскими, и они тоже горячо приветствовали "самостийность". По вполне прозаическим мотивам: "А чего - у нас хлеб есть, мясо, сало, а газ в Иране покупать будем! И заживем о-го-го как!" И это только сейчас глупостью кажется. А в той обстановке, до которой довел страну Горбачев, в обстановке пустых прилавков, многочасовых хвостов очередей, неотovarиваемых талонов на продукты, иметь в досталь хлеба и сала, которые можно есть самим, а не

отправлять куда-то не пойми куда, действительно представлялось многим верхом благополучия. А кого же еще оставалось удерживать? Только Белоруссию. Но если бы она удержалась в "СССР" одна, так сказать, в уникальном качестве, то и здесь под влиянием собственных, и украинских националистов мог возникнуть неслабый очаг напряженности - все повыходили, а мы что?

Для объективной оценки надо учесть и другие особенности данного периода. В сложившейся "революционной ситуации" попытки силового решения внутрисююзных проблем - даже не военного вмешательства или давления, а хотя бы силового обеспечения стабильности и поддержания порядка, были вряд ли возможны. Тот, кто решился бы на это, будь то Горбачев или даже Ельцин, мгновенно получил бы мощнейшую оппозицию внутри России. Ведь это только в других республиках борьба развивалась под националистическими лозунгами, на пропаганде узконациональных интересов - что и проявилось впоследствии, когда эти республики достигли вожделенной независимости. А значительной частью российской общественности их борьба воспринималась в общедемократическом и антикоммунистическом плане. И вызывала тогда массовую поддержку и симпатии у русских (о чем нынешние прибалты предпочли прочно забыть). Поэтому любой, кто посягнул бы на "законное право на самоопределение", рисковал сразу превратиться в "реакционера". Да и сами силовые структуры в атмосфере демократической эйфории и экзальтации; перестали быть мало-мальски надежным инструментом для решения внутренних проблем. Ярлыков на них повешали предостаточно, и быть "палачами" или "жандармами" они больше не желали, что как раз и проявилось в августе 91-го.

У ситуации, сложившейся к моменту Беловежских соглашений, имелась еще одна опасная сторона. Предположим, формально "Союз" сохранился бы, и отпустить из него республики пришлось бы поодиночке, поэтапно, с попытками остановить и задержать распад на каждом рубеже. Однако само растягивание этого процесса порождало бы дополнительные внутренние напряжения в обществе, служило источником новых размежеваний и конфликтов, создавало дополнительную раскачку и подпитывало состояние нестабильности. А при продолжении такой раскачки и развитии цепной реакции, кто знает, получилось бы вообще остановиться на уровне союзных республик? Не посыпались бы вслед и автономные, захваченные дальнейшей "революционизацией"?... Ельцин предпочел решить проблему сразу, одним махом. В надежде, кстати, и на то, что если разойтись по-хорошему, не перессорившись, то те же республики, испытав негативные последствия отделения, так же легко смогут сойтись снова - если не все, то частично, кто пожелает. В этом он ошибся - несмотря на трудности, все предпочли путь отдаления друг от друга, а не сближения. Но одновременно он устранил и дамоклов меч опасности, который представляла сама проблема, если бы и дальше продолжала висеть над государством. Не хочу в данном случае доказывать его правоту - но и соглашаться с обвинениями в его адрес. Поскольку сам вопрос оказывается слишком сложным и не предполагает однозначных выводов.

Впрочем, тут нужно сделать одно отступление. Мне представляется, что так легко пойти на Беловежский "самороспуск" Борис Николаевич смог еще по одной причине. По многим его действиям, решениям, особенностям поведения можно выдвинуть предположение, что вплоть до своей отставки - и уж во всяком случае, до болезни - он так и не смог

психологически подняться до масштабов главы огромного государства. А внутренне, по всему своему складу, так и остался на уровне областного руководителя. Как, кстати, и Горбачев. Но проявлялось это у них по-разному. Горбачев весь Советский Союз воспринимал в виде привычной ему области или Ставропольского края, только увеличенного в размерах. Драл на ковре и материл проштрафившихся министров так же, как когда-то нерадивых председателей колхозов. Не терпел возражений и иных мнений, кроме собственного - так же, как в области немисливо было для кого-то перечить первому секретарю. А свои эксперименты и реформы проводил так же, как некогда посевные кампании и "битвы за урожай".

Ельцин же в больших масштабах, мне кажется, внутренне комплексовал, чувствовал себя неуютно. Они были для него лишними, чрезмерными. Поэтому расстаться с союзными республиками смог без особого сожаления: "баба с возу - кобыле легче". И глубины разделения, которое вызовет такой шаг, он, может, и не предполагал. Ведь и лидеры Украины или Казахстана были в его представлении такими же "руководителями областей". Так какой же тут распад? В прежние-то времена первые секретари соседних регионов жили между собой в хороших контактах, если нужно - встречались, о взаимопомощи договаривались, о каких-то взаимных поставках, а границы между их "вотчинами" никакого особого разделения не предполагали.

Возможно, те же психологические особенности Ельцина играли роль и в вопросе с областными самоуправлениями внутри России, всякими "разграничениями полномочий". Думается, здесь сказывались не только американские образцы демократизации с самоуправлением штатов. И не только высказанная Солженицыным мысль о том, что

Ельцин таким образом поощрял верных ему региональных лидеров, создавая себе опору в лице губернаторов. Не исключено, что он и тут сознательно или подсознательно сбрасывал с плеч "лишнее" - чем больше отдать на откуп другим, тем лучше. Областные рамки мышления сказывались, по-видимому, и в других случаях. Так, Коржаков очень подробно описывает историю постройки "президентского" жилого дома - сколько внимания уделял этому Ельцин, как вникал во все мелочи, сколько интриг и баталий разворачивалось вокруг распределения квартир. И перед нами предстает как бы и не глава государства, а типичный секретарь обкома, для которого как раз вопросы такого уровня оказываются близкими, знакомыми и понятными.

Похоже, он и лидеров мировых держав, вроде "друга Билла", достигнув их ранга, подсознательно воспринимал в пределах привычных для него стереотипов. Как, будучи первым секретарем в Свердловске, воспринимал бы первых секретарей Якутии или Могилевщины - конечно, у каждого из них свое на уме, у каждого свои интересы превыше всего, но в целом-то - "свои ребята", одного поля ягода. И если Наина Иосифовна, ничтоже сумняшеся, перед встречей с Клинтоном наливала ему лишнюю стопку, то ведь и это было вполне в рамках обкомовских представлений и приличий. Когда один первый секретарь перед встречей с другим первым секретарем хватил лишку, то что же в этом особенного и зазорного? Неужели тот не поймет по-товарищески?

Теми же комплексами и психологическом дискомфортом можно объяснить неуверенность Ельцина во внутренней политике, его шатания туда-сюда, частую смену помощников и советников, чередующиеся периоды полной зависимости от их мнений с опалами и отставками. Потому что ощущая себя общенациональным лидером - сперва обоснованно,

потом - на основе самовнушения, он все же искренне хотел "как лучше". Но как сделать это "лучше", и сам не знал. Давал себя убедить кому-то из приближенных, увлекался сам их идеями, шел на поводу - пока не убеждался или другие приближенные не переубеждали, что не лучше получается, а хуже. И следовала новая "смена караула", новые шатания и дерганья.

То, что такие советники, да и вообще руководящие кадры, выдвинувшиеся при Ельцине к управлению страной, оказывались в большинстве своем далеко не кристальными, тоже имело под собой вполне закономерную основу. Ведь в условиях начала 90-х превращение советского государства в российское пошло в меньшей степени революционным, и в большей - эволюционным путем. И естественное преимущество получали те, кто еще в прошлой системе успел занять некий предварительный "трамплин". То есть, выходцы из прежней партийно-государственной номенклатуры, ее вторых и третьих эшелонов, сумевшие "перестроиться", приспособиться к новым веяниям, но и переносившие на новую, благодатную почву рыночных отношений корни прежней, еще советской коррупции, связей, знакомств, родственных кланов.

Однако и для этого явления объективная оценка выглядит далеко не однозначной, стоит лишь рассмотреть вопрос, были ли у него реальные альтернативы? Были, но они, к сожалению, выглядят еще более неутешительными. Потому что главной причиной, по которой получали преимущество к выдвижению представители прежней номенклатуры, стало неполное разрушение самого прежнего государства. А выдвижение каких-то других лидеров, менее связанных с прошлой системой, стало бы возможным только при дальнейшей радикализации революционных процессов - и соответственно, их

деструктивных последствий. Что тоже было вполне реально.

Скажем, одна из брошюр НТС, выпущенная в 1990 г., писала: "Тех, кто боится распада страны, мы должны спрашивать: что рушится? Рушится коммунистический строй, советское государство, рушится то, что вообще не должно было быть. Радоваться, а не горевать надо по этому поводу и, засучив рукава, приступить к строительству нашего, российского государства, которого у нас не было с 1917 года".

На эмоциональном подъеме борьбы - причем характерном в тот период не только для НТС, но и для других организаций и стихийной оппозиции, зачастую терялась здравая мысль, что вряд ли кому придет в голову взрывать автомобиль для строительства из его обломков новой машины - а ведь государственный механизм, пожалуй, посложнее будет. Забывались порой прописные истины, что государство, кроме правящего аппарата, включает в себя системы правоохранительных органов, обороны, здравоохранения, образования, социального обеспечения, экономические инфраструктуры - какими бы плохими и несовершенными они ни были, но жизненно необходимые для существования каждого отдельного человека...

Забывалось и то, что полное разрушение старого приводит не только к "расчистке стройплощадки" для нового, но и к хаосу. А в любом хаосе куда больше шансов выдвинуться к власти получают отнюдь не идейные и честные "строители", а те, кто понаглее и позубастее. И к чему приводят подобные тенденции, доведенные до своего логического завершения, можно увидеть на примере Чечни. Тоже ведь большинство населения поверило - вот разрушим все старое, этот самый русский - тире - советский порядок, и возьмемся, "засучив рукава", строить свое, новое... Но даже там,

где не доходило до такой крайности, приход к власти "идейных оппозиционеров" оказывался намного более губительным, чем власть "номенклатурщиков". Потому что эти оппозиционеры в делах государственного и хозяйственного руководства оказывались совершенно некомпетентными. А слепое следование собственным программам и лозунгам на практике давало результаты, противоположные ожидаемым. Так случилось и в Грузии, и в Азербайджане, где совершенно разные по складу и характерам Гамсахурдия и Эльчибеи очень быстро вогнали республики в политический и экономический тупик, привели их к кризисам, полному развалу хозяйства и гражданской войне. И в итоге искренне поддерживавшие их народы сами же предпочли их свергнуть и вернуть к власти прежних лидеров - тех же, что правили при социализме. И в Польше Валенса в роли государственного руководителя проявил себя не лучшим образом - и его тоже "попросили". Да и Москва в свое время предпочла "прагматика" Лужкова "политику" Попову - и не пожалела об этом.

Причем вопрос соотношения "революционности" и "прагматизма", политических перемен и реальности, в российском случае цеплялся за другую важную проблему. В те самые рассуждения и убеждения о "строительстве российского государства, которого у нас не было с 1917 года". Да ведь в том-то и дело, что уже было. То же самое советское государство было уже и российским - по крайней мере, в период, предшествовавший падению коммунизма. В последние десятилетия своего существования Советский Союз оставался "империей зла" разве что в штампах западной пропаганды. Сама-то страна была далеко не та, что в 20-х или 30-х. Все же в какой-то мере происходило и "внутреннее перерождение коммунизма", которого так ждала еще первая русская

эмиграция, и "конвергенция", на которую возникали надежды после войны. Только не сразу, а постепенно, от поколения к поколению. Что тоже вполне закономерно и хорошо вписывается в упоминавшуюся ранее теорию Л. Н. Гумилева об "антисистемах".

Стоит здесь вернуться к ней еще раз и напомнить, что согласно данной теории, победившая антисистема бывает вынуждена сближаться с обычной, нормальной системой, иначе она должна самоуничтожиться. А это и началось при Сталине - и его преемникам пришлось пойти на реформы и смягчения, чтобы прекратить такое самоуничтожение. Но при Сталине начался уже и другой процесс - восстановление преемственности исторической традиции, возвращение СССР к облику Российской державы. Сперва частичное и в значительной мере декоративное. Но потом постепенно наполнявшееся и новым внутренним содержанием. Менталитет людей, их нравы, традиции, взаимоотношения, создаваемые культурные и материальные ценности все в большей степени носили не коммунистический, а общенародный характер. А коммунистическая идеология, если разобраться, сохранялась лишь в виде паразитирующей оболочки, окрашивающей все это в свои цвета и силящейся удержать внутри себя. Оболочки, которая на одних направлениях национального развития становилась тормозом, другие подавляла, третьи деформировала.

Но как раз идеологическая окраска и подкраска даже совсем казалось бы "непартийных" сторон жизни, специфика антикоммунистической борьбы в нашей стране и особенности крушения прежнего режима породили ряд серьезных побочных явлений. В отличие, скажем, от Прибалтики или Грузии, у нас борьба велась не под национальными, а под демократическими лозунгами. И абстрактные "демократические ценности" взяли верх над вполне конкретными государственными

и национальными. Точнее, это государственные ценности, которыми оперировала на последнем этапе существования коммунистическая власть, на которых слишком часто спекулировали советские вожди, вынуждая народ идти на те или иные жертвы, стали восприниматься в качестве пустой и ненужной абстракции. А демократические ощущались вполне конкретно - свобода говорить и читать то, что тебе вздумается, свобода смеяться над обрыдлой коммунистической пропагандой, свобода от надоевшей парткомовской опеки... А поскольку при Горбачеве страна дошла до крайней нищеты, и одним из стимулов борьбы становилось наглядное сравнение жизни "у нас" и "у них", то с демократией связывались и надежды на конкретное материальное благополучие. Раз оно оказалось достижимым при демократии и недостижимым при социализме, значит надо и нам сделать то же самое - только и всего...

И широкое распространение получило стихийное западничество. Зарубежные модели ложились в проекты реформ, зарубежные стереотипы охватили интеллектуальную сферу, зарубежные мнения воспринимались в качестве неоспоримых истин. Да ведь и бытовые условия преобразовывались зарубежными товарами - так что и сами "демократические ценности" воспринимались порой на примитивном потребительском уровне. Чего греха таить, было в этих настроениях и наивное иждивенчество. Причем базирующееся на чисто русских особенностях мышления. Каждый судит о других по себе, вот и представлялось - дескать, раз мы стали теперь "демократическими", то нам должны бескорыстно, по-братски помогать. Так же, как мы сами помогали странам, которые становились социалистическими - можно сказать, "последнюю рубаху" отдать были готовы.

Впрочем, что касается патриотизма и общенародных ценностей, то наверное, и не могло массовое сознание мгновенно перестроиться из идеологической системы координат, определявшей единство прежней государственной общности, к координатам национально-историческим, которые стали определять эту общность после распада СССР. И в результате даже само понятие "патриотизма" было целиком отдано на откуп коммунистам. Потому что отчасти оно действительно ориентировалось на "советский патриотизм", увязывающий в неразрывное целое силу и величие государства с идеологией и партийным режимом. А отчасти игра на национально-патриотических началах и чувствах была просто перехвачена коммунистами как вакантная идеологическая ниша, которой пренебрегли "демократы". Ну а некий обновленный, именно "российский" патриотизм, мог ли возникнуть сразу, если даже принадлежность к новому государству определилась столь резко, а для многих и случайно - по месту проживания в Москве или Пскове, а не в Киеве или Кутаиси? И в результате вместо рушащейся и разрушаемой "советской" возникала не "российская" а "постсоветская" психология - аморфное эгоцентрическое равнодушие, не выходящее за пределы сферы личного потребления.

Да и вся правительственная политика, все демократические реформы первых постсоветских лет ложились в ту же струю, а "государственное" сплошь и рядом оказывалось в положении пресловутого ребенка, выплескиваемого вместе с грязной водой. Централизация? Долой! Хватит с нас командно-административных методов. Геополитические интересы? А чего мы там забыли? Заводы и фабрики? Срочно приватизировать. Достаточно нам общего и общественного, даешь частное! Армия и ВПК? Да зачем

они нужны? Мы же больше не "коммунистические агрессоры", воевать ни с кем не собираемся - значит и на нас никто не полезет. Сепаратизм? Но это право на самоопределение! Вон уже сколько потеряли, так стоит ли еще из-за одного клочка территории беспокоиться? А уж что касается КГБ, тут двух мнений вообще не было, поскольку и сам Ельцин столь мощной организации опасался. Долой "государство в государстве"! Да и действительно, зачем оно? Со шпиономанией коммунистических времен мы тоже покончили - и выходит, КГБ уже совершенно не нужен. Ну а насчет настоящих шпионов и террористов, с которыми он ох как успешно бороться бы мог, то в демократической эйфории об этом вряд ли кто и задумывался. Какие там шпионы, если мы ко всем с открытой душой, и нам скрывать нечего? Какие там террористы, если все у нас "друзья", и мы кому хошь на любые уступки готовы?

И все же надо отдать должное - прагматизм Бориса Николаевича, его опыт руководящей работы, пусть даже и недостаточный на президентском посту, все же позволили ему удержать страну в свистопляске реформ на некоем отличном от нуля уровне. Затормозить. Уберечь на грани полного и необратимого развала. Потому что на самом-то деле деструктивные процессы могли пойти и дальше. И здесь мы вольно или невольно подходим к оценке событий октября 1993 г. Рассматривать их с юридической точки зрения, как пытаются это делать многие обозреватели - мол, имел ли право законно избранный президент расстреливать законно избранный парламент, представляется совершенно бессмысленным. Ибо окажется, что в полной неразберихе тогдашнего законодательства все действовало в рамках своих прав. И президент имел право распускать парламент, как и право использовать войска. И парламент имел право не подчиняться президенту, смещать его и даже содержать

собственные силовые структуры. Разве что Останкино громил и налеты на мэрию и военные ведомства производил "незаконно". Несостоятельной и крайне упрощенной выглядит и официальная пропагандистская версия, прозвучавшая в те дни - о попытке коммунистического контрпереворота, организованного "красными" реакционерами, хотя позже эта версия утвердилась и в западной литературе поскольку для иностранного обывателя такое объяснение выглядело достаточно простым и понятным.

На самом же деле к периоду августа 1991- октября 1993 гг. больше подходит сравнение с обстановкой в России после Февраля 17-го. Двоевластие, практически вырождающееся в безвластие и анархию. Президентская власть аналог Временного Правительства, хоть и непоследовательно, неуверенно, но все же вынужденная думать о государственных интересах и держаться за них. И Верховный Совет - как аналог Советов. Власть политиков, слепо цепляющихся за догматические пункты собственных программ. Политиков заведомо недовольных, обойденных при дележках государственных портфелей и более теплых, чем у них, мест. Рвущихся к более высоким постам. А стало быть, находящихся в бескомпромиссной оппозиции и заинтересованных в дальнейшей революционизации общества для своих политических игр.

В условиях такого противостояния со стороны президента и правительства могли реализоваться только шаги "разрешающие", углубляющие эту самую абстрактную "демократизацию". И соответственно, ведущие к дальнейшей раскачке государства. Но и эти шаги из популистских соображений тут же объявлялись недостаточными, усугублялись и усиливались в меру возможностей и полномочий оппозиции. А любые меры "запрещающие", направленные на стабилизацию

обстановки и укрепление власти, неизменно блокировались как "антидемократичные". О компетентности этих "законодателей" говорит хотя бы история приватизации. Хотя сейчас принято ее "отцом" называть Чубайса, на самом-то деле это неверно. Он и его "команда" лишь реализовывали ее в жизнь, и если кто и воспользовался благоприятными возможностями в личных целях - то сами эти возможности были предоставлены готовенькими, "на блюдечке с голубой каемочкой". А разработали и утвердили методику ваучерной приватизации как раз "мудрые" политики хасбулатовского Верховного Совета. Потому что в их представлении "справедливым" мог быть только такой, шариковский принцип - "все взять и поделить".

Можно навскидку привести и несколько примеров, во что обходилось, а то и до сих пор обходится России "двоевластие" тех лет. Скажем, первый указ о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии Ельцин издал еще в ноябре 91-го. И уж наверное, эту проблему тогда было решить намного проще, чем потом. Но Верховный Совет указ отменил - это было слишком "недемократично". А потом запылало в Северной Осетии, Кабарде, из Чечни начался массовый исход русскоязычного населения... Но и эти проблемы оставались на "местном" уровне, поскольку любые действия президента и правительства связывались по рукам и ногам. "Парад суверенитетов" дошел до того, что провозгласила о своем образовании "Уральская республика" на территории Свердловской области. На праздничных демонстрациях хорошо подготовившиеся громилы убивали и калечили милиционеров - а власти были бессильны даже найти и покарать виновных, так как это интерпретировалось в качестве нарушения основополагающих демократических свобод - свободы митингов и демонстраций, свободы слова, свободы политических партий...

Уступки в создавшемся противостоянии, вроде отставки Гайдара и т. п., результатов не давали. Конечно, можно спорить о соотношении пользы и вреда, которые принес стране Гайдар, но в данном случае речь идет о другой попытке компромиссов оказывались бесполезными в принципе. Так же, как в разгуле двоевластия 1917 г. любые уступки Временного Правительства не вели к примирению, а воспринимались лишь как "поражения противника" и вдохновляли Советы на усиление натиска, то же самое происходило и в 1991-93 гг. И если уж строго разобраться, то реальной альтернативы разгону, а если понадобится - и разгрому такого парламента в сложившейся ситуации не существовало вообще.

Потому что даже отставка президента в данном случае проблему не снимала и не решала. Ну предположим, на место Ельцина выдвинулся бы Хасбулатов или Руцкой. Но и он немедленно получил бы такую же непримиримую оппозицию в лице тех, кто до государственных рычагов еще не дорвался. Очутился бы в обстановке точно такого же противостояния, и тоже вынужден был бы уйти, уступив место следующему претенденту. И так продолжалось бы до тех пор, пока какой-то очередной лидер не решился бы сделать то же, что и Ельцин - взять да разогнать. Только каждый следующий лидер оказывался бы все более некомпетентным в практическом руководстве, а оппозиция ему - все более радикальной. И процесс разрушения государства при затягивании противоборства на новые этапы продолжался бы все глубже и глубже. Так же, как в 17-м оказывались все "левее" сменяющие друг друга кабинеты Временного Правительства - но и Советы становились при этом еще левее...

Пожалуй, тут не лишне вспомнить и то, кто же составлял опору Верховного Совета, тем более - самую

активную опору, собравшись в трагические дни у Белого Дома. Потому что, несмотря на внешнее сходство ситуации, она во многом отличалась от августа 91-го. Отличалась и по составу защитников, и по их настроениям, и по общей психологической атмосфере. На этот раз каким-либо общенародным единением и не пахло, наоборот, налицо были все признаки национального раскола - ведь в это же время другие тысячи граждан по призыву Гайдара устремились к Моссовету защищать президента и правительство. Что же касается тех погромных толп, которые сформировались у Белого Дома, то они и собирались сюда идеей заведомого раскола - противопоставления себя "врагам". И цементировались они в 93-м уже вовсе не духом жертвенности, а озлобления и агрессивности.

Конечно, здесь были и люди, искренне сочувствующие Верховному Совету, даже считающие его оплотом "настоящей демократии", были и те, кто пострадал в результате ельцинских преобразований, были и ностальгирующие по СССР, и идейные коммунисты, как и активисты экстремистских организаций совершенно других направлений. Но относить эту массу к "левым" или "правым" было бы совершенно неправомерно - скорее, ее можно охарактеризовать как "крайних". Потому что, несмотря на разношерстный в целом состав, основу защитников Белого Дома в этот раз составил примерно такой же оголтелый контингент, из которого в свое время набиралась и "красная гвардия", и отряды штурмовиков. А для подобной публики, как мы уже видели, вопрос "левой" или "правой" ориентации особой роли не играет - их привлекает "революционность" как таковая, под какими бы флагами она не разворачивалась. И в данном случае они сочли выразителем своих интересов Верховного Совета. Но

только в данном. Потому что победы Хасбулатов - и те же "крайние" начали бы оказывать поддержку новой, еще более "революционной" оппозиции. Как случилось, скажем, с Керенским, едва он дорвался до власти.

Так что Ельцин в данном случае проявил себя все же более мудрым и дальновидным главой страны, чем Керенский или князь Львов. И если судить с позиции общенациональных и государственных интересов, то винить его можно только в одном - что силовую точку в противостоянии он не поставил раньше, когда и жертв могло быть гораздо меньше, и раздразнил еще не так далеко. Хотя впрочем, и здесь все не так просто. До того, как собравшиеся под крыло Верховного Совета недовольные и "крайние" всех мастей разбуянились в полную силу, до того, как пролилась первая кровь, еще неизвестно, а стала бы армия безоговорочно выполнять приказ об их подавлении? Над ней же все еще довлел гнет обвинений насчет "жандармов" и "оплота реакции", "душителей свободы". Глядишь, и опять заняла бы нейтралитет, не желая, чтобы новых собак навешивали. Ведь уже и после кровавых погромов в Москве, учиненных сторонниками Верховного Совета, группа "Альфа" отказывалась идти на штурм Белого Дома, пока не получит письменного приказа - и не единоличного, а коллегиального решения то ли правительства, то ли Совета Безопасности. А включилась в активные боевые действия лишь после того, как понесла потери в своих рядах - уже просто расщепившись и разозлившись на убийц.

Если же рассматривать наше недавнее прошлое с исторической точки зрения, то октябрь 1993 г. можно считать той точкой, где Ельцин окончательно сумел вывести страну из "революционной ситуации". Ситуации, сложившейся вполне объективно, под влиянием освободительных тенденций народа и на первом этапе реализовавшей эти тенденции. Но любая

революция, какой бы прогрессивной она ни была - это еще и грандиозная катастрофа. Катастрофа, чреватая непредсказуемыми последствиями, склонная самоуглубляться, выходить из-под какого бы то ни было контроля и принимать самодовлеющий характер. Я очень далек от того, чтобы в целом поддерживать и одобрять деятельность Ельцина на посту главы государства. Но от скатывания в анархию и ужасов полномасштабной гражданской войны Россию он все же уберег. И при всей глубине кризиса, охватившего страну после падения коммунизма, не стоит забывать и о том, что могло быть и хуже. Гораздо хуже.

2. "Русская болезнь" и "американская модель"

Наверное, нет нужды подробно расписывать, в каких формах реализовался у нас переход к "рыночной экономике". Повальное хищничество и воровство, коррупция, пронизавшая все сферы общества и государства, беспардонное хозяйничанье олигархов и олигархий стали явлениями настолько общеизвестными, что очередные скандальные разоблачения в этой сфере давно уже никого не удивляют. Поэтому вряд ли здесь стоит останавливаться на конкретных примерах - они слишком многочисленны, и писалось об этом неоднократно. В данном контексте можно отослать интересующихся, скажем, к работе С. Б. Морозова "Заговор против народов России сегодня", где приводится достаточно полный обзор и анализ этого уродливого беспредела. Представляется любопытным, что для обозначения социально-экономического строя постсоветской России автор даже ввел новый термин - "корпоратизм", то есть всевластие замкнутых олигархических группировок, повязанных внутри отношениями родства и блата, и подмявших под себя политику, экономику, финансы, бизнес, средства массовой информации, "перекрывая воздух" любым

независимым от них людям и структурам и парализуя любую неподконтрольную им деятельность.

И первоначальный всплеск энтузиазма и надежд на лучшее, связанных с переходом к демократии, очень быстро сменился в народе разочарованием и скепсисом. А различные исследователи и обозреватели уже дали несколько объяснений данного феномена. Например, С. Б. Морозов в упомянутой работе рассматривает "корпоратизм" в качестве фактора сугубо посткоммунистического - поскольку большинство "семей" и "кланов" рьяно кинувшихся приватизировать страну в частное пользование, сформировались еще в "застойные времена", внутри советской номенклатуры, перепутавшейся клубками родственных связей и знакомств. Ну а на Западе к вопросу подошли еще проще и окрестили это явление "русской болезнью", т. е. сочли, что оно имеет чисто национальную основу. Дескать, что уж тут поделывать, если на Руси испокон веков воровали да взятки брали? Да и вообще, чего еще можно было ожидать от этих русских? Откуда следует естественное противопоставление наших безобразий "культурным" моделям закордонных демократий, и, разумеется, в первую очередь - американской. Ну а в условиях широкого распространения западничества эти мнения подхватили и наши средства массовой информации. И в пароксизмах национального самоуничтожения - вообще характерного для русского западничества во все времена - принялись повторять на все лады и вдалбливать согражданам.

Что ж, в данном случае российских авторов остается лишь упрекнуть в недостаточной компетентности и информированности. А западных - в преднамеренных подтасовках фактов либо полном незнании собственной истории. Потому что мало-мальски строгий анализ показывает - через аналогичный этап оголтелого хищничества, воровства и повальной коррупции прошли

на своем пути все развитые государства. Тут даже можно отметить другую интересную закономерность - в странах "Старого Света", в том числе и в дореволюционной России, проявления подобного "корпоратизма" оказывались заметно смягченными. Причем демпфировались они не чем иным, как пресловутыми "феодальными пережитками" и "сословными предрассудками", отмиравшими не сразу, а постепенно, и способствовавшими поддержанию цивилизованных устоев общества в переходный период к свободе предпринимательства. Деньги здесь значили далеко не все, и сословное неравенство не давало коррупционерам и финансовым тузам развернуться в полную силу.

Какой-нибудь представитель аристократии, даже давно обнищавший, мог занимать не меньшее положение в обществе, чем богатый деляга, и составлять ему определенный противовес - выступать и сдерживающим фактором, и тормозом в распространении влияния, и препятствием в тех или иных махинациях. Конечно, существовала и возможность купить этого аристократа с потрохами но тогда тормозом выступали уже другие "средневековые пережитки", вроде родовой чести, религиозной морали, светского мнения. И уж тем более, для владельцев состояний, нажитых сомнительными путями, возможность проникнуть в высшие круги общества, к движущим и регулирующим рычагам власти, была закрыта наглухо - разве что во втором и третьем поколении, когда потомки постепенно сумеют "отмыть" семейную репутацию (но одновременно и сами успеют выйти на более высокий культурно-нравственный уровень). Зато там, где "пережитки" с "предрассудками" разрушались в социальных конфликтах или отсутствовали изначально, развитие капитализма на определенном этапе приводило к точно

таким же формам и к точно такому же беспределу, как в постсоветской России. И наиболее ярко это проявилось как раз в США, где о каких-либо сдерживающих исторических факторах помину не было, и где все почти сразу началось со "свободы"...

Поэтому для более объективной оценки и сравнения имеет смысл сделать небольшой экскурс в американскую историю. В этой стране, надолго отброшенной своей гражданской войной в разряд второстепенных держав и предпочитавшей тогда особо не лезть на международную арену, а вариться "в собственном соку", в конце XIX - начале XX в. в. быстрая концентрация капитала привела к образованию мощных финансово-промышленных группировок. И там они тоже постарались быстро захватить под свой непосредственный контроль все сферы жизнедеятельности государства. Причем стоит напомнить, что и на Западе эти группировки складывались сперва не по "деловому", а по строго "номенклатурно-семейному" признаку - чтобы занимать ключевые посты в компаниях Рокфеллера, Моргана, Вандербильта и пр., требовалось самому быть родственником тех же Рокфеллеров, Морганов, Вандербильтов или принадлежать к их "семьям" в более широком, кремлевском смысле этого слова. И коррупция достигла при этом абсолютного значения, поскольку каждый представитель власти, начиная от окружного сборщика налогов и кончая президентом, являлся прямым ставленником тех или иных влиятельных сил. Скажем, про президента Уильяма Мак-Кинли вся Америка знала, что "его сделал" мультимиллионер Марк Ханна - об этом открыто писала пресса в годы его правления, и никого такое положение не возмущало, никого не шокировало. Считалось у американских граждан в порядке вещей. Ясное дело, что подобная поддержка была не бескорыстной и откровенно

рассматривалась как перспективное вложение капитала. А отдача шла столь же неприкрыто. Например, президента Говарда Тафта сенаторы сравнивали с "огромным дружелюбным островом, окруженным со всех сторон людьми, которые очень хорошо знали, что им нужно".

Американские воротилы вытворяли в те времена примерно то же, что их "демократические" российские последователи - то бишь беззастенчиво хапали все, что можно. И что нельзя - тоже. Шла хищническая "приватизация" нефтяных, угольных, золотоносных месторождений, выгодных подрядов, земель под промышленное и железнодорожное строительство. По одному мановению пальца олигархий, из чисто коммерческих интересов, осуществлялись военные операции и бросалась морская пехота для приведения к общему знаменателю "банановых республик". Чего стоит одна лишь история со строительством Панамского канала! Когда в 1903 г. сенат Колумбии, которой принадлежал тогда перешеек, отказался ратифицировать грабительский договор о его аренде (тем более что Франция предложила куда более выгодные условия), было инициировано восстание за образование "независимого Панамского государства". А американские военные крейсера, вовремя оказавшиеся в нужном месте, воспрепятствовали частям колумбийской армии подавить сепаратистов. И правительство Панамы, признанное США через час после создания, подписало нужный договор. А впоследствии всплыли скандальные факты, что зять действовавшего тогда президента Теодора Рузвельта и брат военного министра Говарда Тафта - преемника Рузвельта в Белом Доме, были замешаны в мошеннических сделках с фирмами, заинтересованными в строительстве канала.

Впрочем, в начале века США были еще далеки от мирового лидерства, да и в финансовом плане чаще выступали должниками, чем кредиторами (к 1914 г. их внешний долг достигал 10 млрд. долл.). Поэтому политика американских олигархов в большей мере ориентировалась тогда на ограбление собственного народа. И доходили они в этих устремлениях даже до таких мер, которых российские хапуги 90-х уже просто не могли себе позволить, оглядываясь на мерки сегодняшнего, успевшего "цивилизироваться" Запада. Так, вводились антизабастовочные и антипрофсоюзные законы, позволяющие подавить любые попытки протеста и отправить за решетку "смутьянов" и "агитаторов", посмевших поднять голос против произвола руководства. В погоне за сиюминутными выгодами корпораций, приближенных к рычагам власти, решительно пресекались любые законодательные инициативы по введению минимальной зарплаты, социальному страхованию, охране труда - словом, все, что сулило какие-то лишние расходы воротилам, чьи ставленники находились у руля государства.

Или, к примеру, были введены огромные таможенные тарифы для импортных товаров - якобы в целях защиты и поддержки отечественного производителя. Но, отгородившись этими тарифами от зарубежных конкурентов, "отечественные производители" монопольно вздували цены, и на внутреннем рынке США промышленные товары стоили в 1,5 раза дороже мировых цен. А вот закупочные цены на сырьевую сельхозпродукцию централизованно регулировались государством, и их установленный максимум мог произвольно понижаться по желанию промышленных монополистов. И даже подоходный налог действовал в те времена не прогрессивный, а регрессивный - чем больше получаешь, тем меньший

процент отстегиваешь. А то, дескать, стимула к развитию и повышению производительности не будет. В стране шло массовое разорение фермеров, мелких и средних предпринимателей - никаких усилий в их поддержку государство не предусматривало. Хищнически разбазаривались национальные ресурсы - о какой-либо их защите и речи не было. Зато крупные корпорации под предлогом "национальных интересов" пользовались налоговыми льготами, а на новые рискованные проекты получали и прямые субсидии из казны. Не правда ли, знакомые явления?..

В США борьбу с этим беспределом первым повел Вудро Вильсон - в отличие от многих американских президентов, личность действительно незаурядная, сама по себе очень интересная и малоизвестная в России, так как из-за крайних антисоветских взглядов его деятельность никогда не попадала в поле внимания наших историков. До пятидесятилетнего возраста он вообще не имел ни малейшего отношения к политике, это был крупный ученый, профессор Принстонского университета, автор десятка фундаментальных трудов, в том числе и многотомной "Истории американского народа". Вот он-то и разработал теорию, получившую название "Новая свобода", где показал, что американское общество пришло к модели "корпоратизма" - то есть, даже терминология совпадала с современной российской. По Вильсону, верхнюю ступень социальной лестницы захватили "корпорации" - клановые группировки, преследующие узкие корыстные цели и контролирующие все командные высоты. Ниже идут "слуги корпораций" - наемные работники, состоящие на жаловании у могущественных хозяев, но не имеющие права голоса в их деятельности. И прочий народ, из которого корпорации сосут соки.

Он писал: "В действительности мы находимся во власти огромной безжалостной системы..."

Американская предприимчивость не пользуется свободой: человеку, обладающему только небольшим капиталом, становится все труднее начинать какое-нибудь дело и все невозможнее конкурировать с крупным дельцом. Почему? Потому что законы нашей страны не запрещают сильному подавлять слабого. В этом кроется причина, и в связи с тем, что сильные раздавили слабых, они теперь доминируют в промышленности и экономической жизни страны...".

Или, например, такое: "У нас есть не одна, не две, а много областей приложения сил, в которые независимому человеку трудно, если не невозможно проникнуть. Сейчас мы превратились в одно из наиболее плохо управляемых, одно из всесторонне контролируемых и доминируемых правительств цивилизованного мира... в правительство, подчиненное воле и давлению небольших групп, состоящих из обладающих властью людей" (W.Wilson, "The New Freedom", London, 1913).

Только читая это, не забывайте, что речь идет не о России 1990-х, а об Америке 1910-х.

Вильсон доказывал тупиковый характер и гибельность подобного пути для страны, нарастание угрозы экономических катастроф и чудовищных социальных взрывов. Разработал он и программу мер по переходу от "корпоратизма" к "обществу равных возможностей". А тем временем и сама двухпартийная политическая система США оказалась подорванной. Ведь успех на выборах стал определяться лишь финансовыми возможностями сторон - но коню понятно, что выгоднее и надежнее спонсировать заведомо выигрышное предприятие, и в течение 20 лет раз за разом побеждали республиканцы, поддерживаемые самыми могущественными олигархиями. Демократическая партия, ничем по сути не отличавшаяся от конкурентов, такая же

"корпорантская", но более бедная ресурсами и оттесненная от кормушки, постепенно хирела. Да и в обозримом будущем надежды победить им, вроде, не светило. И тогда демократы решились на нестандартный ход - сделали ставку на Вильсона, предвыборной программой которого и стала его теория "Новой свободы". Он говорил: "Я борюсь не за того человека, который преуспел в жизни, а за того, который хочет преуспеть и ломится в закрытую дверь возможностей".

Результаты превзошли все ожидания. В 1910 г. он из профессорского кресла был избран губернатором штата Нью-Джерси, а уже в 1912 г. президентом с рекордным в истории США перевесом голосов. Однако во многом партийные боссы просчитались. Выдвигая новичка в политике, его за глаза считали безобидным теоретиком, который обеспечит успех на выборах, а затем по своей неопытности станет игрушкой в чужих руках. Но когда на следующий день после выборов председатель Национального комитета Демократической партии У. Маккобс, как это было принято, заявился к Вильсону для дележки "теплых мест" - по неписаному правилу полагалось отблагодарить всех, оказавших услуги в период предвыборной кампании, тут-то и последовал отрезвляющий душ - Маккобс неожиданно получил от ворот поворот. Экс-профессор заявил ему, что никому ничего не должен, поскольку президентом он стал по воле Бога.

Человек кристально честный, глубоко религиозный, он действительно верил, что призван Богом для спасения своей страны от катастрофы. Его прозвали "пресвитерианским священником" и "воинствующим праведником", поскольку он, засучив рукава, ко всеобщему удивлению начал и в самом деле проводить в жизнь предвыборные обещания. Вильсон считал, что правительство должно способствовать "организации

общественных интересов против особых интересов", то есть частных или узкопартийных, и сотрудников себе выбирал не по партийным и конъюнктурным, а строго по деловым и моральным качествам. Именно при нем выдвинулись такие звезды американской политики, как Франклин Делано Рузвельт, Джон Форстер Даллес, Аллен Даллес, Уильям Буллит, Уильям Липпман, Джон Грю и др. И в сами формы правления было введено много нового: Вильсон хотел максимальной открытости своей политики для народа, более тесной связи с обществом. Он первый стал инициатором еженедельных пресс-конференций президента, родоначальником традиции программных посланий конгрессу.

И как раз при Вильсоне капитализм стал приобретать "цивилизованный" облик. Было введено трудовое законодательство с восьмичасовым рабочим днем и ограничениями детского труда, начались федеральные программы поддержки сельского хозяйства и мелкого бизнеса, была проведена банковская реформа, снижены тарифы на импорт. Устанавливался государственный контроль за деятельностью монополий, увеличивался подоходный налог и налог на наследство, вводился особый налог на сверхприбыль. Стоит ли удивляться, что к очередным выборам в 1916 г. от него отвернулись многие бывшие сторонники? Против него развязывались информационные войны. Даже традиционные прежние спонсоры демократов - например, Генри Форд - теперь отказывались финансировать его избирательную кампанию, и по американским меркам его предвыборный штаб оказался совершенно нищим, наскребая тут и там сущие гроши. Тем не менее, он снова победил, хотя на этот раз с ничтожным перевесом всего лишь в 600 тыс. голосов.

Возможно, Вильсону удалось бы стать президентом и в третий раз - в то время это допускалось. Но его крупно подставили. В 1919 г., по окончании Мировой войны, Вильсон, уверенный, что этот шаг будет поддержан широкими политическими кругами, подписал в Париже Версальский мирный договор составной частью которого являлась конвенция о создании Лиги Наций. Республиканское большинство сената ратифицировать договор отказалось под тем предлогом, что участие в Лиге Наций свяжет руки США во внешней политике. Мало того, республиканцев поддержали и "свои" же демократы. Обвиняя президента в нарушении традиций американского "изоляционизма", они устроили ему настоящую обструкцию, отказываясь выдвигать его кандидатуру на новый срок. Тогда Вильсон решился на беспрецедентный для США шаг - через головы конгресса и партий обратиться напрямую к народу. Отправился по стране, выступая перед простыми гражданами и объясняя им суть своих политических шагов. За 3 недели он проехал от Вашингтона до Сиэтла, выступив в 38 городах - но надорвался. Нервное напряжение оказалось слишком велико, и Вильсона разбил паралич...

А после его ухода из Белого Дома большая часть благих начинаний сразу пошла прахом. И во внутренней политике, и во внешней. Как писал потом Черчилль: "Едва была создана Лига Наций, как ей был нанесен почти смертельный удар. Соединенные Штаты отреклись от детища президента Вильсона, а затем его партия и его политический курс были сметены победой республиканцев на президентских выборах 1920 г".

О том, какого пошиба политики рвались в это время к власти, говорит красноречивый факт - на съезде республиканской партии все главные кандидаты на выдвижение - Л. Вуд, Ф. Лоуден и др., отметились один

за другим только из-за того, что уже засветились в разных скандальных разоблачениях и стали бы слишком легкими мишенями для конкурентов. Наконец, финансовые воротилы и дельцы из штата Огайо во главе с Гарри Догерти сумели протащить своего ставленника Уоррена Гардинга, который и был потом избран президентом США.

Это был самый грязный и скандальный кабинет в американской истории. Первыми же его актами, были отменены все антимонопольные и антикоррупционные меры Вильсона - к вящему удовлетворению подсобивших на выборах олигархий. Но и себя дорвавшиеся до власти деляги отнюдь не забыли. Как не стеснялся признаваться впоследствии Догерти: "Наша партия голодала в течение восьми лет" (H. Daugherty. "The Inside Story of the Harding Tragedy", New York, 1932). И оголодавшие хапуги набросились на все, что плохо лежит, ничуть не уступая будущим российским "приватизаторам". Сам президент Гардинг тайно играл на бирже (и проигрался в пух и прах). Министр юстиции, коим назначил себя его шеф Догерти, принялся шантажировать нарушителей "сухого закона", вымогая у них крупные взятки. Министром внутренних дел стал А. Фолл, тоже ставленник Догерти. Указом президента в его ведение были переданы нефтяные резервы военно-морского флота США - и благополучно разворованы, причем Фолл в процессе этой аферы еще и сорвал взятку в 400 тыс. долл. со своих компаньонов. Директор управления помощи ветеранам Ч. Форбс растащил фонд этой самой помощи в 250 млн. долл. А заведующий фондом имущества иностранцев Т. Миллер расхитил весь бюджет своего учреждения. Введение "сухого закона" создало благоприятную почву для деятельности мафии - как раз в результате этой кампании она и развернулась в США в полную силу, получая огромные прибыли от нелегальной продажи

алкоголя. Ну а правительственными чинами были установлены плодотворные рабочие контакты с преступным миром - и, например, спиртное, конфискованное полицией у подпольных торговцев, бесследно исчезало с государственных складов и снова перепродавалось криминальным структурам.

А американское общество опять, причем очень быстро, покатило к черте социального взрыва. Однако времена были уже не те. Все же и правление Вильсона не прошло бесследно, и стоял перед глазами печальный пример русской революции. Теперь уже и в корпорантских кругах нашлись более благоразумные люди, поспешившие нормализовать ситуацию, пока она окончательно не вышла из-под контроля. Правление Гардинга продолжалось всего два года, а 2. 8. 1923 г. он скоропостижно скончался при странных обстоятельствах. По официальной версии - от пищевого отравления. Этой версии никто не верил, тем более что вскоре, и тоже по неясным причинам, приказали долго жить оба свидетеля его смерти - жена и личный врач. Но безобразия в период его власти настолько всех заколебали, что никто этими сомнениями не впечатлялся - восприняли как должное. Его биограф С. Г. Адамс писал: "Кончина Гардинга не была безвременной трагедией. Он умер вовремя".

Занявший пост президента Калвин Кулидж без особого шума удалил из правительства самые одиозные фигуры, и впоследствии они попали под суд. Хотя отделались довольно легко - либо оправдались по недостатку улик, либо были приговорены к штрафам и небольшим срокам заключения. Во многом это стало возможно из-за настоящей эпидемии самоубийств и несчастных случаев, разразившейся вдруг среди их сообщников и главных свидетелей. Так, "умерли вовремя" доверенные лица Догерти Дж. Смит и С. Хейли, через которых он получал взятки, отправились

на тот свет замешанные в делах об имуществе иностранцев Дж. Кинг и Терстон, причастный к махинациям фонда помощи ветеранам С. Крамер. Усилиями Кулиджа и его преемника Герберта Кларка Гувера власть вернула себе более-менее приличное лицо, но тем не менее, основой ее оставался все тот же доவில்соновский "корпоратизм". Как констатировали американские историки А. Невис и Г. С. Коммаджер, "правительство удалилось из бизнеса, но бизнес вторгся в большинство направлений политики и формулировал их". Обошлось это американскому народу недешево - и не только американскому.

Анархический диктат финансово-промышленных олигархий, коррупция и послушание им правительства привели к явлениям "промышленного бума" - во многом дутого, так как значительная доля создававшихся тогда предприятий успевала возникать лишь на бумаге и в перспективных проектах. Главное было - через системы связей и знакомств в федеральных верхах получить льготы и субсидии под эти предприятия. А о том, когда они начнут приносить прибыль, и можно ли будет вообще сбыть продукцию всех этих новых производств при столь резком увеличении мощностей, никто особо не задумывался. Успеть застолбить, заложить фундамент, заявить, зарегистрировать, пока в правительстве есть своя "лапа", пока не прикрылась мелькнувшая законодательная лазейка, пока есть возможность извлечь выгоду из самого юридического, а еще не практического факта. То есть, явления происходили во многом схожие с "предпринимательским бумом" в России 1991-1993 гг., когда плодились, как грибы, всевозможные фирмы и предприятия лишь из-за сиюминутной возможности получить под это выгодную ссуду или дотацию, используемую и прокручиваемую потом в каких-то других структурах. И понятное дело, что и в России, и в

Штатах играть на этом получали возможность далеко не все желающие, а лишь лица и организации, приближенные к распорядителям главных "кормушек".

А вдобавок, все возникающие предприятия, как реальные, так и бумажные, становились предметом акционирования... Нет, не российские Мавроди и Властилины, а вполне солидные Рокфеллеры, Морганы и иже с ними стали основоположниками системы "финансовых пирамид". Первые "пирамиды" возникли как раз в Америке 20-х, когда популярные лозунги Вильсона об "обществе равных возможностей" были вывернуты наизнанку и приспособлены к рекламе акций, доказывающей, что путь к всеобщему обогащению и "равным возможностям" лежит как раз через их покупку. Рекламные кампании акций захлестнули страну, и американские обыватели раскатывали губы еще и похлеще Лени Голубкова. Скупкой и перекупкой акций заразился весь народ, в них вкладывались все свободные средства, да и не только свободные - чтобы набрать побольше акций, люди закладывали дома и имущество, влезали в долги под жалование за несколько лет вперед. И биржевые спекуляции приняли такой размах, что даже акции вполне реальных и прибыльных фирм перестали по сути отличаться от "билетов МММ" - ведь в ходе этих бесконтрольных спекуляций и перепродаж накручивалась стоимость, намного превышающая реальное обеспечение. А в целом на массе акций, оседающих в частном владении и сейфах организаций, по мере вздувания их биржевой стоимости накапливался гигантский фиктивный капитал, не обеспеченный ничем.

Что и привело в итоге к "черному вторнику" 23. 10. 1929 г., когда система дала первую случайную трещину, и мыльный пузырь этого фиктивного капитала сразу лопнул. Катастрофа приняла лавинообразный характер

и вылилась в общегосударственный, а затем и мировой экономический кризис 1929-1933 гг. А правительство США еще и усугубило его социальные последствия, отказавшись от какой бы то ни было федеральной помощи разоренному населению - как объяснил президент Гувер, "чтобы не оскорбить духовные чувства американского народа". Видимо, оскорбить духовные чувства дружественных олигархов он не опасался, так как казенные средства всюду использовались для поддержания на плаву их компаний - в виде федеральных дотаций, возмещенных налогов и пр. Если не ошибаюсь, сегодняшним россиянам и эти явления хорошо знакомы. А ведь в Штатах кризис ударил по людям еще и похлеще, чем у нас. Тысячи и десятки тысяч семей остались не только без работы, а вообще без жилья и без каких-либо средств к существованию. Ночевали на лавочках в скверах, в поисках случайного заработка кочевали по стране, впрягшись в тележки, нагруженные пожитками. Многие страдали от голода, длиннющие очереди выстраивались в местах раздачи благотворительной похлебки...

А меняться к лучшему положение стало лишь в 1933 г., с приходом к власти Франклина Делано Рузвельта. Как уже упоминалось, он был одним из выдвинутых эпохи Вудро Вильсона, и в своей программе "Новый курс" взял на вооружение многие положения "Новой свободы". Обстановка общей катастрофы, разрушившей все иллюзии и обманы, способствовала проведению в жизнь тех же самых реформ по оздоровлению общества, которые предлагались и начинали осуществляться еще Вильсоном. Рузвельт делал это решительно и быстро, под флагом чрезвычайных антикризисных мер - поэтому добился успеха. Начав с действий по оживлению и нормализации экономики, он последовательно осуществил комплекс реформ в экономической области, трудовом законодательстве,

системе социального обеспечения, налоговой сфере, банковском деле и гражданском строительстве. А за 12 лет его правления эти реформы успели принять необратимый характер и открыли Америке путь к тем самым "цивилизованным" формам демократии, которые мы наблюдаем там сейчас.

Ну а, возвращаясь к российским реалиям, остается вспомнить, как после падения коммунизма наши демократы распинались о своем намерении взять за образец развития "американскую модель". И как видно из изложенного, так оно и получилось. Разве что заявлявшие об этом политики и внимавшие им граждане сами толком не представляли, о чем идет речь, и имели в виду Америку сегодняшнюю, сытую и внешне окультуренную. Но ведь понятие "американская модель" включает в себя не только один временной срез, а и некие общие закономерности развития и становления. Поэтому рассматривая вопрос более строго с исторической точки зрения, можно уверенно сказать, что так называемая "русская болезнь" вполне соответствует именно "американской модели".

И причем, как это ни парадоксально может прозвучать, такому положению способствовал весь объективный набор исходных данных. Ведь еще в первые десятилетия коммунистического режима традиционные моральные и нравственные устои прежней России оказались уничтоженными начисто. Что же касается системы моральных ценностей, сформировавшейся при советской власти, то идеологические суррогаты, выработанные для подмены этих традиционных устоев, разрушились вместе с самой идеологией, а ценности общегосударственного и национально-патриотического плана по инерции отторжения были отброшены заодно с коммунистическими. И общество превратилось в некий безликий, хаотический конгломерат. Во многом

действительно подобный безродным переселенцам, беженцам и эмигрантам, которые в свое время выплескивались на чужой американский континент, и для которых главным принципом становилось "каждый за себя".

Если же сопоставить сходные явления российской и американской жизни, то получается, что в России 90-х эта самая модель реализовалась где-то на уровне 20-начала 30-х годов США. То есть, с отставанием от оригинала на.. 70-80 лет. Как раз на столько, сколько Россия провела под властью коммунистов. В то время как в Америке за тот же период успели сформироваться новые национально-государственные традиции, новые стереотипы чести, морали, светских приличий. Те самые необходимые "условности", которые и обеспечивают нравственный уровень любой цивилизации. И от которых Россия отошла дважды - в 1917-23 гг. и в 1991-93 гг.

3. И опять о "правах человека"...

Когда в наше время на Россию начинают катить очередные бочки из-за рубежа, государственные руководители обычно объясняют, что это инерция или отголоски холодной войны. Может быть, такой обтекаемой формулировки требуют дипломатические соображения, но по сути она не совсем отражает истину. Потому что и сама холодная война, как было показано, представляла явление не антисоветского или антикоммунистического, а антироссийского порядка. Коммунистический режим или идеология как таковые никогда за рубежом особой аллергии не вызывали. И если мы говорим о том, как западные державы в свое время вскормили германский нацизм, то таким же образом можно утверждать, что они на определенных этапах вскармливали и коммунизм. Близоруко, в погоне за собственными сиюминутными интересами - но вскармливали. По крайней мере, без их

попустительства, а то и "умиротворения" по типу Мюнхенского, советская система не смогла бы утвердиться так прочно, надолго и достичь тех форм и масштабов, которые реализовались в действительности.

Что же касается коммунистической идеологии, то как ни парадоксально, а в настоящее время она имеет довольно сильные позиции не где-нибудь, а как раз в Западной Европе, не испытавшей действия этой идеологии на своей шкуре. И удивляющимся русским оппонентам сторонники этой идеологии отвечают - ну и что? У вас не получилось, а у нас получится. Принципно, мол, был правильным, только методы у вас были неправильные. Сталин все испортил. Из чего, кстати, снова видна наднациональность и космополитичность марксистско-ленинской антисистемы.

Так что и нынешнюю линию, направленную против России и то и дело проступающую в западной политике, смело можно вести не от времен холодной войны, а куда более ранних "времен Очакова и покоренья Крыма". От времен, когда Пушкин писал свое "Клеветникам России", от времен Крымской войны и дружной борьбы на ослабление нашей страны во второй половине XIX - начале XX в. в. И, наверное, не случайно лорд Джадд при своем первом визите в Чечню летом 2000 г. вырядился в старый колониальный шлем. Может, таким образом подчеркивал, что продолжает славную политику Пальмерстона и Дизраэли.

Правда, ни колоний, ни сфер интересов на Ближнем Востоке, которым угрожало бы "русское усиление" на Кавказе, у Великобритании уже давно не осталось, везде Америка распоряжается - ну да что поделаешь, традиция!.. И с какой, спрашивается, стати антироссийские традиции в западной политике должны были оборваться с падением коммунизма?

Поначалу-то демократические державы и горбачевский вариант вполне устраивал - вариант

государства, добровольно сдающего позиции на международной арене, попадающего все в большую зависимость от иностранцев, послушно ослабляющего свой военный потенциал, но удерживающего в повиновении и рабском состоянии собственный народ. Ведь социальные взрывы, способные дестабилизировать всю обстановку в мире и привести к власти каких-либо противников Запада, были зарубежным политикам тоже ни к чему. Это уже после ГКЧП решили переориентироваться на Ельцина, так как коммунистический режим и при Горбачеве показал свою опасность и непредсказуемость. А тот вариант демократии, который начал реализовываться в России, для ее противников и недоброжелателей оказался еще более удобным, чем горбачевский. Пусть она разваливается и разлагается - но опять же не слишком быстро, а постепенно. Без крупных катаклизмов, способных аукнуться в других странах. Так, глядишь, и сойдет потихоньку на роль "варварской окраины", рынка дешевой рабочей силы и мировой свалки. Причем полный развал России оказывался, в общем-то, уже и ненужным. Достаточным и даже более предпочтительным с точки зрения "большой политики" и "большой экономики" было бы поддержание в ней достигнутого полуразгромленного состояния с "тлеющими" очагами напряженности и непролазным болотом внутренних проблем.

И безоговорочными, а на словах даже и равноправными "друзьями" русские оставались для Запада лишь до тех пор, пока в демократическом угаре разрушали и расшатывали собственное государство, ослабляли его поспешными и непродуманными реформами, безоглядно развешивали уши на рекомендации заокеанских "учителей". Но стоило лишь начаться отрезвлению народа и руководства страны от этой саморазрушительной свистопляски, стоило

наметиться первым попыткам остановить развал и переломить ситуацию к укреплению государственных начал, тут же проявились и далеко не дружественные тенденции. Не всегда явные - или, можно сказать, не сразу явные. Но инструментов воздействия на страну и ее население нашлось множество.

Скажем, свобода слова в России с самого начала вылилась в состязание "негативов". И это было вполне закономерно. В условиях сплошного официозного "позитива" коммунистической пропаганды именно "смелое" освещение негативных явлений, начавшее прорываться в средствах массовой информации, стало привлекать повышенное внимание. И в итоге получалось, чем больше этого "негатива", тем популярнее были передачи, издания и авторы. Но данное объективное явление оказалось как нельзя кстати и для конкретных политических целей - стоило лишь его поддержать и направить куда нужно. Склонность к самовышучиванию, вообще традиционная для русского национального характера, во времена антисоветской борьбы, а потом и в результате разочарования последствиями демократических реформ, гиперболизировалась, дойдя до сарказма. Модным стало эдакое бравое самооплевывание: "Да у нас все через задницу!" Такая тенденция тоже оказалась пригодной к использованию - ее и раздуть-то особо не требовалось.

Впрочем, если уж говорить о средствах массовой информации, то и на Западе ремесло журналиста не зря сравнивают с "самой древней профессией". И прямые формы оплаты тут вовсе не обязательны - или, скажем, не всегда обязательны. Возможна зависимость от рекламодателей, от спонсоров, чиновников и собственных начальников - которые, в свою очередь, тоже от кого-то зависят. Ну а в условиях повального западничества начала 90-х многих, небось, и совсем

покупать не требовалось. Достаточно было похвалить да по головке погладить - ох, какие вы прогрессивные, какие демократичные, и они уже твои с потрохами. А другие и без того на цыпочках тянулись, абы только от "цивилизованных" мнений не отстать, в ретроградах не оказаться.

И в итоге в Первую Чеченскую - которая и явилась одной из попыток остановить развал страны, откровенными врагами нашей армии выступили не только боевики, но и свои же, российские журналисты. Причем в тот раз - в подавляющем большинстве, чуть ли не единым фронтом. И многие - вряд ли платно, а просто сдуру, подстраиваясь под "объективные" зарубежные точки зрения. Смаковали каждую неудачу своих войск, всячески выставляли их в невыгодном свете и нарочито героизировали лидеров противника, превращаясь в рупор их пропаганды. Да ведь и сам термин "наша армия" даже и не употреблялся! "Федералы", "военные" - и только. Сами обозначения у иностранцев заимствовались, а от того, что эта армия "наша" уже как бы и отрецивались.

Можно вспомнить, к каким уродливым и позорным явлениям приводило такое отношение. Когда, например, летом 96-го группа репортеров застряла в гостинице в центре Грозного, превратившегося в поле боя, и истерически вопила в эфир, что их бросили, и никто не спасает. И под давлением "общественности" военные вынуждены были организовывать прорыв к ним - хотя из тактических соображений этого вовсе не требовалось, да и боевики на этом направлении, конечно же, хорошо подготовились, уже ждали. В результате чего войска понесли большие потери. А абстрактное слово "потери" - это ведь обычные российские ребята, далекие от того, чтобы блистать на телеэкранах, чтобы изображать в своем лице "общественное мнение" - но которые могли бы просто

жить и радоваться жизни. А оказались убитыми, ранеными, искалеченными. А когда все же прорвались - те, кто прорвался, "осажденные" репортеры встали в гордую позу и принялись заявлять, что уходить вроде бы и не собираются, потому как от благородных и гуманных боевиков им ничего не угрожает, а вопили и скулили они только из принципа - показать, как плохо действуют "федералы", бросающие в беде мирных граждан. И наверное, подобных историй можно вспомнить не одну. Взять хотя бы случай с Еленой Масюк, которая так уж превозносила Басаева (впрочем, так же, как другие журналисты превозносили его и прочих головорезов). А потом вдруг выяснилось, что слегка ошиблась в своих оценках - когда сама со своими коллегами вдруг очутилась в роли заложников.

Специфика российских условий породила и другие благоприятные возможности для зарубежного воздействия на Россию. Различные партии и оппозиционные организации, возникшие в период антикоммунистической борьбы, после 1991 г. либо быстро распались, либо сошли с политической сцены, сохранившись лишь в качестве "реликтов". Что было, в общем-то, тоже закономерно. Хотя теоретически каждая из них имела свою программу, считала своей целью построение каких-то форм будущего общества, но фактически они возникали как "партии борьбы", жили этой борьбой, а с ее окончанием невольно утрачивали главный стержень своего существования. Из активистов подобных партий одни это поняли и отошли от политики, другие в ней просто разочаровались, третьи находили применение своей энергии и организаторским способностям на деловом поприще. Но были и такие, кто продолжал цепляться за былые лидерские роли, за некие прошлые заслуги, оказался не в силах расстаться с имиджем или натурой "борца", превращаясь в фигуры "вечной оппозиции". А

поскольку антисоветская борьба в свое время имела и четко выраженную антигосударственную составляющую, то теперь как раз эта составляющая выходила на первый план. Что вполне устраивало и зарубежных спонсоров. А без спонсоров-то как же? Одними лозунгами да митингами сыт не будешь. И подобные деятели так или иначе переходили на содержание к тем, кто нуждался в их услугах.

И уж совсем просто это оказалось для такой категории, как правозащитники. Они, собственно, и раньше действовали, ориентируясь на Запад и не иначе, как в контактах с Западом - хотя прежде их деятельность ложилась и в общее русло антикоммунистической борьбы. Ну а в условиях российской демократии даже те из них, кто когда-то вполне заслуженно носил ореол героев этой борьбы, стали порой превращаться в обычных наемников, отработывающих конкретные политические заказы. Например, правозащитный еженедельник "Экспресс-хроника" в № 31 от 1. 8. 1997 г., к 10-летию своего существования, поместил с выражением благодарности список тех организаций, которые помогали деятельности правозащитников в России и финансировали ее National Endowment for Democracy, European Human Rights Foundation, The Eurasia Foundation, The John D. And Catherine T. MacArthur Foundation, Правление Российско-американской проектной группы по правам человека, Посольство Королевства Нидерландов, Институт "Открытое общество" (фонд Сороса), Henry M. Jackson Foundation, World Press Freedom Committee, Совет Европы, The Ford Foundation, Группа "Мост".

Что ж, все очень солидно и благородно, на доброе и гуманное дело раскошелились... Но стоит ли удивляться той непримиримой позиции, которую занимает признанный лидер правозащитников С. Ковалев,

поливая свою страну на пресс-конференциях и зарубежных форумах, вроде Парламентской Ассамблеи Совета Европы, безапелляционностью и жесткостью этих поливов переплевывая даже иностранцев? Ну конечно, такую особенность его поведения теоретически можно было бы объяснить и инерцией мышления, и фанатичной принципиальностью, и старческой заикленностью. Но это теоретически - если бы не было, например, таких случаев, как с захватом больницы в Буденновске. Куда примчался тот же Ковалев, дабы честно и принципиально отстаивать права и интересы боевиков Басаева, расспрашивать этих несчастных и ущемленных властями людей о их нуждах и чаяниях. Ну а беременные, роженицы и младенцы, которых держали под дулами автоматов, видать, оказались не теми "человеками", права которых полагалось защищать. Можно ли после этого говорить о какой-то обостренной принципиальности или инерции мышления? Или все же точнее будет вспомнить пословицу "кто платит - тот заказывает музыку"?

Но если коснуться самих лозунгов "защиты прав человека", то к нынешнему моменту, пожалуй, только для заштампованного и зомбированного массовой пропагандой западного обывателя еще не очевидно, что они остаются всего лишь орудием политических игр, давления на неудобные государства и манипуляций "общественным мнением". Взять, скажем, конфликт Израиля и палестинцев, развернувшийся с 2000 г. - меры, применявшиеся в ходе этого противостояния почему-то никакой озабоченности насчет "прав человека" не вызвали. Выражали сожаление о жертвах среди мирного населения - но осуждать или заикнуться о каких-либо санкциях в данном случае никому и в голову не пришло. Да наверное, вообще нелепой показалась бы такая мысль. Никакого особого внимания "мировой общественности"

не привлекает и гуманитарная катастрофа в Афганистане. Да и чего волноваться, если талибы на север наступают? Или - пока на север? В Югославии нарушителями прав человека оказывались исключительно "плохие" сербы. Если же что-то вытворяли хорваты, боснийские мусульмане, албанцы, то это проходило между делом, как бы и в порядке вещей. А уж о НАТОвских бомбардировках Ирака или Югославии и говорить нечего. Разве можно всерьез говорить о нарушениях прав человека цивилизованными американцами и их союзниками?

Ущемления прав русскоязычного населения в Прибалтике или на Украине если и считают нужным иногда замечать, то чисто формально, ради галочки сказать "ай-яй-яй" и забыть. Но собственно, и та же Чечня немало красноречивых примеров дает. Обратил ли хоть малейшее внимание гуманный Запад или наши "отечественные" правозащитники на геноцид русского населения и гуманитарную катастрофу в 1993 г., когда оттуда начался массовый исход беженцев? Это еще до первой войны, до ввода войск. Обратили ли внимание на геноцид русских в 1996 г., после вывода войск? И на то, что начало тогда твориться в Чечне - на публичные казни, телесные наказания, резню по национальному признаку, работорговлю, поставленную на конвейер охоту за заложниками? Да что уж там о русских говорить, если даже на отрезанные головы собственных граждан западные державы предпочли глаза закрывать. Потому что игры "большой политики" диктовали совсем другое, и в это же самое время британские и германские специалисты из "гуманитарных" организаций помогали готовить чеченских диверсантов для будущих терактов. Конечно, под очень благовидным предлогом - разминированию учили. Чтоб, значит, корова или козочка на оставшейся от войны mine не подорвалась. Только фиговый лист

больно уж прозрачным получается. Потому что специалист, умеющий снимать мины, ясное дело, умеет их и ставить - снимать даже труднее, больший опыт и квалификация требуется.

Ну а после начала Второй Чеченской, когда не только российские, а и иностранные заложники стали домой возвращаться со своими впечатлениями отразились ли хоть как-то их мнения на общем настрое "мировой общественности"? На политике тех же международных правозащитных организаций, которые наших Ковалевых спонсируют? Да нет, тоже ведь предпочли "не заметить". А когда в России был создан фильм о зверствах боевиков и организована его презентация в нескольких западных странах, можно вспомнить, как потрясенные зрители, в том числе и высокопоставленные, сокрушались и качали головами - дескать, что ж вы раньше этого не сделали? Даже поучали - мол, какие же вы, русские, еще неопытные в информационном плане! Вот с этого, мол, надо было начинать... Да ведь только сокрушаться-то сокрушались, потрясаться-то потрясались - а получила ли эта история хоть малейшее практическое развитие в плане корректировки "общественного мнения"? Не похоже. Уж такая специфика у пресловутой свободы слова - говорить ты можешь, что угодно, а вот право быть услышанным и растиражированным получишь при этом далеко не всегда.

Впрочем, тут нужно и России коснуться. Зарубежные стандарты свободы слова мы освоили очень быстро и в самых крайних вариантах. Но традиционного отношения, существующего на Западе к собственной свободе слова, не заметили и не выработали. Или еще не выработали. К примеру, если вы спросите американца или француза, существует ли в его стране свобода слова и нужна ли она, он на вас посмотрит как на помешанного, не понимающего очевидных вещей. Но

если вы его спросите, можно ли при этом огульно поливать грязью собственную страну и народ, он тоже посмотрит на вас, как на помешанного. Потому что это совершенно недопустимо для него с нравственной точки зрения, и с понятием свободы слова совершенно не увязывается. Хотя он может и растолковать столь наивному собеседнику, что издание, которое вздумало бы вести такую информационную политику, тут же лишилось бы всех читателей, получило обструкцию деловых кругов и общественности, и мгновенно вылетело бы в трубу. Ведь свобода слова дополняется и свободой реагировать на это слово.

Даже в период вьетнамской войны, вызвавшей серьезный раскол в американском обществе, вся критика (в том числе и финансируемая СССР) обрушивалась только на правительство, в лучшем случае - на отдельных генералов. Но не на армию в целом, и уж ни в коем случае не на государство и американский народ. Да кстати, и в современных фильмах об этой войне, мы видим, что в принципе "все было правильно". Вьетконговцы - злодеи, американцы - благородные положительные герои, отстаивающие демократические идеалы и несущие свет цивилизации. Если кто и виноват, то опять лишь правительство, втянувшее честных солдат в проигрышную войну. А если на экране происходят жестокости, то только вынужденно, по принципу "на войне как на войне". Или по вине отдельных выродков, которым противостоят сами же положительные американцы.

И, допустим, нашелся бы сейчас в США какой-нибудь свой Бабицкий, который проник бы на базы террористов - скажем, тех, которые подрывали американские посольства или эсминец. И, допустим, стал бы он этих террористов восхвалять и героизировать в противовес соотечественникам... Нет, за то, что он воспользовался свободой слова его, может, и не осудили бы. Но он

просто не смог бы дальше жить в своем родном городе. Потому что, не говоря уж о властях, собственные соседи создали бы ему такую обстановку, что хоть в петлю лезь. Да и власти, надо думать, взялись бы за него по полной программе, не оставляя без внимания ни одного действительно "противозаконного" проступка, вплоть до пустякового превышения скорости или копеечной ошибки при уплате налогов.

Однако орудиями западного воздействия на Россию, конечно же, стали не только невостребованные политические осколки и купленные журналисты. Если вспомнить разгул хищников, в том числе и высокопоставленных, кинувшихся разворовывать страну в начале 90-х, то можно выдвинуть и версию, что данные процессы пользовались попустительством демократических держав, а то и негласно поощрялись. Ведь как раз тогда перекачивалась за границу и отмывалась основная масса расхищаемых средств - в общем хаосе и неразберихе рухнувшей коммунистической системы перекачка шла еще совершенно бесконтрольная, особых ухищрений и маскировки не требующая, и самая обильная - достаточно было грести все, что "плохо лежит", из накопленной десятилетиями социалистической собственности. И если отечественные спецслужбы в тот период были разгромлены, то западные-то существовали и работали. И надо думать, недаром свой хлеб кушали. Так разве могли быть секретом для закордонных покровителей наших реформ те факты, о которых у нас знала любая бабка на базаре? Но "реформаторов" и скороспелых олигархов, мгновенно сколачивавших себе гигантские состояния, принимали в высших кругах западного общества, неизменно поощряли и хвалили, культивировали их образы в средствах массовой информации.

А об использовании Соединенными Штатами в своих политических целях такой организации как МВФ было известно еще в период противоборства "двух систем". Такие методы описывает, например, отставной разведчик Ф. Эйджи ("За кулисами ЦРУ", М., 1979). Он рассказывает, как то или иное латиноамериканское правительство за угодные американцам действия поощрялось очередным кредитом. Правительство было коррумпированным, и значительная часть переведенных средств утекала неведомо куда - об этом знали, но никого это не смущало, поскольку давало дополнительные рычаги воздействия на расхитителей. А сама страна таким образом оказывалась "на крючке", не в силах расплатиться, и ее политику начинали регулировать уже с помощью долга.

Что и произошло в 1999 г. в России - когда выплату очередного транша, о котором, казалось, все было договорено, заложенного и перезаложенного в бюджете, и в принципе, предназначенного как раз для обслуживания прежних долгов, поставили в зависимость от войны в Чечне. Понятно, не впрямую, все же МВФ - организация не политическая. Но ненавязчиво объяснили - зачем, дескать, вам новые кредиты, если у вас и так имеется избыток средств на ведение боевых действий? И характерно, что дела о российской коррупции, нечистых аферах, перекачке денег, вроде скандала с "Бэнк оф Нью-Йорк", стали всплывать тоже только в 99-м. Распространившееся тогда объяснение, будто это связано с предвыборной кампанией в США и с играми против администрации Клинтона, серьезной критики не выдерживают. В 1996 г. тоже были выборы, и республиканцам тоже хотелось свалить демократов, но подобных скандалов почему-то не разыгрывалось.

Вывод напрашивается один. Атака началась тогда, когда Россия определенно дала понять, что

разваливаться дальше она не хочет. Когда попыталась вести независимую политику в отношении Югославии. Когда наконец-то был сделан решительный выбор в чеченской проблеме. Когда наметились первые тенденции к укреплению государственной власти. Вот тут-то и последовали удары. Вроде бы и законные, справедливые - по грязным махинациям и махинаторам. Но время для них было выбрано такое, чтобы они пришлись и по самой России - вот, мол, русские - воры, и с ними нельзя иметь дело. И гляди-ка, даже Швейцария вдруг сразу такой принципиальной оказалась! Хотя ни во времена "отмывки" нацистских зубных коронок, ни во времена "отмывки" тайных вкладов КПСС, ни в первые годы российской демократии какой-либо щепетильности за ней, вроде бы, не замечалось. Ну а что касается самих воров, то с их стороны, наверное, было слишком наивным полагать, будто их со свиным рылом и огромными состояниями, способными конкурировать с состояниями крупнейших магнатов Европы и Америки, допустят в "цивилизованный" западный истеблишмент. Они свое дело сделали, деньги откачать им позволили, а дальше эти потоки стали иссякать, все же и Россия не бездонная бочка - вот и встал резонный вопрос, не пора ли "экспроприировать экспроприаторов"?

Словом, в едином политическом узле оказались завязаны совершенно разнородные и разноплановые силы и фигуры, объединенные разве что общими интересами. Причем слово "интересы" в данном контексте тоже можно понимать неоднозначно, как в идейном, так и в финансовом смысле. Стоит ли после этого удивляться, что к концу 1999 - началу 2000 гг., когда обозначился курс на восстановление и укрепление российской государственности, "в одной лодке" и за одними микрофонами информационных батальонов очутились те, кого 9-10 лет назад рядом друг с

дружкой и представить было бы невозможно? "Молодой реформатор" Григорий Явлинский и Валерия Новодворская - некогда лидер крайних антикоммунистических радикалов. И Владимир Гусинский, делец и "великий комбинатор". И Сергей Ковалев - пламенный борец за права человека. И Евгений Киселев - как довольно убедительно показал в своих мемуарах Коржаков, бывший сексот КГБ. И экс-президент СССР Михаил Горбачев. И экс-генпрокурор Юрий Скуратов...

Стоит ли удивляться, что само выдвижение на выборы кандидатуры Явлинского произошло от российских правозащитников, источники финансирования которых приводились выше? Что главную информационную поддержку ему обеспечивал канал НТВ? И что об огромных средствах, угроханных на его предвыборную кампанию, поговаривали многие, но источники средств так и остались в тени - предпочли не ворошить? Что на месте председателя "общественного совета" в структурах Гусинского оказался вдруг Горбачев? И что стоило зацепить эти структуры правоохранительным органам (разумеется, "не за политику", да ведь в таком клубке "интересов" всегда можно и законную причину найти), как И. Малашенко побежал жаловаться не куда-нибудь, а в американский Конгресс. А оттуда - прямым ходом к Збигневу Бжезинскому. Тому самому Бжезинскому, который в бытность госсекретарем США при Картере прославился не столько в качестве антисоветиста, сколько ярого русофоба. Скандальная фотография которого обошла тогда весь мир - с пулеметом среди афганских моджахедов, когда он пожелал лично выпустить очередь в сторону русских. А во время визита в КНР начал с Великой китайской стены швырять камнями на север, чем просто шокировал китайцев, хотя и они в тот период были настроены к СССР весьма

недружественно... В общем, тут уж все маски начали слетать.

Впрочем, странным альянсам в наши дни удивляться не приходится. Например, и раньше, в 96-м, когда ФСБ имела неосторожность поинтересоваться бесконтрольной утечкой огромных сумм во время предвыборной кампании Ельцина и перекачкой их на зарубежные счета, и были задержаны Лисовский с Евстафьевым, выносившие из Дома Правительства полмиллиона долларов в пресловутой коробке из-под ксерокса, против Барсукова и Коржакова немедленно сплотились единым фронтом казалось бы, непримиримые противники Березовский, Чубайс, Немцов, Гусинский, Киселев, Лесин. И канал НТВ, прервав программы, привычно завопил о "государственном перевороте". В то время как те, кто обычно служил мишенями этого канала, разворачивали бурную деятельность и интриги по другим направлениям, вплоть до семейных... Ну а взять "вторую линию", которая попыталась было сформироваться на пути президентской власти летом 2000 г.? То, что рядом с Березовским вдруг оказался Говорухин, еще недавно с таким же неподдельным возмущением и такими же выпученными глазами клеймивший олигархов в союзе с коммунистами, уже, наверное, никого не удивило. Неприятно удивило лишь присутствие в той же команде В. Аксенова - хороший все же писатель...

Да не поймут меня превратно читатели, автор этих строк вовсе не является противником прав человека или сторонником каких-либо ограничений в данной области. Двумя руками "за" эти самые права. Но только реальные, а не в угоду Ковалевым и Джаддам, потому что им все равно не угодишь - работа у них такая, чтобы не угодили. Реальные, а не в качестве инструмента политики, и не те, что нужны немногим "избранным", вроде Березовского и Киселева. Однако нетрудно

понять, что реальные права и свободы своих граждан может обеспечить только сильное и экономически развитое государства. Поэтому и в данном отношении зарубежная политика "прав человека" вступает в очевидное противоречие с возможностью их достижения. То есть заведомо выступает против того, что может гарантировать и осуществить эти права не на словах, а на деле.

И кстати, здесь можно подметить парадоксальную закономерность. Хотя Запад в той или иной мере всегда старался гнуть линию на ослабление России, но при этом на международной арене нашу страну действительно уважали, считались с ней, а то и заискивали лишь тогда, когда она и впрямь была сильной державой. И даже когда выступала с позиции откровенной силы. Когда, например, в ответ на оскорбительную для России театральную постановку в Париже Николай I обещал прислать туда "полмиллиона зрителей в серых шинелях". Или когда Сталин, попыхтев трубкой, клал руку на карту Европы и невозмутимо констатировал: "Мы думаем так..." Или, на худой конец, когда Хрущев стучал по трибуне ООН каблуком башмака, просвещая мировое сообщество насчет "кузькиной матери". Не считаю нужным ни одобрять, ни лишний раз критиковать или высмеивать такие методы, но просто хочу подчеркнуть, что вот это - понимали всегда. Потому что как раз так по западным представлениям и должна себя вести сильная держава. И именно так в настоящее время ведут себя США. Ну а как иначе позволите квалифицировать историю с Поупом, когда американский Конгресс требовал введения санкций против России в ответ на обвинение и осуждение пойманного шпиона? Это что, образец поведения "западной цивилизации", столь широко рекламирующей свой культ права? Каким уж тут уважением к правовым нормам пахнет? Скорее,

демонстрацией права сильного цыкнуть на более слабого.

Хотя наверное, пора сделать и существенную оговорку. Возможно, ее следовало сделать и гораздо раньше, еще в начале книги. Но я преднамеренно вынес ее в одну из заключительных глав, чтобы избежать многократных повторов и отсылок к уже сказанному. Ну а здесь все же пора внести необходимые уточнения и подчеркнуть, что во всей данной работе при употреблении терминов "Запад", "политика Запада" и т. п., естественно, представляется только некая модель, и притом достаточно грубая. Ясное дело, что и сам "Запад" состоит из множества стран со своими особенностями и интересами, а "политика Запада" далеко не так четко выражена и однозначна, имея множество нюансов, тонкостей, движущих и действующих сил. Но рассматривать их более подробно - значило бы писать многотомную мировую историю XX столетия с детальным отслеживанием меняющихся взаимоотношений между конкретными государствами, учетом взглядов и позиций тех или иных конкретных политиков в тех или иных конкретных ситуациях, влияния множества субъективных и объективных факторов. Чего я делать, в общем-то, не собирался - поэтому и выделил некие обобщенные тенденции на разных исторических этапах. Те, что так или иначе затрагивали ситуацию в России, оказывали воздействие на ее внутреннее и внешнее положение. Да и из них рассматривал только те тенденции, которые ложились в контекст данной работы и требовали, на мой субъективный взгляд, более внимательного разбора.

Но при детальном исследовании любой внешнеполитической картины, в том числе и современной, такого уровня "усреднения" и обобщения, конечно же, будет недостаточно. Даже сама часть мировой системы, условно обозначаемая "Запад", будет

выглядеть совершенно по-разному, если брать, скажем, межвоенный период, период сразу после Второй мировой или настоящий момент. Причем и критерии оценки этих изменений во времени могут быть совершенно разными. Так, с одной стороны, за последние десятилетия произошла очень сильная унификация и "американизация" всего западного мира в культурной, духовной, бытовой сферах. И те национальные различия, которые были очень заметны еще лет 30 назад, теперь хотя и существуют, но оказались существенно сглаженными. Но с другой стороны, в каждой точке того же исторического периода между странами, пусть и выступавшими близкими союзницами, всегда существовали определенные противоречия.

Существуют они и сейчас, и немалые. Ведь если прежде противостояние с социалистическим блоком невольно спланивало все западные державы, заставляло их безоговорочно признавать лидерство США как главного гаранта их собственной безопасности, то теперь международная ситуация изменилась. И необходимость целиком и полностью следовать в кильватере американской политики стала далеко не такой бесспорной. Да и претензии Америки на приоритетный голос в любых вопросах стали выглядеть в несколько ином свете. Мир опять стал однополярным, как после Первой мировой, но в отличие от тогдашней коллегияльной Антанты теперь и западный блок тоже оказался однополярным, И в этом дважды однополярном варианте США уже успели наломать столько дров, что разгрести их предстоит ой как долго и непросто. Загнали в тупик ситуацию вокруг Ирака. И дальше продолжают загонять, поскольку правление Буша-младшего демонстративно началось с новой бомбардировки. Допосредничались до очередного витка арабо-израильского противостояния на Ближнем

Востоке. А на Балканах вместо одного узла напряженности создали другой, куда более опасный - можно сказать, "Чечню в квадрате". И если сами американцы в любой момент имеют возможность уйти оттуда - президент даст команду, и айда домой за океан - то европейским партнерам уйти некуда. Эта самая "Чечня в квадрате", она же у них под боком образовалась. И нравятся результаты такой стратегии далеко не всем в Европе. Можно даже сказать, все больше не нравятся.

Поэтому более-менее дружные антироссийские тенденции в западной политике в какой-то мере действительно продолжают удерживаться лишь на инерции прошлого. Сейчас в мировой политике довольно отчетливо начинается борьба между этой самой инерцией - полным согласием по-прежнему числить себя младшими союзниками американцев и по всем вопросам поддерживать и одобрять решения Вашингтона, и попытками взглянуть на вещи более трезво и самостоятельно - мол, а мы-то что с этого имеем, и зачем это нам, собственно, нужно? Каковы будут конкретные результаты, трудно сказать. Однако так или иначе, мир меняется, наша страна тоже меняется, и думается, со временем она все же сможет вернуть себе достойное место на международной арене. Но во-первых, только в том случае, если сама станет достаточно сильной державой, потому что соображения альтруизма нашим закордонным "друзьям" и потенциальным друзьям всегда были чужды, и слабый партнер для них может стать только лишней обузой - либо "расходным материалом" для достижения каких-то своих целей. А во-вторых, если Россия при этом будет проводить собственную, национальную политику, а не подстраиваться к чужим играм. А то ведь опять подставят...

4. ВЫХОД ИЗ "МЕРТВОЙ ПЕТЛИ"

Чтобы представить исторический путь России в XX столетии, можно предложить одну модель - совершенно не строгую, далекую от какой бы то ни было философской и социологической глубины, и соответственно, ни в коей мере не претендующую на исчерпывающее объяснение всего многообразия явлений и процессов этого пути. Просто образную и, как мне кажется, достаточно наглядную. Модель реки.

В катастрофе Февраля 1917 г. Россия потеряла свое "нормальное" русло, свернула со своего естественного исторического пути - не конкретно "монархического" или "демократического", а в куда более общем значении пути национальной государственности. Вероятно, поблуждав в разлившихся болотах анархии, мутных политических потоках и водоворотах разных направлений, она имела шансы снова отыскать свой "природный" путь. Но направление течения было подправлено искусственными препятствиями и усилиями, и она попала в другое жесткое русло - русло ленинской антисистемы. Внешне во многих чертах сходной с привычными для россиян формами империи, но с заменой духовного знака на противоположный, так сказать "плюса" на "минус". Однако подобное изменение духовной директории страны было равносильно тому, чтобы реку заставить течь вспять. И под действием объективных и субъективных факторов, различных внешних и внутренних толчков постепенно стал обозначаться обратный поворот. В результате страна, сделав гигантскую "мертвую петлю", начала все больше сближаться с тем самым своим естественным руслом, которое когда-то покинула. Сближаться, но все еще не соединяться с ним, удерживаемая и отводимая в сторону искусственными берегами и дамбами господствующей идеологии.

А события 1991-2000 гг. как раз и ознаменовали собой выход из этой "петли". И что любопытно

отметить, они явились четким "зеркальным отражением" событий 1917-18 гг. Все основные исторические вехи, которые пережила страна на "входе" в русло антисистемы, имели свои аналоги и на "выходе". Только прошла их Россия в обратном порядке и в другом временном масштабе, поскольку нынешние процессы развивались все же не революционным, а эволюционным путем. И последствия того или иного события каждый раз оказывались обратными тем, которые аналогичное событие имело в катастрофе падения России. Объяснять такую закономерность я не берусь и предоставляю читателю воспринимать ее так, как ему будет угодно и как окажется ближе его мировоззрению - в качестве исторического парадокса, цепочки случайных совпадений, с религиозной, мистической, философской, психологической или символической точек зрения. Но о том, насколько похоже отразились в 90-х факты прошлого и их обратная последовательность, можете судить сами.

Итак, перечислим главные "узловые точки" крушения российской государственности и установления большевистского режима. Февраль 17-го революция, стихийный взрыв недовольства и анархии. Март - отречение царя, приход к власти первого, либерального кабинета Временного Правительства. Апрель - приезд в Россию Ленина со товарищи. Потом правительственный кризис, уход в отставку первого кабинета и приход к власти второго, коалиционного - либералов с социалистами. Июнь-июль - катастрофа на фронте, усугубленная двоевластием и ударом в спину со стороны большевиков. Уход второго кабинета Временного Правительства и создание третьего, пытавшегося опираться и на либеральную, и на демократическую общественность, и проводить социальные и экономические реформы. Конец июля - ссылка царя в Сибирь. Август-сентябрь - "корниловский

мятеж" плюс нереализованный замысел очередного большевистского выступления. Отставка "реформаторского" кабинета Временного Правительства и формирование четвертого, демократического который уже просто плыл по течению. Октябрь - коммунистический переворот, установление власти Советов, выход России из войны. Зима 1917-18 гг. "триумфальное шествие Советской власти", национализация промышленности и банков. Февраль 18-го - Брестский мир. Июль - "левоэсеровский мятеж", установление однопартийной власти.

Ну а теперь рассмотрим цепочку событий только что пройденного десятилетия. И август 91-го выглядит как бы "обратным отражением" июля 18-го. Тогда в результате инспирированного большевиками "левоэсеровского мятежа" им удалось раздавить конкурентов и утвердить свой однопартийный режим. Теперь в результате "мятежа ГКЧП" однопартийная власть рухнула. Последовавшие затем Беловежские соглашения "открутили назад" точку Брестского мира, даже подписывались в одних и тех же местах. А начавшаяся после этого повальная приватизация и "триумфальное шествие капитализма" отразили кампанию повальной национализации. Октябрь 93-го похож на обратный аналог октября 17-го. Там были выстрелы "Авроры" по Зимнему дворцу, штурм и победила Советская власть. В обратном варианте - выстрелы танков по Белому Дому, и кстати, тоже с реки, с Калининского моста, и власть Советов пала. В результате событий октября 17-го страна вышла из войны с Германией. В результате разгрома Верховного Совета, связывавшего президентскую власть - наоборот, вошла в войну на Кавказе.

В 1996 г. президентские выборы и скандал со снятием Лебеда отыграли назад сентябрь-август 1917 г., готовившийся захват власти коммунистами и скандал

"корниловского мятежа". Ельцин снял Лебеда по той же самой причине, что и Керенский Корнилова - из опасений за собственную власть. Причем поводом и в том, и в другом случае послужило голословное обвинение в подготовке государственного переворота. И смена правительственных кабинетов тоже отыгралась в обратную сторону. После демократического правительства Черномырдина, не предпринимавшего резких шагов и больше плывшего по течению, пришли "молодые реформаторы". Тут можно даже провести аналогию между необеспеченными акциями ГКО и необеспеченными бумажными "керенками".

Июль 1998 г., возвращение в Санкт-Петербург и похороны праха царя и его близких, отразил конец июля 1917 г. - их ссылку за Урал. А кризис августа-сентября 98-го имел сходные черты с фронтовой катастрофой июня 17-го. Тогда вдруг рухнул фронт, казавшийся незыблемым, причем основную роль сыграли не объективные факторы, а паника. Одной из причин были ошибки западных союзников, без учета российских реалий настаивавших на крупномасштабном наступлении по их планам, а усугубилось бедствие двоевластием и выступлением в тылу большевиков. В 98-м рухнула финансово-экономическая система, внешне казавшаяся стабильной, но на самом деле расшатанная и состоявшая из одних дыр, как и фронт в 17-м. Основную роль также сыграла паника. Во многом способствовали кризису ошибки западных "друзей", слепо настаивавших на "продолжении реформ" по их рекомендациям. И добавила последствий думская левая оппозиция, создавшая в стране ситуацию двоевластия и парализовавшая возможные действия правительства по срочной нормализации обстановки.

И правительственные кабинеты снова сменились в порядке "обратного отсчета". От "реформаторского" к коалиционному (либералов с коммунистами)

правительству Примакова, пытавшемуся проводить свою политику и сохранять стабильность путем уступок и соглашений с левыми. А в мае 99-го таким же образом отразился правительственный кризис апреля 17-го. И вместо коалиционного к власти пришел чисто "либеральный" кабинет Степашина. Весной 17-го наблюдалось очень быстрое падение роли правых и центристских партий и резкий рост влияния левых. В 99-м все произошло наоборот - довольно сильно стал расти рейтинг ОВР, СПС, "Единства".

Засылка врагами России когорты экстремистов во главе с Лениным была, по сути, крупной диверсией, направленной на то, чтобы внести раскол в народ и привести страну к окончательному развалу. Такая же широкомасштабная диверсия была осуществлена в августе-сентябре 99-го - вторжение террористов в Дагестан, серия взрывов жилых домов. Тоже на иностранные деньги, и с той же самой целью. Но последствия получились обратные - не раскол, а консолидация россиян. А необходимость противостоять опасности выдвинула фигуру Путина - которая завоевала популярность так же быстро и неожиданно для многих, как в свое время - фигура Ленина. Кстати, оба вышли на первый план политической арены в одном возрасте, без малого 47 лет, оба получили юридическое образование, оба долгое время провели за рубежом, и оба были связаны со спецслужбами. Только Ленин в России работал на Германию, а Путин - в Германии на Россию. И по менталитету, складу характера, а главное - по отношению к российской государственности фигуры оказываются противоположными (а для тех, кто увлекается астрологией - они и родились в диаметрально-противоположных точках годичного цикла).

Наконец, отобразилось и такое событие, как отречение царя. Отообразилось отречением Ельцина. А

обратным отражением февральских потрясений 17-го - массового стихийного "долой!" государственной власти, стала выборная кампания 2000-го. Массовая стихийная поддержка Путина - и соответственно, представляемых им государственных начал. Все. Процесс завершился, "открутив назад" все вехи и этапы входа в состояние давней катастрофы. И получается, что Россия уже вышла в свое нормальное историческое русло. В то, в котором должна была бы развиваться, не скатись она в революционную пропасть. Вышла совершенно больная, ослабленная, с подорванной экономикой и хозяйством, по уши в долгах - но вышла.

Разумеется, полной реставрации прежней России не произошло и произойти не могло. Не могло произойти реанимации разрушенной некогда монархической системы. Не могло произойти восстановления традиционной для дореволюционных времен патриархальной формулы "Бог-Царь-Отечество" - ее действие уже к началу века ослабело, и она так или иначе должна была трансформироваться и обновиться в меняющихся условиях нашего столетия. Нужно учитывать и то, что сам по себе исторический путь, проделанный страной в петле антисистемы, не был целиком "холостым ходом", он имел и поступательную составляющую. Силовые импульсы, направляющие и толкающие движение вспять или в тупиковую нишу, действовали, в основном, на начальных этапах коммунистического владычества. Дальше они и сами слабели, выдыхались, и становились менее эффективными по воздействию на народ. Если вернуться к той же модели реки, то по мере сближения "советского русла" с "российским" они шли уже все в большей степени параллельно. И выход на естественный путь развития страны осуществился как бы в другом месте, намного "ниже по течению".

Но некоторые элементы прежней российской триединой формулы проявились и при возрождении России нынешней. Началось восстановление государственно-патриотических и национально-патриотических начал, о чем речь пойдет ниже. Страна получила сильную власть, демократическую по формам, но более жесткую, чем западные модели. Что диктовалось, кстати, не столько "русской психологией" или "русской потребностью", а вполне объективной необходимостью - потому что в любом государстве только сильная власть может преодолеть хаос и анархию. И когда речь идет не о России, никем это не оспаривается и признается само собой разумеющимся. Скажем, де Голль в 1958 г. сумел вывести страну из грандиозного кризиса и предотвратить революционный взрыв только тем, что усилил единовластие и по конституции Пятой Республики ввел фактически диктатуру президента. Но никто на Западе его за это не осуждает - наоборот, признают его действия вполне целесообразными, а то и единственно возможными в сложившейся тогда ситуации.

Говоря о возврате страны на свой традиционный путь развития, можно вспомнить и тот факт, что Путин стал первым после Николая II правителем, который, принимая на себя бремя высшей государственной власти, испросил благословения церкви. Да ведь, кстати, и само свержение Николая II в точке "выхода из петли" тоже в обратную сторону отыгралось. Только не на земном, а на духовном и символическом уровне - в виде его канонизации.

Но конечно, было бы крайне наивным, да и ошибочным строить иллюзии о некой прямой, непосредственной преемственности от дореволюционной России к сегодняшней. Пожалуй, так могли думать только некоторые молодые энтузиасты в азарте и горячке борьбы 1988-91 гг. - мол, достаточно

"отменить коммунизм", и автоматически восстановится прежняя Российская держава. Но можно ли напрочь вычеркнуть из истории, несколько десятилетий нашего прошлого? Реально ли это было бы? Да и с моральной точки зрения как раз вот это было бы чисто побольшевицки, по-"павликоморозовски", перечеркнуть прошлое и отречься от него, чего бы там больше ни было с нашей точки зрения, плохого или хорошего. Именно таким образом и старались действовать коммунисты в первое десятилетие своей власти, оборвав историческую традицию. А советское прошлое - оно тоже наше, российское, вместе со всеми отрицательными, но и вместе со всеми положительными чертами.

Да ведь и россияне теперь другие, очень сильно отличающиеся от россиян начала века. И пытаться механически прилагать к ним стереотипы далекого прошлого или их к этим стереотипам было бы бессмысленно. Нас лепили и формировали не факторы "серебряного века русской культуры", а кого сороковые, кого - пятидесятые, шестидесятые, восьмидесятые, девяностые со своими плюсами и минусами, достоинствами и недостатками, проблемами и особенностями. Поэтому компромиссное решение в государственной символике прежние герб и флаг в сочетании с советской мелодией гимна лично я считаю правильным. Не из-за того, как это пытаются порой объяснить, что "при царе тоже было плохое", а при советской власти "было и много хорошего". По другим причинам. Гимн Александрова вовсе не был связан с отрицанием и разрушением моральных, национальных и государственных ценностей прежней России - наоборот, он в свое время сменил в качестве гимна партийный "Интернационал" и соответствовал уже периоду укрепления "советско-российской" государственности. А

разве подлежит какому-то сомнению преемственность нынешней нашей государственности с этим периодом?

Есть и еще одна тонкость. Традиции восприятия зрительных геральдических символов, образов и цветов, каковыми являются герб и флаг, остаются при смене поколений все же весьма устойчивыми. Скажем, орел еще в глубокой древности у всех народов индоарийской семьи, и у греков, и у германцев, и у индусов - и в частности, у славян, почитался как птица верховных богов, олицетворение высшей власти. Эта устойчивость проявлялась и в фольклоре, и чуть ли не на подсознательном уровне - не только в дореволюционные, но и в советские времена, независимо от идеологии, человека величали "орлом" за доблесть, мужество, выдающиеся заслуги. А российский триколор, стоило ему впервые появиться на митингах и демонстрациях, очень быстро завоевал популярность даже среди тех, кто и не задумывался о символике, в давнее время придававшейся его цветам. Значит в том числе - и просто по душе пришлось такое сочетание.

А вот музыкальная традиция такой устойчивостью не обладает. Потому что музыка действует на эмоции - а степень и возможность этого воздействия зависят от конкретных особенностей психологии слушателя, его менталитета, характера, душевного склада. А со временем эти особенности меняются. Мы можем уважать старинную музыку, можем ею восхищаться, ценить ее - но при этом она все равно остается для нас более далекой и сложной для восприятия (а тем более, для массового восприятия), чем современная. Поскольку и она, в свою очередь, нацеливалась на эмоциональный и психологический склад своих современников. И не удивительно, что мелодии "Боже, царя храни" или "Патриотической песни" Глинки не кажутся современным россиянам чем-то "своим", родным и близким - ведь и собственное "я" нынешних россиян

формировалось в совсем другое время, в совсем других условиях. В тех, где оптимальной (или близкой к оптимальной) для восприятия и для создания того душевного настроя, который должно вызывать исполнение гимна, оказывалась мелодия Александра. Так что и тут все закономерно получается.

Конечно, чтобы символика выхода России из "мертвой петли" антисистемы выглядела более полной, наверное, следовало бы и закопать где-нибудь труп главного идеолога и создателя этой антисистемы. Хотя кто знает, может это просто земля русская его не принимает? Тело самозванца Лжедмитрия I, обманом обольстившего страну и приведшего на нее поляков, было выброшено на всеобщее обозрение и валялось на Красной площади без погребения три дня. Тело Ленина точно так же и там же выставлено на всеобщее обозрение и остается без погребения уже более семидесяти лет. Но ведь и степень их вины перед Россией несоизмерима...

5. Слон, которого не заметили

Многочисленная армия компетентных экспертов, как наших, так и зарубежных, занятых оценкой и разбором современных событий - политологи и социологи, аналитики и обозреватели средств массовой информации, самозабвенно увлекающиеся играми рейтингов и коалиционных партийных раскладов, собственных прогнозов и теоретических построений вокруг каждого случайного высказывания представителей "политической элиты", ухитрились при этом проскочить мимо одного знаменательного явления. Может и впрямь не так уж и заметного на первый, поверхностный взгляд. Недостаточно наглядного и неудобного для приложения каких-либо количественных или качественных оценок. Но по сути куда более весомого, чем все высказывания и рейтинги. Ряд фактов позволяет однозначно утверждать, что где-

то в период 1997-99 гг. изменился сам менталитет россиян. Или может, еще не менталитет как таковой, но "вектор" этого менталитета повернулся от инертного постсоветского "пофигизма" к национальному и государственному самоосознанию - тому самому, когда рядовому гражданину становится "за державу обидно".

После периода шока и апатии, равнодушия и потребительского эгоцентризма, когда даже гражданство оказывалось случайным, зависящим от штампа прописки в паспорте на момент распада СССР, и отношение к себе самому и своей стране определялось порой скептической формулой "это тот хлев, где я вынужден прозябать", люди снова осознали себя "русскими", то есть принадлежащими к единой общности российского государства - каким бы больным оно ни было, но своего, и никому на самом деле не нужного, кроме нас самих.

Причины для этого, очевидно, наложились различные. И психологические, и экономические, и политические. Стал проходить шок от внутренних потрясений и крутых поворотов. Миновало ошеломление новизной, хлынувшей в нашу жизнь, начиная с периода перестройки. Сыграл свою роль и кризис 98-го - кстати, по большому счету, наверное, полезный для нашей страны, поскольку освободил ее от иждивенческих иллюзий и показал, что рассчитывать нужно на свои, внутренние силы, а заодно и открыл путь на прилавки отечественным товарам. Сказались и бомбардировки Югославии, излечившие людей от стихийного западничества и наглядно продемонстрировавшие, что не такие уж добренькие, искренние и бескорыстные наши закордонные демократические "друзья", как это порой представлялось. И события вокруг Чечни, давшие каждому почувствовать, что "государственные интересы" - вовсе не пустая абстракция, поскольку

являются и собственными интересами любого гражданина. А мощная негативная реакция Запада вызвала интуитивное душевное противодействие столь вопиющей несправедливости...

Впрочем, пожалуй, далеко не все тут можно "разложить по полочкам". Изменение менталитета, переориентация системы ценностей - вопрос очень сложный и комплексный, где оказываются взаимосвязанными множество факторов. Тем более, речь идет не о сознании того или иного отдельного гражданина, которое, может, и вовсе не изменилось - он как был, так и остался убежденным коммунистом или наоборот, демократом - а о неких обобщенных величинах, для оценки которых ни методик, ни четких критериев попросту не существует. Но тот факт, что подобное явление в России все же произошло, и что оно имеет не субъективный, а объективный, широкий характер, я попробую показать на примерах самого различного уровня. И начну "от меньшего к большему".

Вот, казалось бы, совсем мелочь. В предыдущей части я упоминал о чрезвычайном распространении в 70-80-х гг. всевозможных студенческих, неформальных, андеграундных клубов, театров, творческих объединений - как одной из немногих доступных в те времена форм самовыражения молодежи. А чувство духовного голода, сопутствующее тогда всей советской действительности, привлекало к ним повышенное внимание публики, все мероприятия подобных коллективов проходили с полным аншлагом - окольными путями, через знакомых билеты добывали, различные лазейки выискивали. В период перестройки наблюдался настоящий взрыв подобного творчества, различные андеграундные коллективы расплодились в невероятном количестве, но... тут же почти все и полопались. Вовсе не из-за проблем финансирования, они тогда еще особой роли не играли. А просто

ситуация создалась парадоксальная - с одной стороны, становилось "все можно", поднимались прежде закрытые темы и осваивались прежде недоступные формы, пробивали себе дорогу новые таланты, творческие группы и "тусовки". Но с другой стороны все-это оказывалось никому не нужным.

На человека хлынуло извне слишком много другого нового. Стали вдруг доступными видео, компьютерные игры, незнакомые ранее, фильмы, книги, накопленный за рубежом багаж массовой культуры. И на подобном фоне любые ростки собственного, оригинального творчества, поневоле забивались, воспринимались чем-то кустарным и доморощенным, уже не заслуживающим внимания. Помнится, даже блестящий международный фестиваль андеграундных театров, организованный в мае 1989 г. в Ленинграде, проходил при совершенно пустом зале - несмотря на свободный вход и расклеенные по всему городу объявления, на спектаклях присутствовало человек по 10-15, да и то, в основном, знакомые выступающих. Но чему уж тут удивляться, если и в лучшие, традиционно-престижные при социализме театры, народ в эти годы тоже ходить перестал - казалось, что при новых возможностях можно полнее и полезнее время провести. Ну а о каких-то студенческих вечерах или капустниках и говорить нечего - подобные мероприятия и вовсе приказали долго жить, как никого не интересующие. А для поколения студентов, пришедшего в начале 90-х и разочаровавшегося даже в "политике", вообще единственным достойным увлечением стал почитаться "бизнес", и сам вузовский корпорантский дух, традиционный для студенчества во все времена, был отброшен за ненадобностью - за компанию с комсомольской заорганизованностью.

И вот для сравнения, довелось мне посетить нашу "альма матер" в 98-м, когда старые товарищи по

творчеству похвастались, что сумели набрать энтузиастов из нынешних студентов и восстановить наш былой коллектив. Признаюсь - поначалу глазам не поверил. Публика ломит валом, зал - под завязку, похлеще всяких "времен застоя". И несмотря на довольно слабую "самодеятельность" - единодушная и крайне активная поддержка зрителей, чуть ли не на уровне спартаковских болельщиков. Только лишь из-за того, что актеры и авторы - свои. И их творчество - свое, "родное". Просто пришло в активную жизнь новое поколение молодежи. Тоже, кстати, отнюдь не чуждающееся собственного "бизнеса" - причем осваивающее это поприще куда более грамотно и умело, чем их предшественники. Но налицо и возрождение, так сказать, "местного патриотизма", духа коллективизма. И смещение системы ценностей от пассивного впитывания и отражения внешних воздействий к поиску собственных, нестандартных форм душевного самовыражения.

Нечто подобное можно наблюдать и на более широком уровне. Народ, грубо говоря, "обожрался чужого", выплеснувшегося на него в конце 80 - начале 90-х. Что-то из этого чужого в культурной сфере прилепилось, вросло, адаптировалось на нашей почве, заполнив пустовавшие при социализме ниши. Что-то в наших условиях оказалось мертворожденным и не прижилось. Что-то еще существует и поддерживается, несмотря на явную метрворожденность. Но факт тот, что от еще недавно неоспоримых приоритетов зарубежного искусства в людях вновь пробудилась тяга к "нашему", своему родному - а не наносному. Книги отечественных авторов стали пользоваться большим спросом, чем закордонных, за которыми шла охота лет 6-7 назад. И даже в области массовой культуры свои "менты" оказываются теперь куда более популярными, чем стандартизированные американские полисмены. Уж

наверное не из-за того, что это какие-нибудь сверхшедевры, а опять лишь из-за того, что "свои".

Другое, и наверное, гораздо более наглядное направление, в котором видны изменения, произошедшие в сознании россиян - это отношение к армии. Фактор, между прочим, весьма показательный - как свидетельствует история, развалу любой государственной системы, от упадка Римской империи и до разрушения России в 1917-м, закономерно сопутствовало пренебрежение народа к собственным вооруженным силам. И поскольку автору этих строк самому довелось служить в перестроенные и первые постсоветские времена, тогдашнее "среднестатистическое" отношение к военным знакомо не понаслышке. В конце 80-х оно доходило до того, что директивами командования официально разрешалось (а неофициально - рекомендовалось) на службу и обратно ходить в штатском, переодеваясь в форму лишь на территории части. Иначе слишком легко было нарваться на конфликт с какими-нибудь "политизировавшимися" подростками. Можно было в качестве "представителя государства" стать объектом приставаний пьяного, недовольного этим государством, или в том же качестве выслушать поток оскорблений от какой-нибудь бабки, не сумевшей в очередях отоварить свои талоны.

А после победы демократии ситуация еще более усугубилась. Тут уж и западные державы стали "закадычными друзьями", и общество всерьез сочло, что раз мы никому не угрожаем, то и нам теперь никто не должен угрожать, так что армия стала выглядеть вообще дармоедами на шее налогоплательщиков. Плюс масса негативных фактов из военной среды, вскрывшихся с обретением свободы слова... Поэтому в Первую Чеченскую кампанию сепаратисты выиграли информационную войну не только из-за того, что она

щедро оплачивалась. И не только из-за того, что авторитеты зарубежных мнений считались в тот период непререкаемыми в отечественной журналистике. Победа террористов в информационной войне была целиком обусловлена тем, что их информация четко ложилась в русло тогдашних представлений об армии у самих россиян. В массовом сознании военные и были такими карикатурными, как их изображали и недоброжелатели, и слепо вторящие недоброжелателям "независимые" журналисты. Поэтому им и верили.

Что же касается "государственных интересов", то вспомните-ка, положив руку на сердце, вызвали ли Хасавюртовские соглашения 1996 года у людей сколь-нибудь заметное возмущение, чувство национального оскорбления? Нет, куда там. Скорее, невысказанное облегчение - Чечня, мол, с возу, России спокойнее. А вот бомбардировки Югославии стихийный народный протест уже вызвали, и нешуточный - хотя казалось бы, до "чужой" Югославии нам куда меньше дела, чем до "своего" Кавказа, да и с потребительской точки зрения поддакивать американцам выглядело сподручнее. Значит, в сознании уже что-то изменилось.

И особенно заметным этот сдвиг стал во Второй Чеченской кампании. Тут уж явно обозначилась общенародная поддержка и сопереживание своей армии. А относительно информационной войны, то разве не пытались ее развязать по старому, уже опробованному сценарию? Любой здравомыслящий человек без труда мог различить целенаправленные "заказные" атаки на некоторых телеканалах. И ожили те же самые "правозащитники" со странными привычками не замечать резню и теракты против русских, но раздражаться бурными протестами, как только прижимают хвост боевикам. Словом, все то же

самое - а уже не получилось. Не сработало. Потому что в струю общего настроения перестало попадать.

А относительно самого этого настроения, можно вспомнить неожиданный скандал, случившийся, если не ошибаюсь, в 99-м и попавший в телепередачи когда на каком-то мероприятии, организованном "Комитетом солдатских матерей", родители воюющих солдат возмущенно ринулись выяснять, что же это, мол, за "матери", по какому праву и на какие средства они копают против операции в Чечне, а стало быть и против их сыновей. Впрочем, оговорюсь, что в данном случае я далек от того, чтобы в чем-либо обвинять или подозревать названную организацию, а пример этот привел лишь из-за того, что он очень красноречиво иллюстрирует изменение отношения к армии и выполняемым ею задачам - возможно ли было подобное поведение родителей военнослужащих, попавших в "горячую точку", где-нибудь в 1995-96 гг.? Вот уж вряд ли.

Да только ведь и сама армия изменилась! Конечно, не в материально-техническом плане - тут в кризисное время могло ли что-нибудь добавиться, кроме новых проблем? А дух - изменился. Мыслимо ли было несколькими годами раньше, чтобы дембель с вышедшим сроком стремился добровольно задержаться в части - "довоевать"? И чтобы раненый старался вернуться в строй, потому что там его боевые друзья? Потому что он уже имеет опыт, а зеленый новичок, что придет на его место - нет, и имеет больше шансов глупо погибнуть? Не хочу огульно подгонять под одну гребенку всех солдат и все части - но в тех, с которыми довелось соприкоснуться автору, любому бойцу, если бы он в 80 - начале 90-х высказал такое рвение, сами же его товарищи поставили бы диагноз психического отклонения. Или решили бы, что он преднамеренно "на дурку косит".

Да и в командных эшелонах разве не видны изменения? Генерал погибает, поднимая солдат в атаку. И причем сознательно готовит себя к возможному подвигу, перед отъездом в Чечню принимая крещение. Офицер вызывает огонь на себя... Впрочем, в армии ведь и серьезный "естественный отбор" произошел. Когда она оказалась в полном загоне, в отвратительных материальных и бытовых условиях, корыстолюбцы и карьеристы, засорявшие прежде командный состав, уж конечно же, предпочли разбежаться в более "теплые" и перспективные места. А оставались, несмотря на все трудности, именно военные по призванию. Искренне и честно воспринимающие, что "есть такая профессия - Родину защищать". И среди солдат отбор произошел - причем не только среди контрактников. Потому что при современных широчайших возможностях закосить и уклониться от призыва в строю оказались те, кто сознательно, а то и подсознательно считал, что должен отслужить.

Об изменении общественного менталитета красноречиво свидетельствует и то, с каким напряженным вниманием вся страна следила за трагедией подлодки "Курск", как глубоко переживала эту трагедию - воспринимая гибель моряков именно как потерю "своих", российских, близких каждому человеку. А теперь обратимся все к тем же временам конца 80-начала 90-х. Не напоказ, а честно, для самих себя, попробуем вспомнить аналогичные трагедии. Пожалуй, что и не получится, а если и получится, то с большим трудом. Хотя и корабли тонули, и самолеты разбивались, и стихийные бедствия происходили. И уже не скрывали их - в средствах массовой информации наоборот, на первое место выносили. Но основную массу граждан затрагивало это не слишком-то и глубоко, разве что вскользь. И воспринималось не как

общенародное бедствие, касающееся лично каждого, а как очередной случай, подтверждающий, что в нашей стране иначе и быть не может.

Наконец, коснемся и сферы политики. Тут довольно наглядными иллюстрациями изменений массового сознания и самой общественной системы ценностей стали результаты парламентских и президентских выборов 1999-2000 гг. С этой точки зрения находит, например, четкое объяснение неудача блока ОВР - казалось бы, занимавшего куда как выигрышные позиции. Вряд ли ее можно целиком списать на "информационные войны". Народ у нас все же не такой глупый. И беспардонные поливы грязью чаще способны вызвать эффект, противоположный желаемому. Возьмем информационные войны против Ельцина в годы перестройки - разве не они способствовали его взлету? А как подсакивала популярность Лебедева, Примакова, Степашина после снятия их с постов и связанных с этим скандалов и обвинений?

Пожалуй, неудача определилась тем, что предвыборная кампания этого объединения строилась на "негативе" - сплошной критике, отвержении и отрицании каких бы то ни было положительных достижений, то есть методами, выигрышными для начала 90-х, и не нашедшими отклика в 99-м. Зато успех ОВР в столице определился не, программным "негативом", а фактическим "позитивом" - здешние жители хорошо знали конкретные дела Лужкова. А для тех партий где "позитива" вообще не просматривалось, вроде "Яблока", итоги оказались еще скромнее. Ну а успех "Единства", а отчасти и СПС; стали возможными как раз благодаря "позитивным" программам - то есть направленным на укрепление государства. И разумеется, благодаря подчеркнутым связям этих организаций с фигурой Путина.

Но здесь встает закономерный вопрос насчет самого "феномена Путина", над которым, помнится, так упорно ломали головы и наши, и зарубежные аналитики. Ведь ясное дело, что факт преемственности его власти от крайне непопулярного Ельцина давал ему отнюдь не преимущества, а наоборот сплошные минусы. При объявлении его очередным "преемником" кто-то из политологов, помнится, даже выдвигал версию, что для повышения рейтинга Борис Николаевич преднамеренно отправит его в отставку где-нибудь по весне, поближе к выборам. А получилось - все наоборот... Вот и пошли строиться гипотезы - почему?

Одни объясняли стремительный рост его популярности влиянием, массированной рекламы. Другие - тем, что народ устал от крутых перемен, а плавный переход от Ельцина к обозначенному им преемнику, дескать, от таких перемен гарантирует. Ну а на Западе и в наших прозападных кругах, разумеется, сразу заговорили о ностальгии русских по "твердой руке" и о том, что наш народ просто соскучился по тоталитаризму. Конечно, при мало-мальски серьезном взгляде ни одна из подобных теорий критики не выдерживает. Скажем, на роль тоталитарного вождя в том же списке кандидатов в президенты нашлись бы и более подходящие фигуры. И не связанные с "антитоталитаристом" Ельциным. А что касается ностальгии по временам "твердой руки", то авторы этих высказываний, видимо, не сочли нужным задуматься, кто у нас вообще может помнить эти времена, кроме старичков-пенсионеров, доживающие свой век? А на памяти следующих поколений была ли она, "твердая рука" - при Брежневе, Андропове, Черненко, Горбачеве? И как же тогда можно о ней ностальгировать?

Отсутствия перемен приход к власти Путина вовсе не гарантировал наоборот, самые первые его шаги еще в качестве премьера связались именно с надеждами на

решительную перемену курса верховной власти. И необходимость таких перемен, видимо, осознал и Ельцин к концу своего правления. Похоже, он и сам начал понимать, что завел страну, мягко говоря, "не туда", куда хотелось и грезилось. Вот только силами что-либо изменить уже не располагал.

Ну а насчет политической рекламы уже отмечалось - российский народ не настолько туп, чтобы безоговорочно ей верить и следовать. Поскольку, в отличие от западной общественности, успел выработать довольно прочный иммунитет на пропаганду в не столь уж давние времена, когда абсолютная монополия на средства массовой информации принадлежала КПСС. Ну и что, разве в итоге это помогло коммунистам? Кстати, и Ельцину в период его президентства постоянная телереклама популярности и народной любви что-то не прибавила. А мощнейшая рекламная кампания, развернутая в предвыборной гонке Явлинским дала ли хоть какую-то ощутимую отдачу? Если и дала, то скорее обратную той, которую желал кандидат. Поэтому разгадка "эффекта Путина" лежит совершенно в другой плоскости. Люди увидели энергичного и делового лидера, способного к восстановлению российской государственности. И в данном случае конкретная личность просто легла "в струю" общих чаяний.

Причем подчеркнем, именно тех чаяний, которые возникли в результате указанного изменения общественного менталитета. И еще в 1996 г. шансов на успех у подобного политического лидера было бы немного. Постсоветская инерция еще действовала вовсю, и лозунги национально-государственного плана воспринимались тогда большинством граждан весьма прохладно и скептически, а любой намек на "сильную власть" блокировался абстрактной боязнью "диктатуры". Различные схемы "сильной власти"

предлагались в тот период и Лебедем, и Зюгановым, и Жириновским, однако народ предпочел Ельцина, причем всего лишь в качестве "наименьшего из зол", при котором все заведомо пойдет на самотек, зато не будет "резких движений", мешающего каждому жить по-своему. И нетрудно вспомнить, что как раз победитель-Ельцин вел в тот раз свою предвыборную кампанию отнюдь не на патриотических, а на сугубо эгоистических чувствах избирателей, соблазняя их картинками персонального благополучия и грядущего потребительского рая.

Фактически на тех же самых чувствах и лозунгах, на которых попытался сыграть Явлинский на выборах 2000 г. Результаты этой кампании уже многократно разбирались и анализировались с разных точек зрения. Каково соотношение "левых", "правых" и "центра", как оно изменилось за четыре года, как распределились голоса по регионам, по категориям населения и т. п. На цифры взглянуть - так вроде, многое и похожим получается. Основным соперником ведущего кандидата снова стал Зюганов, разве что разрыв увеличился, да без второго тура обошлось. Однако есть одно большое "но"...

Ведь если говорить о "преемственности" не в персонально обозначенном смысле, а о преемственности политических программ и лозунгов, то продолжателем линии Ельцина, каковой она выглядела и в 96-м, и, по крайней мере, до 99-го, выступил вовсе не Путин, а Явлинский! И под его "демократические" знамена собрались все, кого эта линия все еще устраивала. И ортодоксы от демократии, отдающие приоритет декларативным правам и свободам перед реальными средствами их обеспечения. И те, кто желал бы сохранить существующее положение в стране, чтобы продолжать ловить рыбку в мутной воде. И явные "антигосударственники". И твердолобые западники. И

лица или группировки, находящиеся в той или иной зависимости от иностранцев. И просто те, кто предпочел достигнутое ими материальное благополучие риску перемены политического курса.

И хотя основными конкурентами по набранным голосам в итоге все равно стали Путин и Зюганов, но как нетрудно вспомнить, главная "интрига выборов", главные предвыборные баталии, так сказать, "битвы за души", развернулись вовсе не между ними, а между Путиным и Явлинским. Поэтому представляется важным и интересным проанализировать результаты с еще одной позиции. 53% избирателей, отдавших голоса Путину - это, условно говоря, "государственники". То есть те, для кого стала очевидной необходимостью возрождения Российской державы и общенародной системы ценностей, укрепления страны и выхода ее из состояния развала и бардака. Но 3% проголосовавших за Жириновского - это тоже "государственники", только с поправкой на лидера. 35% электората, отдавших голоса Зюганову, и около 2% - Тулееву коммунисты. Только ведь по большому счету и это "государственники"! С поправкой идеологического характера, а в значительной части и просто ностальгического, по временам своей молодости, когда и "вода была мокрее", и могучая страна еще не развалилась, не была разворована и не была вынуждена унижаться на международной арене. Итого, при прочих различиях между собой, более 90% получается. Против 6% у Явлинского - условно говоря, "демократов". То бишь тех, кого (опять же при прочих различиях между собой и по разным причинам) дальнейшее ослабление государства и связанные с этим системы ценностей вполне устраивали. А такое соотношение уже очень даже впечатляет. И о повороте общественного менталитета, по-моему, говорит однозначно. В выборных кампаниях 1999-2000 гг. вдруг проявилось

еще одно явление, немыслимое в 1995-96 гг. На выборы, неожиданно для всех политологов и социологов, активно пошла молодежь - что у предыдущего поколения юношей и девушек считалось чуть ли не признаком дурного вкуса, напрасной потерей времени, и уж во всяком случае - просто занудством. А новое поколение вдруг пошло, желая самим, по собственным вкусам формировать жизнь своего государства. И давайте-ка сопоставим - ведь как раз у этого поколения вновь проснулась тяга к духовному самовыражению и самоутверждению. И в студенческой его части возродился утраченный было дух корпорантской общности, чувство единения и товарищества. Да ведь и на Вторую Чеченскую пошли воевать мальчишки из этого же поколения! Так что все взаимосвязано получается. И само это молодое поколение, только что вступившее в самостоятельную жизнь, получается уже не "постсоветским" по своему складу, а полноценным "российским". А раз так, то Россия действительно возрождается.

Библиография

1. Авдеев Н. Революция 1917 года. Хроника событий. М-Пг, Госиздат, 1923.
2. Агабеков Г. Секретный террор. С приложениями А. Колпакиди. М., Современник, 1996.
3. Агурский М. У истоков национал-большевизма. / Минувшее, т. 4, М., Прогресс, 1991.
4. Акшинский В. С. Климент Ефремович Ворошилов. М., Политиздат, 1976.
5. Акулов М. Петров В. 16 ноября 1920 г. М., Мол. Гвардия, 1989.
6. Александров К. К гражданской войне. Содействие, No 1, Вильнюс, 1991.
7. Александрович В. К познанию характера гражданской войны. Белград, 1926.

8. Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях, М., 1969.
9. Алексеев Н. Н. Из воспоминаний. / Архив Русской Революции (АРР), т. 17, М., Терра-Политиздат, 1993.
10. Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М, Странник, 1993.
11. Анский С. После переворота 25 октября 1917 г. / АРР, т. 8, М., Терра-Политиздат, 1991.
12. Антонов-Овсеенко В. А. В революции. М, Госполитиздат, 1957.
13. Арбатов З. Ю. Екатеринослав, 1917-22г. г. / АРР, т. 12, М., Терра-Политиздат, 1991.
14. Ардаматский В. Возмездие. М., 1968.
15. Артемьев В. П. Первая дивизия РОА, Лондон, Онтарио, 1974.
16. Аршинов П. История махновского движения. Запорожье, Дикое Поле, 1995.
17. Асоян Б. Принципы Додо. Иностранная литература No 10, М., 1988.
18. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С-Пб, Всемирное слово, 1992.
19. Бармин А. Соколы Троцкого. М., Современник, 1997.
20. Безыменский Л. Тайный фронт против второго фронта. М., АПН, 1987.
21. Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 1-6. Берлин, 1928.
22. Беляков П. Комсомол на фронтах. М., 1928.
23. Бережков В. М. Рядом со Сталиным. М., Вагриус, 1999.
24. Бережков В. М. С дипломатической миссией в Берлин, 1940-1941 г. г. М, АПН, 1966.
25. Березкин Ю. Е. Инки. Исторический опыт империи. Л., Наука, 1991.
26. Бердяев Н. А. Духи русской революции. Рига, 1990.

27. Бердяев Н. А. Судьба России. М, Изд. МГУ, 1990.
28. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1990.
29. Берия С. Мой отец - Лаврентий Берия. М., Современник, 1994.
30. Бернштейн Э. Германская революция. Берлин-Дрезден, Восток, 1927.
31. Берштам М. Стороны в гражданской войне 1917-1922 гг. М, 1992.
32. Беседовский Г. На путях к термидору. М., Современник, 1997.
33. Бобринев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. М., Воениздат, 1993.
34. Бобылев П. Н. На защите Советской республики. М, Наука, 1981.
35. Богденко М. Л. К истории начального этапа сплошной коллективизации. / Вопросы истории, No 5, 1963.
36. Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., Наука, 1965.
37. Борисов О. Б., Колпаков Б. Г. Советско-китайские отношения, М., 1972.
38. Бройде С. и М. Ярославский мятеж. М, Госюриздат, 1930.
39. Бруновский В. Дело было в СССР. /АРР, т. 19, М, Терра-Политиздат, 1993.
40. Будберг А. Дневник. / АРР, т. 12-15, М., Терра-Политиздат, 1991.
41. Бузин Д. С. Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура, М-Пг, 1923.
42. Бурсенев Ю., Хрусталеv В., Гибель императорского дома. М., Прогресс, 1992.
43. Быстролетов Д. Путешествие на край ночи. М., Современник, 1996.
44. Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1974.

45. Василевский И. М. Белые мемуары. Пг, 1923.
46. Василевский А. Бред разведок, ужас Чрезвычайки. Лит. обозрение No 12, М., 1989 г.
47. В годы гражданской войны. Сборник документов и материалов. Иваново, 1957.
48. Ветошкин М. К. Революция и гражданская война на Севере. Вологда, 1927.
49. В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922г. г.). М., Политиздат, 1987.
50. Виткинд Н. Я. Материалы к библиографии истории гражданской войны на Советском Востоке. М, 1934.
51. Виллиам Т. Побежденные. АРР, т. 7, М., Terra-Политиздат, 1991.
52. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1-9, М., 1978.
53. Владимир Ильич Ленин. Биография. М., Политиздат, 1972.
54. Владимиров В. В. Особый район Китая. М., АПН, 1973.
55. Волков А., Славин С. Адмирал Канарис - "Железный" адмирал. Смоленск, Русич, 1998.
56. Воронов С. Петроград-Вятка в 1919-20 г. г. / АРР, т. 1, М., Terra-Политиздат, 1991.
57. Воронович Н. Меж двух огней. Документы к воспоминаниям Вороновича. АРР, т. 7, М., Terra-Политиздат, 1991.
58. Воронцов Ю. Операция "Брейнуошинг", М., Молодая гвардия, 1971.
59. Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина. Комментарии полк. Э. П. Шарапова, М., Современник, 1997.
60. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля, ч. 1-2, М, Terra, 1992.
61. Воспоминания о В. И. Ленине в 5 томах. М., Политиздат, 1979.

62. Врангель М. Д. Моя жизнь в коммунистическом раю. АРР, т. 4, М., Terra-Политиздат, 1991.
63. Всемирная история, т. 20-22, Минск, 1997.
64. Выстрел в сердце революции. Под ред. Н. Д. Костина. М., Политиздат, 1983.
65. Геббельс И. Последние записи. Смоленск, Русич, 1993.
66. Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, Русич, 1996.
67. Гиляровский В. А. На жизненной дороге. Вологодское книжное издательство, 1959.
68. Гиляровский В. А. Мои скитания. Люди театра. М., Правда, 1987.
69. Гол инков Д. Г. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925 гг.) М, Политиздат, 1975.
70. Гольденвейзер А. А. Бегство. / АРР, т. 12, М., Terra-Политиздат, 1991.
71. Гольденвейзер А. А. Из Киевских воспоминаний. / АРР, т. 6, М., Terra-Политиздат, 1991.
72. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. 1917-1987. М., Политиздат, 1987.
73. Гордеев А. А. История казаков, т. 5., М., Страстной бульвар, 1993.
74. Горький М. Несвоевременные мысли. М., Сов. писатель, 1990.
75. Гражданская война в СССР. В 2-х т. М., 1986.
76. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.
77. Гражданская война на Украине. 1918-1920 г. г., т. 1-3. Киев, 1967.
78. Григоренко П. Г. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, 1981.
79. Грей Я. Сталин - личность в истории. М., Интердайдест, 1995.

80. Громыко А. А. Памятное, т. 1-2, М., Политиздат, 1988.
81. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, Русич, 1998.
82. Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия. М., 1958.
83. Гуль Р. Дзержинский. М., Молодая гвардия, 1992.
84. Гуль Р. Красные маршалы. М., Молодая гвардия, 1990.
85. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь, М., Мысль, 1989.
86. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., Экспрос, 1992.
87. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, Азернешр, 1991.
88. Гумилев Л. Н. Этносы и антиэтносы. Звезда NoNo 1-3, М.:, 1990.
89. Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Нью-Йорк, Посев, 1985.
90. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России, XX век. М., Просвещение, 1995.
91. Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. /АРР, т. 14, 16, М., Terra-Политиздат, 1993.
92. Деларю Ж., История гестапо. Смоленск, Русич, 1993.
93. Дело Бориса Савинкова. М, Госиздат, 1924.
94. Деникин А. И. Очерки русской смуты. / Вопросы Истории, 1990-1994г. г.
95. Деникин А. И., фон Лампе А. А. Трагедия Белой Армии. М, Тритэ-Рос. Архив. 1991.
96. Деникин-Юденич-Врангель. Мемуары. М-Л, 1927.
97. Денисов С. В. Белая Россия. СПб, Нева-Ладога-Онега, 1991.
98. Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в 2-х т. М., 1977.

99. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922г. г.) Сборник документов в 4-х томах. М., 1972.

100. Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. М, Скифы, 1991.

101. Дневник и воспоминания киевской студентки. / АРР, т. 15, М., Terra-Политиздат, 1993.

102. Добровольский С. Борьба за возрождение России в северной области. / АРР, т. 3, М., Terra-Политиздат, 1991.

103. Доклад начальнику операционного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 г. / АРР, т. 1, М., Terra-Политиздат, 1991.

104. Доклад Центрального Комитета Российского Красного Креста о деятельности Чрезвычайной Комиссии в Киеве. / АРР, т. 6, М., Terra-Политиздат, 1991.

105. Документы к "Воспоминаниям" ген. Лукомского. АРР, т. 3, М., Terra-Политиздат, 1991.

106. Долг и отвага. Рассказы о дипкурьерах. М., Политиздат, 1988.

107. Донской Р., От Москвы до Берлина в 1920 г. / АРР, т. 1-4, М., Terra-Политиздат, 1991.

108. Доценко В. Д. Каталог орденов и знаков отличия Белого Движения и русской военной эмиграции. СПб, Петрополис, 1992.

109. Душенькин В. В. От солдата до маршала. М., Политиздат, 1966.

110. Дыбенко П. Революционные балтийцы. М., 1959.

111. Дымов З. А. Мои дорогие друзья. М., Политиздат, 1985.

112. Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. М., Сов. Россия, 1992.

113. Е-ва С., Строители земного рая. / АРР, т. 20, М., Terra-Политиздат, 1993.

114. Ельцин Б. Н. Записки президента. М., Огонек, 1994.

115. Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., Огонек-вариант, 1990.

116. Ершов В. Похищение генерала Кутепова. / Вечерняя Рязань No 69, I 1993.

117. Журнал заседания совета министров Крымского краевого правительства. / АРР, т. 2, М., Терра-Политиздат, 1991.

118. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1-2, М., АПН, 1974. I 119. Жуков Ю. Отравители. Полемические заметки о буржуазной идеологии и пропаганде. М., Молодая гвардия, 1975.

120. Зеленин Н. И. Решающие успехи колхозного движения в период сплошной коллективизации, / История СССР No 4, 1980.

121. Зенькович Н., Вожди на мушке. Минск, Польша, 1996.

122. Знаменский А., Красные дни. Роман-газета No 1-2, 1989.

123. Зубов А. Б. Сорок дней или сорок лет?/ Новый Мир No 5, М., 1999.

124. Зубов А. Б. Обращение к русскому национальному правопорядку как нравственная необходимость и политическая цель. М., Фирма Группа Гросс, 1997.

125. Иваницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972.

126. Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М, Политиздат, 1975.

127. Игнатъев В. И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. М, Госиздат, 1922.

128. Игреньев Г. Екатеринославские воспоминания. / АРР, т. 3, М., Терра-с Политиздат, 1991.

129. Из секретного доклада о причинах неудачи борьбы с большевиками г на Северо-Западном фронте. /

АРР, т. 2, М., Терра-Политиздат, 1991.

130. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М, Госполитиздат, 1949.

131. Иоффе Г. З. Белое дело. М, Наука, 1989.

132. Иоффе Г. Э. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.

133. История внешней политики СССР, т. 1, 1917-1945, М., 1976.

134. История гражданской войны в СССР. В 5 томах. М., 1960.

135. История России, XX век. Под ред. В. П. Дмитренко, М., АСТ, 1996.

136. Каганович Л. Памятные записки, М., Вагриус, 1996.

137. Калинин М. И. Избранные произведения, М., Политиздат, 1975.

138. Карийский Н. Эпизод из эвакуации Новороссийска. / АРР, т. 12, М., Терра-Политиздат, 1991.

139. Карин С. В стане врага / Особое задание. Воспоминания ветеранов чекистов. М., Московский рабочий, 1988.

140. Карпов В. Маршал Жуков. М., Вече, 1994.

141. Карпов В. Маршал Жуков. Опала. М., Вече, 1994.

142. Карпов В. Жуков на фронтах Великой войны. М., Вече, 1996.

143. Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917-1923гг. т 1-2, М, Прогресс, 1990.

144. Карышев М. Последние дни бункера / Неотвратимое возмездие, М., Воениздат, 1979.

145. Катаев В. Уже написан Вертер /Алмазный мой венец, М., ДЭМ, 1990.

146. Квашнина-Самарина М. Н. В красном Крыму. Примечания Л. Краф-та. / Минувшее, т. 1, М., Прогресс, 1990.

147. Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917-1921 гг. Париж, 1985.

148. Кемпка Э. Я сжег Адольфа Гитлера. М., Раритет, 1991.

149. Керенский А. Ф. На историческом переломе. М., Прогресс, 1991.

150. Киселев К. В. Записки советского дипломата. М., Политиздат, 1974.

151. Клиндер А. Советская каторга. / АРР, т. 19, М., Терра-Политиздат, 1993.

152. Кобяков С. Красный суд. / АРР, т. 7, М., Терра-Политиздат, 1991.

153. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970), Париж, 1971.

154. Кожинов В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., Чарли, 1997.

155. Кожинов В. Победы и беды России. М., Алгоритм, 2000.

156. Колесников М. Таким был Рихард Зорге. М., Воениздат, 1965.

157. Колосовский-Ковшик П. Террористам скрыться не удалось / Особое задание. Воспоминания ветеранов чекистов. М., Московский рабочий, 1988.

158. Комин В. В. Белая эмиграция и Вторая Мировая война. Калинин, 1979.

159. Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977.

160. Комин В. В. Нестор Махно. М, Моск. Рабочий, 1990.

161. Кондратьев Н. Д. Маршал Блюхер. М., 1965.

162. Кондрашов С. Американцы в Америке. М., Известия, 1970.

163. Коржаков А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., Интербук, 1997.

164. Костев Я. Это было под Псковом. Герои и подвиги. М., Воениздат, 1963.
165. Костин Н. Д. Суд над террором. М., Моск. Рабочий. 1990.
166. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1-2, М., 1970.
167. Красная книга ВЧК. М., Госиздат, 1920.
168. Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917-20 гг. АРР, т. 8-11, М., Terra-Политиздат, 1991.
169. Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. АРР, т. 5, М., Terra-Политиздат, 1991.
170. Кредер А. А. Новейшая история зарубежных стран. М., Центр гум. образования, 1998.
171. Крикман Я. Враг не ушел от расплаты. Особое задание. Воспоминания ветеранов чекистов. М., Московский рабочий, 1988.
172. Критский Н. Красная армия на Южном фронте. АРР, т. 18, М., Terra-Политиздат, 1993.
173. Кромиади К. Г. За землю и волю. Сан-Франциско, 1980.
174. Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М., Политиздат, 1972.
175. Ксенофонтов И. Н. Выход Советской России из империалистической войны. М., Знание, 1989.
176. Кубка Ф. Мюнхен. М., Воениздат, 1981.
177. Куликов Н. Г. Честь и достоинство русского имени, М., 1973.
178. Кулиш В. М. История второго фронта. М., Наука, 1971.
179. Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Челышев И. А. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., Воениздат, 1988.
180. Ларионов В. А. Последние юнкера. Франкфурт-на-Майне, Посев, 1984.
181. Латышев А. Г. Ленин: первоисточники. М., Март, 1996.

182. Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., Март, 1996.

183. Лацис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920.

184. Лацис М. Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921.

185. Левидов М. К истории союзной интервенции в России. Л, Прибой, 1925.

186. Левинсон А. Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г. /АРР, т. 3, М., Терра-Политиздат, 1991.

187. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, издание 5-е, в 55 томах, М, Политиздат, 1971-1975.

188. Леру Г. Агония царской России. Харьков, 1928.

189. Лехович Д. В. Белые против красных. М., Воскресенье, 1992.

190. Листовки петербургских большевиков. 1902-1917. Л, Госполитиздат, 1939.

191. Лишин Н. Н. На Каспийском море. Прага, 1938.

192. Л. Л. Очерки жизни в Киеве в 1919-20 гг. АРР, т. 3, М., Терра-Политиздат, 1991.

193. Лукомский А. С. Из воспоминаний. АРР, т. 5-6, М., Терра-Политиздат, 1991.

194. Любимов Л. На чужбине, М., 1963.

195. Майбородов В. С французами. АРР, т. 16, М., Терра-Политиздат, 1993.

196. Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде. АРР, т. 8, М., Терра-Политиздат, 1991.

197. Майоров Н. Краснодарский процесс. Неотвратимое возмездие, М., Воениздат, 1979.

198. Максимов С. С. История одного предательства. Неотвратимое возмездие, М., Воениздат, 1979.

199. Максудов С. Дискуссии на Западе о потерях населения в эпоху коллективизации. Минувшее, т. 4, М., Прогресс, 1991.

200. Максудов С. Некоторые документы Смоленского архива о раскулачивании и высылке кулаков. Минувшее,

т. 4, М., Прогресс, 1991.

201. Максудов, Солодов. Начало тридцать седьмого: перепись. Минувшее, т. 1, М., Прогресс, 1991.

202. Марягин Г. Стратег и зодчий. М., Воениздат, 1986.

203. Масси Р. К. Петр Великий. В 3-х т. Смоленск, Русич, 1996.

204. Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986.

205. Махновщина и ее крах. Вопросы истории, No 9, М, 1968.

206. Мейснер Д. И. Миражи и действительность. М, АПН, 1966.

207. Мейснер Д., Исповедь старого эмигранта, М., 1963.

208. Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918-1923. М, 1990.

209. Мельников Д. Е., Черная Л. Б., Преступник номер один. Нацистский режим и его фюрер. М., АПН, 1981.

210. Меморандум Эстонского Правительства Верховному Совету. АРР, т. 3, М., Терра-Политиздат, 1991.

211. Мерецков К. А. На службе народу. М., Воениздат, 1971.

212. Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война. М., Родник, 1994.

213. Микоян А. И. Дорогой борьбы. М., Политиздат, 1971.

214. Милюков П. Н. Воспоминания. М., Политиздат, 1991.

215. Минц И. Английская интервенция и Северная контрреволюция. М-Л, Соц-Эконом. изд., 1931.

216. Мирецкий С. Преступники в фельдмаршальских мундирах. Неотвратимое возмездие, М, Воениздат, 1979.

217. Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, Русич, 1998.

218. Могилянский Н. Н. Трагедия Украины. /АРР, т. 11, М., Терра-Политиздат, 1991.

219. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого, М., Международные отношения, 1986.

220. Морозов С. Б. Заговор против народов России сегодня. М., Алгоритм, 1999.

221. Мяснов Л. Гибель Уральского Казачьего Войска. Нью-Йорк, Всеславянское издат., 1963.

222. Набоков В. Временное Правительство. /АРР, т. 1, М., Терра-Политиздат, 1991.

223. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923.

224. Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М, Политиздат, 1990.

225. Немеркнущие годы. Очерки и воспоминания о красном Петрограде. 1917-1919 г. г., Л., 1957.

226. Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984.

227. Никитин Н. В. Преступный мир и его защитники. М., Современник, 1996.

228. Никольский Н. М. История русской церкви, М., Политиздат, 1988.

229. Никулин Л. Мертвая зыбь. М, 1965.

230. Новая Оппозиция. Л, Прибой, 1926.

231. НТС. Мысль и дело. Франкфурт-на-Майне, 1990.

232. Оболенский П. На чужой стороне, Москва No8, 1965.

233. Образование Северо-Западного правительства. Доклад Карташева, Кузьмича-Караваева и Суворова. АРР, т. 1, М., Терра-Политиздат, 1991.

234. Обращение Тамбовской окружной организации трудового крестьянства к делегации английских рабочих, публикация Ю. Фельштинского. Минувшее, т. 4, М., Прогресс, 1991.

235. Оглашению подлежит, СССР-Германия 1939-1941. Документы и материалы. М., Моск. рабочий, 1991.
236. О голоде. Харьков, Научная мысль, 1922.
237. Октябрьская революция. Мемуары. М, Орбита, 1991.
238. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М., Профиздат, 1990.
239. Описание польского отступления в 1920г. АРР, т. 1, М., Terra-Политиздат, 1991.
240. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений., С-Пб, Всемирное слово, 1991.
241. Орлов Ю. Ф. Опасные мысли. М., АИФ, 1992.
242. Островский Н. А. Собрание сочинений в 3-х томах. Примечания Е. И. Прохорова. М., Мол. Гвардия, 1974.
243. О тех, кто стучался в закрытые двери / Экспресс-Хроника No 31, 1997.
244. От первого лица. М., Патриот, 1990.
245. Отречение Николая Второго. М, Сов. писатель, 1990.
246. Очерк взаимоотношений Вооруженных Сил Юга России и представителей французского командования. / АРР, т. 16, М., Terra-Политиздат, 1993.
247. Павленко П. П. Мартин Борман: "серый кардинал" III рейха. Смоленск, Русич, 1998.
248. Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917-1918) / Минувшее, т. 3-4, М., Прогресс, 1991.
249. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М, Политиздат, 1991.
250. Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом в США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 г. г. в 2-х т., М., Политиздат, 1976.
251. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, Русич, 1993.

252. Письмо генерала Гофа генералу Юденичу. / АРР, т. 1, М., Терра-!, Политиздат, 1991.

253. Пионтковский С. А. Гражданская война в России (1918-1921гг.) Хрестоматия. М, Изд. ком. унив. им. Свердлова, 1925.

254. Повесть Л., Бержье Ж., Утро магов, М., Русский раритет, 1992.

255. По дорогам гражданской войны. Алма-Ата, 1971.

256. По дорогам Китая. Воспоминания. М., Наука, 1989.

257. Полевой Б. В конце концов. /Эти четыре года, т. 2, М., Молодая гвардия, 1974.

258. Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М., Воениздат, 1969.

259. Поляков Н. Савинков перед советским судом. Неотвратимое возмездие, М., Воениздат, 1979.

260. Поляков Ю. А., Шишкин В. А., Мухачев Ю. В., Спирин Л. М., Волков Ф. Д. Антисоветская интервенция и ее крах, М., Политиздат, 1982.

261. Пудин В. "Синдикат-2" /Особое задание. Воспоминания ветеранов чекистов. М., Московский рабочий, 1988.

262. Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., Современник, 1998.

263. Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г! в Петрограде. М, Прогресс, 1989.

264. Равич Н. Молодость века, М., 1982.

265. Радо Ш. Под псевдонимом "Дора". М., Воениздат, 1973.

266. Раззаков Ф. Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917-1991. М, Эксмо, 1997.

267. Рапопорт И. Полтора года в советском главке. АРР, т. 2, М., Терра-Политиздат, 1991.

268. Рапопорт Ю. К. У красных и у белых. АРР, т. 20, М., Terra-Политиздат, 1993.

269. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., Миф, 1993.

270. Революционные латышские стрелки. Рига, 1985.

271. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин, Юденич, Врангель. М, Отечество, 1991.

272. Ржешевский О. А. 1939 год. Урок истории. М., Мысль, 1991.

273. Риббентроп И. Тайная дипломатия III Рейха. Смоленск, Русич, 1999.

274. Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., Госполитиздат, 1958.

275. Родзянко М. В. Государственная Дума и Февральская рефолуция. АРР, т. 6, М., Terra-Политиздат, 1991.

276. Родзянко М. В., Крушение империи. / АРР, т. 17, М., Terra-Политиздат, 1993.

277. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., Воениздат, 1968.

278. Ропшин В. (Б. В. Савинков) Конь вороной. М-Л, Прибой, 1989.

279. Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М, Политиздат, 1991.

280. Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, Посев, 1982.

281. Рошаль Л. Площадь Революции. Киносценарии No 4, М., 1989.

282. Руге В. Как Гитлер пришел к власти. М., Мысль, 1985.

283. Руднев В. В. Махновщина. Харьков, 1928.

284. Рутыч Н. Биографический справочник. М, Регнум-Росс. Архив, 1997.

285. Садуль Ж., Записки о большевистской революции. М., Книга, 1989.

286. Самойлов Е. От белой гвардии - к фашизму. / Неотвратимое возмездие, М., Воениздат, 1979.

287. Самойлов Э. В. Фюреры. Общая теория фашизма. Кн. 1-3, М., СЭЛС, 1992.

288. Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., Молодая Гвардия, 1976.

289. Сегал Д. Сумерки свободы: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917-1918 г. г. Минувшее, т. 3, М., Прогресс, 1991.

290. Селигмен Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., Прогресс, 1976.

291. Семенов Ю. Заговор Локкарта. Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.

292. Серафимович А. С. Собрание сочинений в 4-х томах. М., Правда, 1980.

293. Сергей Миронович Киров. Краткий биографический очерк. М. Госполитиздат, 1938.

294. Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. М., Политиздат, 1991.

295. Сибиряков Н. С. Конец Забайкальского казачьего войска. Примечания Б. Трофимова. / Минувшее, т. 1, М., Прогресс, 1990.

296. Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., АПН, 1989.

297. Симонов К., Сто суток войны. Смоленск, Русич, 1999.

298. Скорцени О. Секретные задания РСХА. / Короли диверсий, М., Прибой, 1997.

299. Смилг-Бенарио М. На советской службе. / АРР, т. 3, М., Terra-Политиздат, 1991.

300. Смирнов Л. И., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., Воениздат, 1978.

301. Советский энциклопедический словарь. М., Сов. энциклопедия, I 1987.

302. Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. Минск, Родиола-плюс, 2000.
303. Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М, Сов. писатель, 1991.
304. Солженицын А. И. Август четырнадцатого. / Звезда, NoNo 1-12, 1990.
305. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Малое собр. соч., т. 5-7, М., Инком НВ, 1991.
306. Солженицын А. И. Март семнадцатого. / Нева, No1-6, Л, 1990.
307. Солженицын А. И. Октябрь шестнадцатого. / Наш современник, No 1-12, М., 1990.
308. Соловьев В., Клепикова Е. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. С-Пб, 1995.
309. Солоухин В. А. При свете дня. М., 1992.
310. Союз меча и доллара. Военно-промышленный комплекс в жизни США. Под ред. А. А. Корниенко, М., Воениздат, 1973.
311. Спирин Л. М. Россия 1917 год. М, Мысль, 1987.
312. Станкевич В. Б. Воспоминания 1914-1919 гг. Л, Прибой, 1926.
313. Стенографический отчет X съезда РКП(б). Пг, Госиздат, 1921.
314. Стишов М. И. История идейно-политического банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий в СССР (1917-1930-е годы), М., 1981.
315. Суворов В. Очищение. М., АСТ, 1998.
316. Суд над Савинковым. Л, Кубуч, 1924.
317. Сухомлин В. Гитлеровцы в Париже. / Новый мир, No 11-12, М., 1965.
318. Титов Ф. Клятвопреступники / Неотвратимое возмездие, М., Воениздат, 1979.
319. Токарев М. В замкнутом круге / Неотвратимое возмездие, М., Воениздат, 1979.
320. Треппер Л. Большая игра, М., Политиздат, 1990.

321. Трифонов И. Я. Из истории борьбы коммунистической партии против 4 сменевеховства, М., История СССР № 3, 1959.

322. Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., II. 1975

323. Троцкий Л. Д. Сталин. М., Интердайджест, 1995.

324. Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923.

325. Трубецкой Е. Н. Из путевых заметок беженца. / АРР, т. 18, М., Terra-Политиздат, 1993.

326. Убийца тов. Войкова перед польским судом. М-Л, Госиздат, 1927. 4 327. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918 г. М-Пг, Госиздат, 1923.

328. Фадеев А. А. Собрание сочинений в 4-х томах, т. 1-2, Историко-литературная справка С. Заики. М., Правда, 1979.

329. Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография под ред. С. К. Цвигуна, А. А. Соловьева и др. М., Политиздат, 1977.

330. Филби К. Моя тайная война. М., Воениздат, 1980. Щ

331. Фокке Д. Д. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. / АРР, т. 19, М., Terra-Политиздат, 1993.

332. Фрейденберг О. М. Осада человека. / Минувшее, т. 3, М., Прогресс, 1991.

333. Фрейтаг фон Лорингофен. Из дневника. / АРР, т. 2, М., Terra-Политиздат, 1991.

334. Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918-1921 гг. Иерусалим, Лексикон, 1987.

335. Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1984.

336. Фурманов Д. А. Сочинения в 2-х томах. Л., 1971.

337. Хомченко В. Они целились в сердце народа. / Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.

338. Ципко А. С. Насилие лжи. М., Молодая гвардия, 1990.

339. Чайкин В. К истории российской революции. М, изд. Гржебина, 1922.

340. Чекисты Башкирии. Под ред. В. Д. Комиссарова и др. Уфа, Башк. книжн. издат., 1967.

341. Чернин О. Брест-Литовск. / АРР, т. 2, М., Терра-Политиздат, 1991.

342. Черчилль У. Вторая Мировая война. Р-н-Д, Феникс, 1997.

343. Чистяков Н. Разгром семеновщины. / Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.

344. Чуднов М. Н. Под черным знаменем. М, Молодая гвардия, 1930.

345. Шалагинов В. Крах атамана Анненкова / Неотвратимое возмездие, М., Воениздат, 1979.

346. Шамбаров В. Е. Балканские выстрелы / Экспресс-Хроника No 25, М., 1999.

347. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М., Алгоритм, 1999.

348. Шамбаров В. Е. Город сдал - город принял / Опасная ставка No 4, М, 1999.

349. Шамбаров В. Е. Июльский мятеж / Опасная ставка No7, М, 1996.

350. Шамбаров В. Е. Кто стрелял? / Вечерняя Рязань No 4, 1992.

351. Шамбаров В. Е. Муркина республика / Опасная ставка No 1, М, 2000.

352. Шамбаров В. Е. Настоящим Штирлицем был... Мюллер / Опасная ставка No 12, 1996.

353. Шамбаров В. Е. Пауки в кремлевской банке / Опасная ставка No 11, М, 1999.

354. Шамбаров В. Е. Путч: страницы из блокнотов / Свободное слово No 32, М., 1991.

355. Шамбаров В. Е. "Русская болезнь" и "американская модель"/ Настоящее No 2, М., 2000.

356. Шамбаров В. Е. Русь: дорога из глубин тысячелетий. М., Алгоритм, 2000.

357. Шамбаров В. Е. Трагедия Прибалтики. / Экспресс-Хроника No29, М, 1998.

358. Шамбаров В. Е. Убийца полководцев. / Опасная ставка No 2, М, 1998.

359. Шелленберг В., Лабиринт, М., Дом Бируни, 1991.

360. Ширер У., Крах нацистской империи. Смоленск, Русич, 1998.

361. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., Мысль, 1986.

362. Шкуро А. Г. Записки белого партизана. М, 1991.

363. Шляпников А. Накануне 1917 года. М, 1920.

364. Шолохов М.А. Тихий Дон. Собр. соч. В 8 томах, т.1-4, М., Правда, 1980.

365. Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск, 1961.

366. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, Русич 1992.

367 Штейнман Ф. Отступление от Одессы. /АРР, т. 2, М., Политиздат, 1991.

368. Штеменко С.Н. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1975.

370. Шульгин В. В. Дни. Л, Прибой, 1927

371. Шульгин В. В. 1920 год. Л, Прибой, 1927.

372. Шульгин В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961 л,

373. Шульгин В. В. Три столицы. Берлин, 1927

374. Эйджи Ф. За кулисами ЦРУ. М., Воениздат, 1979

375. Эрнст Г., Профессиональный антикоммунизм. К истории возникновения. М.,1981.

376. Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. М., 1963.

377. Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1991

378. Якимов А.Т. Дальний Восток в огне борьбы с интервентами и белогвардейцами (1920-1922), М., Наука, 1979.

379. Яковлев А. С. Цель жизни. М., Политиздат, 1970

380. Яковлев Е. Былого слышу шаг. М., Известия, 1985

381. Янин А.И. Второе кулацкое восстание и его ликвидация / Минувшее, т.4. М., Прогресс, 1991.